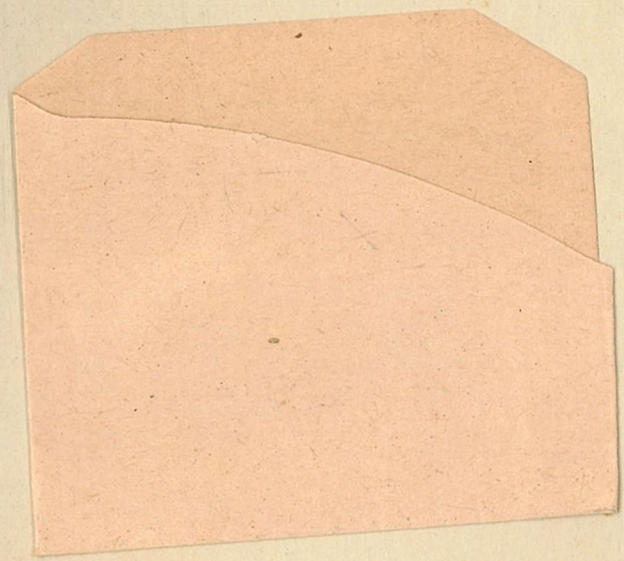
Резерв 2 Ж 8.

№ 11. Ноябрь. 1890 г.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ



НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗЪ БИБЛІОТЕКИ
СП. БУРГСКОЙ
ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ

НОЯБРЬ, 1890

1890
11.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

№ 3985
11.

О ПОДПИСКѢ

НА

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

въ 1891 году.

(ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ).

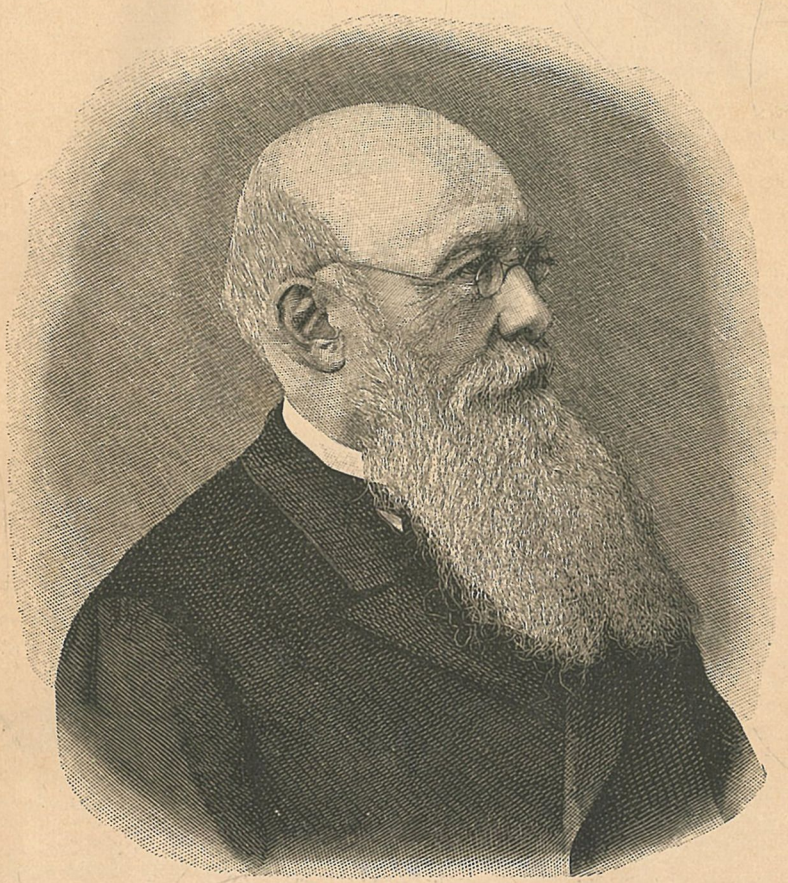
„Историческій Вѣстникъ“ будетъ издаваться **въ 1891 году** на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшіе одиннадцать лѣтъ (1880—1890).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) **десять рублей, съ пересылкой и доставкой на домъ.**

Главная контора „Историческаго Вѣстника“ въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени“** Невскій проспектъ, № 38. Отдѣленія конторы **въ Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ**, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина **„Новаго Времени“.**

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ



АФАНАСІЙ ѲЕДОРОВИЧЪ БЫЧКОВЪ

дозв. ценз., спб. 16 сентября 1890 г.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

№ 11
Державна історична
БІБЛІОТЕКА УРСР
9/05
Ноябрь
ЗВІРЕНО 1961 р.
42160

ПОТРЕВОЖЕННЫЯ ТѢНИ.

Маша — Марѳа.

I.

БЫЛА У МАТУШКИ двоюродная сестра Глафира Николаевна—«тетя Глаша», какъ мы ее звали—дѣвица, по какимъ-то романическимъ причинамъ, однакожъ, вполнѣ цѣломудреннымъ, не вышедшая замужъ. Жила она довольно далеко отъ насъ, верстахъ въ тридцати, въ своемъ имѣніи Пестрядкѣ. Это имѣніе принадлежало сперва не ей одной, а также и брату ея, Василію Николаевичу Коптеву, также почему-то не женившемуся, хотя въ свое время, говорятъ, онъ считался завиднымъ женихомъ, такъ какъ былъ красивъ, отлично танцевалъ мазурку, а, кромѣ того, имѣлъ еще прекрасное состояніе — вотъ эту Пестрядку вмѣстѣ съ сестрой, «тетей Глашей», и лѣсъ, что въ нашей степной сторонѣ и тогда было большой рѣдкостью, а стало быть и цѣнностью.

Но «дядя Вася» умеръ, когда я былъ еще совсѣмъ маленькимъ, и я едва его помню. У меня остались въ памяти только его огромные усы и большіе черные смѣющіеся глаза, да помню я еще какъ онъ игралъ на «семиструнной» гитарѣ—почему семиструнной—не знаю—и при этомъ пѣлъ и такъ жалостно, съ душой, что у насъ всѣ горничныя бывало приходили слушать его къ дверямъ и плакали, смотря на него сквозь щелку.

Это послѣднее обстоятельство, впрочемъ, я не столько помню самъ, какъ запомнилъ разсказы объ этомъ нянекъ и горничныхъ,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

которыя его постоянно, когда онъ бывалъ у насъ, слушали, и долго и потомъ, послѣ его странной и внезапной кончины, все не могли забыть ни его «семиструнную» гитару, ни его самого.

Дядя Вася, кажется, пилъ—на это есть указаніе, сохранившееся въ разсказахъ объ немъ, объ его добротѣ, щедрости, необыкновенно веселомъ и потомъ вдругъ грустномъ и печальномъ настроеніи. Но матушка, когда я ее спрашивалъ объ этомъ, всегда съ негодованіемъ отвергала даже самую мысль о томъ, что онъ имѣлъ какое-нибудь пристрастіе къ крѣпкимъ напиткамъ.

— Это былъ рѣдкой души человѣкъ,—обыкновенно говорила она послѣ этого,—но и глубоко несчастный. Онъ своимъ кажущимся веселіемъ подавлялъ въ себѣ свою грусть, чтобы только люди не замѣчали ничего.

Во всякомъ случаѣ, это былъ несомнѣнно очень симпатичный и добрый человѣкъ, который оставилъ по себѣ хорошую память.

Умеръ онъ странно и неожиданно. Ранней весной, только-что начались пригрѣвы и съ холмовъ побѣжали ручейки, онъ безъ всякой повидимому причины—по крайней мѣрѣ, она такъ и осталась никому неизвѣстной—заскучалъ и однажды вечеромъ велѣлъ приготовить себѣ постель не въ кабинетѣ своемъ, гдѣ онъ обыкновенно спалъ, а на верху, въ мезонинѣ, въ большой комнатѣ, съ балкончикомъ, откуда у него былъ лѣтомъ чудный видъ на рѣку и на огромный его же синій лѣсъ за рѣкой. Изъ этой комнаты, съ балкончика, я помню, мы впослѣдствіи все любовались на эту картину, а я все вглядывался въ стѣны, въ полъ, въ потолокъ—свидѣтелей дядиной загадочной кончины. Мебели потомъ въ этой комнатѣ не было никакой...

Разсказывали объ этомъ такъ: по обыкновенію, поужинавъ вмѣстѣ съ сестрой, онъ, нѣсколько болѣе чѣмъ всегда, то задумчивый и грустный, то веселый и разговорчивый—эти переходы у него были постоянно—ушелъ къ себѣ наверхъ спать, давъ на вопросъ сестры, спросившей его, зачѣмъ онъ велѣлъ тамъ приготовить сегодня себѣ постель,—странный и загадочный отвѣтъ: «Тамъ тише»...

— Да тутъ-то тебя кто же безпокоитъ?

— Никто, но тамъ все-таки покойнѣе,—отвѣтилъ онъ и, весело посмотрѣвъ сестрѣ въ глаза, ушелъ туда съ своей семиструнной гитарой.

Ночью, нѣкоторое время еще слышали, что онъ тамъ играетъ и поетъ. Старуха нянька,—его и ея—жившая у нихъ въ домѣ уже на покоѣ и вставшая обыкновенно очень рано, раньше всѣхъ, часа въ четыре и даже три, «съ пѣтухами», разсказывала потомъ, что она ночью, когда вставала, слышала, какъ будто кто плачетъ:—«и до того тихо, да жалобно»... Но она подумала, что это плакала во снѣ одна изъ сѣнныхъ дѣвушекъ, спавшихъ въ сосѣдней комнатѣ, и не придала этому никакого значенія.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— И я почему это вспомнила,—говорила она послѣ,—плачъ-то этотъ сверху какъ будто шелъ... Это безпремѣнно онъ плакалъ, тяжело его душенькѣ было съ нами разставаться... А я-то, дура, тогда не догадалась...

Но какъ бы то ни было, утромъ, когда пришли въ комнату, гдѣ онъ спалъ, нашли его сидящимъ на кровати—онъ даже не раздѣвался—съ своей «семиструнной» гитарой на колѣнахъ и какъ бы дремлющимъ, или заснувшимъ.

Признаковъ насильственной смерти не было никакихъ. Вѣроятнѣе всего, онъ умеръ отъ разрыва сердца, или другой какой подобной же причины. Но всѣхъ смущало это странное и загадочное желаніе его ночевать эту ночь на верху, одному, въ мезонинѣ.

— И, вѣдь, ты повѣришь,—потомъ сколько разъ, я слышалъ, тетя Глаша разсказывала, вспоминая объ этомъ, матушкѣ,—ты повѣришь, въ голову вѣдь никому не пришло. Думали, такъ, странность какая-нибудь... У него это, вѣдь ты знаешь, было иногда: вдругъ въ лѣсъ уѣдетъ и одинъ тамъ ночуетъ, играетъ, поетъ. А то всю ночь до утра проѣздитъ по рѣкѣ въ лодкѣ съ гитарой своей. Верхомъ сколько разъ въ степь ночью уѣзжалъ одинъ. Бывало, однимъ словомъ, это съ нимъ...

А нянька старуха увѣряла, что это не просто съ нимъ случилось,—онъ ужъ съ вечера зналъ или чуялъ, что приближается его конецъ.

— Кончину свою всегда человѣкъ чуетъ и не только человѣкъ, но и скотина безсловесная. Отчего же вотъ собака, которая если старая, и чуетъ, что издыхать ей скоро придется, забивается въ уголъ, куда-нибудь въ сторонку, или подъ балконъ уйдетъ? Кончину свою всѣ чуютъ...

Однимъ словомъ, смерть дядина осталась загадкой, о которой вспоминали каждый разъ почти, какъ вспомнили объ немъ или бывали въ домѣ, гдѣ онъ жилъ. «Семиструнная» гитара его, одѣтая въ какой-то кисейный, изъ грубой кисеи, чахолъ, висѣла въ углу, въ его кабинетѣ, надъ любимымъ его кресломъ. Она пользовалась какой-то странной, не то страшной репутаціей. Я помню, я на нее все смотрѣлъ и, однажды, при матушкѣ, влѣзъ на кресло и хотѣлъ дотронуться до нея, но матушка тотчасъ же сказала:

— Оставь... не трогай ее.

— А что?—спросилъ я, и мнѣ вдругъ стало страшно.

— Не трогай ее, Богъ съ ней совсѣмъ...

— Ничего,—продолжалъ я.

Но я и самъ бы ее не тронулъ...

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

II.

Послѣ дядиной кончины, тетя Глаша переѣхала къ намъ и жила у насъ около полугода. Ей отдали угольную комнату и другую, смежную съ нею, куда она перевезла изъ Пестрядки нѣкоторыя свои вещи и устроилась, какъ ей было удобнѣе и какъ она хотѣла.

Тетю Глашу я помню ужъ очень хорошо. Это была небольшого роста, худенькая, блѣдная дѣвушка, тоже съ большими темными глазами и гладко причесанная. Она ходила всегда одѣтая очень скромно, въ темномъ платьѣ съ бѣленькими рукавчиками и воротничками. Въ то время, къ которому относится этотъ разсказъ, ей было лѣтъ тридцать пять. Я какъ сейчасъ гляжу на нее: сидитъ въ своей комнатѣ въ креслѣ, у окна, кругомъ разставлены столики, этажерки съ разными дагеротипными портретиками, статуетками, чашечками и т. под.,—сидитъ и акуратненько вяжетъ чулокъ изъ тоненькихъ-тоненькихъ нитокъ и весь чулокъ ажурный, съ узорными дырочками, полосочками. Я помню, все удивлялся, какъ это она умѣетъ такъ искусно вязать.

— Какъ это ты такъ умѣешь?—скажу я ей, бывало, послѣ того, какъ долго смотрю на нее.

— Тебя удивляетъ? Да?—отвѣтитъ она, опуститъ руки съ чулкомъ къ себѣ на колѣни и съ улыбкой тоже долго и пристально посмотритъ на меня. А потомъ вздохнетъ и опять примется за чулокъ.

Съ этимъ вязаньемъ она не разставалась. Утромъ, въ девять часовъ, когда она выходила изъ своей комнаты и шла въ столовую, гдѣ мы всѣ въ это время ужъ пили чай,—чулокъ, подвернутый и закатанный снизу, былъ съ нею и она на ходу быстро перебирала блестящими тоненькими стальными спицами. Она и потомъ, цѣлый день, не разставалась съ нимъ. Лѣтомъ бывало пойдутъ всѣ въ садъ гулять, и она пойдетъ съ своимъ вязаньемъ. Эта работа, повидимому, нисколько ей не мѣшала. Она разговаривала, слушала, смотрѣла по сторонамъ, даже читала, и въ это время вязала. И никогда, ни разу я не помню, чтобы она ошиблась въ узорѣ или спустила петлю. Точно всѣ эти узоры запечатлѣлись у нея гдѣ-то въ головѣ и руки ея, помимо ея воли, сами собою справлялись и выводили эти узоры.

Потомъ она вязала также крючкомъ гарусомъ одѣяльца для дѣтей и тоже необыкновенно искусно и со вкусомъ, и всегда полосатыя—полоска голубая, розовая, коричневая, а по этимъ полоскамъ еще какой-нибудь бѣлый или черный шелковый узоръ. Выходило очень красиво. Одѣяльца эти она дарила всегда тѣмъ изъ своихъ знакомыхъ сосѣдей-помѣщиковъ, которые ждали у себя скоро приращенія семейства; а такъ какъ кто же въ уѣздѣ у насъ ее не

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

знамъ или кого она не знала, и кто же не былъ, при ея кроткомъ характерѣ, добрымъ ея сосѣдомъ, то выходило такъ, что у всѣхъ были ея одѣяльца и народилось и выросло цѣлое поколѣніе, покрывавшееся этими ея работы одѣялами — розовыми, голубыми, пунсовыми и проч.

Но это все-таки была исключительная, къ случаю, ея работа,— постоянная была вотъ эти тоненькіе ажурные чулки.

Тетя Глаша располагала совершенно свободными средствами. Она была очень скромна и не проживала и половины того, что получала. Она очень любила лошадей и у нея была прекрасная вороная тройка, отличный экипажъ, въ которомъ она и пріѣзжала къ намъ и къ другимъ родственникамъ и знакомымъ. Я помню ея красавца старика-кучера съ сѣдой окладистой бородой, съ широчайшими плечами и громкимъ голосомъ, которымъ онъ никогда не кричалъ на встрѣчныхъ, а только говорилъ: «пади!» но за то такимъ громкимъ и сильнымъ басомъ, что еще издалека его можно было слышать и ему давали дорогу.

Она очень «жалѣла» лошадей. Бывало, я помню, ѣдешь съ ней, лошади бѣгутъ полной рысью и нисколько не устали, а она ужъ все безпокойно заглядываетъ на нихъ и потомъ скажетъ:

— Ермилъ, поѣзжай потише, дай имъ вздохнуть...

Ермилъ сдержитъ лошадей, но иной разъ обернется и, благодушно улыбаясь, замѣтитъ:

— Вы, барышня, портите ихъ только этимъ. Онѣ въ настоящую рысь никогда у насъ не взойдутъ.

— Ну, Богъ съ ними ужъ.

И иногда, когда мы гуляли, и заходили всѣ на конюшню, гдѣ стояли и ея лошади, она вынимала изъ кармана въ бумажкѣ кусочки сахара и давала имъ, трепля ихъ своей маленькой ручкой въ перчаткѣ по мягкимъ, теплымъ мордамъ. А онѣ на нее ласково косились своими умными красивыми большими глазами.

Собакъ и собачекъ она не любила, особенно собачекъ. Въ домѣ у насъ была большая собака сенъ-бернардской породы, которая, бывало, важно переходила отъ одного къ другому. Когда она подходила къ тетѣ Глашѣ и клала ей на колѣни свою морду, она всегда сейчасъ же вынимала изъ кармана кусочекъ сахару и давала ей, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ласково выпроваживала отъ себя.

— Ну, довольно, довольно, иди: получила и иди...

Не любила ихъ.

Образованіе тетя Глаша получила домашнее. Она совершенно правильно писала по-русски, говорила очень хорошо по-французски и играла на фортепіано. Но она не любила, кажется, музыку.

— Я не то чтобы не люблю ее, а мнѣ все равно, что хоть бы ее и не было,—говорила она:—вотъ братъ, покойникъ, ужъ какъ пѣлъ и игралъ, всѣ знаютъ, а я нѣтъ...

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Тетю Глашу вообще всѣ очень уважали: во-первыхъ, она была съ хорошими средствами и, не смотря на ея тридцать пять лѣтъ, всѣ были убѣждены, что она все-таки выйдетъ замужъ, и потомъ она такая кроткая, не сплетница, не злоязычница. Она вездѣ, куда пріѣзжала, была почетной гостьей, и ей дѣйствительно были рады.

Молчаливая, смирная, кроткая, она тѣмъ не менѣе, однакожъ, не любила сидѣть дома у себя въ Пестрядкѣ, а предпочитала гостить у кого-нибудь изъ родныхъ, а больше всего у насъ. Но, вѣроятно, чтобы кто-нибудь не подумалъ, что это она дѣлаетъ изъ скупости, по разсчету, она всякій разъ привозила съ собою, или потомъ привозили отъ нея, подъ предлогомъ, что это какіе-то необыкновенные, гусей, утокъ, индюшекъ, варенья, соленья и проч.

— Для чего ты это, Глаша, дѣлаешь?—бывало при этомъ спрашивала всякій разъ ее матушка.

— А чтожъ такое?

— Да для чего это?

— А мнѣ кажется, у меня хороши они вышли въ этомъ году.

— Очень хороши; только для чего это ты? Это совсѣмъ напрасно.

А то вдругъ поѣдетъ въ городъ и привезетъ оттуда чаю, сахару, кофе и разныхъ припасовъ.

— Глаша, для чего это ты?

— Все равно, надо же покупать. Прошлый разъ вы покупали, этотъ разъ я. Я у васъ живу...

— Да не нужно это совсѣмъ.

— Ну, слѣдующій разъ вы ужъ купите.

И такъ всегда, постоянно.

Очень она была на этотъ счетъ акуратна или щепетильна и ей это, кромѣ того, доставляло, кажется, даже удовольствіе.

Въ самомъ дѣлѣ, куда и для чего ей было беречь? Она была совсѣмъ одна, и мы, и всѣ это знали. Она всюду пріѣзжала одна и, когда кто пріѣзжалъ къ ней, заставали и дома ее всегда одну.

— Глашенька, ты бы хоть какую родственницу взяла къ себѣ,— говорили ей.

— Да?

— Серьезно. Тебѣ все-таки бы веселѣе было.

— Отвѣтственность большая.

— Да въ чемъ?

— Ну, какъ же...

И на этомъ такъ всегда разговоръ и прекращался.

III.

Но однажды, когда она гостила у насъ, я услыхалъ странный и показавшійся мнѣ чрезвычайно любопытнымъ разговоръ, который происходилъ у нихъ съ матушкой, въ моемъ присутствіи, и кото-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

рый они вели, кажется, въ полномъ убѣжденіи, что я хотя и тутъ, съ ними сижу, но настолько занятъ своимъ дѣломъ — разсматриваніемъ картинокъ—что ничего не слышу, да если бы и услыхалъ, все равно, ничего не пойму.

Матушка ее спрашивала:

— Глаша, ты когда въ монастырь поѣдешь?

— Думаю, на той недѣлѣ.

— А когда, ты говоришь, она скончалась?

— Мать Евѳимія-то? Да ужъ второй мѣсяцъ.

— Такъ что Маша, значитъ, у Досиѳеи все время и живетъ?

— Да. Это тоже чудная женщина.

— Досиѳею-то, я знаю,—увѣренно отвѣтила матушка.

Онѣ помолчали обѣ. Я понималъ, что онѣ говорили про женскій монастырь, который былъ въ сосѣднемъ съ нами уѣздѣ и куда онѣ обѣ, и матушка, и Глаша, и еще другая тетка, Евпраша, ѣздили иногда говѣть. Но кто такая эта Маша, про которую они упоминали? Имена Досиѳеи и Евѳиміи, а также и другихъ монахинь тамошнихъ, я зналъ, но ни о какой Машѣ никогда вмѣстѣ съ ними не упоминалось. И вдругъ—Маша...

Какъ часто это бываетъ и со взрослыми, ничтожное и повидимому совсѣмъ даже постороннее обстоятельство вдругъ почему-то обратитъ на себя вниманіе и вслѣдъ затѣмъ дѣлается цѣлое открытіе, котораго ранѣе и не подозрѣвали. Такъ было и тутъ. Эта «Маша» вдругъ почему-то меня заинтересовала. Я сталъ прислушиваться къ ихъ разговору. Но онѣ говорили ужъ о чемъ-то совсѣмъ, повидимому (такъ мнѣ съ перваго раза показалось), постороннемъ,—о какихъ-то планахъ, предположеніяхъ и между прочимъ о комнатахъ въ нестрядкинскомъ домѣ, какую изъ нихъ, ту или эту отвѣсти для «нея».

— Понимаешь, мнѣ хочется такъ,—говорила тетя Глаша,—чтобы гувернантки комната была рядомъ съ ея.

— Да я понимаю,—отвѣчала ей матушка.

«Кто эта «она», «ея» и о какой это гувернанткѣ онѣ говорятъ?»—думалъ я, ничего непонимая.—«И потомъ, что это такое вообще готовится въ нестрядкинскомъ домѣ у тети Глаши?»

Послѣ этого я ужъ сталъ совсѣмъ внимательно ихъ слушать, ожидая, что будетъ дальше.

Матушка вздохнула. Обѣ онѣ нѣкоторое время помолчали.

— Да,—начала матушка,—я понимаю, конечно, хочется, чтобы она была и образованная и все такое, только...

Она не договорила и замолчала. Тетя Глаша продолжала за нее:

— Вотъ видишь, если ее такъ оставить,—во-первыхъ, братецъ (тетя Глаша такъ всегда называла покойнаго дядю Васю, своего брата) желалъ, чтобы она получила образованіе — ты вѣдь это

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

знаешь—а потомъ что же она за госпожа будетъ для Пестрядки? Вѣдь выйдетъ же она замужъ...

— Да это-то такъ,—соглашалась матушка.

— А тутъ по крайней мѣрѣ, при образованіи, не такъ замѣтно будетъ ея происхожденіе... скроется...

Я сообразилъ на основаніи всего этого, что эта «она» нѣчто находящееся въ связи съ дядей Васей, по крайней мѣрѣ, съ памятью объ немъ.

— Послѣдній разъ ты ее когда видѣла? въ прошломъ году?—спросила матушка.

— Осенью, нынче осенью. Я вѣдь осенью была въ монастырѣ.

Матушка вспомнила, что тетя Глаша дѣйствительно осенью ѣздила въ монастырь, и она это знала, но какъ-то вдругъ забыла объ этомъ.

— Похожа становится на брата Василія Николаевича? —спросила она.

— Поразительное сходство,—отвѣчала тетя Глаша:—знаешь эти глаза, улыбка... Помнишь, какъ это онъ, бывало, веселый-веселый и потомъ задумается...

— Такъ что больше на него похожа, а не на мать?

— На него. Авдотья же была вѣдь совсѣмъ свѣтлая блондинка.

— Не помнитъ она ее?

— Мать?—нѣтъ.

— А Василія Николаевича?

— Слабо, но помнитъ однакоже. Я какъ-то разъ заговорила съ ней:—помнишь, Маша, говорю, папу своего?...

Матушка въ это время перебила ее:

— Ну за чѣмъ ты это дѣлаешь?

— Что?—удивилась тетя Глаша.

— Говоришь, объясняешь ей, кто ея отецъ.

Тетя Глаша посмотрѣла на матушку и до того кротко и тихо, любовно отвѣтила ей:

— Ахъ, кажется, что же это, если у нея и это отнять?

— Да я ничего, я это такъ,—поправляясь, заговорила матушка.—Рано мнѣ, кажется, только это ей еще объяснять.

— Я вѣдь ей все: и портретъ его и письма его, въ которыхъ онъ объ ней пишетъ—все ей отдала. Пускай знаетъ, что былъ человѣкъ, который ее любилъ, для котораго она была дороже всего. Что онъ не успѣлъ ее обезпечить, оставить ей состоянія, то все это я—это моя ужъ будетъ забота, я это сдѣлаю—не воспользуюсь его имѣніемъ... но такъ, чтобы она знала, кто былъ ея отецъ и что онъ любилъ ее—это непремѣнно должно сдѣлать... Это я для него ужъ должна сдѣлать, если не для нея самой...

Тетя Глаша сказала это съ такимъ возбужденіемъ, съ такимъ непреклоннымъ и рѣшительнымъ выраженіемъ въ лицѣ, что я,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

какъ взглянулъ на нее, такъ и остался, не сводя съ нея глазъ: до того это было не похоже на нее и невиданно.

Матушка что-то ей отвѣтила въ свое оправданіе, что она не то совсѣмъ хотѣла ей сказать, что тетя Глаша не такъ ее поняла, что-то въ этомъ родѣ; но онѣ обѣ сейчасъ же, точно вдругъ и только теперь меня увидѣли и замѣтили, что я ихъ слушалъ все время, и, какъ ни въ чемъ не бывало, начали говорить, обращаясь ко мнѣ, какой я чудной, какой у меня уморительный видъ, что я должно быть спалъ все время и видѣлъ что-нибудь во снѣ и проч.

Я молчалъ, снисходительно, какъ проникшій ихъ тайну, поглядывалъ на нихъ и думалъ: — «какъ же это такъ не зналъ я этого раньше?»

Вечеромъ въ этотъ же день, отправляясь спать, я сказалъ сестрѣ Сонѣ:

— Соня, ты знаешь, у дяди Васи есть дочь.

Соня съ удивленіемъ посмотрѣла на меня.

— Да,—продолжалъ я,—зовутъ ее Маша и ее скоро перевезутъ въ Пестрядку.

— Откуда? Какая дочь? — спросила Соня.

— Дочь дяди Васи, — рѣшительнымъ и увѣреннымъ тономъ отвѣчалъ я ей,—та, которая въ монастырѣ теперь у монахини матери Евѳиміи живетъ... Ее скоро возьмутъ оттуда и она будетъ жить въ пестрядкинскомъ домѣ, въ угольной, а рядомъ, въ маленькой комнаткѣ, будетъ жить гувернантка...

Сестра съ недовѣріемъ посмотрѣла на меня и покачала головой, дескать, Богъ знаетъ, что ты говоришь...

— Вотъ ты увидишь. Ты не вѣришь и увидишь...

IV.

«Тетя Глаша» прожила послѣ этого у насъ не долго и уѣхала въ монастырь говѣть—это было постомъ великимъ. Почему-то матушка, ѣздившая тоже туда съ нею, не поѣхала этотъ разъ вмѣстѣ, а нѣсколько дней спустя. Провожая матушку, мы слышали, отецъ сказалъ ей:

— Если поѣдешь въ Пестрядку оттуда, къ Глафирѣ Николаевнѣ, то дай знать, пришли нарочнаго, извѣсти, сколько ты тамъ пробудешь.

— Нѣтъ, я едва ли поѣду, пускай она пока тамъ устроится,— отвѣчала ему матушка.

— Ну, ужъ это ваше дѣло, только если поѣдешь, — пришли извѣстіе.

Мы съ сестрой, стоявшіе тутъ же, при этомъ переглянулись.

— Нѣтъ, и даже навѣрно могу сказать,—продолжала матушка,— что я туда не поѣду. Маша, гувернантка—это цѣлая исторія: ну-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

скай сперва устроятся... Я послѣ поѣду ихъ посмотрѣть... черезъ недѣлю, черезъ двѣ...

Послѣ этого разговора ихъ, слышаннаго нами обоими, для насъ уже не оставалось никакого, малѣйшаго даже, сомнѣнія въ томъ, что предыдущій разговоръ матушки съ тетей Глашей, понять мною, какъ слѣдуетъ, т. е., что у нея, у тети Глаши, на рукахъ дочь дяди Васи, которая воспитывалась до сихъ поръ въ монастырѣ, а теперь тетя Глаша беретъ ее оттуда, и она вмѣстѣ съ гувернанткой—вотъ только съ какой?—будетъ жить у нея въ Пестрядкѣ.

Совершенно неожиданное, сдѣланное нами, открытіе это, въ высшей степени возбудило наше любопытство. Какова эта Маша, сколько ей лѣтъ, кто такая эта ея мать Авдотья, на которую она, по словамъ тети Глаши, нисколько не похожа—столько вопросовъ и ни отъ кого мы не могли получить на нихъ никакого отвѣта. Если бы дѣло было лѣтомъ, когда мы ходили гулять и въ садъ, и въ поле, и такъ на дворѣ, я бы ужъ конечно отъ кого-нибудь—отъ садовниковъ, огородниковъ, пчелинцевъ, конюховъ и проч. ужъ узналъ бы, допытался бы, а тутъ, зимой, отъ кого можно было это все разузнать? Мы никого не видали, сидѣли въ домѣ, въ заперти, а если насъ пускали кататься на тройкѣ, то мы ѣздили вмѣстѣ съ гувернанткой и какъ же это и кого же это я сталъ бы разспрашивать? Конечно, я сдѣлалъ все-таки попытки, хоть что-нибудь разузнать — спросилъ нашу гувернантку Анну Карловну, такъ какъ бы мимоходомъ и это меня нисколько собственно не интересуетъ, какихъ лѣтъ дочь дяди Васи, которая теперь въ монастырѣ и за которой поѣхала тетя Глаша, чтобы взять ее къ себѣ въ Пестрядку; но Анна Карловна только съ удивленіемъ поглядѣла на меня и спросила въ свою очередь: откуда это я все знаю?

— Да ужъ знаю,—отвѣчалъ я,—всѣ же это вѣдь знаютъ.

— То-то, отъ кого это вы узнать могли?

— Слышалъ.

— Отъ кого?

— Мама говорила съ тетей Глашей.

— А вы подслушивали?

— Нѣтъ, я слышалъ просто. Я тутъ же сидѣлъ съ ними и слышалъ, какъ они говорили.

— Вы слышали, только совсѣмъ не то, не поняли ничего, и теперь Богъ знаетъ, что разсказываете.

— Нѣтъ, я понялъ,—попробывалъ было я настаивать:—и она, эта Маша, нисколько не похожа даже на свою мать Авдотью.

— Какую Авдотью? Это еще что такое?! — воскликнула Анна Карловна. — Вотъ, погодите, мамаша пріѣдетъ, я ей все это разскажу! Это еще что такое выдумали!..

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Анна Карловна, конечно, все это знала, но она была поражена, какъ это я все знаю и даже съ такими подробностями. Она несомнѣнно была возмущена неосторожностью матушки и тети Глаши, которыя такія вещи разсказываютъ въ присутствіи дѣтей—развѣ можно это дѣлать?

Такъ же безуспѣшно окончилась и моя попытка узнать что-нибудь отъ няньки нашей, которая, конечно, тоже все знала.

— А Господь съ ней, съ этой дѣвочкой, — отвѣчала она мнѣ на мой вопросъ.—Это не наше дѣло, батюшка, и что объ этомъ говорить.

— Да вѣдь она дочь дяди Васи?

— А Господь ее знаетъ.

— Да вѣдь ты-то знаешь?

— Ничего, мой соколикъ, я не знаю.

— Ну вотъ еще!

— Да откуда же я узнаю? Гдѣ же я бываю? Отъ кого мнѣ слышать-то?

Такъ что мнѣ оставалось на такіе ея отвѣты сказать только съ недовольной гримасой:

— Все равно, вѣдь,—я все узнаю...

Матушка вернулась дѣйствительно прямо изъ монастыря, не заѣзжая оттуда въ Пестрядку къ тетѣ Глашѣ. Но за то она привезла намъ богатый матеріалъ, который оставалось только поглощать и усвоивать, по мѣрѣ того, какъ намъ удавалось слышать ея разговоръ объ этомъ съ отцомъ, съ гувернанткой или съ кѣмъ-нибудь изъ родственниковъ и сосѣдей, пріѣзжавшихъ къ намъ и тоже интересовавшихся этимъ вопросомъ.

Такъ мы очень скоро узнали, что этой дѣвочкѣ Машѣ уже пятнадцать лѣтъ будетъ скоро. Что она очень миленькая и даже, можетъ быть, будетъ красавица со временемъ, потому-что волоса у нея необыкновенной густоты и для ея лѣтъ длинны.

— Понимаете,—разсказывала матушка,—коса почти до полу. Я ей говорю: ну-ка, Маша, распусти косу. Какъ она распустила, я такъ и ахнула. Ну вотъ настолько (матушка показала пальцемъ насколько) не хватаетъ до полу. И черные-пречерные. И потомъ глаза у нея: совсѣмъ какъ у покойника Василія Николаевича: большіе, черные и эдакіе задумчивые. Я смотрю на нее—совсѣмъ онъ, только, какъ въ дѣвочкѣ, это все въ ней нѣжнѣе...

Это намъ было, я помню, почему-то очень пріятно узнать. Намъ она представлялась, на какомъ основаніи неизвѣстно, забитой или ужъ по крайней мѣрѣ всѣмъ обиженной, и вдругъ мы узнаемъ, что она, вотъ какъ на зло имъ всѣмъ и къ великой ихъ досадѣ, такая красавица оказывается!..

Потомъ мы узнали, что она необыкновенно кроткая, тихая и очень добрая, должно быть. Матушка, въ подтвержденіе своихъ словъ, разсказала нѣсколько случаевъ, по которымъ она сдѣлала

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

такое о ней заключеніе. И это тоже намъ было очень пріятно узнать.

«Она» очень рада была тетѣ Глашѣ, когда та къ ней пріѣхала въ монастырь. Тетя Глаша, разсказывая объ этомъ матушкѣ, пріѣхавшей позже ея, была растрогана этимъ до слезъ, и «это такъ на нее подѣйствовало—разсказывала матушка—что она до того за эту недѣлю привязалась къ Машѣ, что только и смотритъ ей въ глаза, какъ бы чѣмъ ей угодить».

Матушка находила, что это даже нехорошо и можетъ принести Машѣ, т. е. ея характеру только одинъ вредъ: она ее избалуетъ и изъ скромной, хорошей дѣвочки сдѣлаетъ капризницу.

Но главное, противъ чего матушка особенно возмущалась--это была та, вовсе, по ея мнѣнію, ненужная роскошь въ образованіи, въ обстановкѣ, и въ платьяхъ, которую тетя Глаша непремѣнно хотѣла допустить для этой Маши.

Въ этомъ случаѣ съ матушкой всѣ были согласны и приводили въ подтвержденіе справедливости ихъ мнѣній множество соображеній, доказательствъ и примѣровъ, которые мы однакоже никакъ не могли признать заслуживающими уваженія.

Эта «дѣвочка Маша» теперь была уже въ Пестрядкѣ и туда же должна была къ этому времени прибыть и нанятая для нея гувернантка-нѣмка, отошедшая отъ кого-то изъ знакомыхъ сосѣдей тети Глаши, гдѣ она съ успѣхомъ воспитала всѣхъ дѣтей.

Матушка недѣли черезъ двѣ—намъ это было извѣстно—ѣдетъ туда. Возьметъ ли она насъ съ собой. Какъ бы это сдѣлать?

Но сдѣлать этого намъ не удалось. Матушка уѣхала къ тетѣ Глашѣ въ Пестрядку одна, насъ съ собой не взяла, не смотря ни на какія наши просьбы и мои ухищренія.

Тетю Глашу и ея «дѣвочку Машу» — такъ мы ее звали,—мы увидали только лѣтомъ, когда онѣ обѣ пріѣхали къ намъ вмѣстѣ съ своей гувернанткой.

V.

Этотъ пріѣздъ ихъ къ намъ я помню съ поразительной ясностью. Какъ сейчасъ гляжу, на нашъ дворъ въѣзжаетъ ихъ карета; мы, знающіе уже, что на этотъ разъ тетя Глаша не одна, а везетъ къ намъ и «дѣвочку Машу» съ ея гувернанткой, жадно всматриваемся въ окна кареты, не увидимъ ли «ее», не выглянетъ ли «она», но карета ѣдетъ по двору такъ быстро... Вотъ она остановилась у крыльца и изъ нея выходятъ, поддерживаемыя съ ними пріѣхавшими и нашими, выскочившими къ нимъ навстрѣчу, лакеями, сперва тетя Глаша, а за нею еще какихъ-то двѣ дамы... Гдѣ же «дѣвочка Маша?..» Я помню это наше—мое и сестры Сони—удивленіе, съ которымъ мы посмотрѣли другъ на друга, — что же это, дескать, такое?...

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Но еще бо́льшее удивленіе ожидало насъ впереди. Мы поспѣшили изъ нашей дѣтской, откуда, изъ оконъ, мы смотрѣли на пріѣхавшую карету, въ залъ и оба невольно остановились—передъ нами была тетя Глаша, еще какая-то дама съ сѣдыми пуклями, пришпиленными на вискахъ черепаховыми гребешочками, и совершенно взрослая дѣвушка, которая разговаривала съ отцомъ и матушкой и весело смѣялась. Неужели это «она», это та самая «дѣвочка Маша». Развѣ такой мы ее себѣ представляли? Высокая, стройная, въ прекрасно сшитомъ, но простенькомъ платьицѣ съ бѣленькими рукавчиками и воротничкомъ, съ черной блестящей косой, заплетенной необыкновенно тщательно и сложенной сзади въ тяжолый пучекъ, казалось, перевѣшивавшій ей голову — она время отъ времени касалась до него рукой, какъ бы невольно поправляла его—неужели же это «она?»

Но въ это время тетя Глаша начала ужъ цѣловать насъ, каждаго по нѣскольку разъ, и, подозвавъ къ себѣ даму съ пуклями, познакомила насъ съ ней, сказавъ намъ, что это гувернантка, а потомъ подозвавъ къ себѣ дѣвушку съ тяжолой косой, сказала намъ, что это Маша и чтобы мы ее любили. Маша поцѣловалась съ нами и, совсѣмъ какъ взрослая, взяла насъ за руки и пошла съ нами по залу, разговаривая и разспрашивая насъ съ сестрой—любимъ ли мы садъ, гулять, любимъ ли мы кататься на лодкѣ и проч.

Я помню, я все поглядывалъ на нее, не могъ все еще отрѣшиться отъ мысли—какъ же это такъ: думали мы, что она такая, а она ужъ вотъ какая?... Сестра Соня вошла съ ней въ колею гораздо скорѣе: черезъ часъ и даже того меньше, она ужъ относилась къ ней совсѣмъ по домашнему, какъ къ старой знакомой, тогда какъ я все еще не могъ попасть на вѣрный тонъ. Она мнѣ очень нравилась, но она была настолько солиднѣе меня, что я стѣснялся съ ней, чувствовалъ себя неловко, какъ это всегда бываетъ съ мальчиками, которыхъ знакомятъ съ молодыми, но ужъ взрослыми дѣвушками, и они чувствуютъ, что тѣ авторитетнѣе ихъ: они еще мальчики и всѣ къ нимъ такъ еще относятся, а эти ужъ взрослыя дѣвушки и всѣ съ ними обращаются, какъ равныя съ равными...

Это было передъ обѣдомъ, что они пріѣхали къ намъ. Мы ужъ «отъучились», къ тому же пріѣхала тетя Глаша съ Машей — обстоятельство или событіе, по которому, все равно, занятія наши были бы прерваны—и, какъ только всѣ перездоровались другъ съ другомъ и нѣсколько поговорили и успокоились отъ радости свиданія, наша гувернантка, Анна Карловна, въ качествѣ нашей надъ нами, дѣтьми, хозяйки, предложила всѣмъ, т. е. ихъ гувернанткѣ, Машѣ и намъ съ сестрой идти гулять въ садъ, такъ какъ до обѣда оставалось еще довольно времени...

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Гувернантки начали разговаривать другъ съ другомъ, а мы, т. е. Маша и я съ сестрой, побѣжали впередъ. Но Маша хотя и побѣжала съ нами, держала себя, однакожъ, не такъ какъ мы, которымъ это доставляло удовольствіе, а съ цѣлью приблизиться этимъ манеромъ къ намъ. Удивительно, въ смыслѣ этого, какъ рано начинаютъ владѣть тактомъ дѣвочки. На какіе-нибудь два-три года старше она была насъ, а командовать, въ чужомъ домѣ, надъ чужими ей совершенно дѣтьми, начала въ тотъ же день и съ перваго же разу.

Мы пошли гулять, чтобы ей показать нашъ садъ, нашъ прудъ, нашъ огородъ, теплицу, парники, однимъ словомъ, всѣ наши достопримѣчательности. Они несомнѣнно занимали ее, они ее интересовали, но она не нуждалась въ нашихъ объясненіяхъ при этомъ, въ нашемъ руководительствѣ какъ компетентныхъ людей, знающихъ все у себя дома лучше ея, конечно,—а разсматривала сама, не слушала того, что мы ей говорили, дѣлала сама намъ вопросы, о томъ, что ее интересовало, критически разбирала, говорила, что тамъ-то, у того-то, это не такъ устроено и это лучше и проч. Однажды она сказала при этомъ:

— А вотъ въ монастырѣ, такъ тамъ, бывало, у насъ рано, еще въ мартѣ мѣсяцѣ, ужъ и огурцы свѣжіе, и рѣдиска. Конечно, это для матери игуменьи, не для всѣхъ же сестеръ...

Я остановился, слушая это, и смотрѣлъ на нее.

— Ты что такъ смотришь? — спросила она.

Я сконфузился и молчалъ.

— Ты хотѣлъ что-то спросить? Да?—сказала она.

— Да,—отвѣтилъ я.

— Что такое?

— Ты долго жила въ монастырѣ?

— Долго. А что?

— Ты зачѣмъ тамъ жила?

— Оттого что мнѣ негдѣ было жить.

— А теперь?

— А теперь можно... Ты почему это спрашиваешь?—подумавъ немного и усмѣхнувшись, спросила она.

— Такъ.

— Нѣтъ не такъ. Ты слышалъ что-нибудь?

— Слышалъ, что ты тамъ.

— А почему, не знаешь?

— Нѣтъ...—не рѣшительно отвѣтилъ я.

— Неправда!—вдругъ громко сказала она.—Неправду никогда не слѣдуетъ говорить. Ты думаешь, я обижусь отъ этого?

— Отчего?—испугавшись и удивившись ея неожиданному волненію, проговорилъ я.

— Ты что знаешь,—скажи.

— Я ничего не знаю.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Говори правду.
— Я правду говорю.
— Ты ничего не слыхалъ?
— Т. е. про что?
— Про меня.
— Нѣтъ, слышалъ.
— Что?
— Ты дочь дяди Васи...—чуть не задохнувшись, проговорилъ я.
— Да. А кто моя мать—ты знаешь?
— Авдотья,—тихо выговорилъ я.

Никакой Авдотьи я не помнилъ, т. е. не зналъ, не видалъ въ Пестрядкѣ, но я не забылъ этого имени, когда я услыхалъ его тогда въ разговорѣ матушки съ тетей Глашей.

— Да, Авдотья...—ужъ тихо повторила она.

И задумавшись, усмѣхнулась какой-то грустной и презрительной усмѣшкой.

— И мнѣ это ставятъ въ вину?..
— Кто?—спросилъ я.

Она мнѣ ничего не отвѣтила.

— Никто тебѣ этого въ вину не ставитъ,—проговорилъ я.

Но она меня не слушала...

Потомъ, она вдругъ, точно очнулась, встряхнула головой, поправила по привычкѣ рукой косу и ужъ попрежнему веселая, опять стала звать насъ играть и бѣгать. И эта перемѣна въ ней произошла естественно совершенно, не то чтобы она притворялась. Она точно что-то поняла, разсѣяла какое-то недоразумѣніе, испугавшее ее и тяготившее.

Но я не могъ забыть, запомнилъ, какъ у нея блеснули глаза, когда она меня спросила:—«И ты знаешь, кто была моя мать?»

Предоставленные самимъ себѣ, потому что гувернантки наши, только-что познакомившіяся, вели разговоръ между собою, совершенно поглощенныя имъ, мы ходили по куртинамъ, по травѣ, рвали цвѣты и, по выраженію Сони, всячески «отчаянничали», т. е. нарушали тѣ мелкія условія и строгости благонравной прогулки, которыя при другихъ обстоятельствахъ соблюдались, и теперь были въ совершенномъ забвеніи.

Наконецъ, за нами пришелъ изъ дома лакей звать насъ обѣдать.

Тутъ гувернантки наши, забросившія было насъ, вдругъ точно опомнились и начали дѣлать намъ инспекторскій смотръ. У меня оказались руки выпачканными въ травѣ и землѣ до такой степени, что стыдно было на нихъ смотрѣть, у Сони на ея платьицѣ, тоже зеленыя отъ травы пятна. Но, что насъ удивило,—это осмотръ, который гувернантка Маши продѣлывала надъ ней. Она буквально ее всю до мелочей осматривала и дѣлала ей тысячи замѣчаній,

42/160
Державна історична БІБЛІОТЕКА УРСР
НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

которыя та, хоть и смѣясь, но все-таки однакожъ выслушивала отъ нея и даже иногда оправдывалась.

— Миссъ Джонсонъ—она была англичанка—да это старое платье, я еще дорогой, должно быть, запачкала его,—говорила ей Маша.

— Мой другъ, вы должны беречь и старое. Вы бѣдная дѣвушка и не должны этого забывать ни при какихъ обстоятельствахъ.

«Почему же она бѣдная?» думалъ я: — «Вѣдь у тети Глаши есть же такое же, какъ и у насъ, какъ и у всѣхъ, имѣніе?»

Но Маша ничего ей на это не отвѣчала, продолжая совершенно спокойно повертываться и смѣяться на ея осмотры.

— Она тебѣ, Богъ знаетъ, что говоритъ,—сказалъ я Машѣ, когда мы пошли обѣдать въ домъ.

— Что такое?

— Что она тычетъ тебѣ: бѣдная, бѣдная—какая же ты бѣдная? Такая же, какъ и всѣ.

Маша мнѣ ничего не отвѣтила, только погладила меня по головѣ и надвинула шутя мнѣ шапку на глаза.

— Вообще, она у тебя противная, какая-то кислая,—продолжалъ я.

— Нѣтъ, она добрая. Она ничего.

— Съ фигурами—я этого не люблю. И тонъ у нея какой-то.

Маша дружески покровительственно потрогала меня по спинѣ—я шелъ справа, рядомъ съ нею, и проговорила:

— Ты будешь меня любить?

— Да,—отвѣтилъ я, и вдругъ весь покраснѣлъ.

Я чувствовалъ, какъ вся кровь бросилась мнѣ въ лицо...

За обѣдомъ, куда мы пришли предварительно вымывшись, причесавшись и почистившись, мы застали цѣлое общество: пріѣхали два семейства нашихъ ближнихъ сосѣдей. Въ числѣ ихъ были три дѣвушки, дочери ихъ, лѣтъ по семнадцати и старше. Машу тетя Глаша сейчасъ же представила имъ, и онѣ очень мило и повидимому сердечно взяли ее за руки и начали съ нею ходить по залу, пока принесли супъ и всѣ начали усаживаться. Но Маша сѣла со мною рядомъ, предварительно подозвавъ меня къ себѣ:

— Ты гдѣ сидишь? Посади меня рядомъ—я хочу съ тобою,—сказала она скороговоркой.

Рядомъ со мною всегда сидѣла сестра Соня. Я побѣжалъ къ матушкѣ, отозвалъ ее и началъ ей объяснять.

— Ахъ, сдѣлай одолженіе, гдѣ хочешь,—отвѣчала она мнѣ, занятая съ кѣмъ-то разговорами.

Я побѣжалъ въ залъ и началъ тамъ командовать у стола.

— Ты, что это?—спросилъ меня отецъ.

— Машѣ надо сюда, между нами поставить приборъ.

Онъ разсмѣялся, и сказалъ мнѣ:—посмотри на меня.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Я помню, кровь опять мнѣ бросилась вся въ лицо, а онъ разсмѣялся еще пуще прежняго.

— Она славная дѣвочка. Нравится тебѣ?

— Очень.

— Что очень?

— Она очень мнѣ нравится. Она славная...

За обѣдомъ я сидѣлъ съ нею рядомъ и отецъ нѣсколько разъ, улыбаясь, взглянулъ на меня, а я отъ этого краснѣлъ.

Но когда онъ сказалъ что-то сидѣвшей съ нимъ рядомъ тетѣ Глашѣ, и они оба, разсмѣявшись, посмотрѣли на меня, я готовъ былъ провалиться.

Въ довершеніе всего еще и Маша спросила меня:

— Что ты такой чудной? А?

Я съ сдавленнымъ и пересохшимъ горломъ насилу могъ дать ей отвѣтъ:

— Такъ. Ничего...

— Что же они такъ смотрятъ на тебя?

Но тутъ я ужъ чуть не расплакался. Слезы подступили у меня къ горлу. Я чувствовалъ, что я смѣшонъ и они надо мною смѣются... Ни что такъ не обижаетъ дѣтей, какъ снисходительно добродушное отношеніе старшихъ къ великодушному и благородному порыву дѣтей, а я былъ убѣжденъ, что пробудившееся во мнѣ чувство къ Машѣ есть именно и великодушное, и благородное.

Послѣ обѣда и весь вечеръ я только и думалъ о томъ, какъ бы и чѣмъ мнѣ доказать, что я выше того, какъ они обо мнѣ думаютъ, и что я вовсе не смѣшонъ, а они грубы и несправедливы ко мнѣ.

Но я ничего ни придумалъ. Проектъ одного геройскаго подвига смѣнялся у меня въ головѣ другимъ подвигомъ, еще болѣе геройскимъ, но не представлялось рѣшительно никакого предлога къ проявленію моего геройства. Все шло, какъ по заведенному, своимъ чередомъ: опять гуляли въ саду, потомъ на террасѣ пили чай, кто-то послѣ игралъ на фортепьяно. Я хотѣлъ было, пользуясь лунной ночью, снова пойти гулять въ садъ и слушать соловья, такъ и заливавшагося гдѣ-то въ кустахъ, но передъ вечеромъ былъ дождь и оттого теперь было сыро.

— Не ходите, еще насморкъ получите, сыро,—сказалъ намъ кто-то изъ старшихъ, когда мы, т. е. Соня сестра, Маша и я, хотѣли было идти въ садъ.

— Я платокъ на голову надѣну,—возразила Маша: — Сережа, тамъ въ передней платокъ, принеси мнѣ его,—сказала она.

Я кинулся за платкомъ, но когда я его принесъ, вопросъ о прогулкѣ былъ рѣшенъ уже окончательно въ отрицательномъ смыслѣ и даже балконная дверь была уже заперта.

Меня отослали отнести платокъ опять въ переднюю.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Такъ не удался мнѣ даже и этотъ подвигъ пустой ловкости и любезности.

Ахъ, до чего живо я это все помню!..

VI.

Тетушка прогостила у насъ съ Машей этотъ разъ не долго, дня три, и уѣхала къ другимъ роднымъ, представить и имъ Машу.

На возвратномъ пути она обѣщала опять къ намъ заѣхать.

У насъ всѣ были въ восторгѣ отъ Маши, особенно матушка, которая никакъ не ожидала теперь встрѣтить ее такою и все говорила:

— Ну, вы не можете представить, какая въ ней произошла перемѣна. Если бы я встрѣтила ее одну на улицѣ, я бы не узнала ее.

Всѣ эти удивленія и разсужденія относились главнѣйшимъ образомъ къ тому, какъ она за это короткое время такъ быстро возмужала, развилась, стала совсѣмъ почти какъ взрослая дѣвушка, тогда какъ ей всего еще нѣсколько мѣсяцевъ, какъ минуло пятнадцать лѣтъ, и съ какимъ тактомъ, достоинствомъ и въ то же время скромностью она себя держитъ.

— Это все миссъ Джонсонъ. Это все она—говорили всѣ.—Вѣдь, эти англичанки...

— Да, но вѣдь и плата же?—возражали нѣкоторые.

— Ну, знаете, уже лучше заплатить, да чтобы было... чтобы она сдѣлала изъ дѣтей...

— А что она получаетъ?

— Глаша говорила восемьсотъ.

— Ой, ой... Ну, это, вѣдь, и цѣна же.

Эти разговоры, когда они происходили при нашей гувернанткѣ, Аннѣ Карловнѣ, получавшей что-то рублей триста, не болѣе, вызывали всякій разъ ея неудовольствіе, которое выражалось въ кислыхъ минахъ ея и иногда полуобиженныхъ замѣчаніяхъ, ни къ кому непосредственно не относящихся, что отъ родителей всегда зависитъ взять къ своимъ дѣтямъ такую гувернантку, которая имъ больше нравится, и проч. въ этомъ родѣ.

Аннѣ Карловнѣ на это отвѣчали туманно и при случаѣ, чтобы успокоить ее, говорили:

— Ну, да вы согласитесь, Анна Карловна, вы вотъ у насъ, да и вездѣ, гдѣ вы жили, вы свой совсѣмъ человѣкъ, вы какъ ближайшая родственница въ домѣ; но много ли такихъ? Что мы видимъ кругомъ?

Эти замѣчанія—возраженія ее успокоивали и она опять приходила въ нормальное состояніе своего духа, увѣрившись въ томъ,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

что эти всѣ разсужденія о миссъ Джонсонъ и, вообще, объ англичанкахъ до нея не относятся.

Однажды, вскорѣ послѣ отъѣзда тети Глаши, когда у насъ кто-то былъ и шла рѣчь въ такомъ вотъ родѣ, какъ выше приведенная о воспитаніи дѣтей, о гувернанткахъ, и заговорили о Машѣ, кто-то изъ присутствующихъ спросилъ матушку:

— А, что, скажите, не знаете, Глафира Николаевна сдѣлала «ей» духовную?

Матушка отвѣчала, что она хоть и слыхала отъ тети Глаши объ этомъ, что она ей говорила про духовную, но исполнила ли она это, т. е. написана ли у нея духовная — она этого хорошо не знаетъ.

— Вы спросите ее объ этомъ. Напомните ей объ этомъ, если она, можетъ быть, позабыла.

И еще кто-то изъ присутствующихъ сталъ тоже говорить объ этомъ:

— А то вѣдь все это воспитаніе, вся эта обстановка... если, чего Боже сохрани, да Глафира Николаевна умретъ, не оставивъ духовной... ей же во вредъ будетъ. Такъ—кто же на ней женится: дѣвушка безъ имени... Да если еще у нея не будетъ и состоянія никакого... Куда же ей дѣваться? За управляющаго какого выходить. Аптекарь какой-нибудь, засѣдатель, становой женится?..

Всѣ были согласны, что это дѣйствительно будетъ ужасно, если Глафира Николаевна забудетъ или такъ почему-нибудь не сдѣлаетъ завѣщанія...

— Она, кажется, боится сдѣлать завѣщаніе, — сказалъ кто-то изъ сидѣвшихъ тутъ,—я съ ней заводилъ какъ-то однажды рѣчь объ этомъ и мнѣ тогда же, я помню, показалось такъ.

Отъ этого разговора перешли на другую тему:—кто, въ случаѣ кончины тети Глаши, будетъ ея наслѣдникомъ, если она завѣщанія никакого никому не оставитъ?

Перебирали и перетолковывали разно, но въ концѣ концѣ всѣ согласились, что ближайшимъ наслѣдникомъ у нея какой-то двоюродный племянникъ, служащій въ Москвѣ въ какомъ-то военномъ вѣдомствѣ — коммисаріатскомъ, или провіантскомъ, человѣкъ и безъ того богатый.

Кто-то даже зналъ его и сообщилъ объ немъ, что онъ въ эту вотъ войну (тогда только-что кончилась Крымская война) нажилъ огромныя деньги.

Но когда зашла рѣчь объ томъ, что это еще слава Богу, что онъ, этотъ господинъ, можетъ быть, въ случаѣ не оставленія Глафирой Николаевной духовнаго завѣщанія на имя Маши, еще и не польстится на наслѣдство, такъ какъ и самъ богатъ,—то разговаривавшій объ этомъ родственникъ воскликнулъ даже:

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— О, что вы!.. Нѣтъ, это не такой человѣкъ. Онъ и отца и мать родную не пощадитъ!..

И онъ началъ разсказывать про этого родственника, что онъ живетъ въ маленькой квартиркѣ, что у него одна только страсть— карты, но онъ и тутъ устроился какъ-то такъ, что играетъ всегда очень счастливо.

— Онъ очень извѣстенъ въ Москвѣ, — заключилъ разсказчикъ,—у него идетъ большая игра, настоящій игорный домъ.

Разсказчикъ добавилъ еще, что у этого господина, при всей его скупости, устроиваются какіе-то скандальные и непристойные вечера, на которыхъ, однакожъ, бываетъ вся Москва и поэтому у него большія связи, съ нимъ трудно что-нибудь сдѣлать.

Но никто изъ присутствующихъ не зналъ его. Они знали, что онъ существуетъ, знали, какъ его зовутъ, но въ лицо никто его не зналъ. Онъ былъ мальчикомъ отвезенъ въ какое-то военное учебное заведеніе и съ тѣхъ поръ его никто не видалъ, такъ какъ онъ сюда не пріѣзжалъ. Его отецъ и мать давно умерли, имѣніе ихъ продано было за долги, и онъ сталъ совсѣмъ отрѣзанный ломоть для всѣхъ.

Всѣ эти разсказы объ этомъ господинѣ вмѣстѣ съ разсужденіями о Машѣ, о ея дальнѣйшей судьбѣ, о духовномъ завѣщаніи тети Глаши и проч. и проч. навели на всѣхъ такое непріятное чувство, что всѣ разстались, жалѣя бѣдную дѣвушку ужъ заранѣе, точно это было ужъ рѣшенное дѣло, что не она сдѣлается наслѣдницей тети Глаши, а онъ, этотъ непріятный, всѣмъ неизвѣстный господинъ. Я, по крайней мѣрѣ, слушая и смотря на всѣхъ, вынесъ такое заключеніе, и оно на меня до того подѣйствовало, что я нѣсколько дней только и могъ думать, что о Машѣ и этомъ чудовищѣ, которое непремѣнно пожретъ ее, если тетя Глаша какъ-то не охранитъ ее отъ него.

На другой или на третій день послѣ этого вечера, я, оставшись какъ-то съ отцомъ, спросилъ его:

— А что этотъ господинъ, родственникъ тети Глаши, ужъ старикъ?

Отецъ ничего не понялъ изъ моего вопроса, съ удивленіемъ посмотрѣлъ не меня и проговорилъ:

— Какой родственникъ?

— Вотъ который ея имѣніе послѣ ея смерти получитъ.

Онъ, вѣроятно, забылъ уже объ этомъ разговорѣ или сразу не вспомнилъ, только съ еще большимъ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— Что ты такое говоришь? Какой такой родственникъ?

Я началъ объяснять ему, спутался и сконфузился.

— Да откуда ты это взялъ его?

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Я напомнилъ разговоръ вечерній.

— А-а!.. Ну, да тебѣ-то до него какое дѣло?—наконецъ, догадавшись, сказалъ отецъ.

Я опять началъ ему что-то объяснять и опять спутался. Но на этотъ разъ я упомянулъ имя Маши, замѣтивъ какая она бѣдная будетъ, что этотъ господинъ такой злой и хитрый, словомъ повторилъ то, что тогда слышалъ.

— Ты заботишься объ ней? Тебѣ жаль ее?—спросилъ отецъ.

— Жаль,—сказалъ я и весь вспыхнулъ.

— Тебѣ она очень нравится?—спросилъ онъ, и мнѣ показалось, что онъ уже не смѣется надо мною, но разсматриваетъ меня съ какимъ-то любопытствомъ, какъ новую совсѣмъ для него вещь.

И, странно, въ этомъ внимательномъ и неожиданномъ любопытствѣ его, съ которымъ онъ смотрѣлъ на меня, я увидалъ что-то въ родѣ признанія моихъ правъ на мои чувства къ Машѣ, на мою заботу объ ней, объ ея интересахъ и проч.

— Не безпокойся объ этомъ, тетя все сдѣлаетъ,—успокоивающе проговорилъ онъ.

— А если нѣтъ? — ужъ съ облегченнымъ сердцемъ, спросилъ я, и нисколько не робѣя этого моего вопроса.

— Нѣтъ, сдѣлаетъ все, какъ слѣдуетъ. Я ей напомню, вотъ какъ она пріѣдетъ.

— А если ты забудешь?

— Ну, тогда ты мнѣ напомни объ этомъ...

Это было первое серьезное порученіе, которое я получалъ въ жизни, т. е., оно мнѣ было дано не серьезно, конечно, отцомъ, но я понималъ, что оно имѣетъ, по крайней мѣрѣ, для Маши серьезный смыслъ и сталъ ждать пріѣзда ея съ тетей Глашей.

Я дожидался ихъ спокойно, — т. е., конечно, только по внѣшности; внутренно же я сгаралъ отъ нетерпѣнія и отъ сознанія представлявшагося мнѣ подвига. Я представлялъ себѣ, какъ онѣ пріѣдутъ, будутъ разсказывать, гдѣ онѣ были, у кого какъ ихъ приняли, будутъ передавать это все съ подробностями, съ увлеченіемъ, а я буду сидѣть тутъ же, слушать и думать: — «Какъ это можно увлекаться такими пустяками, когда есть такое серьезное дѣло и оно совсѣмъ не выяснено?» И вотъ я улучу минуту, когда я останусь одинъ на одинъ, или — и это еще лучше — съ Машей, въ присутствіи сестры, и вдругъ совершенно неожиданно и серьезно спрошу Машу:—Вотъ что, Маша,—скажу я:—ты, конечно, не подумала объ этомъ, но это очень серьезный вопросъ: Глафира Николаевна сдѣлала духовное завѣщаніе, что передаетъ все тебѣ, или нѣтъ? Она мнѣ отвѣтитъ, конечно, что не знаетъ, а я съ тѣмъ же серьезнымъ видомъ скажу, что шутить этимъ нельзя и это надо выяснить. Потомъ я дамъ имъ понять, что я говорилъ объ этомъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

съ отцомъ, и онъ просилъ меня ему напомнить объ этомъ, какъ онѣ пріѣдутъ...

Этотъ дѣловой мой вопросъ, а равно и серьезный тонъ, съ которымъ я поведу это дѣло, должны произвести сильное и благопріятное для меня на нихъ обѣихъ—и на Машу и на сестру—впечатлѣніе, которое сразу же подниметъ меня въ ихъ глазахъ, и онѣ совсѣмъ иначе станутъ на меня смотрѣть. Но и не онѣ однѣ станутъ на меня такъ смотрѣть. Отецъ ужъ и теперь задумался, когда я предложилъ ему этотъ вопросъ о духовной... Меня, конечно, посвятятъ во всѣ подробности, я буду все знать, буду носителемъ въ нѣкоторомъ родѣ тайны, такъ какъ, конечно, отецъ да и всѣ мнѣ скажутъ, чтобы я объ этомъ не болталъ.—Какое заблужденіе съ ихъ стороны: я буду объ этомъ болтать!.. Изъ нихъ кто-нибудь скорѣе меня проболтается.

Но, главное—и въ этомъ вся суть для меня — я спасу Машу отъ этого чудовища, ея дальнаго родственника, который живетъ такъ воровски въ Москвѣ и который, какъ всѣ говорятъ, въ случаѣ смерти тети Глаши, не пощадитъ ее, если не окажется духовнаго завѣщанія. И всѣмъ этимъ она будетъ обязана мнѣ, потому что я возбудилъ вопросъ объ этомъ и я же потомъ настоялъ на его разрѣшеніи. И она будетъ это знать...

VII.

Но дни проходили за днями, а ихъ все не было. Я уже началъ терять въ своемъ бездѣйствіи терпѣніе. Я обсудилъ уже до мельчайшихъ подробностей, что и какъ я буду говорить, въ какой даже позѣ я буду стоять, когда начну объ этомъ разговоръ съ Машей. Придумалъ даже нѣсколько предлоговъ отозвать ее, если скоро не представится простого случая намъ быть наединѣ, т. е. мнѣ, ей и сестрѣ Сонѣ... А ихъ все нѣтъ.

Нѣсколько разъ я спрашивалъ Соню, что она объ этомъ думаетъ, т. е. почему онѣ не ѣдутъ. Но она къ этому относилась какъ-то непростительно равнодушно. Спрашивалъ гувернантку нашу Анну Карловну—эта отвѣчала мнѣ ужъ совсѣмъ безучастно:

— Вѣроятно, упросили гдѣ-нибудь остаться подольше погостить.

— Но вѣдь все-таки онѣ заѣдутъ, когда поѣдутъ къ себѣ домой?

— Вѣдь вы слышали, Глафира Николаевна говорила тогда, что заѣдетъ на день, на два.

Аннѣ Карловнѣ было, кажется, непріятно скорѣй, если бы онѣ оро пріѣхали , потому-что опять могли начаться восхищенія ихъ гувернанткой-англичанкой миссъ Джонсонъ, а это ужъ и тогда, въ первый ихъ пріѣздъ, много испортило ей крови.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Матушка, когда я спросилъ ее: пріѣдетъ ли тетя Глаша опять къ намъ, сказала:

— Да, вѣдь ты слышалъ, она обѣщала...

И я опять жилъ надеждой нѣсколько дней, подбѣгая каждый разъ къ окнамъ, когда кто-нибудь, я слышалъ, говорилъ, что ѣдутъ къ намъ гости.

Однажды, вечеромъ, когда мы сидѣли всѣ за самоваромъ на террасѣ, вдругъ вошелъ отецъ, только-что возвратившійся съ поля, съ распечатаннымъ письмомъ въ рукахъ и, передавая его матушкѣ, совершенно спокойно, какъ будто ничего въ этомъ не было особеннаго, сказалъ:

— Отъ Глафиры Николаевны. Она проситъ, чтобы ты ей сварила земляники, у нихъ всю какіе-то червяки въ этомъ году съѣли. Досадуетъ, что не могла заѣхать на возвратномъ пути.

Матушка также спокойно приняла письмо, пододвинула лампу и начала его читать.

Меня ударило просто въ жаръ отъ этого извѣстія — всѣ мои планы разлетѣлись въ прахъ. Я ничего не могъ сообразить, понять и только удивлялся, какъ это они такъ спокойны. Неужели они забыли всѣ эти ужасные разговоры объ опасности, которая грозитъ Машѣ въ случаѣ неоставленія на ея имя духовнаго завѣщанія—разговоры, которые и на нихъ тогда произвели такое тяжелое впечатлѣніе.

Но не оставалось никакого сомнѣнія, что они не придаютъ ни малѣйшаго значенія полученному ими извѣстію о томъ, что тетя Глаша проѣхала къ себѣ прямо, не заѣхавъ по дорогѣ къ намъ. Отецъ началъ разсказывать кому-то изъ сидѣвшихъ у насъ гостей о пшеницѣ, объ овсѣ. Матушка дочитала письмо, положила его и сказала:

— Вотъ чудачка. Ну гдѣ же это я ей возьму земляники теперь? Она почти вся уже сошла...

И тоже, точно и ей ничего при этомъ не пришло въ голову, кромѣ этой земляники...

И только. Больше даже ни слова никто не сказалъ ни о тетѣ Глашѣ, ни объ этомъ завѣщаніи ея, ни объ этой несчастной Машѣ.

Вышелъ какой-то перерывъ въ ихъ разговорѣ и я спросилъ у матушки, къ которой сидѣлъ ближе:

— Значитъ, онѣ теперь ужъ къ намъ не скоро пріѣдутъ?

— Кто?—не понявъ, про кого я спрашиваю, сказала матушка.

— Тетя Глаша съ Машей.

— Не знаю, не пишетъ; въ будущемъ году, вѣроятно,—опять лѣтомъ.

Я помолчалъ и еще спросилъ:

— А мы... поѣдемъ туда?

Но матушку въ это время спросилъ кто-то объ чемъ-то, и она

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ничего мнѣ не отвѣтила, занявшись разговоромъ. Когда нѣсколько времени спустя, я снова ее спросилъ, — она скороговоркой отвѣтила мнѣ:

— Да... какъ-нибудь...

Когда гости вечеромъ уѣхали, я встрѣтилъ въ залѣ отца—онъ былъ одинъ—и сказалъ ему:

— Ну, вотъ ты говорилъ напомнить тебѣ о завѣщаніи, когда къ намъ пріѣдетъ тетя Глаша: какъ же теперь, она вѣдь не пріѣдетъ въ этомъ году ужъ больше къ намъ?

Онъ усмѣхнулся и сказалъ:

— А ты не забылъ еще?

— Нѣтъ,—съ удивленіемъ къ этому его вопросу, отвѣчалъ я.

— Сдѣлаемъ ужъ какъ-нибудь.

— Но когда?

— Скоро. Я ее увижу скоро и поговорю съ ней объ этомъ,— сказалъ онъ, уходя отъ меня, и оставляя меня одного въ залѣ...

Тетя Глаша бывала у насъ обыкновенно въ началѣ лѣта, а мы ѣздили къ ней въ концѣ, такъ, въ серединѣ или въ послѣднихъ числахъ августа, а иногда, когда запаздывали, то и въ сентябрѣ.

Отецъ, дѣйствительно, видѣлся съ ней вскорѣ, но когда я спросилъ его, что онъ сдѣлалъ на счетъ духовной, то онъ отвѣтилъ мнѣ, что все будетъ скоро въ порядкѣ, но онъ сказалъ это мнѣ такъ, какъ говорятъ, чтобы только отдѣлаться.

Поэтому, вся моя надежда оставалась теперь на нашу поѣздку туда, когда я предполагалъ подбить уже самою Машу начать разговоръ объ этомъ съ теткой, объяснивъ ей предварительно весь ужасъ того положенія, которое ее ожидаетъ, если тетя Глаша, по лѣни или изъ боязни умереть, не оставитъ духовной на ея имя.

Этой мыслью я жилъ все время, съ тѣхъ поръ, какъ отецъ далъ мнѣ на мой вопросъ такой неопредѣленный и уклончивый отвѣтъ.

Какъ вдругъ, въ серединѣ августа, совершенно неожиданно для меня, я услыхалъ, что меня везутъ въ нашъ губернскій городъ, въ гимназію, гдѣ я буду учиться, а жить буду въ благородномъ пансіонѣ при гимназіи. Извѣстіе объ этомъ рѣшеніи было для меня до такой степени странно и неожиданно, что я прежде всего, растерялся, самъ за себя, за свою участь, и при этомъ, съ перваго раза конечно, совсѣмъ почти забылъ и о Машѣ, и о духовномъ завѣщаніи, ее обезпечивающемъ. Извѣстіе о предстоящей мнѣ участи ошеломило меня, отодвинуло отъ меня всѣ другіе вопросы на задній планъ. Но я даже вскорѣ замѣтилъ, какъ только я освоился съ мыслью объ отъѣздѣ, что она, Маша, вновь приближается

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ко мнѣ такой же все для меня дорогой, бѣдной и близкой моему сердцу. Она стала еще болѣе необходимой для меня. Теперь, съ моимъ отъѣздомъ, Машина судьба представлялась мнѣ совсѣмъ почти ужъ рѣшенной: кто объ ней позаботится, кому теперь будетъ дѣло до этого? Я не видѣлъ никого, кромѣ себя, кому бы она была такъ дорога и кто бы такъ постоянно внимательно и неуклонно думалъ объ ней и заботился...

Я былъ тогда, какъ могу это понять теперь, вспоминая о томъ времени въ связи съ собою, съ своими представленіями, нервнымъ и впечатлительнымъ до послѣдней степени. Я помню, что наканунѣ моего отъѣзда я ходилъ въ садъ и прощался съ аллеями, любимыми деревьями, любимыми мѣстечками въ саду, гдѣ я сиживалъ. Понятно, что уѣзжая, я представлялъ ее себѣ совсѣмъ брошенной, ужъ чуть не погибшей. У меня, какъ только я начиналъ думать объ ней, духъ захватывало и, я не знаю, на чтобы я тогда не рѣшился, чтобы только спасти ее.

Въ такомъ состояніи я былъ, когда насталъ и день отъѣзда. Помню, это было утромъ. Начинался чудесный, ясный день. Надъ рѣкой еще былъ туманъ, всѣ низы, заливные луга вдоль рѣки, были окутаны еще имъ; но ужъ солнце, большое и яркое, всходило и чуялся ведряный день...

Этого утра, а также и подробностей отъѣзда, я никогда не забуду. Только-что вставшія и наскоро умывшіяся, матушка, сестра, гувернантка, нянька—отецъ всегда рано вставалъ лѣтомъ—вышли провожать меня на крыльцо, жмурясь и щурясь на восходящее прямо передъ нами солнце. Я думалъ и былъ озабоченъ только объ одномъ—какъ бы мнѣ съ достоинствомъ, т. е. серьезно, выдержавъ характеръ, уѣхать. Я чувствовалъ, что задѣнь кто-нибудь хоть одну какую-нибудь изъ моихъ больныхъ душевныхъ струнъ, я не выдержу, слезы начнутъ душить меня и тогда все пропало. Это все я не знаю теперь для чего мнѣ было нужно и даже что такое было это собственно все: подъ этимъ все надо было понимать, конечно, одно самолюбіе, больное отъ разставанія, раздраженное отъ сознанія невозможности протестовать, дѣтски-отзывчивое и доброе.

Лошади и тарантасъ были давно уже готовы. На козлахъ сидѣлъ по дорожному одѣтый и съ необыкновенно серьезнымъ—точно онъ сознавалъ важность минуты—лицомъ кучеръ Илья. Внутри, въ самой утробѣ тарантаса, возился Филиппъ, нашъ человѣкъ, укладывая и уминая безчисленные кулечки, подушки, чемоданчики и узлы съ моимъ добромъ и припасами, которые намъ были приготовлены на дорогу, а частью и для домашняго обихода тамъ, въ томъ городѣ, гдѣ гимназія и гдѣ я буду жить. Тяжелое впечатлѣніе, испытываемое мною, испытывали должно быть и всѣ, провожавшіе меня, потому-что все это совершалось какъ-то молча,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

слышались отрывочныя только фразы; наконецъ, кто-то сказалъ:— ну, готово.

— Готово,—повторилъ и отецъ, обнялъ и поцѣловалъ меня.

— Готово,—услыхалъ я, сказалъ еще кто-то, и меня всѣ начали цѣловать. Я переходилъ изъ однихъ объятій въ другія, наконецъ всѣ вмѣстѣ со мною начали спускаться по ступенькамъ крыльца къ тарантасу, подсадили меня, я сѣлъ высоко на положенныя на сидѣнья подушки и увидѣлъ, что съ другой стороны тарантаса ужъ лѣзетъ садиться со мною рядомъ Филиппъ. Я едва держался и чувствовалъ, что мнѣ ужъ нѣтъ никакого дѣла теперь до поддержанія своего достоинства, а просто жаль ихъ, до боли жаль съ ними со всѣми разставаться.

Но въ это время раздалось:

— Ну, съ Богомъ, трогай! Да осторожнѣе пожалуйста, Филиппъ, слышишь!

Это говорилъ отецъ.

— Слушаюсь, да какъ же можно!—оборачиваясь изъ отъѣхавшаго ужъ тарантаса, откликнулся ему Филиппъ.

Я оглянулся и не успѣлъ еще, прощаясь, всмотрѣться хорошо въ лица, какъ вдругъ ихъ всѣхъ заслонилъ уголъ флигеля, стоявшаго у выѣзда—мы выѣхали со двора и поворотили влѣво. Они скрылись.

Мнѣ предстояла новая совсѣмъ жизнь, о которой я понятія не имѣлъ, и она была у меня не за горами. Завтра вечеромъ я уже долженъ былъ начать жить ею, но я всю дорогу и не думалъ объ ней. Я мысленно былъ все еще дома, вспоминалъ, что они тамъ дѣлаютъ теперь, въ такомъ-то часу... Вотъ теперь они пообѣдали и отецъ ушелъ спать... Матушка сидитъ на балконѣ — вѣроятно, кто-нибудь есть у насъ... Соня съ Анной Карловной гуляютъ въ саду, или Соня одна гуляетъ передъ балкономъ невдалекѣ, а Анна Карловна сидитъ съ матушкой, и онѣ разговариваютъ...

VIII.

Въ благородномъ пансіонѣ, куда меня привезли и сдали, и откуда съ слѣдующаго же дня я сталъ вмѣстѣ со всѣми ходить въ гимназію въ классы, были одни только дѣти дворянъ-помѣщиковъ нашей губерніи. Всего насъ было человѣкъ тридцать пять-сорокъ. Эта цифра довольно часто мѣнялась и въ обыкновенное время, такъ какъ однихъ брали, другихъ привозили къ намъ. Послѣ экзамена она мѣнялась еще рѣзче, потому-что одни оканчивали курсъ и выходили, а на ихъ мѣсто являлись новички.

Почти одновременно со мною—нѣсколькими днями позже—привезли новичка, такого же неопытнаго, ничего не видѣвшаго мальчика, какъ и я. Онъ попалъ въ тотъ же классъ, куда и я, и мы

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

сидѣли съ нимъ рядомъ во время занятій и въ пансіонѣ. Это былъ очень изнѣженный, слабенькій мальчикъ, не по лѣтамъ вытянувшійся, съ бѣлокурыми, вьющимися волосами, съ голубыми довѣрчивыми глазами, первое время страшно тосковавшій. У него была масса разныхъ коробочекъ, листиковъ почтовой бумажки съ нарисованными цвѣточками, птичками, сидящими въ гнѣздышкахъ и на вѣткахъ, какихъ-то черныхъ вырѣзанныхъ силуэтовъ, засушенныхъ цвѣтовъ и т. п. Все это у него было тщательно разобрано и уложено въ отведенномъ ему ящикѣ казеннаго стола, за которымъ мы сидѣли и занимались во время приготовленія къ завтрашнему дню уроковъ. Сидя рядомъ съ нимъ, все это я видѣлъ—нѣкоторые предметы онъ самъ мнѣ показывалъ.

Какъ-то вскорѣ, недѣли черезъ двѣ какъ мы поступили, во время вечернихъ занятій, воспитатель нашъ, m-er Бронъ, дезертеръ-французъ, какой-то капралъ, перебѣжавшій къ намъ въ Севастополѣ и потомъ получившій мѣсто воспитателя въ нашемъ благородномъ пансіонѣ, вдругъ закричалъ на моего сосѣда, разбиравшаго во время занятій у себя въ ящикѣ всѣ эти бумажки, цвѣточки, силуэтики и пр.:—«Эй, занимайтесь!..» и, вѣроятно, возмущенный тѣмъ, что онъ не сейчасъ задвинулъ ящикъ и взялся за книгу, вскочилъ со своего стула, на которомъ онъ постоянно сидѣлъ и слѣдилъ за нами, читая какой-нибудь французскій романъ, и, подбѣжалъ къ мальчику:

— Покажи!

С—нъ показалъ, отодвинувъ ящикъ.

— Вынимай! Все вынимай!

Мальчикъ все вынулъ.

Бронъ рукой смахнулъ все это на полъ, кликнулъ служителя и велѣлъ все это бросить въ топившуюся печь.

Несчастный мальчикъ кинулся, схватилъ всѣ эти дорогіе для него предметы, прижалъ ихъ къ груди и не отдавалъ.

— Бери!—кричалъ на служителя m-er Бронъ.

Служитель не трогался. Это былъ мой Филиппъ.

— Бери! Я тебѣ говорю!—продолжалъ Бронъ.

— Филиппъ, не бери,—сказалъ я.

Я самъ задыхался отъ волненія.

— Я не могу,—отвѣчалъ Филиппъ Брону.

— А-а! хорошо. Бунтъ! Это бунтъ,—горячился Бронъ и, оставивъ насъ въ покоѣ, отправился въ дежурную комнату записывать насъ въ штрафную книгу.

Исторія эта, разумѣется, кончилась ничѣмъ, потому что не могъ же, въ самомъ дѣлѣ, какой-то выходецъ, дезертиръ, обращаться такъ съ нами, дѣтьми все болѣе или менѣе крупныхъ мѣстныхъ помѣщиковъ и предводителей дворянскихъ,—этотъ Бронъ былъ опредѣленъ къ намъ по протекціи одной губернской аристо-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

кратки, у которой онъ снискалъ къ себѣ расположеніе, — но съ этого случая у меня съ моимъ сосѣдомъ начались самыя дружескія интимныя отношенія. Онъ началъ довѣрять мнѣ всѣ свои самыя задушевныя тайны, мечты, планы. Я былъ гораздо мужественнѣе его, здоровѣе, а, главное, гораздо развитѣе его. Онъ былъ поэтому совершенно подавленъ моимъ во всѣхъ отношеніяхъ превосходствомъ и за мою дружбу съ нимъ и покровительство платилъ мнѣ безпредѣльной, какой-то, можно сказать, собачьей преданностью и даже приверженностью. Я могъ заставить его сдѣлать для меня, что угодно, и онъ не задумался бы ни на минуту.

Товарищи иногда смѣялись по этому поводу и говорили:

— Т—ъ, скажи, вели С—ну, чтобы онъ изъ окна для тебя выскочилъ.

— И выскочу, — отвѣчалъ имъ С—нъ.

— Ну, выскочи.

— Пускай онъ скажетъ.

— Т—въ, скажи...

Онъ такимъ былъ потомъ и въ жизни, такимъ онъ и покончилъ съ жизнью...

Мѣсяца черезъ два или черезъ три, мы ужъ начали подумывать о томъ, кто куда поѣдетъ на рождественскіе праздники. Только-что утихшее было воспоминаніе объ оставленныхъ въ деревнѣ дорогихъ сердцу людяхъ и предметахъ теперь вновь будилось и являлось старое нетерпѣливое желаніе какъ можно скорѣе опять увидѣть ихъ, пожить съ ними и ихъ жизнью. Мой вѣрный другъ, мечтательный и нервный, задумчивый, склонный къ экзальтаціи, теперь все свободное и даже несвободное время, если обстоятельства позволяли только это, проводилъ въ перебираніи этихъ своихъ силуэтиковъ, рисуночковъ, писемъ и проч., напоминавшихъ ему объ его домѣ.

Однажды, разсказывая мнѣ о томъ, какіе ему предстоятъ въ деревнѣ удовольствія, онъ сказалъ, что у нихъ будутъ играть на домашнемъ театрѣ какую-то пьесу и это будетъ очень весело.

— И ты будешь играть?

— И я.

— А еще кто?

— О! у насъ есть отличные актеры и актрисы!—воскликнулъ онъ.

И затѣмъ онъ началъ перечислять фамиліи своихъ родственниковъ и сосѣдей, которые на праздникахъ пріѣдутъ къ нимъ, чтобы принять участіе въ спектаклѣ. Между этими послѣдними, т. е. сосѣдями, я услыхалъ и фамилію тети Глаши.

— Ты знаешь тетю Глашу!...

— Глафиру Николаевну?

— Ну, да.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Да она жъ въ семи верстахъ отъ насъ.

— Стало быть, и Машу ея знаешь?

— Знаю.

Меня охватило такое волненіе, что я не могъ говорить даже нѣсколько мгновеній.

— Ты ее когда видѣлъ послѣдній разъ?—съ трудомъ выговорилъ я, нѣсколько ужъ успокоившись.

— Какъ сюда меня повезли, дня за два. Онѣ были у насъ.

— И Маша?

— И она...

Какъ ни хорошъ и даже ни друженъ я былъ съ С—мъ, но я никогда и не начиналъ даже съ нимъ говорить обо всемъ этомъ, т. е. объ этой своей исторіи съ нѣжными и попечительными чувствами моими къ Машѣ. Конечно, еслибы я могъ только предполагать, что онъ и ее и тетю Глашу знаетъ—было бы другое совсѣмъ, я бы разспрашивалъ его про нихъ обо всемъ, до самыхъ мелочей, и онъ былъ бы мнѣ отъ этого еще вдвое ближе.

Теперь за то я началъ съ удвоенной жадностью разспрашивать его объ нихъ, т. е. собственно объ Машѣ, только такъ, для приличія, справляясь и о тетѣ Глашѣ.

Онъ разсказывалъ мнѣ, повторялъ то, что̀ меня интересовало по нѣскольку разъ съ тѣмъ большой охотой, что эти разспросы мои и его разсказы удерживали меня возлѣ него, видимо, вызывали и меня на нѣкоторыя ему признанія и, такимъ образомъ, сближали меня съ нимъ.

Онъ разсказывалъ, повторялъ мнѣ интересовавшія меня подробности, но я ясно видѣлъ, что онъ ничего не знаетъ изъ того, что собственно и главнѣйше интересовало меня: ни о томъ, что Маша незаконная дочь дяди Васи, ни о томъ, что если тетя Глаша не оставитъ ей завѣщанія въ случаѣ своей смерти, она останется нищей—онъ ничего не зналъ. Онъ зналъ только, что ее, т. е. Машу, всѣ очень любятъ и говорятъ, что она будетъ замѣчательная красавица, что тетя Глаша гордится ею, и любитъ ее такъ, что и души въ ней не чаетъ.

— Нынче лѣтомъ у насъ студентъ гостилъ, который въ Москвѣ съ Володей (его братомъ) живетъ, и онъ былъ влюбленъ въ нее.

— А она?—спросилъ я.

— Да она чудная такая, ей ни до чего дѣла нѣтъ.

— Онъ лѣтомъ опять къ вамъ гостить пріѣдетъ.

— Нѣтъ, онъ кончаетъ курсъ и куда-то уѣзжаетъ.

И еще разсказалъ онъ, что за нею ухаживалъ также какой-то ремонтеръ, у котораго недалеко отъ ихъ имѣнія снятъ хуторъ и помѣщеніе все, гдѣ у него стоятъ ремонтныя лошади.

— Значитъ, онъ постоянно тамъ живетъ?

— Лѣтомъ,—да, а зимой уѣзжаетъ въ Москву.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Теперь его, значитъ, нѣтъ?

— Нѣтъ.

Все въ этомъ родѣ онъ мнѣ разсказывалъ. Это все, конечно, болѣе или менѣе тревожило, безпокоило меня.

До праздниковъ оставалось уже не долго, недѣли двѣ не больше. За нами должны были пріѣхать или прислать изъ деревни лошадей, чтобы взять насъ. С—ну я уже далъ понять—не прямо сказалъ, но именно далъ понять—что я ее люблю «безумно», и что я носитель ея тайнъ, что ей угрожаетъ одна опасность, отъ которой ее никто не спасетъ, кромѣ меня, но я ее спасу...

Мнѣ было тогда уже тринадцать лѣтъ, и я перечиталъ ужъ массу переводныхъ французскихъ и оригальныхъ русскихъ романовъ. Марлинскаго всего я перечиталъ раза два и бредилъ его героями, выбирая то того, то другого изъ нихъ за образецъ себѣ. Судьба Маши мнѣ представлялась какъ разъ подходящей для совершенія мною подвиговъ во вкусѣ героевъ Марлинскаго, и я ходилъ съ ужаснѣйшимъ сумбуромъ въ головѣ, едва успѣвая готовить уроки.

Когда за нами обоими, наконецъ, пріѣхали (прислали кучеровъ съ лошадьми), и мы начали съ нимъ прощаться ужъ совсѣмъ одѣтые по дорожному, я съ чувствомъ сказалъ ему только нѣсколько словъ. Всѣ вопросные пункты и инструкціи онъ получилъ отъ меня еще раньше во всѣхъ подробностяхъ.

— Я понимаю,—крѣпко пожавъ мнѣ руку и обнимая меня, отвѣчалъ мнѣ мой другъ также растроганно и въ то же время также серьезно и рѣшительно.

Я уѣхалъ домой, исполненный самыхъ возвышенныхъ мыслей и самыхъ серьезныхъ соображеній.

IX.

Не доѣзжая версты до нашего дома была мельница, принадлежавшая какому-то купцу Огаркову. Онъ у насъ бывалъ, т. е. пріѣзжалъ по дѣламъ къ отцу, и я его видалъ у него въ кабинетѣ. Лѣтомъ мы всей семьей иногда пріѣзжали къ нему на мельницу, и въ это время онъ и жена его выходили къ намъ, и они угощали насъ у себя чаемъ съ вареньемъ и какими-то особенными, необыкновенно вкусными кренделями — обыкновенными баранками, вѣроятно.

Когда мы теперь подъѣхали къ мельницѣ, на плотинѣ мы увидѣли этого Огаркова. Онъ стоялъ съ какими-то мужиками и разговаривалъ. Онъ очень любезно раскланялся со мною и сталъ поздравлять съ пріѣздомъ и говорилъ еще какія-то любезности. Кучеръ пріостановилъ лошадей.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Маменьку-то вотъ жаль не застанете дома — сейчасъ только проѣхали, спѣшатъ къ тетенькѣ Глафирѣ Николаевнѣ,—съ участіемъ сказалъ онъ.

— Что тамъ такое? случилось что?!—съ испугомъ воскликнулъ я.

— Да нездоровы, кажется, онѣ,—отвѣчалъ Огарковъ успокоительнымъ тономъ, но я видѣлъ по лицу его, что онъ не совсѣмъ откровенно мнѣ говорилъ: — ничего, все, Богъ дастъ, всѣ подъ Богомъ ходимъ, можетъ еще и понапрасну потревожили,—добавилъ онъ.

Дома, здороваясь съ отцомъ, вышедшимъ встрѣчать меня на крыльцо, прежде всего я спросилъ, что такое у тети Глаши случилось, что матушка такъ поспѣшила, не дождавшись меня, поскакала туда.

— Да, чтожъ дѣлать — ужасно это грустно! — съ ней, кажется, параличъ,— отвѣчалъ отецъ: — плохо ей, по крайней мѣрѣ, такъ говорятъ.

Я просто какъ съ горы сорвался и упалъ въ какую-то пропасть. Должно быть, я былъ хорошъ, что отецъ съ испугомъ на лицѣ спросилъ меня:

— Что съ тобою?

— А Маша?—проговорилъ я.

Онъ повелъ меня въ домъ; въ передней съ меня сняли теплое платье — я повертывался, шелъ, куда меня вели, здоровался съ сестрой, съ гувернанткой, съ нянъками, совсѣми какъ автоматъ.

Перепугъ всѣхъ взялъ, что со мною такое сдѣлалось. Отецъ растерянно спрашивалъ меня, почему это извѣстіе такъ тревожитъ меня, успокоивалъ, говорилъ, что, можетъ быть, все еще окажется благополучно, что вѣрнаго ничего онъ и самъ не знаетъ, такъ какъ все, что имъ извѣстно,—извѣстно изъ письма Маши, которая могла просто испугаться и больше ничего.

Меня, насколько могли, успокоивали; но никому изъ нихъ и въ голову не приходила настоящая причина моего безпокойства. Наконецъ, много времени спустя уже я—такъ долго не рѣшавшійся спросить—задалъ отцу вопросъ, о томъ, что что же теперь будетъ съ Машей?

— Да, это ужасно, если только Глафира Николаевна не сдѣлала ей завѣщанія,—согласился и онъ.

— А она не сдѣлала его?

— Должно быть, нѣтъ.

— Я былъ увѣренъ въ этомъ! У меня было предчувствіе!—воскликнулъ я: — и какая это подлость! Оставить, бросить такъ ее...

Матушку ожидали только на третій день. Если бы она почему-нибудь рѣшилась тамъ остаться на болѣе продолжительное время, она должна бы была — такъ было условлено — прислать извѣстить объ этомъ. Эти три дня были для меня цѣлой вѣчностью, кажется. Наконецъ, на третій день къ вечеру она пріѣхала.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Положеніе тети Глаши было, по ея словамъ, безнадежно. Она лежала безъ языка, одна рука и одна нога у нея отнялись. Доктора—три — которые пріѣзжали къ ней во время пребыванія тамъ матушки, говорили, что прожить — она можетъ, пожалуй, еще и проживетъ, но чтобы выздоровѣла — на это нѣтъ никакой надежды. Я слушалъ это все вмѣстѣ съ другими и спросилъ ее:

— И завѣщаніе въ пользу Маши, конечно, не сдѣлала.

— Никакого,—рѣшительно, отвѣтила она, не догадываясь, какое значеніе имѣетъ этотъ ея отвѣтъ для меня.

— Фу, какая подлость!—опять воскликнулъ я.

Матушка быстро обернулась на меня.

— Это ты про тетю Глашу-то?—съ удивленіемъ глядя на меня и даже какъ-бы въ испугѣ, проговорила она.

— Да развѣ можно дѣлать то, что она сдѣлала? Вѣдь эту несчастную теперь выгонитъ на улицу этотъ ихъ дальній родственникъ.

Матушка начала говорить, что этого тетя Глаша, конечно, никогда не желала сдѣлать, что это просто несчастіе и т. д., и т. д. Что, наконецъ, если ей немножко Богъ дастъ получшаетъ, она, матушка, первая, конечно, настоитъ на этомъ, т. е. чтобы тетя Глаша сдѣлала духовное завѣщаніе, и проч.

Но на другой день по ея пріѣздѣ изъ Пестрядки пріѣхалъ посланный и просто, безъ письма, на словахъ, привезъ извѣстіе, что тети Глаши не стало...

X.

Прошло много лѣтъ послѣ этого. Я кончилъ гимназію и былъ потомъ въ университетѣ. Что случалось за это время съ Машей—я зналъ все. Ужасное впечатлѣніе производили на меня всякій разъ извѣстія объ несчастіяхъ, которыя одно за другимъ обрушивались на эту несчастную дѣвушку. Я зналъ, что послѣ смерти тети Глаши, ее пригласилъ къ себѣ жить другой нашъ дальній родственникъ и ей тамъ былъ далеко не медъ. Я слышалъ потомъ о какомъ-то гнусномъ покушеніи на нее со стороны того дальняго ея родственника, который унаслѣдовалъ, помимо ея, имѣніе послѣ тети Глаши. Я зналъ, что потомъ у нея была оспа, страшно ее обезобразившая, послѣ которой она, выздоровѣвъ, поступила въ тотъ монастырь, гдѣ когда-то жила дѣвочкой и откуда ее тогда взяла на воспитаніе къ себѣ тетя Глаша. Но самъ я ее съ того единственнаго раза, какъ видѣлъ тогда впервые у насъ, больше ни разу не видалъ.

Ранней весной я ѣхалъ однажды домой изъ Петербурга въ деревню. Рѣки только-что прошли. Мерзлая, не успѣвшая еще оттаять, земля была покрыта мѣстами еще снѣгомъ. Но день былъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

жаркій, яркое солнце,—веселое, весеннее солнце—стояло высоко въ голубомъ, даже синемъ небѣ, какое бываетъ только ранней весной. Тамъ, въ его выси звенѣли безчисленные голоса: пѣли жаворонки, посвистывая, летѣли утки, кулики. Я почти уже подъѣзжалъ къ нашей деревнѣ и оставалось немного ужъ, какихъ-нибудь верстъ двадцать.

Впереди насъ давно ужъ ѣхала подвода парой—обыкновенная, простая мужицкая телѣга запряженная двумя лошаденками—и на ней какихъ-то двѣ женскихъ фигуры и мужикъ-кучеръ на козлахъ. Дорога была худая и я не спѣшилъ на тройкѣ обогнать эту подводу. Но на какомъ-то поворотѣ они остановились, такъ что намъ нужно было проѣзжать мимо ихъ. Я взглянулъ, и изъ двухъ монашенокъ, сидѣвшихъ на подводѣ, лицо одной невольно остановило почему-то на себѣ мое вниманіе. Мнѣ показалось, что я ее видалъ, помнилъ почему-то... Ямщикъ тронулъ, и мы поѣхали рысью впередъ, далеко оставивъ ихъ скоро за собою.

Дня черезъ четыре по пріѣздѣ домой, мы сидѣли за чаемъ, какъ къ матушкѣ пришла нянька и сказала ей: «монашенки пріѣхали».

Я почему-то при этомъ невольно вспомнилъ про тѣхъ монашенокъ, которыхъ видѣлъ дорогой и именно про ту, которую тогда я не могъ никакъ припомнить, гдѣ я ее видѣлъ.

Матушка велѣла принять ихъ, подать имъ чаю, узнать не хотятъ ли они ночевать—дѣло было ужъ позднимъ вечеромъ. Немного погодя, она сама пошла къ нимъ: она много имъ давала разныхъ старыхъ вещей, съ которыми, я ужъ не знаю, что онѣ дѣлали, жертвовала всегда и сколько-нибудь денегъ.

Вдругъ она вернулась и, радостно, сіяющая, обратилась къ намъ, ко всѣмъ сидѣвшимъ еще у чайнаго стола, съ вопросомъ:

— А знаете, кто одна изъ этихъ монашенокъ?

Я совершенно безучастно посмотрѣлъ на нее, предполагая, что это просто какая-нибудь знакомая всѣмъ имъ монахиня, которую я совершенно не знаю и до которой мнѣ никакого дѣла нѣтъ.

— Отгадай. Ну, какъ бы ты думалъ, кто?—смотря на меня ужъ одного, вдругъ спросила она.

— Маша!—вдругъ почему-то пришла мнѣ въ голову она, и я воскликнулъ ея имя.

— Да. Ты почемъ узналъ?

Почему она мнѣ пришла вдругъ въ голову, какъ это могло случиться, когда я и не думалъ объ ней—я не знаю,—но я теперь вдругъ понялъ точно, что никого, кромѣ нея, и не могло быть, и мнѣ вдругъ ужасно захотѣлось скорѣе ее видѣть, говорить съ нею.

— Она гдѣ?

— Въ угольной. Имъ самоваръ подали, онѣ чай пьютъ.

— Можно туда?

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Конечно.

И я, и всѣ мы, пошли смотрѣть Машу, говорить съ ней, разспрашивать ее.

Я торопливо, впередъ всѣхъ, не дожидаясь остальныхъ, вошелъ въ угольную. Тамъ сидѣла нянька за самоваромъ и двѣ эти монашенки. Онѣ обѣ встали при моемъ появленіи. Ту, которая была «Маша», я узналъ теперь сразу, и хотѣлъ было ужъ подойти къ ней, назвать по-старому, какъ тогда; но передо мною были двѣ серьезныя до суровости женщины, недопускавшія повидимому и мысли ни о какой радости. Онѣ встали, поклонились мнѣ какъ-то въ разъ и продолжали стоять съ опущенными глазами.

Мнѣ вдругъ сдѣлалось ужасно неловко за свою поспѣшность и излишнюю развязность, съ которой я вошелъ. И потомъ какъ же я ее назову?..

Меня выручила матушка, вошедшая въ это время.

— Мать Марѳа, вы не узнаете его? А помните гимназиста-то.

Монахиня подняла на меня глаза и долгимъ внимательнымъ взглядомъ посмотрѣла, какъ бы припоминая.

Я тоже смотрѣлъ на нее. Лампа со стѣны освѣщала ее сзади, такъ что лицо ея было не освѣщено и я не могъ видѣть на немъ слѣдовъ, оставленныхъ страшной болѣзнью, ею испытанной.

— Нѣтъ, я помню, но они—она повела глазами на меня—тогда, кажется, не были еще гимназистомъ.

— Совершенно вѣрно,—не безъ нѣкотораго волненія отвѣтилъ я ей.

Матушка, отецъ, тоже сюда пришедшій, начали просить ихъ опять садиться и продолжать кушать чай. Мы всѣ тоже усѣлись тутъ съ ними. Я сѣлъ нарочно поближе къ «Машѣ».

Матушка заговорила съ ними что-то о монастырѣ, что тамъ какія новости, перемѣны, давно ли онѣ оттуда выѣхали, по какому сбору ѣздятъ и т. п.

И, что мнѣ было самое странное,—она нисколько не чувствовала въ этомъ никакой неловкости, когда я говорилъ ей «мать Марѳа» и отвѣчала мнѣ, точно будто я никогда не зналъ другого ея имени.

Онѣ долго сидѣли и говорили, а я слушалъ ихъ и все смотрѣлъ на нее — какъ это такъ былъ одинъ человѣкъ и вдругъ этотъ же самый — сталъ другой теперь совсѣмъ, такъ что ничего рѣшительно въ немъ не осталось отъ того перваго человѣка и узнать его почти нельзя.

Уже совсѣмъ, какъ имъ уходить спать—онѣ остались у насъ ночевать и такъ какъ сказали, что съ дороги очень устали, то матушка велѣла имъ раньше все приготовить—я спросилъ «ее»:

— А я, кажется, васъ видѣлъ дня четыре тому назадъ. Я васъ обогналъ. Вы отстали на одномъ поворотѣ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Очень можетъ быть,—отвѣтила «она» и посмотрѣла въ мою сторону.

— Я тогда не то, чтобы васъ узналъ, но никакъ не могъ все вспомнить, гдѣ я васъ раньше видѣлъ.

Она ничего мнѣ не отвѣтила, только еще разъ взглянула на меня.

Мы провели съ ними еще сколько-то времени и оставили ихъ, пожелавъ имъ покойной ночи.

— Вы рано завтра уѣзжаете?—спросила ихъ матушка:—останьтесь, погостите, отдохните...

— Да вотъ поспѣшаемъ, полая вода насъ застала. Насъ ужъ давно въ монастырѣ со сборами ждутъ. Скоро постройки начнутся, деньги нужны,—отвѣтила другая монахиня.

Но онѣ все-таки остались на завтра до нашего утренняго чаю.

Утромъ, въ столовой, я ее опять видѣлъ.

Мнѣ опять пришлось—на этотъ разъ ужъ не по моему желанію, а случайно—сидѣть почти рядомъ съ нею.

— И вы часто ѣздите по сборамъ?—спросилъ я ее.

— Когда благословитъ игуменья-мать.

— И вы все тутъ ѣздите, по знакомымъ мѣстамъ?

— Гдѣ подаютъ жертву, тамъ и ѣздимъ.

— Вѣдь тутъ все кругомъ полно для васъ воспоминаній.

— Мы тутъ рѣдко ѣздимъ.

— И въ Пестрядку никогда не заѣзжали?

Ее въ это время матушка спросила, не хочетъ ли она еще чаю, она отвѣтила ей, мнѣ показалось нарочно поспѣшно, чтобы избѣжать отвѣта мнѣ.

Второй разъ я ужъ не рѣшался спросить ее объ этомъ.

Имъ подали послѣ чаю еще какую-то закуску, послѣ которой онѣ уѣхали.

Когда я стоялъ у окна гостиной, смотря на нихъ, какъ онѣ отъѣзжаютъ отъ крыльца, ко мнѣ подошла матушка и, положивъ на плечо мнѣ руку, спросила:

— Каково измѣнилась-то? Вѣдь ты бы не узналъ ее?

Я вздохнулъ и пожалъ плечами.

С. Терпигоревъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ВОСПОМИНАНІЯ О М. Е. САЛТЫКОВѢ.

I.

МНѢ КАЖЕТСЯ, что на каждомъ изъ знавшихъ лично М. Е. Салтыкова лежитъ нравственная обязанность записать по свѣжей памяти свои воспоминанія о немъ, чтобы сохранить отъ забвенія тѣ черты, которыя могутъ характеризовать его, какъ человѣка, какъ писателя и какъ общественнаго дѣятеля. Безъ этого невозможна хорошая его біографія, и чѣмъ больше будетъ такихъ воспоминаній и матеріаловъ, тѣмъ полнѣе и лучше обрисуется его личность. Человѣческая память—слишкомъ ненадежный архивъ: нѣкоторые факты и обстоятельства съ теченіемъ времени утрачиваютъ краски и настоящій смыслъ, а многое и совсѣмъ забывается; видѣнное кажется слышаннымъ, а слышанное видѣннымъ; пущенный кѣмъ-нибудь удачный анекдотъ—дѣйствительностью, а дѣйствительность—анекдотомъ.

Незадолго передъ смертью Михаилъ Евграфовичъ сказалъ мнѣ, между прочимъ, въ разговорѣ: «Обиднѣе всего, что умрешь и—будутъ про тебя только анекдоты разсказывать»... Собственно говоря, въ анекдотахъ ничего еще дурного нѣтъ, если они хороши и правдоподобны: чуть ли не про всѣхъ великихъ людей существуютъ анекдоты, а вмѣстѣ съ тѣмъ разсказываютъ про нихъ же и нѣчто иное, что сдѣлало ихъ великими, но, дѣйствительно, одни «только анекдоты» обидны. Объ этомъ даже подумать только и то тяжело. Положимъ, что Салтыковъ всегда преувеличивалъ опасенія и въ данномъ случаѣ преувеличилъ анекдотическое усердіе тѣхъ, о комъ го-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ворилъ и отъ кого ждалъ анекдотовъ; положимъ, что анекдотовъ про него не разсказываютъ и смерть его вызвала много самыхъ искреннихъ сожалѣній и слезъ; но въ данномъ случаѣ, относительно литературныхъ дѣятелей, у насъ вообще дѣло стоитъ какъ-то черезчуръ сурово и несправедливо, я сказалъ бы даже неблагодарно.

Хотя мы ихъ и хоронимъ не какъ дикіе дикихъ, а съ извѣстнымъ, установившимся церемоніаломъ и процедурами, со словами: «страна понесла незамѣнимую утрату», «литература лишилась выдающагося представителя» и т. д., но все-таки придаемъ слишкомъ мало значенія нашей потерѣ и ихъ личности, точно умеръ не человѣкъ, на которомъ одни воспитались, съ которымъ другіе вмѣстѣ жили и боролись за извѣстныя идеи и съ которымъ вообще много духовныхъ связей, а какая-то незамѣтная, нарицательная величина (имя рекъ), которую вполнѣ достаточно вспоминать вмѣстѣ со «вся православныя христіаны». Положимъ, что въ Писаніи сказано: предоставьте мертвыхъ хоронить мертвымъ; но въ данномъ случаѣ мы не изъ Писанія вовсе исходимъ, да и не о мертвыхъ тѣлахъ тутъ, конечно, и рѣчь идетъ. Дѣло не въ погребальныхъ церемоніяхъ и фразеологіи, которыхъ у насъ, пожалуй, довольно, а въ недостаткѣ истинной признательности и уваженія къ людямъ, въ небрежности и равнодушіи къ сохраненію памяти о нихъ, какъ о людяхъ, которые могутъ украсить небогатую исторію нашей цивилизаціи и примѣръ которыхъ небезполезенъ, какъ самимъ намъ, такъ и будущимъ поколѣніямъ.

Подобные суровые или небрежные нравы выработались ближайшимъ образомъ въ литературной же средѣ и въ ближайшей къ литературѣ части общества; но если всмотрѣться въ дѣло глубже, то мы замѣтимъ тутъ также и общую черту русскаго характера: русскій человѣкъ не только не дорожитъ тѣмъ, что уже умерло, но не дорожитъ также и всѣмъ, что безсильно, напр., стариками и тѣми, хотя бы и молодыми, но разбитыми и разсѣянными силами, отъ которыхъ уже ждать нечего. Въ нѣкоторыхъ, лучшихъ случаяхъ это происходитъ изъ ригористическаго источника и слишкомъ строгаго взгляда на себя и другихъ передъ задачами общаго дѣла, т. е. на первомъ планѣ стоитъ дѣло, а потомъ ужъ люди: умеръ одинъ—становись на его мѣсто другой, и становись бодро, безъ экспансивностей, какъ бы жаль товарища ни было; умеръ другой—становись третій и старайся, по мѣрѣ силъ и возможности, дѣлать то же самое (легко сказать: дѣлай Салтыковское дѣло!). Но такихъ случаевъ мало, а, кромѣ того, такое отношеніе еще понятно въ періоды оживленной общественной дѣятельности и борьбы, а не въ обыкновенное время и не въ періоды затишья и сна, когда вмѣсто дѣла остается одна только форма и внѣшность. Но и вообще въ такомъ отношеніи слишкомъ много спартанской сурово-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

сти, легко переходящей въ черствую дѣловитость, которою отличаются люди совсѣмъ другого сорта, люди, которымъ въ сущности ни до чего и ни до кого дѣла нѣтъ, кромѣ самихъ себя, и которые очень склонны думать, что настоящая литература начинается только съ нихъ и что они сами себѣ предки. Развязные и самодовольные, они нерѣдко прямо чураются и открещиваются отъ всякихъ литературныхъ традицій, и открещиваются не во имя какихъ-либо высшихъ принциповъ и направленія, а во имя тѣхъ или иныхъ недалекихъ практическихъ соображеній и самодовольства: «все, молъ, что было доселѣ, — ерунда, а вотъ живая вода изъ нашего пруда, можетъ быть не особенно чистая, но для пойла, по нынѣшнимъ временамъ, самая пригодная»... Тутъ вопросъ вовсе не въ происхожденіи людей отъ извѣстнаго литературнаго колѣна, а въ умственной и вообще въ духовной преемственности идей, взглядовъ и убѣжденій. Это не родословная, а если и родословная, то самая демократическая и безсословная. Всегда интересно и нужно знать, что представляетъ собою человѣкъ, откуда исходитъ и куда путь держитъ. Если у людей есть что̀ сказать, то имъ нисколько не стыдно быть продолжателями дѣла, прежде начатаго, а если у нихъ ничего нѣтъ за душой, то зачѣмъ говорить, какъ нѣчто неслыханное, то, что̀ уже раньше говорилось, зачѣмъ открывать вновь Америки, или еще того лучше — искать Америкъ въ собственномъ пруду. Если бы люди, говорящіе: мы сами себѣ предки, всегда оправдывали эти слова и всегда стояли на высотѣ задачъ своего времени, если бы они не оказывались иногда просто курицыными дѣтьми и распространителями куриной слѣпоты, то самое лучшее, конечно, было бы предоставить имъ открывать новыя Америки и наслаждаться самодовольствомъ, но игнорированіе и отрицаніе литературныхъ традицій не ограничивается однимъ только неуважительнымъ отношеніемъ къ прошлому, а ведетъ и, главнымъ образомъ, направляется къ подавленію и закидыванію мусоромъ живыхъ еще остатковъ и новыхъ ростковъ этихъ традицій. Я знаю, что есть люди (и цѣлыя изданія) еще болѣе практическіе и пожалуй еще худшіе, чѣмъ только-что указанные, которые эксплуатируютъ извѣстныя литературныя традиціи и направленіе, показывая видъ, что хранятъ ихъ и цѣнятъ, тогда какъ въ сущности тоже плюютъ на нихъ и безъ всякой церемоніи искажаютъ, а когда нужно, то и совсѣмъ отъ нихъ отказываются; но это ужъ особая категорія людей, которая къ предмету нашей рѣчи не относится, такъ какъ мы говоримъ только о различныхъ проявленіяхъ небрежнаго и невнимательнаго отношенія къ писателямъ.

Что же касается общества, отличающагося тѣми же чертами, то тамъ эта небрежность и равнодушіе происходятъ, вѣроятно, ни отъ чего другого, какъ отъ тѣхъ же свойствъ русскаго человѣка — не особенно горевать объ утратахъ, отъ слабости его свя-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

зей съ литературою и отъ непривычки видѣть и цѣнить умственныхъ своихъ вождей и дѣятелей: русская наука и литература—явленія, сравнительно, еще недавнія на Руси, которыя не имѣютъ подъ собою надлежащей почвы, въ видѣ широкой общественной образованности и политическаго развитія. Русское общество и литература, русскій читатель и писатель—это одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ Салтыкова, прикосновеніе къ которому всегда вызывало въ немъ то безнадежную грусть, то глубокое негодованіе. Русскому читателю въ большинствѣ случаевъ нѣтъ дѣла до того, какъ живетъ и что выноситъ русскій писатель, сколькихъ мукъ стоитъ ему иная работа и какими терніями усѣянъ его путь; онъ только необыкновенно внимателенъ къ его слабостямъ и недостаткамъ и любитъ судить и рядить его за нихъ. Для этого онъ не только собираетъ всевозможные слухи объ его домашней и интимной жизни, но иногда даже самъ сочиняетъ про него небылицы: «вотъ, молъ, они каковы—проповѣдники-то наши». Производится это положительно съ какимъ-то злорадствомъ, а исходною точкою при этомъ всегда служитъ желаніе оправдать свои собственные недостатки и пороки. Иногда онъ сочувствуетъ и рукоплещетъ успѣхамъ писателя, но точно также онъ рукоплещетъ и пѣвицѣ въ опереткѣ, и танцовщицѣ въ балетѣ, и рысистой лошади на бѣгу, и клоуну въ циркѣ. Нерѣдко онъ такъ именно и смотритъ на писателя, т. е. съ удовольственной точки зрѣнія: увеселяй, молъ, меня, доставляй пріятное развлеченіе и раздраженіе, или трогай мои нервы и настроивай ихъ на возвышенный ладъ,—я не забылъ еще нѣкоторыхъ идей и люблю вспоминать время беззавѣтной, мечтательной юности. Онъ любитъ либеральныя вещи почитать, прямо или между строкъ, и чѣмъ прямѣе и смѣлѣе — тѣмъ лучше, а когда за это писатель оказывается въ отвѣтѣ, то онъ всегда ретируется въ подворотню, какъ говорилъ Салтыковъ. Писатель всегда чувствуетъ себя одинокимъ, и одно это уже можетъ наполнять его жизнь горечью. Иногда читатель выражаетъ ему внѣшее почтеніе, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ, пожалуй, доходить передъ нимъ даже до холопства и идолопоклонства; но это нисколько ему не мѣшаетъ переходить къ непочтительности и обращенію съ нимъ немногимъ развѣ лучшему, чѣмъ буряты обращаются съ своими божками, и тѣмъ подавно нисколько не мѣшаетъ предавать его самому скорому и полному забвенію.

Мы забываемъ людей не только поодиночкѣ, но цѣлыми даже группами. За примѣрами ходить недалеко; были, напримѣръ, шестидесятые годы, когда въ литературѣ появилось столько новыхъ дарованій. Одни изъ нихъ блеснули точно метеоры и вскорѣ же померли, померли еще молодыми; другіе дольше жили и не мало потрудились для литературы; а кто ихъ знаетъ и помнитъ? Мы, сверстники ихъ и ближайшее литературное поколѣніе, еще пом-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

нимъ, а поколѣніе идущее за нами сплошь и рядомъ не только ихъ, но и произведеній ихъ не знаетъ. А между тѣмъ каждый изъ нихъ приносилъ въ литературу нѣчто несомнѣнно цѣнное: одинъ новую мысль, другой знаніе, третій изученіе народной жизни, обычаевъ, нравовъ и души, четвертый собственную живую душу, нерѣдко переполненную страданіями. Добролюбовъ, этотъ выдающійся талантъ, жилъ и умеръ въ Петербургѣ, у всѣхъ на глазахъ, а между тѣмъ опытъ его біографіи и собираніе матеріаловъ были предприняты только въ прошломъ году, да и то сдѣлано это было личнымъ его другомъ, человѣкомъ, пожалуй, не менѣе его злополучнымъ и теперь также уже умершимъ. Не возьмись за дѣло другъ, можетъ быть, никто ничего не сдѣлалъ бы. Но, кромѣ Добролюбова, были и другіе, хотя и менѣе даровитые, но все-таки талантливые люди: М. Ил. Михайловъ, братья В. С. и Н. С. Курочкины, Помяловскій, Рѣшетниковъ, Левитовъ, Слѣпцовъ, Вороновъ, Демертъ, Омулевскій (псевдонимъ), Шашковъ, Н. Успенскій и многіе другіе. Это цѣлая плеяда, цѣлая галерея писателей разночинцевъ. Каждый изъ нихъ вносилъ свою лепту въ общую умственную сокровищницу, каждый по своему служилъ общему дѣлу, въ большинствѣ случаевъ не думая о личныхъ выгодахъ, а жертвуя ими или подчиняя ихъ общему благу. Были, конечно, и исключенія, но исключенія всегда и вездѣ есть и всегда остаются только исключеніями. Пускай разночинецъ принесъ съ собою нѣкоторую невоздержность, распущенность и рѣзкость взглядовъ, но онъ же имѣлъ и несомнѣнныя заслуги: достаточно сказать, что ему принадлежитъ цѣлая яркая страница въ литературѣ, которую не вычеркнешь. Наконецъ, разночинецъ и самъ по себѣ въ высшей степени интересенъ, какъ продуктъ извѣстнаго времени, извѣстныхъ общественныхъ настроеній и перемѣнъ. Кто издалъ бы литературный альбомъ того времени, тотъ сдѣлалъ бы не только интересное, но и полезное дѣло. Во всякомъ случаѣ, смотрѣть на такихъ людей, какъ на нарицательныя величины, какъ на литературные только лѣса и подпорки, было бы слишкомъ большою роскошью: такихъ богатыхъ и разнообразныхъ дарованій не привлекало къ себѣ ни одно поприще.

Но не одни только шестидесятые годы представляютъ примѣръ такой невнимательности къ писателямъ. Невнимательность эта сказывается постоянно. Умерла, напримѣръ, въ прошломъ году замѣчательная писательница Н. Д. Хвощинская (В. Крестовскій—псевдонимъ), чѣмъ же и какъ мы почтили ея заслуги, которыхъ такъ много? Нѣсколькими краткими некрологами, въ которыхъ, помнится, рядомъ съ похвалами, указывалось на второстепенную ея роль среди корифеевъ 40-хъ и 60-хъ годовъ и на второстепенные размѣры ея таланта. Умеръ также въ прошломъ году Д. Д. Минаевъ, человѣкъ написавшій до 50 томовъ стиховъ и прозы, читавшійся когда-то

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

въ «Русскомъ Словѣ» [1]) наравнѣ съ Писаревымъ, и если и вынужденный въ послѣдніе годы работать въ мелкой прессѣ, то и тамъ не забывавшій лучшихъ литературныхъ преданій и стремленій, а о немъ въ большинствѣ органовъ даже и некрологовъ не было, точно умеръ не писатель, котораго когда-то жадно читали и академія увѣнчивала преміями, а какой-нибудь военный писарь или писецъ управы благочинія. Выбываетъ человѣкъ изъ строя, и сейчасъ же ряды смыкаются, житейскія волны сходятся и какъ будто человѣка и не было. Да, это слишкомъ суровые нравы.

Если мы видимъ иногда въ послѣдніе годы примѣры, въ родѣ многолюдныхъ похоронъ Некрасова, Достоевскаго, Тургенева, въ которыхъ какъ бы сказывается иное отношеніе къ писателямъ, то не надо забывать величину этихъ писателей и сколько лѣтъ они писали, а затѣмъ многіе могли идти на ихъ похороны просто какъ на зрѣлище, и людей посмотрѣть, и себя показать. Если мы видимъ внимательность къ Надсону и Вс. Гаршину, то не надо забывать всю ужасную ихъ судьбу: оба молодые, оба даровитые и многообѣщавшіе, они умерли—одинъ отъ чахотки, а другой бросившись съ лѣстницы. А затѣмъ, рядомъ съ этими фактами, не надо забывать и другихъ: сколько лѣтъ, напримѣръ, собиралась и собирается подписка на памятникъ Гоголю. Такая огромная страна такая первоклассная держава и не можетъ собрать необходимой суммы для постановки приличнаго памятника одному изъ самыхъ крупныхъ русскихъ талантовъ. Нѣкоторыя вещи, хотя и понятны, но трудно примиримы между собою, такъ, напримѣръ: я не помню ничего сердечнѣе, единодушнѣе и трогательнѣе Некрасовскихъ похоронъ. Если похороны Тургенева отличались небывалымъ многолюдствомъ и торжественностью, то похороны Некрасова отличались именно сердечностью, единодушіемъ и глубокою скорбью: и молодежь, которая преобладала, и люди средняго возраста, и старики, и мужчины и женщины—всѣ точно были подавлены одною мыслью о потерѣ крупной общественной силы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чего-то всѣмъ близкаго и дорогого, а когда въ мрачныхъ сводахъ большого храма Новодѣвичьяго монастыря раздалось съ амвона превосходное слово священника объ истинно-христіанской любви Некрасова къ людямъ и высокомъ чувствѣ къ матери и затѣмъ слова одного изъ лучшихъ его стихотвореній («Рыцарь на часъ»), когда священникъ въ траурной ризѣ, при свѣтѣ свѣчей, началъ говорить это прекрасное стихотвореніе и затѣмъ, точно не въ силахъ былъ остановиться и продолжалъ его до конца, то въ храмѣ настала такая глубокая тишина, что слышно было біеніе собственнаго сердца и затаенное дыханіе сосѣдей; у многихъ неудержимо лились слезы, у всѣхъ лица были блѣдны и выражали скорбь,

[1]) Фельетоны: «Дневникъ темнаго человѣка».

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ту хорошую скорбь, которая такъ краситъ человѣка. Литература какъ-то сливалась съ религіей. Если бы русскій человѣкъ не былъ способенъ къ такимъ проявленіямъ, хотя бы и кратковременнымъ, если бы отъ него нельзя было ожидать ничего подобнаго, то о немъ не стоило бы и говорить. Но вотъ проходитъ годъ или два, хорошенько ужъ не помню, сестра Некрасова поставила ему на кладбищѣ памятникъ, издала его стихотворенія, передала его небольшое имѣніе и домъ новгородскому земству для школы и умерла; прихожу я въ день годовщины на его могилу, сижу на скамеечкѣ часъ, другой, третій, и никто не приходитъ. Пришелъ только одинъ студентъ, перекрестился, положилъ вѣнокъ на памятникъ и ушелъ. Очевидно передо мною было ужъ забвеніе.

— «Да, стали ужъ забывать»,—сказала мнѣ привычнымъ тономъ и старушка-монахиня, съ которою я встрѣтился при выходѣ съ кладбища и разговорился.

Можно было бы привести и еще болѣе яркіе примѣры равнодушія и забвенія людей даже заживо, и людей оказавшихъ огромныя услуги развитію и просвѣтленію общественной мысли и могшихъ служить образцомъ личной безупречности, съ точки зрѣнія даже самой придирчивой морали; но это завлекло бы меня слишкомъ далеко, а главное походило бы на толченіе воды въ ступѣ, на витье веревокъ изъ песка. Я не Моисей и не имѣю волшебнаго жезла, которымъ можно было бы пробить толстую скалу общественнаго равнодушія. Если бы можно было расчитывать на иное отношеніе со стороны одной только литературной среды и ближайшей къ литературѣ части общества, то и это ужъ много значило бы.

Когда умираютъ не «второстепенныя» величины, какъ Хвощинская и Минаевъ, а такія крупныя личности, какъ Некрасовъ и Салтыковъ, то о нихъ говорятъ и пишутъ, конечно, больше, но все-таки и о нихъ не особенно много писалось и пишется. Я не могу назвать краткаго біографическаго очерка, приложеннаго къ стихотвореніямъ Некрасова, не только полною, настоящею біографіею, но даже настоящею характеристикою; не могу также назвать нѣсколькихъ брошюрокъ и книжечекъ о немъ [1])—серьезными литературными работами и не могу указать хорошей критической оцѣнки его произведеній и литературной дѣятельности вообще.

---

[1]) Напримѣръ: «Душа поэта», біографія, составленная Горемыкинымъ (Спб. 1878 г. 53 стр., цѣна 20 коп.). «На память о Некрасовѣ» (Спб. 1878 г., 147 стр., цѣна 1 р.). «Н. А. Некрасовъ», сводъ статей о немъ съ 1840 г., составленный Голубевымъ (Спб. 1878 г., 183 стр., цѣна 1 р. 25 к.). «Сборникъ критическихъ статей о Некрасовѣ отъ 1840 до 1864 г.» (М. 1886 г., цѣна 1 р.). «Некрасовъ и его сочиненія», литературная дѣтская библіотека, т. X (1883 г., 189 стр., цѣна 50 к.). Лучше другихъ остается все-таки біографическій очеркъ, приложенный къ сочиненіямъ и составленный А. М. Скабичевскимъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Салтыкову нѣсколько больше посчастливилось, но и о немъ не особенно много пишется и далеко еще не все дано, что желательно было бы видѣть. Слишкомъ интересный и содержательный онъ человѣкъ, и въ слишкомъ интересное и богатое событіями время жилъ. Даже органы, причисляющіе себя къ одному съ нимъ знамени и желавшіе, повидимому, почтить его память, дали слишкомъ мало: въ «Новостяхъ», напр., кромѣ того, что написалъ Скабичевскій, были даны еще: «Историческая параллель» (съ гр. Д. А. Толстымъ) и такъ называемый «Вѣнокъ на могилу», но что это былъ за скудный вѣнокъ (о параллели я ужъ не говорю): это были коротенькіе-коротенькіе кусочки, написанные разными лицами и очевидно приноровленные къ извѣстному, отведенному въ газетѣ мѣсту, а главное — кусочки, имѣющіе очень мало содержанія, хотя Салтыковъ тамъ и величался «непоколебимымъ», «непримиримымъ», «недремлющимъ окомъ» и даже «безсмертнымъ». Вѣнокъ этотъ гораздо соотвѣтственнѣе было назвать вѣникомъ. Сличите №, гдѣ онъ былъ помѣщенъ, съ юбилейнымъ № «Новостей», и вы увидите, насколько десятилѣтній юбилей занялъ больше мѣста и представлялся, очевидно, газетѣ фактомъ болѣе важнымъ. Газеты и журналы, вообще, стѣсняются отводить мѣсто покойникамъ, боясь, вѣроятно, походить на кладбище: нѣкоторые некрологи печатаются даже петитомъ, точно и не вѣсть все какіе важные и животрепещущіе вопросы въ газетахъ трактуются, тогда какъ иной покойникъ, право, стоитъ десятковъ и сотень живыхъ, стоитъ не потому только, что они никогда не дадутъ того, что онъ далъ, а и потому, что произведенія его гораздо больше отвѣчаютъ на вопросы текущаго времени и данной минуты, чѣмъ мертвое слово хотя бы и живыхъ людей. Похвальное исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ только «Вѣстникъ Европы», который съ свойственною ему аккуратностью и солидностью дѣлаетъ все, что только можетъ: г. Стасюлевичъ издаетъ сочиненія Салтыкова, г. Пыпинъ пишетъ о немъ обстоятельныя статьи, г. Арсеньевъ сообщаетъ матеріалы для его біографіи. Я указалъ бы еще на «Русск. Вѣдомости», гдѣ печатались прекрасные статьи Н. К. Михайловскаго, вышедшія теперь отдѣльною книжкою, но тамъ все сдѣланное гораздо правильнѣе отнести къ одному г. Михайловскому, ближайшему сотруднику и соредактору Салтыкова по «Отеч. Запискамъ» и случайному сотруднику газеты, гдѣ онъ озаглавливаетъ «случайными замѣтками» и нѣкоторые свои фельетоны. Затѣмъ, можно указать еще на небольшія газетныя статейки и воспоминанія также бывшихъ сотрудниковъ «Отеч. Записокъ»: гг. Скабичевскаго въ «Новостяхъ», Абрамова въ «Недѣлѣ» и Южакова въ «Одес. Вѣстникѣ»; но только и всего, и всего этого, какъ намъ кажется, недостаточно для надлежащей оцѣнки и полной біографіи Салтыкова. Это либо критическія и библіографическія статьи, касающіяся преимущественно

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

его произведеній, либо воспоминанія, обнимающія періодъ только журнальной его дѣятельности. Мои воспоминанія также ограничиваются только этою послѣднею сферою и относятся къ послѣднимъ десяти годамъ его дѣятельности въ «Отеч. Запискахъ» (1873—1883 гг.) и къ самому послѣднему времени (1888—1889 гг.). Но, кромѣ этого, у него было интересное дѣтство, частью вошедшее въ «Пошехонскую старину» и другія произведенія, имѣющія не мало автобіографическихъ чертъ, а частью никуда не вошедшее; у него была юность, когда складывался его характеръ и вообще духовная сторона, юность, которую онъ почему-то вспоминалъ гораздо меньше, чѣмъ дѣтство; у него были тяжелые годы подневольной жизни и службы въ Вяткѣ, а затѣмъ службы въ другихъ мѣстахъ, гдѣ онъ уже въ иной роли могъ относиться къ жизни и ея темнымъ сторонамъ. Этотъ періодъ дѣятельности Михаила Евграфовича особенно интересенъ: онъ и тамъ вносилъ въ дѣло ту же прямоту, ту же искренность, страстность и ничѣмъ не подкупную честность, какими отличался и въ литературѣ. Разсказы его изъ этого времени полны тяжелыхъ впечатлѣній и самыхъ мрачныхъ красокъ. Ему приходилось видѣть воочію всѣ прелести дореформенныхъ порядковъ: крѣпостное право, откупъ, судебную волокиту и взяточничество, самоуправство, насиліе и грубость, бюрократическое всевластіе, лѣнь и формализмъ, и, само собою разумѣется, что онъ не оставался ко всему этому равнодушенъ. Я какъ сейчасъ помню его разсказы о ревизіи тюремъ и мѣстъ заключенія (если не ошибаюсь, въ качествѣ вице-губернатора): «Вы не можете представить, какіе ужасы мнѣ приходилось видѣть; я вѣдь засталъ еще застѣнки и деревянныя колодки, изъ которыхъ заставлялъ при себѣ вынимать людей». Имъ было возбуждено нѣсколько дѣлъ о жестокомъ обращеніи съ крестьянами. Доклады, отзывы, заключенія и вообще переписка его по такимъ поводамъ, хранящаяся гдѣ-нибудь въ архивахъ, должна представлять большой интересъ. Писалъ онъ бумаги, по всей вѣроятности, не обычнымъ форменнымъ языкомъ, а языкомъ литературнымъ, живымъ и страстнымъ. Такъ это можно думать изъ того, что эти офиціальныя бумаги и были причиною выхода его въ отставку. Михаилъ Евграфовичъ разсказывалъ, что покойный государь, которому случалось, при разсмотрѣніи разныхъ дѣлъ, прочитывать иногда и нѣкоторыя изъ его бумагъ, обратилъ на нихъ вниманіе и выразилъ по начальству, что онѣ ему очень не нравятся слишкомъ мрачнымъ тономъ, что онъ ихъ просто не можетъ читать. Само собою разумѣется, что это сейчасъ же стало извѣстно Михаилу Евграфовичу, и онъ поторопился подать въ отставку. Въ теченіе всего этого времени у Салтыкова были товарищи, сослуживцы и просто очевидцы его жизни. Какъ хорошо всѣ они сдѣлали бы, еслибы записали о немъ то, что видѣли и знаютъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Г. Скабичевскій разсказываетъ («Новости», № 116, 1889 г.), что ему приходилось слышать отъ провинціальныхъ чиновниковъ, служившихъ подъ его начальствомъ, что «начальникъ онъ былъ рѣдкій: какъ ни робѣли порою отъ его, повидимому, грозныхъ окриковъ, но никто его не боялся, а, напротивъ того, всѣ очень любили его за то, что онъ входилъ въ нужды каждаго мелкаго чиновника и былъ крайне снисходителенъ ко всѣмъ его слабостямъ, которыя не приносили прямаго вреда службѣ». Мнѣ тоже приходилось слышать объ его снисходительности и внимательности къ мелкимъ чиновникамъ и ихъ экономическому положенію, такъ, напримѣръ, при распредѣленіи наградныхъ денегъ къ праздникамъ, онъ всегда стоялъ за то, чтобы больше давать тѣмъ, кто получалъ меньше жалованья, и сокращать слишкомъ большія награды имѣвшимъ и безъ того хорошіе оклады. Слышалъ я, между прочимъ, и такой разсказъ: однажды Салтыкову во время служебной поѣздки нужно было во что бы то ни стало приготовить къ утренней почтѣ нѣсколько бумагъ, поэтому онъ и бывшій съ нимъ какой-то маленькій чиновникъ сѣли работать на ночь,—Салтыковъ въ одной комнатѣ, а тотъ рядомъ въ другой. Не долго выдержалъ чиновникъ и заснулъ на диванѣ. Услышавъ храпъ, Салтыковъ вышелъ и, видя его усталое лицо, взялъ и подложилъ ему подушку, а самъ сѣлъ на его мѣсто и кончилъ къ разсвѣту и его и свою работу. Утромъ, когда бѣдный чиновникъ проснулся, то прежде всего испугался, что проспалъ и не кончилъ работы, но каково же было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ, что работа кончена рукою Салтыкова. Страхъ, разумѣется, еще увеличился. А Салтыковъ между тѣмъ еще не спалъ: изъ сосѣдней комнаты слышался скрипъ его пера,—онъ что-то поправлялъ и доканчивалъ въ своихъ бумагахъ. Но вотъ онъ кончилъ и выходитъ на цыпочкахъ, чиновникъ ни живъ ни мертвъ, а онъ самымъ обыкновеннымъ образомъ говоритъ: «ну, батюшка, должно быть вы вчера очень устали, я ужъ подушку вамъ подложилъ да боялся все разбудить, но куда тамъ— спите, какъ убитый, ничего не слышите». Тотъ, разумѣется, сталъ извиняться, а этотъ и не думалъ, конечно, сердиться. Подобное отношеніе къ людямъ было совершенно въ характерѣ Салтыкова, и я помню и приведу ниже нѣсколько подобныхъ же фактовъ изъ журнальныхъ отношеній, когда онъ обнаруживалъ рѣдкую деликатность и внимательность къ людямъ; входилъ въ такія положенія, въ какія, право, никто не вошелъ бы; когда вы ждали, что вотъ онъ разсердится, а онъ вдругъ начиналъ сочувствовать вамъ, или, начавъ вдругъ на кого-нибудь сердиться и замѣтивъ ошибку, вдругъ замолкалъ и начиналъ ухаживать за человѣкомъ, ухаживать по своему, по неумѣлому, иногда даже съ воркотней, но такъ все-таки, что для васъ было очевидно стараніе загладить свой промахъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Мнѣ говорятъ люди, очень любившіе и уважавшіе Салтыкова: «какъ хорошо, что о немъ не всякій можетъ писать, а то захватали бы его чистый образъ». Съ этимъ я не согласенъ. Салтыкова трудно захватать, какъ бы ни были нечистоплотны нѣкоторыя руки: слишкомъ много въ немъ бѣлаго и слишкомъ бѣлизна эта на мраморъ похожа своею прочностью; одно не пристанетъ, а другое отстанетъ. Къ тому же, я глубоко увѣренъ, что дурного о немъ нечего и некому сказать, кромѣ развѣ только тѣхъ господъ, кого онъ самъ не любилъ и кто заслуживалъ этого; но, по всей вѣроятности, и они, разъ захотятъ быть справедливыми, увидятъ, что каковы бы ни были его ошибки, недостатки, и шероховатости характера, все-таки онъ былъ человѣкомъ честнымъ, добрымъ и въ высшей степени прямодушнымъ и справедливымъ. Онъ органически не переносилъ никакой фальши и неправды; его замѣчательное прямодушіе и честность и были главною причиною неровностей его характера. Наконецъ, еслибы кто-нибудь непремѣнно пожелалъ заняться пачкатней, то есть кому сказать такимъ пачкунамъ: «не очень-то пачкайте» и снять слѣды нечистоплотности. Гораздо хуже слѣдующее положеніе: когда проходитъ десятокъ-другой лѣтъ, когда люди, знавшіе близко человѣка, вымираютъ и остаются одни только тихіе лѣтописцы (обоего пола), которые до времени молчатъ, а потомъ и начинаютъ невозбранно сообщать были и небылицы про покойника, приплетая иногда сюда же и личную къ нему непріязнь, или когда позднѣйшіе біографы и разные литературные исторіографы начнутъ сообщать о немъ сомнительные слухи и свѣдѣнія. Конечно, многое о Салтыковѣ еще не можетъ быть напечатано, какъ по личнымъ его отношеніямъ къ разнымъ лицамъ (напримѣръ переписка), такъ и по другимъ причинамъ, но и въ предѣлахъ возможнаго можетъ быть дано и сдѣлано гораздо больше. Для этого нужно только помнить одну хорошую американскую поговорку: «никогда не слѣдуетъ откладывать до завтра того, что можно сдѣлать сегодня».

Тутъ можетъ, пожалуй, происходить нѣкоторое недоразумѣніе, о которомъ не лишнее будетъ сказать нѣсколько словъ и которое желательно было бы устранить: видя г. Стасюлевича распоряжающимся похоронами и устройствомъ могилы Салтыкова и издающимъ его сочиненія, г. Арсеньева сообщающимъ матеріалы для его біографіи и, вообще, что «Вѣстникъ Европы» распростеръ надъ нимъ свою сѣнь, многіе могутъ думать (и нѣкоторые и думаютъ), что разъ такіе обстоятельные люди взялись за дѣло, то ничего изъ виду упущено ими не будетъ, и что можетъ быть у «Вѣстника Европы» есть какое-нибудь преимущественное право для этого; а при такихъ условіяхъ нужно ли, ловко ли и деликатно ли будетъ и другимъ тоже выступать съ своими заботами и воспоминаніями, не усмотритъ ли кто-нибудь въ этомъ съ ихъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

стороны прежде всего желанія пріобщиться къ имени большого человѣка и погрѣться въ лучахъ его славы? Недоумѣніе это можетъ только увеличиваться еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ то время, какъ «Вѣстникъ Европы» старается, бывшіе сотрудники «Отечественныхъ Записокъ» оказываются какъ бы отстраненными и отодвинутыми на задній планъ. А тутъ еще какъ нарочно одинъ изъ постоянныхъ сотрудниковъ «Вѣстника Европы» (и, конечно, не безъ вѣдома остальныхъ) обрушился безъ всякаго повода, какъ говорится, ни съ того—ни съ сего, неудачною полемикою на одного изъ главныхъ представителей «Отечественныхъ Записокъ». Фактъ этотъ, конечно, безотносительный, спорадическій, такъ сказать, но и онъ могъ произвести извѣстное впечатлѣніе.

Въ «Вѣстникѣ Европы» несомнѣнно чистыя руки, но, дѣйствительно, Салтыковъ никогда не былъ такъ близокъ къ редакціи этого почтеннаго журнала, какъ къ своей редакціи, представители которой—гг. Елисеевъ и Михайловскій, а также и всѣ сотрудники еще живы. Тамъ онъ не принималъ близкаго участія въ веденіи журнала и былъ только гостемъ, а тутъ вкладывалъ въ дѣло всего себя, всю свою душу, помыслы и стремленія, такъ что если является впечатлѣніе, что «Вѣстникъ Европы» какъ бы монополизируетъ Салтыкова, то является и предположеніе, что для этого, кромѣ его добраго желанія, есть еще какое-нибудь преимущественное право, въ родѣ желанія покойника или его родныхъ. Я не знаю было ли по этому поводу какое-нибудь прямое указаніе въ завѣщаніи Салтыкова, но навѣрное знаю, что онъ очень цѣнилъ ближайшихъ своихъ товарищей и сотрудниковъ. Если литература была для него дорогою областью, то они въ ней были наиболѣе дорогими людьми. Это я говорю на основаніи многихъ фактовъ. У него было два рода знакомствъ и отношеній: чисто домашнія и литературныя, которыя онъ весьма резонно раздѣлялъ и никогда не смѣшивалъ, и не смѣшивалъ, я думаю, не столько въ огражденіе домашней жизни, сколько въ огражденіе литературы отъ всего ей сторонняго и чуждаго. На литературу смотрѣлъ онъ, какъ на серьезное и важное дѣло, называлъ ее даже «вѣчнымъ дѣломъ». Я не знаю, были ли у Салтыкова личные друзья. Хорошіе знакомые, которые у него бывали и у которыхъ онъ изрѣдка бывалъ, были, и онъ могъ, конечно, поручить имъ нѣкоторыя свои денежныя и личныя дѣла, въ родѣ хлопотъ объ изданіи, гдѣ требуется извѣстная практическая опытность и досугъ, обезпеченный матеріальнымъ положеніемъ; но не думаю, чтобы для оцѣнки своей литературной дѣятельности и составленія біографіи онъ сталъ искать и указывать кого-нибудь на сторонѣ, помимо своей бывшей редакціи, чтобы онъ могъ питать недовѣріе къ ея искренности и литературнымъ способностямъ. Всего вѣроятнѣе, что заботы

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

его такъ далеко не простирались. Но само-собою разумѣется, что «Вѣстникъ Европы» и не думаетъ монополизировать память Салтыкова: съ его стороны это просто надлежащее, внимательное отношеніе къ дѣлу; къ тому же, онъ всегда отличался склонностью къ исторіографіи: онъ и о Кавелинѣ, и о Тургеневѣ старался, едва ли не больше еще, чѣмъ о Салтыковѣ, и о Крамскомъ и о другихъ выдающихся лицахъ писалъ, не лишая никого права дѣлать то же самое; а бывшая редакція «Отечественныхъ Записокъ» теперь разсѣяна и разбросана, какъ израиль, по разнымъ мѣстамъ. Для этого достаточно обратить вниманіе на одинъ только тотъ фактъ, что о Салтыковѣ Михайловскій писалъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», Скабичевскій въ «Новостяхъ», Абрамовъ въ «Недѣлѣ», Южаковъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» и я, пятый сотрудникъ, пишу теперь въ пятомъ мѣстѣ. Въ такомъ положеніи возможно испытывать чувство горечи и досады на такое положеніе, чувство ревности и обиды на то, что человѣкъ, съ которымъ вы много лѣтъ шли рука объ руку, имѣли столько общихъ духовныхъ интересовъ и котораго считали въ самомъ высокомъ смыслѣ своимъ, вдругъ оказывается принадлежащимъ другимъ, по совершенно особымъ правамъ, начиная съ семейнаго и кончая простой экспропріаціей; но, конечно, эти непосредственныя и чисто личныя чувства уступаютъ мѣсто сознанію, что хорошо и правильно, когда о такомъ человѣкѣ и другіе думаютъ, говорятъ и пишутъ. Лично я, по крайней мѣрѣ, не только ничего не имѣю противъ такого внимательнаго отношенія «Вѣстника Европы» къ Салтыкову, но, напротивъ, желалъ бы, чтобы и всѣ относились къ нему также. Мнѣ вспоминается по этому поводу слѣдующій разсказъ: когда умеръ одинъ нашъ извѣстный композиторъ, то пришелъ скульпторъ и, ни у кого не спросясь, сталъ дѣлать съ него маску. Выходитъ жена и застаетъ его за работой: «что вы дѣлаете? какъ же это можно, почему не спросили у меня позволенія?»—«Сударыня, отвѣчалъ скульпторъ, пока вашъ мужъ былъ живъ—онъ принадлежалъ вамъ, а теперь онъ есть общее, общественное достояніе». То же самое можно сказать и о Салтыковѣ. Но буду лучше разсказывать по порядку то, что помню о Михаилѣ Евграфовичѣ. Къ сожалѣнію, порядокъ этотъ не хронологическій, а порядокъ отдѣльныхъ, нерѣдко отрывочныхъ впечатлѣній, изъ которыхъ складывалось представленіе о немъ, какъ о человѣкѣ, писателѣ и общественномъ дѣятелѣ. Не велика будетъ моя лепта, но принесенная отъ чистаго сердца и она, вѣроятно, на что-нибудь пригодится въ общемъ біографическомъ матеріалѣ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

II.

Познакомился я съ Михаиломъ Евграфовичемъ въ 1873 году, когда была напечатана въ «Отеч. Запискахъ» первая моя статья и когда я получилъ приглашеніе заходить по понедѣльникамъ, т. е. въ редакціонные дни, въ редакцію. Редакція помѣщалась тогда въ домѣ Краевскаго, на Литейной, въ квартирѣ Некрасова, которому въ то время и принадлежала главная роль въ журналѣ: онъ вѣдался съ типографіей, съ цензурой, съ конторой, и вообще со всею внѣшнею стороною изданія, читая въ то же время нѣкоторыя рукописи и корректуры всего журнала. Послѣднее для него было необходимо, въ качествѣ отвѣтственнаго редактора. Внутреннее свое значеніе онъ дѣлилъ и съ виду даже какъ-то подчинялъ Михаилу Евграфовичу и Г. З. Елисееву, которые также читали редакторскую корректуру всего журнала и завѣдывали: первый, вмѣстѣ съ Некрасовымъ, беллетристикой, а второй—такъ называемыми серьезными статьями и вторымъ отдѣломъ, за исключеніемъ переводныхъ романовъ.

Помню, какъ первое впечатлѣніе не соотвѣтствовало тѣмъ заглазнымъ представленіямъ, которыя я составилъ и которыя обыкновенно составляютъ начинающіе авторы объ извѣстныхъ писателяхъ: я думалъ, что встрѣчу какихъ-нибудь жрецовъ или по крайней мѣрѣ важныхъ господъ, какую-нибудь необыкновенную и торжественную обстановку, со шкапами книгъ, большими столами, портретами и бюстами, а встрѣтилъ я самую простую комнату, съ самымъ простымъ убранствомъ на помѣщичій ладъ. Правда, что комната эта была очень большая и хорошая, и все, что въ ней было, тоже было очень хорошо, хотя и не бросалось въ глаза новизною и вычурностью, но все-таки все въ ней было неожиданно просто: самый обыкновенный письменный столъ, самыя обыкновенныя стулья, одинъ или два шкапа съ рукописями и на нихъ—вмѣсто бюстовъ и портретовъ—чучела птицъ и зайца-русака (Некрасовъ былъ охотникъ), а въ другой половинѣ комнаты помѣщался билліардъ. Тутъ же ходилъ черный понтеръ. Однимъ словомъ, это была скорѣе всего билліардная въ хорошемъ помѣщичьемъ домѣ. И сами люди были тоже на помѣщичій ладъ: и по внѣшности, и по характеру разговора, который тогда шелъ. Однимъ словомъ, я точно былъ перенесенъ лѣтъ на 15—20 назадъ, въ помѣщичью обстановку и сразу невольно подумалъ: вотъ вѣдь какъ не скоро изглаживается эта прирожденная складка. Въ то время, какъ мысль человѣческая выростаетъ, интересы расширяются и уходятъ впередъ,—внѣшность, манера и привычки остаются прежнія. Конечно, внѣшность—послѣднее дѣло, и серьез-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ные люди меньше всего обращаютъ на нее вниманіе. Очень возможно, что отъ того это и происходило.

У Салтыкова и Некрасова были чисто русскія лица, хотя и совершенно разныхъ типовъ. Особенно бросалось въ глаза это русское обличье у Салтыкова: схожія лица встрѣчаются и среди помѣщиковъ, и у крестьянъ сѣверныхъ губерній; только такого прекраснаго выраженія глазъ не скоро найдешь. Если бы всѣ глаза такъ смотрѣли, то истинно человѣческой доброты и правды въ нашей жизни было бы, вѣроятно, гораздо больше.

Видѣть Михаила Евграфовича мнѣ приходилось сначала только въ редакціонные дни. Приходя въ редакцію, онъ обыкновенно долго кашлялъ, — кашель его иногда раздавался еще съ лѣстницы, — а потомъ, смотря по настроенію, или говорилъ только о текущихъ дѣлахъ по журналу и коротко, точно нехотя, отвѣчалъ на вопросы, или начиналъ что-нибудь разсказывать. Разсказывалъ онъ обыкновенно какіе-нибудь слухи и новости, имѣвшіе общественное значеніе, проекты разныхъ предполагавшихся мѣропріятій, которые касались преимущественно литературы, причемъ нерѣдко можно было слышать возгласъ: «каково положеніе!» Благодаря своимъ связямъ въ высшемъ служебномъ мірѣ, онъ получалъ эти свѣдѣнія очень рано и иногда даже изъ первоисточниковъ. Настоящее всегда связывалось и сопоставлялось имъ съ прошлымъ, такъ-что иногда можно было услышать отъ него и воспоминанія, какъ изъ своей прежней жизни, такъ и изъ жизни нѣкоторыхъ лицъ высшаго общества, изъ которыхъ многіе были его товарищами и сидѣли съ нимъ на одной школьной скамейкѣ. Связей своихъ съ высшимъ обществомъ Салтыковъ не поддерживалъ; вначалѣ онѣ какъ-то сами собою держались, а потомъ, хотя и не совсѣмъ прекратились, но все болѣе и болѣе ослабѣвали. Съ одними онъ разошелся принципіально, съ другими лично, какъ человѣкъ строгій и не любившій компромиссовъ, третьимъ не хотѣлъ кланяться: слишкомъ не соотвѣтствовало это его натурѣ.—«Я ни у кого не заискиваю,—говорилъ онъ не безъ гордости,—никому не кланяюсь и ни у кого не бываю; ко мнѣ еще, по старой памяти, кое-кто заходитъ, а я нѣтъ: зачѣмъ я пойду, что̀ у насъ осталось общаго».—Но особенно много въ ту пору было разсказовъ объ имѣніи, которое у него было подъ Петербургомъ и въ которомъ онъ пытался хозяйничать, испытывая неудачи. Эти неудачи, въ связи съ самымъ способомъ пріобрѣтенія имѣнія, тоже неудачнымъ, были темою цѣлаго ряда живыхъ и интересныхъ разсказовъ, которые потомъ вошли въ «Монрепо». Нерѣдко Салтыковъ начиналъ также разсказывать что-нибудь такое, надъ чѣмъ нельзя было не смѣяться, особенно глядя при этомъ на его почти всегда серьезное лицо. По большей части это была дѣйствительность, изукрашенная его фанта-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

зіей. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ присутствовавшіе хохотали самымъ неудержимымъ образомъ, а самъ онъ никогда сильно и громко не смѣялся, а только изрѣдка улыбался, да и то бывало это въ тѣхъ только случаяхъ, когда онъ добродушно разсказывалъ что-нибудь комическое про знакомыхъ, или когда предметъ, о которомъ шла рѣчь, былъ незначителенъ и только забавенъ. Смѣшить—вовсе не было его цѣлью, напротивъ, онъ всегда боялся прослыть писателемъ «по смѣшной части» и даже въ разговорѣ оставался иногда недоволенъ тѣмъ, что смѣются, хотя могъ бы ужъ кажется привыкнуть къ этому и допускать, что нельзя не смѣяться, слушая смѣшныя вещи. Я отлично помню, какъ однажды онъ разсказывалъ что-то въ редакціи, а я сидѣлъ въ сосѣдней комнатѣ и держалъ корректуру, которую нужно было скорѣе сдать въ типографію; взрывы хохота раздавались одинъ за другимъ, и продолжалось это довольно долго. Зная, что причиною этого Салтыковъ, я очень удивился, когда онъ вдругъ вошелъ и недовольнымъ тономъ сказалъ: «я думаю, что это и вамъ мѣшаетъ... просто не понимаю, что это сегодня всѣ смѣются. Неужели то, что я разсказываю, такъ смѣшно? По моему, нисколько не смѣшно, нисколько...»

Зависѣло это отъ своеобразныхъ свойствъ его разсказа и столь же своеобразнаго отношенія къ тому, о чемъ онъ говорилъ: онъ часто возмущался и негодовалъ, но въ то же время придумывалъ для предмета негодованія одно положеніе смѣшнѣе другого, и чѣмъ онъ больше останавливался на такомъ предметѣ, тѣмъ, кажется, неистощимѣе становилась его фантазія. Это было чисто личною его особенностью, чисто личнымъ оружіемъ, какъ хоботъ у слона, какъ зубы и когти у медвѣдя, оружіемъ, которымъ онъ владѣлъ въ совершенствѣ и которое пускалъ въ ходъ чисто рефлективно, хотя въ то же время и не безсознательно, а постоянно держа его подъ контролемъ и руководствомъ разума. Онъ не могъ спокойно и хладнокровно относиться къ тому, что было безсмысленно, безсовѣстно, фальшиво, надменно, цинично, словомъ, что возмущало его чувство и не мирилось съ логикой, и сейчасъ же реагировалъ на это, какъ могъ и умѣлъ, какъ находилъ лучше и цѣлесообразнѣе. Людей и предметы, которые въ этомъ отрицательномъ смыслѣ обращали на себя его вниманіе, онъ всегда почти освѣщалъ со стороны совершенно неожиданной, самой прозаической, характеризовалъ ихъ необыкновенно мѣтко нѣсколькими штрихами и открывалъ въ нихъ какую-нибудь новую глупость или гадость, которыхъ вы, можетъ быть, и не подозрѣвали. Къ такимъ скрытымъ и приличія ради прикрытымъ глупостямъ и гадостямъ онъ былъ особенно безпощаденъ и вытаскивалъ ихъ на свѣтъ во всей наготѣ, въ наиболѣе показной и неудобной для нихъ формѣ, вытаскивалъ безъ всякой церемоніи, за что попало, хотя бы даже—да простится мнѣ это вы-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

раженіе—за хвостъ: смотрите, молъ, какая это гадина, какая скотина! Онъ сердился при этомъ на нихъ, но до злобной вражды и ратоборства съ ними рѣдко доходилъ, а по большей части смотрѣлъ на нихъ съ извѣстной высоты общечеловѣческаго и своего личнаго достоинства. Это была, съ одной стороны, настоящая мѣра вещей, а, съ другой, если хотите, извѣстная доля душевной мягкости и художественной объективности. Можетъ быть, это и подало поводъ въ 70-хъ годахъ одному критику посмотрѣть на его смѣхъ, какъ на смѣхъ больше для смѣха, потому будто бы и не особенно обидный тѣмъ, на кого онъ направленъ. Какою это было ошибкой со стороны талантливаго критика—нечего, конечно, и говорить. Салтыковъ опровергъ это всею своею, какъ прежнею, такъ и въ особенности послѣдующею дѣятельностью, опровергъ цѣлымъ рядомъ произведеній, возбуждающихъ не смѣхъ только и совсѣмъ смѣха не возбуждающихъ. Были вещи, надъ которыми Салтыковъ не смѣялся, которыя точно подавляли его, и надъ которыми и другіе тоже не смѣялись, когда онъ о нихъ говорилъ и разсказывалъ. И такихъ вещей было не мало. Были также вещи, надъ которыми онъ не смѣялся по другимъ причинамъ, чтобы не дать оружія въ руки врагамъ, чтобы даже какъ-нибудь косвенно не поддержать реакціонныхъ усилій, или надъ которыми хоть и смѣялся въ частной бесѣдѣ, но никогда не напечаталъ о нихъ ни строчки, не смотря на то, что могъ бы создать пресмѣшныя вещи. Повторяю: смѣхъ никогда не былъ для него цѣлью, а былъ только средствомъ. Но еслибы даже онъ ограничился только смѣхомъ, только приклеиваніемъ позорныхъ ярлыковъ и надѣваніемъ дурацкихъ колпаковъ на людей, которыя этого заслуживали, то и это было бы ужъ большою заслугою: общественный смѣхъ есть признакъ сознанія и критическаго отношенія къ тому, что считалось дотолѣ выше какихъ бы то ни было сомнѣній, что незаслуженно пользовалось авторитетомъ и злоупотребляло имъ. Можно указать случаи, когда смѣхъ Салтыкова достигалъ именно той цѣли, какую имѣлъ въ виду; можно указать также и людей, которые до самой смерти ходили, а другіе и теперь еще ходятъ и будутъ ходить съ его ярлыками. Но до какой степени самъ Салтыковъ смотрѣлъ на свой смѣхъ именно какъ на средство, до какой степени онъ способенъ былъ умалять его высокое художественное значеніе, ради общественной пользы, лучше всего, мнѣ кажется, можетъ показать слѣдующій случай: разъ, въ редакціи зашла рѣчь объ одномъ господинѣ, высказавшемъ и предлагавшемъ печатно нѣчто очень нехорошее, что именно—ужъ я теперь забылъ, а помню только, что всѣ возмущались и что тема была благодарная, такъ что нѣсколько человѣкъ и я въ томъ числѣ изъявили готовность написать что-нибудь по этому поводу; Салтыковъ же съ самымъ озабоченнымъ видомъ ходилъ и повторялъ:

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Ахъ, пожалуйста ничего не пишите, не нужно ничего писать, это только больше значенія ему придастъ.

Некрасовъ и другіе что-то возражали, Салтыковъ горячился и стоялъ на своемъ. Наконецъ, онъ остановился посреди комнаты и сказалъ:

— Если ужъ такъ, то извольте я напишу. Вѣдь того, что нужно, никто не сдѣлаетъ, а я могу сдѣлать: тутъ нужно облить [1]) человѣка, а они собираются о немъ писать и разговаривать.

Въ мужскомъ обществѣ и тѣмъ болѣе въ своемъ кружкѣ Салтыковъ въ выраженіяхъ не стѣснялся, и замѣчательно, что это никогда не производило дурного впечатлѣнія и не носило дурного характера, какъ у другихъ. Вотъ ужъ именно: то же слово, да не такъ молвится. Вы ясно видѣли, что говоритъ это человѣкъ несомнѣнно нравственный, которому только мало дѣла до выраженій, который дѣлаетъ нецензурныя сравненія и пускается иногда даже въ невозможную фантастику только потому, что такъ короче и изобразительнѣе выходитъ, что, наконецъ, самому предмету, о которомъ онъ говоритъ, наиболѣе приличествуетъ именно такая форма выраженія, что если, напр., о человѣкѣ не стоитъ писать, а надо произвести надъ нимъ нѣчто другое, то это потому, что онъ ничего больше не заслуживаетъ. Отчасти это можно видѣть и въ нѣкоторыхъ его сочиненіяхъ, гдѣ тоже попадаются иногда кое-какія словечки и положенія, соотвѣтствующія нескромному характеру и свойствамъ дѣйствующихъ лицъ, но гдѣ вы все-таки не найдете скабрезности. Салтыковъ не терпѣлъ, вообще, скабрезности и порнографіи, особенно въ литературѣ. Одинъ изъ бывшихъ сотрудниковъ «Отеч. Записокъ» разсказываетъ о немъ, между прочимъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, почему онъ однажды не принялъ повѣсть начинающаго автора, и какъ не могъ удержаться, когда тотъ пришелъ за отвѣтомъ, чтобы не сказать въ его присутствіи случившимся тутъ же сотрудникамъ: «вѣдь вотъ авторъ—совсѣмъ юноша... а мнѣ старику было стыдно читать его повѣсть, столько скабрезности». Скабрезность всегда его шокировала даже у извѣстныхъ писателей и въ хорошихъ произведеніяхъ. Онъ всегда находилъ, что можно бы и безъ этого обойтись, что очень ужъ это скучно и надоѣло.

Ближе узналъ я Михаила Евграфовича уже послѣ смерти Некрасова, когда онъ сдѣлался отвѣтственнымъ редакторомъ «Отечественныхъ Записокъ». Сколько самыхъ неусыпныхъ трудовъ и горячихъ тревогъ и заботъ доставляли ему «О. З.»,—объ этомъ хорошо знаютъ всѣ сотрудники. Онъ читалъ рукописи по беллетристикѣ, правилъ ихъ и готовилъ къ печати, просматривалъ корректуры всѣхъ отдѣловъ журнала, велъ переписку съ нѣкоторыми

[1]) Собственно говоря, онъ не такъ, а гораздо прямѣе выразился.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

изъ иногороднихъ сотрудниковъ, самъ писалъ статьи (иногда по двѣ въ мѣсяцъ, т. е. статью и маленькій фельетонъ), имѣлъ объясненія съ цензурой, и т. д., словомъ, онъ весь былъ въ журналѣ, всего себя въ него вкладывалъ. Работалъ онъ очень много, такъ много, какъ можетъ работать только очень привычный и сильный работникъ. Какъ это согласовалось и уживалось со слабостью его физическихъ силъ и давно уже начавшимися разными болѣзнями и недомоганіями, — трудно даже понять, а объяснить это можно только развѣ однимъ: необыкновенною его любовью къ литературѣ и тою тѣсною связью, какая существовала между нею и его личною жизнью. Весь досугъ, всѣ антракты и передышки между приступами болѣзни и ночныя безсонницы, всѣ печали и радости, мечты и помыслы — все отдавалось литературѣ. Жить для него значило писать или что-нибудь дѣлать для литературы. Какъ Некрасовъ говоритъ старику разсыльному, у котораго болятъ ноги отъ ходьбы: «жить тебѣ, пока ты на ходу», такъ можно было бы сказать то же самое и Салтыкову относительно литературы. Литература была для него тѣмъ же, чѣмъ земля для извѣстнаго миѳа, получавшаго силу отъ земли, или сказочная чудесная вода для изрубленныхъ въ куски богатырей, которые, будучи ею окроплены, опять оживали и становились еще болѣе сильными.

Сказать, что онъ просто читалъ и приготовлялъ къ печати рукописи, значитъ мало еще сказать, потому что надо знать, какъ это дѣлалось: въ противуположность Некрасову и Елисееву, онъ сильно маралъ и исправлялъ рукописи, такъ что нѣкоторыя изъ нихъ поступали въ типографію всѣ перемаранными, а иныя страницы и совсѣмъ вновь бывали переписаны на поляхъ его рукою. Что это была за египетская работа не всякій знаетъ и не можетъ представить себѣ, не зная близко журнальнаго дѣла. Кромѣ главной стороны, т. е. чтобы не испортить вещи и не столкнуться съ авторскимъ самолюбіемъ, тутъ много еще чисто техническихъ затрудненій, при соединеніи оставшихся частей, при измѣненіи оставшагося текста, согласно выпущеннымъ или измѣненнымъ мѣстамъ (чтобы не вышло несообразностей и противурѣчій), при соблюденіи архитектуры цѣлаго и отдѣльныхъ главъ, при вписываніи вставокъ, и т. д., и т. д. Н. К. Михайловскій разсказываетъ, напримѣръ, о такой операціи, произведенной Салтыковымъ надъ повѣстью Котелянскаго «Чиншевики»: онъ вытравилъ цѣликомъ на всемъ протяженіи повѣсти одно изъ дѣйствующихъ лицъ, со всѣми его довольно сложными отношеніями къ другимъ оставшимся дѣйствующимъ лицамъ. И Котелянскій потомъ говорилъ Михайловскому, что онъ очень благодаренъ Салтыкову за эту операцію, потому что она только скрасила повѣсть, и что онъ удивляется, какъ онъ ухитрился это сдѣлать, какъ хватило у него на это терпѣнья и внимательности. Но тутъ, кромѣ труда и внимательности, тре-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

бовалось еще много умѣнья и тщательности въ работѣ. Насколько успѣшно все это достигалось Салтыковымъ, лучше всего, мнѣ кажется, можно видѣть изъ того, что большинство авторовъ, болѣе или менѣе постоянно появлявшихся въ «От. Зап.», подобно Котелянскому, оставались довольны исправленіями и не только не вступали съ нимъ въ какія бы то ни было пререканія, но именно понимали, что произведенія ихъ выигрывали отъ его опытной руки. Случались, конечно, иногда и обиды, когда авторами были слишкомъ самомнительные люди, требовавшіе, чтобы ни одного слова у нихъ не было выпущено и измѣнено, или когда Салтыковъ, увлеченный работой и художественной правдой, дѣлалъ въ произведеніяхъ слишкомъ крупные перевороты. Объ одной изъ такихъ обидъ вспоминаетъ, напримѣръ, г. Скабичевскій: одна сентиментальная романистка непремѣнно желала окончить романъ свой смертью героини отъ чахотки, а Салтыковъ нашелъ, что той гораздо будетъ лучше выйти замужъ и потому взялъ и выдалъ ее замужъ за героя. Но такихъ случаевъ было очень мало, насколько я помню, это едва ли даже не единственный случай. За то гораздо чаще приходилось слышать вотъ что, о чемъ также припоминаетъ г. Скабичевскій: что люди, незнавшіе о тѣхъ операціяхъ, какія производилъ Салтыковъ надъ произведеніями второстепенныхъ беллетристовъ, приходили не рѣдко въ удивленіе, отчего это тѣ самые писатели, которые подъ редакціей Салтыкова помѣщаютъ весьма не дурные разсказы и повѣсти, въ другія изданія приносятъ вещи ниже всякой критики и даже совсѣмъ неудобныя для печатанія. А съ другой стороны, уже сдѣлано также и такое еще наблюденіе, что писатели, печатавшіеся прежде въ «Отеч. Зап.» и бывшіе подъ контролемъ Салтыкова вполнѣ приличными, значительно измѣнились къ худшему, въ смыслѣ литературной порядочности и выдержанности направленія, послѣ того, какъ стали писать въ другихъ изданіяхъ, т. е. послѣ того, какъ вышли изъ подъ его указки и вообще изъ подъ вліянія извѣстной литературной атмосферы.

Но въ то время, какъ Салтыковъ исправлялъ второстепенныхъ и начинающихъ беллетристовъ, онъ совсѣмъ не трогалъ произведеній большихъ талантовъ и тѣхъ установившихся уже писателей, которые постоянно писали въ «Отечественныхъ Запискахъ». Въ этихъ произведеніяхъ онъ ничего не измѣнялъ, хотя и не всегда оставался ими доволенъ: «ну, доложу вамъ, и прислалъ же нынче NN, — просто чортъ знаетъ что», говорилъ онъ иногда, и тѣмъ не менѣе ничего не измѣнялъ и печаталъ присланное. Говоря «чортъ знаетъ что», онъ, конечно, преувеличивалъ, но слабыя и спѣшно написанныя вещи случались, и не исправлялъ онъ ихъ не потому вовсе, что не могъ, — онъ могъ ихъ поправлять или совсѣмъ не принимать, — а потому, что считалъ себя нравственно не вправѣ вмѣшиваться и какъ бы учить людей уже установившихся, кото-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

рые сами за себя отвѣтственны. Еслибы дѣло касалось направленія, и основная мысль произведенія слишкомъ противурѣчила журналу, то это другое дѣло: тутъ онъ не замедлилъ бы снестись съ авторомъ, относительно необходимыхъ измѣненій, или возвратилъ бы рукопись, а собственно литературную сторону, т. е. исполненіе, пріемы, слогъ и проч. своимъ дѣломъ не считалъ. Невмѣшательство это простиралось иногда даже дальше литературной стороны, — до мысли, съ которою Салтыковъ былъ не согласенъ, лишь бы только она не шла въ разрѣзъ общему направленію и при условіи, чтобы статья была подписана авторомъ, т. е. чтобы отвѣчалъ за нее онъ самъ и не принимали ее за редакціонную.

Не касалась рука Салтыкова также всѣхъ статей второго отдѣла, которымъ завѣдывалъ не онъ, а ближайшіе его сотрудники, а равнымъ образомъ и не беллетристическихъ статей перваго отдѣла. Здѣсь онъ опять строго соблюдалъ невмѣшательство въ то, что̀ принадлежало другимъ. Во второмъ отдѣлѣ ему принадлежали только переводные романы, печатавшіеся въ приложеніи, а остальное все читалось, выбиралось, отдавалось въ типографію и исправлялось не имъ. Онъ только прочитывалъ редакторскую корректуру и смотрѣлъ, чтобы не было нецензурныхъ мѣстъ, да и то, если таковыя встрѣчались въ статьяхъ постоянныхъ сотрудниковъ, не вымарывалъ ихъ безъ ихъ вѣдома и согласія. Онъ обыкновенно только отмѣчалъ и указывалъ имъ сомнительныя мѣста, а иногда и то, что̀ ему почему-либо не нравилось или казалось неудобнымъ. Равнымъ образомъ и ему указывали тѣ изъ сотрудниковъ, кому посылались корректуры всего журнала, то, что̀ имъ казалось сомнительнымъ и неподходящимъ въ его отдѣлѣ и въ его статьяхъ. И какихъ бы то ни было обидъ и недоразумѣній при этомъ никогда не возникало. Онъ не только умѣлъ избѣгать ненужнаго вмѣшательства, но и довѣрять людямъ, и не только довѣрять, но и уступать. Это рѣдкія черты характера, которыя говорятъ не только объ его умѣ, но и объ его искреннемъ сердцѣ. Какъ ничего не измѣнялъ онъ въ статьяхъ постоянныхъ сотрудниковъ не потому, чтобы не могъ измѣнять, такъ и исправлялъ онъ столь усиленно начинающихъ и второстепенныхъ беллетристовъ вовсе не потому, что могъ дѣлать съ ними, что хотѣлъ, а потому, что это было лучше въ разныхъ смыслахъ, лучше какъ для журнала, такъ и для нихъ самихъ. Вмѣсто недовольства, котораго можно было бы ожидать, если бы мотивы были иные, онъ привлекъ къ журналу и сгруппировалъ вокругъ него цѣлую группу беллетристовъ, благодаря чему, безъ всякаго преувеличенія можно сказать, ни въ одномъ изъ русскихъ журналовъ, ни прежде, ни послѣ, не было такой богатой беллетристики, какъ въ «Отечественныхъ Запискахъ». Иногда ее упрекали въ избыткѣ мужика, но тѣмъ не менѣе постоянно всѣ читали, не исключая и тѣхъ свѣтскихъ людей, ко-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

торые дѣлали подобные упреки. И создано это было главнымъ образомъ Салтыковымъ, потому-что остальные либо никакого касательства къ беллетристикѣ не имѣли, либо помогали ему только въ предварительномъ просмотрѣ рукописей, когда таковыхъ скоплялось слишкомъ много въ редакціонномъ портфелѣ: отдѣляя все очень плохое и указывая на то, что заслуживало вниманія, они облегчали ему выборъ. Но только и всего. Я сказалъ бы даже больше, что создано это было исключительно Салтыковымъ, если бы раньше него не обращалъ особаго вниманія на беллетристику Некрасовъ. Тѣмъ не менѣе, если начало дѣла принадлежитъ Некрасову, то дальнѣйшее его развитіе принадлежитъ Салтыкову.

Повторяю: работать такъ, какъ работалъ Михаилъ Евграфовичъ, не всякій можетъ. Работа для него превратилась не только въ обычное занятіе, но и въ какую-то непреодолимую потребность. Онъ не могъ не писать: ни какія-нибудь дѣла, ни усталость и желаніе отдохнуть, ни знакомства и отношенія, ни даже сама болѣзнь не могли удержать его отъ этого. Сплошь и рядомъ совсѣмъ больной онъ садился къ письменному столу и писалъ своимъ медленнымъ, сжатымъ почеркомъ страничку-другую, сколько могъ. Я засталъ его разъ пишущимъ на подоконникѣ во время переѣзда на дачу, когда въ кабинетѣ все было уже уложено и столъ былъ чѣмъ-то загроможденъ; а за границею онъ ухитрялся иногда писать даже на маленькомъ кругломъ столикѣ, урывая нѣсколько минутъ между прогулкою и завтракомъ или между ванною и обѣдомъ. Я всегда удивлялся, какъ ему не мѣшаютъ работать посѣтители. Ни пріемныхъ и непріемныхъ дней, ни особыхъ пріемныхъ и непріемныхъ часовъ, какъ у другихъ, у него не было. Положимъ, что къ нему не во всякое время ходили, но утромъ, часовъ съ 11-ти и до обѣда, его всѣ и всегда могли застать и шли къ нему совершенно свободно. Случалось мнѣ иногда заходить къ нему и вечеромъ, и опять никто не говорилъ, что онъ не принимаетъ, и опять приходилось кого-нибудь встрѣчать у него. Правда, что онъ не со всѣми и не всегда бывалъ любезенъ, но надо же войти въ положеніе человѣка, которому мѣшаютъ писать, которому нѣсколько разъ приходится отрываться отъ рукописи и заниматься разговорами можетъ быть совсѣмъ изъ другой области, чѣмъ та, о которой онъ думалъ, а сплошь и рядомъ и совсѣмъ для него неинтересными. Одни дѣловые разговоры по журналу, продолжавшіеся обыкновенно не долго, и тѣ могли докучать. Знаешь, бывало, когда онъ занятъ и думаешь ограничиться нѣсколькими словами и нѣсколькими минутами, а проговоришь часъ. А тутъ, смотришь, и еще кто-нибудь пришелъ. Однажды я зашелъ къ нему такимъ образомъ «на минутку» и засталъ его очень сконфуженнымъ:

— Представьте, какая штука со мною сейчасъ вышла,—сказалъ онъ здороваясь,—просто опомниться не могу, такъ стыдно...

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Ждалъ я вчера къ себѣ Боткина: третьяго дня письмо ему написалъ и просилъ посмотрѣть меня; а онъ вчера не пріѣхалъ. Сегодня же, какъ нарочно, съ самаго утра гости: то одинъ, то другой; то по цѣлымъ мѣсяцамъ глазъ не кажутъ, а тутъ вдругъ всѣ соскучились!.. Мнѣ же, право, не здоровится, и я совсѣмъ сегодня былъ нерасположенъ къ визитнымъ разговорамъ, а думалъ писать. Наконецъ, всѣ посидѣли, поговорили и распрощались; только было я къ столу, какъ вдругъ опять кто-то приходитъ. Вижу Ратынскій... такъ мнѣ стало досадно, что я отвернулся къ окну.—«Здравствуйте», говоритъ. Я подалъ руку, поздоровался.—«Какъ, говоритъ, ваше здоровье?»—Да ничего, какъ видите.—«Погода, говоритъ, нынче хорошая».—Ну, и слава Богу, говорю, съ чѣмъ васъ и поздравляю.—«Гуляли-ли?»—Нѣтъ, не гулялъ. Еще что-то спросилъ, я также коротко отвѣтилъ. Сидимъ и молчимъ. Я тутъ вотъ и въ окно смотрю, а онъ на вашемъ мѣстѣ. И прошло такъ должно быть съ полчаса. Наконецъ, по всей вѣроятности, это ему наскучило, и онъ поднимается и начинаетъ прощаться:—«я, говоритъ, къ вамъ лучше въ другое время заѣду». Тутъ только я взглянулъ, и можете представить мое удивленіе: передо мною былъ вовсе не Ратынскій, а Боткинъ. Каково положеніе! Какъ я раньше его не узналъ,—просто понять не могу. Если ужъ въ лицо не смотрѣлъ, такъ по походкѣ, по голосу, наконецъ, по вопросамъ можно было узнать. Совсѣмъ про него забылъ. Но хуже всего то, что ничего ему не сказалъ, что принялъ его за Ратынскаго. Неловко какъ-то было. Такъ онъ и уѣхалъ. Что теперь обо мнѣ онъ можетъ подумать? Совсѣмъ, скажетъ, человѣкъ съ ума сошелъ, или отнесетъ это къ тому, что я обидѣлся за то, что онъ вчера же не пріѣхалъ, а я, право, объ этомъ и не думалъ, потому-что знаю, какъ онъ бываетъ иногда занятъ. Къ тому же, онъ всегда ко мнѣ такъ любезенъ и внимателенъ. Никогда я его такъ не принялъ бы. Думаю письмо ему написать...

Не знаю, писалъ ли что-нибудь Михаилъ Евграфовичъ Боткину или какъ-нибудь иначе объяснился,—лично или черезъ знакомыхъ,—знаю только, что отношенія Боткина къ нему, вслѣдствіе этого случая, не перемѣнились, да дѣло и не въ этомъ, а въ томъ, что ему нерѣдко мѣшали работать и приводили его въ дурное настроеніе, и что, не смотря на это, онъ все-таки не запиралъ своихъ дверей и ухитрялся много работать. Помимо литературныхъ и нѣсколькихъ человѣкъ обычныхъ знакомыхъ, у него иногда можно было встрѣтить и графа Лорисъ-Меликова, и кого-нибудь еще изъ людей совершенно иного круга. Къ нѣкоторымъ изъ нихъ, какъ, напримѣръ, къ графу Лорисъ-Меликову, котораго онъ раньше зналъ и который былъ хорошъ съ Некрасовымъ, онъ еще хорошо относился, но нѣкоторыя знакомства его положительно тяготили. Помню, напримѣръ, какъ онъ былъ не-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

доволенъ и сердился, узнавъ, что къ нему собирается Ѳ. Ѳ. Треповъ. Знаменитый петербургскій градоначальникъ, послѣ отставки, жилъ одно время въ одномъ съ нимъ домѣ, на Литейной, познакомился на прогулкѣ съ его дѣтьми и выразилъ желаніе и съ нимъ познакомиться, сказавъ, что думаетъ зайти для этого на дняхъ съ визитомъ.

— Скажите пожалуйста, для чего это нужно?—волновался Салтыковъ.—Что я съ нимъ буду говорить?! Онъ литературой никогда не занимался, а я по полиціи никогда не служилъ, что же у насъ общаго и для чего наносить мнѣ этотъ визитъ? Если просто посмотрѣть на меня, любопытства ради, такъ не настолько я интересенъ. Онъ навѣрное видалъ многихъ преступниковъ интереснѣе меня. Прежде вѣдь онъ ко мнѣ не ходилъ и не одобрялъ, конечно, моей литературной дѣятельности, и я къ нему тоже ни за чѣмъ не обращался, такъ зачѣмъ же теперь это измѣнять? Пусть бы такъ и оставалось, какъ было. Они, какъ выйдутъ въ отставку, такъ въ оппозиціонномъ направленіи начинаютъ думать и начнутъ захаживать, воображая, что стали интересны и что нѣчто общее у насъ есть. Нисколько онъ мнѣ не интересенъ и ничего общаго у насъ нѣтъ, ничего! Ужъ не думаетъ ли онъ, что и я къ нему тоже пойду? Или можетъ быть статью какую-нибудь пишетъ?.. Вотъ разодолжитъ! Если о пресѣченіи чего-нибудь, то скажу, что для этого есть «Русскій Вѣстникъ», а если воспоминанія какія-нибудь, то пусть идетъ въ «Русскую Старину». Нѣтъ, вы мнѣ скажите, что я съ нимъ буду говорить? О чемъ я съ нимъ говорить буду?! Просто я даже представить себѣ не могу подобнаго глупаго положенія.

Салтыковъ въ обращеніи съ людьми былъ совершенно одинаковъ, какъ бы ни велика была разница въ ихъ общественномъ положеніи: былъ ли передъ нимъ богачъ или бѣднякъ, графъ, князь, генералъ или простой мѣщанинъ и разночинецъ въ длинныхъ сапогахъ и ситцевой рубахѣ,—со всѣми онъ говорилъ одинаково. Онъ различалъ только людей по ихъ достоинствамъ и внутреннимъ качествамъ, когда узнавалъ ихъ ближе: одни ему нравились, однихъ онъ любилъ или уважалъ и относился къ нимъ замѣчательно хорошо, другихъ, наоборотъ, совсѣмъ не уважалъ и не любилъ, и скрыть этого уже никакъ не могъ. Его такъ и тянуло или посмѣяться и сказать что-нибудь непріятное такому человѣку, или уйти отъ грѣха, уйти отъ того непріятнаго впечатлѣнія, которое тотъ на него производилъ. Были нѣкоторые посѣтители и посѣтительницы, заходившіе иногда въ редакцію по какому-нибудь дѣлу, которыхъ онъ просто не выносилъ и при одномъ появленіи которыхъ сейчасъ же замолкалъ, начиналъ на нихъ коситься и всячески избѣгать разговора.—«Не угодно ли вамъ поговорить (съ нимъ или съ нею), а я просто не могу»,—говаривалъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

онъ иногда кому-нибудь изъ сотрудниковъ, или начиналъ спрашивать:—«какъ вы думаете, скоро они уйдутъ?». Некрасовъ во время своей болѣзни опасался просить его съѣздить вмѣсто себя для объясненій съ цензурой и Главнымъ Управленіемъ по дѣламъ печати, боясь, что онъ тамъ чего-нибудь наговоритъ и вмѣсто того, чтобы уладить дѣло и устранить недоразумѣніе, только еще болѣе усилитъ недовольство. Онъ и самъ, повидимому, боялся этого и всегда старался избѣгать какихъ бы то ни было объясненій, прося справиться или сказать что̀ нужно кого-нибудь изъ знакомыхъ цензоровъ. Я помню разсказъ объ одной его поѣздкѣ къ бывшему министру внутреннихъ дѣлъ Макову, который офиціально пригласилъ къ себѣ редакторовъ газетъ и журналовъ, чтобы высказать имъ какіе-то свои взгляды, касательно поведенія и положенія печати. Хотя Салтыковъ и самъ разсказывалъ объ этой поѣздкѣ, передавая суть дѣла, но о томъ, что̀ и какъ онъ говорилъ, умалчивалъ, не придавая, конечно, этому никакого значенія. Объ этомъ разсказывали другіе, кто былъ тамъ одновременно съ нимъ, противополагая его нѣкоторымъ другимъ редакторамъ, державшимъ себя черезчуръ подобострастно. Г. Маковъ сказалъ сначала собравшимся нѣчто въ родѣ рѣчи, а потомъ сталъ говорить съ нѣкоторыми въ отдѣльности, и вотъ, въ то время какъ одни чуть ли не со всѣмъ сказаннымъ имъ соглашались и только дакали да точно-такали, Салтыковъ, напротивъ, горячо и прямо стоялъ за литературу и своимъ громкимъ басомъ говорилъ объ ея стѣсненномъ положеніи, такъ что выходило такъ, какъ-будто не Маковъ, а онъ Макову сдѣлалъ выговоръ, а когда послѣдній на прощанье обратился къ нему съ любезною шуткою:—«подъ какимъ же соусомъ вы меня теперь преподнесете публикѣ?», то онъ, мрачно отходя въ сторону и еще болѣе возвышая голосъ, отвѣчалъ:—«намъ теперь не до соусовъ, не до соусовъ!» Замѣчательная прямота и искренность всегда смягчали суровость и рѣзкость его тона. Я увѣренъ, что его огромный талантъ и эта искренность не разъ обезоруживали даже его враговъ и предотвращали кары отъ журнала.

С. Н. К.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ДВОРЯНСКАЯ ЧЕСТЬ [1].

(Быль прошлаго столѣтія.)

VII.

ВЪ ТО ВРЕМЯ когда Петръ Ильичъ еще задавалъ веселые пиры въ Воропоновкѣ, Андрюша былъ такъ малъ, что сохранилъ объ этой счастливой эпохѣ лишь самыя смутныя воспоминанія. Впрочемъ, онъ помнилъ, какъ его возили однажды въ городъ, и онъ былъ съ матерью на балу у воеводы. По тогдашнему обычаю, въ танцахъ, начинавшихся въ шесть часовъ вечера, участвовали и малые ребята и семидесятилѣтніе старики. Андрей Петровичъ плясалъ въ новомъ красномъ камзольчикѣ съ бѣлыми обшлагами и золочеными пуговицами. Поразила его тогда игра на флейтахъ и фаготахъ: у нихъ дома музыки не было, были только пѣсенники. Не мало онъ испугался, когда начали палить изъ пушекъ, стоявшихъ во дворѣ у воеводы. Шести лѣтъ Андрей Петровичъ началъ ученье: первымъ его учителемъ былъ выгнанный изъ бурсы, по неспособности и за чрезмѣрную приверженность къ Бахусу, сынъ пономаря, заставившій его тотчасъ послѣ азбуки, учить Апостолъ, т. е. долбить Посланія на память.

Вскорѣ послѣ этого, Андрюшѣ пришлось испытать послѣдствія первой катастрофы, постигшей его отца. Вся домашняя ихъ жизнь совершенно измѣнилась. Они переѣхали въ Гриденку, взявъ съ собою немногихъ вѣрныхъ слугъ, и стали жить уединенно. Пиры

[1] Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLII, стр. 5.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

и поѣздки въ гости прекратились; даже ученье прервалось. Мать часто по цѣлымъ днямъ плакала, отецъ куда-то исчезалъ или сидѣлъ безвыходно въ своей комнатѣ. Онъ былъ всегда мраченъ, дѣти трепетали его взгляда и болѣе не видѣли отъ него прежнихъ ласкъ. Смерть матери необычайно живо врѣзалась въ память Андрея Петровича. Умирая, мать благословила его золотымъ крестикомъ.

— Не снимай креста, Андрюшечка,—сказала она.

Въ этихъ простыхъ словахъ было столько безконечной любви и нѣжности, столько тревоги за участь маленькаго Андрюши, что онъ кое-что понялъ и, смотря на мать удивленными, широко раскрытыми глазенками, сталъ цѣловать крестикъ и обѣщалъ, что никогда никому не отдастъ Боженьку.

По смерти матери, единственными воспитателями Андрюши остались дворовые люди: отецъ не обращалъ на него ни малѣйшаго вниманія. Андрюша бѣгалъ и рѣзвился съ крестьянскими ребятишками, игралъ въ бабки, избивалъ прутомъ лягушекъ, скакалъ безъ сѣдла на первой попавшейся лошади. Когда Андрюша подросъ, отецъ мало-по-малу сталъ замѣчать его и даже, однажды, показалъ ему какъ метать ружьемъ артикулъ и погладилъ по головѣ за ловкость и понятливость. Затѣмъ въ жизни отца наступилъ новый крутой поворотъ, онъ сталъ куда-то ѣздить и пропадалъ по цѣлымъ днямъ и даже недѣлямъ. Наконецъ, однажды, собираясь въ путь, отецъ велѣлъ снаряжаться и Андрюшѣ, тогда какъ до сихъ поръ бралъ съ собою только его старшихъ братьевъ.

— Ты у меня молодецъ,—сказалъ Петръ Ильичъ Андрюшѣ,—пора бы тебя записать въ капралы!

Андрюша сѣлъ на коня и поскакалъ вмѣстѣ съ другими. Ѣхали долго и скоро, такъ что мальчикъ едва могъ сидѣть въ сѣдлѣ и часто хватался за гриву лошади. Пріѣхали въ густой лѣсъ, привязали коней. Воропоновскіе молодцы развели огонь и сварили ужинъ. Закусивъ, поскакали дальше, прямо черезъ лѣсную просѣку. Великъ былъ ужасъ Андрюши, когда онъ услышалъ ружейные выстрѣлы и раздирающіе душу крики; мальчикъ дрожалъ, какъ осиновый листъ. Съ нимъ едва не сдѣлались конвульсіи, когда воропоновскіе ребята притащили какого-то окровавленнаго, ободраннаго человѣка, который еще стоналъ: съ звѣрскимъ смѣхомъ и циническими шутками они повѣсили плѣнника на осинѣ.

Отъ нервнаго потрясенія, мальчикъ, по возвращеніи домой, заболѣлъ и пролежалъ болѣе недѣли въ бреду. Отецъ раза два заходилъ узнавать о его здоровьѣ и, покачивая головой, говорилъ:

— Ахъ ты, молокососъ, молокососъ! Рано тебѣ еще съ отцомъ ѣздить, надо погодить!

Съ тѣхъ поръ Андрюша еще раза два былъ на промыслѣ, но не видѣлъ болѣе такихъ страшныхъ сценъ, такъ какъ его держали

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

вдали, оставляя у лошадей. Андрей Петровичъ ясно помнилъ, что у лошадей копыта часто были подвязаны тряпицами.

Весьма памятной была для Андрея Петровича та роковая ночь, когда, наконецъ, главный станъ его отца, т. е. его усадьба была оцѣплена солдатами. Произошло это вслѣдствіе доноса одного разбойника, мстившаго за наказаніе, которому его подвергъ Петръ Ильичъ за слишкомъ звѣрское убійство проѣзжей помѣщицы, самымъ наивнымъ образомъ искавшей въ домѣ Петра Ильича гостепріимства, по случаю застигнувшей ее непогоды. Злополучная барыня, увидя господскій домъ, никакъ не могла себѣ представить, что попала въ разбойничій вертепъ. Петръ Ильичъ, къ которому давно, какъ говорится, ни одинъ воронъ не залетывалъ, принялъ гостью весьма радушно, напоилъ, накормилъ и велѣлъ отвести ей лучшую горницу. Какъ только пріѣзжая заснула, одинъ изъ молодцевъ Петра Ильича, не спросясь барина, пробрался къ спящей и хватилъ ее топоромъ, но попалъ вмѣсто головы по плечу. Несчастная закричала на весь домъ, убійца нанесъ еще нѣсколько ударовъ. Маленькій Андрюша, спавшій въ сосѣдней комнатѣ, проснулся, услышалъ крики, стонъ и хрипѣнье умирающей, вскочилъ и бросился будить отца. Петръ Ильичъ, узнавъ объ убійствѣ въ его домѣ, разсвирѣпѣлъ и хотѣлъ казнить убійцу, однако, побоялся и только вкатилъ ему двѣсти плетей. Отлежавшись послѣ экзекуціи, разбойникъ бѣжалъ и донесъ обо всемъ воеводѣ.

Такимъ образомъ, было раскрыто истинное мѣстопребываніе шайки. Для поимки была отправлена изъ Курска воинская команда. Петръ Ильичъ былъ захваченъ врасплохъ. Какъ тигръ въ клѣткѣ, бѣгалъ онъ по комнатамъ, потомъ успѣлъ выбрать для себя коня, подкованнаго, для скрытія слѣдовъ, задомъ напередъ, велѣлъ сѣдлать коней, Андрюшу посадилъ съ собой въ сѣдло и сдѣлалъ отчаянную попытку прорваться сквозь цѣпь солдатъ. Ему, дѣйствительно, удалось выѣхать незамѣченнымъ, и онъ проскакалъ съ полверсты, но лошадь споткнулась, Андрюша полетѣлъ въ канаву, откуда его потомъ вытащили солдаты, а самъ Петръ Ильичъ сильно повредилъ ногу. Такимъ образомъ, Воропоновъ былъ пойманъ и вмѣстѣ съ сыновьями и сообщниками отвезенъ въ Курскъ, а затѣмъ въ Москву. Дальнѣйшія событія остались въ памяти Андрея Петровича, какъ рядъ тяжелыхъ сновидѣній. Вмѣстѣ съ отцомъ онъ испыталъ ужасы тюремнаго заключенія, былъ свидѣтелемъ пытокъ и позорной торговой казни кнутомъ, которой были подвергнуты, въ присутствіи мальчика, его отецъ и другіе разбойники. Андрей Петровичъ помнилъ, что плѣшивый подъячій гнусливымъ голосомъ прочелъ что-то относившееся къ нему лично: въ его памяти остались только слова «малолѣтство» и «по матернему милосердію». Простили ли его совсѣмъ или только отсрочили наказаніе — этого Андрей Петровичъ никакъ не могъ впослѣдствіи

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

припомнить. Помнилъ онъ только, что прямо съ площади его повезъ солдатъ, везъ очень долго, въ дорогѣ былъ съ нимъ ласковъ и все кормилъ его, наконецъ, привезъ къ дядѣ въ Воропоновку.

Въ то время Андрюша былъ уже мальчикомъ лѣтъ десяти-одиннадцати. Пребываніе у дяди сдѣлалось для него началомъ новой, болѣе покойной и болѣе разумной жизни. Нельзя сказать, чтобы и здѣсь все потекло вполнѣ гладко, но, за немногими исключеніями, онъ, по крайней мѣрѣ, зналъ, почему все дѣлается такъ, а не иначе, тогда какъ прежде жилъ точно здоровый человѣкъ, посаженный въ домъ умалишенныхъ. Почему тогда повѣсили истекавшаго кровью человѣка? Зачѣмъ возилъ его отецъ съ собою? Почему солдаты напали на ихъ домъ? За что палачи терзали его отца и старшихъ братьевъ? Тысячи подобныхъ вопросовъ наполняли пытливый умъ смышленаго и впечатлительнаго мальчика, но онъ не находилъ на нихъ отвѣта. Андрюша чувствовалъ, что все имъ видѣнное въ родительскомъ домѣ было какою-то сплошною нелѣпостью. Единственнымъ свѣтлымъ, но въ то же время грустнымъ, воспоминаніемъ были слезы и ласки матери и ея предсмертныя слова...

Жизнь у дяди была обыкновенной помѣщичьей жизнью тѣхъ временъ. Илья Ильичъ почти также любилъ охоту, какъ и его младшій братъ, но никогда не производилъ крупныхъ безчинствъ, уже потому, что боялся истоптать свои и мужицкіе посѣвы, такъ какъ былъ хорошій хозяинъ. Самъ онъ никогда не учился грамотѣ, такъ и умеръ недорослемъ, но обладалъ практическимъ смысломъ и понялъ пользу ученья, если не для себя, то, по крайней мѣрѣ, для племянника. Собственныя дѣти его поумирали, жена также рано умерла. Оставшись бездѣтнымъ вдовцомъ, онъ искренно привязался къ маленькому Андрюшѣ и соблюдалъ всѣ интересы племянника, какъ если бы Андрюша былъ его сыномъ. Послѣ суда надъ братомъ, явились двое подъячихъ, думая сорвать что-нибудь съ Ильи Ильича и увѣряли его, что принадлежавшая его брату часть Воропоновки будетъ непремѣнно отобрана въ казну. Илья Ильичъ, хотя былъ безграмотенъ, не дался имъ въ руки и, вмѣсто всякаго отвѣта, велѣлъ спечь изъ тѣста два огромныхъ калача въ формѣ весьма выразительнаго жеста, такъ что каждый подъячій, вмѣсто ожидаемаго посула, получилъ по громадному шишу. Съ тѣмъ и отъѣхали судейскіе крючки, а когда, дѣйствительно, затѣялось дѣло, то оказалось, что Илья Ильичъ давно уговорилъ брата, для большей безопасности, выдать ему, заднимъ числомъ, на всѣ принадлежавшія ему въ Воропоновкѣ души и угодья купчую, которой, при помощи хорошихъ подачекъ, была придана вполнѣ законная форма, хотя въ то время Петръ Ильичъ давно считался умершимъ и въ качествѣ покойника никакъ не могъ ничего продавать.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Что касается воспитанія и ученія Андрюши, Илья Ильичъ рѣшилъ наверстать потерянное время, а потому приставилъ къ мальчику, въ качествѣ дядьки, вѣрнаго Митрича, въ то же время подъискалъ отставного капрала для обученія мальчика цыфири, а кромѣ того, нанялъ нѣмца для «всѣхъ прочихъ наукъ», о которыхъ самъ, конечно, не имѣлъ и приблизительнаго понятія. О французахъ-гувернерахъ въ то время въ провинціи еще и слыхомъ не слыхали.

Капралъ обращался съ Андрюшей по-солдатски, иногда диралъ его за уши и ставилъ на колѣни, но, вообще, былъ добрый малый. За то Карлъ Адамычъ оказался самой хитрой и злостной бестіей. Онъ былъ бѣглый каторжникъ изъ Роггервика, но увѣрялъ, будто пріѣхалъ изъ Саксоніи, гдѣ будто бы обучалъ дѣтей самыхъ знатныхъ вельможъ. Жилъ онъ съ Андрюшей въ довольно уединенной горницѣ, чѣмъ пользовался для того, чтобы тиранить мальчика совершенно безнаказанно. Качества этого учителя были довольно разнообразны: онъ пристрастился къ русской водкѣ и малороссійскимъ наливкамъ, а потому сначала приказывалъ Андрюшѣ потихоньку, послѣ обѣда, сливать для него остатки изъ всѣхъ бутылокъ и недопитыхъ рюмокъ; потомъ, ставъ посмѣлѣе и обжившись въ домѣ, уже прямо заставлялъ его воровать. Другая страсть Карла Адамыча была — ухаживать за дѣвками; но Илья Ильичъ былъ вдовъ и не отличался сластолюбіемъ, а потому въ его домѣ изъ женской прислуги были лишь двѣ-три дѣвки судомойки, да ключница Пахомовна, женщина уже немолодая и некрасивая. Поэтому Карлъ Адамычъ заводилъ шашни въ селѣ и водилъ съ собой Андрюшу, будто бы гулять, а на самомъ дѣлѣ устроивалъ гдѣ-нибудь въ рощѣ свиданія съ своими прелестницами, при чемъ мальчику не разъ приходилось быть почти очевидцемъ весьма грязныхъ сценъ. Если Карлъ Адамычъ не успѣлъ окончательно развратить душу и тѣло своего питомца, то единственно благодаря тому, что пересолилъ въ жестокомъ обращеніи съ нимъ. Однажды, разозлившись на то, что мальчикъ плохо выучилъ вокабулы, нѣмецъ высѣкъ Андрюшу такъ безпощадно, что на отчаянные, раздирающіе душу крики мальчика прибѣжалъ Митричъ, услышавшій ихъ со двора въ растворенное окно. Дядька вырвалъ мальчика изъ рукъ изступленнаго нѣмца, и не смотря на униженныя просьбы педагога, пожаловался барину, представивъ, въ видѣ вещественнаго доказательства, исполосанную до крови спину Андрюши. Илья Ильичъ позволялъ нѣмцу немножко посѣчь племянника, но увидѣвъ, что мальчикъ весь въ крови, немедленно велѣлъ прогнать учителя, и съ тѣхъ поръ не бралъ нѣмцевъ, а нанялъ великовозрастнаго бурсака, знавшаго немного по-нѣмецки, которому строго приказалъ никогда не сѣчь мальчика, иначе какъ въ своемъ присутствіи; но такая экзекуція

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

совсѣмъ не была страшна, такъ какъ Илья Ильичъ самъ постоянно покрикивалъ: «не сѣки такъ больно, шельмецъ!» и, наконецъ, вырывалъ розги и швырялъ ихъ въ сторону.

Когда Андрюшѣ исполнилось двѣнадцать лѣтъ, дядя рѣшился отправить его съ Митричемъ въ Петербургъ, чтобы записать въ гвардію. Въ Петербургѣ у Андрюши былъ другой дядя—генералъ, двоюродный братъ его матери, который могъ оказать мальчику покровительство. Дядя-генералъ пользовался расположеніемъ Шуваловыхъ и безъ труда выхлопоталъ племяннику зачисленіе въ Преображенскій полкъ. Какъ же торжествовалъ Андрюша, когда ему сшили мундирчикъ съ капральскими позументами! Затѣмъ, какъ водится, мальчика уволили въ отпускъ, впредь до окончанія ученія, и онъ нѣсколько лѣтъ пробылъ въ Петербургѣ. Дядя опредѣлилъ его въ славившійся въ то время пансіонъ кадетскаго учителя Ферре, бывшій на Васильевскомъ островѣ подлѣ зданія корпуса. Пребываніе у Ферре и жизнь у петербургскаго дяди имѣли въ жизни Андрея Петровича огромное значеніе, отучивъ его отъ многихъ дикихъ инстинктовъ и, отчасти, изгладивъ въ его памяти прошлое. Съ другой стороны, петербургская роскошь не могла развратить его потому, что тогда еще не достигла того развитія, какъ впослѣдствіи, при Екатеринѣ II, да къ тому же генералъ имѣлъ среднее состояніе и не старался жить не по средствамъ.

Новый переломъ,—и быть можетъ самый важный—наступилъ въ жизни Андрея Петровича, когда генералъ, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, отправилъ его доучиваться за границу вмѣстѣ съ тремя товарищами по пансіону. Серьезное чтеніе и слушаніе лекцій въ Лейпцигскомъ университетѣ открыли ему цѣлый новый міръ. Въ короткое время трудно было измѣнить его натуру, изгладить многое, что привилось съ ранняго дѣтства, но прежнія дурныя наклонности смягчились: умственный кругозоръ расширился, явилось множество вопросовъ, которые до тѣхъ поръ даже не приходили ему на умъ. Если онъ и не понялъ тогдашней германской философіи, она была ему ужъ тѣмъ полезна, что пріучила вдумываться въ самаго себя и жить болѣе сознательно и осмысленно.

Между тѣмъ, умерла императрица Елисавета Петровна и, по вступленіи на престолъ Петра III, всѣ находившіеся въ отпуску молодые дворяне были вытребованы къ своимъ полкамъ. Не смотря на «вольность», данную дворянству, никому изъ нихъ не давали не только отставки, но и продолженія отпуска, такъ какъ государь, прекративъ войну съ Пруссіей, задумалъ походъ на Данію. Въ числѣ другихъ вытребовали и Андрея Петровича. Тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ, Андрей Петровичъ явился въ полковую канцелярію и былъ зачисленъ на дѣйствительную службу. При Петрѣ III знаніе нѣмецкаго языка имѣло огромное значеніе. Не удивительно, что отвѣтивъ при первой встрѣчѣ государю на нѣ-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

мецкій вопросъ по-нѣмецки, Андрей Петровичъ былъ замѣченъ и ни съ того ни съ сего его произвели въ поручики.

Такъ какъ дядя-генералъ съ своей семьей находился въ это время въ деревнѣ, то Андрей Петровичъ пріютился на время, до пріисканія квартиры, у своего дальняго родственника, также преображенца, подпоручика Черткова.

Однажды, вечеромъ, Воропоновъ вернулся усталый къ Черткову и, улегшись на диванъ, передавалъ ему впечатлѣнія, вынесенныя имъ въ теченіе дня.

— Ну, братъ,—сказалъ Чертковъ,—вижу, что у насъ напрасно тебя прозвали нѣмцемъ, ты остался русскимъ человѣкомъ, а потому, скажу тебѣ теперь напрямикъ: плохія дѣла у насъ тутъ дѣлаются... Богъ знаетъ, что изъ всего этого выйдетъ...

— Я и самъ вижу, что неладно, а всежъ тебѣ лучше знать... объясни пожалуйста.

— Да, братецъ, пошли здѣсь совсѣмъ новые порядки... Государь съ своими гольштинцами куритъ табакъ, пьетъ пиво, да прусскому королю кланяется. Просто стыдъ и срамъ! Ужъ мы всѣ дивуемся... Коли все правда, что говорятъ, какъ онъ живетъ съ государыней...

— Да ужъ не врутъ ли многаго, братецъ? Болтать у васъ здѣсь тоже мастера,—сказалъ Андрей Петровичъ.

— Какая тутъ болтовня, коли я своими глазами видѣлъ не лучше того, что разсказываютъ... Самъ посуди, братецъ: приказываетъ государь всюду, куда не поѣдетъ, возить съ собой корзину голландскихъ глиняныхъ трубокъ и картузы съ самымъ простымъ кнастеромъ. Былъ я самъ въ ординарцахъ у нашего генерала и приходилось часто ѣздить съ государемъ. Да что кнастеръ! Сіе куда бы уже ни шло, а вотъ что для россіянъ подлинно постыднѣйшее: не успѣютъ сѣсть за столъ, какъ начнутъ пить изъ покаловъ, и столь прилежно, что, вставъ изъ-за стола, начнутъ говорить нескладицу. Пойдутъ разговоры, съ русскими по-русски, съ нѣмцами по-нѣмецки, громыхаютъ рюмками и такъ оглумятся въ честь Бахуса, что иного гренадеры выносятъ на рукахъ... Ну что, братецъ, каково это тебѣ покажется?

«Не лучше лейпцигскихъ буршей»,—подумалъ Андрей Петровичъ; онъ и въ Лейпцигѣ сторонился отъ тѣхъ студентовъ, которые занимались только попойками.

Скучные дни наступили для Воропонова. Давно ли онъ увлекался въ Лейпцигѣ ученіемъ Лейбница, ломалъ голову надъ «монадами», читалъ нравственно-философскія разсужденія Крузіуса и, вообще, жилъ чисто умственными интересами. Даже за кружкою пива онъ не столько пилъ, сколько спорилъ о «важныхъ матеріяхъ». Здѣсь ему пришлось облечься въ кургузый гольштинскій мундиръ, по цѣлымъ часамъ заниматься экзерциціями, участвовать въ рот-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ныхъ и батальонныхъ построеніяхъ, томиться на смотрахъ, безпрестанно производившихся на Царицыномъ лугу, стоять по цѣлымъ часамъ на караулѣ... Куда какъ весело!.. Вмѣсто философіи пришлось долбить военный артикулъ и присматриваться къ жестамъ флигельмана, показывающаго какіе дѣлать ружейные пріемы...

Андрей Петровичъ часто бесѣдовалъ съ товарищами изъ дворянъ, нерѣдко прислушивался къ разговорамъ солдатъ изъ даточныхъ, и вездѣ слышалъ одно и то же: всѣ въ одинъ голосъ роптали на государя и жалѣли государыню...

Однажды, Воропоновъ, подойдя къ группѣ солдатъ, услышалъ такой разговоръ:

— Слышали, братцы, сказываютъ, что въ киркѣ вѣнчаться хочетъ съ своей Романовной!

Очевидно рѣчь шла объ отношеніяхъ государя къ Воронцовой.

— Ну, да вѣдь и мы не дураки!—сказалъ другой солдатъ,— когда поведутъ насъ въ Ямскую, мы и спросимъ: зачѣмъ и куда насъ ведутъ? Не хотимъ служить королю, не оставимъ нашу матушку государыню.

— А слыхали, братцы, будто всѣмъ попамъ теперича бороды брить будутъ и всѣ иконы изъ церквей повынесутъ?

— Вѣрно, вѣрно, братцы! Самъ слышалъ, какъ нашъ полковой попъ говорилъ. Бороды безпремѣнно попамъ обрѣютъ.

— Какъ же это, братцы? Вдругъ священникъ, да безъ бороды.

Не то еще говорилось между дворянами. Часто приходилось слышать, что государь смѣется надъ православными обрядами, что его гольшинскіе офицеры говорятъ о государынѣ: «надо раздавить змѣю»; утверждали, что государь становится на колѣни передъ портретомъ прусскаго короля, которому собирается подарить весь находящійся въ Пруссіи Чернышевскій корпусъ.

Нѣкоторые изъ товарищей Воропонова, стоявшіе близко къ одному изъ самыхъ горячихъ сторонниковъ молодой императрицы Екатерины Алексѣевны, артилерійскому офицеру Григорію Орлову, стали по немногу испытывать Андрея Петровича. Особенно приставалъ къ нему Чертковъ. Андрей Петровичъ отвѣчалъ уклончиво, тѣмъ болѣе, что носились слухи, будто Орловъ масонъ. Воропоновъ, въ бытность свою въ Германіи, много слышалъ о масонахъ и не раздѣлялъ крайнихъ предразсудковъ противъ ихъ ордена. Но всосанныя съ молокомъ матери и воспитанныя во время жизни у петербургскаго дяди понятія были слишкомъ сильны въ немъ, и Воропоновъ не поддавался Черткову, пока тотъ не заявилъ рѣшительно, что рѣчь идетъ не о масонствѣ. Заинтересованный загадочными намеками Черткова, Воропановъ собирался, вмѣстѣ съ нимъ, навѣстить Орлова, но предварительно потребовалъ прямого отвѣта, чего отъ него хотятъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Что ты все загадки загадываешь?—спросилъ онъ.—Коли подлинно есть у васъ важное дѣло, говори въ чемъ оно, а не води понапрасну. Можетъ быть, вы просто хотите шалаберничать.

Чертковъ, уже имѣвшій случай не разъ убѣдиться въ прямотѣ и честности Андрея Петровича, рѣшился, наконецъ, сказать:

— Ну, коли хочешь знать, такъ вотъ что: ты за кого, за государя или за государыню?

Андрей Петровичъ давно догадывался, къ чему клонится дѣло. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ расположенъ къ государю, но мысль, что онъ нарушитъ присягу, сильно безпокоила его. Замѣтивъ, что Воропоновъ колеблется, Чертковъ немного струсилъ.

— Знаю, что ты благородный человѣкъ,—сказалъ онъ,—и насъ не выдашь.

Воропоновъ вскипѣлъ.

— Что я развѣ фискалъ?—сказалъ онъ.—Только хорошее ли вы дѣло затѣяли?

— Эхъ, братъ! Всѣ за насъ... Самъ увидишь!

— Да ужъ не знаю, что и сказать,—замѣтилъ Воропоновъ.

Заговоръ казался ему дѣломъ безчестнымъ, но въ то же время кровь заиграла въ его жилахъ при мысли о томъ, что предстоитъ обильное поприще для молодеческихъ подвиговъ. Была не была, а все же это лучше чѣмъ стоять на караулахъ. Досада на принудительную службу, оторвавшую его отъ любимыхъ занятій, давно накипѣла въ душѣ Воропонова.

— Ну, братецъ, дай срокъ подумать,—сказалъ онъ.

Вѣроятно, онъ былъ бы вовлеченъ въ заговоръ и на него могли бы посыпаться чины и почести, наравнѣ съ другими... Но судьба рѣшила иначе.

Насталъ іюнь мѣсяцъ. Была одна изъ тѣхъ бѣлыхъ петербургскихъ ночей, которыя такъ часто воспѣвались поэтами. Только самыя яркія звѣзды не меркли при свѣтѣ догоравшей вечерней зари, которая вскорѣ смѣнилась утреннею.

Андрей Петровичъ возвращался верхомъ съ вечерней пирушки. Въ головѣ его нѣсколько шумѣло. Онъ скакалъ по Невскому, какъ вдругъ ему ни съ того, ни съ сего, пришла фантазія проѣхаться по площадкѣ, назначенной для пѣшеходовъ, тогда еще устроенной посреди проспекта, или какъ говорилось въ то время, «перспективы». Лошадь поскользнулась, Андрей Петровичъ свалился и порядочно ушибъ бокъ, но не придавая важнаго значенія этому случаю, кряхтя, взобрался на коня и доѣхалъ шагомъ домой, въ свою квартиру, недавно нанятую имъ на Литейной. На слѣдующій день онъ, однако, почувствовалъ себя такъ худо, что долженъ былъ послать за лекаремъ и пролежалъ въ постели три недѣли. Между тѣмъ, за это время въ Петербургѣ произошли важнѣйшія событія.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Однажды, утромъ, Воропоновъ проснулся бодрѣе обыкновеннаго и попробовалъ встать съ постели. Ноги еще плохо повиновались ему, но онъ, желая испытать свои силы, не кликнулъ человѣка и подошелъ къ окну, выходившему на улицу. Вдругъ послышался барабанный бой и отдаленные крики: «ура!»

— Что бы это значило?—подумалъ Андрей Петровичъ и распахнулъ окно.

Утро было чудное, ясное и теплое. Выглянувъ въ окно, Андрей Петровичъ сразу понялъ, что происходитъ нѣчто необыкновенное. По Литейному бѣглымъ шагомъ, въ совершенномъ безпорядкѣ, спѣшили гранадеры, какъ вдругъ навстрѣчу имъ прискакалъ верхомъ офицеръ, въ которомъ острое зрѣніе Воропонова тотчасъ различило маіора Воейкова. Маіоръ перерѣзалъ путь гренадерамъ и, вынувъ шпагу, кричалъ:

— Стой! Назадъ!

Гренадеры не повиновались и бѣжали впередъ. Маіоръ сталъ рубить шпагой по ружьямъ и шапкамъ.

— Ура!—заревѣли гренадеры и бросились на него въ штыки.

Маіоръ едва успѣлъ ускакать. Вслѣдъ за гренадерами бѣжала та самая рота Преображенскаго полка, въ которой числился Воропоновъ.

Стадный инстинктъ овладѣлъ имъ, такъ бы, кажется, выпрыгнулъ въ окно и побѣжалъ съ товарищами, кабы не эта проклятая хворь! Онъ даже закричалъ: «ура!» но его никто не замѣтилъ и не услышалъ.

Андрей Петровичъ кликнулъ своего Прошку. Тотъ, разумѣется, зналъ немногое, сказалъ только, что народъ бѣжитъ къ Казанскому собору.

— Сказываютъ, государь убился на охотѣ, а матушка государыня уже въ соборѣ,—говорилъ Прошка.

Такіе слухи, дѣйствительно, были пущены въ городѣ. Андрей Петровичъ, чуть не плача отъ сознанія своего безсилія, послалъ Прошку разспросить подробнѣе въ чемъ дѣло. Прошка ушелъ и пропадалъ до пяти часовъ. Вернувшись, онъ разсказалъ, что гвардія присягала государынѣ и что всѣхъ солдатъ повели въ Петергофъ.

Весь день въ городѣ замѣчалось необычайное движеніе. Ночью опять послышался барабанный бой: очевидно войска вернулись изъ Петергофа.

Отъ нервнаго возбужденія ходъ выздоровленія Андрея Петровича ускорился и на слѣдующее утро, вставъ весьма рано, онъ хотя чувствовалъ себя слабымъ, но могъ выйти. Сѣвъ въ коляску, онъ поѣхалъ по улицамъ и былъ пораженъ тѣмъ, что увидѣлъ.

Массы народа—солдатъ и людей всякаго званія—толпились всюду какъ будто на ярмаркѣ. Всѣ трактиры и кабаки были от-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

перты. Пьянствовали, какъ никогда. Не только водку и пиво, но дорогія вина лили ушатами и кадками и разносили, насчетъ казны, солдатамъ. Случалось нерѣдко, что шампанское смѣшивали съ пивомъ: солдаты спьяна не различали. Крикъ, галдѣнье, шумъ, брань, висѣли надъ столицей.

Замѣчая, что народъ стремился къ Лѣтнему дворцу (гдѣ теперь Михайловскій), Андрей Петровичъ велѣлъ кучеру ѣхать туда, но близко подъѣхать не было возможности, такъ какъ здѣсь столпилось множество солдатъ. Андрей Петровичъ вышелъ изъ коляски и подошелъ поближе, надѣясь здѣсь узнать точнѣе, въ чемъ дѣло: пока онъ зналъ о происшедшемъ лишь по сбивчивымъ разсказамъ Прошки и кучера.

У дворца толпилось множество солдатъ. Разспросы тотчасъ убѣдили Андрея Петровича въ томъ, что революція, дѣйствительно, совершилась, и государь, какъ плѣнникъ, отвезенъ въ Ропшу.

— А принцу Жоржу-то досталось! — кричалъ одинъ пьяный гренадеръ.—Въ прахъ разнесли! Я самъ видѣлъ. Всѣмъ его людямъ наши ребята бока помяли и посадили ихъ, канальевъ, въ погребъ, двери разломали и всѣ комнаты начисто обобрали. Съ собою малость взяли, прочее побросали на улицу.

Андрей Петровичъ поспѣшилъ сѣсть въ коляску и поѣхалъ розыскивать товарищей, чтобы, наконецъ, добиться толку. Въ поискахъ онъ провелъ нѣсколько часовъ: никого не было дома.

Наконецъ, ему удалось встрѣтить одного изъ сержантовъ своего полка, который разсказалъ все, что зналъ. Нѣсколько дней прошло для Андрея Петровича, какъ и для большинства непосвященныхъ во всѣ придворныя тайны, въ состояніи напряженнаго ожиданія. О государѣ ходили самые противорѣчивые слухи. Знали только, что онъ отрекся отъ престола.

Между тѣмъ, Петербургъ принялъ видъ военнаго лагеря. По всѣмъ мостамъ и на перекресткахъ стояли пушки съ зажженными фитилями; всюду сновали конные патрули.

Наконецъ, недоумѣнія разрѣшились. Было всенародно объявлено, что государь внезапно скончался отъ прежестокихъ коликъ.

Послѣ весьма скромныхъ похоронъ императора, на гвардію посыпался дождь наградъ. Изъ товарищей Воропонова одни получили чины, другіе деньги, третьи крестьянъ.

Воропоновъ, какъ не участвовавшій въ заговорѣ (хотя это и произошло по чистой случайности), не получилъ никакой награды. Давно наскучивъ военною службою, онъ подалъ челобитную въ военную коллегію, получилъ безъ затрудненія отставку и уѣхалъ въ Москву, а оттуда въ свою Воропоновку, куда, по смерти дяди, его давно уже звалъ Митричъ, посылавшій своему бывшему питомцу слезныя письма съ просьбою пріѣхать поскорѣе и предупредить конечное разореніе хозяйства.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Странное чувство овладѣло Воропоновымъ, когда онъ впервые, послѣ долгихъ лѣтъ отсутствія, увидѣлъ свое родное гнѣздо. Отъ Курска онъ ѣхалъ на своихъ лошадяхъ, и кучеръ повезъ его прямо къ дядиной усадьбѣ: отцовскій домъ еще дядей былъ заколоченъ и долго стоялъ пустой, а потомъ, по неосторожности одного изъ людей, сгорѣлъ, такъ что успѣли вынести только образа.

Подъѣзжая къ дому, полученному въ наслѣдство отъ покойнаго дяди, Андрей Петровичъ прежде всего удивился малости размѣровъ этого жилища, въ дѣтствѣ казавшагося ему роскошными палатами. «Да это просто большая крестьянская изба», —подумалъ онъ, посматривая на почернѣвшую крышу и маленькія окна съ некрашенными ставнями.

Но когда онъ вошелъ въ комнаты, откуда несло запахомъ плѣсени и сажи, имъ овладѣло чувство особеннаго умиленія. Когда же онъ увидѣлъ въ угольной комнатѣ материнскій кіотъ съ образами въ потускнѣвшихъ ризахъ, Андрей Петровичъ невольно опустился на колѣни и нѣсколько разъ поклонился до земли; ему казалось, что духъ матери витаетъ здѣсь; слезы выступили на его глазахъ, и онъ сталъ молиться, какъ когда-то въ дѣтствѣ.

Осмотрѣвшись въ своихъ владѣніяхъ, Андрей Петровичъ увидѣлъ, что многое запущено и раззорено: приказчикъ оказался большимъ плутомъ; не смотря на то, что Митричъ велъ съ нимъ постоянную борьбу, онъ воровалъ напропалую. Пришлось его смѣнить и, вообще, сдѣлать множество нововведеній. Послѣ лейпцигскихъ лекцій и петербургскаго строевого ученія, Андрей Петровичъ вдругъ почувствовалъ, что теперь у него безконечно много досуга. Со скуки онъ сталъ придумывать всевозможные хозяйственные планы. Въ Москвѣ онъ купилъ нѣсколько книжекъ на нѣмецкомъ языкѣ хозяйственнаго содержанія, также нѣсколько нравственно-философскихъ разсужденій и романовъ, добылъ и кое-какія русскія книги, хотя тогда хорошихъ русскихъ книгъ было очень мало, да и то больше переводныя. Сталъ Андрей Петровичъ читать о мекленгбургскомъ хозяйствѣ, прочелъ Гофмановы разсужденія «О спокойствіи и удовольствіи». Эта книга ему очень понравилась, такъ какъ самъ онъ искалъ теперь спокойствія и въ то же время жаждалъ если не удовольствій, то, по крайней мѣрѣ, хоть какого-нибудь развлеченія.

Скука одиночества скоро одолѣла его. Онъ сталъ разъѣзжать по сосѣдямъ, знакомился съ кѣмъ могъ, а дома, за отсутствіемъ другихъ собесѣдниковъ, бесѣдовалъ съ Пахомовной и, особенно, съ Митричемъ. Пахомовна постоянно совѣтовала ему искать невѣсту и даже перечисляла всѣхъ извѣстныхъ ей хорошихъ невѣстъ, расписывая ихъ достоинства самыми преувеличенными красками: и хороша-то, и умница, и ученая всему, и хозяйка будетъ первая во всей округѣ, и такъ далѣе въ этомъ родѣ. Митричъ, наоборотъ,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

философствовалъ, совѣтуя не спѣшить: дѣвка, говорилъ онъ, не малина, не спадетъ, зачѣмъ же торопиться? Да и не брать же первую встрѣчную. Надо искать невѣсту тихаго нрава, а главное, чтобы была съ хорошимъ достаткомъ. Пахомовна—баба, а у всѣхъ бабъ волосъ дологъ, да умъ коротокъ, и слушать ихъ не стоитъ.

Но всѣ совѣты Пахомовны и философствованія Митрича пропадали, повидимому, даромъ. Конечно, ни экономкѣ, ни старому дядькѣ, не могло придти на умъ, что Андрей Петровичъ такъ скоро найдетъ невѣсту самъ, и еще менѣе могли они предвидѣть, что онъ женится такимъ необычайнымъ образомъ, какъ это случилось на самомъ дѣлѣ. Правда, и здѣсь не обошлось безъ совѣта Митрича, чѣмъ онъ впослѣдствіи очень гордился, думая про себя, что кабы не старый Митричъ, быть бы Андрею Петровичу еще годика два бобылемъ.

VIII.

Широко растворились ворота передъ коляскою, въ которой сидѣлъ Андрей Петровичъ съ Софьюшкой; вороные кони, объѣхавъ огромный, имѣвшій видъ правильнаго круга, дворъ, остановились у крыльца, на которое высыпала дворня, съ любопытствомъ и недоумѣніемъ посматривавшая на нежданную гостью. Андрей Петровичъ выскочилъ изъ коляски и, отстранивъ спрыгнувшаго съ запятокъ лакея, самъ ссадилъ Софьюшку и ввелъ ее въ свой домъ. У Софьи забилось сердце при мысли, что въ этомъ домѣ она сама скоро будетъ хозяйкой и яркій румянецъ выступилъ на ея лицѣ, потемнѣвшемъ отъ загара и дорожной пыли.

Въ первыя минуты послѣ отъѣзда изъ Коренной Пустыни, Софьюшка была въ безсознательномъ состояніи. Очнувшись, она почувствовала, что голова ея склонилась на плечо Воропонова и его горячее дыханіе обожгло ее. Софьюшка слабо отстранилась отъ Андрея Петровича и они долго ѣхали почти молча: онъ спрашивалъ только, удобно ли ей сидѣть, не мѣшаетъ ли ей солнце или пыль, а она отдѣлывалась двумя-тремя словами. Ѣхали долго и мало-по-малу поневолѣ разговорились, но все же Андрею Петровичу казалось, что Софьюшка сердится на него, и онъ нѣсколько разъ просилъ у нея прощенія: она отвѣчала довольно сухо, что сердиться ей не за что. Андрей Петровичъ пытался обнять ее, Софьюшка дѣлала усиліе, чтобы освободиться, и онъ, наконецъ, оставилъ ее въ покоѣ.

«Нѣтъ, она сущій ребенокъ! — думалъ Андрей Петровичъ. — Матери боится! Ну, да перемелется—мука будетъ».

Иногда впрочемъ у него мелькала мысль:

«А что если я ей противенъ? Насильно милъ не будешь. И знаю ли я, какой у нея нравъ? Что, если вмѣсто пріятности, я получу съ нею однѣ только горести и мученья? Ахъ, Господи,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Господи! Одна надежда на промыселъ Божій. Молода она, совсѣмъ ребенокъ! Станетъ старше, больше полюбитъ»... Но, минуту спустя, онъ снова любовался ею и находилъ, что никого лучше ея нѣтъ и не можетъ быть въ цѣломъ свѣтѣ.

Когда, наконецъ, онъ увидѣлъ свою усадьбу и ввелъ въ свой домъ ту, на которую смотрѣлъ, какъ на будущую госпожу и хозяйку этого мирнаго уголка, — тысячи разнообразныхъ мыслей и чувствъ вдругъ овладѣли Воропоновымъ, и онъ съ какою-то особенною гордостью сказалъ слугамъ:

— Проведите Софью Трофимовну въ угольную! — и, обратясь къ Софьюшкѣ, добавилъ:—Отдохните съ дороги, другъ мой.

Двѣ старухи, составлявшія кромѣ Пахомовны, всю постоянную женскую прислугу въ холостомъ хозяйствѣ Воропонова, успѣли уже пошептаться съ Митричемъ, и, поцѣловавъ ручку у будущей хозяйки, отвели ее въ указанную комнату.

Софьюшка опустилась на диванъ и, не раздѣваясь, вскорѣ уснула отъ физическаго и нравственнаго изнеможенія.

Проспавъ часа три, Софьюшка была крайне удивлена, когда, проснувшись, увидѣла въ комнатѣ совершенно незнакомыхъ ей женщинъ, повидимому бѣдныхъ дворянокъ, которыя, обступивъ ее, стали торопить одѣваться къ вѣнцу!

Софьюшка была такъ ошеломлена всѣмъ происходившимъ, что ей казалось, будто она все это видитъ во снѣ.

А въ то время, когда она на самомъ дѣлѣ спала, Андрей Петровичъ распоряжался, разослалъ верховыхъ пригласить на свадьбу двухъ, трехъ ближайшихъ небогатыхъ сосѣдей-дворянъ съ женами и дочерьми, чтобы не на безлюдьи вѣнчаться, затѣмъ послалъ за отцомъ Степаномъ, и съ помощью Пахомовны, пріѣхавшей вслѣдъ за нимъ изъ Пустыни, распорядился на счетъ свадебнаго ужина.

Пріѣхавшія по его приглашенію боярыни были смущены необычайной обстановкой свадьбы, но тѣмъ не менѣе хлопотали, желая устроить все какъ можно лучше и пристойнѣе.

Въ такое короткое время трудно было что-нибудь сдѣлать, тѣмъ болѣе, что въ домѣ Андрея Петровича не оказалось ни сѣнныхъ дѣвушекъ, ни мастерицъ. Одна изъ ближайшихъ сосѣдокъ Воропонова, единственная, которая была побогаче, послала за своими швеями. У Андрея Петровича хранились въ сундукахъ различныя матеріи, оставшіяся отъ тетки и матери; выбравъ одну изъ нихъ, наиболѣе подходившую къ вѣнчальному платью, стали наскоро кроить и шить; фату также соорудили и одна изъ сосѣдокъ сама принялась за прическу невѣсты.

Софьюшка почти безсознательно позволяла одѣвать и чесать себя, также машинально прошла, въ сопровожденіи боярынь и ихъ дочерей, черезъ комнату, гдѣ стоялъ столъ, съ котораго уже сняли икону, хлѣбъ и соль.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Отецъ Степанъ, отслуживъ молебенъ и окропивъ домъ святой водой, повезъ икону впередъ. Андрей Петровичъ ждалъ уже невѣсту въ церкви и, постоянно выходя на паперть, съ нетерпѣніемъ всматривался. Наконецъ, на мосту загрохотала карета и вскорѣ, поднявшись на гору, подъѣхала къ церкви.

Въ подвѣнечномъ платьѣ Софьюшка показалась Андрею Петровичу еще прекраснѣе обыкновеннаго. И, дѣйствительно, она была хороша, вся въ бѣломъ и съ вѣнкомъ розъ на головѣ: въ то время вмѣсто флёръ д'оранжа надѣвали розы. Небогато и почти безъ всякой пышности пришлось отпраздновать этотъ знаменательный день, но Андрей Петровичъ такъ погрузился въ мысли о Софьюшкѣ, что едва замѣтилъ внѣшнюю обстановку обряда.

Совсѣмъ другое испытывала Софьюшка. Ей не разъ приходилось бывать на свадьбахъ, и тоскливое чувство щемило ея сердце при мысли, что этотъ день, рѣшающій всю ея судьбу, самый торжественный день въ жизни каждой дѣвушки, проведенъ ею не такъ, какъ слѣдуетъ. Она испытывала тоже, какъ если бы была круглой сиротой. Мать ее не благословила, сестры не видятъ ея свадьбы, всюду чужія, немилыя лица... Одинъ Андрей Петровичъ былъ ей близокъ. Любила ли она Андрея Петровича? Конечно, да. Софьюшка чувствовала пріятное волненіе, когда онъ смотрѣлъ на нее, она вздрагивала, когда сближались ихъ руки. Но къ любви примѣшивались многія горькія чувства, отравлявшія ея счастіе.

Стройно и звучно пѣлъ хоръ пѣвчихъ, составленный изъ лучшихъ пѣсенниковъ Андрея Петровича, торжественно звучали слова съ чувствомъ провозглашаемыя отцомъ Степаномъ.

Благоговѣйный трепетъ охватывалъ душу Воропонова, что̀-то величественное послышалось ему въ слова́хъ: «да возвысятся они, какъ кедры ливанскіе»... Обручаться имъ пришлось передъ самымъ вѣнчаніемъ. Вотъ ужъ они обмѣнялись кольцами и Софьюшка, у которой дрожали руки, чуть не обронила кольцо.

«Дурная примѣта»,—мелькнуло у нея въ головѣ.

Но вотъ ужъ держатъ вѣнцы надъ ихъ головами... Раздалась побѣдная пѣснь любви: «Исайе ликуй». Андрей Петровичъ съ чувствомъ гордости, а Софьюшка стыдливо исполнили требуемое обрядомъ и поцѣловались. Обрядъ кончился. Со всѣхъ сторонъ послышались поздравленія. Согласно обычаю, молодые поспѣшили изъ церкви, чтобы пріѣхать раньше всѣхъ...

Дворня была въ полномъ сборѣ, и такъ какъ уже смеркалось, домъ былъ освѣщенъ огнями, а во дворѣ были зажжены плошки и фонари.

Новобрачныхъ встрѣтили съ образомъ и съ хлѣбомъ солью, и они вошли въ комнату, гдѣ былъ накрытъ столъ, установленный блюдами и цвѣтами. Вскорѣ съѣхались всѣ бывшіе въ церкви; гостей было немного и всѣ спѣшили сѣсть за столъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

И Андрей Петровичъ и Софьюшка на столько знали обычай, что за свадебнымъ ужиномъ ни до чего не дотронулись. За то гости, большею частью изъ такихъ дворянъ, у которыхъ въ семьѣ было больше барскихъ ртовъ, чѣмъ крѣпостныхъ рукъ, угостились вдоволь. Въ то время въ провинціи еще не было въ обычаѣ, чтобы лакеи разносили блюда, а потому гости хозяйничали сами.

Затѣмъ наступила самая тягостная минута для новобрачныхъ и особенно для Софьюшки.

Неизмѣнный, и ставшій чѣмъ-то въ родѣ священнаго обряда, обычай требовалъ, чтобы послѣ ужина новобрачные торжественно удалились въ особую комнату, а гости отнюдь не ложились спать и дожидались хоть всю ночь до тѣхъ поръ, пока имъ можно будетъ войти къ новобрачнымъ и поздравить ихъ.

Андрей Петровичъ охотно отступилъ бы отъ такого дикаго обыкновенія, онъ мысленно проклиналъ глупый обычай и думалъ какъ бы избавиться отъ дорогихъ гостей. Но сколько ни думалъ, ничего придумать не могъ. И безъ того, вѣроятно, о немъ судятъ вкривь и вкось. Какъ это самъ привезъ невѣсту въ свой домъ: развѣ такъ водится у людей? Ужъ, конечно, всѣ догадались, что онъ увезъ Софьюшку, да только такъ, изъ приличія, не даютъ видъ, что не знаютъ.

Отпустить гостей домой, значитъ прямо выгнать ихъ, потому-что сами, добровольно, зная обычай, не уѣдутъ; а разъ они останутся—будутъ ждать, пока не поздравятъ. Словомъ, куда не кинь, все клинъ!

Если таковы были размышленія Андрея Петровича, то можно себѣ представить, что перечувствовала Софьюшка. Она отлично знала всѣ свадебные обычаи и живо вспомнила подробности свадьбы старшей сестры. Помнила, какъ везли сестрино приданое, затѣмъ, хоть не видѣла сама, но ей разсказывали, какъ вносили въ домъ жениха сестрину кровать, какъ водится, весьма торжественно, на коврахъ. Ничего подобнаго на ея свадьбѣ быть не могло, такъ какъ пріѣхала она, въ чемъ была, безъ всякаго приданаго. Ужъ одна мысль, что о ней будутъ думать, какъ о какой-то нищей, бросала ее въ жаръ и въ холодъ; но все это было ничего по сравненіи съ мыслью о предстоявшихъ ей впереди новыхъ поздравленіяхъ, смысла которыхъ она, впрочемъ, не могла понять, лишь смутно чувствуя дикость этого обычая.

И Софьюшка дѣлала надъ собою сверхъестественныя усилія, стараясь казаться спокойной и счастливой. Сидя за столомъ подлѣ Андрея Петровича, она старалась улыбаться, быть совсѣми привѣтливой, имѣть видъ счастливой жены, но все время думала: «хоть бы поскорѣе; когда вся эта мука кончится!»

Наконецъ, отъужинали. «Вѣнокъ снимите, вѣнокъ»,—шептала на ухо Андрею Петровичу сидѣвшая подлѣ него боярыня. Онъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

машинально повиновался и снялъ съ жены вѣнокъ. Наконецъ, сидѣвшія за столомъ боярыни встали, подошли къ молодой хозяйкѣ и повели ее въ комнату, гдѣ давно уже хлопотала Пахомовна, убирая парадную кровать съ занавѣсомъ. Софьюшка совершенно машинально позволила раздѣть себя. Боярыни стали прощаться съ нею и возвратились въ столовую, откуда уже выносили столы, чтобы сдѣлать больше простору, такъ какъ здѣсь предполагалось постелить для боярынь, а мужчинамъ устроили постели прямо въ смежныхъ широкихъ сѣняхъ. Но никто, разумѣется, не ложился спать до принесенія поздравленій.

Оставшись одна въ своей комнатѣ, Софьюшка не выдержала и, уткнувшись лицомъ въ подушку, расплакалась, какъ вдругъ почувствовала прикосновеніе чьей-то руки. Вскочивъ въ испугѣ, она увидѣла передъ собою Андрея Петровича, съ безконечною нѣжностью и любовью взглянувшаго ей въ глаза... А она чувствовала лишь неизъяснимый стыдъ.

— Софьюшка, радость моя! — прошепталъ Андрей Петровичъ, прижимая ее къ своей груди.

Она вдругъ заплакала.

— Софьюшка! что съ тобою, свѣтикъ мой? Плакать-то зачѣмъ?

— Тошно мнѣ, Андрей Петровичъ! Умру я скоро!

— Софьюшка, противенъ я тебѣ, что ли?—съ отчаяніемъ воскликнулъ Андрей Петровичъ.

Въ эту минуту ему показалось, что у него отняли самое дорогое въ жизни. Онъ опустилъ голову и по его щекѣ вдругъ покатилась крупная слеза, блеснувшая при тускломъ мерцающемъ свѣтѣ свѣчи.

— Нѣтъ, дорогой мой, не говори такихъ словъ; да еще такъ громко ты говоришь, люди услышать могутъ,—съ нѣжностью сказала вдругъ Софьюшка и даже въ первый разъ сама положила ему руку на плечо.—Не противенъ ты мнѣ, люблю я тебя, только, какъ ты понять не можешь! Тяжко мнѣ, грустно!

Она закрыла лицо руками.

— Знаю, знаю, Софьюшка,—сказалъ Андрей Петровичъ, хотя на самомъ дѣлѣ онъ не понималъ ея тоски, приписывая ея слезы тому, что она любитъ его не такъ сильно, какъ онъ ее.—Ну, да Богъ съ ними, нельзя же было людей не позвать!..—прибавилъ онъ, какъ будто начиная догадываться, въ чемъ дѣло, но и на этотъ разъ ошибся.

— Ахъ, родной! все же ты понять не можешь!—сказала Софьюшка. — Знаешь ли отчего мнѣ такъ тошнехонько! Все то у насъ не какъ у людей! Хоть бы твоя мать жива была, все было бы легче... И выходитъ теперь, какъ будто я не настоящая жена... а краденая...— всхлипывая, добавила Софьюшка...—взялъ ты меня, какъ воръ!

— Что ты говоришь, Софья?—рѣзко сказалъ Андрей Петровичъ и глаза его сверкнули, жилы на лбу надулись. Въ эту минуту онъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

сталъ удивительно похожъ на своего отца.—Что ты сказала! Смотри, никогда не повторяй этого слова! Не воръ я, и увезъ тебя не силою, а по твоей волѣ вольной! Не хотѣла, раньше бы сказала! Теперь ты передъ Богомъ и людьми мнѣ жена и стыдиться тебѣ не кого! Не любишь меня, такъ прямо и скажи, руби сразу голову, а воровствомъ не укоряй!...

Эти слова, сказанныя съ необычайной твердостью, повліяли на Софьюшку сильнѣе всякихъ ласкъ.

— Андрюша, милый! Не сердись ты на меня,—сказала она, схвативъ мужа за руку и привлекая его къ себѣ. — Я такъ, сдуру сболтнула. Грустно мнѣ, устала я... А я тебя люблю, видитъ Богъ, люблю!

— Любишь... Софьюшка! Радость моя!...

Между тѣмъ, гости слонялись въ столовой, сплетничая на счетъ мужа, и еще болѣе на счетъ молодой жены. Прошло нѣсколько часовъ, прежде чѣмъ новобрачные приняли гостей у себя въ комнатѣ. Андрей Петровичъ постарался показаться передъ вошедшими боярынями какъ можно болѣе веселымъ. Снова начались шумныя поздравленія, и только теперь гости, отъ усталости едва державшіеся на ногахъ, могли разойтись и улечься спать. Молодые, въ свою очередь, послѣдовали ихъ примѣру.

Андрей Петровичъ рѣшился какъ можно болѣе огласить свою свадьбу и, не отлагая въ долгій ящикъ, задать пиръ на славу. Тещу онъ пригласилъ на княжой пиръ только для очищенія совѣсти, мало надѣясь на успѣхъ. Слабая надежда, впрочемъ, была у него, что вдругъ старуха одумается и пріѣдетъ. А не пріѣдетъ, такъ и дѣлать нечего, была бы честь предложена. Теща такъ и не пріѣхала, но во всемъ остальномъ свадебный пиръ былъ какъ слѣдуетъ, не то, чтобы очень роскошный, но и не бѣдный. Андрей Петровичъ вообще не былъ скупъ, а на этотъ разъ ужъ конечно ничего не пожалѣлъ, чтобы угостить и сосѣдей, и своихъ крѣпостныхъ людей.

Изъ погребовъ были выкачены боченки съ виномъ, медомъ и пивомъ. Посреди двора были постланы длинныя доски вмѣсто столовъ, нѣсколько стряпухъ варили въ огромныхъ котлахъ яства для собравшихся крестьянъ, которые, въ свою очередь, придя поздравлять молодыхъ, нанесли калачей, яицъ, куръ, полотна и прочихъ приношеній. Народъ гудѣлъ, пилъ медъ и брагу; слышался веселый говоръ, раздавались пѣсни. Иногда самъ Андрей Петровичъ съ молодой женой удостоивалъ выйти на крыльцо, любовался на толпу крестьянъ, дарилъ деньгами нищихъ и калѣкъ, явившихся во множествѣ: иные притащились за десятки верстъ.

А въ барскомъ домѣ и въ саду веселились господа-дворяне, веселились шумно и безъ устали въ теченіе двухъ дней съ утра до полуночи.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Все это время Андрей Петровичъ и молодая жена его находились въ состояніи пріятнаго утомленія. Только распростившись съ гостями, они могли точнѣе провѣрить свои ощущенія и подумать о будущемъ.

IX.

У себя въ деревнѣ Дарья Семеновна всегда, какъ лѣтомъ, такъ и зимою, вставала ровно въ шесть часовъ утра.

Вставъ и напившись кофею, она слушала сплетни ключницы Матрены, ехидной бабы, лѣтъ пятидесяти. Ключница была жена дворецкаго Ѳедора и пользовалась довѣріемъ Дарьи Семеновны, которую успѣла убѣдить въ своей преданности. Въ послѣднее же время Матрена еще болѣе попала въ честь, такъ какъ ея главная соперница, нянька Агафья, послѣ побѣга Софьюшки была въ опалѣ и не смѣла показываться на глаза Дарьи Семеновны.

— Говорила я, сударыня-матушка, про эту самую Палашку нянькѣ,—своимъ пѣвучимъ голосомъ тянула Матрена.—Такъ нѣтъ же, старая хрычовка, еще лается. Не твое, говоритъ, дѣло... Анъ вотъ и вышло по моему.

— Да что ты такое городишь, Матрена? Мнѣ невдомекъ. Коли хочешь что̀ сказать, такъ говори,—сказала Дарья Семеновна.

— Ужъ не знаю какъ вашей милости и доложить, матушка-барыня... Одно слово, грѣхъ случился... Сказать даже страшно...

— Что?—грозно спросила Дарья Семеновна.—Да какъ она посмѣла? Вотъ я ее. Говори съ кѣмъ? И ему бездѣльнику не сдобровать...

Дарья Семеновна, конечно, ни на минуту не подумала бы приравнять свою дочь къ какой-нибудь Палашкѣ. Но какъ будто нарочно все случалось такъ, что малѣйшее обстоятельство напоминало ей о Софьюшкѣ. И на этотъ разъ у нея мелькнула мысль: «родное дѣтище не пожалѣла, такъ стану я жалѣть какую-нибудь негодницу!» При этой мысли рѣшимость Дарьи Семеновны строго наказать Палашку удвоилась, и она уже придумывала наказаніе.

— Такъ говори же съ кѣмъ?

— Не признается, сударыня-матушка... Такая ужъ лукавая дѣвка, что страсть... А должно быть такъ, что съ лакеемъ Гришкой.

— Ну, все равно... Небось, у меня признается,—сказала Дарья Семеновна.

Минуту спустя, она какъ будто бы совершенно забыла о Палашкѣ и велѣла позвать сыновей.

Мальчики всегда приходили утромъ здороваться съ матерью лишь по ея зову. Сами они явиться не смѣли. Дочери — Лиза и Оля спали въ одной комнатѣ съ Дарьей Семеновной, но должны были вставать одновременно съ нею и теперь уже гуляли въ саду.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Спросивъ мальчугановъ, какъ имъ спалось и поцѣловавъ меньшого въ щеку, а старшему давъ руку, мать отослала ихъ къ учителю. Сыновей она понукала къ ученію, для дочерей же считала достаточнымъ одной грамоты.

Затѣмъ Дарья Семеновна, въ сопровожденіи ключницы Матрены, предприняла свой обычный обходъ дома. За всѣмъ надо было присмотрѣть самой, вездѣ сдѣлать распоряженія и убѣдиться все ли въ порядкѣ.

Изъ своей комнаты, служившей вмѣстѣ спальной и пріемной для менѣе важныхъ гостей (для болѣе знатныхъ была угольная комната, съ стѣнами обитыми холстомъ, расписаннымъ красками на клею), Дарья Семеновна прошла черезъ узкій коридоръ, заставленный сундуками и заваленный подушками и перинами, въ обширныя сѣни, служившія дѣвичьей. Множество женской прислуги въ сарафанахъ и въ тѣлогрѣйкахъ сидѣли здѣсь на лавкахъ и прямо на полу. Въ одномъ концѣ плели кружева, въ другомъ слышалось жужжанье прялокъ и шуршанье льна. Дарья Семеновна посмотрѣла сдѣлано ли все, заданное вчера, и задала урокъ на этотъ день. Она сама не любила праздности и у дворовыхъ людей не допускала лѣности. Похваливъ однѣхъ, пожуривъ другихъ, Дарья Семеновна вдругъ остановилась передъ румяной, красивой дѣвушкой лѣтъ семнадцати и посмотрѣла на нее такъ грозно, словно варомъ обдала. Не понадобилось ни словъ, ни какихъ-либо еще болѣе дѣйствительныхъ средствъ. Палашка не вынесла взгляда Дарьи Семеновны; она поняла, что барынѣ извѣстна ея вина и повалилась въ ноги.

Дарья Семеновна, не говоря ни слова, нагнулась, сняла съ ноги сафьяную туфлю и, одной рукой поднявъ Палашку за подбородокъ и заставивъ ее глядѣть себѣ въ глаза, туфлею отшлепала виновную по щекамъ. Исполнивъ это, она сурово и лаконически сказала:

— Иди съ моихъ глазъ долой! На скотный дворъ!

Палашка заревѣла благимъ матомъ, но Дарья Семеновна такъ топнула на нее ногою, что Палашка мигомъ исчезла изъ дѣвичьей. Всѣ прочія дѣвушки, изъ которыхъ, быть можетъ, не одна чувствовала за собою вину, стояли, какъ въ воду опущенныя, а болѣе робкихъ трясло, какъ въ лихорадкѣ. Но лицо Дарьи Семеновны вновь приняло спокойное выраженіе, и она даже привѣтливымъ голосомъ спросила дѣвушекъ, давали ли имъ съ утра поѣсть и сыты ли онѣ? Всѣмъ людямъ строжайше было приказано говорить начистоту, довольны ли они пищею и если жалобы оказывались основательными, то доставалось же кухаркѣ!

Какъ на грѣхъ случилось, что на этотъ разъ хлѣбъ былъ дурно выпеченъ, а между тѣмъ никто не заявилъ неудовольствія: такъ потрясены были всѣ событіемъ съ Палашкой. О дурномъ качествѣ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

людского хлѣба Дарья Семеновна узнала лишь потому, что велѣла дать себѣ попробовать.

— Что же это такое?—сказала она.—А вы дуры, чего же не сказывали?— спросила Дарья Семеновна у дѣвокъ. — Хорошо что я сама поѣла. Что же по вашему вкусенъ хлѣбъ? А?

Всѣ молчали.

— Что же вы языки проглотили? И впрямь дуры! Позвать сюда Авдотью.

Пришла кухарка, которая стряпала и хлѣбъ пекла для людей: для господскаго стола былъ, разумѣется, особый поваръ и пекарь.

На лавкѣ лежалъ одинъ изъ хлѣбовъ вѣсомъ фунтовъ въ десять. Дарья Семеновна протянула указательный перстъ по направленію къ хлѣбу.

— Хорошъ хлѣбъ у тебя, Авдотья?!—сказала она.—Отрѣжь, попробуй.

Авдотья отлично знала смыслъ этихъ словъ и медлила исполнить приказаніе, притворяясь, что не можетъ отыскать ножа.

— Что же ты, Авдотья,—какъ-будто ласково продолжала Дарья Семеновна.—Сама спекла, сама и поѣшь. Небось, не подавишься. Ѳенька, подай ей ножъ, она видно слѣпа стала.

Авдотья отрѣзала и попробовала.

— Виновата, сударыня... Хлѣбъ точно какъ-будто сыроватъ... Знать мука такая попалась,—оправдывалась она.

— Мука вишь виновата,—передразнила Дарья Семеновна, и вдругъ измѣнивъ притворно-ласковый тонъ на грозный, насупивъ брови, прикрикнула:

— Еще разговариваетъ, бестія. Ѣшь коли велятъ! Все сама съѣшь! Я тебѣ дамъ сыроватъ! Статочное ли дѣло, чтобы изъ-за одной дуры вся моя дворня голодала. Что, небось вкусно!

Авдотья съѣла фунта два и видя, что дѣло дрянь, повалилась барынѣ въ ноги.

— Простите, сударыня-матушка, точно виновата.

— Ѣшь все!—неумолимо приказывала Дарья Семеновна.

Когда Авдотья одолѣла чуть не полхлѣба, Дарья Семеновна, наконецъ, смиловалась и велѣла ей выйти вонъ и сейчасъ же печь другіе хлѣбы.

— А спечешь во второй разъ такой хлѣбъ, такъ смотри у меня!—грозно сказала она.

Такъ творила судъ и расправу Дарья Семеновна, барыня суровая и неумолимая, но справедливая: если выбранитъ или побьетъ, то ужъ навѣрно за дѣло. Изъ-за пустяковъ она ни къ кому не придиралась, за разбитую посуду, напримѣръ, рѣдко наказывала, развѣ ужъ видѣла, что бьютъ совсѣмъ безбожно; но весьма строго блюла за нравственностью, жестоко преслѣдовала пьянство и не терпѣла лѣности.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Первою ея заботою было, чтобы всѣ въ домѣ, начиная съ нея самой и дѣтей и кончая послѣднимъ дворовымъ мальчишкой, всѣ были сыты по горло. На одежду слугъ обращалось гораздо меньше вниманія и ея лакеи, лѣтомъ часто посылаемые на полевыя работы, выглядывали совсѣмъ мужиками.

Дарья Семеновна зашла еще въ ткацкую, гдѣ ткали столовое бѣлье и холстъ, потомъ заглянула въ амбаръ, гдѣ разъ въ недѣлю производила повѣрку. Здѣсь было множество всякой всячины: сундуки съ залежавшимися сукнами и другими матеріями, кадки съ крупой, масломъ, сахаромъ, множество сушеныхъ фруктовъ, соленій и вареній. Не мало крала отсюда дворня и больше всѣхъ ключница Матрена, но все же эти запасы казались неистощимыми, а когда одной, попавшейся съ поличнымъ, дѣвкѣ досталось отъ Дарьи Семеновны за украденную горсть рубленнаго сахара, не слишкомъ строго наказанная дѣвка со смѣхомъ разсказывала другимъ дѣвушкамъ, что вотъ-де барыня гнѣвается и ее за косу оттрепала, а не знаетъ того, что ея же старшая дочь, та что за Анненковымъ, когда гостила въ послѣдній разъ, увезла, не спросясь маменьку, цѣлый боченокъ сахару... Можетъ быть дѣвка и преувеличивала, но что у Дарьи Семеновны, не смотря на ея строгій хозяйничій глазъ, много таскали и родные и знакомые, не видя въ томъ ничего предосудительнаго, въ этомъ сомнѣваться невозможно. Не будь этого, многіе изъ ея запасовъ давно бы заплѣснѣвѣли и сгнили.

Когда Дарья Семеновна, окончивъ свой обходъ, усѣлась на крылечкѣ, солнце было уже высоко и пекло изрядно. Утро было жаркое и черное тафтяное платье Дарьи Семеновны сильно нагрѣлось, пока она шла изъ амбара по двору. Не смотря на жаркую пору, она не разставалась съ вдовьимъ платьемъ, которое носила постоянно съ тѣхъ поръ, какъ овдовѣла. Только на свадьбѣ старшей дочери Дарья Семеновна сверхъ траурнаго платья надѣла золотую сѣтку.

Сидѣть на крыльцѣ было любимымъ лѣтнимъ времяпрепровожденіемъ Дарьи Семеновны. Въ садъ она ходила развѣ за тѣмъ, чтобы присутствовать при собираніи вишень или яблоковъ, съ крыльца же она могла наблюдать за всей внутренней жизнью усадьбы. Господскій домъ, находившійся какъ разъ по серединѣ усадьбы, составлялъ истинное средоточіе этого мірка или, если угодно, муравейника. Былъ онъ незатѣйливой архитектуры, смѣсь великорусскаго съ малорусскимъ: тесовый, но съ соломенной крышей и съ флигелемъ, выбѣленнымъ глиною и известью, не такой черный и пасмурный, какъ настоящіе великорусскіе дома. Кругомъ двора множество хозяйственныхъ построекъ; даже съ крыльца можно было видѣть гумно и ряды скирдъ прошлогодняго хлѣба и соломы. По цѣлымъ часамъ сиживала на крылечкѣ Дарья Семе-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

новна и наблюдала за всѣмъ происходившимъ. Казалось, какъ-будто она ровно ничего не дѣлаетъ: рѣдко-рѣдко возьметъ рогульку и свяжетъ шнурочекъ или же вышьетъ какую-нибудь бездѣлку, большею же частью она просто бывало сидитъ сложа руки на колѣняхъ и только изрѣдка чуть-чуть оглянется, чтобы посмотрѣть хорошо ли машетъ вѣткою дѣвка, обязанная отгонять назойливыхъ мухъ, а то заговоритъ съ кѣмъ-нибудь, кто проходитъ по двору. А между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, Дарья Семеновна все это время дѣлала дѣло: она думала, передумывала, соображала, взвѣшивала и, остановившись на чемъ-нибудь, тотчасъ приводила свое рѣшеніе въ исполненіе. А думать ей было о чемъ, такъ какъ, кромѣ семьи и многочисленной дворни, на ея попеченіи и въ ея рукахъ была судьба какихъ-нибудь шести или семи сотъ крестьянъ. Мало ли о чемъ надо подумать? Кого поставить въ рекруты такъ, чтобы большой обиды никому не было? За кого выдать рябую Ѳеньку? Почему у старосты издохла корова, ужъ не моръ ли, сохрани Господи, и стоитъ ли дать ему другую? Вретъ ли жена старосты, которая божится, что видѣла среди бѣла дня коровью смерть — страшную такую, сзади какъ-будто корова, а спереди быкъ? А если не вретъ, то не велѣть ли попу отслужить на томъ мѣстѣ молебенъ? Мало ли о чемъ надо было подумать и сообразить Дарьѣ Семеновнѣ!

Но въ послѣднее время, не смотря на всѣ хозяйственныя работы и множество разныхъ думъ и помысловъ, Дарью Семеновну постоянно мучила и терзала одна и та же мысль, преобладавшая надъ всѣми — мысль о Софьюшкѣ. Вся жизнь Дарьи Семеновны, до тѣхъ поръ вполнѣ правильная и спокойная, вышла теперь изъ обычной колеи.

Чувство, которое испытывала Дарья Семеновна при каждомъ воспоминаніи о побѣгѣ дочери, было весьма сложное. Прежде всего конечно тоска по дочери, но именно эту, въ сущности сильнѣйшую, сторону своего чувства, Дарья Семеновна тщательно скрывала не только отъ другихъ, но даже отъ самой себя. Ей было стыдно сознаться въ этомъ. Да и не она одна ощущала пустоту, происшедшую вслѣдствіе отсутствія Софьюшки... Другія дочери, Лизанька и меньшая Оля, видимо тосковали. Не было прежняго веселья, прежнихъ пѣсенъ, не такой звонкій смѣхъ раздавался на качеляхъ. «Какая затѣйница была Софьюшка! Точь въ точь я въ ея годы» — думала Дарья Семеновна. «Вѣдь и я была такая жъ егоза. А все же не стала бы, прости Господи, бѣгать отъ отца-матери»... И тотчасъ въ душѣ Дарьи Семеновны подымалось другое чувство: сознаніе оскорбленія, нанесеннаго ей дочерью и ея дерзкимъ похитителемъ, гнѣвъ на неблагодарную дочь, которую она вскормила, вспоила и взлелѣяла... Легко ли ей было! Небось не помнитъ Софьюшка, какъ она съ другой покойной до-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

черью лежала въ оспѣ и всѣ окружающіе ожидали ея смерти, а отецъ велѣлъ даже столяру за одно снять и съ нея мѣрку, для гроба—другая дочь уже умерла. Только она, мать, все еще надѣялась и Богъ услышалъ ея молитвы, Софьюшка осталась жива и даже не рябая: только на правомъ плечѣ одна рябинка. Теперь Дарьѣ Семеновнѣ казалось, что она вторично испытала то же, что тогда, когда дочь была близка къ смерти... Только удасся ли теперь вернуть къ жизни? Дарья Семеновна сознавала, что сдѣланнаго теперь не воротить... Вѣдь не развѣнчаютъ же ихъ... Нѣсколько разъ она пыталась примириться съ мыслью объ этомъ бракѣ, но не могла. Что жъ это за бракъ? Хоть и обвелъ попъ кругомъ алтаря, но развѣ можетъ быть бракъ безъ материнскаго благословенія? А развѣ могла она благословить дочь, убѣжавшую отъ нея, да еще хоть бы изъ дому, а то съ ярмарки... Да это стыдъ и срамъ для всего шатохинскаго рода! Со времени побѣга Софьюшки, Дарья Семеновна ни разу не посѣтила никого изъ сосѣдей и, кромѣ попа и попадьи, да двухъ, трехъ, бѣдныхъ дворянокъ, почти приживалокъ, никого къ себѣ больше не принимала. Холостыхъ мужчинъ она стала бояться, какъ огня, и опасалась какъ бы кого-нибудь не принесло безъ приглашенія. Надзоръ за дочерьми сталъ гораздо строже прежняго; о томъ, чтобы отпускать ихъ въ лѣсъ, съ нянькой или съ дѣвушками, по ягоды не было больше и помину, и даже въ садъ Дарья Семеновна постоянно посылала то ключницу Матрену, то кого-нибудь другого подсмотрѣть, что дѣлаютъ барышни и не видать ли гдѣ лихого человѣка? Къ заѣзжимъ свахамъ, не разъ справлявшимся о Лизанькѣ, Дарья Семеновна также стала относиться крайне подозрительно, а одну изъ нихъ, разсердившись изъ-за пустяковъ, такъ-таки прямо прогнала по шеямъ.

Прежде Дарья Семеновна была большая охотница послушать иногда чтеніе Лизаньки или Софьюшки. Теперь чтеніе было для дочерей наказаніемъ. Начнетъ Лизанька читать на распѣвъ пѣсенникъ—пока еще дѣло идетъ о ручейкахъ или лужкахъ Дарья Семеновна слушаетъ, но какъ только рѣчь коснется любви между пастушкомъ и пастушкой, она велитъ закрыть книгу, а то и отберетъ и больше не отдастъ: ей не разъ стало приходить на умъ, ужъ не книги ли вбили Софьюшкѣ въ голову всю эту дурь? Прежде Дарья Семеновна часто сама съ удовольствіемъ слушала сказки, которыя мастерица была разсказывать кухарка Авдотья: ее нарочно иногда призывали, когда барыня съ дочерьми ложилась спать, и она разсказывала громко, пока не уснетъ Дарья Семеновна, а когда уснетъ, продолжала шопотомъ, чтобы удовлетворить любопытству барышень. Теперь, куда тамъ? Даже сказки были подвергнуты опалѣ, потому-что Дарья Семеновна вспомнила, что въ одной сказкѣ разсказывалось, какъ королевичъ увезъ какую-то

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

царевну... Вотъ тебѣ и сбылось наяву то, что въ сказкѣ дура наболтала... Можетъ быть, и вправду Софьюшка слишкомъ наслушалась сказокъ да и вообразила себѣ, что она царевна... Трудно перечислить всѣ мелочныя стѣсненія, которыми теперь обставила Дарья Семеновна жизнь не только дочерей, но частью и свою собственную.

На первыхъ порахъ Дарья Семеновна все еще придумывала способы исправить дѣло. Послѣ долгаго обдумыванія у нея въ головѣ застряла одна мысль: нельзя ли подыскать какое-нибудь родство съ Воропоновымъ, на основаніи котораго можно было бы просить архіерея о разводѣ? Съ какимъ удовольствіемъ засадила бы она «вора Андрюшку» въ монастырь на покаяніе, ну, а дочь, конечно, отдали бы матери. Надо разузнать хорошенько у Ивана Ѳедоровича: онъ всѣ указы наизустъ знаетъ.

Случилось такъ, что не успѣла Дарья Семеновна подумать объ Иванѣ Ѳедоровичѣ, какъ онъ словно въ сказкѣ очутился передъ нею подлѣ крыльца... Дарья Семеновна такъ задумалась, что даже глаза зажмурила и дѣвка, отмахивавшая мухъ, перестала махать, думая что барыня спитъ, и сама, прислонившись къ стѣнѣ, задремала. Вдругъ Дарья Семеновна, послышавъ чьи-то шаги, раскрыла глаза и увидѣла внизу ступенекъ крыльца Ивана Ѳедоровича.

— Ну, Иванъ Ѳедоровичъ, легокъ на поминѣ! Сейчасъ про тебя вспомнила,—сказала Дарья Семеновна.—Машка, стулъ неси, дура!

— Ничего, матушка Дарья Семеновна, постоимъ... Позвольте ручку, благодѣтельница. Какъ живете-можете?!.

— По маленьку—по привычкѣ отвѣтила Дарья Семеновна и вздохнула.—Ну, а ты что скажешь? Что давно глазъ не показываешь? Стыдно, знать, съ тѣхъ поръ какъ написалъ на меня челобитную кадниковскимъ крестьянамъ.

— Что вы, матушка-благодѣтельница! Вотъ напасти! Кто вамъ на меня наклепалъ? Да могъ ли я? Легко ли человѣка оболгать! Чтобъ я, да противъ васъ, матушка, да еще для кого, для мужичья, сталъ стараться!

— Ну, ну, не ври, не ломайся! Все знаю!—погрозивъ пальцемъ сказала Дарья Семеновна.—Мнѣ самъ бывшій управитель кадниковской волости сказывалъ. Я его спрашиваю: теперь, говорю, батюшка, все тебѣ равно, скажи, сдѣлай милость, кто тогда для государевыхъ крестьянъ противъ меня настрочилъ? Онъ и говоритъ на тебя. Что, небось, стыдно?

— Все поклепъ, матушка,—съежившись, отвѣтилъ Иванъ Ѳедоровичъ.

— Поклепъ ли, нѣтъ ли, а я изъ-за тебя кадниковскую пустошь потеряла. Положимъ, оно пустое дѣло, а все жъ досадно! Ну да что съ тобой дѣлать! Видно ужъ мать твоя тебя въ пеленкахъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

въ крапивѣ нашла, оттого чешется у тебя рука, какъ бы ябеду настрочить.

Напоминаніе о «крапивѣ» смутило подъячаго, но онъ смиренно молчалъ. Машка давно принесла стулъ, но Иванъ Ѳедоровичъ безъ приглашенія не смѣлъ сѣсть.

— Ну, что же садись, будь гостемъ,—сказала Дарья Семеновна.— Я и то за тобой лошадей послать хотѣла. Есть къ тебѣ маленькое дѣльце. Да ты гдѣ же пропадалъ?

Такой неожиданный оборотъ рѣчи сразу измѣнилъ расположеніе духа Ивана Ѳедоровича, который совсѣмъ было разобидѣлся.

— А я и самъ къ вамъ, матушка-благодѣтельница, по маленькому дѣльцу.

— Твое дѣло впереди,—строго сказала Дарья Семеновна, но подумавъ, прибавила:—а впрочемъ, говори.

— Купилъ я матушка землицы: не то, чтобы купилъ, а облюбована мною одна пустошь, чья она никому не вѣдомо. Считается государевой землей, а пашутъ тамъ и волостные и владѣльные крестьяне и однодворцы, кто куда съ плугомъ влѣзетъ. Такъ вотъ сказывалъ мнѣ управитель волости, что начнется межеванье и тогда разберутъ, гдѣ земля казенная, а гдѣ помѣщичья.

— Постой, батюшка, что это ты толкуешь?!—съ безпокойствомъ сказала Дарья Семеновна.—Какое такое межеванье? Гдѣ это видано, чтобы государеву землю межевать? Вотъ и у насъ есть степь, тоже не знаютъ чья она, а мои крестьяне испоконъ вѣка тамъ пашутъ. Неужто теперь запретъ выйдетъ, чтобы не пахать?

— Да ужъ какъ у васъ, матушка, не знаю,—уклончиво отвѣтилъ подъячій.

— Ужъ не съ подвохомъ ли ты опять, Иванъ Ѳедоровичъ? Только шалишь, у меня больше ни одной пяди не оттянешь. Хотя весь міръ спроси, въ той степи и отцы, и дѣды, моихъ крестьянъ пахали.

— Ахъ, матушка, да я не про то... Что вы, благодѣтельница, все мнѣ не вѣрите... Я къ вамъ съ просьбой, на колѣняхъ готовъ слезно просить, а вы все про подвохъ... Грѣшно вамъ, матушка Дарья Семеновна... Ей Богу грѣшно!

Иванъ Ѳедоровичъ не на шутку прослезился и вытеръ глаза платкомъ, отъ котораго разило табакомъ, отчего слеза пошла еще сильнѣе.

— Чего же тебѣ отъ меня надобно?—участливѣе прежняго спросила Дарья Семеновна.

— Да дѣло, сказать правду, пустое. Была бы только ваша милость, я бы давно ту землицу купилъ, да говорятъ, покажи, сколько у тебя душъ крестьянъ, по числу душъ и будетъ дозволено купить, а у меня противъ той земли не хватаетъ... Такъ вотъ, благодѣтельница, я хоть и знаю, что вы крестьянъ не продаете, а такъ для виду, нельзя ли купчую написать...

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Что ты, что ты, батюшка! Въ умѣ ли ты! Я напишу купчую, ты денегъ не дашь, а потомъ съ меня спросишь? подавай тебѣ купленныя души... Хорошъ! Да не на такую напалъ.

— Ахъ, матушка Дарья Семеновна, развѣ я бездѣльникъ какой или мошенникъ... Мы такія души напишемъ, какихъ у васъ отродясь не бывало: какъ же я съ васъ потомъ могу спросить? Нѣтъ ли у васъ, благодѣтельница, бѣглыхъ?

Дарья Семеновна даже оглянулась на дѣвку, подумавъ не сбѣжала ли она? Но дѣвка съ соннымъ видомъ стояла за ея спиною и лѣниво махала вѣткой.

— Нѣтъ, Иванъ Ѳедоровичъ, ты я вижу сегодня бѣлены объѣлся,—сказала Дарья Семеновна.—Развѣ у меня слыхомъ слыхано, чтобы кто смѣлъ бѣжать... Да посмѣй кто!...

Она не договорила и побагровѣла, подумавъ: «люди никогда въ бѣгахъ не бывали—да и кто же отъ добра бѣжитъ? А родная дочь сбѣжала!»

— Какъ ты смѣешь ко мнѣ съ такими дурацкими просьбами ѣздить!—вдругъ прикрикнула она на Ивана Ѳедоровича и, оставивъ его одного на крыльцѣ, ушла въ свои покои.

Оставшись одинъ, въ весьма непріятномъ положеніи, подъячій отчаянно потянулъ понюшку и пробормоталъ:

— Ну, баба! Кремень! Пожалуй ни съ чѣмъ отъѣдешь... Любопытенъ бы я знать, чего ей-то отъ меня понадобилось? Думаю на счетъ дочки... Хвалится, что бѣглыхъ нѣтъ... А я, чортъ возьми, совсѣмъ и забылъ про дочку—да и ляпнулъ! Языкъ мой—врагъ мой... Могъ другое что придумать, анъ нѣтъ—дернуло же меня вспомнить про бѣглыхъ... Тьфу!

Иванъ Ѳедоровичъ даже всплюнулъ.

Нѣсколько времени спустя, его позвали къ Дарьѣ Семеновнѣ въ ея спальную. Дарья Семеновна сидѣла здѣсь одна, въ кожаномъ креслѣ, стоявшемъ подлѣ огромной, затѣйливо расписанной печи. Топка была тутъ же, внутри комнаты, и зимою дѣвки приносили снопы соломы, такіе большіе, что смотря изъ окна казалось, что по двору движется не дѣвка, а снопъ.

По приглашенію Дарьи Семеновны, подъячій сѣлъ на край стула и почтительно ждалъ. Дарья Семеновна помолчала, какъ бы собираясь съ мыслями. Наконецъ она сказала:

— Послушай, Иванъ Ѳедоровичъ, я тебѣ подарю нѣсколько душъ, только сослужи службу.

— Благодѣтельница... За васъ радъ животъ положить!—сказалъ подъячій.

— Вить ты указы, я, чай, всѣ знаешь?—спросила она.

— Какъ не знать, матушка, все знаю... И противъ каждаго указа другой указъ...

— Ну, ладно... Про дочь мою, чай, слыхалъ?

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Какъ не слышать, матушка Дарья Семеновна, слухомъ земля полнится. Въ Фатежѣ всѣ только и говорятъ...

— Ври больше!—съ сердцемъ сказала Дарья Семеновна.—Чай, ты самъ всѣмъ разболталъ! Кому какое дѣло въ Фатежѣ. Да и говорить-то нечего зря. Ну, уѣхали, обвѣнчались... Попъ Дмитрій вѣнчалъ.

Дарья Семеновна нарочно выдумала даже имя попа, не зная настоящаго.

— Какой Дмитрій? Попъ Степанъ,—увѣренно сказалъ подъячій и, подумалъ: «эге-ге! вотъ оно что!»

— То бишь Степанъ, будто бы поправилась Дарья Семеновна. Такъ вотъ, пусть зря и не болтаютъ. Оно правда, что вѣнчаться имъ бы не слѣдъ безъ материнскаго благословенія. Да я бы и не прочь, а боялась грѣхъ на душу взять... Нашъ попъ все какъ-то выводитъ, что они правнучатные: говоритъ, что безъ спроса архіерея не хорошо было вѣнчать.

«Вретъ, вретъ, все вретъ», подумалъ Иванъ Ѳедоровичъ и, кашлянувъ, сказалъ:

— Да ужъ какъ же безъ благословенія... Да вы, благодѣтельница, какъ же допустили дочку уѣхать? Такъ и не благословили?

— Да ужъ дѣлать было нечего,—соврала Дарья Семеновна.—Благословить благословила, а теперь сама каюсь... Вышло, что мой попъ былъ правъ и теперь не знаю, что и дѣлать! Хоть развода проси.

— Что̀жъ, и развода просить можно,—согласился Иванъ Ѳедоровичъ.—Только это такое дѣло... Надо челобитную написать, такъ, чтобы вышло съ толкомъ... А вы, благодѣтельница, давно знаете вашего теперешняго зятька?

Слово «зятька» рѣзнуло слухъ Дарьи Семеновны.

— Ну, зять онъ мнѣ или не зять, это еще бабушка на двое сказала,—коли разведутъ, такъ не будетъ зятемъ...—сказала она.—Такъ вотъ, устрой это дѣло—пять душъ тебѣ дамъ и не думай что ревизскихъ, а мужика съ женою и дѣтьми. Разлучать мужа съ женою не стану... Постой, да вить ты мнѣ про его отца говорилъ, что въ Сибирь его сослали, и не хотѣлъ сказать за что̀?... Можетъ, дурное что̀ было съ отцомъ и съ сыномъ?

Иванъ Ѳедоровичъ, сознавая, что теперь пришло время продать свой секретъ какъ можно дороже, немного помялся, кашлянулъ, громко высморкался и сталъ потирать руки.

— За хорошія дѣла не ссылаютъ...—сказалъ онъ.

— Ну, батюшка, это ты врешь. Мало ли кого при Биронѣ ссылали!

— То при Биронѣ, а его отца сослали въ царствованіе блаженной памяти государыни Елисаветы Петровны... Такъ, значитъ, благодѣтельница, десяточекъ душъ, мнѣ на бѣдность пожалуете?

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Десяточекъ? Антошку Чалаго съ женою и ребятишками я тебѣ обѣщаю, христопродавецъ ты эдакій! да и то еще если выгоритъ дѣло, а не выгоритъ,—не при чемъ останешься.

— Ахъ, благодѣтельница, развѣ я архіерей? Что могу сдѣлаю, а развести мужа съ женой не могу.

— Ну, не можешь, такъ проваливай!

— Зачѣмъ такъ гнѣваться, матушка Дарья Семеновна! Можетъ, что̀ придумаемъ. Умъ хорошо, а два, говорятъ, лучше. Я сирѣчь...

— Ну, сирѣчь, сирѣчь... Надоѣлъ ты мнѣ хуже горькой рѣдьки. Не можешь пособить горю, такъ и не хвались...

— Я и не говорю, что не могу... Только, благодѣтельница, не съ того конца начинать надо...

— Говори съ какого, коли знаешь... Слушай Иванъ Ѳедоровичъ, я пустыхъ разговоровъ не люблю. Коли можешь сдѣлать—говори, я разводить съ тобою на бобахъ не стану. Ты просишь десять душъ—быть по твоему, дамъ еще Петьку Косого, только, слышишь, чтобы дочь моя была у меня въ домѣ, а этого вора засадить бы въ монастырь...

— Зачѣмъ въ монастырь... Можно и подальше... а на счетъ того, что они вѣнчены—не бѣда... Можно и такъ подвести, что выйдутъ невѣнчанными... И развода никакого ненадобно... Развода не дадутъ, потому на счетъ родства теперь не очень строго. Двоюродныхъ и то вѣнчаютъ, а правнучатнымъ—счету нѣтъ.

— Не возьму въ толкъ,—что ты придумалъ...—тревожно сказала Дарья Семеновна.

У нея только и былъ расчетъ доказать хоть выдуманное родство и приплесть дурное обращеніе зятя съ дочерью. Что такое затѣваетъ Иванъ Ѳедоровичъ? забезпокоилась она.

— Дѣло простое, благодѣтельница. Ваша дочь записана за столбовымъ дворяниномъ Андреемъ Петровымъ Воропоновымъ. А понеже дворянина такого Андрея Воропонова нѣтъ, то и выходитъ, что никакой свадьбы не было...

— Что такое ты путаешь? Какъ нѣтъ дворянина? Чтожъ, развѣ Воропоновы подъяческаго роду? — гнѣвно спросила Дарья Семеновна.—Ужъ это ты врешь зря!

— Эхъ, матушка благодѣтельница! Мало ли теперь подъячихъ на дворянскую стать. И женятся на дворянкахъ. Вотъ и моя Прасковья Ѳоминишна сама по себѣ дворянскаго роду... Это бы ничего, коли подъячій...

— Послушай, Иванъ Ѳедоровичъ, коли не перестанешь врать, велю прогнать со двора! Что же онъ, по твоему, изъ купцовъ? Откуда же у него взялись вотчины?

— Это бы ничего... Есть теперь и купцы такіе—владѣютъ вотчинами. Да у насъ не то что купцы, мѣщанинъ есть подлѣ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Курска — у него деревенька душъ сто... Оно положимъ, и мѣщанинъ какая же дворянину ровня!

— Да не мучь ты меня, говори толкомъ,—нетерпѣливо прервала Дарья Семеновна.

Страшная мысль мелькнула въ ея умѣ. Ужъ не лишенъ ли Воропоновъ дворянства?.У нея языкъ не поворачивался спросить.

— Эхъ, матушка Дарья Семеновна. Я вамъ, пожалуй, скажу, а вы прогнѣваетесь, да меня же прогоните съ глазъ долой. А вы соблаговолите приказать мнѣ написать купчую, а вашъ бурмистръ за васъ пусть руку приложитъ—тогда все скажу.

Это требованіе возмутило Дарью Семеновну.

— Да ты что же это мнѣ не вѣришь, что ли?—сказала она.— Смотри, Иванъ Ѳедоровичъ! Ври, да не завирайся!

— Какъ можно не вѣрить вамъ, матушка Дарья Семеновна! Только вотъ и вы мнѣ не вѣрите... А у меня дома даже выпись есть... Вотъ кабы зналъ—захватилъ бы. Тамъ все какъ есть прописано. Ну да я и такъ помню. Дворянинъ-то онъ дворянинъ, да не всегда ему въ дворянахъ оставаться. Почитай самъ въ купцы запишется. Ну ужъ, такъ и быть скажу!—какъ бы рѣшившись, вдругъ прибавилъ Иванъ Ѳедоровичъ.

Дарья Семеновна вся превратилась въ слухъ.

Иванъ Ѳедоровичъ вкратцѣ разсказалъ все, что зналъ о разбойничьихъ подвигахъ отца Воропонова, дополнивъ нѣкоторыми собственными прикрасами. Въ заключеніе, онъ прибавилъ, что относительно Андрея Петровича состоялся приговоръ, которымъ онъ также, какъ и отецъ, былъ лишенъ дворянства и, кромѣ того, приговоренъ къ наказанію плетьми. Но покойная государыня по материнскому милосердію смягчила это послѣднее наказаніе, повелѣвъ замѣнить плети розгами, да и то наказать лишь по достиженіи Андреемъ Петровичемъ двадцати одного года.

Дарья Семеновна слушала съ напряженнымъ вниманіемъ. Лицо ея то блѣднѣло, то покрывалось багровыми пятнами, казалось, что съ нею приключится ударъ. Неизвѣстно, что сказала бы она Ивану Ѳедоровичу, еслибы онъ выдержалъ до конца спокойный тонъ повѣствователя. Но, по несчастью для себя, Иванъ Ѳедоровичъ былъ слишкомъ корыстолюбивъ и боясь, что получитъ мало, тотчасъ по окончаніи своего повѣствованія постарался выставить свои заслуги и дать наибольшую цѣну своимъ сообщеніямъ.

— Соблаговолите, Дарья Семеновна, десять душъ за мною укрѣпить... Мнѣ бы у васъ не десять, а сто душъ просить... Вѣдь кабы не я, чтобы вышло? Состояніе жены по мужу считается, а коли онъ лишенъ дворянства и не лучше подлаго мужика, значитъ, что же выходитъ? Кабы не Иванъ Ѳедоровичъ, что было бы вашей Софьѣ Трофимовнѣ. Вѣдь, почитай, его по суду ужъ вы-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

сѣкли... а не то высѣкутъ... Чтожъ благородной дворянкѣ съ ошельмованнымъ жить?

Не вынесла этихъ словъ Дарья Семеновна и грозно поднялась съ кресла.

— Ты что это сказалъ, крапивное сѣмя! Дочь мою поносить вздумалъ! Чтобы твоего поганаго духу здѣсь не было! А смѣй ты объ этомъ разболтать, такъ я тебя со свѣта сгоню.

Она стояла выпрямившись, чепецъ слегка сбился на бокъ, ея щеки тряслись, глаза сверкали. Иванъ Ѳедоровичъ не на шутку испугавшись, хотя и былъ съ нею наединѣ, всталъ и началъ пятиться къ двери.

— Какъ же это такъ, Дарья Семеновна? Узнали все, а послѣ со двора гоните? Надо было сразу гнать,—сказалъ онъ довольно дерзко.

— Вонъ, бездѣльникъ! Эй, люди!—крикнула Дарья Семеновна.

На ея зовъ прибѣжали двѣ дѣвки и лакей. Но Ивана Ѳедоровича уже не было: онъ поспѣшилъ улепетнуть и тотчасъ же уѣхалъ, поклявшись отомстить за такую обиду.

Дарьѣ Семеновнѣ сдѣлалось дурно: голова разболѣлась и кровь пошла изъ носа. Она не сѣла за обѣдъ и даже слегла въ первый разъ послѣ рожденія младшаго сына, такъ какъ съ тѣхъ поръ ни разу не была больна.

X.

— Андрей Петровичъ, поѣхать бы намъ къ сестрицѣ Анненковой: не обидѣлась бы, давно не были...—говорила мужу Софьюшка, которую, впрочемъ, всѣ окружающіе звали Софьей Трофимовной.

— Какъ хочешь, матушка,—сказалъ Андрей Петровичъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ какъ странно показалось бы ему назвать Софьюшку матушкой. Но послѣ того, какъ онъ съ женою объѣздилъ чуть не всѣхъ бывшихъ у него на свадьбѣ помѣщиковъ, послѣ поѣздки въ Курскъ, къ старшей сестрѣ Софьюшки, которая приняла ихъ весьма радушно, обѣщавъ содѣйствовать примиренію съ матерью, Андрей Петровичъ и Софьюшка совершенно свыклись съ своимъ новымъ положеніемъ и незамѣтно для самихъ себя стали усвоивать привычки другихъ помѣщиковъ. Всѣ такъ называли своихъ женъ, и онъ сталъ говорить: «матушка», хотя Софья Трофимовна скорѣе походила на дѣвочку, чѣмъ на важную боярыню.

Поѣздки, новыя знакомства, пріемъ гостей, домашнія хлопоты,—все это отнимало столько времени, что собственно о скукѣ не могло быть и рѣчи. Но и веселья настоящаго, особенно для Софьюшки, не было.

На первыхъ порахъ, какъ это ни странно, ее даже тянуло къ матери домой, такъ какъ ей долго еще казалось, что настоящій ея домъ не въ Воропоновкѣ, а тамъ, въ ея любезномъ Дворяниновѣ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Когда послѣ свадебныхъ торжествъ, въ теченіе которыхъ она была, какъ въ угарѣ, Софьюшка стала приглядываться къ окружающей обстановкѣ, ее прежде всего поразила крайняя неуютность, неприглядность, ея новаго жилья, устроеннаго до ея прибытія совсѣмъ на холостую ногу. Комнаты были не оклеены, исключая одной, вездѣ былъ безпорядокъ, хаосъ, расположеніе жилыхъ комнатъ самое неудобное, столы, стулья и канапе старые, чуть ли не дѣдовскіе, передъ окнами, въ грядахъ, ни одного цвѣтка. Андрей Петровичъ самъ сознавалъ всѣ эти недостатки и принялся за передѣлки съ такимъ усердіемъ, что старый Митричъ только покачивалъ головою и бормоталъ себѣ подъ носъ:

— Дѣдушка и дядюшка весь вѣкъ свой прожили, а теперича вдругъ не по нраву пришлось... А все Софья Трофимовна: и то нехорошо и другое не ладно... Эхъ-хе-хе! Мало имъ вдвоемъ мѣста въ хоромахъ что ли!

По случаю передѣлокъ, молодымъ господамъ пришлось на время даже поселиться въ избѣ приказчика: но тамъ было такъ грязно и неуютно, что Софьюшка, воспользовавшись случаемъ, уговорила Андрея Петровича ѣхать въ гости. Вообще, она такъ и рвалась изъ дому, что даже огорчало ея мужа, и, однажды, онъ съ досадою сказалъ:

— Что же это, Софьюшка? Цѣлый вѣкъ жить въ дорогѣ. Да этакъ, пожалуй, и отъ дому отстанешь.

Софьюшка обидѣлась и у нихъ въ первый разъ вышла размолвка, окончившаяся тѣмъ, что Андрей Петровичъ уступилъ.

Характеры и вкусы у нихъ вообще оказались довольно различными. Андрей Петровичъ былъ домосѣдъ, любилъ читать книги и скоро пристрастился къ уженью рыбы. Пока еще онъ былъ холостъ, онъ ѣздилъ по гостямъ, высматривая невѣсту; теперь, найдя тихую пристань и окончательно успокоившись, онъ охотно предался бы созерцательной жизни, услаждаемой любовью. Но не такія наклонности были у Софьюшки. Читать она любила, но не скучныя, нравоучительныя книги, которыя пытался ей прочесть Андрей Петровичъ, а что-нибудь смѣшное, или, наоборотъ, чувствительный разсказъ. Больше же всего любила «Пѣсенникъ», знала много пѣсенъ наизусть и охотно декламировала что-нибудь въ родѣ слѣдующаго:

«Не пастухъ въ свирѣль играетъ,
«Сидя при рѣчныхъ струяхъ;
«Не пастухъ овецъ сгоняетъ
«На прекрасныхъ сихъ лугахъ».

А какъ она скучала по своимъ прежнимъ дѣвичьимъ пѣснямъ и хороводамъ! Въ первые дни послѣ свадьбы у нея, кромѣ двухъ-трехъ старухъ, не было женской прислуги и пришлось понемногу набирать горничныхъ дѣвокъ, которыхъ и сравнить нельзя было

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

съ дѣвушками, бывшими чуть ли не ея подругами дѣтства. Кромѣ того, Софьюшка, или теперь Софья Трофимовна, понимала, что новое положеніе обязываетъ ее ко многому. Не станетъ же она теперь плясать и пѣть съ своими крѣпостными дѣвками; она хозяйка въ домѣ, а не прежняя рѣзвая Софьюшка. Ей даже ходить надо не попрежнему и держать себя съ нѣкоторою важностью, если не совсѣмъ такъ, какъ мать, то по крайней мѣрѣ въ родѣ того. Вполнѣ подражать Дарьѣ Семеновнѣ, Софья Трофимовна не могла: при всей любви къ матери, она еще съизмала задавала себѣ вопросы: всегда ли мать права, когда бранитъ няньку Агафью, слѣдовало ли такъ строго наказать дѣвку въ чемъ-то провинившуюся и т. п. Воспитанная въ полномъ повиновеніи матери, она никогда не посмѣла бы сказать что-либо Дарьѣ Семеновнѣ, пока дѣло касалось самой Софьюшки, но за наказанную, по ея мнѣнію, слишкомъ строго дѣвку она разъ вступилась. И ужъ досталось ей за это отъ матери.

Ставъ хозяйкой, Софья Трофимовна съ первыхъ же шаговъ убѣдилась, что, быть можетъ, не во всемъ была права, осуждая мать, такъ какъ нерѣдко и сама была выводима изъ терпѣнія неловкостью или нерадивостью слугъ, и, отличаясь вспыльчивостью, иногда едва сдерживалась, чтобы не поступить очень круто. Особенно часто приходилось ей гнѣваться на стараго повара, который служилъ еще дѣдушкѣ Андрея Петровича и былъ очень хорошъ до тѣхъ поръ, пока не напивался пьянъ, что случалось съ нимъ раза два въ мѣсяцъ.

Пьяный онъ былъ невыносимъ, портилъ всѣ кушанья и, вдобавокъ, грубилъ всѣмъ, даже самому Андрею Петровичу, Софьюшкинаго авторитета совсѣмъ не признавалъ и даже трезвый всегда дѣлалъ, какъ на зло, обратное тому, что она приказывала.

На бѣду Софьи Трофимовны, она дѣйствительно мало смыслила во всемъ, что касалось кухни. Мать пріучила ее къ хозяйству, но какъ тогда хозяйничали? Призвать повара или ключницу, распорядиться, это было дѣло барыни, но, конечно, не идти же ей самой на кухню. Даже Дарья Семеновна, и та, въ кулинарныхъ познаніяхъ не шла дальше варки варенья и приготовленія пастилы, да и это было въ сущности лишнее, такъ какъ, кромѣ повара, въ каждомъ порядочномъ барскомъ домѣ былъ свой кондитеръ. Неудивительно, что у Софьюшки съ поваромъ Архипомъ происходили довольно смѣшныя препирательства.

— Что это ты сегодня, Архипъ, испортилъ соусъ? — спроситъ Софья Трофимовна.

— Ужъ какъ вашей милости будетъ угодно, — угрюмо отвѣчаетъ Архипъ, — а соусу не отъ чего быть худымъ.

— Ужъ видно не положилъ чего надобно или пригорѣло, — не увѣренно скажетъ Софья Трофимовна.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Воля ваша, сударыня, а все положено... Прикажите какъ сдѣлать, я по вашему сдѣлаю.

— Стану я тебѣ говорить! Твое дѣло знать какъ сдѣлать, — ужъ съ досадою говоритъ молодая барыня.—Вотъ, погоди, скажу Андрею Петровичу, онъ тебѣ задастъ!

— Какъ вашей милости угодно... А только я, сударыня, человѣкъ ломаный, меня не переучивать... Ужъ какъ умѣю, такъ и дѣлаю!

— Ты еще грубить вздумалъ!—покраснѣвъ отъ гнѣва, скажетъ Софья Трофимовна.—Смотри, Архипъ, ты хоть и старъ, да не забывай, съ кѣмъ говоришь. Ты вѣдь учился стряпать, и деньги за тебя были плачены?

— Велики ли деньги, сударыня? Въ Москвѣ нѣмцу дали за ученье пять рублевъ.

— А вотъ видишь, видишь! Еще будь ты неученый, могъ бы отговариваться! Смотри, въ другой разъ чтобы этого не было! Ступай, да смотри у меня не разговаривать!

Архипъ, уходя, ворчитъ себѣ что-то подъ носъ.

Софья Трофимовна разъ, въ самомъ дѣлѣ, пожаловалась на него мужу. Но, къ величайшему ея удивленію, Андрей Петровичъ нисколько не возмутился поведеніемъ Архипа.

— Ужъ ты, Софьюшка, пожалуйста, не гнѣвайся на него, — сказалъ ей Андрей Петровичъ. — Старикъ изъ ума выжилъ: ему семьдесятъ скоро стукнетъ. Онъ и на меня ворчитъ...

Софья Трофимовна даже разсердилась.

— Что жъ, по твоему, твои холопы мнѣ грубить могутъ?

— Ну, я ему скажу, чтобы языкъ держалъ за зубами, — сказалъ Андрей Петровичъ,—а ты все же не сердись, мой другъ: вѣдь онъ хоть и холопъ, а все жъ человѣкъ старый, еще дѣдушкѣ покойному служилъ, а старыхъ людей почитать надо...

Эти слова поразили Софью Трофимовну, какъ нѣчто необычайное. По своей природной добротѣ, она сама никогда не стала бы обижать слугъ, но говорить ей, чтобъ она почитала за старость этого грубьяна, крѣпостного человѣка, котораго она вольна наказать какъ ей угодно и прощаетъ только по своей добротѣ! Это ужъ слишкомъ!

Софья Трофимовна даже расплакалась, говоря:

— Что жъ ты меня къ своимъ людямъ приравниваешь! Тебѣ твои люди дороже жены!

Андрей Петровичъ сталъ просить прощенья и, чтобы успокоить Софьюшку, тотчасъ призвалъ повара и при ней распушилъ его жестокимъ образомъ.

Но, что болѣе всего удивило Софью Трофимовну, это состояніе духа мужа послѣ окончанія передряги. Цѣлый день онъ былъ чѣмъ-то недоволенъ и едва разговаривалъ съ нею, точно стыдился своей ругани.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Вспоминая всѣ мельчайшія подробности отношеній Андрея Петровича къ слугамъ, Софья Трофимовна теперь только отдала себѣ въ нихъ полный отчетъ.

Дѣйствительно, странный человѣкъ ея мужъ: не даромъ одна изъ сосѣднихъ помѣщицъ сказала ей про мужа: «Люблю вашего Андрея Петровича, только слугъ онъ балуетъ!... и своихъ, и чужихъ портитъ». Вспомнивъ это, Софья Трофимовна теперь только вполнѣ поняла пристрастіе Андрея Петровича къ разнымъ скучнымъ, нравоучительнымъ книжкамъ, которыя наводили на нее зѣвоту; въ одной изъ этихъ книжекъ, помнилось ей, говорилось о необходимости сдерживать свой гнѣвъ даже по отношенію къ слугамъ... Ясными стали для нея и слова Андрея Петровича, когда они читали вмѣстѣ повѣсть объ американскихъ неграхъ. Софьюшка пропустила бы нравственныя поученія автора безъ вниманія, хотя и проливала слезы надъ судьбою негра, мучимаго жестокосердымъ господиномъ и радовалась, когда онъ попалъ къ доброму человѣку. Но Андрей Петровичъ отмѣтилъ всѣ мѣста, изображавшія положеніе раба въ непривлекательномъ видѣ.

Эта мораль сначала не произвела на Софью Трофимовну особаго впечатлѣнія, но теперь она вдругъ почувствовала ея силу. Ей не хотѣлось сознаться, но на самомъ дѣлѣ она уже поняла, что Андрей Петровичъ былъ правъ въ своихъ отношеніяхъ къ подвластнымъ ему людямъ.

Въ характерѣ Андрея Петровича было для Софьи Трофимовны еще много непонятнаго: иногда ей казалось, что онъ что̀-то такое таитъ отъ нея, что онъ говоритъ ей не все, или что у него есть какое-то невѣдомое ей горе, тщательно имъ скрываемое. Это безпокоило ее, и она приставала къ мужу съ разспросами, но онъ увѣрялъ, что ей такъ показалось. Она на время вѣрила, а потомъ опять чувствовала, что не все между ними высказано... Удивительно ли, что ей было тяжело оставаться иногда вдвоемъ съ мужемъ, проводившимъ порою цѣлые часы въ молчаливой задумчивости, и она либо приглашала къ себѣ гостей, либо рвалась изъ дому.

На этотъ разъ, повидимому, сама судьба сжалилась надъ Софьей Трофимовной. Пока Воропоновъ раздумывалъ, поѣхать ли къ Анненковымъ, во дворъ къ нимъ прискакалъ нарочный отъ князя Николая Борисовича Юсупова съ приглашеніемъ на праздникъ, затѣянный имъ у себя, въ Нескучномъ имѣніи, находившемся въ Путивльской округѣ. Съ княземъ Андрей Петровичъ и его жена познакомились случайно, на крестинахъ у одного сосѣдняго помѣщика, куда молодой князь былъ приглашенъ въ качествѣ особо почетнаго гостя. Князь успѣлъ услышать о своеобразной женитьбѣ Воропонова и, повидимому, заинтересовался имъ, а еще болѣе его женою, съ которою, какъ показалось Андрею Петровичу, былъ даже

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

черезчуръ любезенъ. И теперь, хотя приглашеніе князя польстило его самолюбію, Воропонову было не совсѣмъ пріятно, что Софья Трофимовна обрадовалась этой поѣздкѣ, какъ ни вѣсть чему, и лихорадочно стала приготовляться къ ней. Но дѣлать было нечего: отказаться отъ приглашенія такого вельможи было невозможно.

Воропоновъ выѣхалъ на слѣдующій день почти съ разсвѣтомъ, чтобы попасть къ обѣду. Не смотря на то, что было уже начало сентября, погода стояла почти жаркая, и потому они поѣхали не въ каретѣ, а въ коляскѣ. За ними ѣхала кибитка, гдѣ сидѣли горничная и лакей съ баулами и ящиками.

Сначала ѣхали безъ особыхъ приключеній, но когда уже приближались къ княжескому лѣсу, на небосклонѣ заблистала молнія. Хотя въ это время года трудно было ждать внезапной грозы, Андрей Петровичъ велѣлъ кучеру гнать поскорѣе. Не успѣли проскакать такимъ образомъ съ полверсты, какъ поднялась страшная буря. Лошади фыркали, кучеръ понукалъ ихъ, но, наконецъ, обернувшись, сказалъ:

— Не доѣхать, баринъ, надо бы заѣхать хоть къ лѣснику.

— Неужто не успѣемъ,—спросилъ было Андрей Петровичъ, но въ это время какъ разъ надъ головой ихъ раздался сильный ударъ грома. Кучеръ и Софья Трофимовна перекрестились.

— Ахъ, Господи, что съ нами будетъ! — сказала Софья Трофимовна.—А кибитка-то! Отстала совсѣмъ и не видать!

— Сколько еще до княжеской усадьбы?— спросилъ Воропоновъ.

— Верстъ пять будетъ, баринъ.

— Дѣлать нечего, поворачивай къ лѣснику!

Раздался новый, еще болѣе сильный раскатъ грома.

— Гони, гони поскорѣе! Ахъ, Боже мой, что за бѣда! — твердила Софья Трофимовна, блѣдная отъ страха.

Первыя крупныя капли дождя стали падать, стуча по фартуку коляски.

— Скорѣе! Скорѣе!—торопила Софья Трофимовна.

Она ужасно боялась грозы, унаслѣдовавъ этотъ страхъ отъ матери. Дарья Семеновна во время сильной грозы приказывала затворять всѣ ставни, затыкать тряпьемъ трубы; въ домѣ зажигались страстныя свѣчи, а сама она пряталась въ перину, приговаривая при каждомъ сильномъ ударѣ: «святъ, святъ, святъ!»

А между тѣмъ, она вообще была боярыня вовсе не робкаго десятка. Софья Трофимовна въ перину, правда, не зарывалась, но все же боялась и не скрывала этого. Напрасны были всѣ убѣжденія мужа, который старался объяснить ей, какъ умѣлъ «натуральныя» причины грозы и увѣрялъ, что ея страхъ не основателенъ. На этотъ разъ, впрочемъ, онъ и самъ безпокоился за Софьюшку, такъ какъ дождь зачастилъ и небо все болѣе и болѣе темнѣло.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— И что было поѣхать въ каретѣ! — проговорилъ онъ, набрасывая на жену свою епанчу.—А все ты, Софьюшка! Въ каретѣ не хочется, изъ кареты ничего не видно... Чего тутъ увидишь!

Кое-какъ успѣли доскакать до почернѣлой, покривившейся избушки лѣсника, которая казалась еще болѣе черною и жалкою посреди разыгравшейся стихіи.

Лѣсникъ, сѣдой какъ лунь старикъ, съ длинной бородою и съ видомъ ветхозавѣтнаго патріарха, и его жена, сгорбленная, кашляющая старушонка, радушно встрѣтили не жданныхъ гостей, извиняясь за тѣсноту избы. Въ горенкѣ было грязно и душно, но Софья Трофимовна обрадовалась и этому убѣжищу.

Пока бушевала гроза, Софья Трофимовна жалась на лавкѣ, не обращая ни на что вниманіе. Но когда гроза поутихла и слышались только отдаленные раскаты грома, она оправилась немного и стала присматриваться къ обстановкѣ крестьянской семьи. Она даже полюбопытствовала заглянуть въ кухню, гдѣ, изъ угожденія къ господамъ, столпилась вся многочисленная семья лѣсника: въ горенкѣ оставалась только старуха, жена лѣсника, такъ добродушно ухаживавшая за Софьюшкой, что напомнила ей старую няньку Агафью. Софья Трофимовна была отъ души тронута и подумала: «какіе есть добрые люди между крестьянами! Ужъ не правъ ли Андрей Петровичъ, что все за нихъ заступается».

Другія мысли занимали Андрея Петровича. Онъ много слышалъ объ огромныхъ богатствахъ Юсупова, о томъ, что у него не только его слуги, но порою и слуги гостей, пьютъ шампанское и тому подобное въ этомъ родѣ. Размышляя въ послѣднее время объ устройствѣ быта крестьянъ, онъ невольно былъ пораженъ жалкой и неприглядной обстановкой лѣсника, который, однако, повидимому, вовсе не считалъ себя особенно бѣднымъ.

— Нечего Бога гнѣвить,—говорилъ старикъ,— у насъ молодой князь настоящій вельможа. Никого не обидитъ!

«Въ какой бѣдности и невѣжествѣ живетъ нашъ народъ!» подумалъ Воропоновъ.—«И это подданные одного изъ первыхъ вельможъ въ государствѣ! Я во сто кратъ бѣднѣе, а ни у одного моего мужика нѣтъ такой покривившейся хижины... Вѣдь вотъ есть вельможи, у которыхъ въ деревняхъ и больницы, и училища. Конечно, не всякій чета графу Шереметеву, ну да все же можно бы хоть что-нибудь сдѣлать».

Между тѣмъ гроза миновала и, переждавъ немного, чтобы подсохло, Андрей Петровичъ собрался ѣхать далѣе. По несчастью, въ коляску натекла вода, такъ какъ ее и закатить было некуда, и словно на зло, кибитки съ вещами и слугами все еще не было видно; послѣ оказалось, что слуги, замѣтивъ приближеніе грозы, поѣхали прямо межою черезъ княжескія поля и прибыли раньше

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

господъ. Софья Трофимовна была въ отчаяніи, такъ какъ ея платье было вымочено и не во что было переодѣться.

Пока она съ мужемъ соображала, какъ теперь показаться въ княжескій домъ, вдругъ раздался стукъ колесъ и къ дому лѣсника подъѣхала карета съ княжескими гербами, запряженная кровными рысаками, и вскорѣ въ горенку вошелъ въ гербовой княжеской ливреѣ человѣкъ. Онъ почтительно поклонился и сказалъ, что люди Воропонова уже пріѣхали въ княжескую усадьбу. Они видѣли, какъ господская коляска повернула и догадались, что должно быть господа заѣхали къ лѣснику.

— Ахъ, эти людишки!—сказала Софья Трофимовна, удивляясь тому, что этотъ щеголь просто лакей.—Изъ-за нихъ, не знаю теперь, что дѣлать!..

— Князь просятъ, чтобы вы изволили пріѣхать въ нашей каретѣ,—сказалъ слуга,—и кстати приказали мнѣ захватить съ собой ваши вещи.

Слуга вышелъ и возвратился съ тюкомъ.

Переодѣвшись, Воропоновы поѣхали въ княжеской каретѣ. Наконецъ, они увидѣли великолѣпную Юсуповскую усадьбу. Высокій домъ былъ виденъ еще издалека, и Софья Трофимовна, никогда не видѣвшая ничего лучше Курска, была поражена наружнымъ великолѣпіемъ этихъ палатъ. Въѣхали во дворъ, украшенный цвѣтниками, фонтанами и статуями, изъ которыхъ многія показались Софьѣ Трофимовнѣ чрезвычайно непристойными.

Щеголь-лакей открылъ дверцы кареты и высадилъ сначала Андрея Петровича, а потомъ и ее. Не успѣли Воропоновы войти въ переднюю, какъ увидѣли здѣсь множество слугъ. Другой, не менѣе парадный, ливрейный лакей повелъ гостей черезъ рядъ богато убранныхъ комнатъ въ назначенные для нихъ покои. Даже Андрей Петровичъ, видавшій виды, съ удовольствіемъ смотрѣлъ на обстановку деревенскаго жилища князя; что же касается Софьи Трофимовны, никогда не видавшей подобнаго блеска, она проглядѣла всѣ глаза.

Красиво расписанныя стѣны, огромныя хрустальныя люстры и жирандоли, сіявшія огнями при лучахъ солнца, свѣтившаго изъ верхнихъ оконъ—въ главныхъ залахъ окна были въ два ряда,—золоченые крылатые драконы, у которыхъ во рту были вставлены подсвѣчники; роскошные, обитые бархатомъ и шелкомъ позолоченные стулья и канапе, громадные персидскіе ковры, столики самаго разнообразнаго вида, изъ нихъ одинъ, особенно поразившій ее, малахитовый съ отдѣлкой изъ бронзы, затѣйливыя колонны, красивыя панели и карнизы въ залахъ, портреты и картины въ золоченныхъ рамахъ—вся эта роскошь владѣльца сорока тысячъ душъ, имѣвшаго имѣнія чуть ли не по всей Россіи, поразила Софью Трофимовну, никогда и во снѣ не видѣвшую ничего по-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

добнаго. Она боялась зацѣпить за какую-нибудь вазу или статуэтку, и ей казалось, что она на самомъ дѣлѣ попала въ какое-то сказочное царство.

Наконецъ, камердинеръ остановился и, отворивъ дверь одной весьма просторной и прекрасно-убранной комнаты, сказалъ, что его сіятельство предназначаетъ эти покои для вновь прибывшихъ и проситъ гостей прежде всего отдохнуть съ дороги. Сказавъ это и поклонившись, онъ ушелъ.

— Вотъ такъ чудеса изъ чудесъ!—невольно воскликнула Софья Трофимовна, осторожно садясь на обитое бархатомъ канапе.—Андрей Петровичъ, голубчикъ мой, тебѣ я чай все это не въ диковинку, а я дура деревенская никогда ничего не видѣла, такъ мнѣ и ни вѣсть чѣмъ кажется! Ахъ, какъ мнѣ стыдно за себя. И платья-то мои какъ будто хуже кажутся? Знала бы я ранѣе, велѣла бы сшить себѣ объяренное платье... думала обойдусь и съ желтымъ роброндомъ, да съ талевымъ... А тутъ смотри всякій лакей, какъ одѣтъ! Не отличишь отъ дворянина.

Андрей Петровичъ собирался отвѣтить, но двери опять отворились и вошла пожилая женщина, похожая по внѣшности на небогатую помѣщицу. Почтительно поздоровавшись съ гостями, она спросила Софью Трофимовну, не надо ли ей чего?

— Гдѣ же наши слуги, матушка?— спросилъ Воропоновъ, догадавшійся, что это ключница или домоправительница.

— Да ужъ у насъ, батюшка-баринъ, такъ заведено, чтобы гостямъ служили здѣшніе княжескіе...

Ключница засуетилась и ушла, но вскорѣ возвратилась съ нарядной горничной и парикмахеромъ. Софья Трофимовна, однако, все же потребовала, чтобы прислали ея собственную дѣвушку.

— А вотъ, матушка-барыня,— сказала ключница, — въ этомъ ящикѣ я принесла румяна и сурыку, можетъ вамъ долго искать свои: дѣло дорожное. Прикажите нашей Танюшѣ, она у насъ мастерица: актерокъ нашихъ всегда румянитъ. А причесать, такъ нашъ Аѳонюшка лучше француза причешетъ: у иноземцевъ учился, все перенялъ.

Аѳонюшка оказался, дѣйствительно, мастеромъ своего дѣла. Андрей Петровичъ никогда не былъ щеголемъ, но по волѣ Аѳонюшки получилъ прическу, подъ названіемъ «счастливый петиметръ». Эта была прическа въ три локона, съ пучкомъ и кошелькомъ. Дошла очередь и до Софьи Трофимовны.

— Сударыня, какъ прикажете? — спросилъ Аѳонюшка.—Коли угодно можно сдѣлать «распустившуюся невинность», а коли ваша милость позволитъ, могу сдѣлать «раскрытыя прелести».

Софья Трофимовна, нѣсколько сконфуженная этими странными названіями, не знала на что рѣшиться и, наконецъ, предпочла «распустившуюся невинность», имѣвшую сверху видъ шиньона,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

тогда какъ внизу выбивались локоны, затѣйливо падавшіе по плечамъ. До сихъ поръ она рѣдко румянилась, и Андрей Петровичъ предпочиталъ ея природный румянецъ, но теперь она отдала себя въ распоряженіе княжеской горничной, та въ свою очередь не ударила лицомъ въ грязь и расписала ее, какъ для сцены.

Немного погодя, камердинеръ попросилъ Андрея Петровича къ хозяину.

Воропоновъ былъ введенъ въ комнату, имѣвшую видъ кабинета ученаго.

Большіе шкапы съ книгами въ кожаныхъ переплетахъ, оттоманы и вольтеровскія кресла, огромный письменный столъ, заваленный бумагами—таково было убранство этой комнаты, въ которой онъ никого не замѣтилъ и не видѣлъ другой двери, кромѣ той, въ которую былъ введенъ камердинеромъ. Послѣдній ушелъ, сказавъ, что князь сейчасъ будетъ. Отъ нечего дѣлать Воропоновъ бросилъ взглядъ на книги и бумаги, лежавшія на столѣ. Онъ увидѣлъ большой картонъ съ великолѣпно раскрашеннымъ гербомъ, изображавшимъ круглый щитъ, раздѣленный на шесть частей. Поля были—зеленое, золотое, голубое, серебряное съ разными фигурами: тутъ былъ и всадникъ на бѣломъ конѣ и татаринъ съ молоткомъ, и олень, и княжеская шапка, и луна съ звѣздами. Полюбовавшись на гербъ Юсуповыхъ, Воропоновъ увидѣлъ книгу, на корешкѣ которой прочелъ «Родословная Татарской Исторіи». Это было сочиненіе профессора элоквенціи Тредьяковскаго. Рядомъ лежало нѣсколько томовъ сочиненій Вольтера на французскомъ языкѣ и на столѣ стоялъ бюстъ этого философа. Андрей Петровичъ почти не читалъ Вольтера и предпочиталъ нѣмецкую нравственную философію, но теперь подумалъ, что слѣдовало бы прочесть, иначе, пожалуй, неучемъ покажется передъ княземъ: а Воропонову очень хотѣлось, чтобы князь увидѣлъ въ немъ равнаго хоть по образованію. По отсутствію практики—такъ какъ ни Софья Трофимовна, ни большая часть провинціальныхъ помѣщицъ и помѣщиковъ, не знали по-французски,—онъ даже отвыкъ говорить на этомъ языкѣ.

Размышленія Андрея Петровича были прерваны тѣмъ, что зеркало, находившееся въ одной изъ стѣнъ вдругъ зашевелилось и оказалось зеркальною дверью, которая открылась и въ нее вошелъ совсѣмъ еще молодой человѣкъ, на видъ лѣтъ двадцати, замѣчательной красоты, съ восточнымъ, но скорѣе греческимъ, чѣмъ татарскимъ профилемъ, хотя предки князя Николая Борисовича были нагайскіе татары. Его напудренные, впрочемъ, слегка, какъ говорятъ, en fumée, волосы дѣлали его солиднѣе своихъ лѣтъ; черные, миндалевидные глаза, чувственныя губы и смуглый цвѣтъ лица еще болѣе выдавали его восточное происхожденіе. Князь былъ въ бархатномъ, шитомъ золотомъ кафтанѣ французскаго покроя, кружевномъ жабо и манжетахъ. Онъ подошелъ къ гостю, который,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

въ свою очередь, поспѣшилъ къ нему на встрѣчу, и съ привѣтливой улыбкой подалъ ему руку. Андрей Петровичъ успѣлъ замѣтить на его пальцѣ кольцо съ огромнымъ сафиромъ. Сѣвъ въ кресло, князь указалъ гостю на стулъ.

— Радъ васъ видѣть, государь мой, простите забылъ имя и отчество.

Воропоновъ сказалъ. Князь предложилъ еще нѣсколько вопросовъ. Узнавъ изъ разговоровъ, что имѣетъ дѣло съ прежнимъ лейпцигскимъ студентомъ, князь замѣтно сталъ привѣтливѣе. Послѣ получасовой бесѣды онъ всталъ. Андрей Петровичъ понялъ, что аудіенція кончилась и въ свою очередь откланялся. Въ теченіе разговора князь незамѣтно перешелъ съ «вы» на «ты». Вообще, не смотря на его молодость и привѣтливость, въ каждомъ движеніи Юсупова чувствовался настоящій вельможа, не выскочка, но человѣкъ, привыкшій принимать у себя коронованныхъ особъ.

— Ахъ, любезный мой,—сказалъ онъ уходившему уже Андрею Петровичу,—чуть было не забылъ спросить.—Скажи, пожалуйста, твоя жена говоритъ по-французски?

Андрей Петровичъ нѣсколько смутился и, не желая выставить полной несвѣтскости своей жены, сказалъ, что она говоритъ, но стѣсняется.

— Что жъ, большой вины въ томъ нѣтъ,—сказалъ Юсуповъ, смѣясь.—Я такъ только спросилъ, о то не знаешь, заговоришь, и выйдетъ неловко.

Сказавъ еще нѣсколько словъ, князь отпустилъ гостя.

Въ три часа лакей позвалъ Воропоновыхъ обѣдать.

Столовая была огромная, высокая, съ окнами въ два ряда и съ хорами. Софья Трофимовна такъ долго охорашивалась передъ зеркаломъ, что пришла, когда въ столовой была уже толпа народу: ожидали только князя, чтобы сѣсть за столъ. Всего было персонъ до пятидесяти, что для княжескаго стола было дѣломъ обыкновеннымъ. Сегодня Юсуповъ праздновалъ, впрочемъ, именины отсутствующей замужней сестры, которая была лѣтъ на пять старше его и которую князь очень уважалъ; по этому случаю на столѣ красовался огромный сплетенный изъ цвѣтовъ вензель Е. Б. Г., т. е. Елисаветы Борисовны Голицыной. Столъ былъ великолѣпно убранъ. Въ то время, какъ у довольно зажиточныхъ помѣщиковъ серебряныя ложки были въ самомъ ограниченномъ количествѣ, напримѣръ у Софьюшкиной матери, кромѣ дюжины столовыхъ и чайныхъ ложекъ, вся посуда была оловянная, здѣсь все сіяло серебромъ и дорогимъ хрусталемъ; въ огромныхъ вазахъ красовались рѣдкіе цвѣты и превосходные фрукты изъ княжескихъ оранжерей и садовъ.

Наконецъ, вошелъ хозяинъ и сталъ здороваться съ тѣми изъ гостей, которыхъ еще сегодня не видѣлъ. Помня слова Юсупова,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Андрей Петровичъ подвелъ къ нему свою жену. Софья Трофимовна вся закраснѣлась, что было замѣтно даже сквозь слой искусственныхъ румянъ, и потупила глаза, причемъ невольно обратила вниманіе на крупные брильянты, сверкавшіе у князя на пряжкахъ башмаковъ. Съ дамами Юсуповъ былъ изысканно любезенъ. Онъ поцѣловалъ ручку Софьи Трофимовны, что окончательно смутило ее, такъ что на вопросы, князя она почти не могла выговорить ни слова и въ то же время думала: «Ахъ какая я! Какою я покажусь ему дурою!»

Какъ только гости сѣли на назначенныя имъ мѣста, грянула невидимая музыка. Это былъ оркестръ изъ крѣпостныхъ людей князя, помѣстившійся вверху, на хорахъ. Князь привезъ его съ собою изъ Архангельскаго — самаго роскошнаго изъ его имѣній, гдѣ у него былъ и свой прекрасный театръ.

Проворные слуги быстро поставили на столъ первую подачу, состоявшую изъ четырехъ различныхъ похлебокъ—кому что̀ нравится; иные помѣщики, изъ любопытства, или изъ жадности, покушали каждой по тарелкѣ: тутъ былъ и черепаховый супъ, котораго Софья Трофимовна отродясь не ѣла, но не рѣшилась попробовать.

Два большихъ антреме—четверть телятины и цѣлый бараній ростбифъ стояли на столѣ и проворный дворецкій командовалъ слугами, быстро ставившими потажи: были здѣсь цыплята, чиненные по королевиному, т. е. такъ, какъ ѣла королева Марія-Антуанета, гарнированные малымъ гранадиномъ, глассированнымъ; была и ветчина по-беарнски съ легюмами, поданы были и голуби съ пѣтушиными гребнями въ бискѣ по сенъ-клудски... Чего здѣсь только не было! Вотъ «жандармъ» гарнированный спаржей, а рядомъ чисто русское блюдо—гусь съ капустою, тутъ же нѣчто совсѣмъ лукуловское: соусъ изъ двухъ дюжинъ телячьихъ ушей.

Дворецкій и буфетчикъ то и дѣло сновали взадъ и впередъ, слуги суетились. Въ буфетной и передней только и слышалось:

— Гдѣ же фазаны съ рокомболемъ? Карди съ жюсомъ подавай! Карбонады бараньи съ шіа маринованные!

Вторая подача была еще удивительнѣе первой: однихъ ордевровъ горячихъ было подано болѣе пятидесяти восьми.

Софья Трофимовна давно уже была сыта по горло, хотя не зная порядковъ и боясь показаться не свѣтскою, отвѣдала всего по немножку, что только подавали.

Обѣдъ длился безъ конца. Послѣ второй подачи, поставили третью, затѣмъ четвертую, въ которыхъ было 36 большихъ антреме, въ томъ числѣ цѣльная вепряная башка, а послѣ нея подали трюфели въ золѣ, порбре изъ свиныхъ ушей, хлѣбъ съ пармезаномъ и 36 различныхъ жаренныхъ, въ томъ числѣ два цѣльныхъ окорока дикой свиньи и четверть дикой козы.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

На смѣну жареныхъ явились въ послѣдней подачѣ 58 горячихъ антреме, телячье сладкое мясо, рядомъ съ кремомъ, яйца сюрпризомъ рядомъ съ канапе изъ анчоусовъ съ пармезаномъ, гусиныя лапки рядомъ съ испанскимъ тортомъ. Этотъ чудовищный обѣдъ, приправляемый венгерскими, шампанскими и англійскими винами, окончился въ исходѣ седьмого часа.

Князь привезъ съ собою изъ Архангельскаго часть своей труппы, а поэтому гостей ожидало еще театральное представленіе, которое по случаю наступившей чрезвычайно теплой и ясной погоды должно было состояться въ саду, гдѣ еще наканунѣ была сооружена сцена.

Не успѣли еще гости разойтись по назначеннымъ для нихъ покоямъ и отдохнуть послѣ гомерическаго обѣда, какъ ихъ позвали въ садъ, гдѣ всюду уже горѣли фонари.

Воропоновы сѣли на указанные имъ стулья. Софья Трофимовна еще ни разу не была въ театрѣ, такъ какъ въ то время, до учрежденія намѣстничества въ провинціи, о театрѣ почти не было и помину.

Все для нея было ново, и она съ замираніемъ сердца ждала, что будетъ. Наконецъ поднялся занавѣсъ, на эстраду вышли двѣ дѣвицы—одна изъ нихъ замѣчательной красоты—въ легкихъ бѣлыхъ платьяхъ и съ совершенно голыми руками и шеями, такъ что Софьѣ Трофимовнѣ и стыдно за нихъ стало, и удивлялась она, какъ онѣ не боятся простудиться, такъ какъ свѣжесть сентябрскаго вечера уже давала себя чувствовать.

Музыка грянула и обѣ дѣвицы запѣли на совершенно незнакомомъ для Софьюшки языкѣ; позднѣе она узнала отъ мужа, что онѣ пѣли по-итальянски. Софьюшка изо всѣхъ силъ старалась понять, если не слова, то мелодію, но, къ величайшему своему стыду, должна была въ душѣ сознаться, что это пѣніе ей не нравится. «Наша Танюша въ Дворяниновѣ куда лучше пѣла!» — подумала Софья Трофимовна, вспомнивъ о своихъ дѣвичьихъ пѣсняхъ и хороводахъ.—«Та, бывало, запоетъ, такъ за душу хватаетъ, а здѣсь поютъ какъ куклы, ни вѣсть что и не поморщатся, только знай, рты раскрываютъ! Или я ужъ такая глупая, ничего не понимаю?»

Послѣ пѣнія, играли одинъ актъ изъ трагедіи: «Хоревъ», затѣмъ опять было пѣніе, потомъ началось пусканіе ракетъ и былъ сожженъ блистательный фейерверкъ.

Само собою разумѣется, что о скоромъ отъѣздѣ домой не могло быть и рѣчи, и Воропоновы прогостили въ княжескихъ хоромахъ цѣлую недѣлю. За это время они успѣли хорошо присмотрѣться къ образу жизни юнаго вельможи. Одни удовольствія и развлеченія слѣдовали за другими: музыка, театры, пѣніе, катанья на лодкахъ и въ экипажахъ и т. п.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

XI.

Для Андрея Петровича не все время пребыванія у князя прошло въ забавахъ и развлеченіяхъ. Здѣсь въ Нескучномъ была прекрасная библіотека, конечно, не содержавшая и сотой доли той, которую князь имѣлъ у себя въ Архангельскомъ, но все же такая, о какой Андрей Петровичъ только мечталъ. Князь самъ предложилъ ему выбрать книги для прочтенія и посовѣтовалъ прочитать Вольтера.

— Ты знаешь, любезный мой,—сказалъ онъ Воропонову,—вѣдь я съ нимъ въ перепискѣ, а сколько разъ мнѣ случалось съ нимъ бесѣдовать. Вотъ, братецъ, подлинно ума палата! Не чета твоимъ нѣмецкимъ ученымъ колпакамъ.

Андрей Петровичъ сталъ смотрѣть на юнаго князя съ нѣкоторымъ удивленіемъ и почти съ завистью. Шутка ли сказать! Съ Вольтеромъ переписывается и часто пользуется его обществомъ! Предразсудки, которые многіе изъ окружающихъ Андрея Петровича питали противъ Вольтера, сомнѣнія, которыя явились въ немъ самомъ еще во время его пребыванія въ Лейпцигѣ, гдѣ много говорили о жадности Вольтера къ деньгамъ, о его сварливости, о скандальныхъ его отношеніяхъ къ королю и Лессингу, котораго Вольтеръ ложно обвинялъ въ кражѣ одной изъ своихъ бумагъ—всѣ эти воспоминанія не могли подавить обоянія, которое производило на Андрея Петровича имя славнаго французскаго философа.

«Къ чему нѣмцамъ вѣрить на слово?»—подумалъ онъ, и теперь, пользуясь случаемъ, началъ усердно читать философскія произведенія Вольтера; съ его трагедіями и поэмами онъ уже былъ знакомъ.

Много онъ узналъ отъ князя и о придворной жизни не только версальской, но и петербургской, и убѣдился, что за эти нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ произошли большія перемѣны... Многіе слухи, носившіеся въ провинціи, не только подтвердились, но и представились Андрею Петровичу совсѣмъ въ новомъ освѣщеніи. Между прочимъ, Воропоновъ сталъ понимать отчего въ послѣднее время такъ усилилась роскошь, подобная той, которую онъ увидѣлъ у Юсупова и которая далеко превзошла всѣ его ожиданія. О государынѣ, особенно въ первые пять-шесть лѣтъ царствованія, носились слухи, что она ведетъ самый простой и умѣренный образъ жизни. Разсказывали, напримѣръ, что она сдѣлала выговоръ вельможѣ, явившемуся къ ней въ Царское Село на именины въ шитомъ золотомъ кафтанѣ. Всѣ эти слухи и разсказы о личныхъ вкусахъ и склонностяхъ Екатерины мало сходились съ тѣмъ, что успѣлъ узнать Андрей Петровичъ объ образѣ жизни нѣкоторыхъ изъ ея приближенныхъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Что болѣе всего удивляло Андрея Петровича въ молодомъ князѣ, это крайняя беззаботность и легкость, съ которою Юсуповъ говорилъ о вопросахъ, заставлявшихъ его самого глубоко задумываться. Для князя эти вопросы частью были предметомъ тонкой насмѣшки, частью рѣшались имъ такъ быстро и опредѣленно, что Андрей Петровичъ только дивился. Сначала онъ приписывалъ такую смѣлость сужденій высокому положенію князя и превосходству его образованія, но вскорѣ увидѣлъ, что здѣсь есть нѣчто иное.

По привычкѣ къ нѣкоторому философскому анализу, Воропоновъ вскорѣ понялъ, что между нимъ и княземъ цѣлая пропасть, что они всегда будутъ говорить на разныхъ языкахъ и никогда не поймутъ другъ друга. Когда же онъ съ всевозможнымъ вниманіемъ прочелъ нѣсколько философскихъ статей Вольтера, то убѣдился въ томъ, что князь лишь повторяетъ, да и то передѣлавъ на свой ладъ, т. е. слабо копируетъ, французскаго философа. Какъ только Воропоновъ понялъ это, его уваженіе къ умственному превосходству князя сразу значительно поубавилось. Онъ даже рѣшился, хотя осторожно, спорить съ Юсуповымъ: но это было не легко. Князь забрасывалъ его парадоксами и остроумными фразами, а если чувствовалъ себя припертымъ къ стѣнѣ, то весьма ловко перемѣнялъ разговоръ.

Вольтеръ далеко не вполнѣ овладѣлъ умомъ Андрея Петровича, за то другой философъ Руссо, о которомъ онъ пока зналъ только понаслышкѣ, произвелъ на него громадное впечатлѣніе. Андрей Петровичъ просто съ жадностью прочелъ все, что̀ нашелъ у князя изъ твореній этого философа и попросилъ даже взять одинъ томъ съ собою, на что̀ князь согласился, предупредивъ, однако, чтобы книга была возвращена въ совершенной цѣлости. На этотъ счетъ князь былъ большой педантъ. У Руссо Андрей Петровичъ нашелъ какъ разъ то, чего искалъ давно. Кое-какія мысли подобнаго рода онъ вычиталъ у нѣмецкихъ философовъ, но то были отвлеченныя разсужденія кабинетныхъ мыслителей и педантовъ. Понятія или сухія поученія о равенствѣ людей, объ естественномъ правѣ, объ общественномъ договорѣ, не могли быть чужды бывшему лейпцигскому студенту, но теперь, подъ вліяніемъ пламенныхъ рѣчей смѣлаго проповѣдника, они облеклись для него въ плоть и въ кровь, пробудили не только его умъ, но и сердце... Послѣ перваго же чтенія, Андрей Петровичъ окончательно понялъ, почему онъ не могъ сочувствовать ѣдкимъ сарказмамъ Вольтера и при первомъ же удобномъ случаѣ заговорилъ съ княземъ, желая узнать его мнѣніе о Руссо.

— Ахъ, мой любезный,—сказалъ князь.—Что я думаю? Думаю то же, что и мой наставникъ.—Князь указалъ на бюстъ Вольтера.—Самъ, братецъ, посуди: нельзя же намъ marcher à quatres pattes

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

(ходить на четверенькахъ)... А, впрочемъ, это бываетъ и съ русскими людьми, когда они начнутъ славить Бахуса.

И князь закончилъ свое разсужденіе игривымъ анекдотомъ.

— А все же, ваше сіятельство,—замѣтилъ Андрей Петровичъ,—господинъ Руссо пишетъ много дѣльнаго, что и намъ бы надлежало не токмо перевести, но и примѣнить къ нуждамъ государственнымъ. Мудрая государыня, начертавшая Наказъ, стяжала бы величайшую славу, установивъ для всѣхъ своихъ подданныхъ равное устройство и одинаковое правосудіе.

— Ну, братецъ, для этого надо, чтобы люди стали поумнѣе,—сказалъ князь.—Самъ посуди: по твоему необразованный мужикъ, который не знаетъ, сколько у него пальцевъ на рукахъ, можетъ сказать, что онъ тебѣ ровня? Такъ, что ли?

— Да вѣдь, ваше сіятельство, сколько у насъ есть дворянъ, которые не токмо писать, но и читать не учились, а славнѣйшій россійскій мужъ Ломоносовъ былъ изъ крестьянскаго званія.

— Такъ-то оно такъ, только Ломоносовъ одинъ, а я про всѣхъ другихъ говорю... Твоя правда. Есть и межъ дворянами много неучей и о томъ весьма скорбѣть надо, да не въ томъ дѣло. Все жъ надо, чтобы были господа; это, любезный мой, и въ Писаніи сказано, что рабы должны повиноваться господамъ. Вотъ, коли хочешь, отпусти своихъ мужиковъ на волю: они все хозяйство побросаютъ, да и разбѣгутся на Волгу разбойничать. Такъ у насъ всегда было: отсюда всѣ разбои завелись: у насъ всѣ разбойники были изъ бѣглыхъ. Уйдетъ на волю, нѣтъ надъ нимъ команды, онъ и разбойничаетъ... Вотъ отпусти своихъ мужиковъ, попробуй!..

— Я не про то, ваше сіятельство. Разбой не отъ одного невѣжества бываетъ... Иного обидятъ, онъ и пойдетъ въ разбой... Власть должна быть. Но вѣдь нельзя съ людьми, какъ съ скотами обращаться... И мы подъ властью, и у насъ есть командующіе, а вѣдь дворянина никто не продаетъ, не покупаетъ, не говорю ужъ про мучительныя надругательства, бой плетьми, сажаніе на цѣпь и на рогатки, ибо таковыхъ изверговъ теперь всякій порядочный дворянинъ презираетъ.

— Эхъ, любезный мой, ты говоришь, какъ будто только крѣпостныхъ людей покупаютъ... Купить все можно, только одинъ человѣкъ стоитъ двадцать пять рублевъ, а за другого тысячу дашь... Вѣдь вотъ ты жилъ въ чужихъ краяхъ, тамъ крѣпостныхъ такихъ, какъ у насъ, нѣтъ. Въ Версалѣ бывалъ? Нѣтъ? У насъ ты можешь купить только крѣпостную дѣвку, а тамъ коли хочешь—купишь маркизу, было бы только чѣмъ заплатить...

И по своему обыкновенію, князь пояснилъ эту общую мысль примѣромъ. Воропоновъ удивлялся его опытности въ такихъ дѣлахъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Брось ты свою философію, любезный мой,—сказалъ въ заключеніе князь.—Повѣрь, все на свѣтѣ трынъ-трава! Ѣшь, пей и веселись, живи и жить давай другимъ! Вотъ лучше, братецъ, пойдемъ, я тебѣ покажу одну картину, у меня въ спальной... Другая такая у меня въ Москвѣ, эту я велѣлъ съ нея списать...

Князь отворилъ зеркальную дверь и сдѣлалъ Воропонову знакъ слѣдовать за собою.

Въ княжеской спальной постоянно были опущены толстыя шелковыя гардины и царила полутьма. Князь позвонилъ и велѣлъ камердинеру зажечь свѣчи. Андрей Петровичъ увидѣлъ огромную парадную постель на возвышеніи, куда вели ступеньки, и подъ великолѣпнымъ балдахиномъ.

— Постой, такъ не видно. Вотъ здѣсь становись и смотри.

Андрей Петровичъ увидѣлъ картину, изображавшую юношу и красавицу въ классическихъ одѣяніяхъ. Въ юношѣ онъ тотчасъ узналъ изображеніе самого князя. Красавица была полная, среднихъ лѣтъ, невысокаго роста женщина, съ чудными глазами и греческимъ профилемъ. Всмотрѣвшись въ нее, Андрей Петровичъ смутился и изумился до чрезвычайности. Теперь онъ понялъ, почему эта картина не выставлялась на показъ, хотя другія, и болѣе нескромныя, картины висѣли въ галлереѣ, и окончательно убѣдился въ справедливости слуховъ, которые носились относительно петербургскихъ похожденій князя, значительно умножившихъ его и безъ того огромныя богатства.

Вмѣстѣ съ тѣмъ у Андрея Петровича зашевелилось смутное, до сихъ поръ еще никогда не испытанное имъ чувство. Онъ съ этихъ поръ сталъ зорко присматриваться къ тому, какъ относится князь къ его женѣ. Его изысканная любезность показалась ему вдругъ подозрительною. Не то, чтобы чувство ревности, а какой-то смутный страхъ за жену зашевелился въ немъ. Онъ рѣшилъ поскорѣе удалить ее изъ княжескаго дома.

На слѣдующій день Андрей Петровичъ сказалъ князю, что долженъ ѣхать домой.

— Что за нужда такая, любезный мой? — спросилъ князь. — Тебѣ наскучило у меня?

— Помилуйте, ваше сіятельство! Какъ можно! Но сказать истину, пора мнѣ и честь знать! Къ тому же, ваше сіятельство, у меня жена скоро именинница.

— Ну, такъ что же? Ты думаешь я хуже твоего справлю ея именины? Хорошо, что напомнилъ. Теперь ни за что не отпущу!

Эти слова непріятно поразили Андрея Петровича, и въ немъ пробудилось даже какъ бы враждебное чувство къ молодому красивому вельможѣ.

— Ей-Богу нельзя, ваше сіятельство. Тамъ гости наѣдутъ— хорошо ли, если хозяевъ не будетъ...

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Ты правъ... Ну, что жъ, удерживать не могу... А жаль, братецъ, я ужъ попривыкъ къ тебѣ... Скажи, пожалуйста, говорятъ, ты не богатъ?

— Противъ вашего сіятельства могу счесть себя нищимъ, а все жъ бѣднымъ себя не почитаю,—съ достоинствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ дипломатично, отвѣтилъ Андрей Петровичъ.

— Скажи, пожалуйста, не хочешь ли поступить ко мнѣ на службу? Я бы хотѣлъ имѣть тебя своимъ подкомандующимъ.

Андрей Петровичъ отвѣтилъ, что благодаритъ за предложенную честь, но служить не можетъ, причемъ сослался на то, что бросилъ даже военную службу, чтобы заняться своимъ хозяйствомъ.

— Ну, что же приневоливать тебя не могу,—сказалъ князь.— А ты все же подумай... Моя служба не военная: твоему хозяйству поперекъ дороги не станетъ. Я вотъ побогаче тебя, а отъ службы не отказываюсь. Государыня проситъ меня взять въ управленіе здѣшнія волости: управлять казенными волостями не то, что въ походъ ѣхать. Я хотѣлъ тебѣ дать одну волость и ты былъ бы подъ моей командой, никакого другого начальства не будешь знать...

— Позвольте подумать ваше сіятельство, — сказалъ Андрей Петровичъ.

У него мелькнула мысль, надъ которою стоило призадуматься.

— То-то, — подумай... Ба, братецъ, да я забылъ! Ты вотъ все про крестьянъ толкуешь: у меня тутъ для тебя книжка припасена.

Князь далъ Андрею Петровичу томъ «Трудовъ Вольно-Экономическаго Общества» и указалъ ему на статью, написанную по случаю преміи въ 1,000 червонцевъ, предложенной неизвѣстнымъ лицомъ (какъ говорили—Григоріемъ Орловымъ) за лучшее сочиненіе объ устройствѣ быта крестьянъ.

Прочитавъ передъ отъѣздомъ изъ княжескаго дома эту статью, сочиненную однимъ французскимъ авторомъ, Андрей Петровичъ съ первыхъ страницъ подумалъ, что читаетъ свое собственное сочиненіе: до того выраженныя здѣсь мысли согласовались съ его собственными. Авторъ яркими красками описывалъ ужасы и бѣдствія рабства и рисовалъ прелести свободнаго состоянія. Въ концѣ, однако, была высказана мысль, показавшаяся ему не совсѣмъ вѣрною, что рабовъ слѣдуетъ подготовить къ свободѣ путемъ просвѣщенія. Это мнѣніе, дѣйствительно, болѣе подходило къ взглядамъ Вольтера, чѣмъ Руссо. Чтеніе еще болѣе способствовало тому, что Андрей Петровичъ принялъ рѣшеніе: воспользоваться предложеніемъ князя и попытаться управлять казенными крестьянами, которые все же болѣе походили на вольныхъ людей, чѣмъ помѣщичьи. Ему пришла мысль провести сравненіе между тѣми и другими. Отпустить своихъ крестьянъ на волю, какъ ему иронически совѣтовалъ Юсуповъ, Андрей Петровичъ не рѣшался по той простой причинѣ, что никакъ не могъ себѣ представить, что изъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

этого выйдетъ. Да еще какъ отнесутся къ этому всѣ, начиная съ Софьюшки? Андрей Петровичъ, конечно, не думалъ, подобно князю, что получивъ волю, всѣ слуги и крестьяне не разбѣгутся. Но что, если они по лѣности и по невѣжеству раззорятъ себя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его? Объ условіяхъ вольнонаемнаго труда онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія и сверхъ того, успокоивалъ себя тѣмъ софизмомъ, что лучше стать ему добрымъ помѣщикомъ, настоящимъ отцомъ своихъ крестьянъ, чѣмъ оставить ихъ на произволъ судьбы. Волостные, т. е. казенные крестьяне совсѣмъ иное дѣло: вотъ по нимъ-то и можно будетъ узнать, нельзя ли какъ-нибудь иначе устроить владѣльческихъ крестьянъ? Онъ объявилъ князю о своемъ согласіи принять его предложеніе, и поспѣшилъ переговорить съ женою.

— Ну, матушка,—сказалъ онъ Софьѣ Трофимовнѣ,—пора намъ и домой.

Онъ посмотрѣлъ на жену испытующимъ взглядомъ. Ему казалось, что ей было жаль уѣхать отсюда такъ скоро.

— Да я и то думала, Андрей Петровичъ,—сказала она,—долго ли намъ съ тобою здѣсь еще оставаться?

— Ѣдемъ сегодня... Я ужъ сказалъ князю,—возразилъ Андрей Петровичъ, устыдившись своего минутнаго подозрѣнія.—Ну, Софьюшка,—прибавилъ онъ,—угадай—кто теперь я таковъ? Никогда не угадаешь!

— Не знаю, что ты говоришь, Андрей Петровичъ!

— А вотъ что; я теперь управитель Михайловской волости, Щигровскаго округа.

— Какой такой управитель? Не пойму тебя.

Андрей Петровичъ сталъ разъяснять женѣ, что будетъ управлять 15,000 душъ казенныхъ крестьянъ, что жить придется мѣсяца три-четыре въ году въ Щигровѣ, гдѣ имъ дадутъ домъ, что должность эта почетная и даже князья не гнушаются быть главными управителями, что теперь онъ станетъ извѣстенъ государынѣ; однимъ словомъ, старался расписать все въ найлучшемъ свѣтѣ.

Софья Трофимовна, слушая доводы мужа, обрадовалась лишь одному: онъ сказалъ ей, что теперь дѣла волости легко могутъ заставить ихъ ѣздить не только въ Москву, но и въ Петербургъ.

Такая поѣздка давно была завѣтною мечтою Софьи Трофимовны; со времени же пребыванія у князя Юсупова, она стала томиться желаніемъ повидать что-нибудь получше провинціальнаго захолустья.

М. Филипповъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ПО ЛЕДОВИТОМУ ОКЕАНУ [1].

(Изъ путевыхъ замѣтокъ).

III.

Сношенія съ голландскимъ полярнымъ комитетомъ.—Слухи объ участи голландской и датской полярныхъ экспедицій на пароходахъ «Варна» и «Димфна».—Донесеніе норвежскаго генеральнаго консула въ Архангельскѣ, г. Бодома, въ Петербургъ посланнику при русскомъ дворѣ.—Зафрахтованіе парохода «Георгій».—Снаряженіе въ далекое плаваніе.—Инструкція голландскаго полярнаго комитета.—Отплытіе изъ Архангельска.—У Канина Носа.—Переходъ по Ледовитому океану.—Прибытіе въ Югорскій Шаръ.—Въ становищѣ Хабарово (Никольское).—Встрѣча съ норвежцами со шхуны «Haabet».—Извѣстіе о спасеніи экипажа парохода «Варна» пароходами А. М. Сибирякова «Норденшильдъ» и «Обь».—На якорѣ въ Хабарово.—Предположенія о дальнѣйшемъ плаваніи.

ВСКОРѢ по возвращеніи моемъ съ Новой Земли, я получилъ изъ Амстердама отъ голландскаго полярнаго комитета, по телеграфу, запросъ о томъ, не имѣлъ ли я въ Малыхъ Кармакулахъ какихъ-либо извѣстій объ участи пароходовъ «Варна» и «Димфна». На первомъ изъ нихъ находилась голландская полярная экспедиція, подъ начальствомъ доктора Снелленъ, а на второмъ—датская экспедиція подъ начальствомъ лейтенанта королевскаго флота А. Ховгарда. Къ сожалѣнію, я не могъ сообщить комитету рѣшительно никакихъ свѣдѣній о «Варнѣ» и «Димфнѣ», такъ какъ мои тщательные раз-

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLII, стр. 83.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

спросы о нихъ самоѣдовъ, зимовавшихъ на восточномъ (Карскомъ) берегу Новой Земли, не привели ни къ какимъ результатамъ. Между тѣмъ, съ началомъ лѣта 1883 г. въ Голландіи, Даніи и въ Сѣверной Норвегіи распространились самые тревожные слухи объ участи обѣихъ экспедицій и правительства первыхъ двухъ государствъ обратились, черезъ своихъ посланниковъ въ Петербургѣ, къ нашему правительству съ просьбой поспособствовать провѣркѣ возникшихъ тревожныхъ слуховъ и въ случаѣ ихъ подтвержденія предписать мѣстнымъ властямъ Архангельской и приокеанскихъ сибирскихъ губерній оказывать возможныя помощь и содѣйствіе членамъ экспедицій, если они окажутся на нашихъ берегахъ Ледовитаго океана. Голландское правительство пошло еще дальше и объявило промышленникамъ и судовладѣльцамъ Сѣверной Норвегіи и архангельскимъ поморамъ, что тому изъ нихъ, кто окажетъ помощь бѣдствующему экипажу парахода «Варна», будетъ выдана денежная премія въ размѣрѣ 50,000 норвежскихъ кронъ, собранныхъ путемъ народной подписки. При повѣркѣ архангельскою администраціей слуховъ о гибели экспедиціонныхъ пароходовъ, оказалось, что источникомъ слуховъ послужили разсказы самоѣдовъ Большеземельской тундры о будто бы видѣнномъ ими на восточномъ берегу острова Вайгача разбитомъ суднѣ, повидимому паровомъ и оставленномъ экипажемъ. На основаніи разсказовъ самоѣдовъ, изъ Архангельска была отправлена въ петербургскія газеты телеграмма слѣдующаго содержанія: «Самоѣды Большеземельской тундры передаютъ, что видѣли около Вайгача разбитое большое судно; полагаютъ, что оно принадлежитъ датской экспедиціи Ховгарда, затертой льдинами въ этой мѣстности». Эта телеграмма была помѣчена 18-мъ октября 1882 г., а раньше этого «Международное телеграфное агентство» сообщило газетамъ депешу изъ Копенгагена, гласящую, что «съ парохода «Louise» получена изъ Гаммерфеста телеграмма съ извѣстіемъ, что южно-карское море переполнено льдами, черезъ которые судну невозможно пройти. Суда «Warna» и «Dyamphna» затерты льдами въ 80 морскихъ миляхъ къ востоку отъ острова Вайгача». Такимъ образомъ, архангельская телеграмма, какъ позднѣйшая, явилась какъ бы подтвержденіемъ сообщенія «Международнаго агентства» и послужила причиной серьезныхъ опасеній за судьбу экипажей «Варны» и «Димфны». Между тѣмъ дознаніемъ, произведеннымъ полиціей Мезенскаго уѣзда Архангельской губерніи, хотя и было констатировано существованіе между самоѣдами слуховъ о разбитомъ близъ Вайгача суднѣ, но оказалось невозможнымъ отыскать лицъ, непосредственно видѣвшихъ это судно. Кромѣ правительствъ Даніи и Голландіи, въ разъясненіи этихъ слуховъ было заинтересовано и норвежское правительство, такъ какъ голландская полярная экспедиція плыла на зафрахтованномъ въ Христіаніи норвежскомъ пароходѣ «Варна» съ экипажемъ изъ норвежцевъ,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

подъ командой капитана Кнюдсена; вслѣдствіе этого, въ разслѣдованіи происхожденія слуховъ принималъ дѣятельное участіе и тогдашній шведско-норвежскій генеральный консулъ въ Архангельскѣ, Х. И. Бодомъ, который въ рапортѣ обстоятельно донесъ обо всемъ, касающемся этихъ слуховъ, своему посольству въ Петербургѣ.

Не смотря на заманчивость вознагражденія въ 50,000 кронъ, обѣщаннаго за оказаніе помощи экипажу «Варна», ни русскіе, ни норвежскіе промышленники и судохозяева не рискнули отправиться на удачу въ столь опасное плаваніе, поэтому голландскій полярный комитетъ рѣшилъ на собственный счетъ снарядить пароходъ и отправить его къ берегамъ Вайгача и въ Карское море, гдѣ можно было предполагать пребываніе членовъ экспедиціи. Приближалась ранняя полярная зима и неоказаніе въ то время помощи могло окончиться гибелью экспедиціи, въ случаѣ потери ею парохода и истощенія продовольственныхъ запасовъ. Полярный комитетъ поручилъ архангельскому торговому дому Э. А. Десъ-Фонтейнесъ, въ самый короткій срокъ, подъискать и зафрахтовать подходящій къ предстоявшему плаванію пароходъ, который безъ всякихъ проволочекъ могъ бы отправиться по назначенію, согласно инструкціи, сообщенной изъ Амстердама телеграммой. По моемъ сношеніи съ полярнымъ комитетомъ, мнѣ было предложено принять участіе въ этой экспедиціи, въ качествѣ представителя интересовъ комитета. Крайній недостатокъ времени, опредѣленнаго комитетомъ для выхода въ море и отсутствіе въ то время въ Архангельскѣ выбора между судами, наиболѣе соотвѣтствующими предстоявшему серьезному полярному плаванію, остановили выборъ спеціалистовъ на пароходѣ «Чижовъ», принадлежащемъ архангельско-мурманскому товариществу и «Георгій», принадлежащемъ англійскому консулу, мѣстному коммерсанту г. Геллерману. Винтовой пароходъ «Чижовъ», какъ по своимъ размѣрамъ, такъ и по конструкціи, имѣлъ за собой преимущества солиднаго морского судна въ сравненіи съ небольшимъ колеснымъ «Георгіемъ», который, служа почти исключительно лоцманскимъ и буксирнымъ надобностямъ въ устьяхъ Сѣверной Двины при различныхъ операціяхъ своего предпріимчиваго владѣльца, не имѣлъ даже спеціальнаго капитана, нетолько, необходимой для дальняго плаванія, хорошо обученой и дисциплинированной команды. Между тѣмъ на «Чижовѣ», поддерживающемъ постоянныя сообщенія между Архангельскомъ, Мурманскимъ берегомъ и Норвегіей, были вполнѣ удовлетворительно организованы, какъ штурманская часть, такъ и машинная и палубная команда. Къ сожалѣнію, не удалось воспользоваться зафрахтованіемъ «Чижова», такъ какъ изъ Амстердама ежедневно получались настойчивыя требованія отправить пароходъ изъ Архангельска, ни въ какомъ случаѣ, не позже 15-го августа, а между тѣмъ,

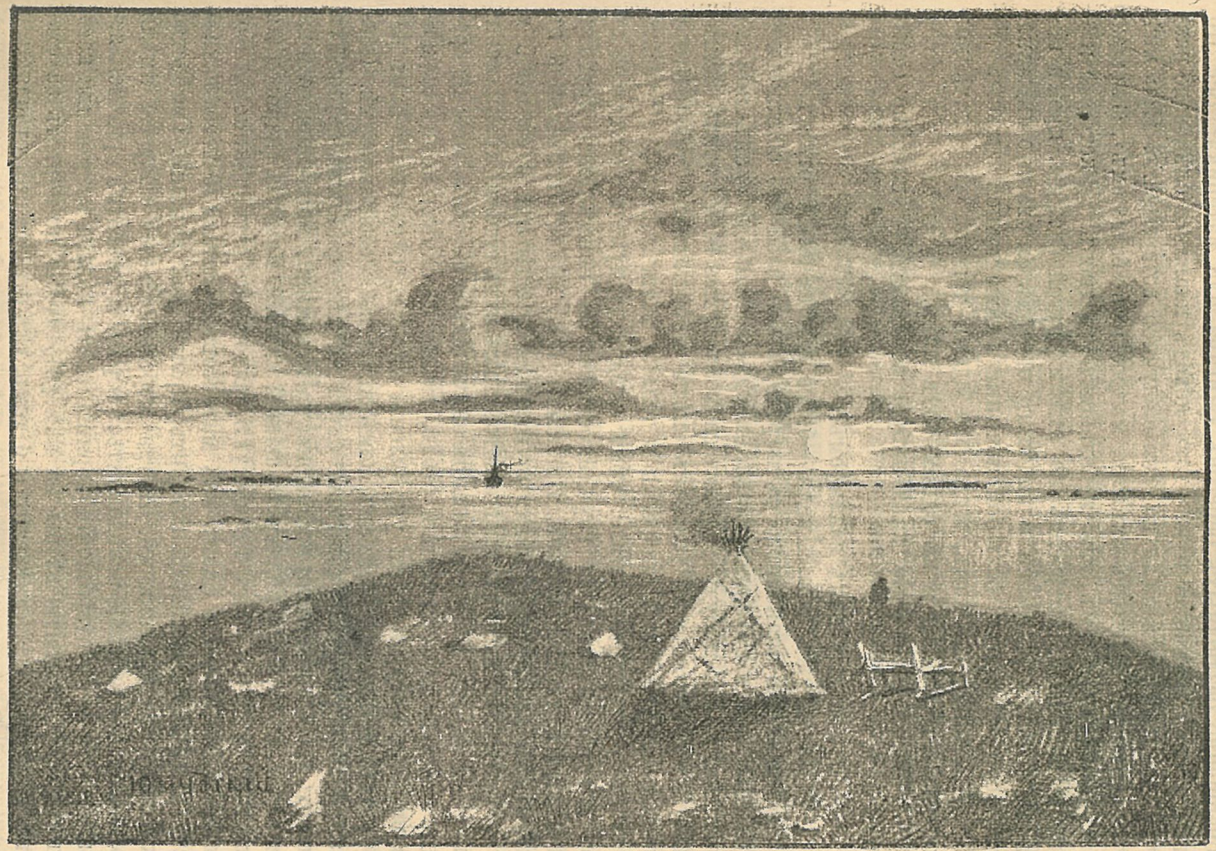
НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

«Чижовъ», будучи въ то время занятъ другой работой, никакъ не могъ быть готовъ къ назначенному сроку. Поэтому, по неволѣ пришлось обратиться къ услугамъ парохода г. Геллермана, «Георгій», не смотря на то, что въ обществѣ существовало сомнѣніе не только въ способности этого парохода выполнить возлагаемую на него задачу, но и вообще благополучно совершить плаваніе въ тѣхъ широтахъ, куда, обыкновенно, отправляются суда и другого типа и иной прочности. Хотя полярный комитетъ и былъ извѣщенъ мною о сомнительныхъ качествахъ «Георгія» и что для пользы дѣла было бы желательно обождать нѣсколько дней, пока освободится «Чижовъ», тѣмъ не менѣе это не было принято комитетомъ въ расчетъ и распоряженіе объ отплытіи изъ Архангельска 15-го августа осталось въ прежней силѣ. Окончательное согласіе на зафрахтованіе «Георгія» было получено всего лишь за нѣсколько дней до наступленія срока, назначеннаго къ отплытію; времени оставалось весьма мало, а потому съ крайней поспѣшностью было приступлено къ приведенію парохода въ готовность къ плаванію и снабженію его запасами провизіи и угля, чему не мало способствовало опасеніе пароходовладѣльца потерять, въ случаѣ неготовности, выгодный для него фрахтъ, такъ какъ по заключенному съ полярнымъ комитетомъ условію г. Геллерманъ получалъ 8,000 руб. за рейсъ «Георгія» къ берегамъ Вайгача, и, кромѣ того, комитетъ принималъ на свой счетъ частную аварію «Георгія» на сумму до 3,000 руб., а въ случаѣ же его окончательной гибели гарантировалъ уплату г. Геллерману 30,000 руб., т. е. сумму почти вдвое большую первоначальной стоимости парохода. Главнымъ образомъ было обращено вниманіе на запасы угля, такъ какъ «Георгій», не имѣя рангоута, располагалъ лишь однимъ двигателемъ—машиной и въ случаѣ недостатка топлива мы оказались бы въ совершенно безпомощномъ положеніи, а потому углемъ наполняли нетолько спеціальныя угольныя ящики, но и пароходные трюмы, даже на палубѣ громоздились корзины съ углемъ. Затѣмъ начались поиски «капитана дальняго плаванія», безъ котораго «Георгій», по существующимъ законамъ о мореплаваніи, не былъ бы выпущенъ въ море. Выборъ капитана весьма удачно палъ на молодого человѣка, бывшаго штурманомъ на германскомъ парусномъ кораблѣ, г. Неймана, уроженца остейскихъ губерній, получившаго морское образованіе въ митавскомъ штурманскомъ училищѣ. Г. Нейманъ съ малолѣтства плавалъ и основательно прошелъ, закаляющую моряка, парусную школу и во время нашего плаванія оказался на высотѣ требованій науки кораблевожденія. Вслѣдствіе какихъ-то недоразумѣній, возникшихъ между шкиперомъ германскаго корабля и г. Нейманомъ, послѣдній отказался отъ службы и, будучи въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, принялъ предложеніе г. Геллермана вести «Георгій» за крайне ничтожное вознагражденіе. На-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

нявъ капитана, пароходовладѣлецъ принялся вербовать команду, какъ говорится, съ борка, да съ сосенки. Набранная такимъ образомъ команда представляла собой толпу почти оборвышей разныхъ сословій и разныхъ профессій. Такъ какъ на «Георгіи», не было другого лица, кромѣ капитана, которое въ случаѣ болѣзни или смерти послѣдняго могло бы принять командованіе пароходомъ, то г. Геллерманомъ отъ себя былъ приглашенъ совершить плаваніе на «Георгіи» штурманскій офицеръ архангельскаго военнаго порта г. Нюхаловъ, знающій условія плаванія въ сѣверныхъ водахъ и въ случаѣ надобности могущій замѣстить капитана. Управленіе машиной было ввѣрено машинисту-самоучкѣ, хорошо знавшему свое дѣло, но, къ несчастію получившему въ единственные къ себѣ помощники отставного военнаго машиниста, совершеннаго неуча, терявшагося въ своей вахтѣ при сигналѣ въ машину «задній ходъ». Благодаря этому обстоятельству, старшему машинисту приходилось, впослѣдствіи, почти не оставлять машину, въ особенности, во время бури, или плаванія въ туманѣ вблизи незнакомыхъ береговъ, когда осторожность требовала частыхъ и быстрыхъ измѣненій хода. Такимъ образомъ, главныя отвѣтственныя судовыя обязанности ложились только на двухъ человѣкъ—капитана и на старшаго машиниста и справедливость требуетъ сказать, что исполнялись ими вполнѣ добросовѣстно; остальной же экипажъ, за исключеніемъ немногихъ раньше служившихъ на «Георгіи», требовалъ постояннаго надзора и указаній даже при самыхъ несложныхъ судовыхъ работахъ. Въ качествѣ блюстителя интересовъ пароходовладѣльца на «Георгіи» находился братъ его А. А. Геллерманъ. Въ виду того, что никто изъ отправлявшихся на «Георгіи» не владѣлъ самоѣдскимъ языкомъ, я, по рекомендаціи архангельскаго воинскаго начальника, взялъ съ собою уволенаго въ отпускъ рядового Архангелогородскаго баталіона, зырянина Истомина, прекрасно говорившаго по-самоѣдски. Кромѣ того, нанимая Истомина, мною руководило желаніе въ виду всякихъ случайностей, на которыя легко можно разсчитывать въ предстоявшемъ опасномъ плаваніи, имѣть около себя своего человѣка, на котораго я могъ бы положиться и который подчинялся бы одному мнѣ. Въ этомъ смыслѣ, передъ отплытіемъ «Георгія», Истоминъ получилъ отъ своего начальства подробныя строжайшія инструкціи. Хотя впослѣдствіи мнѣ и не пришлось пользоваться услугами Истомина, какъ переводчика, тѣмъ не менѣе я ни разу не раскаявался въ томъ, что взялъ его съ собой, такъ какъ онъ, благодаря своему юмору и своеобразности, не мало потѣшалъ всѣхъ насъ во все время скучнаго плаванія и перенесенныхъ нами невзгодъ. Весь экипажъ «Георгія», вмѣстѣ съ пассажирами, состоялъ изъ девятнадцати человѣкъ. Когда я перебрался на пароходъ и подробно осмотрѣлъ команду и запасы провизіи, въ головѣ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ



Островъ Вайгачъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

невольно зародилась грустная дума — что же съ нами будетъ, если «Георгію» придется засѣсть во льдахъ, или гдѣ-нибудь у совершенно безлюдныхъ береговъ Вайгача или материка? Все это было весьма возможно и на этотъ исходъ плаванія слѣдовало разсчитывать болѣе, нежели на благополучное возвращеніе. При мнѣ приходили на пароходъ нанятые матросы съ «багажемъ», большею частью состоявшимъ изъ небольшихъ узелковъ. Нѣкоторые изъ вновь нанятыхъ матросовъ не имѣли другой одежды, кромѣ вязаной шерстяной рубахи и надѣтаго поверхъ ея рванаго пиджака; ихъ обувь требовала большой починки и даже полной замѣны.

— Знаешь, что тамъ, куда мы идемъ теперь, уже начались морозы?—обратился я къ одному изъ нихъ.

— Ничего, в-с-б-діе, какъ-нибудь обойдемся, — спокойно отвѣчалъ онъ.

— Ну, а если тамъ зазимуемъ?

— На то ужъ Божья воля,—былъ лаконическій отвѣтъ.

Ближайшее знакомство съ пароходомъ и всей его обстановкой убѣдило, что и пароходъ «какъ-нибудь» и команда «какъ-нибудь» и запасы «какъ-нибудь»; однимъ словомъ сумма всѣхъ этихъ «какъ-нибудь» далеко не въ розовомъ свѣтѣ представляла перспективу предстоявшаго намъ плаванія и только всеискупляющее русское «авось» заставляло меньше, чѣмъ слѣдовало, думать о возможныхъ въ полярномъ плаваніи случайностяхъ. За неимѣніемъ другихъ помѣщеній, гг. Геллерманъ, Нюхаловъ и я, вмѣстѣ поселились въ кормовой каютѣ «Георгія», служившей и спальной и столовой и уборной и даже штурманской каютой, такъ какъ тутъ же хранились и морскія карты. Къ кормѣ каюта значительно съуживалась; по срединѣ стоялъ продолговатый столъ, также въ одномъ концѣ съуживавшійся; вокругъ стола укрѣплены диваны, служившіе намъ постелями. Капитанъ Нейманъ помѣщался въ особой каморкѣ. Обязанности «стюарта» (каютный слуга на иностранныхъ грузовыхъ пароходахъ) мною были возложены на Истомина, пріютившагося въ маленькомъ буфетѣ рядомъ съ нашей каютой. Камбузъ (пароходная кухня) былъ устроенъ въ кожухѣ, рядомъ съ ретирадникомъ. Кокомъ былъ избранъ одинъ изъ матросовъ, грязный до невозможности и ничего неумѣвшій готовить, кромѣ щей и каши. Сосѣдство кухни съ ретирадникомъ, откуда любознательные матросы имѣли обыкновенье ощупью освѣдомляться о родѣ и качествѣ приготовляемой пищи и до отвращенія неряшливость повара заставляли насъ поменьше обращать взоры на камбузъ, чтобы не портить за столомъ апетита представленіемъ о томъ, гдѣ и кѣмъ приготовляются кушанья. Впрочемъ, при заказахъ блюдъ, приготовленіе которыхъ требовало особо-дѣятельнаго участія поварскихъ рукъ, мы обращались къ бравому боцману «Георгія» Стрѣлкову, раньше служившему во флотѣ и, какъ говорится, способному на всѣ руки. Боль-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

шею же частью нашъ столъ состоялъ изъ консервовъ, соленыхъ закусокъ и чая, почти не оканчивавшагося ни днемъ, ни ночью. Чаемъ мы развлекались и согрѣвались, такъ какъ, войдя въ Ледовитый океанъ и двигаясь на востокъ, мы все болѣе и болѣе вступали въ область низкой температуры, а единственный камелекъ не былъ въ состояніи достаточно нагрѣвать нашу каюту, двери которой почти никогда не затворялись ежеминутными ея посѣтителями. Усиленная, на этотъ рейсъ, команда размѣстилась по возможности. Благодаря углю, наполнявшему всѣ свободныя помѣщенія парохода и его палубу, повсюду царила необыкновенная грязь; невозможно было ни къ чему прикоснуться, чтобы не испачкать рукъ и платья. Относительно двигательныхъ средствъ «Георгія», можно сказать, что они ограничивались только машиной, такъ какъ парусное вооруженіе единственной мачты не могло самостоятельно служить для парохода двигателемъ, а лишь способствовало машинѣ и помогало рулю и при поворотахъ. Гребныхъ судовъ было два и оба небольшіе, на которые во время свѣжей погоды невозможно было помѣстить весь экипажъ. Главный недостатокъ «Георгія», какъ парохода, отправлявшагося въ полярное плаваніе, заключался въ колесахъ, которымъ даже незначительный ледъ былъ въ состояніи грозить окончательнымъ разрушеніемъ. Что касается продовольственныхъ запасовъ, то, по приблизительному разсчету, ихъ могло хватить неболѣе, какъ на 1 мѣсяцъ, а чѣмъ бы мы питались если бы «Георгію» пришлось остаться въ плаваніи на срокъ болѣе продолжительный, чѣмъ разсчитывалъ экономный пароходовладѣлецъ, объ этомъ никто не подумалъ. Ружей у насъ было только два: одно у меня, другое у Истомина; оба—берданки, такъ что и тутъ нельзя было разсчитывать, въ случаѣ крайности, питаться добычей охоты на птицъ. Со мною были взяты двѣ собаки: сетеръ «Гобартъ», много лѣтъ со мною путешествовавшій и, всюду гдѣ ни бывалъ, извѣстный подъ именемъ «Ивана Ивановича», и вывезенная мною съ Новой Земли самоѣдская собака «Бѣлка». Этихъ двухъ четвероногихъ спутниковъ я взялъ съ собой, имѣя въ виду возможность продолжительнаго пребыванія на какомъ-нибудь берегу или возвращенія обратно черезъ тундру, гдѣ они могли оказать намъ не малыя услуги. Разсчитывая всегда худшее, я, независимо отъ пароходной провизіи, взялъ съ собой нѣкоторый запасъ консервовъ, чая, сахара, водки, кое-что изъ медикаментовъ, большой запасъ табаку и другихъ предметовъ, въ которыхъ могла встрѣтиться неотложная необходимость. Здѣсь я изложилъ краткое описаніе парохода «Георгій» и его обстановки при отправленіи къ мѣсту назначенія. Программа нашего плаванія, заключавшаяся въ инструкціи голландскаго полярнаго комитета, состояла въ слѣдующемъ: «Георгій» долженъ былъ выйти въ море 15 августа и слѣдовать прямо къ острову

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Вайгачу и обойти его кругомъ, войдя въ Карское море черезъ Югорскій Шаръ, или черезъ Карскія Ворота, смотря по состоянію льда. Кромѣ участи парохода «Варна», полярный комитетъ интересовался также свѣдѣніями о другомъ суднѣ «William Barentz», снаряженномъ въ полярное плаваніе также на средства комитета и вышедшемъ изъ Амстердама весною того же 1883 года. Крошечное парусное судно «William Barentz», названное въ честь знаменитаго голландскаго мореплавателя, погибшаго въ 1597 году во время зимовки на самой сѣверной оконечности Новой Земли, носящей въ настоящее время названіе мыса Баренцса, ежегодно, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ отправляется въ арктическія моря для научныхъ изслѣдованій и, кромѣ того, на немъ погруженъ памятникъ, сооруженный голландцами своему соотечественнику Вильяму Баренцсу, предназначенный къ постановкѣ на мѣстѣ гибели знаменитаго изслѣдователя полярныхъ странъ. «William Barentz» уже нѣсколько лѣтъ сряду пытается достигнуть означеннаго пункта, но всякій разъ встрѣчаетъ непроходимый ледъ и свою миссію ограничиваетъ научными изслѣдованіями водъ Ледовитаго океана. Отправляя «William Barentz» въ 1883 году, полярный комитетъ поручилъ и ему собрать свѣдѣнія объ участи «Варны» и ихъ, точно такъ же какъ и сообщенія о своемъ плаваніи, оставить въ заранѣе условленныхъ пунктахъ полярныхъ материковъ. Въ инструкціи, данной полярнымъ комитетомъ «Георгію» названы слѣдующіе пункты, гдѣ «William Barentz» долженъ былъ оставить требуемыя свѣдѣнія, упакованными въ жестянныхъ коробкахъ и закопанными въ землю, подъ грудой камней: мысъ Меншиковъ, Оленьи острова, Хабарово и выдающіяся бухты восточнаго берега острова Вайгача. Въ случаѣ нахожденія экипажа «Варна», «Георгій» долженъ былъ принять его на бортъ и доставить въ одинъ изъ ближайшихъ портовъ. Главное затрудненіе въ исполненіи этой программы нашего плаванія заключалось въ необходимости проникнуть въ Карское море и обойти восточный берегъ Вайгача, что для колеснаго «Георгія» было возможно только при полнѣйшемъ отсутствіи льда, а разсчитывать на это не было никакихъ данныхъ и заранѣе можно было предсказать неудачу въ исполненіи этой части инструкціи комитета. Въ назначенный комитетомъ день для отправленія «Георгія» на пароходѣ были окончены всѣ приготовленія къ плаванію. При прощаніи со многими знакомыми мнѣ прямо высказывалось, что я иду на вѣрную смерть, такъ какъ пароходовладѣлецъ только и желаетъ того, чтобы «Георгій» не возвратился и за его потерю получить 30,000 рублей съ прибавкою 8,000 рублей за плаваніе. Понятно, я этимъ предсказаніямъ не вѣрилъ, хотя и раньше слышалъ, что г. Геллерманъ очень любитъ деньги, и что онъ, не смотря на свое консульское званіе, не разъ имѣлъ препирательства съ чинами бѣломорской пограничной

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

стражи по поводу свозимыхъ имъ съ иностранныхъ кораблей предметовъ, подлежащихъ оплатѣ таможенной пошлиной по дѣйствующему у насъ таможенному тарифу. Тѣмъ не менѣе могу удостовѣрить, что г. Геллерманъ, не знаю ужъ изъ какихъ видовъ, усердно просилъ меня по прибытіи въ Югорскій Шаръ не настаивать на дальнѣйшемъ плаваніи по Карскому морю и по возможности оберегать пароходъ отъ излишняго риска. На просьбы г. Геллермана я ему никакихъ обѣщаній не далъ, предупредивъ, что, согласно инструкціи голландскаго полярнаго комитета и сообразуясь съ обстоятельствами, буду требовать безусловнаго исполненія назначенной комитетомъ программы плаванія. На наши проводы на Соломбальской пристани собралось довольно много народа; здѣсь были родные, знакомые отплывающихъ и посторонняя публика, глазѣвшая любопытства ради. Около семи часовъ вечера на пароходъ прибылъ священникъ и отслужилъ напутственное молебствіе съ окропленіемъ святой водой всѣхъ помѣщеній. Многіе отплывающіе и провожающіе плакали, будто разставаясь навѣки. Послѣ молебствія «Георгій» оттянулся отъ пристани на середину Сѣверной Двины. Тѣсная каюта была переполнена провожавшими и мой Истоминъ съ другимъ матросомъ съ трудомъ протискивались, разнося прощальное шампанское. Безъ конца лились самыя лучшія пожеланія счастливаго плаванія и скораго благополучнаго возвращенія обратно. Вся эта обстановка проводовъ производила на меня удручающее впечатлѣніе и грустныя мысли роились въ головѣ: думалось, что, идя въ невѣдомую даль, навсегда прощаешься со всѣмъ, что оставляешь позади, и въ то же время чувствовалась какая-то сила, влекущая впередъ и нѣсколько ободряющая. Вскорѣ провожавшіе насъ съѣхали на берегъ и ровно въ девять часовъ вечера «Георгій» снялся съ якоря; машинѣ былъ данъ ходъ и мѣрно заработали колеса, бороздя зеркальную поверхность спящей величественной Сѣверной Двины. Мы всѣ находились наверху и криками «ура» обмѣнивались съ оставшимися на берегу провожавшими до тѣхъ поръ, пока шумъ машины и колесъ не заглушилъ звуковъ, а темнота осенней ночи не скрыла отъ глазъ городскихъ огней. Дойдя до Маймаксы «Георгій» всталъ на якорь и остался здѣсь до утра, чтобы на слѣдующій день, опредѣливъ девіацію компасовъ, продолжать путь дальше и по возможности безостановочно слѣдовать къ мѣсту назначенія. Къ полуночи уже весь экипажъ «Георгія», утомленный дневной работой, былъ погруженъ въ глубокій сонъ и на палубѣ раздавался лишь мѣрный стукъ шаговъ вахтеннаго матроса. Каждый старался для сна воспользоваться этой спокойной якорной стоянкой на тихой водѣ, будто предчувствуя, что эта ночь была послѣдней во все время нашего плаванія, когда спалось безъ ежеминутныхъ опасеній какъ за участь парохода, такъ и за собственную жизнь. Рано утромъ 16-го авгу-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ста изъ Архангельска пришелъ пароходъ «Онега», на которомъ къ намъ прибылъ пароходовладѣлецъ г. Геллерманъ и привезъ еще кое-что изъ провизіи и прибавилъ запасовъ угля. Пока шла погрузка, капитанъ занялся опредѣленіемъ девіаціи, а часть команды запасалась прѣсной водой, составлявшей далеко немаловажный предметъ въ числѣ другихъ запасовъ, такъ какъ до Югорскаго Шара было еще очень далеко, а Богъ вѣсть сколько времени намъ придется пробыть въ океанѣ. Всѣ работы были окончены лишь въ шесть часовъ вечера. «Онега» раньше возвратилась въ Архангельскъ и на ней мы отправили наскоро написанныя послѣднія письма. Погода стояла прекрасная; дулъ весьма слабый нордъ-остъ. Въ шесть часовъ вечера мы снялись съ якоря. Въ $9^1/_2$ часовъ прошли мимо «Сѣверо-Двинскаго» плавучаго маяка и взяли курсъ на Зимнегорскій маякъ. Сѣверо-восточный вѣтеръ совершенно затихъ и ясное до тѣхъ поръ небо начало заволакивать тучами. Море было совершенно спокойно и «Георгій» плавно скользилъ по его зеркальной поверхности, оставляя позади себя пѣнистый слѣдъ своихъ колесъ. Наше маленькое общество весь вечеръ провело на палубѣ; почти все время мы молчали, каждый былъ преданъ своимъ думамъ. Наконецъ, на верху появился Истоминъ и, приложивъ руку къ козырьку штатской фуражки, пригласилъ насъ внизъ закусить. Видъ Истомина невольно вызывалъ смѣхъ. Штатское платье, въ которое я его нарядилъ, сидѣло на немъ какъ мѣшокъ, тѣмъ не менѣе это не препятствовало ему сохранять строго военную выдержку. Появляясь, напримѣръ, въ каютѣ съ блюдомъ, онъ на нѣсколько мгновеній останавливался на порогѣ, чтобы «перемѣнить ногу», если вступилъ въ каюту не съ лѣвой ноги, и затѣмъ уже приближался къ столу такой походкой, какъ-будто являлся на ординарцы; поворачивался онъ не просто, а «направо» или «налѣво кругомъ» и затѣмъ уже тѣмъ же церемоніальнымъ маршемъ исчезалъ въ дверяхъ своего миніатюрнаго буфета. За ужиномъ нѣсколько рюмокъ джина разсѣяли нашу задумчивость и завязался оживленный разговоръ, конечно, на тему о нашемъ далекомъ плаваніи и о возможныхъ послѣдствіяхъ нашей экспедиціи. Къ полуночи началась чувствоваться легкая качка и накрапывалъ мелкій дождь. Мы вышли на палубу; впереди былъ видѣнъ огонь Зимнегорскаго маяка, а въ 2 часа 50 минутъ пополуночи мы были на его траверзѣ и здѣсь измѣнили курсъ по направленію къ маяку Сосновецъ (NO $^1/_2$ O). Во мракѣ ночи, въ разныхъ мѣстахъ свѣтилось значительное количество огней отличительныхъ судовъ; по всей вѣроятности, это были поморскіе корабли, спѣшившіе въ Архангельскъ, на поморскую Маргаритенскую ярмарку, начинающуюся 1-го сентября. Интереснаго на верху было немного и сырая погода не располагала къ дальнѣйшему пребыванію на палубѣ; я спустился въ каюту, гдѣ мои спутники уже спали, убаюкиваемые

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

шумомъ пароходныхъ колесъ и мѣрнымъ, хотя еще незначительнымъ качаньемъ «Георгія». Въ буфетѣ было свѣтло; я заглянулъ туда—вижу Истоминъ перелистываетъ какую-то старую книжонку. При моемъ появленіи онъ вскочилъ съ табурета и вытянулся во фронтъ, лицо его было какъ-то особенно блѣдно.

— Отчего ты до сихъ поръ не ложишься?—спросилъ я.

— Не могу, ваше в—діе.

— Вѣдь уже четвертый часъ, скоро чай надо готовить.

— Нудко, в—діе.

— Развѣ тебя укачиваетъ?

— Такъ точно, укачиваетъ.

— Значитъ, если засвѣжѣетъ, такъ совсѣмъ свалишься?

— Точно такъ, свалюсь, виноватъ, в—діе.

Въ это время, какъ нарочно, «Георгія» накренило сильнѣе обыкновеннаго и мой Истоминъ, потерявъ равновѣсіе, усѣлся на табуретъ; глаза его совсѣмъ помутились и онъ тутъ же принесъ морю первую жертву. Я далъ ему лимона и приказалъ ложиться. Между тѣмъ качка усиливалась и ея первоначальное пріятное убаюкиваніе смѣнилось несноснымъ переворачиваніемъ на нашихъ импровизированныхъ постеляхъ, подъ постояннымъ опасеніемъ свалиться на палубу. Провалявшись безъ сна около двухъ часовъ и потерявъ надежду заснуть, я вышелъ на палубу и поднялся на мостикъ. Дулъ сильный сѣверный вѣтеръ; холодно и сыро; огромное волненіе валяло нашъ «Георгій» съ боку на бокъ. Капитанъ Нейманъ, укутанный въ огромную овчинную шубу, дремалъ на скамейкѣ кожуха, шатаясь всѣмъ корпусомъ изъ стороны въ сторону. Вслѣдъ за мной на верху показались и мои спутники. Было уже совершенно свѣтло и въ морѣ бѣлѣли, какъ чайки, паруса встрѣчныхъ судовъ, быстро скользившихъ по волнамъ, гонимые попутнымъ вѣтромъ, или какъ говорятъ поморы «повѣтромъ». Невдалекѣ отъ насъ шелъ однимъ съ нами курсомъ огромный англійскій грузовой пароходъ, корпусъ котораго то и дѣло исчезалъ за гребнями волнъ. Встрѣчныхъ и попутныхъ судовъ было много, такъ какъ въ это время года Бѣлое море чрезвычайно оживляется множествомъ судовъ идущихъ въ его порты и возвращающихся оттуда. Къ этому же времени, обыкновенно, оканчиваются рыбные промыслы поморовъ на Мурманскомъ берегу и мѣновая торговля съ Норвегіей, и масса всякаго рода поморскихъ судовъ, начиная крупными барками (трехмачтовые парусные корабли) и кончая утлыми ладьями, спѣшатъ возвратиться въ Поморье и въ Архангельскъ на ярмарку. Но намъ недолго предстояло идти въ обществѣ другихъ судовъ; за Канинской Землей мы должны вступить въ пустынный безбрежный Ледовитый океанъ и именно въ ту его часть, куда лишь изрѣдка заглядываетъ корабль или предпріимчиваго смѣлаго промышленника, или пытливыхъ людей науки. Въ пол-

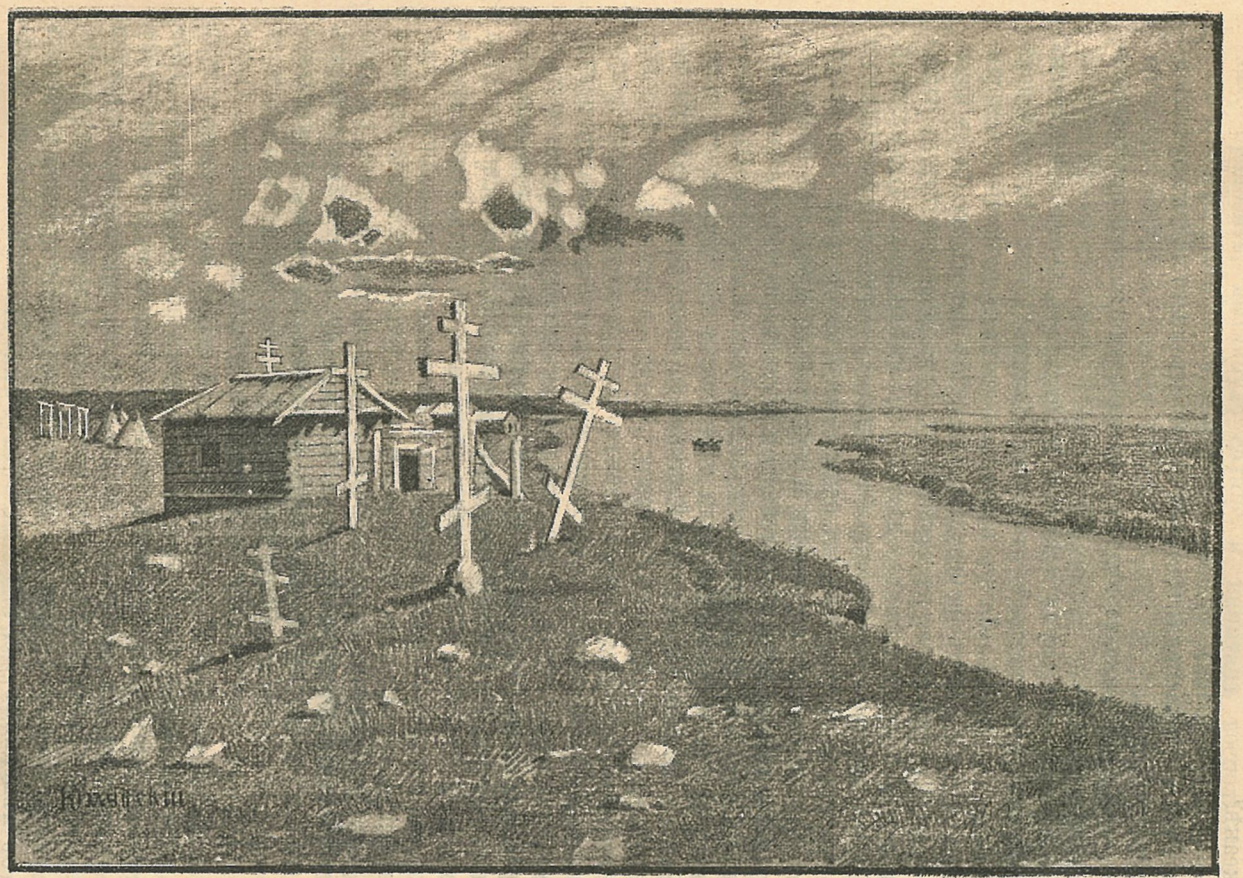
НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

день взяли курсъ на Орловскій маякъ. Съ утра сѣверный вѣтеръ началъ незначительно стихать и переходить къ востоку; тучи разнесло и установилась ясная погода, хотя термометръ Реомюра показывалъ всего лишь четыре градуса тепла. Около четырехъ часовъ пополудни вѣтеръ окончательно перешелъ къ востоку и засвѣжѣлъ. Скучное время абсолютнаго бездѣлья мы коротали за картами. Я взялъ съ собою порядочный запасъ книгъ, но благодаря моему слугѣ, доставлявшему на пароходъ мой багажъ, вмѣсто ящика съ книгами, оказался коробъ съ принадлежностями письменнаго стола. Въ половинѣ одиннадцатаго вечера пеленговали Орловскій мысъ и направились къ Канину Носу, взявъ курсъ на NNO$^1/_2$O. Небо было совершенно чистое, но восточный вѣтеръ засвѣжѣлъ еще больше и значительно увеличилъ качку. Не смотря на топившійся камелекъ, въ каютѣ было очень холодно, такъ что мы легли спать, нераздѣваясь, обставивъ себя всевозможными приспособленіями, чтобы не слетѣть съ диванова. Замѣчу, кстати, что начиная съ этой ночи намъ не приходилось раздѣваться во все время плаванія, исключая пребыванія въ Югорскомъ Шарѣ. Эта ночь прошла не совсѣмъ благополучно: въ машинѣ испортились помпы, а сильными размахами качки у колесъ разбило нѣсколько лопастей, разлетѣвшихся въ щепы отъ ударовъ объ волны. Исправленіе этихъ поврежденій требовало остановки, каковая была возможна только у Канинской Земли. Въ теченіе ночи я нѣсколько разъ просыпался отъ сильнаго крена парохода и выходилъ на палубу; море бушевало, жестокій восточный вѣтеръ, дувшій, говоря морскимъ языкомъ, почти прямо въ лобъ, гналъ навстрѣчу намъ огромныя волны и пронизывалъ до костей. Капитанъ почти безсмѣнно находился на мостикѣ, то и дѣло глядя на компасъ, и только изрѣдка сбѣгалъ внизъ, чтобы свѣриться съ картой или выпить стаканъ чая. Проведя всю свою жизнь въ далекихъ плаваньяхъ на иностранныхъ корабляхъ, Нейманъ очень плохо говорилъ по-русски, такъ что, не смотря на всѣ мои къ нему симпатіи, мы никогда не могли съ нимъ разговориться, такъ какъ я не владѣлъ ни нѣмецкимъ, ни англійскимъ языками, изъ которыхъ послѣднимъ Нейманъ владѣетъ превосходно, не говоря уже о его родномъ нѣмецкомъ языкѣ. Укутанный въ свою овчину, Нейманъ помогалъ рулевому, такъ какъ въ такую погоду одному не легко управлять штурваломъ. Брызги отъ волнъ, ударявшихся въ корпусъ «Георгія», безпрестанно обдавали насъ густымъ дождемъ, а размахи качки были такъ велики, что не смотря на привычку и морскія ноги, на мостикѣ невозможно было стоять, не держась за поручни, или нактоузъ.

— А что, Нейманъ, хорошо?—спросилъ я капитана, когда огромная волна прокатила вдоль всей палубы.

— Нетъ карашо, парусно сутно луче, тамъ штормъ, арканъ (ураганъ) всё карашо.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ



Становище Хабарово, въ Югорскомъ Шарѣ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Если ужъ здѣсь не хорошо, что же мы будемъ дѣлать въ океанѣ?

— Я не знайтъ, будемъ плить, а машинъ нетъ, колеса нетъ— погибайтъ; о каспадинъ, я ошенъ, ошенъ много видалъ арканъ въ разный океанъ.

— Да я и самъ-то видѣлъ, но только не на буксирномъ колесномъ пароходѣ.

Нейманъ вздохнулъ и ничего не отвѣтилъ. Около семи часовъ утра на сѣверо-востокѣ открылся Канинъ Носъ. Съ восходомъ солнца восточный вѣтеръ нѣсколько стихъ и волненіе уменьшилось. Въ 12 часовъ пополудни «Георгій» всталъ на якорь близъ берега Канина Носа, на глубинѣ 17 футъ. Высокій берегъ защищалъ насъ отъ восточнаго вѣтра и мы имѣли спокойную стоянку. Берегъ оказался совершенно безлюднымъ; нигдѣ не было видно ни одного живого существа, ни одного самоѣдскаго чума. Для исправленія поврежденныхъ помпъ и лопастей потребовалось около четырехъ часовъ; этимъ временемъ я воспользовался, чтобы спокойнымъ сномъ вознаградить себя за двѣ безсонныя ночи. Въ пятомъ часу вечера исправленія были окончены и мы снялись съ якоря. Вскорѣ вышли въ Ледовитый океанъ и, взявъ курсъ ONO$^1/_2$O, направились къ острову Колгуеву. Погода портилась все больше; восточный вѣтеръ и волненіе усиливались, пошелъ сильный дождь; плаваніе было несносное; всѣ мы маялись и безцѣльно то поднимались на верхъ, то снова сходили въ каюту. Единственнымъ развлеченіемъ былъ чай и отчасти карты. Не смотря на сильнѣйшую качку, съ Истоминымъ начали рѣже повторяться припадки морской болѣзни, и онъ снова вступилъ въ отправленіе своихъ офиціантскихъ и камердинерскихъ обязанностей, временное исправленіе которыхъ было возложено на боцмана Стрѣлкова. Въ этотъ день у Истомина явилось желаніе учиться по-нѣмецки; съ этою цѣлью онъ обратился къ А. А. Геллерману съ просьбою написать нѣмецкую азбуку и объяснить произношеніе буквъ. Похвальное желаніе любознательнаго зырянина было тотчасъ же исполнено, и Истоминъ усердно занялся зубреніемъ нѣмецкаго алфавита. Около полуночи въ буфетѣ раздался сильный стукъ; мы бросились туда и нашли несчастнаго Истомина стоявшимъ на четверенькахъ и напрасно старавшагося встать на ноги. Оказалось, что онъ такъ увлекся изученіемъ азбуки, что не замѣтилъ приближенія приступа морской болѣзни и, сразу почувствовавъ сильное головокруженіе, упалъ на палубу; тутъ же въ лужѣ изверженій плавалъ и листокъ съ нѣмецкимъ алфавитомъ. Истоминъ, увѣрявшій насъ, что совершенно освободился отъ морской болѣзни и освоился съ моремъ, былъ чрезвычайно сконфуженъ этимъ неожиданнымъ происшествіемъ. Къ утру началъ спускаться густой туманъ, такъ что въ 7 часовъ утра мы были вынуждены уменьшить ходъ на половину,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

что еще болѣе увеличило качку. Въ полдень туманъ и тучи начало проносить, выглянуло солнце, и капитанъ воспользовался этимъ, чтобы сдѣлать первую обсервацію, но она не особенно удалась, такъ какъ горизонтъ былъ покрытъ туманомъ. Въ часъ пополудни открылся южный берегъ острова Колгуева. Восточный вѣтеръ доходилъ до степени шторма, и капитанъ рѣшился держаться ближе къ берегу Тиманской тундры, опасаясь въ открытомъ океанѣ потерять колеса и кожухи. Но намъ недолго удалось продержаться близь береговъ; густой туманъ вскорѣ заволокъ весь горизонтъ, и капитанъ былъ вынужденъ снова отойти мористѣе, такъ какъ плыть вдоль совершенно незнакомаго берега, при томъ же въ туманѣ, было болѣе рискованно, нежели штормовать въ океанѣ. Качка была ужасная, нигдѣ нельзя было отыскать мѣста, гдѣ было бы можно лечь или сѣсть спокойно. 20-го августа, на разсвѣтѣ, туманъ пронесло и «Георгій» снова приблизился къ берегу. Около 11-ти часовъ утра открылся мысъ Русскій Заворотъ. Мы шли на глубинѣ отъ 4-хъ до 6-ти саженей, а потому, опасаясь попасть на Печорскія кошки, удалились отъ береговъ и взяли курсъ на островъ Долгій, лежащій къ сѣверо-востоку. На этомъ переходѣ намъ пришлось выдержать настоящій штормъ, во время котораго боцманъ Стрѣлковъ едва не поплатился жизнью. Стрѣлковъ помѣщался въ лѣвой кожуховой каютѣ; въ ней было двѣ койки, расположенныя одна надъ другой; Стрѣлковъ, смѣняясь съ вахты, спалъ на верхней, а внизу лежали его вещи. Сильнымъ ударомъ волны вышибло въ каютѣ полъ и унесло въ море вмѣстѣ съ нижней койкой и вещами Стрѣлкова; самъ же Стрѣлковъ, очутившись висящимъ надъ водой, отдѣлался только испугомъ и холодной ванной. Весь этотъ день и почти всю ночь на 21-е августа насъ трепало немилосердно. О приготовленіи горячей пищи въ камбузѣ нельзя было и думать, и мы ограничивались лишь холодными закусками и чаемъ. Благодаря сильному туману, мы шли уменьшеннымъ ходомъ. Въ этихъ мѣстахъ Ледовитаго океана уже можно было ожидать встрѣчу съ льдами, наносимыми сюда восточными вѣтрами изъ Карскаго моря черезъ Югорскій Шаръ и Карскія Ворота.

Дувшій до того времени сильнѣйшій сѣверо-восточный вѣтеръ началъ переходить къ юго-востоку и туманъ сгустился еще больше. Въ шестомъ часу утра, 21-го августа, туманъ началъ рѣдѣть, минутами выглядывало изъ-за облаковъ солнце и вскорѣ мы увидѣли въ направленіи къ сѣверо-сѣверо-востоку очертанія южной оконечности острова Долгаго. Разсчитывать на продолжительность ясной погоды было невозможно, такъ какъ туманъ наносило полосами: 15—20 минутъ совершенно свѣтло, а затѣмъ, вдругъ, густая пелена тумана непроницаемой мглой окутывала все видимое пространство; поэтому мы не рѣшились слѣдовать проливомъ между островами Долгимъ и Матвѣевымъ, а должны были обогнуть ихъ. Между тѣмъ буря по-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

степенно утихала и барометръ началъ замѣтно подниматься. Въ половинѣ двѣнадцатаго открылся островъ Матвѣевъ, а ровно въ полдень мы его обогнули и, пользуясь ясной погодой, полнымъ ходомъ направились къ Югорскому Шару. Въ морѣ была небольшая зыбь и кое-гдѣ серебрились, освѣщаемые солнцемъ, небольшіе куски плавающаго льда. Эти льдины въ первое время привели насъ въ смущеніе, такъ какъ мы приняли ихъ за авангардъ густой массы полярнаго льда, но тщательный осмотръ горизонта успокоилъ насъ. Въ третьемъ часу пополудни показался едва замѣтный берегъ острова Вайгача. Вокругъ парохода то и дѣло показывались изъ воды головы тюленей и мелькали тутъ и тамъ морскіе зайцы. День установился прекрасный и благопріятное состояніе барометра давало намъ полную надежду безпрепятственно войти въ Карское море, тотчасъ же по окончаніи въ Югорскомъ Шарѣ необходимыхъ исправленій парохода и перемѣны воды въ котлахъ. Не полагаясь на правильность морскихъ картъ, капитанъ безпрестанно дѣлалъ промѣры; глубина колебалась между 7 и 19 саженями. По мѣрѣ приближенія къ Югорскому Шару берега материка и острова Вайгача все болѣе и болѣе сливались въ одну полосу и вскорѣ сдѣлалось невозможнымъ распознать входъ въ проливъ. Слѣдуя заранѣе проложеннымъ курсомъ, капитанъ былъ увѣренъ, что мы прямо идемъ въ проливъ, но для большей безопасности мы рѣшились справиться у самоѣдовъ, чумъ которыхъ виднѣлся близъ берега. «Георгій» остановилъ машину и мы съѣхали на берегъ и направились къ чуму. Цѣлая стая самоѣдскихъ собакъ встрѣтила насъ оглушительнымъ лаемъ, вызвавшимъ самоѣдовъ изъ чума. Къ намъ вышелъ старикъ-самоѣдъ и трое дѣтей; увидя насъ, дѣти бросились бѣжать, а старикъ ввелъ насъ въ чумъ. Самоѣдъ не говорилъ по-русски и въ этомъ случаѣ пришлось прибѣгнуть къ услугамъ Истомина. Самоѣдъ сообщилъ, что то мѣсто, гдѣ стоитъ «Георгій» и есть начало пролива и что въ становищѣ Хабарово стоитъ какое-то парусное судно, а за нѣсколько дней до нашего прихода онъ видѣлъ въ морѣ пароходы. Всѣ эти свѣдѣнія были для насъ крайне интересны, и мы поспѣшили идти въ Хабарово, чтобы подробнѣе узнать объ этихъ пароходахъ, предполагая, что это были «Warna» и «Dyamphna». Прощаясь съ самоѣдомъ, я далъ ему пачку табаку и небольшую бутылку водки; этотъ неожиданный подарокъ привелъ его въ неописанный восторгъ, и онъ, не отводя бутылку отъ рта, тутъ же осушилъ ее. Черезъ нѣсколько минутъ мы были уже на пароходѣ и двинулись дальше по зеркальной поверхности Югорскаго Шара. Справа тянулся безжизненный берегъ материка, а слѣва—угрюмый Вайгачъ. Мы медленно подвигались впередъ, не переставая дѣлать промѣры. Вскорѣ показались впереди огромное деревянное строеніе и мачты паруснаго судна, принятаго нами за «William Barentz». Обогнувъ небольшой мысокъ, «Георгій» бросилъ якорь близъ ста-

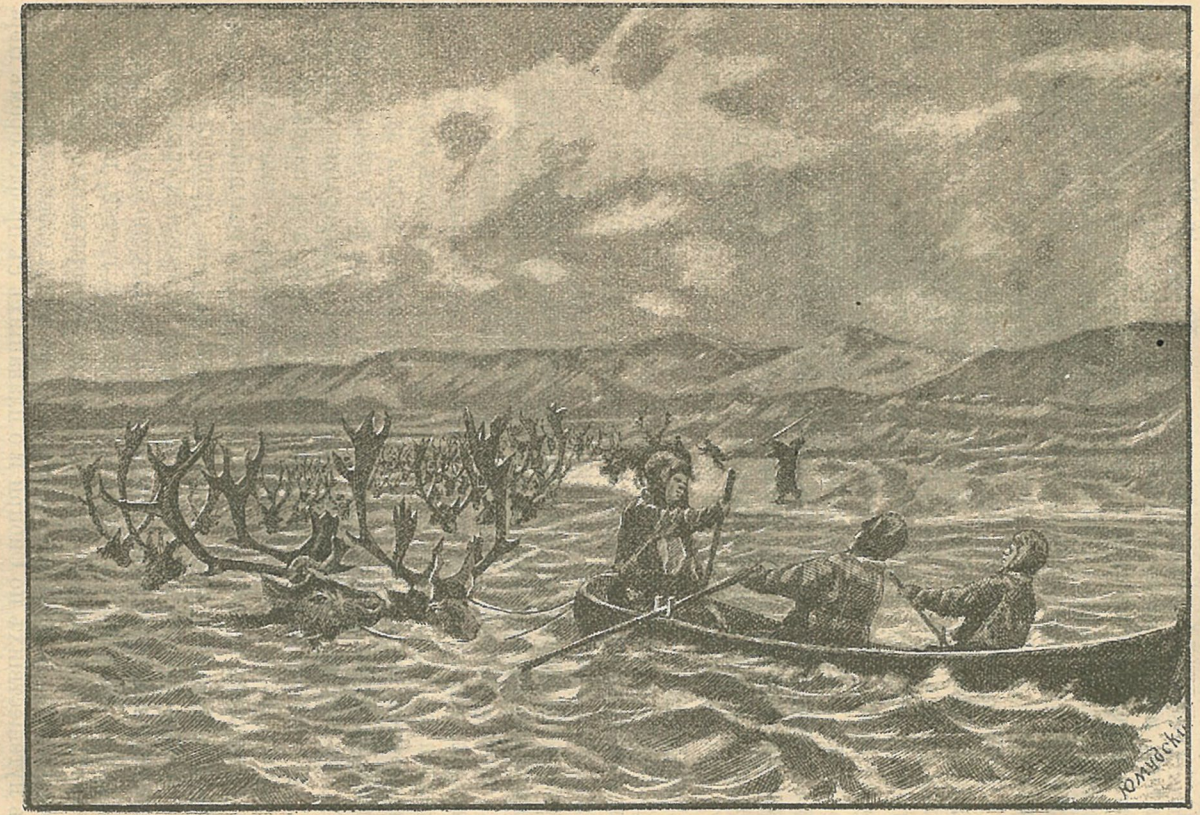
НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

новища Хабарово или Никольскаго. Тотчасъ же къ намъ подошла шлюпка съ двумя пассажирами; прибывшіе оказались норвежцами съ стоявшей тамъ норвежской шхуны «Haabet». Одинъ изъ нихъ былъ капитанъ шхуны, а другой повѣренный Сибирякова, наблюдавшій за постройкой въ Югорскомъ Шарѣ огромнаго амбара для склада товаровъ, назначенныхъ къ отправкѣ въ Сибирь. Амбаръ доставленъ въ Югорскій Шаръ въ разобранномъ видѣ изъ Тромсё въ Норвегіи и снова собранъ норвежскими рабочими. Повѣренный Сибирякова г. Грёнбекъ, говорящій прекрасно по-русски, узнавъ о цѣлѣ нашего плаванія, сообщилъ намъ, что экипажъ парохода «Warna» на шлюпкахъ благополучно достигъ острова Вайгача и здѣсь былъ принятъ на бортъ случайно проходившими пароходами Сибирякова «Норденшильдъ» и «Обь», на которыхъ члены полярной экспедиціи и отправились въ одинъ изъ портовъ сѣверной Норвегіи. По сообщенію экспедиціи, ея пароходъ «Warna» былъ сломанъ льдомъ и пошелъ ко дну, пароходъ же датской полярной экспедиціи «Dymphna» остался во льдахъ и объ его участи не было ничего извѣстно, точно такъ же какъ и объ участи «William Barentz». Получивъ эти свѣдѣнія, мы считали нашу миссію оконченною и рѣшили возвратиться обратно, какъ только окончимъ необходимыя исправленія. Грёнбекъ и капитанъ «Haabet», ознакомившіеся съ рейдомъ становища, указали намъ наиболѣе удобную якорную стоянку. Вслѣдъ за норвежцами одна за другой начали приставать шлюпки съ самоѣдами и русскими промышленниками изъ Пустозерска, пріѣзжающими сюда на лѣто. Вскорѣ палуба «Георгія» переполнилась посѣтителями, засыпавшими вопросами насъ и команду. Съ берега пріѣхалъ еще одинъ норвежецъ Гай, уполномоченный купца, строившаго сибиряковскій амбаръ. Гай также довольно свободно говоритъ по-русски. Работы по сооруженію амбара приходили къ концу и норвежцы торопились скорѣе выбраться изъ Югорскаго Шара, чтобы въ немъ не зазимовать. Чтобы не терять времени на «Георгіи», тотчасъ же принялись за исправленія, разсчитывая на слѣдующій день пуститься въ обратное плаваніе. Погода стояла прекрасная, полнѣйшее безвѣтріе устраняло всякое опасеніе появленія льда изъ Карскаго моря. Промышленники настойчиво увѣряли насъ, что ледъ отогнанъ значительно восточнѣе Югорскаго Шара и что только сильный вѣтеръ можетъ пригнать его, но и то не раньше нѣсколькихъ дней. Мы положились на эти завѣренія старожиловъ и даже предполагали обогнуть восточный берегъ острова Вайгача и выйти въ Ледовитый океанъ черезъ Карскія Ворота. Въ пріятной надеждѣ на скорое возвращеніе, мы легли спать, пользуясь спокойной якорной стоянкой. За ночь погода сильно измѣнилась къ худшему; задулъ сѣверный вѣтеръ и пошелъ проливной дождь, временами вмѣстѣ съ снѣгомъ. Не смотря на отвратительную погоду, я все-таки рѣшился съѣхать

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

на берегъ осмотрѣть становище и пріобрѣсти отъ промышленниковъ шкуры бѣлыхъ медвѣдей и моржевые клыки. Взявъ съ собой Истомина, я на норвежской шлюпкѣ съѣхалъ на берегъ. Становище Хабарово состоитъ изъ нѣсколькихъ плохо сколоченныхъ избушекъ, служащихъ временнымъ пріютомъ для пріѣзжающихъ промышленниковъ. Между избушками врыты въ землю высокіе шесты съ перекладинами, на которыхъ развѣшаны шкуры бѣлыхъ медвѣдей и другихъ звѣрей, промышленныхъ остающимися здѣсь на зиму самоѣдами. Кромѣ этихъ построекъ, тутъ же разбросанъ въ разныхъ мѣстахъ десятокъ самоѣдскихъ чумовъ. Нѣсколько въ сторонѣ выстроена небольшая часовенка, вся увѣшанная образами, жертвованными промышленниками. Въ часовнѣ на особомъ столикѣ положены разной величины восковыя свѣчи и стоимость ихъ обозначена мѣдными монетами, лежащими противъ каждаго сорта свѣчей. Иногда сюда пріѣзжаетъ изъ Пустозерска священникъ и совершаетъ въ часовнѣ богослуженія. Одинъ изъ промышленниковъ выбирается старостой часовни и завѣдуетъ жертвованными деньгами и выручаемыми отъ продажи свѣчей. Вправо отъ становища возвышается огромный деревянный амбаръ, о которомъ я упоминалъ выше. На берегу меня встрѣтилъ одинъ изъ промышленниковъ, Иванъ Александровичъ, фамилію его забылъ, и пригласилъ меня къ себѣ въ избу. Едва мы вошли въ комнату, какъ туда же начали собираться и другіе промышленники, а за ними пожаловали и самоѣды, вообще не упускающіе случая поглазѣть. Здѣшніе самоѣды почти не говорятъ по-русски и только нѣкоторые кое-какъ объясняются ломанымъ русскимъ языкомъ. За то всѣ русскіе промышленники и зыряне говорятъ по-самоѣдски, какъ настоящіе самоѣды. Между собой русскіе промышленники очень часто разговариваютъ по-самоѣдски, особенно если приходится имъ вести дѣла съ людьми незнающими самоѣдскаго языка. Во всемъ остальномъ мѣстные самоѣды почти ничѣмъ не отличаются отъ своихъ новоземельскихъ единоплеменниковъ; та же грязь въ домашней обстановкѣ и въ одеждѣ, та же склонность къ чрезмѣрному употребленію спиртныхъ напитковъ. На сколько я успѣлъ ознакомиться съ самоѣдами въ Югорскомъ Шарѣ, они мнѣ показались значительно менѣе развитыми, нежели новоземельскіе. Граматнаго самоѣда здѣсь нѣтъ ни одного, тогда какъ на Новой Землѣ большинство самоѣдовъ читаетъ и пишетъ по-русски. Что касается благосостоянія и условій жизни, то и въ этомъ отношеніи самоѣды Югорскаго Шара уступаютъ новоземельскимъ. Мѣстные самоѣды находятся въ полной зависимости отъ эксплоатирующихъ ихъ русскихъ промышленниковъ и зырянъ, къ которымъ перешли почти всѣ самоѣдскіе стада оленей. Бывшіе владѣльцы обширныхъ стадъ въ настоящее время за самое ничтожное вознагражденіе служатъ у своихъ эксплоататоровъ въ качествѣ пастуховъ. Промышленники также

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ



Переправа оленей черезъ Югорскій Шаръ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

нанимаютъ раззорившихся самоѣдовъ на зимніе промыслы бѣлыхъ медвѣдей, моржей, тюленей и пр. у береговъ Карскаго моря и Ледовитаго океана. Всю добычу они цѣликомъ представляютъ хозяевамъ, когда послѣдніе пріѣзжаютъ въ Югорскій Шаръ, получая взамѣнъ, иногда очень цѣнной добычи,* самое ограниченное количество пороха и съѣстныхъ припасовъ. Въ тѣсной избушкѣ, переполненной народомъ, сдѣлалось нестерпимо душно и жарко, къ тому же и спицефическіе ароматы самоѣдскаго одѣянія доставляли весьма мало удовольствія, и я поспѣшилъ на воздухъ, чтобы окончить осмотръ становища. Не смотря на дождь, всѣ находившіеся въ избушкѣ промышленники и самоѣды гурьбой слѣдовали за мной. Выйдя изъ комнаты, мнѣ пришлось наблюдать интересное зрѣлище — переправу черезъ проливъ оленьихъ стадъ, пасшихся въ теченіе всего лѣта на островѣ Вайгачѣ и отправляемыхъ на зиму въ тундру. На берегу Вайгача была видна масса оленей, окруженныхъ самоѣдскими собаками; нѣсколько самоѣдовъ сѣли въ лодку, за кормой которой были привязаны два оленя. Какъ только лодка тронулась отъ берега, бывшіе на берегу самоѣды при помощи собакъ начали сгонять оленей въ воду. Въ проливѣ было довольно значительное волненіе и промышленники начали сомнѣваться въ успѣшности переправы. Такъ и случилось; когда стадо, плывшее за привязанными къ лодкѣ оленями, достигло средины пролива, одинъ изъ привязанныхъ оленей оторвался, а вслѣдъ за нимъ и другой, и оба повернули обратно къ Вайгачу, куда повернуло также и остальное стадо. Этимъ и окончились попытки переправить оленей черезъ проливъ и пришлось отложить переправу до болѣе благопріятной погоды. Купивъ нѣсколько медвѣжьихъ шкуръ, я направился къ берегу; моя небольшая шлюпка оказалась на половину наполненной водою. Выкачавъ воду, Истоминъ взялся за весла, а я сѣлъ на руль. Волненіе было сильное, и мы то и дѣло черпали воду, то носомъ, то бортами; приходилось безпрерывно отливать воду изъ шлюпки; мы оба промокли до костей, а до парохода было не близко; почти на половинѣ пути обломались у нашей шлюпки обѣ уключины и насъ едва не опрокинуло. Съ большимъ трудомъ намъ удалось добраться до норвежской шхуны, стоявшей къ берегу ближе нашего парохода. На шхунѣ исправили уключины у шлюпки, и мы, промокшіе и прозябшіе, благополучно возвратились на «Георгій». Въ каютѣ я засталъ норвежскихъ гостей, пріѣхавшихъ приглашать насъ къ себѣ на шхуну, но мы уговорили ихъ остаться съ нами обѣдать. За обѣдомъ Грёнбекъ очень много разсказывалъ о своихъ путешествіяхъ по Сибири и о плаваніяхъ съ профессоромъ Норденшильдомъ. По окончаніи постройки амбара, Грёнбекъ предполагалъ отправиться въ Обдорскъ на оленяхъ, ожидавшихъ его въ Югорскомъ Шарѣ. Въ то время какъ мы сидѣли въ каютѣ, вѣтеръ крѣпчалъ все больше и больше и къ вечеру достигъ почти степени

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

шторма отъ нордъ-оста. Температура сильно понизилась и въ темнотѣ можно было различать бѣлыя полосы льда, плывшія по проливу въ направленіи къ западу. Для предосторожности отдали второй якорь и начали разводить пары, чтобы быть готовыми ко всякимъ случайностямъ.

Мы надѣялись уйти изъ Югорскаго Шара рано утромъ 23-го августа, но сбыться этимъ надеждамъ не пришлось. Около полуночи мы, сидя въ каютѣ, почувствовали довольно сильный толчекъ и въ теченіе нѣсколькихъ секундъ дрожаніе всего парохода. О происхожденіи толчка нетрудно было догадаться даже въ первый моментъ; мы бросились на верхъ и глазамъ представилась слѣдующая картина: весь Югорскій Шаръ былъ переполненъ огромными льдинами, быстро и съ шумомъ несшимися отъ востока къ западу; ближайшая къ пароходу часть пролива также уже начала наполняться льдинами, изъ которыхъ одна съ силою ударилась о корпусъ «Георгія»; норвежская шхуна «Haabet» была почти со всѣхъ сторонъ окружена льдинами и сообщеніе съ нею сдѣлалось невозможнымъ. Капитанъ шхуны и Гай уѣхали съ парохода вскорѣ послѣ обѣда, а Грёнбекъ провелъ съ нами всю роковую ночь на 23-е августа. Положеніе колеснаго «Георгія» среди этой съ ревомъ движущейся массы полярнаго льда, съ минуты на минуту становилось все болѣе и болѣе критическимъ и неизбѣжность катастрофы вскорѣ сдѣлалась очевидною. Наибольшей силы штормъ достигъ около пяти часовъ утра 23-го августа; быстрое теченіе изъ Карскаго моря и жестокій нордъ-остъ гнали по проливу огромнѣйшія льдины, громоздившіяся одна на другую и съ страшнымъ шумомъ разбивавшіяся другъ о дружку. Въ пятомъ часу утра якорныя цѣпи шхуны «Haabet» не устояли подъ напоромъ льда и шхуну начало дрейфовать и вскорѣ сорвало съ якорей и понесло къ берегу; помочь «Haabet» мы не имѣли никакой возможности, такъ какъ сами находились въ положеніи въ сто разъ худшемъ, нежели норвежцы, и съ минуты на минуту ожидали ихъ участи. Ровно въ 5 часовъ 15 минутъ утра лопнула цѣпь праваго якоря, и «Георгій» начало медленно сносить къ западу; черезъ четверть часа лопнула вторая цѣпь. Намъ остался одинъ исходъ для спасенія экипажа и парохода—это всѣми силами стараться выброситься на берегъ, въ противномъ случаѣ намъ угрожала неминуемая гибель, если бы «Георгій» унесло въ океанъ вмѣстѣ со льдомъ. Въ пять съ половиною часовъ былъ поставленъ парусъ и машинѣ данъ полный ходъ. Не смотря на то, что послѣ первыхъ же оборотовъ колесъ ихъ лопатки обратились въ щепы отъ ударовъ о льдины, благодаря парусу и отчаянной работѣ, хотя и обломанныхъ колесъ, намъ удалось выброситься на песчаную мель, футахъ въ тридцати отъ берега. Наше положеніе было не изъ завидныхъ; значительное движеніе полярнаго льда наводило насъ на мысль о возможности

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

окончательнаго наступленія зимы; кромѣ того, тревожила насъ неизвѣстность въ какомъ состояніи корпусъ и машина «Георгія» послѣ столькихъ ударовъ о льдины. Но пуще всего насъ пугала возможность зимовки въ Югорскомъ Шарѣ, или возвращенія обратно сухимъ путемъ черезъ тундру, безъ теплой одежды для команды и достаточнаго количества съѣстныхъ припасовъ. Штормъ съ сильнымъ дождемъ и снѣгомъ продолжался до самаго вечера и масса льда самыхъ причудливыхъ очертаній не переставала двигаться нескончаемой панорамой передъ нашими глазами. Было особенно красиво, когда быстро несущаяся по проливу высокая льдина наскакивала на мель и съ сильнымъ трескомъ валилась въ воду вся ея надводная часть, поднимая цѣлую тучу брызгъ и мелкихъ ледяныхъ осколковъ. Когда въ насъ улеглось первое впечатлѣніе происшедшей катастрофы, было приступлено къ осмотру поврежденій. Къ нашему счастію всѣ они оказались исправимыми, имѣвшимися у насъ подъ руками средствами. Подводная часть «Георгія» почти не потерпѣла при аваріи и только въ одномъ или двухъ мѣстахъ были найдены незначительныя углубленія отъ ударовъ льда. Но чему больше всего досталось, такъ это лопастямъ. На обоихъ колесахъ не нашлось ни одной цѣлой лопасти и нѣкоторые желѣзные прутья колесъ были значительно согнуты. Весьма серьезную утрату составляла потеря обоихъ якорей, безъ которыхъ нельзя было и думать объ обратномъ плаваніи. Хотя у якорей и были буйки, по которымъ можно было отыскать ихъ мѣстонахожденіе, но могло случиться, что буйки могли быть сорваны и унесены льдомъ. Къ вечеру, протискиваясь между льдинами, пріѣхали къ намъ норвежцы и промышленники; первые такъ же, какъ и мы, были не особенно веселы при тогдашней неприглядной обстановкѣ и мрачномъ будущемъ. Часамъ къ восьми вечера штормъ началъ стихать и уровень воды въ проливѣ нѣсколько понизился, ледъ продолжалъ двигаться массою. Въ теченіе всей ночи и на слѣдующій день погода мало измѣнилась, хотя вѣтерь и значительно стихъ, но ненастье, холодъ и ледоходъ продолжались. Въ надеждѣ на скорое окончаніе ледохода, было рѣшено на слѣдующій день приступить съ помощью самоѣдовъ къ выгрузкѣ парохода и затѣмъ пытаться сняться съ мели. Съ вечера были наняты самоѣды съ лодками для выгрузки угля, а съ ранняго утра 24-го августа на пароходѣ закипѣла работа. Если на «Георгіи» царила необыкновенная грязь во время нагрузки угля въ Архангельскѣ, то трудно описать, что творилось на немъ теперь. Угольная пыль проникала положительно всюду и черезъ нѣсколько времени «Георгій» казался какъ бы покрытымъ трауромъ. Изъ трюмовъ уголь выгружали въ лодки, а изъ нихъ уже на берегъ. Самоѣды работали вяло и требовали постоянныхъ понуканій. Въ этотъ день выгрузку продолжали до одиннадцати часовъ вечера. Ледоходъ не прекращался и

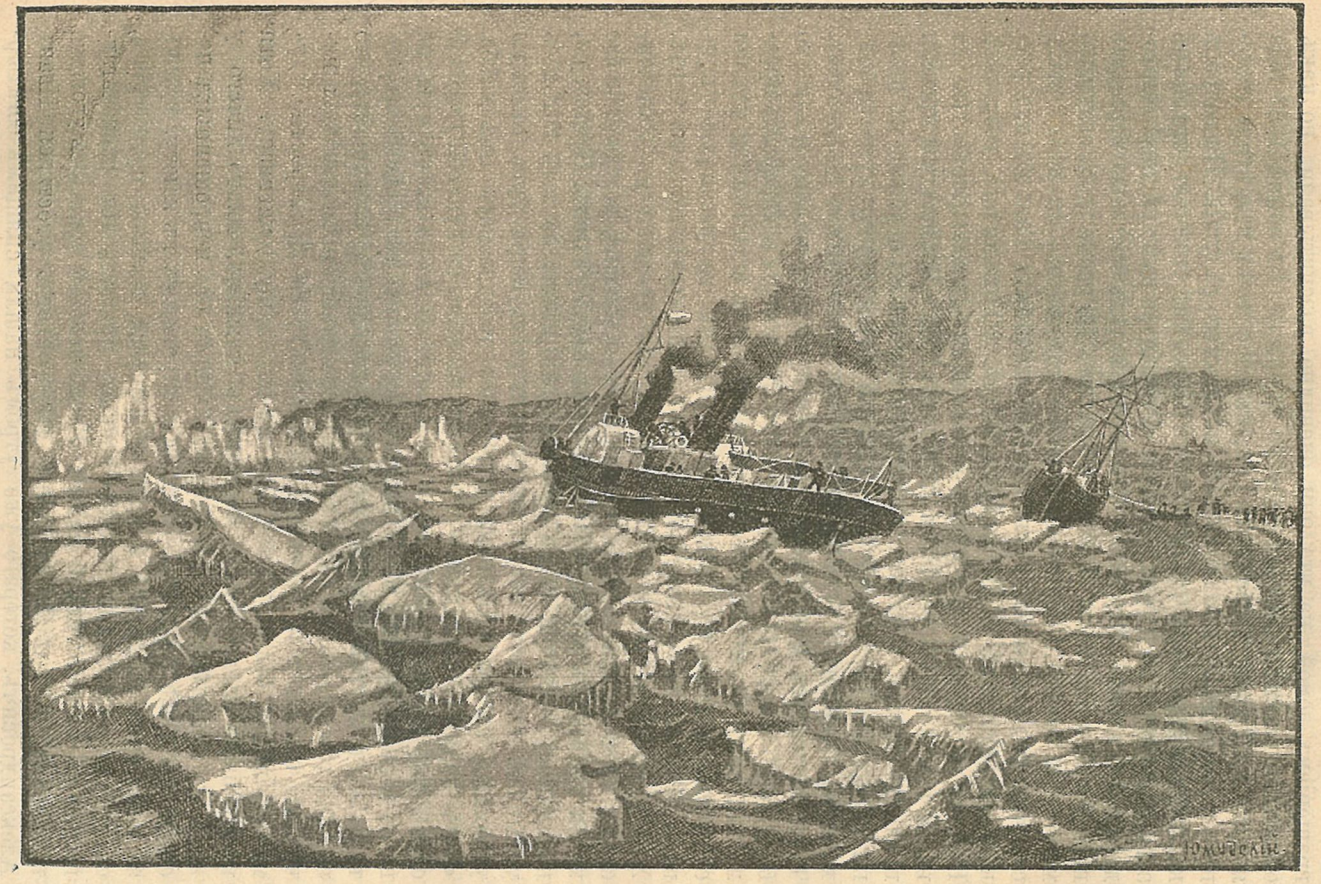
НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

25-го августа. Опасаясь зазимовать съ «Георгіемъ» въ Югорскомъ Шарѣ и пропустить возможность своевременно возвратиться въ Архангельскъ, я объявилъ своимъ спутникамъ, что свои обязательства къ голландскому полярному комитету я считаю выполненными, а потому, если черезъ два дня окончательно не выяснится вопросъ о возможности снять «Георгій» съ мели и идти обратно, то я предприму путешествіе черезъ тундру и для этой цѣли послалъ нарочнаго къ самоѣдамъ, кочевавшимъ съ оленями въ 25 верстахъ отъ Хабарова, чтобы условиться съ ними насчетъ доставленія меня въ Пустозерскъ. За это спутники мои обрушились на меня цѣлымъ градомъ упрековъ, но, не смотря на это, я все-таки не оставилъ своего рѣшенія, которому, однако, не суждено было осуществиться. Въ ночь съ 25-го на 26-е августа замѣтили, что ледъ въ проливѣ остановился; мы не знали радоваться ли этому или нѣтъ, такъ какъ остановка льда могла быть для насъ и полезной и пагубной: въ первомъ случаѣ можно было ожидать обратнаго движенія льда въ Карское море, а во второмъ—даже легкій морозъ могъ сковать Югорскій шаръ ледяными оковами и оставить здѣсь «Георгій» на зиму. Къ утру 26-го августа ледъ пошелъ обратно изъ Ледовитаго океана въ Карское море; обратный ледъ шелъ уже нетакою густой массой и самъ по себѣ былъ чрезвычайно рыхлый, разъѣденненный соленой водой океана. Въ Карскомъ морѣ ледъ необыкновенно прозраченъ и крѣпокъ, такъ какъ вода въ Карскомъ морѣ, благодаря впадающимъ въ него огромнымъ сибирскимъ рѣкамъ, чрезвычайно прѣсна и иногда употребляется для питья. Гуляя по берегу, на каждомъ шагу можно было наткнуться на большія глыбы льда, выброшенныя волненіемъ; ледъ былъ настолько рыхлый, что достаточно было неособенно сильнаго удара палкой, чтобы онъ разсыпался какъ кусокъ снѣга. Весь ближайшій къ становищу берегъ былъ усѣянъ обломками лопастей «Георгія». Одновременно съ выгрузкой угля исправлялись кожухи и лопасти подъ наблюденіемъ старшаго машиниста. Послѣ долгихъ поисковъ потерянныхъ якорей, капитану Нейману наконецъ удалось отыскать одинъ изъ нихъ и этимъ значительно облегчить снятіе «Георгія» съ мели. На другой день, 27-го августа, весь уголь былъ выгруженъ и капитанъ попробовалъ сняться съ мели; завезли якорь, развели пары и при помощи паруса разсчитывали двинуться съ мѣста. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ сойти съ мели, «Георгій» началъ наконецъ медленно подаваться назадъ и черезъ нѣсколько минутъ подъ килемъ была уже значительная глубина. Всѣ вздохнули свободнѣе и на душѣ стало радостнѣе. Норвежцы сошли съ мели раньше насъ и тотчасъ же, какъ только увидѣли «Георгія» на свободной водѣ, пріѣхали насъ поздравлять. Сооруженіе амбара окончилось, норвежцамъ было необходимо спѣшить во-свояси, почему капитанъ «Haabet» усердно просилъ насъ выбуксировать его шхуну изъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Югорскаго Шара въ океанъ. Во время аваріи «Георгія», норвежцы оказывали намъ не мало услугъ, такъ что мы охотно согласились исполнить ихъ просьбу. Количество льда въ проливѣ съ каждымъ днемъ все уменьшалось, а вмѣстѣ съ тѣмъ возростала надежда на скорый выходъ изъ Югорскаго Шара. Какъ только «Георгій» сошелъ съ мели, на него начали снова грузить уголь, явившійся единственной помѣхой немедленному плаванію. Въ этотъ день передъ вечеромъ на берегу раздалась учащенная пальба изъ ружей. Оказалось, что въ проливъ входятъ большіе карбасы промышленниковъ, пришедшихъ изъ устьевъ Печоры, чтобы забрать изъ Югорскаго Шара рабочихъ и продукты ихъ промысловъ. Съ карбасовъ также отвѣчали ружейными выстрѣлами. Карбасы, числомъ четыре, шли подъ парусами, медленно и осторожно пробираясь между льдинами. Все хабаровское населеніе высыпало на берегъ встрѣчать земляковъ и еще далеко отъ берега обмѣнивалось взаимными привѣтствіями съ прибывшими. Я также съѣхалъ на берегъ, чтобы узнать отъ пріѣхавшихъ о состояніи льда въ океанѣ. Пустозеры сообщили мнѣ, что море совершенно свободно отъ льда и только близъ Вайгача плаваетъ еще значительное количество разбитаго льда. Прибывшіе карбасы провели въ пути отъ устьевъ Печоры до Югорскаго Шара болѣе мѣсяца, отстаиваясь отъ непогодъ и противныхъ вѣтровъ въ Хайпудырской губѣ и у острововъ Долгаго и Матвѣева. Между прибывшими находился ветеранъ-промышленникъ, много лѣтъ посѣщавшій Новую Землю, Вайгачъ и Карское море; этотъ старикъ сразу узналъ нашъ «Георгій» на которомъ онъ служилъ лоцманомъ, когда «Георгій» еще плавалъ по рѣкѣ Печорѣ, для которой и былъ построенъ, кажется, по заказу покойнаго М. К. Сидорова. Всѣ карбасы были сверху до низу загромождены всевозможнымъ скарбомъ самоѣдскаго домашняго обихода и провизіей для самоѣдовъ, остающихся на зимніе промыслы на Вайгачѣ и въ нѣкоторыхъ пунктахъ побережья Карскаго моря. На палубахъ тѣснились самоѣдскія семьи, тутъ же заливались громкимъ лаемъ десятки самоѣдскихъ собакъ, обрадованныхъ окончаніемъ необычнаго для нихъ путешествія. Съ прибытіемъ карбасовъ у промышленниковъ и самоѣдовъ появилась водка, первоначальные запасы которой давно уже истощились и въ послѣднее время они получали за разныя услуги небольшія порціи водки отъ насъ и отъ норвежцевъ. На берегу въ становищѣ царило полное оживленіе; въ избушкахъ промышленниковъ слышалась пѣсня, а изъ чумовъ доносилась брань перепившихся самоѣдовъ, отказавшихся въ этотъ вечеръ отъ погрузки угля. Рано утромъ, 28-го августа, команда «Георгія» снова приступила къ погрузкѣ угля на пароходъ; самоѣды же отсутствовали. Къ завтраку мы были приглашены на шхуну «Haabet», въ каютѣ которой гостепріимные норвежцы предложили намъ всѣ деликатесы ихъ морской провизіи

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ



Катастрофа 22 августа 1883 г.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

и напитковъ; щедрость эту можно объяснить только близкимъ возвращеніемъ домой, на что они очевидно разсчитывали, но какъ оказалось впослѣдствіи совершенно напрасно. Въ концѣ 1883 года я былъ въ Тромсё и посѣтилъ Гая; въ его семьѣ я встрѣтилъ гостепріимство полное скандинавскаго искренняго радушія. На вопросъ какъ онъ возвратился изъ Югорскаго Шара, Гай отвѣчалъ, что они съ завистью смотрѣли на удалявшійся «Георгій», а имъ пришлось, благодаря противнымъ вѣтрамъ, почти шесть недѣль безцѣльно бороздить негостепріимныя воды Ледовитаго океана. Во время этого полуторомѣсячнаго плаванія норвежцы терпѣли недостатокъ въ нѣкоторыхъ съѣстныхъ припасахъ. Тутъ я шутя напомнилъ Гаю объ ихъ роскошномъ завтракѣ въ Югорскомъ Шарѣ. «О это ничего, возразилъ Гай, за то мы васъ все время вспоминали съ благодарностью за вашъ чай, который вы намъ подарили». На «Haabet» мы провели время до вечера, а затѣмъ вмѣстѣ съ хозяевами перешли къ намъ на «Георгій». На палубѣ мы застали почти всѣхъ пустозеровъ-хозяевъ, явившихся съ предложеніемъ различныхъ продуктовъ. Тутъ же жались и самоѣды, спрятавъ руки подъ малицу и какъ-то безучастно глядя на все окружающее. Пустозеры наперерывъ предлагали намъ различные вопросы, начиная съ политики и кончая существовавшими въ Архангельскѣ цѣнами на различные припасы. Больше всего интересовали ихъ архангельскія цѣны на хлѣбъ. Хлѣбъ, сплавляемый по рѣкѣ Печорѣ, для продажи въ Запечорскомъ краѣ Архангельской губерніи, обыкновенно, всегда дешевле хлѣба въ самомъ Архангельскѣ и остальныхъ уѣздахъ. Пустозеры, повидимому, отлично знали архангельскія цѣны, но имъ хотѣлось услышать ихъ отъ насъ, чтобы присутствующіе тутъ самоѣды убѣдились въ сравнительной дешевизнѣ продаваемаго имъ хлѣба. «Вотъ видите, самоѣдики,—обратился къ нимъ съ лукавой улыбкой одинъ изъ промышленниковъ,—въ Архангельскѣ-то хлѣбъ чуть не вдвое дороже нашего, а вы жалуетесь, что мы васъ обижаемъ, къ тому жъ и другой товаръ тамъ подороже нашего; послушайте, что господа говорятъ». На слова хитраго промышленника самоѣды ничего не отвѣчали и, переглядываясь между собой, вѣроятно, думали — ладно, братъ, болтай, знаемъ мы вашу дешевизну. Хотя кромѣ пары плохенькихъ моржовыхъ клыковъ, никто ничего у нихъ не купилъ, тѣмъ неменѣе избавиться отъ непрошенныхъ посѣтителей было не легко. Когда мы спустились въ каюту, вслѣдъ за нами одна за другой начали появляться малицы пустозеровъ, очень непринужденно и безъ всякаго приглашенія располагавшихся въ нашей тѣсной каютѣ. Волей-неволей пришлось угощать ихъ чаемъ и водкой. Особенно добросовѣстно угостился Иванъ Александровичъ, котораго уже утромъ нашли спящимъ богатырскимъ сномъ на машинномъ люкѣ. На слѣдующее утро погрузка угля была окончена; кожухи и колеса приведены снова въ вполнѣ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

исправное состояніе, и «Георгій» былъ совершенно готовъ къ выходу въ море. 29-го августа намъ не удалось выйти изъ Югорскаго Шара, изъ опасенія поломать лопасти о плавающій въ проливѣ ледъ, и мы отложили отплытіе до слѣдующаго дня. Въ этотъ же день отправлялся въ путь и Грёнбекъ, а еще черезъ нѣсколько дней предполагали оставить Хабарово и промышленники, уѣзжающіе отсюда частью на оленяхъ черезъ тундру, частью же моремъ на карбасахъ. Такимъ образомъ, въ первыхъ числахъ сентября людная хабаровская колонія должна была опустѣть до будущаго года. Остававшіеся въ становищѣ самоѣды при первыхъ же морозахъ начнутъ свои зимніе промыслы и также разбредутся изъ Хабарова. Я съѣхалъ на берегъ, гдѣ Грёнбекъ хлопоталъ около своего своеобразнаго каравана, укладывая въ небольшія сани свой багажъ и провизію; самоѣды, нанятые Грёнбекомъ, также разбирали и укладывали въ сани чумъ, для ночлега и остановокъ во время предстоявшаго имъ длиннаго пути до Обдорска. Этотъ путь изобиловалъ всевозможными неудобствами, такъ какъ тундра еще не промерзла и приходилось ѣхать въ саняхъ прямо по болоту. На особыхъ саняхъ укрѣплена была небольшая лодка для переправы черезъ рѣки. Видя приготовленія къ осеннему путешествію по тундрѣ и слушая разсказы Грёнбека объ испытанныхъ имъ раньше прелестяхъ подобныхъ путешествій, я въ душѣ былъ очень радъ, что не поторопился исполнить свое намѣреніе ѣхать въ Пустозерскъ на оленяхъ. Всѣ неудобства, испытанныя мною во время трепанія въ океанѣ нашего «Георгія», совершенно блѣднѣютъ при сравненіи ихъ съ лишеніями, сопряженными съ путешествіями по тундрамъ. Грёнбекъ избралъ этотъ путь по необходимости, такъ какъ пароходы «Обь» и «Норденшильдъ» не могли проникнуть въ устья сибирскихъ рѣкъ, а на одномъ изъ этихъ пароховъ и долженъ былъ отправиться Грёнбекъ. Погода съ утра стояла отвратительная; густой туманъ окутывалъ окрестности и нѣсколько разъ начинался проливной дождь, а въ промежуткахъ падалъ снѣгъ большими хлопьями. Туманъ не позволялъ наблюдать за состояніемъ льда въ проливѣ; вслѣдствіе этого, капитанъ Нейманъ нѣсколько разъ выѣзжалъ на шлюпкѣ, по возможности дальше отъ берега, и всякій разъ возвращался съ неутѣшительными свѣдѣніями: ледъ продолжалъ идти еще въ значительной массѣ. Тѣмъ не менѣе капитанъ рѣшилъ во что бы то ни стало попытаться уйти въ море, о чемъ былъ предупрежденъ и капитанъ норвежской шхуны «Haabet». Вечеръ мы снова провели съ норвежцами и постарались раньше лечь спать, такъ какъ никто изъ насъ не разсчитывалъ на спокойный сонъ въ океанѣ. У всѣхъ насъ было одно желаніе поскорѣе возвратиться въ Архангельскъ, такъ какъ безцѣльное и бездѣятельное пребываніе въ Югорскомъ Шарѣ успѣло всѣмъ опротивѣть, а жизнь въ постоянномъ страхѣ за завтрашній день совсѣмъ не

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

располагала къ дальнѣйшему пребыванію въ немъ. Подъ вліяніемъ овладѣвшаго нами желанія поскорѣе выбраться изъ негостепріимнаго Югорскаго Шара, мы почти не думали способенъ ли «Георгій» послѣ выдержанной имъ во льду аваріи, благополучно совершить переходъ по океану, да еще въ такое позднее время года. Впрочемъ, и лучше что мы были свободны отъ этихъ сомнѣній, такъ какъ все равно не было другихъ средствъ доставить команду изъ Югорскаго Шара въ Архангельскъ. Только въ крайнемъ случаѣ, еслибы оказалось невозможнымъ снять «Георгій» съ мели, его экипажу предстояло бы совершить путешествіе черезъ тундру пѣшкомъ, а при нашихъ запасахъ одежды и провизіи едва ли многіе возвратились бы домой. А съ другой стороны не малая опасность грозила намъ въ томъ случаѣ, если бы на обратномъ пути «Георгію» пришлось не только снова выбрасываться на берегъ, но даже потерпѣть аварію, требующую посторонней помощи. Острова въ этой части Ледовитаго океана и тысячеверстное океанское восточное побережье Архангельской губерніи совершенно безлюдны, а поздней осенью нельзя разсчитывать встрѣтить на нихъ и случайныхъ обитателей-промышленниковъ. Откровенно говоря, эта мрачная перспектива представилась мнѣ уже по возвращеніи въ Архангельскъ, а во время плаванія, какъ это всегда бываетъ въ морѣ, я жилъ только настоящимъ, тотчасъ же забывая перенесенныя невзгоды и не думая о будущихъ опасностяхъ.

Ночью погода начала улучшаться; дождь совершенно прекратился, вѣтеръ стихъ и начало слегка морозить. Во вторникъ, 30-го августа, къ разсвѣту, паръ въ машинѣ былъ готовъ; оставалось только обождать пока разсѣется утренній довольно густой туманъ, чтобы сняться съ якоря. На палубѣ толпились пріѣхавшіе проститься съ нами промышленники и самоѣды. Вскорѣ пріѣхалъ Грёнбекъ и капитанъ шхуны «Haabet», чтобы окончательно сговориться относительно буксировки. На берегу виднѣлась вереница нагруженныхъ самоѣдскихъ саней, у которыхъ уныло стояли упряжные олени, предчувствуя дальнюю дорогу и съ лаемъ суетились собаки — это былъ караванъ Грёнбека, совершенно готовый тронуться въ путь. Капитанъ «Haabet» вскорѣ простился съ нами и возвратился на шхуну, на палубѣ которой видна была оживленная дѣятельность команды, приводившей такелажъ въ окончательную готовность къ обратному продолжительному океанскому плаванію. Въ шестомъ часу утра туманъ начало проносить и изъ-за небольшихъ облаковъ показалось солнце, освѣтившее своими лучами, покрытые серебристымъ инеемъ, оба берега пролива. Особенно красиво играли солнечные лучи на плывшихъ посединѣ пролива ледяныхъ глыбахъ. Прекрасная, совершенно безвѣтренная погода способствовала общему радостному настроенію нашего экипажа; всѣ приняли праздничный видъ, позабывъ, со свойственной рус-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

скому человѣку скоростью, всѣ невзгоды пережитыхъ дней. Русскіе промышленники поздравляли насъ съ благополучнымъ исходомъ нашихъ неудачъ и не скупились на обильныя пожеланія счастливаго плаванія и возвращенія въ Архангельскъ. Одни только самоѣды какъ-то тупо, безучастно смотрѣли своими узенькими глазами на все окружающее; невозможно было прочитать на ихъ плоскихъ лицахъ—жаль ли имъ разставаться съ нами и особенно съ норвежцами, къ которымъ они нѣсколько привыкли и отъ нихъ, какъ и отъ насъ, получили кой-какой заработокъ, или что другое чувствовалось подъ этими грязными малицами...

Не теряя благопріятнаго времени, распростившись и проводивши посѣтителей на берегъ, начали сниматься съ якоря. Послышалось мѣрное бряцаніе выхаживаемаго якорнаго каната; на норвежской шхунѣ раздавалась громкая команда капитана и черезъ нѣсколько минутъ, когда былъ поданъ буксиръ, изъ-подъ пароходныхъ кожуховъ, одинъ за другимъ, начали показываться пѣнистые гребни, поднимаемой колесами воды. Давать машинѣ полный ходъ оказалось еще невозможно, такъ какъ навстрѣчу попадалось значительное количество отдѣльно плавающихъ крупныхъ льдинъ; поэтому «Георгій» и за нимъ «Haabet» медленно пробирались между льдинами на середину пролива. Грёнбекъ, имѣя у насъ за кормой свою шлюпку съ гребцами-самоѣдами, оставался еще нѣкоторое время на палубѣ, а затѣмъ, обмѣнявшись взаимными пожеланіями счастливаго пути, съѣхалъ на берегъ. Команды нашего парохода и норвежской шхуны съ длинными шестами расположились по бортамъ обоихъ судовъ, отводя отъ нихъ встрѣчныя небольшія льдины, болѣе же крупныя должны были огибать, лавируя въ проливѣ, что было крайне неудобно, имѣя на буксирѣ парусное судно. Пока туманъ снова не заволокъ береговъ, мы съ парохода могли видѣть напутствовавшихъ насъ Грёнбека и другихъ временныхъ обитателей Югорскаго Шара; на магазинномъ флагштокѣ развѣвался небольшой русскій флагъ, которымъ намъ салютовали съ берега. Также намъ было видно, какъ Грёнбекъ усаживался въ своемъ не особенно удобномъ экипажѣ и какъ тронулся въ путь его немногочисленный караванъ. Не долго пришлось намъ пользоваться свѣтлой погодой; быстро наступали сумерки короткаго полярнаго дня и горизонтъ все болѣе и болѣе заволакивался мглой; берега материка и Вайгача скрылись и намъ необходимо было торопиться выйти изъ льдовъ на свободную воду. Чѣмъ ближе мы подходили къ островамъ Долгому и Матвѣеву, тѣмъ рѣже попадались полосы плавающаго льда и вскорѣ, когда въ сумеркахъ показались очертанія этихъ острововъ, капитанъ Нейманъ старался поскорѣе выйти въ открытый океанъ и, при усилившемся волненіи, не считая удобнымъ продолжать дальнѣйшую буксировку шхуны «Haabet», предупредивъ объ этомъ ея капитана, приказалъ отдать буксиръ и, обмѣнявшись съ оставляемой шхуной прощаль-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

нымъ салютомъ флагомъ, нѣсколько измѣнилъ курсъ, чтобы обогнуть островъ Долгій и пройти между нимъ и Матвѣевымъ. На «Наабет» поставили паруса, и она вскорѣ скрылась изъ виду. Между островами кое-гдѣ виднѣлась бѣлая пѣна буруновъ и слѣдованіе этимъ курсомъ требовало большой осмотрительности и осторожности. Постоянные промѣры показывали наибольшую глубину въ четыре сажени, тогда какъ на морскихъ картахъ эти самые мѣста отмѣчены глубиною въ пятнадцать саженей и на нихъ нѣтъ ровно никакихъ указаній на присутствіе здѣсь подводныхъ камней, благодаря чему въ тихую погоду, когда не видно буруновъ, очень не трудно выскочить на эти камни. Вообще слѣдуетъ сказать, что гидрографія этихъ мѣстъ сильно страдаетъ; прошли десятки лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ дѣлались промѣры и описанія береговъ, а между тѣмъ въ послѣднее время, при начинающемся усиленномъ развитіи морскихъ торговыхъ сношеній европейскихъ рынковъ съ сибирскими, морской путь въ Сибирь пріобрѣтаетъ особое значеніе и требуетъ болѣе тщательнаго его изслѣдованія въ гидрографическомъ отношеніи. Благополучно пройдя проливомъ между островами въ открытый океанъ, мы встрѣтили свѣжій западный вѣтеръ и порядочную зыбь. Взяли курсъ на WSW ½ W и направились прямо къ острову Колгуеву. Ночью спустился густой туманъ и иногда выпадали дождь и снѣгъ. Въ среду, 31-го августа, вѣтеръ перешелъ къ юго-западу и быстро свѣжѣлъ, разводя сильное волненіе. Качка сдѣлалась невыносимой, и мы спѣшили къ Колгуеву, чтобы за нимъ укрыться, опасаясь потерять кожухи колесъ. Весь день 31-го августа и ночь на 1-е сентября «Георгій» трепало немилосердно; мы оставались безъ горячей пищи, такъ какъ на плитѣ камбуза не было возможности удержать какую-либо посуду. Въ пятомъ часу утра сдѣлалось немного яснѣе. Опасаясь въ туманѣ выскочить на землю, мы были принуждены идти уменьшеннымъ ходомъ, что еще больше увеличивало размахи качки. Къ половинѣ восьмого горизонтъ нѣсколько очистился отъ тумана и не вдалекѣ отъ насъ показалась южная оконечность острова Колгуева; лотъ показывалъ глубину въ тридцать футъ. Благодаря быстро стихавшему вѣтру и значительно уменьшившемуся волненію, мы больше не нуждались въ прикрытіи острова Колгуева и въ девятомъ часу утра взяли курсъ на мысъ Канинъ. Послѣ полудня, небо сдѣлалось совершенно яснымъ, вѣтеръ окончательно стихъ и только небольшая зыбь напоминала о прошедшей бурѣ. «Георгій» бороздилъ послѣднія мили такъ недружелюбно насъ принявшаго Ледовитаго океана; за Канинымъ Носомъ открывается Бѣлое море, а въ немъ уже чувствуется легче и, войдя въ него, каждый изъ насъ вздохнетъ свободнѣе. Въ шесть часовъ вечера на горизонтѣ показался едва замѣтный контуръ Канина, а около трехъ часовъ утра, 2-го сентября, мы были на его траверзѣ и перемѣнили курсъ на Городецкій

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

маякъ. Дальнѣйшее плаваніе по Бѣлому морю прошло вполнѣ спокойно при хорошей погодѣ и ничѣмъ особеннымъ не отличалось. Чѣмъ ближе мы подходили къ устьямъ Сѣверной Двины, тѣмъ радостнѣе дѣлалось настроеніе нашей команды; на палубѣ, по обыкновенію пустынной въ океанѣ, теперь толпилась почти вся наша команда; слышались смѣхъ, шутки, остроты. Наконецъ, 3-го сентября «Георгій» вошелъ въ Двину; попутный вѣтеръ позволилъ поставить парусъ. Покрытые зеленью двинскіе берега казались намъ роскошными южными пейзажами въ сравненіи съ недавно покинутыми угрюмыми берегами Вайгача и пустынной тундры. Въ два съ половиною часа пополудни «Георгій» застопорилъ машину и тихо подошелъ къ своей пристани въ Соломбалѣ; вся команда набожно крестилась; на всѣхъ лицахъ выражалась только одна радость и, сказать правду, было чему радоваться, такъ какъ безъ серьезныхъ опасеній трудно было надѣяться на благополучное окончаніе осенняго плаванія по Ледовитому океану на старомъ колесномъ буксирномъ пароходѣ. Въ Архангельскѣ же начали тревожиться о нашемъ долгомъ отсутствіи, такъ какъ тамъ, едва ли не на другой день послѣ нашего отплытія, сдѣлалось извѣстно о прибытіи въ Норвегію членовъ голландской полярной экспедиціи; пароходъ же Сибирякова, «Обь», мы застали въ Архангельскѣ.

Черезъ двѣ недѣли послѣ возвращенія моего изъ этого плаванія, мнѣ снова пришлось качаться по волнамъ Бѣлаго моря и Ледовитаго океана, направляясь въ Норвегію, а оттуда также моремъ въ Голландію. Во время этой поѣздки я встрѣтился въ норвежскомъ городѣ Вардё съ датской полярной экспедиціей, тогда только-что возвратившейся изъ Карскаго моря на пароходѣ «Dyamphna», а въ Амстердамѣ познакомился съ нѣкоторыми членами голландской полярной экспедиціи съ погибшаго парохода «Warna». Здѣсь я вкратцѣ изложу интересныя подробности о пребываніи въ полярныхъ льдахъ обѣихъ экспедицій, записанныя мною со словъ ихъ начальниковъ, лейтенанта А. Ховгарда и доктора Снелленъ.

М. Робушъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ЖИЗНЬ И ЛЮДИ БЫЛОГО ВРЕМЕНИ.

(Воспоминанія, наброски, переписка).

Посвящается Аннѣ Валеріановнѣ Назарьевой.

НАДУМАВЪ вызвать изъ тумана былого времени нѣсколько особенно выдающихся образовъ, я менѣе всего желалъ бы занимать читателя своею собственной особой, такъ какъ мое прошлое не можетъ имѣть никакого интереса для публики, но избѣжать этого оказалось невозможнымъ и потому волей или неволей пришлось подчиниться необходимости.

Другое дѣло—люди, почему бы то ни было выдающіеся изъ общаго уровня, или особенно типичные и характеризующіе свое время, — тутъ всякая мельчайшая подробность можетъ имѣть значеніе и цѣну, этого мало, знакомство, даже случайная встрѣча, съ такими людьми, все это точно обязываетъ подѣлиться своими воспоминаніями съ обществомъ.

I.

А. М. Бутлеровъ [1]).

Мнѣ только-что минуло девять лѣтъ, какъ тетушка Варвара Алексѣева Нефедьева, по желанію отца, отвезла меня въ Казанскій пансіонъ для благородныхъ юношей А. С. Топорнина.

---

[1]) Александръ Михайловичъ Бутлеровъ, профессоръ Спб. университета и академикъ, род. въ г. Чистополѣ, Казанской губ., 25-го августа 1828 г., скончался 5-го августа 1886 г. въ своемъ имѣніи с. Бутлеровкѣ, Спасскаго уѣзда, той же губеріи. По окончаніи, въ 1849 г., курса въ Казанскомъ университетѣ, онъ въ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Тетушка представляла типъ старой дѣвицы, замѣчательно образованной по тому времени и существовавшей на Божьемъ свѣтѣ единственно для того, чтобы во всякое время года, дня и ночи, не взирая на зимнія мятели, или весеннюю распутницу, быть въ постоянной готовности по первому призыву хлопотать и скакать по дѣламъ своихъ многочисленныхъ родственниковъ, не спать ночей возлѣ постели больного, или умирающаго, готовить приданое для одной изъ безчисленныхъ племянницъ, провожать слѣпую сестру къ извѣстному казанскому окулисту, готовить въ гимназію отбившагося отъ рукъ племянника, по цѣлымъ годамъ долбить съ нимъ русскую или французскую грамматику и внушать, что островъ есть часть земли, окруженная со всѣхъ сторонъ водою; скакать въ Самару, Пензу, даже въ Москву, по дѣламъ брата, вдругъ ни съ того, ни съ другого, пожелавшаго заложить имѣніе въ Опекунскій Совѣтъ. Ничего для себя, все для близкихъ, то-есть родныхъ — это была единственная цѣль всей довольно продолжительной жизни тетушки. Около нея собирались въ годовые праздники; она служила единственной вполнѣ надежной и крѣпкой связью для цѣлой массы родственниковъ, сближала, прекращала, то и дѣло, возникавшія междоусобія и ссоры, ее высоко цѣнили и она этого заслуживала.

Отецъ, уже пожилой вдовецъ, рѣшилъ, что меня необходимо отправить въ ученье (какъ тогда выражались). Чѣмъ раньше, тѣмъ лучше, а тетушка уже сидѣла въ своемъ несокрушимомъ тарантасѣ домашней работы, рядомъ съ такой же, какъ и она, старой дѣвой горничной Грушей, преданной на жизнь и на смерть и, звоня почтовымъ колокольчикомъ, умчала меня изъ деревенскаго затишья.

Въ 40-хъ годахъ Казань представляла единственный центръ просвѣщенія и цивилизаціи для всего широкаго Приволжья; туда отправляли дѣтей помѣщиковъ и важныхъ чиновниковъ, туда же везли сотни дворовыхъ мальчиковъ для обученія всякому мастерству. Казанскіе профессора, доктора и учебныя заведенія, пользо-

---

1851 г. защитилъ диссертацію на степень магистра химіи; въ 1854 г. признанъ Московскимъ университетомъ докторомъ химіи и физики. Изъ ученыхъ трудовъ Бутлерова «Введеніе къ полному изученію органической химіи» считается классическимъ. Множество статей его по химіи разсѣяны въ разныхъ русскихъ и иностранныхъ спеціальныхъ изданіяхъ. Кромѣ химіи, Бутлеровъ занимался пчеловодствомъ. Его сочиненіе «Пчела, ея жизнь и основы правильнаго пчеловодства» разошлось болѣе, нежели въ 30,000 экземплярахъ, а брошюра «Какъ водить пчелъ» въ 20,000 экземплярахъ. За нѣсколько мѣсяцевъ до его кончины, началъ выходить основанный имъ первый русскій органъ по пчеловодству «Русскій пчеловодный листокъ». Бутлеровъ извѣстенъ также, какъ искренній и горячій приверженецъ изслѣдованія явленій спиритизма и медіумизма. По этому предмету имъ помѣщено въ журналахъ много статей, которыя послѣ его смерти изданы отдѣльной книгой. Ред.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

вались непоколебимымъ авторитетомъ и славой наравнѣ съ казанскими каретниками, кузнецами и столярами. Дальше Казани, лучше Казани, никто ничего не зналъ и не хотѣлъ знать,—а въ то патріархальное время никому и во снѣ не снилось, что когда-нибудь обитатель Симбирска, или Самары, только мелькомъ, издали, съ палубы парохода, броситъ равнодушный взглядъ на бывшую столицу всего Приволжья, чтобы миновать ее и какъ можно скорѣе попасть въ Москву, Петербургъ, или за границу.

Не успѣлъ я опомниться, какъ уже очутился въ Казани, на Ѳедоровской улицѣ, въ мрачномъ домѣ, казарменной архитектуры, съ громадной вывѣской гласившей: пансіонъ для благородныхъ дѣтей Александра Семеновича Топорнина.

Мнѣ до сихъ поръ мерещится рядъ однообразныхъ комнатъ съ классной мебелью, громадными черными досками и пояснымъ портретомъ грознаго попечителя Казанскаго учебнаго округа Мусина-Пушкина, живо напоминавшимъ орла въ ученомъ мундирѣ, анфилада дортуаровъ, съ тѣсно прижавшимися другъ къ дружкѣ кроватями, длинный обѣденный столъ съ неизбѣжнымъ провинившимся ученикомъ на колѣняхъ возлѣ печки. Помню, аккуратно смѣнявшихъ другъ друга, надзирателей; круглаго и мягкаго, какъ булка, нѣмца, и поджараго, горбоносаго и юркаго барабанщика великой арміи, Роланда, прозваннаго «неистовымъ»; товарищей по пансіону, смотрѣвшихъ волчатами, насильно исторгнутыми изъ своихъ логовищъ съ береговъ Волги, Камы, Суры и даже Дона. Помню рѣдкіе, наводившіе неописанный ужасъ, наѣзды попечителя округа, рѣшительно не умѣвшаго говорить, какъ говорятъ обыкновенные люди, а только гремѣть такимъ потрясающимъ громомъ, что всѣ обитатели пансіона, начиная съ его содержателя Топорнина и кончая дворникомъ, мгновенно лишались употребленія языка и дрожали, какъ листья.

При всемъ томъ, справедливость требуетъ сказать, что изъ мрачнаго общаго фона картины, ярко выступали симпатичныя личности—Топорнина, неизвѣстно почему взалившаго на себя тяжелую обязанность содержателя пансіона и нѣкоторыхъ преподавателей, хорошо относившихся къ ученикамъ.

Въ одинъ изъ праздничныхъ дней, когда мы попарно, съ «неистовымъ» Роландомъ во главѣ, возвратились отъ обѣдни, въ пріемную вошелъ почтенный благообразный господинъ, казанскій помѣщикъ Бутлеровъ, въ сопровожденіи очень похожаго на него мальчика, въ сѣрой курточкѣ, съ открытой шеей и большимъ отложнымъ воротничкомъ рубашки. Мальчикъ, точно предчувствуя бѣду, прижимался къ отцу и робко осматривалъ своихъ будущихъ товарищей. Послѣ обычныхъ переговоровъ, солидный господинъ удалился, а миловидный мальчикъ остался въ пансіонѣ, помѣстившись въ одной комнатѣ со мной.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Прежде всего навобранцу пришлось пережить тяжелый періодъ искуса, то-есть неизбѣжныхъ придирокъ, насмѣшекъ и потасовокъ со стороны необузданныхъ сыновъ Волги, Камы и Дона. Бутлеровъ переносилъ все это съ рѣдкимъ терпѣніемъ, никогда не жаловался, а его большіе сѣрые глаза все такъ же довѣрчиво смотрѣли на истязателей. При всемъ томъ истязанія продолжались, большинству невыносимо было добродушіе новаго товарища, его опрятность и порядочность. Самыми ярыми антагонистами Бутлерова оказались два брата, донскіе казаки, съ какой-то напускной гордостью носившіе пестрые архалуки и широчайшіе панталоны. Однажды, лихіе донцы, устроивъ засаду на черной лѣстницѣ, напали на Бутлерова, порѣшивъ заранѣе истребить или испортить его новенькій костюмъ, но къ счастью подоспѣлъ вѣрный дядька и донцы потерпѣли заслуженную кару. Я хорошо помню, что даже послѣ такой исторіи Бутлеровъ нисколько не измѣнилъ своихъ отношеній къ товарищамъ, оставаясь все такимъ же добродушнымъ, какъ въ первый день своего поступленія въ пансіонъ.

Вскорѣ въ натурѣ Бутлерова проявилась ранняя потребность дѣятельности. Его не удовлетворяло обычное приготовленіе уроковъ, онъ не мирился съ бездѣльемъ, и въ свободное время или въ праздники, когда другіе воспитанники не отходили отъ оконъ, наблюдая уличныя сцены, или выслушивая, бывшіе въ большомъ ходу, разсказы о волжскихъ и камскихъ разбойникахъ, онъ всегда находилъ себѣ занятіе, увлекаясь самыми разнообразными предметами.

Первымъ увлеченіемъ Бутлерова была страсть къ живописи— никто старательнѣе его не копировалъ носы и глаза. Затѣмъ онъ перешелъ къ маслянымъ краскамъ и, совершенно неожиданно для товарищей, написалъ образъ одного изъ апостоловъ, покрылъ лакомъ и повѣсилъ надъ кроватью. Съ своей стороны я былъ рѣшительно ошеломленъ произведеніемъ Бутлерова и пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы лишній разъ побывать въ спальнѣ и взглянуть на картину. Дѣло пошло еще дальше: Бутлеровъ обзавелся лампадкой, каждую ночь горѣвшей передъ образомъ... Въ первое время я то и дѣло просыпался, чтобъ полюбоваться на произведеніе моего товарища.

Нѣсколько времени спустя, у Бутлерова явилась новая страсть— онъ усердно возился съ какими-то склянками, банками, воронками, что-то таинственно переливалъ изъ одного пузырька въ другой, ему всячески мѣшалъ неугомонный Роландъ, зачастую отбиралъ склянки и пузырьки, ставилъ въ уголъ, или оставлялъ безъ обѣда непрошеннаго химика, но тотъ не унимался, пользуясь покровительствомъ учителя физики. Въ концѣ концовъ, въ углу, возлѣ кровати Бутлерова, появился крошечный, всегда запертый шкапчикъ, наполненный какими-то снадобьями и разнохарактерной посудой.

Въ одинъ прекрасный весенній вечеръ, когда воспитанники

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

шумно и весело играли въ лапту на просторномъ дворѣ, а «неистовый Роландъ» дремалъ на солнечномъ припекѣ, въ кухнѣ раздался оглушительный взрывъ... Всѣ ахнули, а Роландъ, прыжкомъ тигра, очутился въ подвальномъ этажѣ — гдѣ помѣщалась кухня. Затѣмъ передъ нами снова показался тигръ, безжалостно влачившій Бутлерова съ опаленными волосами и бровями, а за нимъ понуривъ голову шелъ дядька, привлеченный въ качествѣ сообщника, тайкомъ доставлявшаго матеріалы, необходимые для произведенія опытовъ.

Къ чести пансіона Топорнина слѣдуетъ замѣтить, что розги никогда не употреблялись въ этомъ заведеніи, но такъ какъ преступленіе Бутлерова выходило изъ ряда вонъ, то наши педагоги, на общемъ совѣтѣ, придумали новое, небывалое наказаніе. Раза два или три преступника выводили изъ темнаго карцера въ общую обѣденную залу, съ черной доской на груди, на которой крупными бѣлыми буквами красовалось «великій химикъ».

Страшный пожаръ, истребившій половину города, положилъ конецъ педагогической дѣятельности Топорнина. Пансіонъ закрылся, воспитанники разъѣхались по домамъ и я на долгое время потерялъ Бутлерова изъ виду. Мы снова встрѣтились съ нимъ, если не ошибаюсь, осенью 1847 года. Я только-что надѣлъ синій воротникъ и, не помня себя отъ восторга, шелъ по университетскому коридору и вдругъ наткнулся на плотнаго студента, съ страшно загорѣлымъ лицомъ — это былъ Бутлеровъ, только-что возвратившійся съ береговъ Каспійскаго моря, куда ѣздилъ для какихъ-то ученыхъ изслѣдованій, съ однимъ изъ профессоровъ Казанскаго университета.

Передо мной былъ тотъ же добродушный, неизмѣнно ровный, всегда довольный собою и всѣмъ свѣтомъ, Бутлеровъ.

Послѣдовалъ длинный промежутокъ времени... въ концѣ 60-хъ годовъ, на Невскомъ, чьи-то сильныя руки обхватили меня сзади, оглядываюсь и вижу все тѣ же съ дѣтства знакомые, ясные, добрые, сѣрые глаза... Это былъ Бутлеровъ тотъ же Бутлеровъ, какимъ я зналъ его въ пансіонѣ Топорнина и въ Казанскомъ университетѣ. Пріютившись въ ближайшемъ ресторанѣ, мы весело припомнили прошлое: Казань, пансіонъ Топорнина, Роланда, надѣлавшій столько шуму взрывъ, и снова разстались, но уже съ тѣмъ, чтобы не встрѣтиться болѣе въ жизни.

Такимъ образомъ, мои мимолетныя отношенія къ Бутлерову ограничились нашимъ дѣтствомъ и отрочествомъ, но при всемъ томъ они укрѣпили во мнѣ убѣжденіе, что затѣмъ и уже въ теченіе всей остальной жизни я не встрѣчалъ человѣка, на которомъ такъ мало отразилась бы рука времени; Бутлеровъ профессоръ также живо напоминалъ мнѣ студента Казанскаго университета, какъ Бутлеровъ студентъ—невозмутимо добродушнаго самоучку художника и химика, моего товарища по пансіону Топорнина.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

II.

А. И. Артемьевъ [1]).

Самымъ пріятнымъ временемъ года для воспитанниковъ пансіона было наступленіе лѣта и ваката... Ученье никому не шло въ голову... Каждый запасался кускомъ мѣла и гдѣ попало огромными буквами выводилъ: «Ура! ура! вакація пришла!» Даже Роландъ и тотъ, какъ будто, разнѣжился и на время утратилъ свое неистовство.

Замирая отъ нетерпѣнія, поджидалъ я отцовскаго камердинера, обыкновенно пріѣзжавшаго за мной на почтовыхъ въ старомъ, видавшемъ виды, тарантасѣ... Наконецъ экипажъ съ поднятыми вверхъ оглоблями стоялъ на дворѣ, а для меня не было большаго счастья, какъ хотя бы на минуту забраться подъ кожаный фартукъ и посидѣть на мягкихъ подушкахъ. Уже назначенъ былъ день отъѣзда, но тутъ къ моему великому огорченію Топорнинъ объявилъ мнѣ, что по желанію отца со мной поѣдетъ студентъ для занятій во время ваката.

Привели почтовую тройку; одѣтый по дорожному, сгарая отъ нетерпѣнія, сидѣлъ я въ тарантасѣ, когда къ подъѣзду подкатилъ извозчикъ съ ненавистнымъ для меня студентомъ и его крошечнымъ чемоданомъ. Это былъ Александръ Ивановичъ Артемьевъ.

Мы тронулись въ путь, благополучно переправились черезъ Волгу и понеслись по широкой почтовой дорогѣ, съ такой быстротой, о которой въ настоящее время никто уже не имѣетъ понятія.

Умное, открытое лицо моего спутника, благородный, задумчивый видъ, все это говорило въ его пользу, я пріободрился и,

---

[1]) Александръ Ивановичъ Артемьевъ родился въ 1820 г. Хвалынскѣ, гдѣ отецъ его служилъ виннымъ приставомъ и пользовался общимъ уваженіемъ. А. И. учился сперва въ мѣстномъ уѣздномъ училищѣ, потомъ въ Саратовской гимназіи и, наконецъ, Казанскомъ университетѣ, въ которомъ окончилъ курсъ въ 1841 году. Черезъ четыре года защитилъ на степень магистра диссертацію «О вліяніи варяговъ на славянъ». Былъ сперва помощникомъ, а съ 1844 года редакторомъ «Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», гдѣ напечаталъ множество разнообразныхъ статей по исторіи, географіи, статистикѣ и археологіи. Въ 1850 г. избранъ членомъ Археологическаго и Географическаго обществъ; въ 1851 г. переведенъ на службу въ Петербургъ, въ статистическій комитетъ министерства внутреннихъ дѣлъ, гдѣ занималъ должность старшаго редактора. Умеръ въ 1874 г. Изъ многочисленныхъ ученыхъ трудовъ Артемьева заслуживаютъ особеннаго вниманія слѣдующіе: «О составѣ и движеніи населенія по губерніямъ Нижегородской и Ярославской», «Медальныя комиссіи при Екатеринѣ II», «Историческія рукописи Казанскаго университета», «Казанскія гимназіи въ XVIII вѣкѣ», «О народныхъ переписяхъ» и «Обозрѣніе трудовъ Имп. Русск. Географическаго Общества по исторической географіи». Кромѣ того, подъ редакціей Артемьева изданы «Городскія поселенія Россійской имперіи» и «Списки населенныхъ мѣстъ». Ред.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

освоившись съ своимъ спутникомъ, окончательно успокоился за будущее.

Дѣло было въ началѣ 40-хъ годовъ, т. е. во время полнаго процвѣтанія крѣпостного права, когда радость и горе дворянской семьи, такъ или иначе, притворно, или искренно, раздѣлялись дворовыми людьми и крестьянами. Такимъ образомъ отсутствіе личныхъ интересовъ, въ безцвѣтной жизни крѣпостного человѣка, отчасти наполнялось интересами барской семьи и этимъ можетъ быть объяснено существованіе идеальныхъ и до самозабвенія преданныхъ слугъ.

Не успѣлъ тарантасъ остановиться у крыльца нашего стараго дома, очень похожаго на громадный ящикъ, обшитый тесомъ, какъ уже вся дворня и большая часть деревенскихъ стариковъ наполнили прихожую. Цѣлый часъ переходилъ я изъ объятій въ объятія — меня лобызали, пристально разсматривали, каждый дѣлалъ свои замѣчанія относительно того—выросъ я, пополнѣлъ или нѣтъ, и всѣ наперерывъ спѣшили поздравить отца съ моимъ пріѣздомъ. Тутъ, къ довершенію торжества, подкатилъ старомодный наглухо закрытый экипажъ, запряженный тройкой, когда-то сѣрыхъ, но уже побѣлѣвшихъ отъ старости коней, управляемыхъ коренастымъ кучеромъ, когда-то тоже молодымъ, а теперь уже старцемъ съ бѣлой, окладистой, далеко свѣтившейся издали, бородой. Два саженныхъ лакея съ неописаннымъ благоговѣніемъ бросились высаживать трехъ тетушекъ, уже пожилыхъ дѣвицъ (съ одной изъ коихъ я уже познакомилъ читателя), поспѣшившихъ къ радостной встрѣчѣ изъ своего имѣнія, отстоявшаго отъ насъ въ семи верстахъ.

Забытый среди общей суматохи, студентъ притаился гдѣ-то въ углу и молча наблюдалъ происходившую сцену. Наконецъ объ немъ вспомнили, его отыскали и на него какъ на гостя обрушилась вся масса расходившихся и незнавшихъ предѣла восторговъ. Отецъ, тетушки, домашняя прислуга, приставленный къ гостю лакей Порфирій, скромный, грамотный, въ высшей степени любознательный человѣкъ, завѣдывавшій отцовской библіотекой и конторой, все это горѣло желаніемъ чѣмъ-нибудь угодить пріѣзжему гостю. Въ первое время въ домѣ только и говорили о томъ, какъ почивалъ Александръ Ивановичъ, что будетъ пить чай или кофе, когда будетъ завтракать, поѣдетъ ли купаться и т. д.

Затѣмъ выступили сосѣди, они подхватили Александра Ивановича, то и дѣло присылали за нимъ лошадей, кормили на убой и настойчиво требовали, чтобы онъ принималъ живое участіе во всѣхъ торжествахъ и семейныхъ праздникахъ.

Напрасно въ высшей степени добросовѣстный Александръ Ивановичъ заговаривалъ о своихъ обязанностяхъ, какъ учителя, никто, начиная съ моего отца, не хотѣлъ и слышать о такихъ пустякахъ, у всѣхъ на умѣ было единственное желаніе, какъ можно болѣе

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

развлекать милаго гостя. Какъ на бѣду, на одномъ изъ именинныхъ обѣдовъ, выпивъ лишній бокалъ шампанскаго, Александръ Ивановичъ съ такимъ пафосомъ прочелъ «Полтаву» Пушкина, что чувствительныя барыни и барышни ахнули отъ восторга, пролили слезы умиленія и уже на все лѣто окончательно отвоевали очаровательнаго гостя у размашистыхъ помѣщиковъ, тянувшихъ его на кутежи и охоту.

Волей или неволей, гость безпрекословно отдался одуряющему теченію привольной сельской жизни того времени, искренно вѣруя, что попалъ въ кружокъ простыхъ и добрѣйшихъ людей, не смущая себя анализомъ, а можетъ быть и не подозрѣвая, что добродушіе и хлѣбосольство окружающихъ прежде всего вызывается скукой и необходимостью чѣмъ бы то ни было наполнить массу празднаго времени.

Въ рѣдкіе дни, свободные отъ празднествъ и скачки по сосѣдямъ, Александъ Ивановичъ искалъ уединенія и съ книгой въ рукахъ удалялся въ тѣнистый палисадникъ, примыкавшій къ дому.

— Что это вы читаете?—полюбопытствовалъ я, проходя мимо.

— А вотъ перечитываю Пушкина...

Въ первый разъ въ жизни услыхалъ я это имя.

— Можетъ быть хотите послушать—такъ садитесь возлѣ меня,—предложилъ Александръ Ивановичъ.

Меня сильно тянуло въ садъ, темной, зеленой тучей глядѣвшій по другую сторону улицы, отдѣлявшей его отъ дома. Я навѣрно зналъ, что какъ разъ въ это время садовникъ Агапъ Ивановичъ, выживший изъ лѣтъ, злой-презлой и дрожавшій надъ каждой ягодой, гроза дворовыхъ и крестьянскихъ мальчиковъ, убрался въ свою сторожку и заснулъ сномъ праведника. Но любопытство взяло верхъ и я присѣлъ около своего наставника.

Началось чтеніе «Капитанской дочки»... я забылъ малину и вишни и до поздняго вечера просидѣлъ около Артемьева, упрашивая его продолжать. Съ этого достопамятнаго для меня дня, я уже съ нетерпѣніемъ поджидалъ той блаженной минуты, когда послѣ обѣда все затихало въ домѣ и мой наставникъ удалялся въ свой любимый уголокъ, подъ тѣнь густой сирени, съ Пушкинымъ въ рукахъ. Я ни на шагъ не отставалъ отъ него и на долгое время подчинился его исключительному вліянію—да и нельзя было равнодушно относиться къ нему.

Лѣто выдалось чудное, наступили теплыя, ясныя ночи съ полной луной среди звѣзднаго неба. Я хорошо помню одну такую ночь... Было свѣтло, какъ днемъ, я лежалъ съ открытыми глазами, чутко прислушиваясь къ легкому шелесту бумаги и скрипу пера, доносившимся изъ сосѣдней комнаты. Мнѣ было извѣстно, что мой сосѣдъ каждую ночь писалъ свой дневникъ... А между тѣмъ полный мѣсяцъ все выше и выше поднимался на синемъ небѣ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Не было никакой возможности спать въ такую ночь... Меня такъ и подталкивало встать и заглянуть къ сосѣду... Наскоро одѣвшись, и не владѣя собой, я робко толкнулъ дверь. Маленькая комната сосѣда была залита ослѣпительнымъ блескомъ луны, въ раскрытое окно видны были спящее село, серебряная полоса рѣки и бѣлая колокольня на пригоркѣ...

Я неподвижно стоялъ на порогѣ, разсыпаясь въ извиненіяхъ, но сосѣдъ бросивъ перо, протянулъ мнѣ руку и предложилъ пройтись по саду. Мы вышли и до зари бродили въ густомъ, точно очарованномъ саду. Обыкновенно застѣнчивый, Александръ Ивановичъ говорилъ безъ умолку, декламировалъ стихи и крѣпко пожималъ мнѣ руку. Недоумѣвая, не понимая восторженнаго настроенія моего наставника, я въ то же время жадно прислушивался къ его голосу, ловилъ выраженіе его большихъ черныхъ глазъ, обращенныхъ къ небу и, какъ будто, чувствовалъ близость чистой, прекрасной души.

Въ то время мнѣ и въ голову не приходило, что мой наставникъ былъ первый, а можетъ быть и послѣдній, единственный въ своемъ родѣ романтикъ, съ которымъ я встрѣтился въ жизни.

Наши таинственныя ночныя прогулки повторялись не одинъ разъ и съ этого времени мы окончательно и надолго сблизились съ Артемьевымъ.

Быстро промелькнуло лѣто и наступилъ день отъѣзда... Пріѣхалъ священникъ и въ присутствіи неизбѣжныхъ тетушекъ, толпы дворовыхъ и крестьянъ, началъ напутственный молебенъ.

Подъ проливнымъ дождемъ слезъ, сопровождаемый причитаніями деревенскихъ старухъ, благими пожеланіями и совѣтами, я усѣлся въ тарантасъ рядомъ съ умиленнымъ наставникомъ, и мы скрылись въ облакѣ пыли.

Когда мы очутились въ полѣ, Александръ Ивановичъ далъ полную волю своимъ воспоминаніямъ о прошедшемъ лѣтѣ. Само собою разумѣется, что мои родные и сосѣди были опоэтизированы до послѣдней возможности. Тихій по характеру и романтикъ по природѣ, Артемьевъ болѣе былъ способенъ къ отвлеченному мышленію и созерцанію, чѣмъ къ рѣшенію практическихъ, чисто жизненныхъ вопросовъ. Въ немъ такъ сильно говорила потребность уважать, любить, что онъ способенъ былъ выдумывать хорошихъ людей, зачастую придавая имъ качества, которыхъ они не имѣли.

По возвращеніи къ обычной, безцвѣтной и суровой обстановкѣ школьной жизни того времени съ «неистовымъ Роландомъ», одичавшими за лѣто воспитанниками и вѣчнымъ, удручающимъ ожиданіемъ внезапнаго наѣзда и погрома со стороны попечителя округа Мусина-Пушкина, моя привязанность къ романтику перешла въ настоящую страсть, и я оживалъ только въ тѣ дни, когда онъ навѣщалъ пансіонъ Топорнина. Въ то же время наше сближеніе по-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

селило во мнѣ небывалую, хотя и дурно направленную любовь къ чтенію. Я читалъ все, что попадалось подъ руку, былъ ли то «Выжигинъ», «Макробіотика» или «Путешествіе вокругъ свѣта Дюмонъ-Дюрвиля» и не разъ жестоко платился за это, какъ въ пансіонѣ, такъ и въ университетѣ,—захватывая съ собою на скучнѣйшія, буквально усыплявшія студентовъ, лекціи римскаго, или естественнаго права, послѣднюю книжку «Отечественныхъ Записокъ» и погружаясь въ чтеніе до тѣхъ поръ, пока профессоръ не казнилъ меня въ присутствіи всей аудиторіи.

По окончаніи университетскаго курса по восточному факультету съ степенью кандидата, Александръ Ивановичъ приступилъ къ экзамену на магистра и, волей или неволей, долженъ былъ выдержать обязательный ученый диспутъ на полученіе этого званія.

Наконецъ наступилъ уже давно, со страхомъ и трепетомъ ожидаемый, какъ Артемьевымъ, такъ и мной, день диспута, почему-то состоявшагося не въ актовой залѣ, какъ это обыкновенно дѣлалось, а въ шестой аудиторіи, куда я забрался едва ли не первымъ изъ публики, бывши уже студентомъ 1-го курса юридическаго факультета.

Къ 12-ти часамъ аудиторія была переполнена любопытными, каѳедру обступили ряды креселъ, занятыхъ высокопоставленными лицами и оппонентами, между которыми я тотчасъ же замѣтилъ длинную, зловѣщую фигуру профессора исторіи Иванова, исправлявшаго въ то время роль знаменитости Казанскаго университета на томъ основаніи, что каждый университетъ такъ или иначе обязанъ имѣть свою знаменитость. Въ сущности же, профессоръ Ивановъ выдавался только неподкупностью, крайней раздражительностью и страстью кому-нибудь насолить, кого-нибудь уничтожить. Но вотъ всѣ встрепенулись и приняли почтительныя позы въ ожиданіи грознаго попечителя Мусина-Пушкина, голосъ котораго подобно отдаленнымъ раскатамъ грома, послышался изъ коридора. Вотъ и онъ, какъ всегда величественный и болѣе похожій на полководца, обозрѣвающаго свои войска, нежели на блюстителя храма наукъ. Бросивъ направо и налѣво молніеносный взглядъ, онъ грузно опустился въ кресло, вооружился лорнетомъ и приготовился слушать, между тѣмъ какъ на каѳедру, точно на эшафотъ, робко и нерѣшительно взбирался блѣдный какъ полотно Артемьевъ.

Слабымъ, слегка дрожавшимъ отъ волненія, голосомъ произнесъ Александръ Ивановичъ нѣсколько напыщенную вступительную рѣчь, прочелъ тезисы и замеръ въ ожиданіи натиска противниковъ. Болѣе для проформы и декорума возражали профессора Фогель и Ковалевскій, но не успѣли они обмѣняться любезностями съ молодымъ ученымъ, какъ уже задыхаясь отъ нетерпѣнія и избытка желчи, скорѣе зарычалъ, нежели заговорилъ знаменитый профессоръ исторіи. Издали, въ лихорадочномъ состояніи, слушалъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

я то рѣзкій, по временамъ визгливый голосъ профессора, то мягкую едва слышную рѣчь обожаемаго Александра Ивановича и, испытывая сильный неудержимый приливъ жалости, закрылъ глаза, чтобы не видѣть смущенной, обиженной фигуры моего друга, облеченнаго въ новый фракъ и бѣлый галстухъ. Но въ концѣ концовъ все обошлось благополучно, грозному попечителю наскучило слушать слишкомъ затянувшійся ученый турниръ, онъ нетерпѣливо повернулся въ своемъ креслѣ, бросилъ молнію въ сторону желчнаго профессора, тотъ мгновенно притихъ и въ заключеніе указалъ даже на нѣкоторыя несомнѣнныя достоинства диссертаціи. Послѣ этого попечитель величественно поднялся съ своего мѣста и торжественно поздравилъ Артемьева, а затѣмъ посыпались поздравленія со стороны профессоровъ и публики. Наконецъ и мнѣ удалось уловить счастливый моментъ, поймать Александра Ивановича въ темномъ коридорѣ и отъ души облобызать его.

Получивъ магистерскій дипломъ, Александръ Ивановичъ былъ оставленъ при университетѣ въ качествѣ помощника библіотекаря и въ то же время назначенъ редакторомъ «Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостей».

Частенько навѣщалъ я потомъ Артемьева въ его убогой казенной квартирѣ при зданіи библіотеки, много напоминавшей монашескую келью, и въ этой-то темной кельѣ, не имѣвшей ни малѣйшаго признака удобствъ нашего времени, долго проживалъ одинокій труженикъ, погруженный въ свои изысканія и неутомимо рывшійся въ старыхъ фоліантахъ и архивахъ. Какъ настоящій отшельникъ знаетъ только дорогу изъ своей кельи въ церковь, также точно и вся жизнь Артемьева сосредоточивалась въ его крошечной каморкѣ и замѣчательной университетской библіотекѣ. Съ этого времени на страницахъ, еще недавно безсодержательныхъ, губернскихъ вѣдомостей то и дѣло появлялись историческія изслѣдованія, касающіяся Казани, болгаръ, и вообще всего Приволжья, но въ то же время на долю ученаго и романтика выпала тяжелая обязанность въ теченіе многихъ лѣтъ изощряться надъ описаніемъ всевозможныхъ официальныхъ торжествъ, встрѣчъ чудотворной иконы и высокопоставленныхъ лицъ изрѣдка навѣщавшихъ Казань.

Сколько разъ приходилось мнѣ заставать Артемьева за сочиненіемъ статей съ неизбѣжными слезами умиленія, и солнцемъ, вдругъ появившимся изъ-за набѣжавшихъ тучъ, чтобы освѣтить картину торжества. Нужно было обладать несокрушимой выносливостью людей того времени, чтобы въ теченіе многихъ лѣтъ мириться съ тяжелымъ положеніемъ, въ которомъ находился Артемьевъ, и при всемъ томъ сохранить священный огонь, любовь къ наукѣ, къ людямъ.

Познакомивъ меня съ Пушкинымъ, Артемьевъ былъ первымъ человѣкомъ, заговорившимъ со мной о Байронѣ и объяснившимъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

мнѣ его значеніе. Въ мрачной кельѣ отшельника не разъ происходило чтеніе «Донъ-Жуана» (на французскомъ языкѣ) какимъ-то чудомъ спасшагося отъ сожженія, къ которому, по словамъ Артемьева, предназначены были сочиненія Байрона, вмѣстѣ съ массой другихъ книгъ, казавшихся зловредными бывшему попечителю Казанскаго университета Магницкому.

Толчекъ, данный мнѣ Александромъ Ивановичемъ, не замедлилъ обнаружиться, какъ только въ университетѣ открылись литературныя бесѣды, на которыхъ студенты читали свои произведенія. Я горячо принялся за сочиненіе ходульной повѣсти изъ временъ Іоанна Грознаго и безсовѣстно надоѣдалъ своему бывшему наставнику, прочитывая ему каждый написанный листъ. Только не человѣческая доброта могла мириться съ такой назойливостью.

Прошло много лѣтъ... я потерялъ изъ вида Артемьева и только въ началѣ 60-хъ годовъ, бывши въ Петербургѣ, на вечерѣ у Степана Семеновича Дудышкина, случайно узналъ отъ Майкова, что скромный, замкнутый въ себя и никому неизвѣстный труженикъ живетъ въ Петербургѣ, работаетъ для науки, оцѣненъ по заслугамъ и назначенъ непремѣннымъ членомъ центральнаго статистическаго комитета.

Въ эту минуту я испыталъ радостное чувство, невольнымъ образомъ захватывающее человѣка, узнавшаго, что справедливость все-таки еще существуетъ на бѣломъ свѣтѣ.

III.

Графъ Левъ Николаевичъ Толстой.

Въ запискѣ «О народномъ образованіи», представленной поэтомъ Пушкинымъ, въ 1826 году, императору Николаю Павловичу, между прочимъ говорится, что такъ какъ въ Россіи все продажно, то и экзаменъ вскорѣ сдѣлается новой отраслью промышленности для профессоровъ. «Экзаменъ, по мнѣнію Пушкина, походитъ на плохую таможенную заставу, въ которую старые инвалиды пропускаютъ за деньги тѣхъ, которые не умѣли проѣхать стороною».

Справедливость требуетъ сказать, что такими услужливыми инвалидами, какъ нельзя болѣе, изобиловалъ Казанскій университетъ моего времени. Одни изъ нихъ исключительно занимались пропускомъ богатыхъ людей, другіе предлагали имъ квартиры съ полнымъ содержаніемъ и, такимъ образомъ, провожали дальше и дальше, изъ одного курса въ другой, до полученія аттестата.

При такомъ порядкѣ вещей невообразимые тупицы благополучно оканчивали курсъ университета, получая даже степень кандидата. Дошло до того, что кандидатъ математическаго факуль-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

тета не выдержалъ экзамена изъ ариѳметики въ юнкера одного изъ гвардейскихъ полковъ и, какъ мнѣ помнится, никто не былъ особенно возмущенъ такимъ фактомъ. Къ удивленію моему, тоже самое явленіе встрѣчалось и въ позднѣйшее время и уже въ 60-хъ и 70-хъ годахъ мнѣ приходилось сталкиваться съ дѣйствительными студентами и кандидатами университета нисколько не причастными къ наукѣ, но причины, породившія такія случайности, уже не имѣли ничего общаго съ бывшей услужливостью инвалидовъ. Къ самымъ доступнымъ изъ инвалидовъ моего времени, оберегавшихъ заставу, принадлежалъ профессоръ эстетики и секретарь испытательнаго комитета. Это былъ добрѣйшій толстякъ въ синемъ фракѣ съ учеными пуговицами, обладавшій рѣдкимъ искусствомъ проводить окольными путями, домашнимъ образомъ и кое-какъ подготовленныхъ баричей, горѣвшихъ желаніемъ надѣть синій воротникъ. Такіе господа обязательно должны были или помѣститься у профессора-эстетика, или же брать у него уроки и, такимъ образомъ, заручиться его покровительствомъ.

Мнѣ и въ голову не приходила возможность поступить въ университетъ, а между тѣмъ профессоръ эстетики, послѣ поверхностнаго испытанія, нисколько не задумываясь, рѣшилъ, что поступить слѣдуетъ, не взирая на то, что мнѣ далеко еще не исполнилось 16 лѣтъ, такъ какъ это препятствіе можетъ быть устранено, если кто-нибудь изъ знакомыхъ замолвитъ словечко ректору университета.

И вотъ, недуманно-негаданно, я сталъ готовиться къ экзамену, помѣстившись въ мезонинѣ профессорскаго домика, рядомъ съ его кабинетомъ, нисколько не походившимъ на комфортабельные кабинеты ученыхъ нашего времени. Два маленькихъ окна безъ занавѣсъ бросали тусклый свѣтъ на стѣны, выкрашенныя охрой; къ одной стѣнѣ прилажено было три ряда досокъ, гнувшихся подъ грудой книгъ, покрытыхъ густымъ слоемъ пыли, около другой ютился жесткій диванъ, подъ которымъ пряталась отъ любопытныхъ взоровъ бутыль съ водкой, а между оконъ помѣщался небольшой столъ, заваленный бумагой и черновыми лекціями.

Возвратившись изъ университета, усталый профессоръ спѣшилъ облечься въ какую-то коцевейку, очень похожую на женскую и, вѣроятно, сдѣланную руками его красивой, но крайне суровой супруги, спѣшно и жадно съѣдалъ жирный обѣдъ и тотчасъ же удалялся въ свой скромный кабинетъ и, расположившись на диванѣ, поднималъ страшное, въ первое время пугавшее меня, храпѣніе. Затѣмъ онъ просыпался, пилъ чай, снова удалялся наверхъ, запирался на ключъ и уже до поздней ночи по своему блаженствовалъ, то-есть ставилъ на столъ бутыль съ водкой и, опаражнивая рюмку за рюмкой, все болѣе и болѣе вдохновляясь, готовилъ лекціи, или продолжалъ ученое сочиненіе, начатое имъ еще въ быт-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ность его профессоромъ Казанской духовной академіи. Далеко за полночь умолкалъ неистовый скрипъ расходившагося пера и вслѣдъ затѣмъ мезонинъ оглашался богатырскимъ храпѣніемъ профессора.

Однажды, въ обѣденное время, на крошечный дворикъ профессора бойко вкатилъ гнѣдой рысакъ, а затѣмъ въ прихожей показался молодой человѣкъ въ шинели военнаго покроя съ бобровымъ воротникомъ. Профессоръ эстетики мигомъ сбросилъ коцевейку и, очутившись въ ученомъ мундирѣ, повелъ гостя наверхъ, а покончивъ съ нимъ и возвратившись обратно сообщилъ, что пріѣзжалъ графъ Левъ Николаевичъ Толстой, желающій поступить въ Казанскій университетъ, съ просьбой подготовить его изъ русской словесности.

Вскорѣ начались уроки. Въ извѣстные часы графъ вмѣстѣ съ профессоромъ взбирался на мезонинъ и проходилъ въ кабинетъ. Изрѣдка я тоже присутствовалъ на этихъ урокахъ, сторонясь отъ графа съ перваго же раза оттолкнувшаго меня напускной холодностью, щетинистыми волосами и презрительнымъ выраженіемъ прищуренныхъ глазъ. Въ первый разъ въ жизни встрѣтился мнѣ юноша, преисполненный такой странной и непонятной для меня важности и преувеличеннаго довольства собою. Профессоръ все въ томъ же неизмѣнномъ полуженскомъ костюмѣ, нисколько не смущаясь присутствіемъ чопорнаго графа, тяжелыми шагами расхаживалъ по комнатѣ и зычнымъ голосомъ, точно въ аудиторіи, переполненной слушателями, разсказывалъ что-нибудь интересное изъ исторіи русской литературы. Онъ объяснялъ значеніе «Слова о полку Игоревѣ», какъ памятника дружиннаго эпоса, толковалъ о князѣ Курбскомъ, Ѳеофанѣ Прокоповичѣ, или, заливаясь смѣхомъ, передавалъ біографическія подробности о Третьяковскомъ; но охотнѣе всего и съ большимъ одушевленіемъ говорилъ онъ о первомъ русскомъ ученомъ изъ мужиковъ, Михаилѣ Васильевичѣ Ломоносовѣ. При этомъ еще быстрѣе шагалъ изъ угла въ уголъ, размахивалъ руками, дѣлалъ какіе-то странные жесты и вообще одушевлялся до такой степени, что могучая фигура Ломоносова въ моемъ воображеніи долгое время заслоняла собою остальныхъ знаменитостей отечественной литературы.

По окончаніи урока, графъ тотчасъ же удалялся, не проронивъ ни слова при прощаньи.

На экзаменъ графъ явился во фракѣ, въ сопровожденіи не то родственника, не то гувернера. Какъ и слѣдовало ожидать, все пошло какъ по писанному, добродушный инвалидъ не дремалъ и дѣлалъ свое дѣло. Исполняя обязанность секретаря испытательнаго комитета, онъ въ то же время зорко слѣдилъ за своими питомцами и въ критическую минуту съ своей обычной улыбкой являлся на выручку и заговаривалъ съ экзаменаторомъ. Строгое, казалось, не-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

умолимое лицо послѣдняго тотчасъ же смягчалось, морщины сглаживались и между колегами начинался веселый разговоръ, послѣ котораго ставшій втупикъ питомецъ отпускался съ любезной улыбкой.

Отуманенный неожиданной и далеко незаслуженной честью носить синій воротникъ, я въ первое время ходилъ въ университетъ какъ на праздникъ и, вооруженный бумагой и перомъ для записыванія лекцій, которыхъ не понималъ, ранѣе другихъ являлся въ длинномъ коридорѣ.

Изрѣдка и только на лекціяхъ исторіи, обязательныхъ для всѣхъ факультетовъ двухъ первыхъ курсовъ (исключая медиковъ), сталкивался я съ графомъ, примкнувшимъ, не взирая на свою неуклюжесть и застѣнчивость, къ небольшому кружку, такъ называемыхъ, аристократовъ. Онъ едва отвѣчалъ на мои поклоны, точно хотѣлъ показать, что и здѣсь мы далеко неравны, такъ какъ онъ пріѣхалъ на рысакѣ, а я пришелъ пѣшкомъ.

Послѣ неудачнаго экзамена, графъ перешелъ на юридическій факультетъ, и, благодаря такой случайности, мы уже ежедневно встрѣчались въ коридорѣ. Съ тѣмъ же недоумѣніемъ и любопытствомъ продолжалъ я наблюдать надменную фигуру графа, вдобавокъ носившую на себѣ отпечатокъ раздраженія по случаю неудачнаго экзамена. Если не ошибаюсь, то въ это время пріѣхалъ въ Казань герцогъ Лейхтенбергскій и своимъ пріѣздомъ вызвалъ рядъ торжествъ и баловъ.

Съ своей стороны университетское начальство составило списокъ студентовъ долженствовавшихъ танцовать на балѣ у губернскаго предводителя. Въ этотъ списокъ попалъ и графъ Толстой, но послѣ отъѣзда герцога, когда воспоминанія о балѣ сдѣлались предметомъ оживленныхъ толковъ такъ называемаго аристократическаго кружка, графъ держался въ сторонѣ, не принимая никакого участія, а его товарищи видимымъ образомъ относились къ нему, какъ къ большому чудаку и философу. Наблюдая все это, я терялся въ догадкахъ, не зная какъ опредѣлить характеръ графа.

Послѣ рождественскихъ праздниковъ, когда снова начались лекціи, я какъ-то запоздалъ на лекцію желчнаго профессора исторіи, всегда готоваго провалить студента, особенно изъ числа такъ называемыхъ аристократовъ и ловкихъ кавалеровъ, къ которымъ онъ питалъ замѣтную и нескрываемую ненависть.

Стою въ пустомъ коридорѣ у дверей аудиторіи, съ замираніемъ сердца прислушиваюсь къ плавной рѣчи профессора и думаю, какой же я получу нагоняй въ присутствіи массы студентовъ. Въ эту минуту къ той же двери подошелъ запыхавшійся отъ волненія, красный, съ каплями пота на лбу, взъерошенный болѣе обыкновеннаго, графъ. Между тѣмъ изъ глубины коридора быстрыми, неслышными шагами, съ зловѣщимъ, угрожающимъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

видомъ уже летѣлъ на насъ субъ-инспекторъ Зоммеръ. Нечего было медлить, я отворилъ роковую дверь, она мучительно заскрипѣла, и мы съ Толстымъ очутились въ громадной аудиторіи, стараясь незамѣтно проскользнуть на верхнія парты. Профессоръ бросилъ на насъ грозный взглядъ и съ еще болѣе напускнымъ паѳосомъ продолжалъ разсказъ о походѣ Іоанна Грознаго на Казань.

На другой день, въ 8 часовъ утра, я уже получилъ приказаніе явиться къ инспектору студентовъ.

Предчувствуя что̀-то недоброе, я пошелъ въ канцелярію университета и, выслушавъ строгій выговоръ за то, что опоздалъ на лекцію, въ сопровожденіи вахмистра, съ цѣлымъ рядомъ медалей на груди, отправился въ шестую аудиторію подъ арестъ.

Дверь захлопнулась... я остался одинъ въ огромной пустой комнатѣ, среди невозмутимой тишины, а оживленное, праздничное движеніе на Воскресенской улицѣ, еще болѣе увеличивало тяжесть заключенія. Изнывая отъ скуки и бездѣлья, я постучался въ дверь и убѣдилъ сторожа отнести записку въ мою квартиру, находившуюся невдалекѣ отъ университета. Вскорѣ явился мой человѣкъ съ подушкой и книгами.

Нѣсколько успокоившись и устроившись на скамьѣ, я только-что принялся за чтеніе Лермонтова, какъ въ коридорѣ раздались чьи-то шаги, дверь отворилась и передъ глазами моими предсталъ графъ Толстой въ сѣрой шинели военнаго покроя. Его сопровождалъ тотъ же вахмистръ, но далеко болѣе вѣжливый, искательный и тотчасъ же разрѣшившій графу имѣть въ коридорѣ своего слугу для посылокъ.

Сбросивъ шинель и не снимая фуражки, не обращая на меня никакого вниманія, графъ быстро заходилъ взадъ и впередъ, заглядывалъ въ окна, растегивалъ и застегивалъ сюртукъ и вообще обнаруживалъ нетерпѣніе и недовольство своимъ глупымъ положеніемъ. До глубины души возмущенный такимъ поведеніемъ, я лежалъ закрывшись книгой, стараясь показать, что не замѣчаю присутствія графа. Онъ отворилъ дверь и громко, точно у себя въ квартирѣ, позвалъ слугу.

— Скажи кучеру (вѣроятно дожидавшемуся у подъѣзда), чтобы онъ проѣхалъ мимо оконъ,—приказалъ графъ.

— Слушаю!—отвѣчалъ вошедшій слуга, а недовольный графъ, расположился у одного изъ оконъ съ намѣреніемъ какъ-нибудь убить время.

Я продолжалъ читать, но, наконецъ, не выдержалъ и тоже подошелъ къ окну. Мимо насъ, по улицѣ, то шагомъ, то крупной рысью, вытянувъ впередъ руки, проносился кучеръ.

Мы перекинулись двумя-тремя словами относительно рысака, а часъ спустя уже вступили въ горячій, нескончаемый споръ, гдѣ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

главную роль игралъ не предметъ, о которомъ спорили, а скорѣе какая-то странная, тотчасъ же всплывшая наружу вражда.

Десятки лѣтъ уже раздѣляютъ меня съ сутками проведенными глазъ на глазъ съ графомъ Толстымъ и, невольно съ каждымъ годомъ все болѣе подчиняясь вліянію его геніальнаго таланта, мнѣ Богъ знаетъ какъ бы хотѣлось припомнить каждое слово, сказанное имъ во время нашего невольнаго заключенія, но въ памяти уцѣлѣло только общее впечатлѣніе, общій смыслъ нашихъ разговоровъ. Помню, что замѣтивъ «Демона» Лермонтова, Толстой иронически отнесся къ стихамъ вообще, а потомъ, обратившись къ лежавшей возлѣ меня исторіи Карамзина, напустился на исторію, какъ на самый скучный и чуть ли не безполезный предметъ.

— Исторія,—рубилъ онъ съ плеча,—это ничто иное какъ собраніе басенъ и безполезныхъ мелочей, пересыпанныхъ массой ненужныхъ цифръ и собственныхъ именъ. Смерть Игоря, змѣя ужалившая Олега, что же это, какъ не сказки, и кому нужно знать, что второй бракъ Іоанна на дочери Темрюка совершился 21-го августа 1562 года, а четвертый на Аннѣ Алексѣевнѣ Колтовской въ 1572 году,—а вѣдь отъ меня требуютъ, чтобы я задолбилъ все это, а не знаю, такъ ставятъ единицу. А какъ пишется исторія: все пригоняется къ извѣстной мѣркѣ, измышленной историкомъ. Грозный царь, о которомъ, въ настоящее время, читаетъ профессоръ Ивановъ, вдругъ, съ 1560 года изъ добродѣтельнаго и мудраго превращается въ безсмысленнаго, свирѣпаго тирана. Какъ и почему, объ этомъ уже не спрашивайте...—приблизительно въ такомъ родѣ разсуждалъ мой собесѣдникъ.

Меня сильно озадачила такая рѣзкость сужденій, тѣмъ болѣе, что я считалъ исторію своимъ любимымъ предметомъ.

Незамѣтно наступилъ вечеръ, графскій лакей принесъ свѣчи, въ углахъ аудиторіи царилъ мракъ, а во всемъ громадномъ зданіи университета какая-то подавляющая тишина.

Прижавшись въ уголъ и завернувшись въ шинель, я пожелалъ своему собесѣднику покойной ночи, но онъ рѣшительно воспротивился моему намѣренію, удивляясь какимъ образомъ можно спать на голыхъ доскахъ.

Дѣлать было нечего, и мы снова принялись спорить, а вся неотразимая для меня сила сомнѣній Толстого обрушилась на университетъ и университетскую науку вообще. «Храмъ наукъ» уже не сходилъ съ его языка. Оставаясь неизмѣнно серьезнымъ, онъ въ такомъ смѣшномъ видѣ рисовалъ портреты нашихъ профессоровъ, что при всемъ желаніи оставаться равнодушнымъ, я хохоталъ, какъ помѣшанный.

— А между тѣмъ,—заключилъ Толстой,—мы съ вами вправѣ ожидать, что выйдемъ изъ этого храма полезными, знающими людьми. А что̀ вынесемъ мы изъ университета. Подумайте и

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

отвѣчайте по совѣсти. Что вынесемъ мы изъ этого святилища, возвратившись восвояси, въ деревню, на что будемъ пригодны, кому нужны?—настойчиво допрашивалъ Толстой.

Измученный безсонницей, я только слушалъ и упорно молчалъ.

Едва забрезжилось утро, какъ дверь отворилось—вошелъ вахмистръ и, раскланявшись, объявилъ, что мы свободны и можемъ расходиться по домамъ.

Толстой нахлобучилъ фуражку на глаза, завернулся въ шинель съ бобрами, слегка кивнулъ мнѣ головой, еще разъ ругнулъ храмъ и скрылся въ сопровожденіи своего слуги и вахмистра. Я тоже поспѣшилъ выбраться и вздохнулъ во всю грудь, отдѣлавшись отъ своего собесѣдника и очутившись на морозѣ, среди безлюдной, только-только просыпавшейся улицы. Отяжелѣвшая, точно послѣ угара, голова была переполнена никогда еще не забиравшимися въ нее сомнѣніями и вопросами, навѣянными страннымъ, рѣшительно непонятнымъ для меня товарищемъ по заключенію.

Такъ какъ мы съ Толстымъ были студентами юридическаго факультета—онъ перваго, а я второго курса, то на другой же день мы, волей или неволей, снова столкнулись въ коридорѣ. Меня такъ и подмывало возобновить вчерашній разговоръ, но стоило только взглянуть на неприступную, точно каменную фигуру графа, чтобы оставить такое намѣреніе и какъ можно скорѣе пройти мимо.

Въ послѣдній разъ встрѣтились мы на переводныхъ экзаменахъ, обыкновенно происходившихъ въ университетской актовой залѣ. Юристы первыхъ двухъ курсовъ, обезумѣвъ отъ страха, ожидали экзамена кровожаднаго профессора исторіи.

Вызываютъ графа Толстого, онъ подходитъ къ столу и беретъ билетъ, я пробираюсь какъ можно ближе и съ нетерпѣніемъ жду, что будетъ. Мнѣ любопытно было послушать, какъ отличится мой бывшій собесѣдникъ, котораго въ глубинѣ души я уже признавалъ выходящимъ изъ ряда вонъ.

Я могъ что-нибудь забыть, перепутать въ своихъ воспоминаніяхъ, но смутное сознаніе чего-то выдающагося, особеннаго и въ то же время непонятнаго, что заключалось въ графѣ Толстомъ, это сознаніе живо помнится мнѣ и я твердо увѣренъ, что не ошибаюсь въ этомъ.

Прошла минута, двѣ, нѣсколько минутъ. Я ждалъ съ замираніемъ въ сердцѣ, между тѣмъ какъ Толстой смотрѣлъ на билетъ, краснѣлъ и молчалъ. Ему предложили перемѣнить билетъ, съ которымъ повторилась та же исторія. Профессоръ тоже молчалъ, вперивъ въ студента насмѣшливый, ядовитый взглядъ. Разыгравшаяся передо мной тяжелая сцена кончилась тѣмъ, что графъ положилъ билетъ, повернулся и, не обращая ни на кого вниманія, не торопясь, направился къ выходнымъ дверямъ.

— Нуль, нуль, закатилъ нуль... шептались вокругъ меня.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Я потерялъ голову отъ волненія, а въ ближайшей группѣ аристократовъ, разодѣтыхъ точно на балъ и ожидавшихъ такой же участи, передавался слухъ, что какія-то дамы высшаго круга приступили къ профессору исторіи съ просьбой пощадить графа и тотъ торжественно обѣщалъ не ставить ему единицы.

— А вѣдь ловко нашелся — поставилъ нуль и правъ... ловко извернулся...—толковали студенты...

Я прислушивался къ насмѣшкамъ и остротамъ, сыпавшимся со всѣхъ сторонъ на голову Толстого, но въ глубинѣ души готовъ былъ поклясться, что онъ зналъ предметъ не хуже другихъ, могъ отвѣчать—и только не хотѣлъ... Почему поступилъ онъ такъ, а не иначе, чѣмъ было вызвано его упорное молчаніе—чрезмѣрной застѣнчивостью, или гордостью, этого я уже никакъ не могъ понять и объяснить себѣ.

Послѣ экзаменовъ я не встрѣчалъ болѣе Толстого въ Казани и уже лѣтъ 14—15 спустя неожиданно столкнулся съ нимъ на лѣстницѣ петербургскаго дома Краевскаго, на Литейной, гдѣ въ то время жили Панаевъ съ Некрасовымъ. Въ самыхъ дверяхъ квартиры Ивана Ивановича Панаева я столкнулся съ господиномъ въ шубѣ и артилерійской фуражкѣ. Глаза наши встрѣтились и я тотчасъ же узналъ графа Толстого, тогда уже извѣстнаго писателя. Я остановился, какъ вкопанный, и слѣдилъ за нимъ, пока онъ не повернулъ въ улицу. Въ изящномъ кабинетѣ Панаева я нашелъ Некрасова въ халатѣ по случаю болѣзни, Гербеля въ уланскомъ мундирѣ съ красными отворотами, Языкова, и въ сторонѣ, всегда державшагося особнякомъ, Добролюбова. Между собесѣдниками шелъ оживленный разговоръ, предметомъ котораго былъ только-что покинувшій общество графъ Толстой.

— Какъ жаль, что опоздали... ну чтобы вамъ пріѣхать пораньше,—обратился ко мнѣ всегда и для всѣхъ одинаково привѣтливый и радушный Панаевъ.—Вотъ бы наслушались всякихъ чудесъ... узнали бы, что Шекспиръ дюжинный писака и что наше удивленіе и восхищеніе Шекспиромъ не болѣе, какъ желаніе не отставать отъ другихъ и привычка повторять чужія мнѣнія. Да-съ, это курьезъ... человѣкъ не хочетъ знать никакихъ традицій, ни теоретическихъ, ни историческихъ,—и между собесѣдниками снова завязался оживленный разговоръ о томъ же загадочномъ, давно уже непонятномъ для меня человѣкѣ.

Чѣмъ болѣе проявлялась громадная даровитость Толстого, тѣмъ болѣе интересовало меня все, что до него касалось. Я собиралъ малѣйшія подробности, а бывши въ Москвѣ, въ 1872 году, съ неописаннымъ интересомъ выслушивалъ С. А. Юрьева, самаго искренняго и горячаго почитателя графа, какъ человѣка и великаго писателя. Вмѣстѣ съ Юрьевымъ мы собрались навѣстить Толстого въ Ясной Полянѣ и только болѣзнь Сергѣя Андреевича помѣшала

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

исполненію нашего намѣренія. Между прочимъ, сколько мнѣ помнится, Юрьевъ, съ своей обычной восторженностью, говорилъ о невѣроятной легкости, съ которой давалось Толстому изученіе каждаго интересовавшаго его предмета, о его наблюдательности, крайней простотѣ образа жизни, о его значеніи, какъ педагога.

Такъ же интересовали меня продолжительныя бесѣды о Толстомъ съ однимъ весьма симпатичнымъ артилерійскомъ полковникомъ, вмѣстѣ съ которымъ я провелъ лѣто на Балтійскомъ морѣ близъ Риги. Бывшій товарищъ Толстого по Севастополю съ видимымъ удовольствіемъ вспоминалъ о графѣ и времени проведенномъ съ нимъ въ одной батареѣ. Онъ даже узнавалъ себя въ одномъ изъ героевъ севастопольскихъ разсказовъ графа.

— Такъ скажу,—съ блаженной улыбкой повѣствовалъ старикъ,— Толстой своими разсказами и наскоро набросанными куплетами одушевлялъ всѣхъ и каждаго въ трудныя минуты боевой жизни. Онъ былъ, въ полномъ смыслѣ, душой батареи. Толстой съ нами— и мы не видимъ, какъ летитъ время и нѣтъ конца общему веселью... нѣтъ графа, укатилъ въ Симферополь—и всѣ носы повѣсили. Пропадаетъ день, другой, третій... Наконецъ возвращается... ну точь въ точь блудный сынъ,—мрачный, исхудалый, недовольный собой... Отведетъ меня въ сторону, подальше, и начнетъ покаяніе. Все разскажетъ, какъ кутилъ, игралъ, гдѣ проводилъ дни и ночи, и при этомъ, вѣрите ли, казнится и мучится, какъ настоящій преступникъ... Даже жалко смотрѣть на него—такъ убивается... Вотъ это какой былъ человѣкъ. Однимъ словомъ, странный и, говоря правду, не совсѣмъ для меня понятный, а съ другой стороны, это былъ рѣдкій товарищъ, честнѣйшая душа, и забыть его рѣшительно невозможно.

Въ настоящую минуту, когда я двадцать разъ перечиталъ каждую строчку, написанную рукою графа Толстого, съ тѣмъ, чтобы снова перечитывать ихъ и вѣчно находить въ его твореніяхъ нѣчто новое, чего еще не замѣтилъ, пропустилъ, или не оцѣнилъ по достоинству, когда въ трудныя минуты жизни, въ дни полнаго уединенія и бушующей въ степи мятели, я хватаюсь за книгу Толстого, какъ за испытанное вѣрное средство, поднимающее угнетенное состояніе духа, мнѣ все кажется, что я уже давнымъ давно знакомъ съ нѣкоторыми мыслями и убѣжденіями великаго писателя и когда-то слышалъ что̀-то похожее, въ слабыхъ едва уловимыхъ намекахъ, отъ моего товарища по заключенію въ шестой аудиторіи Казанскаго университета.

В. Назарьевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ПОЛТАВСКІЙ КАДЕТСКІЙ КОРПУСЪ ВЪ ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЕГО СУЩЕСТВОВАНІЯ.

ВЪ НАСТОЯЩЕМЪ году, 6-го декабря, исполнится пятьдесятъ лѣтъ съ открытія Петровскаго Полтавскаго кадетскаго корпуса.

Это заведеніе уже имѣетъ свою исторію. Въ теченіе полувѣка, оно успѣло перейти отъ старыхъ порядковъ къ новымъ, съ тѣмъ, чтобы, спустя двадцать лѣтъ, опять стать поближе къ прежнему строю кадетскихъ корпусовъ.

Пока, однакожъ, о Полтавскомъ корпусѣ написано немного и, притомъ, почти исключительно его учителями и воспитателями [1]).

Имѣя это въ виду и полагая, что для вѣрнаго и цѣльнаго представленія о внутреннемъ бытѣ каждаго, въ особенности же закрытаго, заведенія, могутъ оказаться далеко не лишними воспоминанія его прежнихъ питомцевъ, нѣсколько бывшихъ кадетъ Полтавскаго корпуса выразили намѣреніе подѣлиться съ своими однокашниками тѣмъ, что сохранилось въ ихъ памяти о заведеніи, въ стѣнахъ котораго, для многихъ изъ насъ, прошла лучшая пора юношескаго возраста.

Принадлежа къ Полтавскимъ кадетамъ первыхъ выпусковъ, я попытаюсь передать о корпусѣ, что помню за время моего въ немъ воспитанія, съ 1842 по 1847 годъ.

---

[1]) Гг. Зайцевымъ («Русская Старина» 1887 г., іюнь), Павловскимъ («Русская Старина» 1886 г., т. XII) и И. Р. Тимченко-Рубаномъ («Истор. Вѣстн.» 1890 г. № 6—8).

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

I.

Начну съ давнишней истины, въ силу которой: чтобы оцѣнивать—нужно сравнивать, а чтобы сравнивать—необходимо имѣть подъ рукою не отдѣльно-взятые случаи, а цѣлый рядъ жизненныхъ наблюденій.

Мнѣ каждый разъ вспоминается это всѣмъ извѣстное, но часто забываемое, правило, когда заходитъ рѣчь о старыхъ кадетскихъ корпусахъ. Объ нихъ существуетъ множество устныхъ разсказовъ и довольно обширная литература, ознакомившись съ которыми, однакожъ, нерѣдко встрѣчаешься съ совершенно противоположными взглядами на эти заведенія, даже и тогда, когда они высказываются одними и тѣми же лицами. Происходитъ это, вѣроятно, потому, что большинство этихъ мнѣній, составляясь подъ давленіемъ минуты, не могло быть достаточно откровеннымъ и на столько спокойнымъ, чтобы, не довольствуясь частностями, принимать во вниманіе общее положеніе всѣхъ условій тогдашней жизни. Даже по такимъ существеннымъ вопросамъ, какъ научное образованіе и воспитаніе старыхъ кадетъ, мнѣнія расходятся и двоятся. Такъ, одни находятъ, что въ прежнихъ корпусахъ науки сильно хромали, а воспитаніе, будто бы, шло, какъ по маслу; другіе, напротивъ, утверждаютъ, что классная часть процвѣтала, а воспитаніе, въ особенности нравственное, оставляло желать весьма многаго. Если, затѣмъ, обратиться къ прежнимъ законоположеніямъ и вникнуть въ ихъ основную мысль, то невольно приходится предположить, что тогдашнимъ корпусамъ предстояло одновременно удовлетворять двумъ требованіямъ: учить кадетъ для общегосударственныхъ цѣлей, и воспитывать—для спеціально-военнаго ихъ назначенія [1]).

Въ моихъ воспоминаніяхъ о Полтавскомъ корпусѣ я преимущественно и коснусь этихъ двухъ задачъ. Положеній, уставовъ и инструкцій, разумѣется, я разбирать не стану. Мои намѣренія болѣе скромныя. Я ограничусь лишь простой и возможно откровенной передачею того, что помню о живыхъ людяхъ, какъ они мнѣ когда-то представлялись, и о томъ, какъ мы учились и воспитывались полвѣка тому назадъ. Вообще говоря, тогда учить было легче, нежели воспитывать; талантливые и любящіе свое дѣло преподаватели встрѣчались чаще, нежели прозорливые и терпѣливые воспитатели; классная часть съ ея требованіями поставлена была вполнѣ опредѣленно, колебаній и частыхъ перемѣнъ въ учебныхъ

[1]) Задача научнаго образованія кадетъ главнымъ образомъ заключалась въ томъ, чтобы довести ихъ до твердаго убѣжденія въ пользѣ наукъ, какъ источника гражданскихъ и общественныхъ добродѣтелей (Св. Воен. пост. 1838 г., ч. I, кн. III). Воспитаніе же кадетъ должно было стремиться къ тому, чтобы сдѣлать ихъ способными къ перенесенію всѣхъ трудностей военной жизни.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

планахъ и въ руководствахъ не происходило; воспитательная же часть, напротивъ, нерѣдко зависѣла отъ личныхъ взглядовъ и даже капризовъ ближайшихъ руководителей этого столь важнаго дѣла; программа воспитанія, какъ скажу ниже, была слишкомъ широка и, по своей отвлеченности, трудно выполнима, какъ для кадетъ, такъ и для ихъ наставниковъ; что, какъ извѣстно, и побудило въ шестидесятыхъ годахъ принять мѣры для улучшенія воспитательной части въ военноучебныхъ заведеніяхъ.

Перехожу къ частностямъ и начну съ классной части, стоявшей тогда во главѣ всего остального.

II.

Въ мое время классныя занятія велись въ Полтавскомъ корпусѣ съ большимъ толкомъ, настойчиво и, въ общемъ, давали вполнѣ удовлетворительные результаты. Успѣхъ кадетъ достигался и обусловливался, однакожъ, не одними только принудительными мѣрами и частыми наказаніями, какъ это обыкновенно полагаютъ. Безъ взысканій, правда, не обходились. Розги и другія, хотя и не узаконенныя, тѣлесныя расправы, составляли обыденное явленіе въ тогдашней кадетской жизни. Но считаю нужнымъ замѣтить, что къ розгамъ въ мое время уже прибѣгалось не такъ часто, какъ говорятъ о томъ преданія и легенды. Собственно за неуспѣхи въ наукахъ сѣкли однихъ и тѣхъ же лѣнтяевъ, число которыхъ было невелико. Это наказаніе, въ мнѣніи кадетъ, считалось весьма позорнымъ, и начальство старалось производить его келейно. Я, по крайней мѣрѣ, за мое время помню одинъ лишь случай наказанія розгами передъ корпусомъ [1]). Думаю, что я не ошибусь, если скажу, что уже въ сороковыхъ годахъ замѣчается поворотъ къ болѣе мягкимъ пріемамъ обращенія не только въ кадетскихъ корпусахъ, но и въ войсковыхъ частяхъ. Причины тому общеизвѣстны; онѣ объясняются начавшимся тогда гуманнымъ направленіемъ въ русской журналистикѣ и въ нашемъ образованномъ обществѣ.

Я очень хорошо помню, какъ произведенные въ 1849 году и выпущенные заразъ въ одинъ гвардейскій полкъ семнадцать прапорщиковъ, лишь своимъ безмолвнымъ присутствіемъ на ученіяхъ, смягчали сердца и руки старыхъ ротныхъ командировъ. Помню также, какъ около того же времени и въ томъ же полку, молодымъ офицерамъ разрѣшено было не присутствовать при наказаніи передъ полкомъ сомнительно-виновнаго унтеръ-офицера [2]).

---

[1]) Объ этомъ родѣ наказаній и о нѣсколькихъ другихъ суровыхъ мѣрахъ упоминаетъ г. Павловскій въ своемъ историческомъ очеркѣ Полтавскаго корпуса, вѣроятно, какъ о явленіяхъ исключительныхъ, а не обычныхъ.

[2]) Этого унтеръ-офицера Макарова знали почти всѣ офицеры полка. Представительный, развитой, въ высшей степени исправный, отлично знавшій службу

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Привожу эти подробности въ виду того, что у насъ вообще любятъ приписывать всецѣло одной эпохѣ то, что началось гораздо раньше, забывая при этомъ, что многія явленія, въ томъ числѣ смягченіе или огрубѣніе нравовъ, совершаются не по мановенію волшебнаго жезла, а проводятся въ жизнь разумной постепенностью. Какъ бы то ни было, но учились мы не изъ одного только страха наказанія. Къ тому были и такія побужденія, какъ самолюбіе и природныя способности тогдашней учащейся молодежи.

Откуда, спросятъ, брались эти столь цѣнные двигатели, и почему теперь нерѣдко слышатся сѣтованія на ихъ замѣтное оскудѣніе?

Чтобы отвѣтить на такой щекотливый вопросъ, припомню вкратцѣ условія, при которыхъ жили наши отцы.

Еще въ тридцатыхъ годахъ помѣщичій бытъ въ Малороссіи отличался патріархальною простотою; дворянство хотя и служило, но многіе выходили въ отставку въ молодыхъ лѣтахъ, поселялись въ деревняхъ, спѣшили жениться и своихъ сыновей преимущественно отдавали въ корпуса. Уже потому, что кромѣ военной, тогда почти не было другихъ карьеръ для дворянства, наибольшее число даровитыхъ, хотя нерѣдко и плохо подготовленныхъ, юношей попадало въ военно-учебныя заведенія.

Полтавскій корпусъ въ этомъ отношеніи, пожалуй, былъ поставленъ еще въ болѣе благопріятныя условія. Открытый для дворянства Малороссійскихъ и Новороссійскихъ губерній, онъ принималъ къ себѣ дѣтей, почти исключительно выросшихъ въ деревенскомъ привольѣ, съ крѣпкимъ здоровьемъ, унаслѣдованнымъ отъ родителей, еще сохранявшихъ въ себѣ достаточный запасъ силъ стародавнихъ богатырей благодатной Украйны. Умственному и вообще культурному утомленію пока не откуда было взяться. Учили насъ дома не Богъ вѣсть чему, а самое обученіе начиналось гораздо позднѣе, нежели теперь. Живя въ глуши своихъ помѣстій и предпочтительно занимаясь сельскимъ хозяйствомъ, малороссійское дворянство, однакожъ, не чуждо было сословнаго честолюбія. Будучи, по сравненію съ великорусскимъ, новымъ и не знатнымъ, оно, какъ всякая недавняя аристократія, весьма чувствительно относилось къ своему благородству и всѣми мѣрами стремилось его укрѣплять и поддерживать, если не родственными связями, то хотя бы чинами и служебнымъ положеніемъ своихъ дѣтей. «Старайтесь учиться прилежно и хорошо, чтобы служить и дослуживаться», таковъ уже былъ кличъ средняго и особенно мелкопомѣстнаго дворянства въ Малороссіи, не задолго до открытія Полтавскаго корпуса.

и мягкій въ обращеніи съ солдатами, онъ пользовался общими симпатіями. Наказать его розгами передъ полкомъ приказано было за то, что кто-то изъ солдатъ его отдѣленія на смотру, при пальбѣ залпами, выстрѣлилъ прежде команды, чего Макаровъ не замѣтилъ и не могъ назвать виновнаго.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Большинство изъ насъ, конечно, помнило этотъ, часто повторяющійся въ нашихъ семьяхъ, призывъ къ умственному труду для служебной карьеры. Корпусное же начальство, среди котораго было не мало лицъ изъ мѣстнаго дворянства, зная его стремленія и встрѣчая въ его сыновьяхъ способности къ ученью, пользовалось, для возбужденія соревнованія въ юношахъ, чаще ихъ самолюбіемъ, нежели наказаніями.

Въ педагогіи существуютъ теоретическія положенія, совѣтующія избѣгать развитія въ молодежи излишняго самолюбія, какъ вреднаго начала. Безспорно, болѣзненное самомнѣніе, какъ и болѣзненная тупость, весьма не желательны; но если ужъ выбирать изъ этихъ двухъ золъ, то скорѣе первое, и вотъ по какимъ практическимъ соображеніямъ. Отъ избытка самолюбія люди излечиваются щелчками жизненнаго опыта, отъ самоувѣренной же косности иногда и палка не поможетъ. При томъ, чрезмѣрное самолюбіе въ большинствѣ вредитъ только тѣмъ, кто его проявляетъ, и, напротивъ, въ постороннихъ и умѣлыхъ рукахъ оно весьма можетъ пригодиться въ тѣхъ рискованныхъ и отвѣтственныхъ случаяхъ, гдѣ благонадежная, но ограниченная скромность способна лишь осторожно безмолвствовать и мудро бездѣйствовать. Сколько помнится, въ Полтавскомъ корпусѣ поощреніе самолюбія въ его воспитанникахъ, не дѣлая вреда, приносило видимую пользу, въ особенности по классной части. Эта часть, какъ я уже сказалъ, была поставлена на первомъ планѣ и успѣхи въ наукахъ получали преобладающее значеніе въ оцѣнкѣ воспитанниковъ. Лучшихъ учениковъ знали всѣ, отъ директора до послѣдняго лѣнтяя въ корпусѣ. Увальнямъ по фронту, отчаяннымъ школьникамъ, даже смѣлымъ и рѣзкимъ на слово кадетамъ, многое сходило съ рукъ и прощалось, если они въ классахъ стояли высоко. Поощрялись, однако, не одни только первые ученики, записанные на красныя доски; достаточно было проявить способности по какому-либо предмету, чтобы быть увѣреннымъ во вниманіи и снисхожденіи начальства, въ случаѣ провинностей и недочетовъ по другимъ предметамъ преподаванія. Въ такихъ пріемахъ, опять-таки, современная педагогія можетъ усмотрѣть противорѣчіе ея основнымъ началамъ, и, разумѣется, будетъ права, если идеаломъ школы поставить такъ-называемаго «средняго ученика», а мѣриломъ ея успѣховъ — средній баллъ по всему классу или по всему заведенію. Но въ мое время еще не было надобности ни въ среднемъ ученикѣ, ни въ Силоамскихъ купеляхъ для исцѣленія наслѣдственнаго слабосилія. Сколько помню, вопросъ о нашихъ способностяхъ рѣшался просто. Тогда намъ старались внушить, что мы всѣ равно способны, хотя и не равно усердны. «При рожденіи каждый человѣкъ надѣленъ отъ Бога всѣмъ поровну», говорилось въ рѣчахъ корпуснаго священника, почтеннаго отца Сіяльскаго; наши ротные командиры допу-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

скали только лѣнивыхъ и не дѣлали имъ снисхожденія по неспособности, хотя такіе, конечно, встрѣчались; наконецъ, нашъ вѣчносуровый директоръ Струммилло не разъ повторялъ: «вы дѣти дворянъ, а не каптенармусовъ, ваше мѣсто въ гвардіи, и я добьюсь того, что изъ моего корпуса не будетъ гарнизонныхъ «воробьевъ» [1]).

Помнится мнѣ и такая сцена. Однажды кто-то крикнулъ подъ розгами:—«Ѳедоръ Григорьевичъ! простите, я заниматься не способенъ».—«Прибавь ему, Огневъ [2])», — отвѣтилъ на эту откровенность инспекторъ классовъ Ѳ. Г. Ницкевичъ. Покончивъ наказаніе, Ницкевичъ вошелъ въ нашъ классъ и сказалъ: — «такой-то заявилъ мнѣ, что ему трудно заниматься; въ вашемъ классѣ, я знаю, много сильныхъ учениковъ по всѣмъ предметамъ; помогите товарищу и докажите ему, что онъ учиться можетъ».

Нужно замѣтить, что не только въ нашемъ, но и въ каждомъ классѣ, дѣйствительно, было нѣсколько такихъ сильныхъ учениковъ и Ницкевичъ не только ихъ зналъ, но дѣлалъ все, чтобы, возбуждая ихъ любознательность, пріохотить къ занятіямъ тѣмъ или другимъ предметомъ. Для этого онъ самъ подыскивалъ и выдавалъ кадетамъ книги изъ классной библіотеки, провѣрялъ прочитанное ими и, притомъ, при весьма поощрительной обстановкѣ. Пользуясь «пустыми классами», когда не было преподавателя, Ницкевичъ, безъ всякихъ формальностей, вступалъ съ кадетами въ бесѣды о пройденномъ и прочитанномъ ими, вызывая ихъ на состязанія, откровенности и даже шутки. Помню, что уже во второмъ и въ третьемъ классѣ (по нынѣшнему IV и V общій) болѣе сильнымъ изъ насъ въ какомъ-либо предметѣ Ницкевичъ поручалъ составлять небольшія сочиненія по выбору самихъ кадетъ, или на заданную тему и по указаннымъ имъ источникамъ [3]). Эти внѣклассныя работы мы читали на квартирѣ Ницкевича, для чего разъ въ мѣсяцъ онъ приглашалъ къ себѣ по вечерамъ нѣсколь-

---

[1]) Въ то время офицеры линейныхъ и гарнизонныхъ баталіоновъ носили на киверахъ, вмѣсто герба трехпламенную гранату, своимъ рисункомъ напоминающую летящаго воробья. Попасть подъ крылья этой неважной птицы считалось весьма обиднымъ для кадетскаго самолюбія, тѣмъ болѣе, что тогда общество офицеровъ въ гарнизонныхъ баталіонахъ почти исключительно состояло изъ «бурбоновъ», т. е. изъ выслужившихся нижнихъ чиновъ. Корпусные служителя унтеръ-офицерскаго званія, какъ, напримѣръ, каптенармусы, тоже производились въ офицеры этихъ баталіоновъ.

[2]) Огневъ—корпусный барабанщикъ изъ кантонистовъ, съ особымъ увлеченіемъ исполнявшій въ классахъ ликторскія обязанности; въ ротахъ по этой части были свои артисты-каптенармусы.

[3]) Очень хорошо помню, что первое мое сочиненіе было о германскомъ императорѣ Фридрихѣ Барбароссѣ, этомъ покровителѣ наукъ, въ глубокой старости принявшемъ участіе въ крестовомъ походѣ и о смерти котораго существуетъ столько поэтическихъ легендъ. Помню также, что въ этотъ вечеръ читалъ свое довольно длинное стихотвореніе Ив. Ал. Боголюбовъ, нынѣшній директоръ Оренбургскаго корпуса, а тогда кадетъ Полтавскаго корпуса.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

кихъ преподавателей, которые, тутъ же, за чаемъ, и разбирали наши сочиненія. И до сихъ поръ я съ удовольствіемъ и благодарностью вспоминаю объ этихъ симпатичныхъ вечерахъ и весьма для насъ полезныхъ занятіяхъ,—полезныхъ въ особенности потому, что сильные ученики не стояли особнякомъ и, не кичась своими познаніями, охотно дѣлились ими съ болѣе слабыми товарищами. Въ то время на обязанностяхъ ротныхъ офицеровъ не лежали занятія съ малоуспѣшными по классамъ кадетами. Въ этомъ дѣлѣ мы сами должны были помогать другъ другу. Не знаю, какъ было послѣ, но при мнѣ это добровольное и, конечно, совершенно даровое туторство составляло обычное явленіе въ корпусѣ. По вечерамъ, во время приготовленія уроковъ, въ «пустыхъ классахъ» и, въ особенности, передъ экзаменами, эти неофиціальные туторы, не жалѣя горла, а иногда и затрещинъ, усердно передавали своимъ товарищамъ премудрость «Пиѳагоровыхъ штановъ», тонкости Ньютонова бинома, хитрости квадратныхъ корней, сообща долбили хронологію и прочее.

Не такъ давно, я случайно попалъ въ одно закрытое заведеніе. Въ классахъ шли вечернія занятія по подготовкѣ уроковъ. Я зашелъ въ младшій классъ, гдѣ сидѣло около 15-ти исключительно слабыхъ и малоуспѣшныхъ учениковъ. Порядокъ былъ образцовый. Полусонные ученики, уткнувшись въ тетради и книги, соблюдали тишину и безмолвіе; офиціальный туторъ-воспитатель, застегнутый на всѣ крючки, чинно расхаживалъ между столами, по временамъ заглядывая въ ученическія тетради. Онъ никого не спрашивалъ, и его никто не безпокоилъ. При моемъ входѣ въ классъ, воспитатель оживился и, обращаясь къ ученикамъ, спросилъ: «кто чего не понялъ?» Молчаніе.—«Такой-то, вы все поняли?»—Нѣтъ, отвѣтилъ тотъ нерѣшительно.—«Чего же вы, собственно, не поняли?»—Я ничего не понялъ.—«Какъ же вы сидѣли цѣлый часъ и меня не спросили?»—Я боялся васъ безпокоить.—Воспитатель приступилъ къ разъясненіямъ во всеуслышаніе, съ безпрестаннымъ обращеніемъ ко всѣмъ остальнымъ ученикамъ. Словомъ, это былъ, по всѣмъ правиламъ и пріемамъ, урокъ для всего класса по данному предмету, но не туторское приготовленіе—по одиночкѣ и по группамъ. Едва воспитатель успѣлъ войти въ свою роль, какъ раздался призывъ къ ужину. Занятія кончились, и какъ знать, многимъ ли они принесли пользу, многіе ли приготовили свои уроки? Признаюсь откровенно, при этихъ невольно возникшихъ вопросахъ, я вспомнилъ и пожалѣлъ о туторахъ изъ кадетъ. Конечно, они были самоучки-добровольцы, но ихъ можно было безъ церемоніи, въ урочное и не урочное время, просить, хотя десять разъ, повторять непонятое. Тутору-кадету это было чрезвычайно полезно; онъ училъ и учился самъ, нерѣдко, правда, въ перемежку съ рекреаціями и съ шалостями. Но, вѣдь ученье, какъ растеніе, любитъ не только

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

свѣтъ, но и извѣстный просторъ; оно же, какъ все живое, требуетъ умѣлаго и отвѣчающаго его свойствамъ обращенія.

Полагаю, что мною достаточно сказано, для выясненія того: какъ понимались наши способности и какъ относилось къ нимъ начальство корпуса. Не берусь судить, правильна ли была принятая въ немъ классная система, но могу утверждать, что, при ея выполненіи, въ учащемся преимущественно поощрялись занятія тѣмъ предметомъ, къ которому онъ выказывалъ природную склонность. «Пусть занимается чѣмъ-либо, лишь бы занимался съ любовью, а разъ явится охота къ одному предмету—явится и къ другимъ», такъ думали лучшіе тогдашніе преподаватели, а такихъ было не мало въ нашемъ корпусѣ, благодаря тщательному ихъ подбору почтеннымъ Ницкевичемъ. Не знаю, былъ ли онъ ученымъ инспекторомъ, но, несомнѣнно, обладалъ административнымъ тактомъ, педагогическимъ чутьемъ и вѣрнымъ пониманіемъ порученнаго ему нелегкаго дѣла.

Въ первые же годы открытія корпуса, Ницкевичъ съѣздилъ въ Кіевъ и въ Харьковъ, и тамъ подъискалъ для старшихъ классовъ преподавателей, окончившихъ университеты этихъ городовъ [1]).

О нѣкоторыхъ изъ нихъ я скажу въ своемъ мѣстѣ; тутъ же замѣчу вообще, что всѣ они вели свое дѣло съ величайшею добросовѣстностью; отдавали все свое время корпусу и горячо относились къ умственному развитію и успѣхамъ кадетъ. Въ большинствѣ это были молодые люди, полные энтузіазма, частью увлекающіеся, но искренно желающіе намъ добра. Мягкіе и благовоспитанные, они и на насъ въ этомъ отношеніи имѣли замѣтное воспитательное вліяніе, чего нельзя сказать о нѣкоторыхъ изъ нашихъ воспитателяхъ и учителяхъ, дозволявшихъ себѣ, какъ увидимъ далѣе, ручную расправу и оскорбительную для самолюбія фамильярность. Не стану утверждать, что наши познанія въ наукахъ были тверже и основательнѣе нынѣ усвоиваемыхъ въ корпусахъ; весьма вѣроятно, что средній уровень успѣховъ, къ которому теперь стремятся, выше и солиднѣе нашего, но, едва ли я преувеличу, сказавъ, что начитанности и общаго развитія у насъ замѣчалось, какъ будто бы, больше. Читаютъ, конечно, и теперь, но это чтеніе скорѣе подневольное, нежели добровольное. Зададутъ образцы—ихъ и прочтутъ; мало того, эти же образцы, для поученія цѣлаго класса, до того усердно разжевываются преподавателемъ, что въ нихъ остается очень ужъ мало матеріала для самостоятельнаго мышленія и художественнаго наслажденія учениковъ. При насъ это дѣлалось иначе; мы сами читали, что намъ нравилось, и сами, какъ умѣли, оцѣнивали беллетристическія и даже научныя сочиненія.

[1]) Кромѣ Пильчикова, Бѣлозерскаго, Воржанскаго, Котельникова, къ намъ оттуда же пріѣхали еще Дейкъ (кенигсбергскій студентъ) и Таксисъ, для занятій нѣмецкимъ и французскимъ языками.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Чтобы не быть голословнымъ, назову нѣсколькихъ изъ моихъ товарищей, которые считались между нами наиболѣе начитанными по разнымъ предметамъ. Въ этомъ отношеніи Ош—цовъ особенно выдавался и увлекался до того, что не только прочелъ, но и составилъ коментаріи на Библію и Коранъ. Другой его товарищъ по классу, Р—вскій постоянно возился съ сочиненіями по естествознанію и по книгамъ открылъ, что улитки весьма питательны, и потому сталъ ими завтракать—«ради науки», не смотря на протестъ товарищей и запрещеніе начальства. Читающихъ сочиненія по математикѣ и физикѣ было нѣсколько; по географіи и исторіи еще больше. Помню, какъ Малиновскій, не особенно преуспѣвавшій по другимъ предметамъ, выписалъ на свой счетъ изъ Петербурга тогда весьма недешевыхъ Беккера и Лоренца, зачитывался ими и даже въ дракахъ ссылался на примѣры героевъ древней Греціи и Рима. Я уже не говорю о томъ, что многіе изъ насъ, хотя это и не входило въ программу преподаванія, еще въ корпусѣ прочли исторію Малороссіи Конисскаго, Маркевича, Бантышъ-Каменскаго, «Запорожскую старину» Срезневскаго и Скальковскаго, народныя пѣсни Метлинскаго, сочиненія Михайловскаго-Данилевскаго, Дениса Давыдова и прочихъ. По беллетристикѣ читали много; Гоголя, Пушкина и Лермонтова заучивали наизусть и имъ подражали, кто прозою, кто стихами. Очень хорошо помню длинную и растрепанную фигуру «озлобленнаго поэта» Б—скаго 2-го, съ Шиллеромъ или Гете подъ мышкою, вѣчно декламировавшаго свои переводы на русскій языкъ этихъ и другихъ нѣмецкихъ лириковъ. Повторяю, никто насъ усиленно не наталкивалъ на всѣ эти чтенія, и если существовалъ въ этомъ отношеніи надзоръ, то мы его не замѣчали. Хорошо ли это или дурно, не мое дѣло; я передаю только факты, бывшіе, вѣроятно, и въ другихъ тогдашнихъ корпусахъ, о которыхъ, однакожъ, внѣ ихъ стѣнъ, существовало мнѣніе, будто бы, въ этихъ заведеніяхъ царилъ мракъ невѣжества.

Спросятъ, что же, однако, выходило изъ этой страсти къ чтенію? Выходило, отвѣчу я, большею частью полезное, весьма рѣдко нежелательное, иногда забавное. Для иллюстраціи, припомню и разскажу нѣсколько случаевъ. Польза отъ нашего чтенія была общая и частная, отдаленная и ближайшая. Развивая въ насъ художественное чутье, пытливость ума и, вообще, расширяя кругозоръ, чтеніе давало намъ и въ частности такія свѣдѣнія, съ которыми мы встрѣчались въ курсахъ спеціальныхъ классовъ.

По совершенно справедливому отзыву И. Р. Тимченко-Рубана [1]), полтавскіе кадеты первыхъ выпусковъ, пріѣзжая въ Дворянскій полкъ, обращали на себя вниманіе общей развитостію и знаком-

[1]) См. «Истор. Вѣстн.» 1890 г., № 7. И. Р. Тимченко-Рубанъ отвозилъ изъ Полтавы въ Петербургъ первые четыре выпуска.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ствомъ съ иностранными языками. Я очень хорошо помню, какъ почтенный преподаватель тактики въ Дворянскомъ полку, полковникъ И. Я. Клугенъ, слушая наши отвѣты изъ военной исторіи, сперва сердился, а потомъ перемѣнялъ гнѣвъ на милость, когда мы пускались въ подробности, давно намъ извѣстныя изъ Данилевскаго, Бутурлина и другихъ.

— И откуда ты, камчадалъ, взялъ это?—спросилъ меня разъ Иванъ Яковлевичъ, когда я ему отвѣтилъ о партизанскихъ дѣйствіяхъ Фигнера.

— Изъ «Журнала военно-учебныхъ заведеній» [1]), прочитаннаго мною еще въ Полтавѣ,—доложилъ я полковнику Клугену.

Выходили и болѣе серьозныя недоразумѣнія. Полтавецъ перваго выпуска Ош—цевъ, какъ я уже сказалъ, начитавшись Корана, завелъ рѣчь о религіозныхъ догматахъ съ законоучителемъ Дворянскаго полка, извѣстнымъ и просвѣщеннѣйшимъ отцомъ Іоанномъ Рождественскимъ. Ош—цевъ не пострадалъ, но тогда же наряжено было секретное дознаніе о преподаваніи Закона Божьяго въ Полтавскомъ корпусѣ.

Комичнѣе кончилась начитанность моего товарища по классу, Воротынцева [2]). Чудакъ по натурѣ и простоватый по привычкамъ, Воротынцевъ болѣе всего симпатизировалъ Суворову и никогда не разставался съ его жизнеописаніемъ, составленнымъ пресловутымъ Фуксомъ. Когда намъ предстояло ѣхать въ кибиткахъ и на долгихъ изъ Полтавы въ Дворянскій полкъ, Воротынцевъ, увлекаясь Суворовскими форсированными маршами, задумалъ и рѣшилъ совершить это путешествіе пѣшкомъ и со всѣми походными лишеніями. До Москвы все шло благополучно; Воротынцевъ рѣдко присѣдалъ въ кибитку, спалъ не въ ней, а рядомъ, на соломѣ, вставалъ раньше всѣхъ и проч. Подъ Москвою, однакожъ, Воротынцеву не повезло. Запутавшись въ массѣ подходившихъ къ заставѣ обозовъ, онъ потерялъ насъ изъ виду и, какъ безпаспортный, попалъ въ московскую полицію.

Но, скажутъ, все это ребяческія увлеченія и безсистемная затрата времени, въ ущербъ правильнаго и уравнительнаго прохожденія школьнаго курса наукъ. Совершенно вѣрно уже потому, что мы, во-первыхъ, тогда дѣйствительно были ребятами и, во-вторыхъ, потому, что тогдашніе педагоги смотрѣли проще на дѣло и, вѣроятно, полагали, что ихъ воспитательные пріемы соотвѣтствуютъ данному времени. Отдавая предпочтеніе состязательной, а не урав-

[1]) Сколько помню въ этомъ журналѣ было не мало статей, охотно читаемыхъ кадетами. Потомъ этотъ журналъ, какъ и многое у насъ, замеръ и уступилъ мѣсто «Педагогическому Сборнику», издаваемому, съ 1864 года, уже не для воспитанниковъ, а для наставниковъ военн. учб. заведеній.

[2]) Вышелъ въ саперы, служилъ на Кавказѣ, гдѣ, до своей кончины, командывалъ пѣхотнымъ полкомъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

нительной системѣ, поощряя индивидуальныя наклонности и не стѣсняя нашей пытливости, они по своему опыту знали, что товарищескій примѣръ дѣйствуетъ заразительно и выравниваетъ слабыхъ по сильнымъ; что общеобразовательная школа, какъ бы она превосходно организована ни была, даетъ только начало, а не всѣ знанія, наконецъ, что лишь любознательность, зародившаяся въ школѣ, можетъ послужить вѣрнѣйшимъ залогомъ дальнѣйшаго научнаго самоусовершенствованія. Если затѣмъ припомнить, что прежніе корпуса, болѣе нежели нынѣшніе, должны были заботиться о подготовленіи своихъ воспитанниковъ на разнообразныя поприща, на которыхъ нѣкоторымъ изъ нихъ и приходилось дѣйствовать въ предшествовавшее и, особенно, въ минувшее царствованіе, то, быть можетъ, не очень ужъ ошибалось тогдашнее корпусное начальство въ своемъ стремленіи придать научной подготовкѣ кадетъ общеобразовательное значеніе, что, какъ было уже сказано, не противорѣчило тогдашнимъ видамъ и цѣлямъ правительства.

III.

Перехожу къ воспитанію въ Полтавскомъ корпусѣ.

Если и теперь вопросъ о томъ: какъ слѣдуетъ воспитывать юношество по многимъ статьямъ стоитъ открытымъ, то полвѣка тому назадъ онъ долженъ былъ составлять, и дѣйствительно составлялъ, одну изъ труднѣйшихъ задачъ школьнаго дѣла.

Если при умственномъ образованіи врожденнымъ способностямъ юношѣ можно и должно давать извѣстную свободу, то въ области воспитанія ихъ приходится, напротивъ, сдерживать, осторожно и во время направлять, а не предоставлять собственному ходу, или постороннимъ внушеніямъ, хотя бы товарищескимъ. Словомъ, нравственныя качества, особенно въ юношескомъ возрастѣ, столь разнообразны и, подчасъ, столь трудно-уловимы, что только пристальный и искусный надзоръ можетъ во время замѣтить то, что нужно исправить и направить въ извѣстную сторону воспитуемаго, не ломая коренныхъ и сильныхъ задатковъ его характера. Обыкновенно полагаютъ, что въ кадетскихъ корпусахъ, какъ закрытыхъ заведеніяхъ, это достигается легче, при такихъ, повидимому, благопріятныхъ условіяхъ, какъ: точная опредѣленность воспитательныхъ цѣлей, однородный составъ по происхожденію и понятіямъ воспитанниковъ, близость за ними надзора и строгость внутреннихъ порядковъ, выполняемыхъ съ военною точностью офицерами-воспитателями. Ближе вникнувъ въ дѣло, пожалуй, можно было бы привести нѣсколько доводовъ противъ кажущейся легкости воспитанія въ корпусахъ; но это не входитъ въ мою задачу, а потому, держась только фактовъ, я коснусь лишь вкратцѣ сперва того: въ чемъ въ наше время состояла сущность программы корпуснаго воспитанія,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

а затѣмъ скажу: кѣмъ она выполнялась и съ какимъ матеріаломъ приходилось имѣть дѣло нашимъ воспитателямъ въ Полтавскомъ корпусѣ.

Тогда, какъ и теперь, устройство почти всѣхъ кадетскихъ корпусовъ въ главныхъ чертахъ было одинаково. Въ ихъ воспитательную программу входили тѣ же начала, какія и нынѣ служатъ основаніемъ для нравственнаго и физическаго развитія кадетъ. Руководствуясь указаніями свыше, изъ насъ, кадетъ, прежде всего предстояло подготовить преданныхъ и усердныхъ слугъ Государю и отечеству, затѣмъ дать обществу и семьѣ религіозныхъ, убѣжденно-честныхъ и вполнѣ русскихъ людей. Рядомъ съ нравственнымъ совершенствованіемъ, должно было идти физическое развитіе кадетъ, какъ будущихъ воиновъ и людей, не чуждыхъ извѣстнаго свѣтскаго лоска и благоприличія. Короче говоря, имѣлось въ виду внушить намъ патріотическія чувства, вѣрное пониманіе государственныхъ принциповъ страны, семейныя и общественныя добродѣтели, благородство души, чистоту нравовъ и твердость характера. Обо всемъ этомъ не разъ объявлялось намъ въ приказахъ по корпусу, а нашимъ воспитателямъ вмѣнялось въ обязанность объяснять сущность столь обширной и весьма отвлеченной для юношескихъ понятій — этики. Сознаюсь откровенно, я, при всемъ желаніи, весьма затрудняюсь припомнить и передать: какъ все это нами усвоивалось, понималось и запоминалось. Думаю, однакожъ, что не столько приказы и словесныя внушенія, которые, замѣчу кстати, плохо у насъ запоминаются, сколько рѣзкіе случаи изъ обыденной жизни, надолго оставляя впечатлѣніе, вліяли на складъ нашихъ нравственныхъ понятій и руководили затѣмъ нашими поступками въ дальнѣйшей жизни. Въ этомъ отношеніи примѣръ нашихъ воспитателей, конечно, имѣлъ преобладающее значеніе. Слѣдя за ними съ дѣтскимъ любопытствомъ, а иногда и злорадствомъ, мы, разумѣется, должны были многое отъ нихъ заимствовать, частью подражать, а частью и воздерживаться отъ подражаній.

Какъ я уже сказалъ, обыкновенно полагаютъ, что составъ корпусныхъ воспитателей отличается однородностью и сплоченностью. Можетъ, теоретически это и такъ, только съ кадетской точки зрѣнія каждый изъ нихъ представляетъ свои особенности, рѣдко ускользающія отъ тонкой и чуткой дѣтской наблюдательности. Не знаю, какъ теперь, но въ мое время сильныя и слабыя стороны каждаго воспитателя мы подмѣчали очень скоро и оцѣнивали ихъ, быть можетъ, не безъ шаржа, но въ большинствѣ довольно вѣрно. Воспроизвести съ фотографическою точностью образы и рѣчи тѣхъ, кто, около пятидесяти лѣтъ назадъ, такъ часто служилъ причиною нашей веселости и огорченій, конечно, невозможно; однакожъ, представленія о нѣкоторыхъ лицахъ и по сейчасъ настолько

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

живо сохранились въ моей памяти, что я попытаюсь сдѣлать имъ краткую характеристику.

Первымъ директоромъ корпуса былъ назначенъ В. Ф. Святловскій, передъ тѣмъ занимавшій должность баталіоннаго командира въ Московскомъ корпусѣ [1]). Маленькій, худенькій, нервный и болѣзненно-заботливый, Святловскій настолько былъ опытенъ, что сразу понялъ дѣло и съумѣлъ его поставить, какъ слѣдуетъ. Сколько помню, Святловскій очень часто посѣщалъ классы, но не вмѣшивался въ эту часть, а предоставлялъ вести ее почти самостоятельно инспектору классовъ, Ницкевичу, голосъ и мнѣнія котораго цѣнилъ и въ вопросахъ воспитанія. Святловскій лично слѣдилъ только за занятіями кадетъ по иностраннымъ языкамъ; чтобы побудить и заохотить ихъ къ этому, онъ, почти ежедневно являлся къ обѣду и ужину кадетъ, съ которыми и заговаривалъ на ломаномъ французскомъ языкѣ съ польскимъ акцентомъ. По его же настоянію, мы должны были въ извѣстные часы объясняться между собою тоже по-французски. Это обыкновенно происходило въ вечернюю рекреацію. Велись занятія такъ. За полчаса передъ ужиномъ, въ роты приходили учителя французскаго языка Соссе и Таксисъ, а мы всѣ, разбившись на нѣсколько кучекъ, становились около своихъ репетиторовъ-товарищей, болѣе сильныхъ во французскомъ языкѣ, и должны были отвѣчать на предлагаемые ими вопросы. Соссе и Таксисъ обходили эти кружки, вступали съ кадетами въ разговоры и на слѣдующій день задавали нѣсколько новыхъ фразъ, которыя тутъ же и писались на доскѣ мѣломъ. Въ этотъ-то обязательно-назначенный получасъ никто не имѣлъ права говорить по русски, подъ страхомъ получить марку и остаться безъ послѣдняго блюда за ужиномъ. Вначалѣ, когда въ корпусѣ были только младшіе классы, а въ ротахъ не было полнаго комплекта, для занятія языками находилось и время, и возможность услѣдить за ними. Но уже на третьемъ году существованія корпуса не было ни марокъ, ни французскихъ фразъ въ ротахъ, хотя въ классахъ преподаватели иностранныхъ языковъ строго требовали отъ насъ знанія уроковъ, правильнаго произношенія и очень ужъ много граматики, которую, по правдѣ говоря, мы знали весьма плохо.

Гг. Павловскій и Рубанъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, высоко ставятъ Святловскаго, какъ воспитателя. Судить объ этомъ не берусь; знаю только, что тѣхъ назидательныхъ и поучительныхъ приказовъ, которыми онъ, будто бы, дѣйствовалъ на кадетъ, я рѣшительно не помню, хотя до сихъ поръ сохраняю въ памяти уже

[1]) Воспитаніе получилъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, изъ котораго выпущенъ офицеромъ въ пѣшую артилерію. Затѣмъ поступилъ дежурнымъ офицеромъ во 2-й же кадетскій корпусъ, гдѣ одно время завѣдывалъ классною частью («Рус. Архивъ» 1878 г. и «Рус. Старина» 1886 г.).

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

послѣ Святловскаго прочитанный намъ передъ корпусомъ, приказъ о разжалованіи въ рядовые генерала Тришатнаго, за злоупотребленія во внутренней стражѣ, которою онъ командовалъ. Признаюсь, я и до сихъ поръ хорошенько не понимаю: для чего нужно было знать дѣтямъ-кадетамъ объ этихъ злоупотребленіяхъ, какъ не понимаю и того: для какой цѣли читали намъ по утрамъ артикулы Петра Великаго [1]). Плохо понимая духъ того времени и своеобразный языкъ этого уголовнаго кодекса, мы съ недоумѣніемъ слушали о всѣхъ этихъ «нещадныхъ» колесованіяхъ, четвертованіяхъ, шпицрутированіяхъ, аркебузированіяхъ и т. п. Вскорѣ, однакожъ, чтеніе артикула было отмѣнено, къ немалому нашему удовольствію.

Чтобы закончить о Святловскомъ, добавлю, что онъ, на сколько могъ, заботился о доброй репутаціи корпуса, для чего старался ладить съ полтавскими властями и поддерживалъ связи съ обществомъ. Нашу церковь, годичные акты, домашніе спектакли [2]) посѣщали многіе, равно и кадетъ приглашали въ семейные дома, на вечера, балы и проч.

Совсѣмъ къ другому типу принадлежалъ Струммило, назначенный послѣ смерти Святловскаго директоромъ нашего корпуса. Грозный и грубый, онъ напоминалъ суроваго строевика Аракчеевскихъ временъ и менѣе всего походилъ на педагога, хотя предъ тѣмъ и служилъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ [3]). Струммило рѣдко заходилъ въ классы, хотя по своему и интересовался нашими успѣхами въ наукахъ. Хозяйство корпуса держалъ въ большомъ порядкѣ, требовалъ чистоты и тщательной пригонки одежды кадетъ, обращалъ вниманіе на выправку ихъ и, являясь передъ фронтомъ, чувствовалъ себя гораздо больше на мѣстѣ, нежели въ гостиныхъ и въ обществѣ, съ которымъ на столько разошелся, что долженъ былъ оставить корпусъ, послѣ своей безтактной выходки въ дворянскомъ собраніи [4]). Тимченко-Рубанъ

---

[1]) Артикулъ воинскій 1716 года; часть воинскаго устава Петра I-го, заключающая въ себѣ законы о воинскихъ преступленіяхъ и наказаніяхъ. Въ 1839 году, съ изданіемъ новаго военнаго уголовнаго устава при св. военныхъ постановленій, артикулъ былъ отмѣненъ, но намъ продолжали его читать до 1843 года.

[2]) При Святловскомъ въ домашнихъ спектакляхъ для кадетъ принимали участіе исключительно корпусные офицеры и ихъ семейства. Впослѣдствіи же играли только кадеты, преимущественно въ малороссійскихъ пьесахъ Котляревскаго и Гр. Основьяненко, что̀, замѣчу, не дѣлало изъ насъ ни сепаратистовъ, ни ярыхъ украинофиловъ, а лишь заохачивало къ чтенію и наблюдательности.

[3]) Струммило воспитывался во второмъ кадетскомъ корпусѣ, былъ дежурнымъ офицеромъ въ Дворянскомъ полку и баталіоннымъ командиромъ въ Аракчеевскомъ Новгородскомъ корпусѣ, откуда и былъ назначенъ къ намъ директоромъ.

[4]) Струммило былъ католикъ. Вскорѣ послѣ пріѣзда въ Полтаву онъ женился на богатой полькѣ, отецъ которой почему-то не сходился съ мѣстнымъ дворянствомъ. Струммило, слѣдуя примѣру своего тестя, тоже держалъ себя

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что при Струммило тѣлесныя наказанія усилились, а нравственность кадетъ значительно понизилась и дошла, будто бы, до того, что появилось воровство со взломомъ и проч. Можетъ быть, это было позже, но при мнѣ такого рѣзкаго перелома: ни въ наказаніяхъ, ни въ нравственности кадетъ я не помню. Сѣкли и надѣляли кадетъ всяческими пинками въ достаточномъ числѣ и до назначенія директоромъ Струммило. Проявлялись и до него грубости и шалости [1]), но нецензурной брани между товарищами, какъ говоритъ о томъ г. Рубанъ, я положительно не помню; она едва ли могла и быть, хотя бы потому, что даже малороссійское простонародье къ ней тогда не прибѣгало. Относительно воровства со взломомъ я рѣшительно отказываюсь понять: что можно было ломать и воровать въ корпусѣ, когда, по тогдашнимъ правиламъ, всѣ наши комоды и шкапчики были постоянно отперты и пусты, въ запертомъ же цейхаузѣ хранились только розги и старые сапоги. Пожива не особенно привлекательная даже для такого «негодяя», какимъ представляетъ г. Тимченко-Рубанъ кадета Гамзагурди, успѣвшаго, будто бы, образовать около себя въ корпусѣ цѣлую шайку.

Я очень хорошо помню Гамзагурди, онъ былъ у меня въ отдѣленіи, а потому и позволяю себѣ разсказать довольно поучительную исторію «Гамзагурдіевщины», память о которой, какъ мнѣ извѣстно, долго жила въ корпусныхъ преданіяхъ. Гамзагурди скорѣе былъ несчастный, нежели въ концѣ испорченный юноша и являлся не болѣе, какъ козломъ отпущенія тогдашняго педагогическаго недомыслія. Гамзагурди былъ увѣренъ и, кажется, не безъ основанія, въ своемъ черкесскомъ происхожденіи. Его наружность, сильный характеръ и отчаянная удаль, обличали въ немъ буйнаго сына тогдашняго Кавказа [2]). По его разсказамъ, онъ и его братъ, тоже кадетъ нашего корпуса, вывезены были изъ Аваріи и отданы

высокомѣрно и въ сторонѣ отъ общества, но, по своему положенію, долженъ былъ его посѣщать. Присутствуя на балѣ, наканунѣ новаго года, Струммило обидѣлся на одного изъ своихъ подчиненныхъ, весьма разсѣяннаго и застѣнчиваго С—на, за то, что тотъ не его перваго поздравилъ съ новымъ годомъ, и вовсеуслышаніе закричалъ на него: «болванъ, капитанъ, я васъ арестую!» Когда это дошло до Петербурга, Струммило тотчасъ уволили въ отставку и только впослѣдствіи зачислили въ запасъ арміи. (Изъ офиціальной переписки, возникшей по этому дѣлу въ 1849 году).

[1]) Помню, что вначалѣ 1842 года, т. е. при Святловскомъ, въ тогдашнемъ старшемъ классѣ произошла какая-то весьма неблаговидная исторія и что почти всѣ его кадеты, не смотря на то, что большинство ихъ составляло нашихъ фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ, были жестоко, хотя и по секрету отъ насъ, наказано розгами. Что это была за исторія—мы ее не узнали и много лѣтъ спустя.

[2]) Гамзатъ-Бекъ Аварскій, въ родствѣ съ которымъ считалъ себя нашъ Гамзагурди, былъ сподвижникомъ извѣстнаго Кази-муллы, поднявшаго въ тридцатыхъ годахъ Дагестанъ и Чечню.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

въ одинъ изъ баталіоновъ новгородскихъ кантонистовъ [1]). Впослѣдствіи, по ходатайству какого-то кавказскаго генерала, братьевъ Гамзагурди перевели въ нашъ корпусъ. Тутъ-то бѣдный юноша и начинаетъ разсчитываться и за свое черкесское происхожденіе, и за свое пребываніе въ кантонистахъ. Попалъ онъ къ намъ въ корпусъ тогда, когда большинство изъ насъ уже настолько подросло, что, ставъ сознавать достоинство личности, начинало съ гадливостью относиться къ постояннымъ заушеніямъ, происходившимъ у всѣхъ на виду. Мы знали, что это недозволено и, конечно, сочувствовали каждому смѣльчаку, дававшему, въ той или другой формѣ, отпоръ нашимъ воспитателямъ, прибѣгавшимъ къ ручной расправѣ. Таково было уже общее настроеніе среди кадетъ. Тѣ же изъ нихъ, которыхъ сѣкли часто, загрубѣвъ и утративъ стыдъ наказанія, готовы были идти съ каждымъ протестантомъ на какую угодно затѣю, лишь бы насолить начальству и выказать ложнопонимаемое молодечество. Словомъ, въ корпусномъ муравейникѣ стало проявляться то, что нерѣдко происходитъ и въ болѣе крупныхъ массахъ; отъ долгихъ и постоянныхъ ударовъ въ одну сторону, онѣ дробятся на части, выдвигаютъ личности, группируютъ партіи и выставляютъ коноводовъ [2]).

Корпусное начальство не только это замѣтило, но и ему было замѣчено изъ Петербурга, откуда спрашивали объясненій причинъ значительнаго увеличенія проступковъ среди кадетъ и указывали на необходимость противодѣйствія. При обсужденіи въ воспитательномъ комитетѣ этого вопроса, было постановлено показать примѣръ строгости на комъ-либо изъ воспитанниковъ. По совѣту подполковника Куна (штабъ-офицеръ корпуса) для этого избранъ былъ Гамзагурди. «Какъ кантонистъ, онъ вынесетъ какое-угодно наказаніе, какъ дикарь—его можно наказать въ примѣръ дворянскимъ дѣтямъ»,—заключилъ свою рѣчь рѣшительный Кунъ, разумѣется, не подозрѣвая, что Гамзагурди, который объ этомъ потомъ передавалъ своимъ товарищамъ, все это слышалъ, спрятавшись въ комнатѣ, гдѣ происходило засѣданіе комитета. Эти-то и другіе разсказы Гамзагурди и частыя, нерѣдко по одному только подозрѣнію, наказанія сдѣлали изъ него въ глазахъ кадетъ героя и муче-

---

[1]) Къ намъ въ корпусъ были переведены еще нѣсколько юношей изъ этого баталіона. За недоказанностью дворянства, ихъ вскорѣ опять перевели въ кантонисты. Помню между ними Котовича. Этотъ весьма способный, тихій и красивый юноша уже черезъ мѣсяцъ сталъ общимъ любимцемъ въ корпусѣ. Переводъ его въ кантонисты вызвалъ цѣлую бурю между кадетами и начальство принуждено было отправить Котовича въ Новгородъ ночью и по секрету отъ насъ. Когда это мы узнали, то нѣсколько дней не могли придти въ себя отъ слезъ и горя. Отъ Котовича мы знали, что его ожидаетъ въ Новгородѣ.

[2]) Коноводы были въ корпусѣ и до появленія въ немъ Гамзагурди. Я ихъ очень хорошо помню. Это были такъ называемые силачи и по здоровью, и по характеру.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ника. Повторяю, Гамзагурди не былъ нравственнымъ уродомъ. Напротивъ, это былъ мальчикъ способный, съ сердцемъ и не безъ извѣстныхъ правилъ. Восторгаясь Лермонтовымъ и Марлинскимъ, онъ не дурно писалъ стихами и прозою, крѣпко держалъ данное слово и за товарищей готовъ былъ идти въ огонь и воду. Изъ такихъ обыкновенно выходятъ тѣ, что первыми кидаются на батареи и увлекаютъ за собою другихъ. Ласкою и поощреніемъ изъ нихъ можно сдѣлать многое; но бить ихъ нужно умѣючи и съ оглядкою. Этой-то оглядки не было, и явилась въ корпусѣ сперва «Гамзагурдіевщина», а потомъ десять лѣтъ спустя цѣлый рядъ болѣе серьезныхъ безпорядковъ, равносильныхъ бунту и описанныхъ въ воспоминаніяхъ Тимченко-Рубана.

Продолжаю характеристику начальствующихъ лицъ.

Баталіоннымъ командиромъ въ корпусѣ при мнѣ былъ П. Ф. Пинкорнелли 1-й, уже человѣкъ пожилой, увѣшанный крестами и медалями за нѣсколько кампаній. Службу онъ началъ армейскимъ юнкеромъ, образованіе, какъ и его два родныхъ брата, тоже корпусные офицеры, имѣлъ настолько скудное, что это замѣчали даже кадеты приготовительныхъ классовъ. За то былъ подозрителенъ до болѣзненности. Г. Тимченко-Рубанъ его прямо называетъ «страшною ханжею и малограмотнымъ», хотя и не говоритъ, какое это имѣло послѣдствіе для насъ, кадетъ.

Въ громадномъ большинствѣ мы поступали въ корпусъ съ весьма смутнымъ религіознымъ образованіемъ, и, не зная самыхъ обычныхъ молитвъ, приносили съ собою скорѣе простонародное суевѣріе [1]), нежели понятія о вѣрѣ, въ нравственномъ значеніи этого слова. У меня и до сихъ поръ сохраняется въ памяти, какъ мой сосѣдъ въ младшемъ классѣ, Го—ій, на урокахъ нѣмецкаго языка ограждалъ себя крестами изъ воска и считалъ это вѣрнѣйшимъ средствомъ не быть спрошеннымъ. Другіе шли еще дальше, принося въ классы для той же цѣли страстныя свѣчки, ладонъ и пр. Нѣкоторые даже составляли особыя молитвы противъ всяческихъ напастей и для испрошенія разныхъ корпусныхъ благъ. Вскорѣ, однакожъ, наступилъ для многихъ изъ насъ тотъ періодъ, когда въ юношѣ начинаетъ пробуждаться, такъ сказать, поэтическая набожность, со всей ея прелестью, чистотою и таинственностью. Такое настроеніе не выноситъ посторонняго вмѣшательства, а тѣмъ болѣе начальнической регламентаціи. Но «подозрительный», какъ мы звали добраго Пинкорнелли 1-го, смотрѣлъ иначе на это весьма деликатное дѣло. Началось съ того, что ежедневныя наши

[1]) Суевѣріе иногда дѣйствовало панически. Такъ, въ 1843 году, кому-то изъ кадетъ показалось, что по корпусу разъѣзжаетъ Баба-Яга и начальству стоило немало усилій, чтобы разубѣдить насъ; успокоились мы только тогда, когда дознано было, что происходившій по ночамъ шумъ производила водокачалка въ подвальномъ этажѣ корпуса.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

молитвы передъ дверями церкви, куда мы украдкою забѣгали по утрамъ, признаны были почему-то неудобными, и за нами стали слѣдить. Затѣмъ, очень ужъ усердно начали соблюдать всѣ праздники и водить насъ часто въ церковь, что въ особенности утомляло кадетъ по вечерамъ, когда служеніе длилось иногда часа по два и болѣе. Въ церкви же мы должны были стоять на вытяжку, за чѣмъ строго наблюдалъ Пинкорнелли и почти каждый разъ съ кого-либо взыскивалъ за отступленіе отъ этого правила. Такой формализмъ не замедлилъ дать свои плоды; изъ церкви, то и дѣло, стали выводить десятками мнимобольныхъ; послѣ церкви начинались насмѣшки, передразниванье и пр. Нашелся и такой школяръ, какъ Пол—ко, который, пробравшись въ ризницу, нарядился въ рясу. Вскорѣ его исключили изъ корпуса, а городская молва, какъ это часто бываетъ, не замедлила раздуть это происшествіе до легендарныхъ размѣровъ. Я уже упомянулъ, что въ 1845 году поручено было свыше произвести въ Полтавскомъ корпусѣ дознаніе о причинахъ проявленія среди его воспитанниковъ свободомыслія. Не знаю, что выяснило это дознаніе, отъ себя же могу добавить, что въ нѣкоторыхъ изъ насъ религіозное настроеніе стало замѣтно слабѣть именно съ того времени, какъ началась указанная мною формалистика. Вообще же, Пинкорнелли былъ слишкомъ блѣдною личностью, чтобы своимъ авторитетомъ вліять на насъ, въ ту или другую сторону, въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія.

Совершенно другимъ человѣкомъ былъ нашъ штабъ-офицеръ, подполковникъ Кунъ [1]).

Французъ по происхожденію, блестящій кадетъ 1-го корпуса и лично извѣстный вел. князю Михаилу Павловичу [2]) по л.-гв. Волынскому полку, Кунъ имѣлъ всѣ данныя на не заурядную служебную карьеру. Повидимому, онъ и самъ сознавалъ свое превосходство, что и выражалось въ его отношеніяхъ къ другимъ офицерамъ корпуса и въ его неугомонной дѣятельности, проявлявшейся: то въ подтягиваніи кадетъ, то въ свѣтскихъ удовольствіяхъ, то въ страстныхъ и рискованныхъ охотахъ. Тогда говорили, что Кунъ, по своему пылкому нраву, имѣлъ нѣсколько столкновеній въ полку и долженъ былъ перейти на службу въ нашъ корпусъ. Какъ бы то ни было, но Кунъ сразу занялъ въ немъ выдающееся положеніе, какъ по своему образованію, такъ и по своему

[1]) Передъ нимъ эту должность занималъ Ал. П. Хрущевъ, воспитанникъ 2-го корпуса, саперный офицеръ, а потомъ извѣстный Севастопольскій герой и генералъ-губернаторъ Западной Сибири. Хрущевъ отъ насъ былъ переведенъ баталіоннымъ командиромъ въ Московскій корпусъ. («Русскій Архивъ», 1878 г., стр. 405).

[2]) Кунъ былъ отличнымъ стрѣлкомъ и смѣлымъ охотникомъ; его часто приглашали на придворныя охоты; на одной изъ нихъ онъ лишился нѣсколькихъ пальцевъ на рукѣ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

властному характеру. Свою роту, которою онъ командовалъ не долго, Кунъ держалъ въ желѣзныхъ рукахъ и былъ грозою для всѣхъ насъ въ тѣ дни, когда дежурилъ по корпусу. Всѣ хорошіе и дурные кадеты ему отлично были извѣстны во всѣхъ ротахъ, и онъ не оставлялъ въ покоѣ ни тѣхъ, ни другихъ. Первымъ онъ оказывалъ вниманіе тѣмъ, что давалъ имъ на прочтеніе французскія книги[1]); надъ послѣдними же онъ издѣвался съ какимъ-то злорадствомъ, нерѣдко задѣвая самыя чувствительныя стороны ихъ дѣтскаго самолюбія.

— «Нычипоръ, свинопасъ, бѣглый кантонистъ! забылъ, какъ привели тебя сюда въ рваныхъ сапогахъ и въ балахонѣ? Пошлемъ тебя въ твою Перерѣповку и будешь ты опять гусей пасти!»

Такъ обыкновенно глумился Кунъ надъ своей жертвой.

Эти-то, иногда совсѣмъ неумѣстныя, напоминанія сильно возмущали кадетъ противъ Куна и заставляли забывать его серьезное образованіе, прямоту и смѣлость, отъ которой онъ потомъ и погибъ. Когда кадеты узнали, что онъ утонулъ при поѣздкѣ въ лагерь во время весенняго половодія, то большинство, не стѣсняясь присутствіемъ офицеровъ, открыто стало выражать свою радость. Лично я былъ многимъ обязанъ Куну; онъ ко мнѣ весьма благоволилъ и ни разу не дозволилъ себѣ какой-либо оскорбительной выходки; но, помянувъ его добрымъ словомъ, справедливость обязываетъ меня сказать, что такихъ счастливцевъ въ корпусѣ было не много. Вообще, при несомнѣнныхъ достоинствахъ, Куну не доставало того неуловимаго качества, которое, даже при рѣзкости и вспыльчивости воспитателя, вселяетъ къ нему, не скажу любовь, потому что этимъ словомъ часто злоупотребляютъ, но симпатіи и довѣріе дѣтей. Какъ сейчасъ увидимъ, такіе именно воспитатели встрѣчались среди младшихъ офицеровъ нашего корпуса.

Въ мое время командовали ротами: Филипьевъ, Ф. Н. Дубровинъ, Рихтеръ и В. Н. Линевичъ.

Капитанъ И. К. Филипьевъ, не смотря на русскую фамилію, былъ католикомъ и олицетвореніемъ невозмутимаго спокойствія. Сѣкъ ли онъ кадетъ[2]) за проступки, ставилъ ли имъ нули за незнаніе ариѳметики, которую преподавалъ въ младшихъ классахъ, онъ также добродушно улыбался, какъ и тогда, когда по вечерамъ,

---

[1]) Преимущественно историческаго содержанія, какъ, напримѣръ, Тьера, Мишо и др. Кунъ имѣлъ уроки французскаго языка и былъ весьма строгимъ преподавателемъ.

[2]) Въ мое время ротнымъ командирамъ предоставлено было, по своему усмотрѣнію, наказывать розгами. Чаще всего это наказаніе назначалось за неуспѣхи въ классахъ. Обыкновенно это дѣлалось такъ. Ежедневно ротный командиръ получалъ изъ классной канцеляріи подробную выписку о полученныхъ кадетами баллахъ и противъ тѣхъ, кого нужно было наказать розгами отмѣчалъ NB (надо высѣчь). Эти списки читались передъ ротою и каждый понималъ, что значитъ NB. Такъ дѣлалось въ той ротѣ, гдѣ я былъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

охотно распѣвалъ съ своею ротою: «Вдоль по улицѣ широкой молодой кузнецъ идетъ»... Какъ теперь вижу его чистенькую, кругленькую, точно игрушечную фигурку, автоматически отбивающую кулачкомъ въ тактъ припѣва:

«Тукъ-тукъ, въ десять рукъ!
«Пріударимъ, братцы, вдругъ!»

Всегда ровный, справедливый и простой въ обращеніи, Филипьевъ весьма нравился кадетамъ и среди нихъ пользовался большимъ авторитетомъ.

Ф. Н. Дубровинъ былъ переведенъ къ намъ изъ 2-го кадетскаго корпуса. Пять лѣтъ къ ряду я пробылъ у него въ ротѣ. Какъ это часто случается, кого ближе знаешь – къ тому относишься благодушнѣе и невольно забываешь многое. Поэтому, о Дубровинѣ у меня вообще сохранились только хорошія воспоминанія, какъ о деликатномъ по натурѣ и безупречно-порядочномъ человѣкѣ. Не имѣя яркихъ особенностей, часто вспыльчивый и обидчивосамолюбивый, Дубровинъ заботливо относился къ кадетамъ своей роты, стоялъ за нихъ горою и зорко слѣдилъ за ихъ здоровьемъ. Съ этою цѣлью, между прочимъ, два раза въ недѣлю осматривалъ бѣлье и нѣкоторыхъ приглашалъ на секретныя бесѣды, почти всегда оканчивавшіяся розгами [1]). Когда Дубровинъ дежурилъ по корпусу, то слабосильнымъ и малокровнымъ кадетамъ его роты отпускались двойныя порціи за завтракомъ и за обѣдомъ. Не рѣдко этихъ же кадетъ онъ приглашалъ къ себѣ на обѣды. Покупая на наши деньги лакомства, Дубровинъ самъ слѣдилъ за тѣмъ, чтобы не было никакихъ сомнѣній и недоразумѣній. Въ силу той же щепетильности, Дубровинъ, состоя преподавателемъ нѣмецкаго языка въ младшемъ классѣ, никогда не выражалъ требованій, чтобы его предметомъ занимались предпочтительно, какъ это дѣлали нѣкоторые другіе преподаватели изъ нашихъ воспитателей.

Капитанъ Р—ъ и до сихъ поръ здравствующій, командовалъ 2-ю ротою. Крѣпкій и горячій нѣмецъ, онъ сильно напоминалъ гувернеровъ и надзирателей частныхъ пансіоновъ добраго стараго времени, въ которыхъ разные «пфеферы», «фернапиксы», «фухтеля» и проч., были въ большомъ ходу и усердно культивировались на благородномъ тѣлѣ русскаго юношества. Свою роту Р—ъ держалъ въ ежевыхъ рукавицахъ. Гдѣ онъ получилъ образо-

[1]) Не скажу, чтобы эта мѣра достигала цѣли; она не отучала, а скорѣе усиливала извѣстный дѣтскій порокъ въ тѣхъ, кто имъ страдалъ. Такихъ, впрочемъ, было весьма не много. О другомъ противуестественномъ порокѣ, встрѣчающемся въ закрытыхъ заведеніяхъ, при мнѣ въ корпусѣ не было извѣстно кадетамъ.

Замѣчу кстати, что почти всѣ мы, полтавцы, пріѣзжали въ Дворянскій полкъ въ извѣстномъ отношеніи невинными и стыдливо-чистыми юношами, хотя многіе изъ насъ уже и достигали шестнадцатилѣтняго возраста.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ваніе не знаю, но въ мое время онъ имѣлъ въ младшихъ классахъ уроки нѣмецкаго языка.

В. Н. Линевичъ командовалъ неранжированною ротою. По наружности, пріемамъ и понятіямъ это былъ скорѣе старый и опытный «дядька», нежели утонченный воспитатель, хотя въ этой должности онъ и состоялъ въ Московскомъ корпусѣ со дня своего производства въ офицеры артилеріи. Сильно облысѣлый и помятый жизнью, крикливый, но нерѣчистый, онъ избѣгалъ длинныхъ поученій и нерѣдко поражалъ насъ ихъ краткостью и наглядностью. Привожу одинъ изъ многихъ случаевъ, о которомъ дольше другихъ помнилось въ корпусѣ.

Кадетъ С—въ сдѣлалъ какой-то выдающійся проступокъ и всѣ со страхомъ ожидали что̀-то будетъ, когда Линевичъ явится въ роту.

— Рота, строиться! — скомандовалъ своимъ картавымъ голосомъ почтенный Василій Николаевичъ.

— С—въ, впередъ!

Блѣдный и трепещущій С—въ сталъ передъ ротою.

— Мерзавецъ! Вотъ тебѣ! (трахъ-трахъ). Ступай на мѣсто; рота расходись!—скомандовалъ, какъ ни въ чемъ не бывало, уже совершенно спокойнымъ голосомъ Линевичъ.

Преподавая ариѳметику въ младшихъ классахъ, Василій Николаевичъ тоже держался простѣйшихъ способовъ обученія, для чего приносилъ въ классы орѣхи и камешки, которые и должны были служить пособіемъ при разрѣшеніи задачъ по именованнымъ числамъ. Василій Николаевичъ, котораго я зналъ, какъ сосѣда по имѣнію, женившись въ Москвѣ чуть ли не съ самаго производства въ офицеры, имѣлъ большую семью и весьма ограниченныя средства. Это, однакожъ, не мѣшало ему и его почтенной супругѣ Натальѣ Игнатьевнѣ, которая, кажется, и до сихъ поръ живетъ въ Полтавѣ, быть гостепріимными и радушными хозяевами. Каждый праздникъ у нихъ всегда бывало по нѣсколько кадетъ въ отпуску, которыхъ угощали съ истинно-московскимъ хлѣбосольствомъ. Упоминаю объ этомъ потому, что тогда отпуски были большою рѣдкостью. Только нѣсколько кадетъ имѣли знакомыхъ и родныхъ въ Полтавѣ, а объ загородныхъ отпускахъ никто не смѣлъ и подумать, какъ о величайшей роскоши, которая, по тогдашнимъ правиламъ, строго воспрещалась. Наши воспитатели, нужно отдать имъ справедливость, старались, на сколько могли, смягчать нашу монастырскую отчужденность,—брали насъ по праздникамъ въ свои семьи, а нѣкоторыхъ вывозили и въ полтавское общество. Чаще всего кадеты посѣщали домъ губернатора, добрѣйшаго Ознобишина, предводителя дворянства Капниста и проч.

Въ той ротѣ, гдѣ я былъ, за мое время перемѣнилось достаточное число офицеровъ-воспитателей. Хотя я ихъ всѣхъ очень

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

хорошо помню, но скажу лишь о тѣхъ, которые болѣе ярко выступали на однообразномъ фонѣ кадетской жизни.

Начну съ поручика И. Р. Тимченко-Рубана, воспоминанія котораго, какъ выше сказано, напечатаны въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Замѣчу кстати, что эти воспоминанія весьма мало касаются того времени, когда я былъ въ корпусѣ.

Между тѣмъ, объ этой порѣ, какъ говоритъ г. Павловскій, менѣе всего сохранилось даже офиціальныхъ свѣдѣній [1]). Объ этомъ можно только пожалѣть и вотъ по какимъ соображеніямъ.

Прослѣдивъ всѣ наши начинанія во всѣхъ сферахъ государственной и общественной дѣятельности, невольно задаешь себѣ вопросъ: почему мы, всегда такъ ревностно принимаясь за всякое новое дѣло и находя для него вполнѣ пригодныхъ людей, вскорѣ охладѣваемъ, довольствуемся рутиною и, нерѣдко, проваливаемъ нами же созданное и поставленное на ноги дѣтище? Къ сожалѣнію, этой же участи не избѣгъ и Полтавскій корпусъ. Какія были тому причины, г. Рубанъ не даетъ объясненій; но въ его воспоминаніяхъ съ наивною правдивостью передана именно эта наша печальная особенность, и читая ихъ, не хочешь вѣрить: какъ всѣ эти когда-то полные энергіи люди, заживо вымирая, своими же ослабѣлыми руками разобрали то, надъ чѣмъ съ такою любовью и увлеченіемъ трудились въ теченіе многихъ лѣтъ. Пожелавъ, чтобы подобныя явленія не повторялись, хотя бы въ нашей школьной жизни, будемъ продолжать нашъ разсказъ о минувшемъ времени.

О Тимченко-Рубанѣ, какъ воспитателѣ и человѣкѣ, отъ себя скажу не много. Онъ былъ такимъ, какимъ является въ своихъ воспоминаніяхъ и съ сильной, и съ слабой стороны. Среди нашихъ офицеровъ, Рубанъ отличался жизненной опытностью, не знаю ужъ почему, присущею бывшимъ кадетамъ Павловскаго корпуса, въ которомъ Рубанъ получилъ воспитаніе. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, часто приходилось встрѣчать въ прежнихъ кадетахъ этого корпуса, такъ сказать, хозяйственную жилку [2]). Бесѣды г. Рубана съ кадетами постоянно вращались въ сферѣ разныхъ практическихъ снаровокъ по части скромнаго хозяйства тогдашняго армейскаго офицера. Эти указанія были не лишними, если припомнить, что въ наше время кадетъ въ теченіе своего долголѣтняго пребыванія въ корпусѣ не имѣлъ права имѣть на рукахъ деньги и лично ими распоряжаться. Въ этомъ отношеніи мы выходили изъ корпуса совершенными младенцами, что нерѣдко печально отзывалось на нашихъ финансовыхъ бюджетахъ, въ особенности, когда мы попадали въ гвардейскія и кавалерійскія части.

---

[1]) «Рус. Старина» 1886 г., т. XII.

[2]) Въ войсковыхъ частяхъ я помню многихъ бывшихъ Павловскихъ кадетъ на должностяхъ казначеевъ, квартирмейстеровъ, хлѣбопековъ и проч.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Поручикъ Янковичъ, другъ Рубана и также бывшій кадетъ Павловскаго корпуса, знакомилъ насъ съ другою стороною практической жизни. Мягкій, представительной наружности, часто посѣщавшій полтавское общество, онъ казался намъ самымъ благовоспитаннымъ между нашими далеко не свѣтскими воспитателями, и въ этомъ отношеніи служилъ кадетамъ образцомъ. Янковичъ охотно бесѣдовалъ съ нами о разныхъ приличіяхъ свѣта, слѣдилъ за нашими уроками танцевъ и иногда самъ принималъ въ нихъ участіе.

Тимченко-Рубанъ и Янковичъ прежде служили въ артилеріи и были весьма полезными преподавателями въ корпусѣ по исторіи и геометріи.

Инымъ пошибомъ отличались В. И. Дудышкинъ, В. В. Нарѣжный и В. С. Клименко, также мои ротные офицеры.

Дудышкинъ, раціоналистъ и математикъ по складу ума, являлся поучительнымъ примѣромъ того, чего можно было достигнуть путемъ самообразованія, даже въ то глухое время. Произведенный въ саперные офицеры и квартируя съ своимъ баталіономъ въ разныхъ захолустьяхъ, Дудышкинъ въ нѣсколько лѣтъ успѣлъ на столько пополнить скромное кадетское образованіе, что, по своимъ разностороннимъ и серьезнымъ познаніямъ, могъ потягаться съ любымъ спеціалистомъ. Кромѣ физики и алгебры, Дудышкинъ преподавалъ въ корпусѣ ботанику. Составленныя имъ по этимъ предметамъ записки могли бы и теперь служить образцомъ въ высшей степени добросовѣстнаго и такъ сказать любовнаго отношенія учителя къ своему дѣлу [1]). Кстати замѣчу, что по большинству предметовъ преподаванія мы печатныхъ руководствъ не имѣли и должны были готовиться къ урокамъ по класснымъ замѣткамъ, составлявшимся за учителями. Скорѣе угрюмый и нелюдимый, нежели сообщительный, Дудышкинъ, однако, пользовался большимъ довѣріемъ начальства и кадетъ. Къ нему часто обращались за совѣтомъ и весьма дорожили его мнѣніемъ. Что скажетъ, бывало, Дудышкинъ, то, навѣрно, исполнялось. Помню, какъ-то разъ, кадеты не приготовились по алгебрѣ; Дудышкинъ обидѣлся и заявилъ, что прекращаетъ чтеніе и предоставляетъ намъ самимъ проходить курсъ. Не смотря на то, что это для многихъ изъ насъ было не по силамъ, никому не приходило на мысль жаловаться и ходатайствовать объ отмѣнѣ столь стѣснительнаго распоряженія. Работая вдвое, мы, при помощи туторовъ, о которыхъ я упоминалъ, хотя и съ грѣхомъ пополамъ, одолѣли одинъ изъ трудныхъ отдѣловъ алгебры, и только тогда Дудышкинъ снова началъ

[1]) Эти записки Дудышкинъ имѣлъ терпѣніе переписать своимъ прекраснымъ почеркомъ и литографическими чернилами; руководство было снабжено имъ же художественно-исполненными рисунками растеній и проч.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ходить на уроки. Вообще, дѣйствуя на самолюбіе, онъ возбуждалъ въ насъ любовь къ труду, правдивость, совѣстливость и проч.

Нарѣжный, не безъ основанія, заставлялъ кадетъ не только себя бояться, но и остерегаться. Угловатый и грубый, мелкій и жесткій по натурѣ, онъ радовался проступкамъ кадетъ и видимо находилъ удовольствіе въ ихъ наказаніяхъ. По этой части онъ былъ въ своемъ родѣ артистъ и расправы производилъ особымъ способомъ, извѣстнымъ у насъ подъ названіемъ «кукуньки».

— Кукунька идетъ!—кричитъ, бывало, Нарѣжный, хватая голову своей жертвы подъ лѣвую руку, а правою нанося ей удары. Надо было видѣть, съ какимъ сладострастіемъ клевалъ свою добычу освирѣпѣлый Нарѣжный, чтобы почувствовать къ нему невольное отвращеніе.

Не меньшую антипатію внушалъ къ себѣ Нарѣжный и потому еще, что у него водились такъ называемые «любимчики» изъ кадетъ. Мы ихъ подозрѣвали въ шпіонствѣ, хотя, въ сущности, доносить объ насъ было нечего. Въ то время никакихъ тайныхъ и запрещенныхъ проступковъ въ корпусѣ еще не было; мы не курили, въ карты не играли, скопомъ и заговоромъ не дѣйствовали; правда, надъ начальствомъ потѣшались, но этого настолько не скрывали, что многіе изъ воспитателей знали свои прозвища и даже иногда заставляли себя «представлять» такимъ талантливымъ по этой части школярамъ, какъ Бѣлинскій, Ломаковскій и др. Нарѣжный, конечно, не принадлежалъ къ этимъ благодушнымъ, ибо зналъ за собою то, что обнаружилось только много лѣтъ спустя послѣ его воспитательной дѣятельности. Но, chaque vérité n'est pas bonne à dire, а потому скажу лишь, что Нарѣжный былъ хорошимъ преподавателемъ геометріи, требуя не только знанія, но пониманія и практическаго приложенія теоремъ этой, по его выраженію, «науки порядка».

В. С. Клименко настолько памятенъ всѣмъ намъ, что вѣроятно, многіе и до сихъ поръ видятъ передъ собою его своеобразную наружность. Большеголовый, съ орлинымъ носомъ, на тонкихъ, въ обтяжку и колесомъ, ножкахъ, съ вѣчно протянутыми впередъ увѣсистыми кулаками, этотъ маленькій живчикъ, проворно бѣгая утиною развалкою, зорко слѣдилъ за нашими шалостями и внезапно казнилъ «ракалій».

— Что, ракалія, не ожидалъ! Вотъ тебѣ разъ «бычекъ», вотъ тебѣ два,—методически отсчитывалъ Клименко своими пальцами-«утюгами», или съ неменьшей ловкостью давалъ въ догонку «киселя», къ общей потѣхѣ всей роты.

Но всѣ эти «бычки», «подножки» и «кисели», хотя подчасъ и были чувствительны, но искупались тѣмъ благодушнымъ юморомъ, съ которымъ они раздавались всегда прямымъ и никому не дѣлавшимъ исключеній, добросердечнымъ Василіемъ Семеновичемъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Я знать не хочу, кто шумѣлъ; но вы не остановили шума, значитъ, всѣ виноваты и всѣ должны отвѣчать! — такъ обыкновенно пояснялъ Василій Семеновичъ свои огульныя взысканія съ роты, выставляя всѣхъ насъ на штрафъ.

Вообще, Клименко принадлежалъ къ питомцамъ той суровой и крутой школы, изъ которой вышли такіе дѣятели, какъ Аракчеевъ, Клейнмихель и другіе бывшіе кадеты 2-го корпуса, воспитанники котораго, еще въ пятидесятыхъ годахъ, носили характерное прозвище—«деревяшекъ». Разсказы Клименко, передаваемые безъ горечи и озлобленія, о своихъ учителяхъ, о скудной во всѣхъ отношеніяхъ корпусной обстановкѣ его времени, о заброшенности и одичалости тогдашнихъ кадетъ, заставляли насъ сравнивать былое съ настоящимъ и, конечно, отдавать предпочтеніе нашему, не впримѣръ лучшему, положенію. И, дѣйствительно, между корпусами тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ уже существовала большая разница во многихъ отношеніяхъ; между тѣмъ это не всегда и не всѣми имѣется въ виду, когда заходитъ рѣчь о традиціяхъ этихъ заведеній. Клименко слѣдилъ за тогдашнею литературою и мастерски читалъ намъ на своихъ дежурствахъ Гоголя, Соллогуба, Грибоѣдова и проч. Служа прежде въ саперахъ, Клименко былъ силенъ въ математикѣ, но уроковъ въ корпусѣ не бралъ.

— Отчего вы, Василій Семеновичъ, не желаете имѣть уроковъ?— спрашивали его кадеты.

— Оттого, что эти занятія не по моему характеру,—простосердечно сознавался Клименко.

Самообладаніемъ онъ, дѣйствительно, не отличался и я очень хорошо помню, какъ однажды его горячность зашла слишкомъ далеко и поставила въ крайне неловкое положеніе.

За шумъ, наша рота была поставлена на штрафъ. Въ подобныхъ случаяхъ мы знали, что малѣйшій шорохъ въ рядахъ приводилъ Клименко въ иступленіе, а потому старались, что̀ называется, замирать на мѣстѣ.

Когда насъ выстроили, въ ротѣ не было большого школяра Ил—ко, который, ничего не подозрѣвая, влетѣлъ въ залу, выдѣлывая антраша мазурки.

— Становись, «животное», на колѣни, сюда, передъ роту!—съ яростью крикнулъ Василій Семеновичъ.

Ил—ко безпрекословно исполнилъ приказаніе.

— Эрикъ! Поди сюда; дери его за уши.

Служитель изъ латышей приблизился къ Ил—ко, но стоялъ, какъ окаменѣлый.

— Я тебѣ, приказываю, каналья! Убью, если не исполнишь.

— Воля вашего благородія, но солдату не дозволяется обижать господскихъ дѣтей. Я присягалъ...

Рота была распущена со штрафа, Ил—ко былъ прощенъ, но,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

однакожъ, почтенный Василій Семеновичъ и мы, кадеты, долго помнили и чувствовали, что̀ вышло что̀-то не ладное. Подобныя сцены, какъ я уже сказалъ, дѣйствуя на насъ гораздо сильнѣе разныхъ поученій, заставляли задумываться и сопоставлять факты съ прописною моралью.

Объ остальныхъ офицерахъ-воспитателяхъ, большинство коихъ были артилеристы и саперы, скажу только, что почти всѣ они, съ малыми видоизмѣненіями, держались тѣхъ же пріемовъ обращенія съ кадетами,—обращенія крайне неровнаго, зачастую неожиданно переходившаго отъ мирныхъ бесѣдъ къ боевымъ расправамъ. Могло ли, однакожъ, быть иначе? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ необходимо припомнить, что въ то время отъ воспитателей-офицеровъ прежде всего требовалась служебная исполнительность, при которой усердіе должно было предпочитаться всему остальному [1]). Затѣмъ, не надо забывать, съ какимъ матеріаломъ тогда приходилось имѣть дѣло въ корпусахъ. Поступавшіе въ эти заведенія дѣти, въ громадномъ большинствѣ, выростали въ патріархальной простотѣ. Предоставленные самимъ себѣ и окруженные крѣпостной дворней, они видѣли лишь одни отрицательные примѣры нравственности; своевольничали, грубѣли и рѣдко получали понятія о справедливости, о взаимныхъ отношеніяхъ людей, объ истинной чести.

Воспитаніе въ общественныхъ и частныхъ школахъ было не лучше, а, пожалуй, еще и того хуже. До поступленія въ корпусъ я побывалъ въ нѣмецкомъ пансіонѣ и въ гражданской гимназіи. По сравненію съ Полтавскимъ корпусомъ эти заведенія не выдерживали критики; обученіемъ и воспитаніемъ въ нихъ руководили до крайности устарѣвшіе учителя и надзиратели изъ берейторовъ, какимъ безспорно былъ г. Капеллеръ, содержатель частнаго пансіона при Черниговской гимназіи. Ихъ воспитательные пріемы имѣли скорѣе отрицательное, нежели положительное, значеніе. О тогдашнихъ уѣздныхъ училищахъ и говорить нечего; по ихъ обстановкѣ и нравамъ, онѣ сильно напоминали бытъ бурсаковъ, описанный Гоголемъ въ его повѣсти «Вій». Получивъ большинство юношей изъ такихъ-то учебныхъ заведеній и полудикихъ хуторовъ, корпусному начальству, разумѣется, было не до тонкихъ педагогическихъ пріемовъ [2]). Чтобы придать этой разношерстной массѣ хотя бы внѣшній порядокъ, ему оставалось держаться крутой дисциплины и суровыхъ карательныхъ мѣръ.

---

[1]) «Les services et le zèle doivent l'emporter sur l'instruction» (служебныя обязанности и усердіе должны быть предпочитаемы просвѣщенію). Изъ резолюціи императора Николая, положенной на запискѣ, по его повелѣнію составленной А. С. Пушкинымъ: «О воспитаніи въ Россіи».

[2]) Замѣчу, что изъ великорусскихъ губерній къ намъ поступали наиболѣе благовоспитанные юноши, какъ, напр., Голенищевъ-Кутузовъ, Барсовъ, Копыловъ, Михайловъ, Кондыревъ и друг.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Существуетъ мнѣніе, будто бы, прежній режимъ кадетскихъ корпусовъ способствовалъ выработкѣ въ кадетахъ характера, воли и цѣльнаго, корпоративнаго, духа. За давностью лѣтъ, провѣрить справедливость этого мнѣнія довольно трудно; вѣроятнѣе же всего, что оно, основываясь на отдѣльныхъ примѣрахъ и преданіяхъ, съ теченіемъ времени стало преувеличиваться и не въ мѣру обобщаться, какъ все давно минувшее и хорошо позабытое. Безспорно, что въ прежнее, и даже въ мое время встрѣчались цѣльныя и устойчивыя натуры между кадетами; не отрицаю, что нѣкоторымъ изъ нихъ удавалось впослѣдствіи доказать справедливость афоризма, въ силу коего не столько умъ, сколько воля и характеръ ведутъ къ успѣху въ жизни, но въ то же время могу утверждать, что такихъ было весьма немного между моими однокашниками, какъ и вообще достигнувшихъ потомъ на разныхъ поприщахъ виднаго положенія [1]).

Итакъ, не принимая въ расчетъ меньшинства, отъ природы надѣленнаго задатками сильной воли, посмотримъ: представлялись ли благопріятныя условія для укрѣпленія и выработки характера въ кадетахъ моего времени.

Извѣстно, что для этого требуется борьба, нужда и препятствія. Спрашивается: гдѣ же кадетъ со всѣмъ этимъ могъ встрѣтиться? Въ корпусѣ мы жили на всемъ готовомъ и по разъ заведенному порядку, тщательно устранявшему и облегчавшему всѣ препятствія. Все же, что происходило внѣ стѣнъ заведенія, насъ вовсе не касалось; даже о родномъ и близкомъ намъ кругѣ, съ его интересами, мы узнавали изъ рѣдкой, подцензурной, переписки; не бывая же въ отпускахъ, мы отвыкали отъ жизненныхъ невзгодъ, нерѣдко забывали нашу домашнюю обстановку и становились чужаками къ своей семьѣ. Положимъ, что трудъ, ученье и дисциплина пріучали насъ къ нѣкоторому навыку въ работѣ, къ внѣшнему порядку, къ послушанію въ массѣ. Но вѣдь многіе изъ насъ, какъ сыновья помѣщиковъ, учились не по нуждѣ и не изъ-за

---

[1]) Въ настоящее время, сколько мнѣ извѣстно, изъ бывшихъ кадетъ Полтавскаго корпуса въ генеральскихъ чинахъ состоитъ на службѣ 26 человѣкъ; почти всѣ они окончили образованіе въ военныхъ академіяхъ; изъ числа ихъ: г.-л. Лейхтъ состоитъ предсѣд. глав. воен. суда; г.-л. Величко—помощникомъ начал. глав. штаба; г.-л. Шаликовъ и г.-м. Маслоковецъ—губернаторами; г.-л. Шмитъ и г.-л. Бискупскій начальниками дивизій. (См. приложеніе 1). Изъ умершихъ упомяну: о сенаторѣ г.-л. Старосельскомъ (IV вып.), добрая память о которомъ и до сихъ поръ сохраняется на Кавказѣ, какъ о бывшемъ начальникѣ главнаго управленія по гражданской части въ этомъ краѣ; о г.-л. Яковлевѣ (I вып.), бывшемъ управляющимъ дѣлами главнаго комитета по образованію и устройству войскъ и о г.-м. Кондзеровскомъ (V вып.), бывшемъ начальникомъ Константиновскаго военнаго училища. Бывшіе же полтавцы: Ив. Ив. Красовскій (I выпуска) и В. Д. Левшинъ (V вып.) служили по гражданскому вѣдомству и занимали мѣста Томскаго и Ярославскаго губернаторовъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

куска хлѣба; что же касается подчиненія корпуснымъ требованіямъ, то, кто же того не знаетъ, какъ часто и легко они обходились и какъ рѣдко встрѣчались случаи, вызывающіе на борьбу съ начальствомъ. Мнѣ нѣсколько разъ приходилось слышать отъ сторонниковъ старыхъ корпусовъ, что въ этой-то борьбѣ съ начальствомъ главнымъ образомъ и формировались тѣ спартанцы, о которыхъ сложилось столько баснословныхъ разсказовъ о ихъ стоицизмѣ подъ розгами. Отсюда, будто бы, вытекалъ и тотъ крѣпкій товарищескій духъ, коимъ навсегда связывались кадеты - однокашники. Быть можетъ прежде такъ это и было, когда въ нашей арміи офицеровъ, произведенныхъ изъ кадетъ, было весьма немного; въ мое же время, сколько помню, товарищеская спайка держалась лишь до тѣхъ поръ, пока мы оставались подъ одной кровлею и подъ воздѣйствіемъ однихъ и тѣхъ же злобъ дня. Уже пріѣзжая въ Дворянскій полкъ и разбиваясь по разнымъ ротамъ, губернскіе кадеты вскорѣ утрачивали свои мѣстныя особенности и, рѣдко держась своихъ прежнихъ однокашниковъ, избирали новыхъ друзей-пріятелей изъ другихъ корпусовъ. То же самое происходило и по выпускѣ насъ въ офицеры, когда мы разъѣзжались въ отдаленные концы Россіи и попадали въ разныя части арміи. Тутъ уже сохранить тотъ узко-корпоративный духъ, какимъ, напримѣръ, проникнуты правовѣды, было невозможно и едва ли желательно для обще-государственныхъ цѣлей. Служба и обиходъ войскового быта требовали отъ общества офицеровъ сплоченности, а не разъединенія на полтавцевъ, новгородцевъ, полочанъ и проч. Подъ напоромъ этихъ-то требованій корпусный цементъ уступалъ мѣсто инымъ связямъ, уже обоснованнымъ частью на общности интересовъ такой широкой семьи, какъ наша армія, частью на другихъ чисто-житейскихъ соображеніяхъ и расчетахъ. Тѣмъ не менѣе, жизнь не у всѣхъ насъ окончательно изглаживала воспоминанія о корпусѣ, о нѣкоторыхъ товарищахъ и воспитателяхъ. Не въ обиду, однакожъ, моимъ однокашникамъ, скажу, что наши воспитатели дольше помнили о насъ, нежели мы о нихъ. Многіе изъ этихъ почтенныхъ людей, были искренно убѣждены, что дѣлали намъ только добро, и весьма огорчались, когда имъ въ этомъ приходилось разочаровываться.

Я помню нѣсколько случаевъ такихъ разочарованій и одинъ изъ нихъ до сихъ поръ у меня передъ глазами.

Шли окончательные экзамены предъ нашимъ отъѣздомъ въ Петербургъ. Мы сидѣли въ классѣ русскаго языка, преподаваемаго весьма симпатичнымъ и талантливымъ Л. О. Корженевскимъ. Поэтъ въ душѣ и на дѣлѣ, онъ и для нашихъ сочиненій избѣгалъ выбирать темы реальнаго содержанія. На этотъ разъ намъ было задано инспекторомъ классовъ Ницкевичемъ изложить наши чувства, покидая корпусъ. Началось чтеніе написаннаго. Долго слушалъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Ницкевичъ и, наконецъ, не выдержалъ. Когда Пет—вскій окончилъ чтеніе своей горячо и откровенно высказанной исповѣди, Ницкевичъ обратился къ нему и голосомъ, полнымъ слезъ, сказалъ: «и все это за пять лѣтъ нашихъ тревогъ, заботъ и огорченій!..»

— Я написалъ, что чувствовалъ и болѣе всего боялся огорчить васъ, Ѳедоръ Григорьевичъ, ложью и неправдою,—отвѣтилъ Пет—вскій.

— Спасибо и за это! Будемъ утѣшаться хоть тѣмъ, что мы не пріучали васъ къ притворству и лицемѣрію, — добавилъ Ницкевичъ, со всѣмъ ужъ рыдая.

И Ницкевичъ былъ правъ. Систематически насъ не пріучали къ фальши, къ шаблонной фразеологіи, къ смотровымъ тонкостямъ и проч. Но, опять-таки, говорю о моемъ времени и исключительно о Полтавскомъ корпусѣ, стоявшемъ тогда особнякомъ. Высшія лица рѣдко посѣщали наше губернское захолустье, а потому на показную часть въ корпусѣ мало обращалось вниманія. Фронту насъ обучали умѣренно, и мы, пріѣзжая въ Дворянскій полкъ, оказывались на столько плохими строевиками, что насъ называли «статскими». Впрочемъ, мы скоро подтягивались и не портили фронта Дворянскихъ баталіоновъ.

На гимнастику, игры и вообще физическія упражненія въ Полтавскомъ корпусѣ не особенно налегали. Въ этой отрасли воспитанія, сколько помню, принимали болѣе горячее участіе наши гражданскіе учителя, нежели офицеры-воспитатели. Такъ, почтенный французъ Соссе почти ежедневно являлся въ нашъ корпусный садъ, гдѣ, безъ устали, руководилъ нашими играми, награждая лучшихъ бойцовъ въ городки, лапту и мячикъ пряниками, которыми всегда были полны его карманы. Другой учитель Ф. П. Дейкъ охотно бился съ нами на рапирахъ и эспадонахъ, иногда входя въ истинный азартъ нѣмецкаго бурша. Танцамъ насъ обучалъ m-r Saint-Martin, настоящій джентльменъ по наружности и манерамъ. Бывшій военный и, кажется, кавалеръ почетнаго легіона, онъ, однакожъ, требовалъ отъ насъ хорографическихъ тонкостей и часто повторялъ на урокахъ: ne soyez pas soldats—soyez—gentilhommes. Гражданскимъ же преподавателямъ мы обязаны и тѣмъ, что выходя изъ корпуса, не были чужды того, чего, по отзывамъ нынѣшнихъ педагоговъ, не достаетъ современнымъ юношамъ; разумѣю воспитательное значеніе возможно осмысленнаго прохожденія и усвоенія политическихъ предметовъ преподаванія въ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Я уже сказалъ, что по исторіи большинство изъ насъ читало много и охотно, чему, конечно, способствовали наши учителя. Въ старшемъ классѣ исторію преподавали гг. Пильчиковъ и В. М. Бѣлозерскій. Хотя въ программу курса входила лишь часть Русской исторіи, но эти высоко-честные и безупречно-чистые на-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ставники, принадлежа по своимъ убѣжденіямъ къ только-что возникавшему тогда славянофильству, воодушевляли и насъ той горячею любовью ко всему родному, на которую такъ способны юноши, если съ этой стороны умѣло затрогиваютъ ихъ сердца и мысли. Уже тогда мы восторгались той ролью, какая предстояла Россіи въ разрѣшеніи славянскаго вопроса. Правда, по тогдашнимъ политическимъ соображеніямъ, увлеченіе славянскими идеями вскорѣ признано было опаснымъ и противъ ихъ распространенія приняты были крутыя мѣры; но это случилось уже послѣ нашего выѣзда изъ Полтавы [1]).

Чувствую, что, передавая объ этомъ, я какъ бы подтверждаю всѣ недостатки корпуснаго образованія, о которыхъ мнѣ не разъ приходилось слышать и читать. Обыкновенно, прежнее корпусное образованіе упрекаютъ въ отсутствіи солидности, въ полу-познаніяхъ, въ верхоглядствѣ. Все это въ извѣстной степени справедливо, хотя больше съ теоретической, а не съ фактической, точки зрѣнія. Вѣдь и ученики тогдашнихъ гражданскихъ обще-образовательныхъ заведеній, въ большинствѣ, не могли похвалиться основательностью своихъ познаній; по способу же преподаванія и учительскому составу эти заведенія, по общимъ и совершенно справедливымъ отзывамъ, стояли гораздо ниже кадетскихъ корпусовъ. Какъ бы то ни было, но пріобрѣтаемыхъ нами въ Полтавскомъ корпусѣ познаній достаточно было, чтобы многимъ изъ насъ успѣшно оканчивать академическое образованіе [2]), нѣкоторымъ пріобрѣсти извѣстность въ ученомъ мірѣ (Величко, Шкляревичъ, Флоренсовъ) и заявить себя серьезными и полезными преподавателями (В. Ф. Барсовъ, Рядновъ, Шкляревичъ и др.) [3]).

Защищать полузнаніе, конечно, никто не станетъ; но и оно иногда бываетъ полезнѣе исключительной, хотя быть можетъ и очень серьезной, односторонности. Эта послѣдняя опасна тѣмъ, что юношество, при встрѣчѣ съ новыми мыслями, легко поддается стороннему вліянію и нерѣдко способно увлечься мечтательными крайностями всяческихъ теорій. И въ сороковыхъ годахъ общественная мысль не спала, и наша журналистика работала въ извѣстномъ направленіи; но, путемъ чтенія и бесѣдъ съ нашими преподавателями, мы настолько были ознакомлены съ сущностью волновавшихъ тогда русскую жизнь вопросовъ, а слѣдовательно и гарантированы отъ увлеченій новизною и заманчивостью ихъ, что

---

[1]) В. М. Бѣлозерскій въ 1847 году, какъ одинъ изъ членовъ Кіево-Меѳодіевскаго общества, былъ высланъ на жительство въ Петрозаводскъ.

[2]) Съ 1851 по 1890 годъ, во всѣхъ нашихъ военныхъ академіяхъ изъ бывшихъ полтавцевъ окончило курсъ около ста пятидесяти офицеровъ, т. е. болѣе 10° изъ всего числа произведенныхъ за пятьдесятъ лѣтъ въ офицеры (см. прилож. II).

[3]) Пишу по памяти, а потому прошу извинить за пропускъ, вѣроятно, многихъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

почтенный отецъ Сіяльскій, передъ нашимъ отъѣздомъ въ Петербургъ, могъ, отъ лица всѣхъ нашихъ воспитателей, совершенно спокойно сказать намъ въ напутствіе: «будьте чисты яко голуби и мудры яко зміи». Конечно, я далекъ отъ того, чтобы рѣшать: въ какой мѣрѣ каждому изъ насъ удалось въ жизни остаться вѣрнымъ этому евангельскому завѣту. Отъ себя лишь скажу, что соблюсти его въ то время, повидимому, было легче, нежели теперь.

Въ заключеніе считаю нужнымъ упомянуть и о томъ воспитательномъ значеніи, какое имѣли для насъ, кадетъ, посѣщенія корпуса императоромъ Николаемъ, нашимъ главнымъ начальникомъ, великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, и его начальникомъ штаба, Я. И. Ростовцевымъ. О той суровости, про которую сложилось не мало преданій, не было и помину. Напротивъ, государь и великій князь, оставаясь по нѣсколько дней въ Полтавѣ и безпрестанно заходя въ корпусъ, величавою простотою и сердечнымъ обращеніемъ съ кадетами производили на нихъ чарующее дѣйствіе, навсегда сохранявшееся въ ихъ памяти. Начавшись юношескими восторгами и поклоненіемъ, этотъ культъ переходилъ потомъ въ сознательно-безграничную преданность, подвигами мужества и вѣрностью долгу многими полтавцами на службѣ доказанную [1]).

М. А. Д.

[1]) Въ послѣднюю войну не малое число бывшихъ воспитанниковъ Полтавскаго корпуса получили Георгіевскіе кресты и другія награды за боевыя отличія.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Изъ бывшихъ кадетъ Полтавскаго корпуса въ генеральскихъ чинахъ состоятъ на службѣ:

Генералъ-лейтенанты:

1) А. Ф. Петровскій. К—диръ б—ды кавал. запаса. } III-го вып: изъ корпуса (1847 г.).
2) М. А. Домонтовичъ. Въ вѣдом. воен. учебн. завед. }
3) С. А. Лейхтъ. Пред. Главн. воен. суда. }
4) М. Я. Шаликовъ. Эриванскій губернаторъ. } (IV)
5) А. О. Шмитъ. Начальн. 16-й пѣхотн. дивизіи. }
6) И. Ѳ. Невадовскій. Начальн. 9-й мѣстн. бригады. } (V)
7) Ф. К. Величко. Помощн. начальн. Главн. Штаба. }
8) К. К. Бискупскій. Начальн. 2-й гренад. дивиз. (Георгіевскій кавалеръ). } (VI)

Генералъ-маіоры:

9) А. И. Лепарскій. Помощн. окр. интенданта. (II)
10) И. А. Боголюбовъ. Директ. Оренбург. кад. корпуса. (IV)
11) А. Вейсбахъ. Въ корпусѣ жандармовъ. (VI)
12) Н. А. Маслаковецъ. Оренбург. губернаторъ. }
13) В. Н. Шкляревичъ. Пос. членъ ком. Гл. Арт. Упр. }
14) В. Н. Онопріенко. Въ корпусѣ жандармовъ. } (VIII)
15) М. Н. Красковскій. Начальн. окр. арсен. склада. }
16) И. И. Филипенко. Сов. членъ Арт. ком. Гл. Арт. Упр. (IX)
17) А. Г. Фертовъ. Военный судья. }
18) К. К. Македонскій. Военный прокуроръ. } (XI)
19) М. Н. Рындинъ. Начальн. отд. Гл. Инж. Упр. }
20) Л. Ѳ. Костенко. Завѣд. Азіат. част. въ Гл. Штабѣ. }
21) К. А. Баіовъ. Нач. шт. 9-го арм. корпуса. } (XII)
22) П. Н. Баженовъ. Нач. шт. 14-го арм. корпуса. (XIII)
23) Я. Д. Малама. Нач. штаба Кіевск. округа. (Георгіевскій кавалеръ). } (XV)
24) К. О. Разгоновъ. Нач. Аму-Дарьинск. отд. }
25) Е. Д. Евреиновъ. Въ Удѣльн. вѣдомствѣ. (XVI)
26) П. З. Костырко. Въ Главн. Арт. Управл. (XVIII)

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

II.

Изъ бывшихъ воспитанниковъ Полтавскаго корпуса и Военной гимназіи окончили академіи:

1) Николаевскую Генеральнаго Штаба: (Съ 1851 г. по 1890 годъ). Чернявскій, Антоновъ, Зеленскій, Шмитъ, Бискупскій 1-й, Домонтовичъ, Шаликовъ 1-й, Лучницкій 1-й, Величко, Кучеровъ, Маслаковецъ, Абельдяевъ, Кондзеровскій, Баіовъ, Фертовъ (и юридическую), Лучницкій 2-й, Боголюбовъ, Кружилинъ, Гржимайло, Баженонъ, Костенко, Соболевскій (и юридическую), Скаржинскій, Малама, Евреиновъ 1-й, Кащенко, Разгоновъ, Ставровскій (георгіевскій кавалеръ), Милорадовичъ, Андріяновъ (георгіевскій кавалеръ) [1]), Иршенко, Надаровъ, Черемушкинъ, Евреиновъ 2-й, Пещанскій, Потоцкій 1-й, Ольховскій, Бобырь, Потоцкій 2-й, Пробенко, Мартосъ, Шейдеманъ, Карнѣевъ, Трамбицкій, Малинко, Яковлевъ, Бутовичъ, Мандрыко, Добровольскій, Гребенщиковъ, Гнида, Гончаренко, Родкевичъ, Пржевальскій, Адабашъ, Холодовскій, Саввичъ и Чулковъ.

2) Михайловскую Артилерійскую: (Съ 1852 по 1890 годъ). Лейхтъ, Шкляревичъ, Шевченко, Филипенко, Квитка, Дерюгинъ, Шишкевичъ, Павленковъ, Бискупскій 2-й, Пеленкинъ, Потоцкій, Флоренсовъ, Кобалевскій 1-й, Костырко, Кобалевскій 2-й, Ланге, Пиротскій, Мокріевичъ, Циклинскій, Адасовскій, Индутный, Лавриненковъ, Ограновичъ, Калишевскій 1-й, Чернявскій, Климовъ, Калишевскій 2-й, Симоновскій, Манько, Коленко, Корнѣевъ, Катрухинъ, Потоцкій, Линевичъ, Нечволодовъ, Попруженко, Богаевскій, Кореневъ, Міончинскій, Хоменко, Гончаренко, Пржевальскій, Скоробогатовъ, Томкѣевъ, Поповъ, Вауликъ, Мартосъ, Катрановъ, Чеплевскій, Цвѣтиновичъ; баронъ фонъ-Мершейтъ-Гиллесемъ, Фурманъ, Гаасъ, Ганжа, Ермолинскій 1-й, Подгорецкій, Ивановъ, Шульга и Ермолинскій 2-й.

3) Военно-Юридическую: (Съ 1872 по 1890 годъ). Македонскій, Симпликевичъ. Рахубовскій, Богаевскій, Кривенко, Артамоновъ, Руденко, Римскій-Корсаковъ, Артюховъ, Миклашевскій, Гречко, Абрамовъ и Батогъ.

Примѣчаніе. Точныхъ свѣдѣній о полтавскихъ воспитанникахъ, окончившихъ курсъ наукъ въ Инженерной Академіи, не имѣется. Вообще же, въ помѣщаемомъ перечнѣ могутъ встрѣтиться пропуски и невѣрности, по той причинѣ, что въ послужныхъ спискахъ многихъ изъ воспитанниковъ кадетскихъ корпусовъ и военныхъ гимназій показаны не тѣ заведенія, въ которыхъ они получили первоначальное образованіе, а тѣ военныя училища, изъ которыхъ они произведены въ офицеры. Разбираться въ этихъ свѣдѣніяхъ приходилось по памяти и, конечно, дѣлать ошибки, исправленія которыхъ весьма желательно въ интересахъ исторіи Полтавскаго корпуса.

---

[1]) Въ спискѣ Георгіевскихъ кавалеровъ, кромѣ вышеназванныхъ, еще значатся бывшіе кадеты Полтавскаго корпуса: полковникъ Хоменко, (г.-м. въ отставкѣ) и инженеръ полковникъ Рутковскій, а изъ воспитанниковъ военной гимназіи: шт.-р. Пащенко (въ отставкѣ).

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ УЧЕНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ А. Ѳ. БЫЧКОВА.

ОКТЯБРЯ седьмого, въ Императорскую Публичную Библіотеку, въ Ларинскую залу, собралась исключительная и блестящая публика для чествованія пятидесятилѣтняго юбилея служебной и ученой дѣятельности ея директора, ординарнаго академика А. Ѳ. Бычкова. Августѣйшій президентъ Академіи Наукъ, высокопоставленныя лица—министры, товарищи министровъ, члены Государственнаго Совѣта, сенаторы, генералы, академики, профессора университетовъ, депутаты отъ различныхъ ученыхъ учрежденій и обществъ, и много, много частныхъ лицъ — пожелали поздравить всѣми уважаемаго юбиляра, одного изъ выдающихся дѣятелей русской исторической науки, посвятившаго себя, по словамъ Высочайшаго рескрипта, «весьма важной для государства отрасли изслѣдованія и обнародованія памятниковъ отечественнаго дѣописанія» и призваннаго нынѣ, во вниманіе къ заслугамъ на служебномъ и ученомъ поприщахъ, къ участію въ высшемъ правительственномъ учрежденіи—Государственномъ Совѣтѣ. Цѣлый рядъ депутацій то читалъ адреса, то произносилъ привѣтствія, съ благодарностью вспоминая капитальныя заслуги А. Ѳ. передъ наукой и многочисленныя услуги ея русскимъ представителямъ, съ которыми юбиляръ всегда такъ щедро дѣлился своими обширными и разносторонними знаніями. Юбилейныя поздравленія всегда почти страдаютъ панегиризмомъ, но въ данномъ случаѣ ихъ приподнятый тонъ былъ совершенно искреннимъ и задушевнымъ, ибо А. Ѳ. совмѣстилъ въ себѣ всѣ достоинства дѣйствительнаго ученаго и добрѣйшаго, благороднѣйшаго человѣка. Кромѣ депутацій съ чте-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ніемъ ими адресовъ и произнесеніемъ привѣтствій, юбилейное торжество ознаменовалось чтеніемъ нѣсколькихъ сотъ привѣтственныхъ телеграммъ и писемъ съ разныхъ концовъ Россіи. Почти всѣ университеты избрали А. Ѳ. своимъ почетнымъ членомъ, всѣ историческія, археологическія общества и архивныя комиссіи привѣтствовали тоже своего почетнаго сочлена. Словомъ, торжество 7-го октября ярко обрисовало, какъ обширна ученая популярность А. Ѳ., какъ значительны его ученыя заслуги, какой, наконецъ, любовью и симпатіями онъ пользуется и въ мірѣ административномъ, и въ мірѣ ученомъ. И это потому, что въ теченіе своей полувѣковой дѣятельности А. Ѳ. Бычковъ умѣлъ совмѣщать многотрудныя служебныя обязанности съ непрерывными занятіями на поприщѣ русской исторической науки, для пользы которой онъ продолжаетъ трудиться съ неослабѣвающей энергіей и понынѣ, сохранивъ до преклоннаго возраста необычайную подвижность, чуткую отзывчивость и поразительную память.

А. Ѳ. Бычковъ происходитъ изъ дворянъ Ярославской губерніи. Онъ родился 15-го декабря 1818 года, въ Финляндіи, въ городѣ Фридрихсгамѣ. Здѣсь въ то время служилъ артилерійскимъ офицеромъ его отецъ, Ѳедоръ Николаевичъ, въ 1861 году вышедшій въ отставку въ чинѣ генералъ-лейтенанта и жившій послѣ этого до самой своей смерти, въ 1883 году, въ своемъ имѣніи въ Рыбинскомъ уѣздѣ. Дѣтство свое А. Ѳ. Бычковъ провелъ въ Финляндіи, а въ 1833 году былъ опредѣленъ въ благородный пансіонъ при Демидовскомъ высшихъ наукъ училищѣ и затѣмъ переведенъ въ ярославскую гимназію, къ которой этотъ пансіонъ присоединенъ въ 1834 году. Окончивъ блистательно курсъ въ 1836 году, А. Ѳ. поступилъ въ Московскій университетъ на первое отдѣленіе философскаго факультета и особенно усердно занимался исторіей, которую читали въ то время Погодинъ, Грановскій и Крюковъ. На третьемъ курсѣ онъ былъ удостоенъ серебряной медали за сочиненіе на тему «О вліяніи внѣшней природы на народъ и государство», а въ 1840 году окончилъ курсъ со степенью кандидата. По выходѣ изъ университета, въ томъ же году, А. Ѳ. былъ рекомендованъ Погодинымъ, вмѣстѣ съ извѣстнымъ впослѣдствіи историкомъ-юристомъ Н. В. Калачовымъ, графу С. С. Уварову, который искалъ молодыхъ людей, спеціально занимающихся исторіей, для Археографической Комиссіи. 7-го октября 1840 года А. Ѳ. былъ опредѣленъ сюда чиновникомъ для занятій и состоялъ въ этой должности по 1850 годъ, а съ 1854 года состоитъ старѣйшимъ членомъ названной комиссіи, нынѣ же, въ день пятидесятилѣтняго юбилея своего, избранъ почетнымъ ея членомъ; кромѣ того, съ 1854 по 1873 годъ А. Ѳ. былъ въ ней главнымъ редакторомъ лѣтописей, а въ теченіе девяти лѣтъ (1864—1873 гг.) и правителемъ ея дѣлъ. Одновременно съ своей полувѣковой, въ высшей степени плодо-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

творной дѣятельностью по Археографической Комиссіи, А. Ѳ. служитъ болѣе сорока пяти лѣтъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ, о которой онъ неусыпно печется, какъ о своемъ любимомъ дѣтищѣ, и которая, благодаря его заботамъ и трудамъ, достойно занимаетъ одно изъ первенствующихъ мѣстъ среди европейскихъ книгохранилищъ. Въ 1844 году А. Ѳ. занялъ въ Публичной Библіотекѣ должность библіотекаря рукописнаго отдѣленія, будучи одновременно нѣсколько лѣтъ и библіотекаремъ русскаго отдѣленія. Императорская Публичная Библіотека никогда не забудетъ трудовъ А. Ѳ. Бычкова, какъ ближайшаго и усерднѣйшаго сотрудника директоровъ библіотеки: Д. П. Бутурлина, графа М. А. Корфа и графа И. Д. Делянова, какъ помощника послѣдняго (съ 1868 года), и, наконецъ, въ настоящей должности, которую онъ занялъ послѣ графа Делянова въ 1882 году. Вотъ какъ охарактеризована дѣятельность А. Ѳ. въ Публичной Библіотекѣ въ адресѣ, поднесенномъ, 7-го октября, отъ лица служащихъ въ ней: «Большая часть вашей дѣятельности протекла въ стѣнахъ библіотеки. Библіотека была послѣдней школой, въ которой развились и созрѣли ваши дарованія, и вы щедро заплатили ей неустанными трудами и неусыпными заботами. Благодаря вамъ, безпрерывно совершенствовалось ея устройство и росло ея обогащеніе по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній. Въ теченіе сорока лѣтъ, значительнѣйшія пріобрѣтенія по всѣмъ отдѣленіямъ библіотеки, цѣлыми коллекціями, важныя по своему научному значенію и очень цѣнныя по своей стоимости, дѣлались не иначе, какъ по вашему просвѣщенному совѣту и указанію. Въ особенности полны слѣдами вашей высокополезной дѣятельности отдѣленіе русскихъ печатныхъ книгъ и отдѣленіе рукописей. Первоначальное поприще вашихъ занятій въ нашемъ книгохранилищѣ, оба эти отдѣленія въ нынѣшнемъ своемъ видѣ должны быть названы вашими созданіями. Въ русскомъ печатномъ отдѣлѣ каталогъ, составленный вашимъ личнымъ трудомъ или при вашемъ ближайшемъ участіи, сталъ нынѣ твердою основой русской библіографіи. Ваши постоянныя заботы о пополненіи этого отдѣленія подаютъ прочную надежду на то, что оно скоро достигнетъ своей цѣли — служить центральнымъ хранилищемъ всего, что предано типографскому станку на русскомъ языкѣ. Точно также наше обширное собраніе рукописей вами приведено въ порядокъ, а ваши основательныя познанія въ русской исторіи, литературѣ и палеографіи, дали вамъ возможность предпринять подробное ученое описаніе хранимыхъ въ библіотекѣ памятниковъ русской и славянской письменности. Ихъ ближайшее критическое изученіе вызвало васъ на цѣлый рядъ ученыхъ изданій, которыя существенно обогатили отечественную науку, и въ то же время обильными археографическими указаніями дѣлились вы съ нѣсколькими поколѣніями ученыхъ, посвя-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

тившихъ себя изысканіямъ въ области русской старины... Справедливо было сказано, что ни одинъ ученый трудъ, предпринятый въ Россіи, не можетъ быть довершенъ безъ пособія Императорской Публичной Библіотеки. Вамъ лучше, чѣмъ кому-либо, извѣстно ея значеніе и въ этомъ сознаніи вы всегда трудились и продолжаете трудиться на ея пользу, на благое просвѣщеніе».

Еще въ 1855 году Академія Наукъ обратила вниманіе на ученые труды А. Ѳ. Бычкова и избрала его своимъ членомъ-корреспондентомъ, а черезъ десять лѣтъ, въ 1866 году, въ экстраординарные академики, и въ 1869 году въ академики ординарные по отдѣленію русскаго языка и словесности. Нашъ знаменитый славистъ И. И. Срезневскій, читавшій, при избраніи А. Ѳ. въ экстраординарные академики, записку объ его ученыхъ трудахъ, мотивировалъ это избраніе, между прочимъ, слѣдующимъ образомъ: «Имѣя въ виду, что отдѣленію русскаго языка и словесности, по кончинѣ Востокова и выбытіи Билярскаго, необходимо усилить свой составъ дѣятелями, хорошо подготовленными для предстоящихъ разнообразныхъ лексикографическихъ и историко-литературныхъ трудовъ, и что г. Бычковъ между немногими русскими учеными въ этой области занимаетъ по общему признанію почетное мѣсто, что его основательныя и обширныя познанія въ славяно-русской письменности, его научное образованіе и рѣдкое трудолюбіе высоко цѣнятся всѣми знатоками, мы считаемъ своею обязанностью предложить его въ экстраординарные академики» [1]).

Независимо отъ дѣятельности по Публичной Библіотекѣ, Археографической Комиссіи и Академіи Наукъ, А. Ѳ. много потрудился на педагогическомъ и другихъ поприщахъ. Такъ съ 1841 г. по 1850 онъ преподавалъ русскій языкъ и словесность въ Дворянскомъ полку; въ 1850 году былъ причисленъ ко II Отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, въ которой состоялъ до 1882 года, т. е. до времени преобразованія ея въ Кодификаціонный отдѣлъ. Состоя на службѣ въ II Отдѣленіи, А. Ѳ. завѣдывалъ нѣкоторое время его библіотекой; редактировалъ и издалъ четыре тома «Дворцовыхъ разрядовъ XVII вѣка», двадцать четыре выпуска «Путевыхъ и походныхъ журналовъ Петра Великаго (1695—1726)», съ многочисленными историческими и географическими примѣчаніями, и сорокъ одинъ выпускъ «Камеръ-фурьерскихъ журналовъ» (1726—1772); былъ дѣлопроизводителемъ комитета для цензурнаго разсмотрѣнія сочиненій Жуковскаго, подъ предсѣдательствомъ графа Блудова и, работая въ этомъ комитетѣ, собралъ и привелъ въ порядокъ матеріалы для четырехъ послѣднихъ томовъ (X—XIII) полнаго 5-го собранія сочиненій нашего

[1]) См. Приложеніе къ отчету о дѣятельности Академіи Наукъ за 1865 г., стр. 469.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

знаменитаго поэта; наконецъ, работалъ въ двухъ комиссіяхъ: для составленія законоположеній, относящихся до преобразованія судебной части, принимая дѣятельное участіе въ ея трудахъ по составленію устава гражданскаго судопроизводства (1862 г.),—и для окончательной обработки проекта устава о книгопечатаніи въ Россіи (1863 г.). Съ 1856 г. А. Ѳ. занимался собираніемъ матеріаловъ для біографіи и исторіи царствованія императора Николая I, состоя для этого при статсъ-секретаряхъ графѣ Корфѣ, князѣ Урусовѣ и графѣ Деляновѣ; въ 1865 же году былъ назначенъ членомъ въ комиссію для разбора и приведенія въ порядокъ дѣлъ архива Святѣйшаго Сунода, а съ 1866 года состоитъ и предсѣдателемъ этой комиссіи.

Архивъ Святѣйшаго Сунода заключаетъ въ себѣ драгоцѣнный и единственный по своей полнотѣ матеріалъ для исторіи русской церкви и для нашего церковнаго законодательства, а также весьма богатыя данныя для многихъ сторонъ общественной и государственной жизни. До 1866 года этотъ архивъ былъ мало извѣстенъ и доступенъ ученымъ изслѣдователямъ. Комиссія же, подъ предсѣдательствомъ А. Ѳ., учрежденная по мысли тогдашняго оберъ-прокурора Святѣйшаго Сунода, графа Д. А. Толстого, принесла изданіемъ актовъ и документовъ огромную пользу наукѣ. Самъ предсѣдатель редактировалъ первый томъ «Описанія документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Святѣйшаго Сунода (1542—1721)», изданный въ 1868 году, и первый томъ «Полнаго собранія постановленій и распоряженій по вѣдомству Православнаго Исповѣданія».

Переходя, далѣе, къ семидесятымъ годамъ, должно упомянуть о назначеніи А. Ѳ. въ 1871 году членомъ комиссіи по устройству архивовъ и храненію въ нихъ документовъ, въ 1876 году членомъ отъ Императорскаго Археологическаго общества въ комиссію при министерствѣ народнаго просвѣщенія по вопросу о мѣрахъ охраненія существующихъ памятниковъ древности и въ 1877 году предсѣдателемъ, состоящей при томъ же министерствѣ комиссіи для международнаго обмѣна изданій научныхъ и художественныхъ. Въ семидесятыхъ же годахъ, а именно въ 1874, А. Ѳ. былъ избранъ управляющимъ отдѣленіемъ древностей славянскихъ и русскихъ Императорскаго Археологическаго общества, а съ 1885 года онъ состоитъ помощникомъ предсѣдателя названнаго общества. Плодотворные труды неутомимаго А. Ѳ. и на этомъ поприщѣ были достойно оцѣнены въ 1880 году съ одной стороны Августѣйшимъ Предсѣдателемъ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, въ милостивомъ рескриптѣ на имя его дѣятельнаго помощника, а съ другой—присужденіемъ ему отъ общества золотой медали за его полезную дѣятельность. Въ прочитанной по этому поводу 8-го марта 1880 года проф. И. В. Помяловскимъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

запискѣ слѣдующимъ образомъ охарактеризованы заслуги А. Ѳ. Археологическому обществу: «Въ маѣ 1874 года отдѣленіе русской и славянской археологіи получило новую организацію, и въ управляющіе онымъ былъ избранъ А. Ѳ. Бычковъ. Съ неутомимою ревностью и рѣдкимъ самоотверженіемъ нашъ достоуважаемый сочленъ приступилъ къ возсозданію дѣятельности отдѣленія и достигъ въ этомъ рѣдкихъ успѣховъ. Благодаря своей общительности, снискавшей ему многочисленныхъ почитателей, обширнымъ ученымъ связямъ, рѣдкой любви къ самымъ разнообразнымъ отдѣламъ отечественной археологіи, необычайной любознательности и пытности во всемъ, что̀ касается старины и древности вообще, А. Ѳ. сразу далъ отдѣленію организацію, возбудилъ къ дѣятельности прежнихъ членовъ его и вызвалъ много новыхъ дѣятелей въ области отечественной археологіи». Кромѣ дѣятельнаго участія въ Археологическомъ обществѣ, А. Ѳ. былъ однимъ изъ членовъ основателей въ 1866 году Императорскаго Русскаго Историческаго общества, далѣе членомъ его совѣта и, наконецъ съ 1882 года состоитъ въ немъ помощникомъ предсѣдателя; подъ редакціей А. Ѳ. вышли томы I, XI и XXV (часть) «Сборника Русскаго Историческаго общества». Помощникомъ же предсѣдателя А. Ѳ. состоитъ и въ церковномъ братствѣ Покрова Пресвятой Богородицы. Наконецъ, въ 1881 году, министерство внутреннихъ дѣлъ пригласило А. Ѳ. Бычкова предсѣдательствовать въ редакціонномъ совѣтѣ по изданію правительственной еженедѣльной газеты для народа «Сельскій Вѣстникъ», который подъ наблюденіемъ А. Ѳ. издается и понынѣ, а въ 1888 году онъ былъ назначенъ членомъ совѣта министерства народнаго просвѣщенія.

Въ юбилейномъ адресѣ А. Ѳ. отъ Академіи Наукъ, между прочимъ, говорится, что онъ въ своихъ изысканіяхъ не ограничился предѣлами одного какого-либо періода, а простеръ ихъ на памятники различныхъ временъ—отъ Остромирова Евангелія, сборника Святослава, судебника Іоанна IV и т. д. до произведеній Крылова и Жуковскаго. Этими словами Академія указала на многосторонность ученаго кругозора маститаго ученаго. Но замѣчательно, что по большей части сухая архивная и кропотливая библіографическая работа нисколько не уменьшила въ А. Ѳ. самаго живаго сочувствія къ современности. Рѣдкое и высокоцѣнное качество, свидѣтельствующее о выдающейся даровитости почтеннаго академика. Яркимъ примѣромъ такого живаго сочувствія къ современности можетъ служить наблюденіе А. Ѳ. за изданіемъ «Сельскаго Вѣстника». Завѣдующій редакціей этой газеты, Ю. М. Богушевичъ, въ своемъ письменномъ юбилейномъ привѣтствіи, говоритъ по этому поводу слѣдующее: «Съ невольнымъ умиленіемъ сердечнымъ и благодарностью къ Богу я оглядываюсь на послѣднія девять лѣтъ..., въ теченіе коихъ вы принимали столь близкое участіе въ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

этой газетѣ, что, можно сказать, ни одна строка ея почти 500 нумеровъ не осталась безъ вашего вниманія, умудреннаго многоопытнымъ пониманіемъ великихъ нуждъ той темной среды народной, которой предназначено служить это изданіе. Это участіе ваше не было видно для постороннихъ взоровъ, но я, которому Всеблагій даровалъ высокое счастіе ближайшаго труда на этой благодарной нивѣ, хотѣлъ бы передъ всѣми свидѣтельствовать, что если на нее пали чрезъ «Сельскій Вѣстникъ», нѣкоторые лучи свѣта и сѣмена правды, то благодаря наиболѣе этому вашему участію... Отъ направленія изданія до его корректуры ко всему вы прилагали свою дѣятельную мысль и руку... И это цѣлыхъ девять лѣтъ— какъ бы девять короткихъ дней!.. Не видны и плоды сѣянія «Сельскаго Вѣстника», но вамъ извѣстны тѣ многочисленныя благодаренія и благословенія, которыя въ теченіе этихъ девяти лѣтъ доходили до редакціи въ простодушныхъ заявленіяхъ признательныхъ читателей этой газеты».

Не только почти всѣ русскія историческія и археологическія общества избрали въ разное время А. Ѳ. своимъ почетнымъ или своимъ дѣйствительнымъ членомъ, но также и заграничныя, что свидѣтельствуетъ о широкой извѣстности его ученыхъ трудовъ. Такъ, А. Ѳ. состоитъ почетнымъ членомъ королевскаго великобританскаго историческаго общества, членомъ эллинскаго филологическаго общества въ Константинополѣ и членомъ двухъ археологическихъ обществъ въ Стокгольмѣ и Копенгагенѣ. Ревностная и неутомимая служба А. Ѳ. достойна оцѣнена и съ высоты Престола: онъ имѣетъ много знаковъ Монаршаго благоволенія.

Въ «Библіографическомъ спискѣ сочиненій, переводовъ и изданій ординарнаго академика Императорской Академіи Наукъ А. Ѳ. Бычкова 1838—1890», составленномъ Я. К. Гротомъ и появившемся ко дню юбилея, означено болѣе 180 трудовъ маститаго ученаго. Мы не будемъ входить въ подробную оцѣнку всѣхъ работъ А. Ѳ., ибо это можетъ быть сдѣлано только въ полномъ очеркѣ его жизни и дѣятельности, а остановимъ вниманіе на болѣе крупныхъ, обходя, къ сожалѣнію, молчаніемъ цѣлый рядъ болѣе мелкихъ, хотя весьма цѣнныхъ и любопытныхъ работъ, а также множество историческихъ матеріаловъ, сообщенныхъ А. Ѳ. въ разное время въ различныя повременныя историческія изданія.

Многими замѣчательными трудами выразилась, во-первыхъ, академическая дѣятельность А. Ѳ. Бычкова. Помимо цѣлаго ряда рецензій о сочиненіяхъ, представлявшихся на соисканіе премій и нѣсколькихъ прекрасно-составленныхъ отчетовъ о дѣятельности 2-го отдѣленія Академіи Наукъ, въ которыхъ встрѣчаются мѣткія, живыя и обстоятельныя характеристики Никитенки, Лавровскаго, Срезневскаго, съ полнымъ перечнемъ его ученыхъ трудовъ, Островскаго и др., А. Ѳ. редактировалъ «Бѣлорусскій словарь»

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Носовича; наблюдалъ за изданіемъ бѣлорусскаго сборника извѣстнаго изслѣдователя народнаго творчества и народныхъ обычаевъ П. В. Шейна; редактировалъ такъ называемыя Литовскія лѣтописи на русскомъ языкѣ, очень разнообразныя по редакціи и сообщающія любопытныя и наиболѣе достовѣрныя свѣдѣнія о великомъ княжествѣ литовскомъ, занимавшемъ довольно видное мѣсто въ судьбахъ нашего отечества; наблюдалъ за печатаніемъ «Словаря древняго русскаго языка» покойнаго академика Срезневскаго; занимался редакціей новаго изданія труда того же ученаго, подъ заглавіемъ: «Древніе памятники русскаго языка и письма», къ которому А. Ѳ. сдѣланы значительныя добавленія; наконецъ, редактировалъ «Библіологическій словарь» извѣстнаго археографа П. М. Строева. Этотъ трудъ, составленный Строевымъ еще въ 1835 году, А. Ѳ. сличалъ съ «Словаремъ» митрополита Евгенія, съ «Обзоромъ русской духовной литературы» архіепископа Филарета и съ тѣми дополненіями, которыя вызваны въ свѣтъ появленіемъ послѣдняго труда, съ цѣлію выдѣлить изъ «Словаря» тѣ данныя, которыя и теперь представляютъ интересъ въ какомъ-либо отношеніи. Пересмотрѣнный и изданный такимъ образомъ трудъ Строева является не лишнимъ въ ряду пособій для изученія нашей древней литературы. При каждомъ писателѣ въ «Словарѣ» сначала сообщаются нѣкоторыя біографическія о немъ данныя, а затѣмъ исчисляются его сочиненія и переводы, иногда съ подробнымъ изложеніемъ ихъ содержанія, а иногда съ присовокупленіемъ и критической ихъ оцѣнки; и почти всегда съ указаніемъ лучшихъ списковъ, а также мѣстъ ихъ храненія.

Изъ цѣлаго ряда библіографическихъ работъ А. Ѳ. слѣдуетъ отмѣтить, во-первыхъ, появившійся въ 1882 году обширный томъ «Описанія церковно-славянскихъ и русскихъ рукописныхъ сборниковъ Императорской Публичной Библіотеки». Этотъ томъ является лишь началомъ предпринятаго А. Ѳ. каталога богатаго собранія церковно-славянскихъ и русскихъ рукописей библіотеки и въ немъ описаны 91 сборникъ изъ Погодинскаго древлехранилища. При описаніи каждой рукописи, перечислены всѣ находящіяся въ ея составѣ статьи, и изъ тѣхъ, которыя были доселѣ неизвѣстными или представлялись въ какомъ-либо отношеніи любопытными, приведены болѣе или менѣе обширныя выдержки, а нѣкоторыя небольшія по объему напечатаны цѣликомъ; къ статьямъ же обнародованнымъ прежде присоединены библіографическія указанія на изданія, въ которыхъ онѣ были помѣщены, при чемъ нерѣдко опредѣлено достоинство рукописнаго текста сравнительно съ печатнымъ. Подробнѣйшій указатель—болѣе 150 страницъ—лицъ, мѣстъ, предметовъ и статей, достойно завершаетъ этотъ почтенный трудъ, весьма полезный и для филолога, и для историка литературы, такъ какъ по этимъ сборникамъ, если только они составлены съ опре-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

дѣленною цѣлью или однимъ лицомъ, изслѣдователь можетъ до извѣстной степени знакомиться съ разными вопросами, занимавшими книжныхъ людей въ ту или другую эпоху. Въ числѣ другихъ работъ въ томъ же направленіи слѣдуетъ назвать еще «Каталогъ хранящимся въ Императорской Публичной Библіотекѣ изданіямъ, напечатаннымъ гражданскимъ шрифтомъ, при Петрѣ Великомъ» и «Описаніе находящихся въ ней рукописей, относящихся къ его же царствованію». Въ первомъ трудѣ описано 205 рѣдчайшихъ книгъ, причемъ заглавія и всѣ выписки напечатаны съ возможною точностью; поэтому послѣднія могутъ представить довольно полный матеріалъ для исторіи гражданской азбуки и правописанія за время царствованія Петра Великаго. Нельзя также не упомянуть о такихъ изданіяхъ, какъ «Письма Екатерины II», сборникъ «Въ память графа М. М. Сперанскаго» или, наконецъ, «Первыя русскія вѣдомости, печатавшіяся въ Москвѣ въ 1703 году». Посредствомъ послѣдняго изданія первенецъ нашей періодической литературы, редактировавшійся, какъ извѣстно, самимъ Петромъ Великимъ, сдѣлался доступнымъ всей публикѣ, ибо вѣдомостей 1703 года сохранилось въ Россіи только два полныхъ экземпляра и оба они принадлежатъ Публичной Библіотекѣ.

Капитальнѣйшими же трудами А. Ѳ. Бычкова должны быть, разумѣется, признаны, во-первыхъ, 6 изданныхъ подъ его редакціей томовъ Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей (томы VII, VIII, IX, X, XV и часть XVI, заключающіе въ себѣ лѣтописи по Воскресенскому списку, Никоновскую и Тверскую) и, кромѣ того, отдѣльно лѣтописи по Лаврентьевскому списку и такъ называемыя вторая и третья Новгородскія, а во-вторыхъ, два объемистыхъ тома «Писемъ и бумагъ Петра Великаго» съ предшествовавшими имъ другими документами, изданными А. Ѳ. и относящимися къ тому же царствованію.

Чтобы понять заслуги передъ наукой А. Ѳ. Бычкова по части изданія и редактированія лѣтописей, слѣдуетъ припомнить, что вся кропотливая и мѣшкотная работа, требующая неимовѣрнаго терпѣнія и усидчивости, безкорыстной любви къ наукѣ, лежала исключительно на одномъ главномъ редакторѣ, который обязанъ былъ свѣрять снятыя копіи съ рукописей, сличать между собою однородные списки, выбирать варіанты, проводить нерѣдко цѣлые часы надъ ошибкою единственно съ тою цѣлію, чтобы найти настоящее чтеніе, а неправильное скрыть въ подстрочныхъ выноскахъ между тысячами разнорѣчій. Образцовое изданіе лѣтописей, особенно Лаврентьевской и Новгородской, и можетъ служить примѣромъ для подобнаго рода изданій. Прекрасно составленные указатели при каждомъ томѣ и общій указатель къ первымъ восьми томамъ полнаго собранія заключаютъ въ себѣ, вмѣсто простыхъ цифръ, сжатыя указанія на событія, къ которымъ эти цифры относятся, что

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

значительно облегчаетъ пользованіе лѣтописями. При событіяхъ, кромѣ того, указывается годъ, въ который они совершились, а также приводятся разные годы, къ которымъ нерѣдко въ лѣтописяхъ отнесено одно и то же событіе. Если вообще изданіе лѣтописей Археографической Коммисіей сдѣлало эпоху въ изученіи русской исторіи, то заслуга въ этомъ отношеніи въ значительной мѣрѣ должна быть отнесена на долю А. Ѳ., бывшаго ихъ главнымъ редакторомъ въ теченіе 19 лѣтъ и продолжающаго трудиться надъ ихъ изданіемъ понынѣ (XVI томъ появился лишь въ прошломъ году).

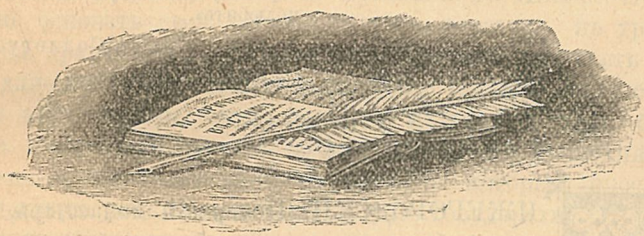
Не меньшее значеніе для новой русской исторіи имѣютъ «Письма и бумаги Петра Великаго». Царствованіемъ этого Великаго Преобразователя Россіи А. Ѳ. занимается уже около двадцати лѣтъ. Первымъ трудомъ въ этомъ направленіи былъ томъ «Матеріаловъ военно-ученаго архива Главнаго Штаба», въ которомъ помѣщены рядъ писемъ Петра Великаго къ С. А. Колычеву и отвѣтныя на нихъ донесенія, военно-походный журналъ Шереметева, посланнаго въ Новгородъ и Псковъ для охраненія этихъ городовъ и иныхъ тамошнихъ мѣстностей отъ войскъ шведскаго короля, описанія походовъ при Петрѣ Великомъ въ Персію, документы о посольствѣ князя Черкасскаго въ Хиву, и проч. Затѣмъ послѣдовали два тома «Сборника Императорскаго Рускаго Историческаго Общества», изъ которыхъ въ одномъ помѣщено болѣе 460 различныхъ бумагъ, относящихся до царствованія Великаго Преобразователя, а въ другомъ—множество документовъ о пребываніи нашихъ пословъ во Франціи и донесенія французскихъ дипломатическихъ агентовъ при нашемъ дворѣ съ 1681 года по конецъ царствованія Петра Великаго.

Наконецъ, въ 1887 году появился въ свѣтъ первый томъ (болѣе 60-ти печатныхъ листовъ) «Писемъ и бумагъ Петра Великаго». Это монументальное изданіе совмѣщаетъ и совмѣститъ въ себѣ все, что вышло изъ-подъ пера монарха, посвятившаго всю жизнь возвеличенію горячо-любимой имъ Россіи, и несомнѣнно, что когда оно будетъ довершено, то образъ великаго царя предстанетъ передъ безпристрастнымъ потомствомъ въ полномъ величіи. Осуществленіе подобнаго изданія требуетъ много энергіи, самаго упорнаго труда и обширныхъ разностороннихъ знаній. Но, не смотря такую трудность задачи, она была выполнена А. Ѳ. Бычковымъ блестяще, и въ прошломъ году появился уже второй томъ «Писемъ и бумагъ». Подготовительныя работы по этому изданію заключались, во-первыхъ, въ составленіи на карточкахъ самимъ редакторомъ списка всѣхъ писемъ и бумагъ Петра Великаго, напечатанныхъ въ разныхъ изданіяхъ, и въ приведеніи ихъ въ хронологическій порядокъ, а во-вторыхъ, въ отысканіи и переписываніи писемъ и бумагъ въ различныхъ архивахъ, а также въ приведеніи въ систему

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

писемъ, доставленныхъ разными учрежденіями и частными лицами. Такъ какъ много писемъ Петра Великаго утрачено, то необходимо было разыскивать всѣ отвѣтныя письма, въ которыхъ имѣются свѣдѣнія о письмахъ утраченныхъ. Вслѣдствіе этого А. Ѳ. для одного только перваго тома пересмотрѣлъ въ государственномъ архивѣ и лично переписалъ, для помѣщенія безъ всякихъ сокращеній въ примѣчаніяхъ, 362 письма отъ 50 лицъ. И въ первомъ и во второмъ томѣ встрѣчается много весьма важныхъ документовъ впервые обнародованныхъ. Первый томъ обнимаетъ 1688—1701 годъ, а второй всего лишь 1702—1703 года. Въ послѣднемъ встрѣчается немало документовъ, освѣщающихъ наши политическія отношенія къ сосѣднимъ государствамъ: таковы свѣдѣнія о переговорахъ по заключенію Россіей союза съ польскимъ королемъ, Польшей и Литвой противъ Карла XII и объ отношеніяхъ западно-европейскихъ государствъ къ Россіи.

С. Трубачевъ.



НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

НИЖЕГОРОДСКІЙ ПЕЧЕРСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

«Если когда-нибудь придется быть вамъ въ Нижегородскомъ Печерскомъ монастырѣ, сходите поклониться Печерскому монастырю. Вы его отъ души полюбите».

Графъ Соллогубъ.

I.

НИЖЕГОРОДСКІЙ Печерскій монастырь, по обилію и богатству сохранившихся въ немъ рѣдкихъ и цѣнныхъ древностей, можетъ считаться однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ монастырей въ Россіи. Жизнь этого старца-монастыря, пріютившагося на возвышенномъ берегу рѣки Волги, съ котораго открывается, въ особенности въ лѣтнее время, прелестный видъ на величавую рѣку, покрытую взадъ и впередъ снующими судами, и на окрестности,—измѣряется вѣками. Но на этомъ пространствѣ вѣковъ ему приходилось жить среди далеко не одинаковыхъ условій, причиною возникновенія которыхъ были въ свою очередь особыя обстоятельства, имѣвшія чисто случайный характеръ, но изъ которыхъ каждое служило, такъ сказать, поворотнымъ пунктомъ къ такому или иному историческому существованію монастыря въ теченіе довольно продолжительнаго времени. И сообразно съ тѣмъ вся пятисотъ шестидесятилѣтняя исторія Печерскаго монастыря можетъ быть подраздѣлена на три періода, которые рѣзкими гранями выступаютъ въ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

его жизни. Первый періодъ продолжается съ основанія монастыря въ 1328 году до разрушенія его обваломъ горы въ 1597 году и обнимаетъ собою почти 270 лѣтъ; второй—отъ возсозданія монастыря на новомъ мѣстѣ въ 1598 году до 1764 года. Этотъ періодъ продолжается болѣе полутораста лѣтъ и можетъ быть названъ временемъ славы и благосостоянія монастыря. Третій начинается съ 1764 года, т. е. съ того времени, когда императрица Екатерина II рѣшила отобрать церковныя земли и крестьянъ въ казенное вѣдомство; съ тѣхъ поръ для Печерскаго монастыря начинается постепенное обѣднѣніе и запустѣніе, въ которыхъ онъ находится и понынѣ.

Печерскій монастырь основанъ св. Діонисіемъ, архіеп. Суздальскимъ и Нижегородскимъ, около 1329 года, во время княженія въ Москвѣ Ивана Калиты, когда онъ, послѣ упорной борьбы съ княземъ Тверскимъ, Александромъ Михайловичемъ, получилъ давно желанный титулъ великаго князя Владимірскаго (1328 г.). Въ это время Нижній-Новгородъ принадлежалъ князю Александру Васильевичу, старшему брату основателя великаго княжества Нижегородскаго, Константина Васильевича. Св. Діонисій, тогда еще молодой двадцати-девятилѣтній монахъ Кіево-Печерскаго монастыря, оставилъ въ 1328 году Кіевъ и пришелъ въ Нижній-Новгородъ съ цѣлію основать свою обитель. Здѣсь, верстахъ въ трехъ отъ города, на правомъ берегу Волги, св. Діонисій выкопалъ сначала пещеру для своихъ иноческихъ подвиговъ; потомъ, когда собралось къ нему много братіи, около пещеры, на уступѣ горы, была поставлена деревянная церковь во имя Вознесенія Господня, черезъ что положено было основаніе монастырю, который впослѣдствіи игралъ видную роль въ исторіи Русскаго государства. Въ основанной такимъ образомъ обители св. Діонисій былъ первымъ ея настоятелемъ, сначала въ званіи игумена, а потомъ архимандрита и управлялъ ею въ теченіе 45-ти лѣтъ—до 1374 года, когда былъ рукоположенъ въ санъ епископа Суздальскаго и Нижегородскаго. Св. Діонисій, по свидѣтельству Константинопольскаго патріарха Нила, былъ «мужъ честный, благочестивый и добродѣтельный, кроткій, смиренный, проницательный и разумный, свѣдущій въ св. Писаніи и церковныхъ правилахъ». При такихъ нравственныхъ качествахъ онъ весьма естественно снискалъ себѣ всеобщую любовь и уваженіе. Его уважали и великіе князья, и знаменитые люди того времени. Съ глубокимъ почтеніемъ относился къ нему всегда великій князь Константинъ Васильевичъ, основатель великаго княжества Нижегородскаго; въ особенности же его любили сыновья послѣдняго: Борисъ Константиновичъ, великій князь Нижегородскій, и Андрей Константиновичъ съ своей супругой Анастасіей Ивановной, которую св. Діонисій, по смерти ея мужа, постригъ въ монашество и, наконецъ, великій князь Нижегородскій

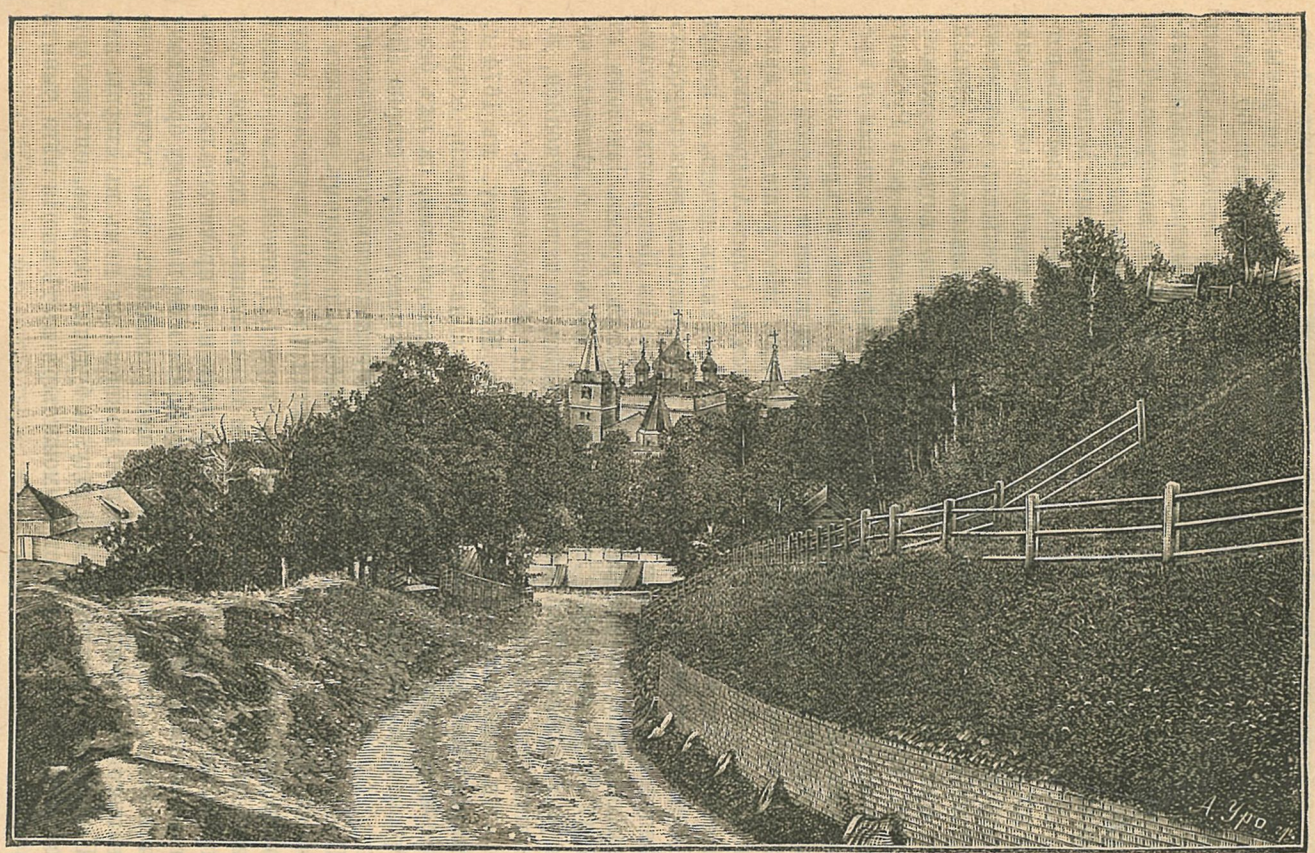
НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Димитрій-Ѳома Константиновичъ. Св. Діонисія узналъ также св. Алексѣй, митр. московскій и полюбилъ его, а преп. Сергій Радонежскій былъ его искреннимъ другомъ.

Имѣя такого авторитетнаго настоятеля, Печерскій монастырь съ самаго основанія своего началъ обогащаться и расширяться: вмѣсто деревянныхъ строеній созидались каменныя, пожертвованія же и вклады лились въ монастырь рѣкою. Не только великіе князья и бояре, но и простые крестьяне—всѣ несли посильныя лепты въ Печерскій монастырь. Князья открытыми грамотами жаловали монастырю не только порожнія земли, но и всѣ имѣющіяся при нихъ заведенія и крестьянъ; приписывали въ пользу его даже цѣлые монастыри. Такъ еще въ настоятельство св. Діонисія великій князь Суздальскій Борисъ Константиновичъ далъ монастырю на поминовеніе по братѣ Андреѣ Константиновичѣ три села съ двумя храмами и деревнями. Впослѣдствіи, при великихъ князьяхъ Московскихъ пожертвованія въ Печерскій монастырь достигли громадныхъ размѣровъ. Такъ, въ 1514 г., великій князь Василій Іоанновичъ пожаловалъ грамотою Борисоглѣбскій Кидекшацкій монастырь, село Кидекшу, село Плесецъ и далъ тарханную несудимую грамоту монастырскимъ крестьянамъ села Кидекши. Кидекшацкій монастырь, основанный въ 1152 году, былъ древнѣе Печерскаго на 177 лѣтъ; имѣлъ церковь, построенную изъ бѣлаго тесаннаго камня. Въ этой церкви находились гробницы князя Суздальскаго Бориса Георгіевича и супруги его Маріи. Управлялся онъ игумномъ и имѣлъ многія вотчины, данныя ему въ разное время на поминовеніе государей. Благодаря такимъ пожертвованіямъ и вкладамъ, Печерскій монастырь достигъ цвѣтущаго состоянія и въ немъ къ концу XVI вѣка было уже шесть каменныхъ церквей съ колокольнею: 1) во имя Вознесенія Господня; 2) Покрова Пресв. Богородицы; 3) св. Іоанна Богослова; 4) святителя и чудотворца Николая; 5) свв. Бориса и Глѣба и 6) св. Сергія Радонежскаго. Какими-то судьбами уцѣлѣлъ отъ всесокрушающаго времени и невѣжества современныхъ благоукрашеній—рисунокъ съ видомъ монастыря того времени, который снятъ былъ нами въ 1886 году и воспроизводится здѣсь. Изображенныя на немъ церкви и колокольня могутъ быть прекраснымъ матеріаломъ для изученія строительнаго искусства XVI вѣка, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время во всей Россіи не сохранилось ни одной церкви этой эпохи, неизуродованной новѣйшими постройками и передѣлками. Оригиналъ рисунка находится въ монастырской ризницѣ, гдѣ можно во всякое время любоваться прекраснымъ стилемъ зданій, разрушенныхъ, какъ мы увидимъ далѣе, въ 1597 году.

Но при своемъ богатствѣ и благоустроенности Печерскій монастырь претерпѣвалъ немало и несчастій. Основанный во времена монгольскаго ига, монастырь очень часто подвергался набѣгамъ та-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ



Нижегородскій Печерскій монастырь.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

таръ; многія села и деревни, принадлежавшія монастырю, были разграблены и запустѣли. Самый монастырь былъ выжженъ татарами до тла, а монахи его разбѣжались въ разныя стороны и монастырь до взятія Казани стоялъ въ запустѣніи около 60 лѣтъ. Но, кромѣ внѣшнихъ враговъ, въ лицѣ татаръ, монастырь имѣлъ еще и своихъ доморощенныхъ монголовъ, которые расхищали монастырскія богатства нисколько не хуже азіатскихъ варваровъ. Такъ ключникъ Дружина Неперцинъ отнялъ у монастыря 40 десятинъ земли въ деревнѣ Ширмовѣ. Настоятель Печерскаго монастыря, архимандритъ Макарій [1]), обокралъ весь монастырь, разогналъ вотчины и сдѣлалъ много безпорядковъ, живя совсѣмъ не помонастырски, за что̀ и былъ отставленъ отъ настоятельства. Объ этомъ архимандритѣ Печерскіе акты, въ числѣ разныхъ его дѣяній, упоминаютъ объ одномъ характерномъ событіи, когда «архимандритъ Макарій со старцами напалъ на крестьянъ села Рубскаго съ рогатинами, ружьями, съ луками, топорами и кольями и крестьянъ обижали и увѣчили смертнымъ боемъ и крестьянокъ и крестьянскихъ дѣвокъ били и безчестили и взяли къ себѣ въ монастырь невѣдомо для какого вымыслу». Не лучше были архимандритъ Симонъ, который, перебираясь въ Спасо-Андроніевъ монастырь, взялъ съ собою много монастырскихъ денегъ, и келарь Діонисій Омачкинъ, передававшій много разныхъ монастырскихъ вещей и денегъ своимъ родственникамъ. Въ Печерскихъ актахъ, найденныхъ въ монастырскихъ подвалахъ преосв. Іаковомъ въ 1847 году, находится любопытнѣйшій документъ о дѣяніяхъ келаря Омачкина. Мы приводимъ его здѣсь по нашей рукописи, доставшейся намъ послѣ покойнаго П. И. Мельникова [2]).

Въ челобитной къ царю Алексѣю Михаиловичу, въ 1674 г., старцы Печерскаго монастыря жалуются на безпорядки, ослушаніе и своеволіе келаря съ его восемью товарищами, на ихъ безобразія и многіе мятежи, говоря, что «отъ него, келаря, старца Діонисія, и отъ тѣхъ его угодниковъ и единомышленниковъ монастырь Печерскій денежною казною и хлѣбомъ и скотомъ всякимъ и намъ, братіѣ, пищею и монастырскими и всякими потребами оскудѣлъ безъ остатку. А онъ, келарь, старецъ Діонисій, въ монастырѣ живетъ въ келарѣхъ много лѣтъ и твоего великаго государя указу грамоты намъ въ братью не казывалъ и не прочитывалъ, каковъ твой великаго государя указъ ему данъ; и не по нашему братскому челобитью онъ въ келарѣхъ, а постриженникъ онъ, государь, не нашего Печерскаго монастыря, пришелъ къ намъ въ старцы изъ Горшковой пустыни въ 161 году. А будучи, государь, онъ, келарь, старецъ Діонисій, у насъ въ монастырѣ въ тѣ многія лѣта чинитъ

[1]) По Строеву, Макарій 2-й—1639—1642.
[2]) Охранный каталогъ № 2362 и № 122.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

бунтъ: архимандритовъ ни въ чемъ не слушаетъ и не почитаетъ и ни въ какихъ монастырскихъ вотчинныхъ дѣлахъ не спрашивается, дѣлаетъ самочинствомъ и многихъ, государь, архимандритовъ озорничествомъ своимъ изъ монастыря выгналъ; ни одинъ, государь, архимандритъ изъ Печерскаго монастыря необезчестенъ отъ него не выѣхалъ. Онъ, келарь, живетъ въ монастырѣ не по иноческому чину, пространно; дѣти его и племянники и зятья и друзья и хлѣбоящцы ядятъ и пьютъ у него непрестанно пищи разныя и питье. И тѣхъ, государь, дѣтей своихъ и племянниковъ и зятей и друзей и хлѣбоящцевъ и иныхъ всякихъ чиновъ людей ссужаетъ монастырскими казенными деньгами и хлѣбомъ и скотомъ, лошадьми и всякою животиною по вся годы и для прилики емлетъ на нихъ заемныя кабалы въ деньгахъ и хлѣбѣ. И по тѣмъ, государь, кабаламъ денегъ и хлѣба на нихъ въ монастырь, въ казну, не емлетъ многія лѣта; и накопилъ, государь, тѣхъ кабалъ въ деньгахъ и въ хлѣбѣ много, и тѣ, государь, кабалы его келаревымъ нерадѣніемъ и угодниковъ его бывшихъ казначеевъ изъ лѣтъ вышли и платежу, государь, по нимъ нѣтъ; а иныя, государь, кабалы дѣтямъ своимъ и племянникамъ и друзьямъ выдавалъ безъ платежу. А въ казначеи, государь, выбиралъ угодниковъ своихъ и единомышленниковъ неграмотныхъ людей. И тѣ, государь, угодники-казначеи, будучи въ казнѣ при его келарствѣ, въ тѣ многія лѣта жили, забывъ страхъ Божій и иноческое обѣщаніе; покупали рыбу красную и икру и вязигу и всякіе монастырскіе обиходы, и въ расходныя свои книги писали вдвое и будто покупано на братской обиходъ, а мы, богомольцы твои, до пріѣзду архимандрита Симеона не токмо, государь, въ простые дни,—и въ господскіе праздники и въ богородичные и воскресные дни и твои великаго государя царскіе ангелы и въ прочіе кормы—во многіе годы намъ въ братію рыбы красныя и икры и вязиги отнюдь въ столъ не бывало. А меду, государь, купятъ пудъ по двѣсти и больше на годъ, а въ братьѣ, государь, въ столѣ и въ годъ меду не видаемъ. И то, государь, все исходитъ у него, келаря, старца Діонисья, и у его угодниковъ и единомышленниковъ у казначеевъ съ дѣтьми своими и племянники и друзьями и хлѣбоящцы по кельямъ. И кто, государь, изъ насъ, изъ братіи, станетъ ему, келарю, о томъ говорить,—и онъ насъ бранитъ всякою непотребною бранью и лаею матерною поноситъ; а иныхъ, государь, нашу братью бьетъ ослопомъ и запорами, зазвавъ къ себѣ въ келію и на крыльцо, своими руками и за волосы таскаетъ и топтунками топчетъ на смерть и говоритъ: хотя-де и до смерти убью, никого-де не боюсь, и сажаетъ на цепь и желѣза и мучитъ многое время и изъ монастыря, государь, высылаетъ вонъ безъ вины...» «Да онъ же, государь, келарь, старецъ Діонисій, въ прошломъ, государь, 165 году, послѣ мороваго повѣтрія ѣздилъ къ Мо-

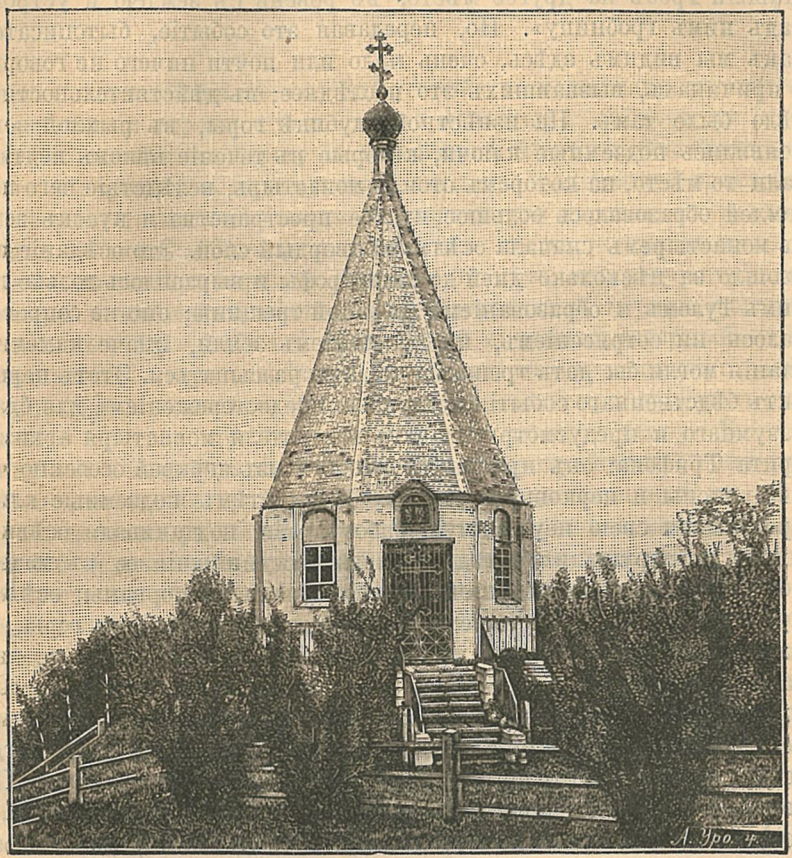
НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

сквѣ и взялъ, государь, изъ монастырскія казны многія деньги и ѣдучи къ Москвѣ въ монастырскихъ вотчинахъималъ монастырскія поженныя оброчныя и мельничныя помольныя деньги, многія жъ, и будто платилъ на Москвѣ твои великаго государя ямскія и стрѣлецкія и полоняничныя деньги и жилъ, государь, на Москвѣ съ полгода и больше межъ архимандричества; а пріѣдучи, государь, съ Москвы тѣмъ многимъ монастырскимъ деньгамъ отписей и книгъ расходныхъ и остаточныхъ денегъ въ монастырскую казну не отдавывалъ не вѣдомо по какому вымыслу. Посылаетъ угодниковъ своихъ и единомышленниковъ старцевъ въ посельщики и помольщики сбирать помольныя деньги въ ящикъ, каковъ данъ за казенною печатью, чтобъ тѣ помольныя деньги брали въ ящикъ. И тѣ, государь, старцы сбираютъ тѣ помольныя деньги въ мошны и тѣми, государь, деньгами корыстуются и оказываютъ у себя на сторонѣ рублевъ по сту и по двѣсти, а въ монастырскую, государь, казну привозятъ помѣсячно небольшія деньги. А живутъ, государь, тѣ старцы на посельствѣ и на мельницахъ лѣтъ по пяти и по десяти и копятъ себѣ казну большую и дѣтей своихъ полнятъ, а монастырской, государь, казнѣ въ томъ чинится поруха большая и монастырь раззорили до конца. Милосердый государь царь и великій князь Алексѣй Михаиловичъ, всея великія и бѣлыя и малыя Россіи самодержецъ, помилуй насъ, богомольцевъ своихъ, вели, государь, его, келаря, старца Діонисія Омачкина, отъ насъ изъ Печерскаго монастыря отъ келарства отставить».

Но всѣ такого рода несчастія, пережитыя монастыремъ отъ враговъ, какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ, были ничто въ сравненіи съ тѣмъ ужаснымъ бѣдствіемъ, которое онъ перенесъ отъ обвала горы. Вотъ какъ описываетъ это событіе современный лѣтописецъ, слова котораго мы приводимъ, для удобства, въ переводѣ. «Въ 1597 году 18 іюня, въ день св. мученика Леонтія, въ третьемъ часу ночи, разразился надъ Нижнимъ-Новгородомъ гнѣвъ Божій: оторвавшись отъ матерой земли оползла гора въ Печерскомъ монастырѣ и съ растущимъ на ней лѣсомъ вдвинулась въ Волгу саженъ на 50, а мѣстами и болѣе, вслѣдствіе чего на рѣкѣ поднялось страшное волненіе: стоявшія на водѣ подъ монастыремъ суда выбросило на берегъ саж. въ 20 отъ воды и болѣе. Когда оползень осѣлся, въ горѣ образовалось множество ключей. Оползнемъ разрушены были каменныя монастырскія церкви: Вознесенія Господня, Покрова Богородицы, апостола и евангелиста Іоанна Богослова, Николая Чудотворца, св. Бориса и Глѣба и Сергія Чудотворца; кромѣ того, разрушены были святыя ворота, кельи, сушила, погреба и прочія монастырскія службы. Церковь Покрова Богородицы вмѣстѣ съ трапезою расшатало, а подъ горою сдвинуло съ мѣста сажени на двѣ церкви Николая Чудотворца и Евѳимія Су-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

здальскаго; колокольню же съ колоколами совсѣмъ повалило. Чудотворный образъ Богородицы и другія иконы и церковную утварь вынесли изъ церквей еще за недѣлю передъ тѣмъ, когда появились первые признаки оползня у монастырскаго моста. Случилось это бѣдствіе при архимандритѣ Трифонѣ. Во время несчастія старцевъ въ кельяхъ и въ больницѣ не было и потому они спаслись;



Бывшая часовня, нынѣ церковь, на горѣ, при въѣздѣ въ Печерскій монастырь.

точно также не было погибшихъ ни въ числѣ служителей, ни лошадей на конюшенномъ дворѣ, ни въ монастырской слободѣ, дома которой также пострадали; словомъ, людей и животныхъ Богъ помиловалъ. На третій день позади церкви найдены были въ землѣ не глубоко лежащія мощи старца-схимника; совершенно сохранились и гробъ, и ризы, и тѣло; повреждена была только часть лица, волосы же сохранились такъ же, какъ и миро въ гробу. Имя старца схимника въ точности никому не было извѣстно; сказывали только

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

старые иноки, что жилъ когда-то великій подвижникъ по имени Іоасафъ, который былъ по смерти погребенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ найдены были мощи; было это лѣтъ тридцать тому назадъ. По обрѣтеніи мощей пріѣхалъ въ Печерскій монастырь игуменъ Дудина монастыря Евѳимій съ братіей и мы вмѣстѣ съ нимъ вынули гробъ, осмотрѣли мощи, осязали ихъ собственными руками и поставили гробъ на другое мѣсто, въ ровень съ землею и устроили надъ нимъ гробницу». Но, передавая это событіе, бытописатель, какъ мы видимъ здѣсь, очень мало или почти ничего не говоритъ о причинахъ, вызвавшихъ это послѣднее; въ дѣйствительности же дѣло было такъ. На извѣстной глубинѣ горы, въ рыхлой землѣ появились подземные ключи, которые въ теченіе вѣковъ подтачивали то мѣсто, на которомъ стоялъ монастырь; вслѣдствіе чего подъ землей образовалось большое пустое пространство и кусокъ земли съ монастыремъ сначала осѣлъ на твердый слой. Это осѣданіе произошло за нѣсколько дней до катастрофы и выразилось только глухимъ гуломъ и образованіемъ длинной трещины; оно не сопровождалось ни сотрясеніемъ, ни колебаніемъ земли, иначе каменныя зданія могли бы дать трещины и даже разсыпаться. Этотъ первый актъ бѣдственнаго событія послужилъ предостереженіемъ для благоразумнаго и предусмотрительнаго настоятеля монастыря архимандрита Трифона: онъ приказалъ вынести изъ церквей особенно чтимыя иконы и церковную утварь. Между тѣмъ подземные ключи продолжали свою неутомимую работу: они подтачивали осѣвшую землю и разрушали послѣднія связи, соединявшія ее съ материкомъ. Наконецъ, и эти ничтожныя связи были порваны: осѣвшій кусокъ земли съ монастыремъ совершенно отдѣлился отъ горы, ему уже нельзя было устоять на наклонной плоскости гладкаго, твердаго слоя каменнаго угля; онъ долженъ былъ удалиться въ мѣсто болѣе низменное и не такъ покатое—и часъ катастрофы наступилъ: весь монастырь со всѣми своими зданіями, огородами и монастырской слободой опустился къ рѣкѣ, скатился, но не свалился. Скатываніе было медленное и вотъ почему, по словамъ лѣтописца, не сопровождалось особенно печальными послѣдствіями, даже каменныя зданія и тѣ не всѣ были разрушены. Люди, жившіе въ монастырѣ и слободѣ, а равно и животныя—всѣ остались цѣлы; никто ни ушибленъ, ни придавленъ не былъ. Наоборотъ, еслибы скатываніе пошло по крутому наклону, то отъ монастыря не осталось бы камня на камнѣ.

Такъ кончилъ свое существованіе Печерскій монастырь, простоявъ на первоначальномъ мѣстѣ около 270 лѣтъ. Хотя половина каменныхъ церквей и большая часть монастырскихъ строеній не особенно много пострадали во время катастрофы, но мѣсто это признано было опаснымъ для возобновленія на немъ монастыря, особенно для сооруженія каменныхъ зданій. По повелѣнію царя Ѳео-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

дора Іоанновича на мѣстѣ разрушеннаго монастыря былъ воздвигнутъ деревянный храмъ во имя Преображенія Господня. Въ 1782 году этотъ храмъ сгорѣлъ и вмѣсто него въ 1794 году построена каменная Преображенская церковь, существующая и донынѣ. Мѣсто, гдѣ находится оная, называется село Старыя Печеры.

II.

Новое мѣсто, назначенное для устройства монастыря, находится въ разстояніи версты отъ прежняго монастыря, на томъ же правомъ возвышенномъ берегу Волги, вверхъ по рѣкѣ. Оно было холмисто и неровно, а потому царь Ѳеодоръ Іоанновичъ приказалъ выровнять его на счетъ казны и воздвигнуть деревянную церковь во имя Вознесенія Господня; приказалъ также построить келіи и обнести монастырь оградою. Прошло 35 лѣтъ отъ разрушенія монастыря и на новомъ мѣстѣ, вмѣсто деревянной церкви, воздвигнутъ былъ (1631—1632 гг.) прекрасный каменный соборный храмъ Вознесенія Господня; затѣмъ, мало-по-малу, все деревянное строеніе начало перестроиваться въ каменное, и монастырь пріобрѣлъ еще большее противъ прежняго величіе и большую славу. Богатые вклады и пожертвованія попрежнему не прекращались; цари русскіе подтверждали грамотами прежніе вклады великихъ князей и царей, своихъ предшественниковъ, и сами осыпали монастырь новыми и великими милостями; бояре, духовныя лица и крестьяне— всѣ несли въ монастырь свои посильныя лепты. Одни жертвовали земли съ угодьями, дома, лавки; другіе — домашній скотъ; третьи дарили драгоцѣнныя вещи или такія, которымъ и цѣны не было. Такъ, въ 1641 году, дьякъ Василій Ядинъ далъ образъ Знаменія Пресвятыя Богородицы въ кіотѣ, обложенный серебряной золоченой рѣзной ризой; вѣнецъ у Богородицы позолоченный чеканный съ лазоревымъ яхонтовымъ кругомъ, обнизанный жемчугомъ, другой вѣнецъ—жемчужный и цата—чеканная золоченая. Въ одномъ кіотѣ съ образомъ Богородицы находится Крестъ Господень, по сторонамъ унизанный жемчугомъ съ мощами многихъ святыхъ, въ томъ числѣ: Іакова брата Господня, Лазаря четверодневнаго, Андрея Первозваннаго, архидіакона Стефана, Григорія Богослова, также нетлѣнная риза апостола Марка, часть камня, на который излилась кровь Христова. Владѣя большимъ числомъ крѣпостныхъ крестьянъ (болѣе восьми тысячъ душъ), монастырь при помощи ихъ обработывалъ землю и заготовлялъ огромные запасы хлѣба, значительная часть котораго расходовалась съ благотворительными цѣлями; обучалъ своихъ крестьянъ различнымъ ремесламъ и такимъ образомъ имѣлъ отличныхъ плотниковъ, каменщиковъ, кузнецовъ, которыхъ употреблялъ не только на свои, но и на казенныя

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

работы въ разныхъ городахъ. Кромѣ того, Печерскій монастырь принималъ не малое участіе и въ дѣлахъ государственныхъ. Такъ въ 1612 г. архимандритъ Ѳеодосій, съ избранными отъ всѣхъ сословій лучшими людьми, посланъ былъ нижегородцами въ село Юрино, Пурецкой волости (въ 37-ми верстахъ отъ Нижняго-Новгорода), просить князя Димитрія Михайловича Пожарскаго, чтобы онъ вступился за православную вѣру и отечество, и принялъ начальство надъ нижегородскимъ ополченіемъ. Архимандритъ Ѳеодосій принималъ участіе вмѣстѣ съ другими въ избраніи царя Михаила Ѳеодоровича и подписалъ избирательную грамоту. Изъ своихъ крѣпостныхъ крестьянъ монастырь посылалъ и пѣшихъ и конныхъ людей на государственную службу. Кромѣ большихъ суммъ денегъ, которыя пересылались въ войска на жалованье, монастыремъ доставлялось также громадное количество хлѣба и разныхъ съѣстныхъ припасовъ для ратныхъ людей и фуража для прокормленія лошадей. Во время войны Петра I съ Карломъ XII и турками, Печерскій монастырь вмѣстѣ съ другими строилъ военный корабль въ Воронежѣ и послалъ болѣе 300 пудовъ колоколовъ для литья пушекъ. При большихъ же помѣщеніяхъ для больницъ и богадѣленъ, на содержаніи у монастыря кормилось очень много престарѣлыхъ, дряхлыхъ и увѣчныхъ людей; нерѣдко были посылаемы сюда и государственные преступники подъ надзоръ и убѣжденіе настоятелей. Конецъ такому цвѣтущему состоянію монастыря, продолжавшемуся слишкомъ полтораста лѣтъ, положенъ былъ указомъ императрицы Екатерины II, въ силу котораго совершилось отдѣленіе монастырскихъ земель, вотчинъ и крестьянъ въ пользу казны. При составленіи духовныхъ штатовъ за монастыремъ числилось крестьянскихъ душъ 8,236 и около 6,000 десятинъ пахотной земли.

III.

Съ 1764 года, для Печерскаго монастыря наступаетъ третій и послѣдній періодъ его существованія: періодъ бѣдности и запустѣнія. При составленіи духовныхъ штатовъ монастырь включенъ былъ въ первый классъ, степенью седьмымъ. Вмѣсто крестьянъ, вотчинъ и земель ему назначено было опредѣленное жалованье въ 2,017 руб. 50 коп.; но потомъ, по особенному благоволенію императрицы Екатерины II, сверхъ положеннаго по окладу жалованья, Печерскому монастырю всемилостивѣйше пожаловано въ прибавку 300 руб. въ годъ. Понятно, что при такомъ скудномъ содержаніи монастырь едва могъ влачить свое существованіе, тѣмъ болѣе, что доходовъ не было почти никакихъ, а пожертвованія и вклады прекратились еще въ 1717 году, когда нѣкій Новосильцевъ пожертвовалъ сюда бархатныя поручи съ жемчужными крестами,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

оцѣненныя въ 120 рублей. Съ тѣхъ поръ книги смерти—синодики перестали испещряться именами жертвователей о упокоеніи душъ боляръ, подъячихъ, посадскихъ и простыхъ крестьянъ. Поэтому нисколько не удивительно, что монастырь въ 1764 году очутился въ болѣе критическомъ положеніи, чѣмъ 170 лѣтъ назадъ, въ годину своего разрушенія.

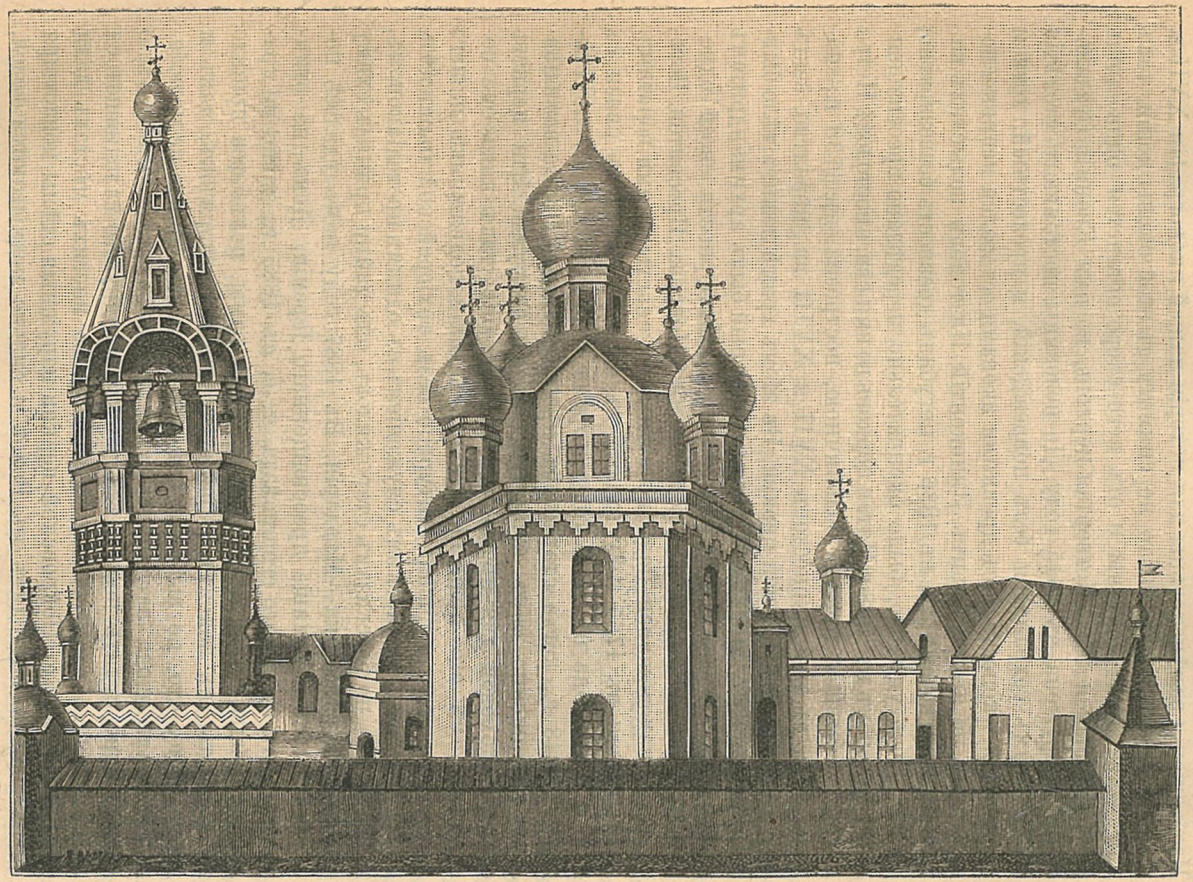
Прежде, по крайней мѣрѣ, онъ могъ разсчитывать на сочувственое отношеніе къ нему русскаго общества, выражавшееся въ обильныхъ пожертвованіяхъ царей и другихъ лицъ, позволившихъ возстановить монастырь изъ развалинъ еще въ болѣе величественномъ видѣ, чѣмъ онъ былъ до этого времени. Теперь же, напротивъ, всѣ обстоятельства сложились такъ, что монастырю, волей-неволей, приходилось покончить съ своимъ историческимъ прошлымъ, такъ какъ тѣмъ окладомъ жалованья, который полагался ему по штату, совсѣмъ не мыслимо было ни содержать монастырскую братію, ни ремонтировать многочисленныя монастырскія зданія; а по этому братіи ничего не оставалось дѣлать, какъ только разойтись на всѣ четыре стороны,—и она шла, куда глаза глядятъ, а монастырскія зданія ветшали, обваливались и даже совсѣмъ проваливались. И сколько такихъ монастырей погибло у насъ на Руси черезъ отобраніе у нихъ земель и крестьянъ и черезъ передачу послѣднихъ частнымъ лицамъ. Дѣйствительно, уничтоженіе крѣпостничества одной рукой въ маломъ количествѣ и насажденіе его другой въ громадныхъ размѣрахъ—были однимъ изъ самыхъ ошибочныхъ и крайне непрактичныхъ мѣропріятій того времени. Но если бы монастырямъ за ихъ тысячи душъ крестьянъ и тысячи десятинъ земли уплатили хотя бы незначительный процентъ стоимости отнятаго у нихъ имущества,—то сколько бы тогда сохранилось драгоцѣнныхъ памятниковъ древняго зодчества и искусства? сколько бы мы имѣли лѣтописей, манускриптовъ, которые теперь, быть можетъ, навсегда похоронены отъ нашихъ глазъ подъ развалинами разрушившихся зданій?!. Но при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, при равнодушіи и жалкой апатіи общества, у насъ, къ счастію, появляется теперь не мало людей труда и науки, понимающихъ красоту древне-русскаго строительнаго искусства, которые изъ безформенныхъ камней, кирпича и изразцовъ воссоздаютъ храмы Божіи, княжескіе терема и боярскія палаты въ томъ видѣ и въ той обстановкѣ, въ какихъ они нѣсколько вѣковъ тому назадъ составляли украшеніе и гордость Россіи... Впрочемъ, Печерскій монастырь не испыталъ на себѣ конечнаго разрушенія, какъ, напримѣръ, несчастный Ростовскій кремль, гдѣ на полуразрушившихся зданіяхъ выростали цѣлыя деревья, гдѣ безформенныя массы кирпича и изразцовъ густо обросли бурьяномъ, репейникомъ и крапивой, гдѣ обвалившіяся подвальныя помѣщенія пріютили въ себѣ тысячи бочекъ одуряющихъ произведеній от-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

купа. Въ Печерскомъ монастырѣ и церковныя зданія ветшали и обваливались и жилыя помѣщенія приходили въ такую ветхость, что крыши проваливались, стѣны давали трещины, — но все это кое-какъ поддерживалось, подновлялось скудными монастырскими средствами и, такимъ образомъ, сохранилось, хотя и не въ блестящемъ видѣ, до настоящаго времени.

Самый древній и величественный храмъ въ Печерскомъ монастырѣ—это соборная, каменная, пятиглавая церковь во имя Вознесенія Господня, построенная въ 1631—1632 годахъ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, по образцу Вознесенскаго женскаго монастыря въ Московскомъ кремлѣ. Храмъ этотъ построенъ на царскій счетъ знаменитымъ въ то время царскимъ зодчимъ Антипою Возоулинымъ и вполнѣ справедливо можетъ считаться однимъ изъ прекрасныхъ архитектурныхъ памятниковъ XVII вѣка. Внутри два массивныхъ столба поддерживаютъ всю тяжесть сводовъ церкви. Съ западной и южной стороны пристроены паперти, крытыя желѣзомъ и поддерживаемыя четырьмя каменными столбами. Къ сожалѣнію, внутренность церкви много потеряла своей красоты отъ позднѣйшихъ поправокъ; живопись новая и очень плохая. Впрочемъ, иконостасъ съ херувимами въ верху, XVII вѣка, окладъ царскихъ вратъ и въ особенности сѣверная дверь съ изображеніемъ грѣхопаденія Адама—прекрасно сохранились. При входѣ въ этотъ храмъ, въ первой половинѣ по лѣвой сторонѣ очень хорошъ старинный образъ преподобнаго Макарія съ чудесами. У этого священнаго изображенія всегда во время службы молился преосв. Іеремія, бывшій епископъ Нижегородскій, когда онъ жилъ въ монастырѣ на покоѣ. Тутъ же, въ храмѣ, помѣщается и главная святыня Печерскаго монастыря—чудотворный образъ Печерской Божіей Матери, принесенный изъ Кіева основателемъ монастыря св. Діонисіемъ. Близь Вознесенскаго собора находится одноглавая теплая церковь во имя Успенія Пресвятой Богородины, основанная въ 1647 году; она соединена съ Вознесенскою церковью крытой галлереей и имѣетъ два входа. Въ храмѣ все передѣлано заново: живопись въ клеймахъ и на иконахъ — поновлена; даже одинъ изъ придѣловъ въ этомъ храмѣ, бывшій Рождества Пресвятой Богородицы, переименованъ въ 1887 году въ честь св. Діонисія. Подъ сводами этого храма устроена въ 1857 году преосвященнымъ Іереміей церковь въ честь кіево-печерскихъ чудотворцевъ для погребенія и поминовенія усопшихъ братій Печерской обители, почему и носитъ названіе «Усыпальницы». Въ ней особенно характерны иконы св. апостола Ѳомы и Знаменія Пресвятой Богородицы; окладъ ризы и изображеніе Богоматери—XVII вѣка. Хорошо сохранились царскія рѣзныя врата изъ Кіево-Печерскаго монастыря, — замѣчательныя по своей древности. Остальное все—бѣдно, не художественно; а въ самомъ храмѣ чувствуется страшная сырость. Направо, у окна

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ



Старый Печерскій монастырь (засыпанный горой въ XVI вѣкѣ).

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

надпись: «здѣсь погребено тѣло раба Божія схимонаха Мардарія, скончавшагося 6-го апрѣля 1859 года». Вблизи гробницы, очень древній, но облупившійся отъ сырости, образъ Всѣхъ Святыхъ. Изображенія замѣчательны для исторіи нашей иконографіи XVII в. и жаль будетъ, если никто не сниметъ съ этой иконы копіи, такъ какъ дни образа сочтены и отъ него скоро останется одна лишь расщелившаяся дека. Четвертая церковь, во имя Евѳимія Суздальскаго, сооружена въ 1645 году. До половины настоящаго столѣтія этотъ храмъ сохранялся безъ поврежденій, и прелестный, хотя и не богатый, иконостасъ съ древними иконами оставался неприкосновеннымъ; но архимандритъ Иннокентій Платоновъ подыскалъ какого-то жертвователя и въ 1836 г. погубилъ древность безвозвратно; да и то, что уцѣлѣло, было окончательно передѣлано преосвященнымъ Іаковомъ въ 1848 г. Пятая церковь во имя свв. апостоловъ Петра и Павла, бывшая прежде больничною, построена въ 1738 г.; находящійся въ ней иконостасъ XVII и XVIII вв., вѣроятно, взятъ изъ прежней деревянной церкви. Въ этомъ храмѣ лежитъ тѣло бывшаго рязанскаго епископа Палладія, который былъ архимандритомъ монастыря. Шестая замѣчательная по миніатюрности своей однопрестольная каменная церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы, находящаяся надъ восточными монастырскими воротами. Построенная въ 1765 году вмѣстѣ съ находящимися въ связи съ ней келіями, она въ 1800 году сгорѣла и находилась въ запустѣніи до 1848 г., когда стараніемъ преосвященнаго Іакова возобновлена совершенно какъ извнутри, такъ и снаружи. Эта церковь служила домовой для преосвященнаго Іереміи, такъ какъ она соединялась съ его келіями. Въ ней великій подвижникъ нашего времени часто совершалъ литургію безъ архіерейской пышности, простымъ священническимъ служеніемъ съ однимъ протодіакономъ, и здѣсь же, по разсказамъ старожиловъ, онъ тайно принялъ схиму отъ старца схимника—Мардарія. Въ 1887 году намъ удалось посѣтить бывшее жилище преосвященнаго Іереміи. Домъ не отпирался почти съ самаго его отъѣзда, т. е. съ 1885 г.; давно не крашеныя стѣны, никогда не выставляемыя рамы, полъ—все пришло въ ветхость; въ покояхъ царилъ страшный безпорядокъ, такъ и видно было, что, по выбытіи изъ келій жильца, никто не полюбопытствовалъ сюда заглянуть; даже не былъ выметенъ полъ, о чемъ можно судить по остаткамъ бумагъ и другого находившагося здѣсь хлама. Самыя стѣны этого дома во многихъ мѣстахъ дали трещины.—Около Покровской церкви наружныя стѣны монастыря очень близко подходятъ къ Волгѣ и сильно подмываются водой, такъ что ограда находится въ опасномъ положеніи, а башня совсѣмъ угрожаетъ паденіемъ.

Въ настоящее время въ монастырѣ не мало зданій и большею частію XVII вѣка, но всѣ они переломаны и не имѣютъ никакой

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

архитектуры. Въ одномъ изъ нихъ, предназначенномъ для настоятельскихъ келій, преосвященный Димитрій въ 1887 году устроилъ, несмотря на излишекъ монастырскихъ храмовъ, еще домовую церковь во имя св. Димитрія... Монастырская трехъ-ярусная колокольня, съ шатровымъ верхомъ, построенная въ 1632 году, тоже за послѣднее время имѣетъ много слѣдовъ порчи; а каменная ограда съ пятью башнями, которою монастырь былъ обнесенъ въ 1765 году,—вся въ трещинахъ и подперта контрфорсами. Дорога вокругъ монастыря со стороны рѣки едва только возможна для пѣшеходовъ: она осыпается въ особенности близъ самой ограды, между тѣмъ, какъ еще недавно по ней можно было ѣздить въ экипажахъ... Разсказываютъ также, что монастырскій берегъ у этой дороги обваливался иногда сажени по три, такъ что въ недалекомъ будущемъ нужно опасаться за цѣлость монастырскихъ башенъ и ограды.

При въѣздѣ въ монастырь находится шатровая каменная церковь, передѣланная въ 1862 г. изъ часовни, построенной въ 1682 году.

Монастырская ризница довольно богата; есть не мало священныхъ предметовъ XVI—XVII вв. Хороши шитая золотомъ плащаница 1672 г., пелены «строенія Строгоновыхъ». Ризы, оплечья и проч. представляютъ богатые образцы для изученія русскаго шитья XVII в. Замѣчательна также и библіотека. Въ ней находятся семь синодиковъ, писанныхъ между 1552—1654 гг., и вкладныя книги 1641 г.—драгоцѣннѣйшій историческій матеріалъ не только для монастыря, но и вообще для всего Нижегородскаго края; кромѣ того, здѣсь можно видѣть также большое количество рукописныхъ сборниковъ и старопечатныхъ довольно рѣдкихъ книгъ; но всѣ эти остатки древнерусской письменности, по обыкновенію, лежатъ въ безпорядкѣ и неописаны.

Вотъ въ общихъ чертахъ описаніе одного изъ древнихъ монастырей нашего времени.

Теперь намъ остается только пожалѣть, что драгоцѣнные и для науки и для народнаго чувства священные памятники остаются и по сейчасъ въ такомъ небреженіи, чтобы не сказать еще болѣе. Конечно, если бы эти святыни находились гдѣ-либо въ захолустьи, въ бѣдной мѣстности, то пожалуй еще такое индеферентное отношеніе къ нимъ русскаго общества—было бы извинительно; но вѣдь онѣ, не станемъ забывать, находятся тамъ, «гдѣ Азія сталкивается съ Европой, востокъ съ западомъ, гдѣ ключъ нашихъ сокровищей». И вотъ, когда почти рядомъ съ монастыремъ въ Нижнемъ-Новгородѣ воздвигаются громадныя, хотя и лишенныя всякаго художественнаго вида, церкви, когда въ самой ярмаркѣ на 20-ти годахъ выстроенъ нѣмцемъ невозможной архитектуры соборъ, а затѣмъ въ 1881 г. реставрированъ тоже нѣмцемъ-лютера-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

нимомъ—другой, построенный въ 1818 г. католикомъ-французомъ,—древніе храмы Печерскаго монастыря съ своими прелестными зданіями русскихъ зодчихъ XVII в. все болѣе и болѣе приходятъ въ упадокъ. Если они и поправляются, то едва ли этому стоитъ радоваться. Каждый благотворитель въ такихъ случаяхъ обыкновенно старается уничтожить то, что пощадило время и невѣжество, такъ что отъ этихъ чрезмѣрныхъ «усердій», въ концѣ концовъ приходишь къ тому убѣжденію, что, пожалуй, и эти остатки старины въ полуразрушенномъ видѣ гораздо лучше, чѣмъ благолѣпно разукрашенные храмы. Какъ въ Макарьевскомъ монастырѣ, такъ и въ Печерскомъ, ясно отражается и вѣрованіе русскаго народа и міросозерцаніе торговаго человѣка, въ особенности же богатыхъ храмоздателей и благоукрасителей. Поощряемые на эти подвиги или стараніями оо. настоятелей или же тѣми украшеніями, которыя составляютъ въ семъ мірѣ конечную цѣль россійскаго купца, зиждители готовы ломать все прекрасное лишь только потому, что въ немъ мало позолоты; не задумаются замазать «рублевеное» письмо, чтобы изобразить святого съ ликомъ, похожимъ на себя, какъ бы для увѣковѣченія своей памяти[1]).

Закончимъ наше описаніе словами автора «Тарантаса», гр. Соллогуба. «Печерскій монастырь забытъ въ русской исторіи. Со временъ Пожарскаго мірскія волненія не преступали болѣе за его благочестивую ограду; и тихо и грустно стоитъ онъ надъ Нижнимъ, прислушиваясь печально къ неумолчному шуму кипящаго базара. Онъ все видѣлъ на своемъ вѣку: и междуусобіе, и татарскіе набѣги, и боярскую спѣсь, и рыцарское величіе. Онъ видѣлъ древнюю Русь; онъ видитъ Русь настоящую и попрежнему тихо сзываетъ православныхъ къ молитвѣ, попрежнему мѣрно и заунывно звонитъ въ свои колокола. Повѣрьте мнѣ: если вы будете въ Нижнемъ-Новгородѣ, сходите помолиться въ Печерскій монастырь».

А. Титовъ.

---

[1]) Въ нашихъ церквахъ не мало иконъ съ изображеніями угодниковъ, лики которыхъ благотворители приказывали изображать похожими на ихъ лица. Впрочемъ, это бывало и въ XVIII в.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ В. Р. ЗОТОВА.

ОКТЯБРЯ 19-го исполнилось пятидесятилѣтіе литературной дѣятельности одного изъ старѣйшихъ нашихъ писателей—Владиміра Рафаиловича Зотова. Получивъ прекрасное и разностороннее образованіе, В. Р. въ теченіе своего полувѣкового служенія русской литературѣ былъ поэтомъ, драматургомъ, романистомъ, критикомъ, историкомъ, фельетонистомъ, журналистомъ. Не всѣ его многочисленныя произведенія имѣли одинаковый успѣхъ; но всѣ они носятъ одинъ общій отпечатокъ, — искренности и честности. Принадлежа къ тому литературному направленію, которое принято называть «западничествомъ», В. Р. всегда оставался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ и высказывалъ ихъ прямо и откровенно. Онъ пережилъ не мало грозъ и невзгодъ, но до преклонной старости сохранилъ свѣжесть и бодрость души. Безупречно пройдя долгій и тернистый путь писателя и журналиста, В. Р. справедливо пользуется уваженіемъ всѣхъ, кому дороги лучшія литературныя преданія и кто умѣетъ цѣнить въ писателѣ не одно только его дарованіе, но и тѣ благородныя побужденія и стремленія, которыя неизмѣнно руко водятъ этимъ дарованіемъ.

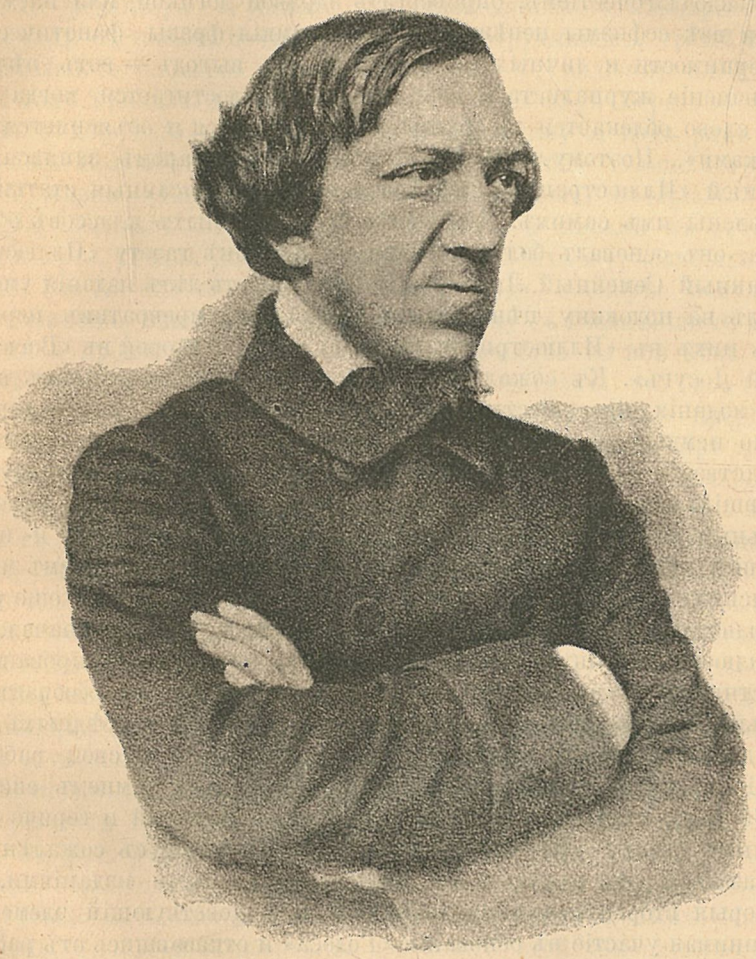
В. Р. началъ свою литературную дѣятельность какъ «лицейскій поэтъ», напечатавъ первые стихи свои въ честь Лицея, въ 29-ю годовщину этого учрежденія, и черезъ полвѣка, вѣрный преданіямъ своей молодости, послалъ ему новое привѣтствіе. Но главная дѣятельность В. Р. сосредоточилась не на поэтическомъ, а на журнальномъ поприщѣ, и мы считаемъ не лишнимъ для исторіи нашей

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

журналистики напомнить главные факты изъ жизни писателя, хотя и не принадлежащаго къ первоклассным дѣятелямъ, но продолжающаго и послѣ полувѣковыхъ трудовъ неутомимо работать въ области нашей періодической литературы. Біографіи В. Р., довольно подробныя, помѣщены въ сборникѣ Гербеля «Русскіе поэты» (третье изданіе 1888 года) и «Портретной Галлереѣ русскихъ дѣятелей» А. Э. Мюнстера. Жизнь его, богатая разнородными трудами, небогата внѣшними событіями. Сынъ извѣстнаго въ свое время романиста и начальника репертуара императорскихъ театровъ Рафаила Михаиловича Зотова, В. Р. родился въ Петербургѣ 22-го іюня 1821 года. Выучившись читать самоучкою по афишамъ, онъ уже 9-ти лѣтъ написалъ драму «Маробукъ, атаманъ разбойниковъ» и разыгралъ ее въ кругу своей семьи. Получивъ первоначальное образованіе во второй петербургской гимназіи, онъ перешелъ потомъ въ первую, а изъ нея поступилъ, въ 1836 году, въ царскосельскій Лицей, гдѣ кончилъ полный курсъ въ 1841 году однимъ изъ первыхъ по ученію и началъ свое служебное поприще въ канцеляріи военнаго министерства. Служилъ онъ, какъ видно изъ его «Записокъ», напечатанныхъ нами въ первыхъ книжкахъ «Историческаго Вѣстника» нынѣшняго года,—плохо, не могъ примириться съ военною дисциплиною и рутиною, и перешелъ въ департаментъ разныхъ податей и сборовъ, но и тамъ, не смотря на то, что служебныя обязанности были не обременительны, онъ не могъ соединить ихъ съ редакціонными занятіями и въ 1861 году оставилъ департаментъ, хотя и до сихъ поръ остается причисленнымъ къ канцеляріи министерства финансовъ. Любовь къ литературѣ развилась въ немъ еще на школьной скамьѣ: въ гимназіи и Лицеѣ онъ издавалъ рукописные журналы. Получивъ энциклопедическое образованіе и пополнивъ его, по выходѣ изъ Лицея, серьезнымъ изученіемъ предметовъ, не входившихъ въ школьный курсъ и, въ особенности, главнѣйшихъ европейскихъ языковъ, В. Р. началъ пробовать свои силы во всѣхъ родахъ литературы, писалъ ученыя, беллетристическія и критическія статьи, историческія изслѣдованія и монографіи, этюды, драмы, комедіи, оперы, водевили, театральные отчеты, фельетоны, юмористическіе очерки, стихотворенія. Но вскорѣ онъ убѣдился, что его прямое назначеніе — быть журналистомъ. Въ его «Запискахъ» разсказаны первые попытки на этомъ поприщѣ, при редактированіи «Театральной Лѣтописи» въ 1843 году и «Литературной Газеты» въ 1847 году. Съ 1850-го по 1856 годъ, онъ принималъ дѣятельное участіе въ изданіи «Пантеона» Ѳ. А. Кони, гдѣ завѣдовалъ отдѣлами: критики, театра и смѣси, куда входили всѣ любопытныя современныя извѣстія. Въ то же время онъ былъ усерднымъ сотрудникомъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» и «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», подъ редакціей Краевскаго; въ 1857 году — въ «Сынѣ Отечества» Старчев-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

скаго, гдѣ писалъ критическія и политическія статьи, а во время своей поѣздки за-границу — письма изъ Копенгагена, Ротердама, Брюсселя, Парижа, Лондона, Манчестера и др. Въ 1858 году онъ основалъ съ Бауманомъ «Иллюстрацію», придя, по его словамъ, къ убѣжденію, что «и не принадлежа къ первоклассным писателямъ, не обладая выдающимся, блестящимъ дарованіемъ, можно прино-



В. Р. Зотовъ.

сить пользу на поприщѣ журналистики возможнымъ развитіемъ и популяризаціей идей прогресса, просвѣщенія, гуманности. Не принимая на себя роли проповѣдника и наставника, журналистъ можетъ проводить эти идеи во всѣхъ формахъ литературы, преслѣдуя въ то же время отсталыя, рутинныя понятія и предразсудки, дикіе взгляды и допотопныя убѣжденія въ сферѣ общественной и

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

политической жизни. Дѣлать общедоступными идеи великихъ мыслителей, вводить въ практику, насколько это возможно при современномъ устройствѣ общества, сколько-нибудь осуществимыя теоріи, добытыя опытомъ и мышленіемъ, бороться упорно и неустанно со всѣми ненормальными явленіями въ жизни, хотя бы они прикрывались благонамѣренностью, ложнымъ патріотизмомъ и псевдоблагочестіемъ, опровергать здравой логикой или насмѣшками всѣ софизмы невѣжества, всѣ громкія фразы фанатической нетерпимости и личныхъ своекорыстныхъ выгодъ — вотъ цѣль и назначеніе журналиста и цѣль эта скорѣе достигается, когда живое слово облекается въ образы, сопровождается и объясняется рисунками». Поэтому-то В. Р. съ особеннымъ жаромъ занялся редакціей «Иллюстраціи», гдѣ почти всѣ неподписанныя статьи составлены имъ самимъ. Для менѣе состоятельныхъ классовъ общества, онъ основалъ болѣе доступную по цѣнѣ газету «Иллюстрированный Семейный Листокъ» и черезъ шесть лѣтъ изданія уменьшилъ на половину цѣну обоихъ журналовъ, превративъ первый изъ нихъ въ «Иллюстрированную Газету», а второй въ «Воскресный Досугъ». Къ сожалѣнію, и въ этомъ преобразованномъ видѣ оба изданія просуществовали только десять лѣтъ: подписчиковъ было немного, редакторъ не обладалъ достаточными матерьяльными средствами, издатель Бауманъ былъ франкфуртскій спекуляторъ, бравшійся за все, чтобы нажить деньги: открывавшій увеселительныя заведенія въ окрестностяхъ столицы, писавшій и издававшій музыку, занимавшійся фотографіею и составленіемъ медицинскихъ брошюръ и кончившій тѣмъ, что, превративъ еще разъ «Иллюстрированную Газету» и «Воскресный Досугъ» сначала въ «Иллюстрированную Недѣлю», потомъ въ «Иллюстрированный Вѣстникъ» и въ «Неву», бѣжалъ изъ Петербурга, обобравъ не только горсть довѣрчивыхъ подписчиковъ, но и бѣдныхъ сотрудниковъ, получавшихъ нищенскій гонораръ за свои работы. В. Р. прервалъ всякія сношенія съ этимъ проходимцемъ еще въ 1875 году, лѣтъ за восемь до его бѣгства. Честный и горячо преданный своему дѣлу журналистъ долженъ былъ съ сожалѣніемъ отказаться отъ завѣдыванія иллюстрированными изданіями, въ которыя вторгнулся спекулятивный и жидовствующій элементъ. Принимая участіе въ основаніи «Голоса» и отказавшись отъ работы въ немъ по причинѣ усиленныхъ занятій по редактированію «Иллюстраціи», В. Р. въ 1873 году вновь примкнулъ къ этой газетѣ и весь отдался газетной работѣ, взявъ на себя секретарскую и дѣлопроизводительскую часть по изданію, при чемъ ему пришлось имѣть сношенія почти со всѣми передовыми дѣятелями русской журналистики. Онъ не оставлялъ ни этой газеты, ни «Отечественныхъ Записокъ» до прекращенія этихъ изданій и только въ послѣднее десятилѣтіе принялъ постоянное сотрудничество въ «Историческомъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Вѣстникѣ» и «Наблюдателѣ». Но вмѣстѣ съ работою въ газетѣ, требовавшею ежедневныхъ, непрерывныхъ трудовъ, В. Р. принималъ дѣятельное участіе въ лексикографическихъ изданіяхъ, къ которымъ всегда обнаруживалъ особенную наклонность и способность, благодаря своему энциклопедическому образованію и знанію европейскихъ языковъ. Такъ, въ 1861—1864 гг. онъ былъ помощникомъ редактора «Русскаго Энциклопедическаго Словаря»; въ 1864 году составилъ почти одинъ, безъ сотрудниковъ, третій томъ «Настольнаго Словаря» Толля (до буквы Ф, включительно); въ 1874 году принялъ дѣятельное участіе въ словарѣ Березина и составилъ для него до 50-ти статей и всю букву Л подъ рядъ (до Литвы). Наконецъ, въ 1882 году, онъ окончилъ главный трудъ своей жизни «Исторію всемірной литературы», матеріалы для которой собиралъ въ теченіе 30-ти лѣтъ, а писалъ въ теченіе шести лѣтъ, удѣляя для этого время отъ своихъ журнальныхъ занятій. Это не систематическій ученый трудъ, а скорѣе популярное сочиненіе, знакомящее русскую публику съ главнѣйшими дѣятелями и произведеніями въ области творчества во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ. При всѣхъ своихъ недостаткахъ, это все-таки единственный, законченный трудъ на русскомъ языкѣ, представляющій полную картину дѣятельности человѣчества въ мірѣ творческой фантазіи. Наша журналистика не дала себѣ, къ сожалѣнію, труда ознакомиться подробно съ четырехтомнымъ сочиненіемъ слишкомъ въ 3,000 страницъ мелкой убористой печати въ два столбца, а между тѣмъ въ книгѣ приведены образцы переводовъ нашихъ лучшихъ поэтовъ со всѣхъ языковъ, и авторъ самъ переводилъ отрывки всѣхъ иностранныхъ писателей, не появлявшихся на русскомъ языкѣ. Къ тому же издатель «Исторіи Литературы», книгопродавецъ Вольфъ, назначилъ за нее цѣну, малодоступную для читателей съ небольшими средствами, и не хотѣлъ продавать отдѣльно, по языкамъ и національностямъ, выпуски «Исторіи».

Незадолго до закрытія «Голоса», когда давно уже собиравшаяся противъ него гроза готовилась разразиться, редакція газеты снялась въ фотографіи Левицкаго и В. Р. написалъ посланіе «Къ группѣ семнадцати разбойниковъ печати» — изъ которой теперь уже убыло пять членовъ: оба Краевскихъ, отецъ и сынъ, Матушинскій, Вильде и Альбертини. Въ концѣ этой юмористической пьесы онъ обрисовываетъ и свою собственную дѣятельность. Приводимъ эту характеристику:

«Вотъ и онъ—Владиміръ Зотовъ,
«Чуждъ житейскихъ всѣхъ расчетовъ,
«Жаромъ юноши согрѣтъ,
«До сѣдыхъ волосъ дожившій,
«Ничего не прикопившій
«Про запасъ, для дряхлыхъ лѣтъ,—

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

«Развѣ это не поэтъ?
«Хоть стихи его не звучны,
«Онъ не тискалъ въ сборникъ скучный
«Вдохновенія плоды,
«Пѣлъ какъ птица въ часъ веселый
«Или въ дни борьбы тяжелой,
«Провозвѣстникомъ бѣды.
«И въ кружкѣ друзей хоть тѣсномъ
«Онъ, быть можетъ, не умретъ,
«Пусть поэтомъ неизвѣстнымъ—
«Только гражданиномъ честнымъ
«Онъ въ потомство перейдетъ».

Помѣщая ниже, по годамъ, списокъ главнѣйшихъ произведеній В. Р., мы не приводимъ, конечно, и сотой доли того, что имъ написано въ теченіе полувѣковой журнальной и литературной дѣятельности.

1840. «Прологъ Лицейскаго театра» (19 октября).—Стихотворенія въ «Маякѣ».

1841. «Двѣ колонны» (отдѣльное стихотвореніе).—«Клитемнестра», трилогія въ стихахъ («Репертуаръ»).—Мелкія статьи въ «Сѣверной Пчелѣ».—«Послѣдній Хеакъ», поэма.

1842. «Святославъ», драматическая хроника въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ (играна и напечатана).—«Невидимый мститель», легенда («Маякъ», № 12).—«Король Энціо», драма въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ («Репертуаръ»).

1843. «Побрякушки», юмористическіе листки № 1, 2, 3.—«Менандръ и Теренцій» («Репертуаръ»).—«Черный тараканъ» фантастическій романъ («Репертуаръ»).—«Театралъ» куплеты.—«Статейки въ стихахъ», т. I.

1844. «Шкиперъ», историческія сцены 1713 года, въ стихахъ (играны и напечатаны отдѣльно).—«Три дня на Ладожскомъ озерѣ» («Сѣверная Пчела»).—«Замѣтки петербургскаго зѣваки», фельетоны въ 12-ти №№ («Репертуаръ»).—«Любовь и приличіе», повѣсть («Репертуаръ»).

1845. «Театральная лѣтопись», газета, 8 №№.—«Отрывки изъ поэмы «Генадій» («Репертуаръ»).—«Противоядіе», водевиль («Репертуаръ»).—«Левъ и барышня», повѣсть («Репертуаръ»).—«1844-й театральный годъ» («Репертуаръ»).—«Рабеле» («Репертуаръ»).—«Мольеръ», драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ («Репертуаръ»).—«Двѣ невѣсты», комедія («Репертуаръ»).

1846. «Чума въ Миланѣ», драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ (играна и напечатана въ «Репертуарѣ»).—«Ваканція», юмористическій очеркъ («Репертуаръ»).—«Тетушка и добродѣтель», комедія («Репертуаръ»).—«Театръ въ 1845 году» («Репертуаръ»).

1847. «Литературная Газета» 52 №№.—«Діогенъ», комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ съ прологомъ («Литературная Газета»).—«Цикута», комедія въ 1-мъ дѣйствіи, въ стихахъ.—«Прихоть», разсказъ («Литературная Газета»).—«Расинъ», драма-біографія въ 5-ти дѣйствіяхъ (играна и напечатана).

1848. «Литературная Газета» 52 №№.—«Учитель», комедія въ 2-хъ дѣйствіяхъ (играна и напечатана) («Литературная Газета»).—«Шекспиръ», въ его малоизвѣстныхъ пьесахъ («Репертуаръ»).—«Фаустъ» Гете и его русскіе переводчики,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

2 статьи («Репертуаръ»). — «Мѣщанинъ-дворянинъ», комедія Мольера («Репертуаръ»).

1849. «Литературная Газета» 11 №№.—«Вольтижерка», повѣсть («Отечественныя Записки»). — «Разсказы моего затылка» («Литературная Газета»). — «Опекунша», повѣсть («Литературная Газета»).—«Новогородцы», драма въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ (играна и напечатана).

1850. Составилъ первую книгу «Сына Отечества» въ 30 листовъ. — «Дочь короля Рене», драма въ 1-мъ дѣйствіи, въ стихахъ (играна и напечатана въ «Репертуарѣ», передѣлка съ нѣмецкаго).—«Коломенская роза» («Отечественныя Записки» № 1 и 2).—«Старый домъ», («Отечественный Записки»), романъ въ 12-ти частяхъ.—«Первый дебютъ», водевиль («Репертуаръ»).—«Улица Луны», водевиль (Репертуаръ).—«Невѣста рѣки» («Репертуаръ»).

1851. «Дочь Карла Смѣлаго», драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ («Репертуаръ»).—«Корсаръ», драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ («Репертуаръ»).—«Наполеоновскій гвардеецъ», драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ («Репертуаръ»).—«Путешественникъ и путешественница», водевиль («Репертуаръ»). — «Круговая порука», водевиль въ 1-мъ дѣйствіи («Репертуаръ»).

1852. «Комедія въ окнѣ и на балконѣ», въ 1-мъ дѣйствіи («Репертуаръ»).—«Человѣкъ съ характеромъ», романъ въ 2-хъ частяхъ («Библіотека для Чтенія»).—«Невѣста изъ провинціи», комедія въ 1-мъ дѣйствіи («Репертуаръ»). — «Однофамильцы», драма («Репертуаръ»).

1853. «Между Петербургомъ и Москвою», разсказъ, въ 5-ти станціяхъ («Пантеонъ»).—«Легкомысліе молодого человѣка», деревенскія сцены («Репертуаръ»).—«Наука и женщина», комедія въ 2-хъ дѣйствіяхъ («Репертуаръ»).

1854. «Рашель и класицизмъ» («Пантеонъ»). — «Рашель въ Петербургѣ» («Пантеонъ» №№ 11, 12).—«Первый маскарадъ», сцена («Пантеонъ» № 1).—«Исторія одного паука и двухъ пріятелей» («Пантеонъ» № 7). — «Арабскія Кассиды» («Пантеонъ»).—«Солдатъ и пастухъ», опера («Сынъ Отечества»).—«Дочь управителя», сцены («Репертуаръ»).

1855. Русская журналистика въ 1853 году («Пантеонъ» №№ 1—2).—«Рашель въ Петербургѣ» («Пантеонъ» №№ 1—2).—«Балетъ въ Петербургѣ» («Пантеонъ»).—«Французскій театръ» («Пантеонъ»).—Журналистика («Пантеонъ»).— «Комедія въ оперѣ», разсказъ въ 5-ти представленіяхъ («Пантеонъ»). — «Лопухинская легенда» («Спб. Вѣдомости» №№ 184, 186, 189).—«Докторша», разсказъ («Отечественныя Записки» № 12).

1856. «Зимняя поѣздка въ Лопухинку» («Спб. Вѣдомости» № 710).—Журналистика въ 26-ти №№.—«Любовь въ городской каретѣ» («Пантеонъ» № 3).—«Русская литература въ 1855 году» («Пантеонъ»),—«30-е августа 1856 года», драматическій прологъ.—Журналистика («Спб. Вѣдомости» 21).

1857. «Очерки Гоголевскаго періода» («Спб. Вѣдомости» № 165).—«Литература въ Галиціи» («Спб. Вѣдомости», № 283).—«Рауль-синяя борода», сказка въ стихахъ (отд.). — «Любовь мелкихъ людей» (Писарша), («Сынъ Отечества» №№ 7, 10).—«Лѣшій», поэма въ прозѣ («Общезанимат. Вѣстникъ»).—«Лопухинка» («Спб. Вѣдомости»).—«Политическія письма изъ-за границы» (Сынъ От.).

1858. «Герцогиня д'Эгильонъ», драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ («Сборникъ въ пользу Смирдина»).—«Протестъ о жидахъ» («Спб. Вѣдомости» № 262).—«Иллюстрація» по 1863 годъ («Всемірное Обозрѣніе» 50 №№, XII томовъ).

1859. «Иллюстрированный Семейный Листокъ», 50 №№, VIII томовъ.—«Исторія одной ножки».—«Какъ нынче любятъ» («Илл.» въ 4-хъ №№).

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

1860. «Какъ нынче ненавидятъ» современная сцена («Илл.» въ 2-хъ №№).

1861. «Полувѣковой юбилей Лицея» (стихотвореніе).

1862. «Татьяна Пушкина» («Сѣверное Сіяніе» № 1).—«Русскій энциклопедическій словарь», томъ II, III, IV, V (80 большихъ статей).—«Ивановъ и его картины» («Сѣверное Сіяніе» № 2).—«Русланъ и Людмила», (№ 3).—«Кавказскій плѣнникъ» (№ 4).—«Графъ Нулинъ» (№ 5).—«Годуновъ» (№ 6).—«Братья разбойники» (№ 7).—«Бахчисарайскій фонтанъ» (№ 8).—«Цыгане» (№ 9).—«Полтава» (№ 10).—«Пушкинъ какъ лирикъ» (№ 11).—«Пушкинъ, какъ драматургъ» (№ 12).

1863. «Княжна Мери» Лермонтова («Сѣверное Сіяніе» № 1). — «Демонъ» (№ 2).—«Лермонтовъ въ народныхъ произведеніяхъ» (№ 3).—«Первыя поэмы Лермонтова» (№ 4).—«Юношескія произведенія Лермонтова» (№ 5). — «Лермонтовъ въ лучшихъ произведеніяхъ» (№ 6).—«Кавказскія стихотворенія Лермонтова» (№ 7).—«Петербургское супружество», повѣсть (№№ 8, 9, 10).—«Мцыри» (№ 11).—«Юношескія поэмы» (№ 12). — «Иллюстрированная Газета», 50 №№, VIII томовъ.—«Воскресный Досугъ», 50 №№, VIII томовъ.—«Русскій энциклопедическій словарь», томъ VI, буква Е.—Вступленіе въ редакцію «Голоса».

1864. «Тамара» («Сѣверное Сіяніе» № 1). — «Лермонтовъ, какъ прозаикъ» (№ 5).—«Лермонтовъ, какъ драматургъ» (№ 6).—«Писемскій» (№ 10).—«И. С. Тургеневъ» (№ 11 и 12).—«Стихотворенія Плещеева» («Библіотека для Чтенія», № 2).—«Настольный словарь» Толля, томъ III, отъ буквы П.

1865. «Пѣвцы» Тургенева («Сѣверное Сіяніе» № 1).—«Морозъ» Некрасова («Сѣверное Сіяніе» № 2).—«Наканунѣ» И. С. Тургенева («Сѣверное Сіяніе»).

1866. «Второй томъ исторіи Юлія Цезаря».—Новый романъ Гюго.—Петергургскіе театры.—Новая книга Жюля Симона («Иллюстр. Газета» въ 10-ти №№).

1867. «Трагедіи Шиллера» («Иллюстр. Газета» въ 4-хъ №№).

1868. «Послѣдніе часы іюльской монархіи» («Иллюстр. Газета» въ 4-хъ №№).

1869. «Дѣло Пальма» («Иллюстр. Газета» въ 1 №).

1870. «Лицеистамъ XI курса» («Иллюстр. Газета», томъ XXV, № 11).

1871. «Двѣ тысячи восемьсотъ семидесятый годъ» («Иллюстр. Газета», томъ XXVII).

1872. «Воскресный Досугъ», томъ XIX и XX (послѣдніе). — «Иллюстрированная Газета», томъ XXIX и XXX (послѣдніе, издавалась 15 лѣтъ).

1873. «Иллюстрированная Недѣля» 50 №.—«Иллюстрированный Вѣстникъ» 50 №.—Принятіе въ «Голосѣ» обязанностей секретаря: литературные фельетоны, рецензіи книгъ, отчеты о разныхъ журналахъ.

1874. «Энциклопедическій Словарь» Березина до 50-ти статей и всѣ статьи на букву Л, до Литвы.—«Кавалеръ д'Эонъ» («Русская Старина», томъ X и XI).

1875. «Каліостро» («Русская Старина», томъ XII).—«Иллюстриров. Недѣля», томъ III (послѣдній).

1876. Рецензіи новыхъ книгъ («Русская Старина» (на оберткѣ).

1877. «Исторія всемірной литературы», томъ I. — «Библіографическія замѣтки» («Древняя и Новая Россія», томъ II): «Политическая хроника» («Русское Обозрѣніе»).

1878. «Исторія всемірной литературы», томъ II.—«Политическая хроника» («Русское Обозрѣніе»).

1879. «Политика» и мелкія статьи въ «Русскомъ Обозрѣніи».

1880. «Исторія всемірной литературы», томъ III.—Рецензіи педагогическихъ и дѣтскихъ книгъ въ «Народной Школѣ» (XII книгъ) до прекращенія журнала въ 1889 году.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

1881. Веденіе въ «Историческомъ Вѣстникѣ» отдѣловъ «Заграничныя историческія новости» и «Смѣсь», рецензіи книгъ.—«Иностранная политическая хроника» («Народн. Школа»).

1882. «Исторія всемірной литературы», томъ IV.—«Политическая хроника» въ «Наблюдателѣ» и рецензіи до настоящаго времени.—«Очерки иностранной литературы», «Обзоръ историческихъ журналовъ», «Стихотворенія» (тамъ же).

1883. Рецензіи въ «Историческомъ Вѣстникѣ».

1884. «Документальная исторія чорта», «Послѣдніе годы второй имперіи», «Французское общество» («Историческій Вѣстникъ», томъ XV). — «Парижъ четверть вѣка назадъ» («Историческій Вѣстникъ», томъ XVII).—«Сентиментальное путешествіе русскаго человѣка» («Историческій Вѣстникъ», томъ XVII).

1885. «Урокъ прошедшаго» («Петербургская Газета» № 17).—«Вольно-Экономическое общество» («Петербургская Газета» № 73).—«Англійскій миссіонеръ въ Русской Азіи» («Новое Время», фельетоны №№ 3433, 3454, 3461).—«Представители реализма, Культурная исторія директоріи» («Историческій Вѣстникъ», томъ XIX).—«Городъ ангеловъ» («Историческій Вѣстникъ», томъ XX).

1886. «Семидесятипятилѣтіе Лицея», (стихотвореніе), («Новое Время» и отдѣльно).—«У гроба Головнина» («Новости» № 309).— «Одинъ изъ друзей человѣчества» («Историческій Вѣстникъ», томъ XXIII).—«Крестьянинъ-археологъ» («Историческій Вѣстникъ», томъ XXIV).—«Очеркъ исторіи игральныхъ картъ» («Новь»).

1887. «Памяти лицейскаго поэта» (стихотвореніе въ «Дѣлѣ», № 1 и отд.)—«Очеркъ исторіи англійской иллюстраціи» («Историческій Вѣстникъ», томъ I).—Левъ Александровичъ Мей, Критич. очеркъ и редакція пяти томовъ его произведеній.

1888. «На Иматрѣ» (стихотвореніе во «Всемірной Иллюстраціи», № 11).

1889. «Н. Д. Хвощинская» («Историческій Вѣстникъ», № 10). — «Несторъ русской журналистики» (тамъ же, № 11). — «Общественная жизнь въ Англіи» (тамъ же, томъ XXXV—XXXVI).—«Поздней осенью» (стихотвореніе въ «Трудѣ», № 6).—«Историческая Портретная Галлерея» (два выпуска: ученые).

1890. «Лицею въ его 79-ю годовщину». — «Петербургъ въ сороковыхъ годахъ» («Историческій Вѣстникъ», № 1, 2, 3, 4, 5, 6).—Три стихотворенія («Трудъ», № 19).

Портреты В. Р. помѣщены въ «Пантеонѣ» 1855 года, въ «Портретной Галлереѣ» 1869 года и въ «Нови» 1887 года. Помѣщаемый нами портретъ воспроизведенъ изъ «Портретной Галлереи».

С. Ш.

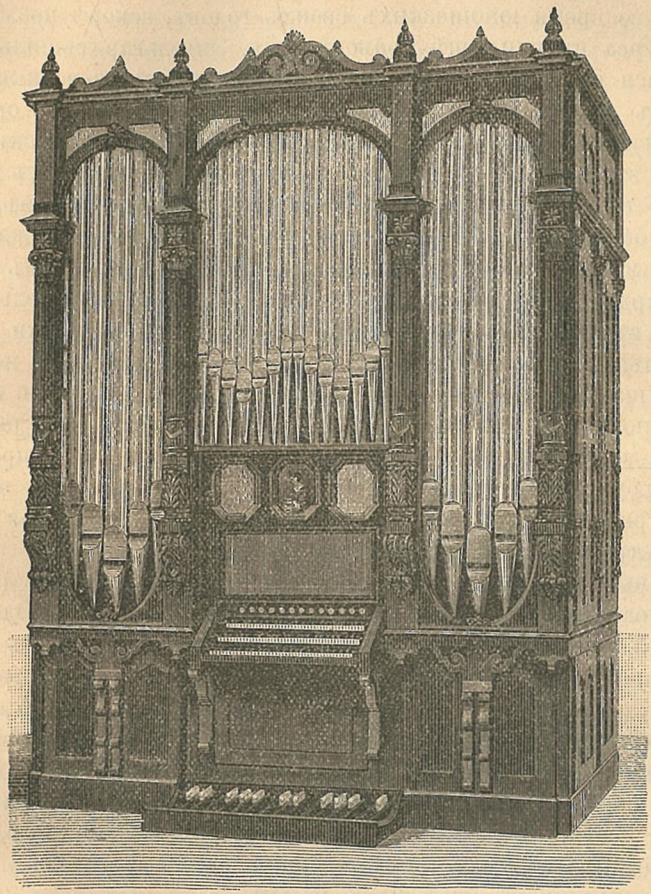
НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

НѢМЕЦКІЕ ОРГАНЫ У РУССКИХЪ ЛЮБИТЕЛЕЙ.

Ъ КОНЦѢ апрѣля настоящаго года въ дрезденской газетѣ: «Dresdener Anzeiger» была напечатана замѣтка слѣдующаго содержанія: «Въ одномъ частномъ домѣ, въ Дрезденѣ, установленъ надняхъ органъ изъ мастерской геніальнаго мастера Фридриха Ладегаста въ Вейсенфельсѣ (въ Саксоніи), и эта новинка такого рода, что можетъ быть интересна и въ другихъ мѣстахъ. Этотъ въ высшей степени элегантный органъ съ 11-ю регистрами превзошелъ всѣ ожиданья высокою красотою звука и примѣрною своею выдѣлкою. Это 130-й органъ, построенный Ладегастомъ, который, при своихъ работахъ, ревностно, но осторожно, употребляетъ въ дѣло всѣ новѣйшія техническія усовершенствованія. Прекрасно интонированные регистры распредѣляются слѣдующимъ образомъ: принципалъ—8′, Gambe—8′, Flauto amabile—8′, Gedackt—8′, Gemshorn—4°, Mixtur, три раза въ главномъ корпусѣ—Rohrflöte—4′, Flauto Traverso—8′, Dolce—8′ въ верхнемъ корпусѣ—cello—8′ и Subbass—16′ въ педали. Аппаратъ для crescendo съ 10-ю отдѣлами даетъ возможность производить постепенный переходъ отъ самой слабой до самой полной силы звука. Эта остроумная конструкція имѣетъ нѣчто общее съ устройствомъ часовъ съ боемъ. Регистрированіе—пневматическое. Также и въ педали примѣнена система пневматическихъ трубъ (Röhrenpneumatik), но у мануалей—конусная система мѣховъ (Kegelladensystem). Двое мѣховъ съ двумя магазинами доставляютъ потребный воздухъ; у нихъ ходъ очень ровный, такъ что даже при неумѣлой практикѣ не производятъ толчковъ въ тонѣ. Подобный же органъ будетъ въ непродолжительномъ времени отправленъ этою же всемірно-знаменитою фирмою Ладегаста—

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

въ Москву, гдѣ въ нѣкоторыхъ частныхъ кругахъ проявляются въ настоящее время живыя симпатіи къ органу. Мастеръ Ладегастъ находится въ сношеніяхъ съ самыми крупными строителями органовъ въ цѣлой Европѣ и съ величайшею ревностью слѣдитъ за всѣми усовершенствованіями новаго времени по своей части;



Органъ Энгельгардта въ Дрезденѣ.

оттого-то ему и возможно даже до настоящей минуты занимать высокое положеніе среди своихъ современниковъ».

Органъ, о которомъ здѣсь говорится, сдѣланъ для одного нашего соотечественника, постоянно, уже болѣе 15-ти лѣтъ живущаго въ Дрезденѣ. Это — Василій Павловичъ Энгельгардтъ, пріятель Глинки; о немъ не разъ говорено въ «Запискахъ» и письмахъ Глинки; онъ былъ до того съ нимъ близокъ въ послѣдніе годы его жизни, что получилъ отъ Глинки въ подарокъ всю коллекцію его

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

музыкальныхъ автографовъ (партитуры: «Жизни за царя», «Руслана», «Хоты», «Ночи въ Мадридѣ», «Комаринской», «Князя Холмскаго», многихъ романсовъ, всѣхъ юношескихъ его сочиненій) — коллекція эта впослѣдствіи принесена Василіемъ Павловичемъ Энгельгардтомъ въ даръ нашему народному книгохранилищу, Императорской Публичной Библіотекѣ.

Еще во время юношескихъ своихъ годовъ, вскорѣ послѣ окончанія курса въ училищѣ правовѣдѣнія, Энгельгардтъ сильно пристрастился къ орга̀ну и къ органнымъ сочиненіямъ великихъ германскихъ мастеровъ, особенно Баха. Такая любовь къ орга̀ну и органной музыкѣ—фактъ довольно рѣдкій въ средѣ русскихъ. Но Глинка, въ послѣдніе годы жизни своей, полюбивъ вдругъ какъ-то особенно все классическое, въ томъ числѣ Баха и орга̀нъ, много и часто бесѣдовалъ объ этихъ предметахъ со всѣми окружающими и близкими ему въ то время людьми. Въ 1849 году, онъ писалъ Энгельгардту изъ Варшавы: — «По моему, примѣчательнѣйшій артистъ въ Варшавѣ — органистъ Фрейеръ: у него руки и ноги равносильны. Я безъ ужасно-восторженнаго напряженія нервъ не могъ слушать, когда онъ игралъ фуги и прелюды Баха, и увѣренъ что вы получили бы полную порцію удовольствія, если бы вамъ довелось услышать ихъ...» Здѣсь, мы явно встрѣчаемъ продолженіе петербургскихъ бесѣдъ о Бахѣ и орга̀нѣ. И, конечно, восторги Глинки еще болѣе усиливали органные вкусы и стремленія Энгельгардта, страстно обожавшаго Глинку.

«Первый русскій, устроившій себѣ домашній орга̀нъ (пишетъ мнѣ Энгельгардтъ), былъ князь Владиміръ Ѳедоровичъ Одоевскій, отличный музыкантъ-любитель временъ Николая I, и въ особенности горячій поклонникъ Баха. Я немедленно послѣдовалъ его примѣру, и заказалъ себѣ такой же орга̀нъ. Третій орга̀нъ былъ устроенъ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ; онъ и до сихъ поръ находится въ Мраморномъ дворцѣ и въ прежнія времена часто употреблялся самимъ великимъ княземъ, какъ извѣстно, ревностнымъ любителемъ классической музыки. Всѣ эти три орга̀на были построены въ Петербургѣ, въ 50-хъ годахъ, Мельцелемъ, племянникомъ извѣстнаго изобрѣтателя метронома. Тотъ же Мельцель, очень даровитый мастеръ, построилъ въ Россіи также нѣсколько большихъ церковныхъ органовъ, напримѣръ, для Реформатской церкви въ Петербургѣ.

«Но этотъ мой первый орга̀нъ, всего въ 6 регистровъ, скоро показался мнѣ слишкомъ малъ. Я продалъ его композитору-меломану Кастріоту-Скандербегу (принадлежавшему въ то время къ музыкальному кружку Глинки и Доргомыжскаго), и тотъ увезъ его въ свое могилевское имѣніе. Затѣмъ я заказалъ Мельцелю другой орга̀нъ, уже въ 10 регистровъ, на которомъ я игралъ нѣсколько лѣтъ, а потомъ уступилъ его одному изъ товарищей моихъ по правовѣдѣнію, С. Танѣеву...»

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Въ 1875 году Василій Павловичъ Энгельгардтъ переѣхалъ навсегда на жительство въ Дрезденъ, принужденный къ тому состояніемъ здоровья своей жены и своимъ собственнымъ. Въ Дрезденѣ онъ выстроилъ себѣ обсерваторію и занялся астрономическими работами, вскорѣ доставившими ему почетное имя въ ученомъ мірѣ [1]). Но его любовь къ орга̀ну и органной игрѣ не исчезла, онъ продолжалъ ими ревностно заниматься. «По пріѣздѣ въ Дрезденъ,—писалъ мнѣ онъ,—я заказалъ себѣ орга̀нъ въ 6 регистровъ у знаменитаго мастера Валькера въ Лудвигсбургѣ (его работы также громадный орга̀нъ въ нѣмецкой церкви Петра и Павла въ Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ). Этотъ органъ существовалъ у меня лѣтъ 15-ть, а въ нынѣшнемъ году замѣненъ новымъ [2]). Всѣ мои орга̀ны не удовлетворяли меня, потому-что я на нихъ не могъ играть ни Баха, ни вообще пьесъ съ трудными педальными партіями, которыя, какъ извѣстно, играются ногами. Вообще, органистовъ, у которыхъ равно хорошо выработаны руки и ноги—нынче рѣдко можно встрѣтить даже между спеціалистами. Обыкновенно ноги хромаютъ. Вотъ я все и думалъ, какъ бы мнѣ съ партнеромъ играть Баха и другихъ, и додумался до нижняго мануала, на которомъ можно играть пальцами то, что первоначально назначено играть ногами. Успѣхъ вышелъ полный. Конечно, профессіональные органисты этого не одобряютъ, но для насъ, простыхъ смертныхъ любителей, это отлично. Теперь, какъ мы, вдвоемъ съ моимъ партнеромъ (хорошимъ піанистомъ), грянемъ прелюдіи или фуги Баха въ три руки, эффектъ выходитъ такой, что просто восхищеніе. Какое высокое удовольствіе исполнять на орга̀нѣ сочиненія Баха—этотъ неисчерпаемый источникъ художественныхъ наслажденій, и, при этомъ, однимъ пальцемъ вызывать могучія, густыя, катящіяся какъ громъ—басовыя ноты! Мой органъ производитъ въ простой комнатѣ частнаго дома такой же эффектъ, какъ большой органъ въ соборѣ...»

Постройка орга̀новъ нигдѣ не стоитъ на такой высокой ступени, какъ въ Германіи, а Фридрихъ Ладегастъ, безъ сомнѣнія, первый изъ современныхъ строителей орга̀новъ. Про него говорятъ, что никто такъ не умѣетъ, какъ онъ, «интонировать» органныя трубы, и потому ни у кого не удаются такія благозвучные орга̀ны, какъ у него. Ладегастъ, (которому теперь 75 лѣтъ), былъ нѣсколько разъ, иногда съ сыномъ, въ Россіи; онъ съ восторгомъ вспоминаетъ про Москву и говоритъ, что это «первый городъ въ мірѣ—

[1]) Въ 1886 году изданъ, въ Дрезденѣ, первый томъ его многолѣтнихъ астономическихъ изслѣдованій, подъ заглавіемъ: «Observations astronomiques, faites par B. d'Engelhardt dans son observatoire à Dresde»; второй томъ вышелъ въ свѣтъ въ настоящемъ году.

[2]) Орга̀нъ о которомъ говоритъ статья «Dresdener Anzeiger» и который изображенъ на прилагаемой фотографіи. В. С.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Парижъ ничто въ сравненіи съ нимъ». Однажды ему случилось быть въ Москвѣ въ Троицынъ день (онъ тогда ставилъ органъ Хлудову). А какъ грянули колокола съ четырехъ сотъ московскихъ церквей, то онъ, хотя и протестантъ, а прослезился — «So was grossartiges hatte ich noch nie erlebt» (ничего подобнаго по грандіозности я еще не испытывалъ),—часто повторяетъ онъ и до сихъ поръ.

Тогдашній органъ свой Хлудовъ подарилъ, какъ говорятъ, московской консерваторіи, и Ладегастъ строитъ ему новый, большой, но безъ энгельгардтовскаго «мануала», и объ этомъ-то будущемъ превосходномъ органѣ для Москвы и говоритъ вышеприведенная статья «Dresdener Anzeiger».

В. Стасовъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

САТИРИЧЕСКІЯ МЕДАЛИ НА СѢВЕРНУЮ ВОЙНУ.

ВЪ ПАМЯТЬ разныхъ случаевъ долговременной Сѣверной войны, въ которой счастіе переходило то на сторону однихъ участниковъ, то на сторону другихъ, было выбито много медалей во всѣхъ государствахъ, участвовавшихъ въ ней, но болѣе всего въ Швеціи, въ Россіи, а также въ Даніи, Германіи и въ Польшѣ. О нихъ много писано и надобно предполагать, что эти медали болѣе или менѣе извѣстны любителямъ и знатокамъ нумизматики, но въ то же время, на главные случаи войны были выбиты также и сатирическія медали, не государственными учрежденіями, но частными людьми. Хотя и эти медали были изданы въ свое время, но теперь онѣ мало извѣстны и крайне рѣдки. Причина ихъ рѣдкости заключается не только въ плохомъ металлѣ, изъ котораго онѣ были выбиты, но и въ ихъ сатирическомъ содержаніи, не получившемъ правительственнаго дозволенія, а также въ запрещеніи обращенія нѣкоторыхъ изъ нихъ. Онѣ почти всѣ сдѣланы неизвѣстными медальерами, или лучше сказать не обозначившими свои имена на медаляхъ. Только рѣдко можно узнать, гдѣ онѣ были сдѣланы и кѣмъ. Такъ какъ приготовленіе хорошаго стальнаго штемпеля требуетъ много времени, труда и издержекъ, то штемпели къ сатирическимъ медалямъ обыкновенно сдѣланы на скорую руку изъ мягкаго металла, отчасти для скорости приготовленія, отчасти для большей дешевизны. Такіе штемпели не выдерживали большого употребленія и при чеканкѣ крѣпкихъ металловъ скоро лопались.

Объ этихъ сатирическихъ медаляхъ до сихъ поръ ничего не было писано въ Россіи, хотя изъ цѣлой серіи ихъ на событія Сѣверной войны многія имѣютъ прямое отношеніе къ Россіи.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

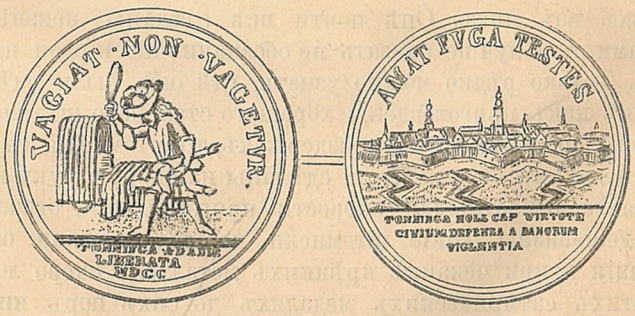
На начало войны, предпринятой королемъ Фридрихомъ IV противъ Фридриха герцога Голштинскаго, появилась слѣдующая медаль. Круговая надпись на ней: DER FRIED HAT WIEDERVM. Въ срединѣ медали слово EIN надъ пробитымъ стоящимъ на землѣ барабаномъ (Loch), (т. е. миръ снова нарушенъ или снова имѣетъ дыру). По сторонамъ барабана поставленъ годъ 17—00. На оборотной сторонѣ изображена корзинка съ пробитымъ дномъ, въ которую падаютъ изъ рога изобилія цвѣты и фрукты съ круговою надписью: WER ABER FLICKET NVN DEM FRIEDE SEINEN BODEN (т. е. кто починитъ теперь миру дно).

На начало войны выпущена и другая медаль съ надписью надъ литаврами съ проколотою кожею:

GOTT LOB
DER KRIEG
HAT NUN
EIN
(Loch)
M. D. C. III C.

(т. е. слава Богу война имѣетъ теперь дыру). На оборотной сторонѣ представленъ миръ, въ видѣ стоящей женщины съ оливковой вѣтвью въ рукѣ и съ надписью кругомъ: AUWEY DER FRIED HAT SCHON EIN (Loch) 1700 (т. е. увы миръ уже нарушенъ или имѣетъ дыру). Слово «Loch» показано проколотымъ тѣломъ мира.

Когда въ маѣ мѣсяцѣ 1700 года датское войско было принуждено оставить осажденную голштинскую столицу Теннингенъ, вслѣдствіе приближенія помощи германскихъ государствъ голштинцамъ, то явилась медаль, на лицевой сторонѣ которой изображенъ мужчина, вынимающій изъ колыбели мальчика, котораго онъ сѣчетъ розгами съ надписью: VAGIAT NON VAGETVR (т. е. пусть кричитъ, чтобъ впредь не скитался) а въ обрѣзѣ: TONNINGA A DANIS LIBERATA MDCC (т. е. Теннингенъ освобожденный отъ датчанъ). Оборотная сторона представляетъ видъ города Теннингена съ надписью: AMAT FVGA TESTES (т. е. бѣгство любитъ свидѣтелей). Въ обрѣзѣ:



TONNINGA HOLS CAP VIRTUTE
CIVIUM DEFENSA A DANORUM
VIOLENTIA

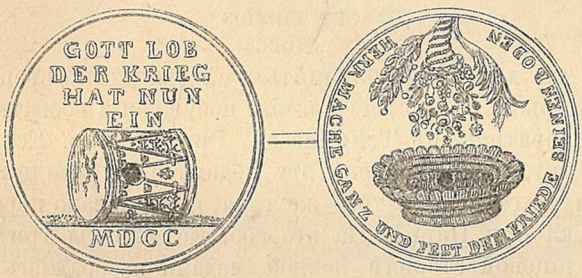
НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

(т. е. столица Голштиніи Теннингенъ храбростью своихъ гражданъ защищенъ отъ насилія датчанъ).

На послѣдовавшій затѣмъ Травендальскій миръ явилась медаль похожая по лицевой сторонѣ на вторую медаль на начало этой войны съ надписью:

GOTT LOB
DER KRIEG
HAT NUN
EIN
(Loch)
MDCC

съ той только разницею, что вмѣсто литавръ изображенъ лежащій на землѣ пробитый барабанъ—а оборотной стороной она похожа на первую медаль въ память начала войны, съ надписью кругомъ: HERR MACHE GANZ UND FEST DEM FRIEDE SEINEN BODEN (т. е. «О Господи, укрѣпи основаніе мира» или слово въ слово сдѣлай цѣлымъ и крѣпкимъ дно мира).



Въ то же время, Августъ король польскій съ саксонскою арміею, въ которой находился и русскій отрядъ, осаждавшій Ригу, боясь приближенія шведскаго короля по заключеніи Травендальскаго мира, долженъ былъ оставить осаду, 9-го сентября 1700 года, и вернуться съ войскомъ въ Курляндію. Лицевая сторона медали на этотъ случай представляетъ сидящаго на ульѣ орла, окруженнаго летающими пчелами, который старается защищаться поднятыми крыльями противъ приближающагося медвѣдя (короля Карла XII). Надъ нимъ надпись: AUGUSTUS IN ANGUSTIS (т. е. Августъ въ бѣдѣ). На оборот-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ной сторонѣ на первомъ планѣ городъ Рига съ своими укрѣпленіями; вдали крѣпость Дюнамюнде съ надписью DUNAMOND. S: (дюнамюндскій шанцъ). Въ обрѣзѣ:

RIGA A SAXONIBVS
LIBERATA MDCC

(т. е. Рига освобожденная отъ саксонцевъ). Надъ городомъ Ригой: VANAE SINE VIRIBVS IRAE (т. е. напрасенъ гнѣвъ безсильный).

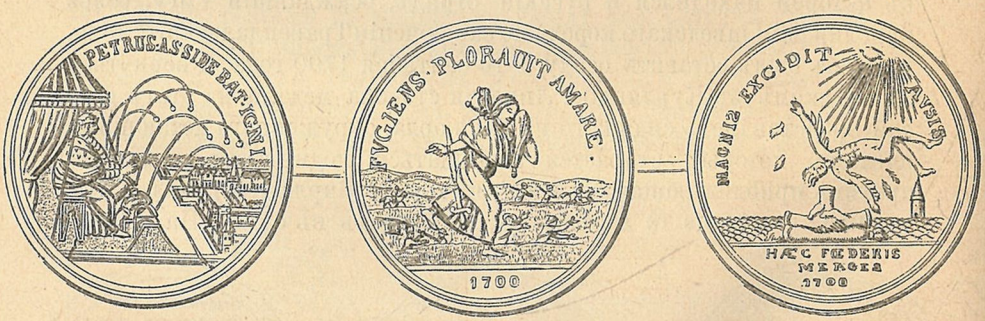
Оборотная сторона выше описанной медали служитъ тоже оборотной стороной слѣдующей медали съ надписью на лицевой сторонѣ:

TRIVMVIRATVS
AQVILONORIS, QVEM
FAEDERE IVNXIT BELLANDI
SACRA CVPIDO, FACINORA
COGNOSCERE VIS. TONNINGAM. RIGAM
NERVM: QVE ADI. HOC SI NIMIS
MOLESTVM FVERIT:
VERTE NVMISMA
ET VIDEBIS
MDCC

(т. е. Если ты хочешь познакомиться съ дѣяніями сѣвернаго тріумвирата, который, вслѣдствіе святаго побужденія воевать, составилъ союзъ, то обратись въ Теннингенъ, Ригу, Нарву. Если это тебѣ слишкомъ трудно, то поверни эту медаль и ты увидишь).

20-го и 21-го ноября того же года, послѣдовало пораженіе русскаго войска при Нарвѣ. На это событіе выбиты три медали:

1) На лицевой сторонѣ первой медали изображенъ Петръ Великій сидящій на возвышенномъ мѣстѣ, на скамейкѣ, въ открытомъ спереди шатрѣ, въ горностаевой мантіи и царской шапкѣ, и



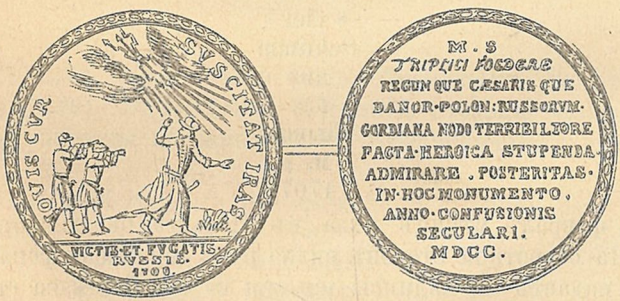
грѣющій протянутыя руки надъ огнемъ стрѣляющихъ мортиръ, стоящихъ у его ногъ, изъ которыхъ бомбардируютъ Нарву. Надъ нимъ круговая надпись: PETRUS ASSIDEBAT IGNI (т. е. «Петръ сидѣлъ у огня», или «Петръ присудствовалъ при пальбѣ»). На оборотной сторонѣ изображенъ человѣкъ, одѣтый въ монашескую одежду, бѣгущій, вытирая слезы платкомъ; съ головы его падаетъ царская шапка, а изъ рукъ мечъ, сломанный на три части. Вдали

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

спасаются всадники и пѣшіе. Вверху надпись: FUGIENS PLORAVIT AMARE (т. е. убѣгая горько плакалъ). Въ обрѣзѣ годъ 1700.

Вторая медаль представляетъ Икара, приблизившагося слишкомъ къ солнцу на крыльяхъ, скрѣпленныхъ воскомъ, въ тотъ моментъ, когда онъ падаетъ въ море, внизъ головой, мимо подушки, на которой соединены три руки сѣвернаго союза. Вдали башня. Вверху надпись: MAGNIS EXCIDIT AVSIS (т. е. отчаянное предпріятіе не удалось). Въ обрѣзѣ: HAEC FOEDERIS
MERCES
1700
(т. е. вотъ польза союза). Оборотная сторона та же, что и на предыдущей медали съ надписью: FUGIENS PLORAVIT AMARE.

Третья медаль на пораженіе при Нарвѣ имѣетъ на лицевой сторонѣ надпись: M. S
TRIPLICI FOEDERE
REGUMQUE CAESARISQUE
DANOR-POLON: RUSSORUM.
GORDIANA NODO TERRIBILIORE
FACTA. HEROICA STUPENDA
ADMIRARE PUSTERITAS
IN HOC MONUMENTO.
ANNO. CONFUSIONIS
SÆCULARI.
MDCC
(т. е. героическимъ и удивительнымъ дѣяніямъ королей и царя, датскаго, польскаго, русскаго соединенныхъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ тройственнымъ союзомъ, который страшнѣе Гордіева узла, потомство можетъ удивляться на этомъ монументѣ въ году столѣтняго



смѣшенія). Оборотная сторона представляетъ русскаго воина, бѣгущаго и преслѣдуемаго двумя людьми, вооруженными ружьями. Изъ облаковъ на русскаго падаетъ молнія. Надпись гласитъ: IOVIS CVR SVSCITAT IRAS (т. е. зачѣмъ онъ возбуждаетъ гнѣвъ Юпитера). Въ обрѣзѣ: VICTIS. ET. FVGATIS.
RVSSIS.
1700
(т. е. русскіе побѣждены и обращены въ бѣгство).

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Когда, въ 1704 году, города Торнъ, Эльбингенъ и Данцигъ, попали во власть Карла XII, явилась медаль съ слѣдующими надписями. Лицевая сторона: SO GEHTS
WENN
ZWEYTRACHT
MANN IM LAND UND
STAEDTEN HEGET
ALS DEN DER HOCHMUTH
SICH UND FREYHEYT
NIEDERLEGET
1704.

(т. е. Когда въ государствахъ и городахъ господствуетъ распря, тогда падаютъ гордость и свобода).

THORN
DEN RUHM
BEHAELT
ELBING
NIEMAND GEFAELT
DANTZIG
EIN SPOT
DER WELT
ALLE WERDEN VEXIRT VMBS GELD

(т. е. Торнъ сохраняетъ свою славу, Эльбингенъ никому не нравится, Данцигъ всему свѣту служитъ посмѣшищемъ, а всѣ просчитались въ деньгахъ).

Въ 1707 году, на тогдашнее положеніе Польши было выпущено нѣсколько жетоновъ. a) На лицевой сторонѣ перваго жетона читается:

Es
Sieht
viel
Schlimm
aus
I N
POLONIA
M. F.
1707

(т. е., въ февралѣ мѣсяцѣ дѣла въ Польшѣ оказываются очень плохи). На оборотной сторонѣ видна рука держащая фонарь, свѣтъ котораго падаетъ на надпись: ICH SEH ES GERNE BESSER (т. е. я желалъ бы ее (Польшу) видѣть въ лучшемъ видѣ). Верхъ фонаря похожъ на корону, подъ которой изображено ухо. На фонарѣ годъ 1707.

b) Лицевая сторона

VICISSITVDINE TEMPORVM
* + *
Kehrt
Mann

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

in
POLEN
bald
M. wider MR.
. um .

(т. е. съ перемѣною временъ въ Польшѣ все станетъ по старому въ мартѣ мѣсяцѣ). Первая строка составляетъ круговую надпись.

Оборотная сторона:

GOTT
bessere
die
ZEIT
und
LAEVFFTE
1707

' * '

(т. е. о Боже, исправь и время и людей).

c) Лицевая сторона:

NOS
POLONI
NUNC
CVRAMUS
M. AP
1707

(т. е. мы, поляки, заботимся о себѣ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1707 года).

Оборотная сторона:

QVIA
MUNTVS
fult
tecibi
ERGO
OPORTET
MVLTVM
PATI.

(т. е. такъ какъ міръ хочетъ быть обманутымъ, то приходится много страдать). Въ надписи оборотной стороны слова mundus, vult, decipi. писаны по саксонскому произношенію: muntus, fult и dezibi.

d) На лицевой сторонѣ три соединенныя руки изъ облаковъ. Подъ ними:

. * ♔ *
WAS DIESE
RESCHLIE
* SEN *
THUT MANCHEN VERDRIESSEN DAS ERS ♁ KAN WISSEN

(т. е. другому непріятно, что онъ не знаетъ то, что эти рѣшаютъ). Оборотная сторона этого жетона ровна съ оборотной стороною предыдущаго жетона.

e) На лицевой сторонѣ:

Es ist
Friede
und ist

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Keiner
das weist du
und noch
Einer
1706

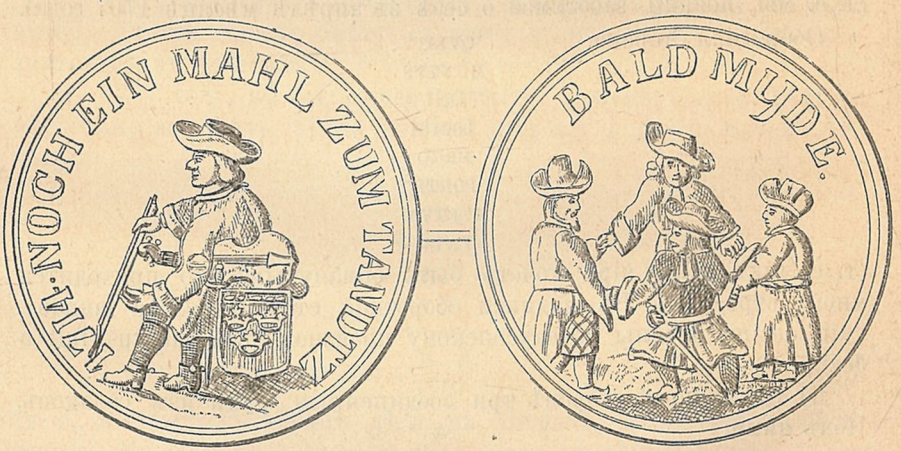
(т. е. есть миръ и нѣтъ мира это ты знаешь и еще другой).

Оборотная сторона:

I N
POLONIA
sieht
es
NIE
DOBRA
M. I
1707

(т. е. въ мѣсяцѣ іюнѣ 1707 года въ Польшѣ нѣтъ добра).

По возвращеніи изъ Турціи Карла XII явилась слѣдующая медаль. На лицевой сторонѣ сидитъ Карлъ XII, одѣтый въ сапогахъ со шпорами, держа подъ рукою скрипку и приготовляетъ смычекъ, чтобы заиграть; возлѣ него щитъ съ шведскимъ гербомъ; кругомъ надпись: 1714 NOCH EIN MAHL ZUM TANDTZ (т. е. въ 1714 г. онъ заигралъ еще разъ къ танцу).



На оборотной сторонѣ танцуютъ четыре человѣка, русскій, полякъ, датчанинъ и саксонецъ. Надъ ними слова: BALD MUDE (т. е. они скоро устали).

Во время Брауншвейгскаго конгреса выбита слѣдующая медаль. На лицевой сторонѣ грудное изображеніе короля Карла XII, обращенное вправо съ надписью CAROLVS. XII. D. C. REX SVEC. (т. е. Карлъ XII Божіею милостью король шведскій). Внизу: NATUS d. 17. IUN 1682 (т. е. Родился 17-го іюня 1682 года).

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

На оборотной сторонѣ надпись:

ACH DASS
ASTRAEA
DICH
MIT FRIEDE
MÖCHTE GRÜSSEN
SO WÜRD BEY GÖTTREN
AUCH
DIE THAT DEM NAHMEN
GLEICH
AVGVST MUSS ALS AVGVST
DEN IANVS TEMPEL SCHLIESSEN
EIN RECHTER FRIEDERICH
ERWEIS SICH FRIEDEN REICH
UND WO DER RUHESTAND
EIN HIMMEL IST ZU NENNEN
SO WIRD EIN PETRVS IA
DES HIMMELS SCHLÜSSEL
KENNEN
1715
MENSE MARTIO
IN CONGRESS. BRUNSVICENS.

(т. е. О, еслибы Астрея могла привѣтствовать тебя миромъ и у боговъ соотвѣтствовали бы дѣянія именамъ; Августъ могъ бы, какъ августѣйшій, закрыть храмъ Януса; Фридрихъ оказался бы дѣйствительно миролюбивымъ (friedensreich), а такъ какъ мирное состояніе должно называться небомъ на землѣ, то Петръ вѣдалъ бы ключи небесъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1715 года, на Брауншвейгскомъ конгрессѣ).

Изъ 1715 года имѣются два жетона съ ровною лицевой стороною. Круговая надпись: AMOR VINCIT OMNIA (т. е. Любовь побѣждаетъ все), въ срединѣ:

PAX
VOBIS
1715

(т. е. миръ вамъ).

Оборотная сторона перваго жетона:

*

SIEHTS
DOCH AUS
ALS WANN
IN POHLEN
WOLLT
DER TEUFFEL
ALLES
HOLEN
M. SEPT.

(т. е. Кажется, что чортъ хотѣлъ все взять въ Польшѣ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ).

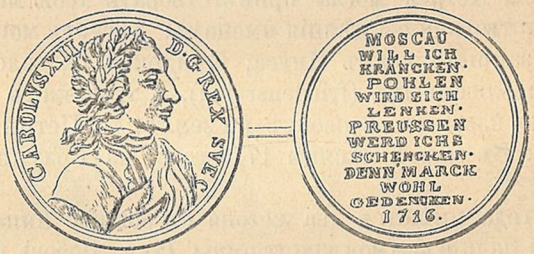
НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Оборотная сторона второго жетона:

* * *
UND
IN
POMMERN
WILLS
NICHT KLAPPEN
WEILS AUCH DA
GIBT SELTZME
KAPPEN
MENSE MOV.
W.

(т. е. И въ Помераніи было не ладно въ ноябрѣ мѣсяцѣ, потому что и тутъ имѣются удивительные колпаки). Буква w. обозначаетъ медальера Вермута.

Въ 1716 году явилась медаль какъ бы съ угрозами отъ имени короля Карла XII. Лицевая сторона представляетъ грудное изображеніе короля, обращенное вправо, въ лавровомъ вѣнкѣ съ круговою надписью: CAROLVS XII. D. G. REX SVEC. (т. е. Карлъ XII, Божіею милостью король шведскій). На обрѣзѣ шеи буквы: C. W. имя медальера Карла Вермута.



Оборотная сторона:

MOSCAU
WILL ICH
KRÄNCKEN.
POHLEN
WIRD SICH
LENKEN.
PREUSSEN
WERD ICHS
SCHENKEN.
DENMARCK
WOHL
GEDENCKEN
1716.

(т. е. Москву я хочу оскорбить. Польша дастъ съ собою управиться. Пруссію прощу, а Данію припомню).

Ю. Иверсенъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.

Дм. Цвѣтаевъ. Протестанство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій. Москва. 1890.

ОБШИРНОЕ изслѣдованіе проф. Варшавскаго университета Д. В. Цвѣтаева даетъ намъ систематическую исторію протестанскихъ общинъ въ Московскомъ государствѣ со времени появленія ихъ до смерти Алексѣя Михайловича. Первые четыре главы его посвящены внѣшней исторіи и внутреннему быту, остальные четыре—взаимнымъ отношеніямъ между ними и русскимъ православнымъ населеніемъ. Едва ли нужно доказывать важность затронутаго г. Цвѣтаевымъ вопроса: помимо своего непосредственнаго интереса для московскаго періода нашей исторіи, книга г. Цвѣтаева является какъ бы введеніемъ въ исторію Петровской реформы. Сочиненіе г. Цвѣтаева обладаетъ многими существенными достоинствами. Вопросъ о протестантахъ разработанъ въ ней многосторонне: исчерпаны всѣ существенныя стороны его; г. Цвѣтаевъ объединилъ здѣсь всѣ свои и отчасти чужія работы. Въ основу изслѣдованія положены первоисточники и при томъ не только печатные, но и рукописные; кромѣ того, авторъ воспользовался и очень обширною литературою своего вопроса; къ фактамъ и чужимъ мнѣніямъ онъ не рѣдко относится критически. Такимъ образомъ, въ общемъ, его книга можетъ быть названа изслѣдованіемъ, хотя въ ней и преобладаетъ описательный элементъ.

Не желая повторять того, что сказано другими, я не буду больше распространяться о достоинствахъ интересной работы проф. Цвѣтаева: они подробно отмѣчены въ двухъ рецензіяхъ, появившихся уже раньше (въ «Жур. Мин. Нар. Пр.» и «Рус. Вѣст.»); я отмѣчу только кое-какіе недостатки сочиненія, такъ какъ эта сторона осталась еще не затронутой, и изложу то, что мнѣ пришлось высказать автору устно, при защитѣ имъ данной книги въ качествѣ докторской диссертаціи въ Харьковскомъ университетѣ. Относительно

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

полноты содержанія слѣдуетъ отмѣтить то обстоятельство, что въ одномъ отношеніи проф. Цвѣтаевъ съузилъ свою задачу, а въ другомъ произвольно ее расширилъ; обѣщая говорить о протестантахъ въ Россіи, онъ совершенно игнорируетъ юго-западную Русь; между тѣмъ судьбы протестантизма въ юго-западной Россіи представляютъ и сами по себѣ глубокій интересъ и вмѣстѣ съ тѣмъ находятся въ связи съ положеніемъ его въ Московскомъ государствѣ; чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить хотя бы тотъ фактъ, что московскіе полемисты пользовались противо-лютеранскими сочиненіями, составленными на юго-западѣ. Расширеніе темы выразилось въ томъ, что проф. Цвѣтаевъ нерѣдко говоритъ не объ однихъ протестантахъ, но и о католикахъ; многія его характеристики относятся къ иноземцамъ вообще: нужно было по крайней мѣрѣ оговорить эту методологическую неточность, если она вызывалась свойствомъ самихъ источниковъ, часто не различающихъ протестантовъ отъ католиковъ; между тѣмъ проф. Цвѣтаевъ самъ увеличиваетъ такое смѣшеніе: на стр. 440—442 онъ, напримѣръ, разсказываетъ о попыткѣ Бориса Годунова выдать дочь свою за Густава Шведскаго, который, по его же мнѣнію, былъ католикомъ. Изслѣдованіе проф. Цвѣтаева, на нашъ взглядъ, не вполнѣ отвѣчаетъ требованіямъ относительно соразмѣрности частей. Мы согласны съ тѣмъ, что центръ тяжести изслѣдованія долженъ лежать въ вѣроисповѣдномъ вопросѣ, но чрезвычайно важную роль играли и другіе—культурный, экономическій, соціальный, а они изучены проф. Цвѣтаевымъ не съ такою подробностью, какой заслуживали; на нихъ авторъ, вѣроятно, обратилъ свое вниманіе только въ послѣднее время и потому не успѣлъ обработать съ такою подробностью, какъ вопросы церковной исторіи, бывшіе прежде предметомъ его исключительныхъ занятій. Содержаніе книги проф. Цвѣтаева отличается обиліемъ сыраго матеріала и общеизвѣстныхъ подробностей. Авторъ имѣлъ возможность издавать найденные имъ архивные матеріалы отдѣльно и печатать свою работу по частямъ, въ болѣе подробномъ видѣ, въ журналахъ; множество подробностей уже нашло себѣ тамъ помѣщеніе и едва ли была какая-нибудь необходимость загромождать ими новую книгу. Дѣло генерала Баумана, которымъ началъ пользоваться еще Фехнеръ, у проф. Цвѣтаева повторяется четыре раза (въ памятникахъ, въ отдѣльной статьѣ, въ магистерской и докторской диссертаціяхъ). Особенно много общеизвѣстныхъ подробностей въ главахъ, посвященныхъ брачному вопросу и литературной полемикѣ; къ чему было такъ подробно останавливаться на сватовствѣ Іоанна Грознаго за Марію Гастингсъ, на дѣлѣ Вальдемара Датскаго, на спорѣ Грознаго съ Ракитою, московскихъ богослововъ съ Фильгоберомъ, на разборѣ сочиненій Максима Грека и царя Ивана Васильевича, на содержаніи такихъ памятниковъ, какъ «изложеніе на лютеры» и т. п., когда обо всемъ этомъ много говорили гг. С. М. Соловьевъ, Никольскій, Соколовъ, Иконниковъ, преосв. Макарій, неизвѣстный авторъ статьи «Правосл. Собѣс.» (1861, часть 2-я) и мн. др. Достаточно было бы ограничиться относительно брачныхъ дѣлъ прибавленіемъ новыхъ свѣдѣній, а относительно полемическихъ памятниковъ характеристикою ихъ содержанія и опредѣленіемъ литературнаго и историческаго значенія. Во 2-й главѣ, посвященной «свободѣ вѣроисповѣданія протестантовъ неслужилыхъ и проживавшихъ у насъ временно», говорится несравненно больше о пріемѣ посольствъ, о переговорахъ и торговлѣ, чѣмъ о свободѣ вѣры; послѣднія извѣстія могли бы помѣститься на нѣсколькихъ страничкахъ. Какое отношеніе имѣетъ къ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

вѣроисповѣданію то, что напечатано на стр. 143-й (относительно Ганзейскаго посольства), или громадное примѣчаніе (№ 3) на стр. 144—146, гдѣ о религіи вовсе не упоминается, или разсказъ о переговорахъ съ Швеціей (стр. 144—147), гдѣ проф. Цвѣтаевъ говоритъ: «не смотря на такую дробность условій о торговлѣ, въ занимающемъ насъ актѣ о религіозной свободѣ для купцовъ не упоминалось ни однимъ словомъ»; почему же было въ такомъ случаѣ не ограничиться этимъ послѣднимъ замѣчаніемъ? На семи страницахъ (156—162) г. Цвѣтаевъ описываетъ намъ англійскіе торговые дворы для того, чтобы потомъ на шести строчкахъ сообщить, что на этихъ дворахъ останавливались пасторы. Всѣ эти факты, не споримъ, сами по себѣ интересны, но стоятъ не на своемъ мѣстѣ. Нельзя не пожалѣть, что проф. Цвѣтаевъ не далъ намъ хотя краткой но объективной оцѣнки литературы своего предмета, гдѣ были бы указаны какъ положительныя, такъ и слабыя стороны его пособій; правда у него есть такой очеркъ, но, во-первыхъ, онъ относится только къ 1-й главѣ его изслѣдованія, а, во-вторыхъ, на нашъ взглядъ, не удовлетворяетъ требованію— suum cuique tribuere: авторъ недостаточно разъяснилъ, что было сдѣлано въ его области другими. У своего предшественника по работѣ г. Соколова (автора изсл. объ отношеніи протестанства къ Россіи) г. Цвѣтаевъ отмѣчаетъ только недостатки, издѣвается надъ нимъ, но не указываетъ на кое-какія его заслуги. Хотя г. Соколовъ нерѣдко пользуется чужими цитатами, но онъ все-таки собралъ значительное число источниковъ по своему предмету и при томъ не только печатныхъ, но и рукописныхъ (памятниковъ литературныхъ). Онъ первый во всей широтѣ поставилъ вопросъ о протестантахъ въ Московскомъ государствѣ и юго-зап. Руси; на ряду съ странными и невѣрными заключеніями у него попадаются талантливыя характеристики и мѣткія сужденія; таковы, напримѣръ, страницы, посвященныя обозрѣнію памятниковъ противолютеранской полемики; половина книги г. Соколова посвящена исторіи протестанства въ юго-зап. Россіи; г. Цвѣтаевъ ничего не говоритъ объ этомъ, а между тѣмъ ссылается на свою статью, отличающуюся популярнымъ характеромъ. Неосторожно въ одномъ мѣстѣ г. Цвѣтаевъ выразился и о Н. И. Костомаровѣ (прим. на стр. 146). Если же къ самому г. Цвѣтаеву примѣнить строгія требованія относительно пользованія источниками и пособіями, то и онъ окажется не свободнымъ отъ кое-какихъ промаховъ по этой части. Безъ точной оговорки онъ внесъ въ свою книгу почти половину магистерской диссертаціи (около 200-хъ страницъ—двѣ первыя главы ея и часть третьей) [1]. Не всѣ источники, которые приводятся г. Цвѣтаевымъ, имъ должнымъ образомъ изучены. Такъ, напримѣръ, на стр. 270-й (прим. 2-е) мы находимъ у г. Цвѣтаева ссылку на торговый уставъ 1667 г. (П. С. З. I, № 408); онъ дѣйствительно заключаетъ въ себѣ въ высшей степени важныя для автора свѣдѣнія о положеніи иноземнаго купечества въ Россіи;—но въ текстѣ существенныхъ извлеченій изъ этого документа не сдѣлано; если г. Цвѣтаевъ и читалъ этотъ памятникъ, то недостаточно внимательно. То же самое нужно сказать и относительно ссылокъ на стр. 272-й, прим. 1-е.

Если какіе-либо документы напечатаны, то изслѣдователь, пользующійся ими въ архивахъ, все-таки обыкновенно ссылается и на печатныя изданія;

[1]) Все это заняло 150 страницъ въ нынѣшней диссертаціи — вся первая глава, начиная съ 33-й и оканчивая 127-й стр., со всѣми примѣчаніями, часть 2-й, 3-й и 4-й.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

между тѣмъ г. Цвѣтаевъ, разсказывая на стр. 678—680 о дѣлѣ Ѳедора Шиловцова, напечатанномъ полностію у С. М. Соловьева (т. XIII, изд. 1-е, стр. 168—169), ссылается только на Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ; не знать о существованіи этого документа у Соловьева г. Цвѣтаевъ не могъ, потому что онъ помѣщенъ рядомъ съ другимъ, которымъ онъ воспользовался (объ Ивашкѣ Клеопинѣ). Еще примѣръ. Изъ книги г. Цвѣтаева можно вывести заключеніе (ср. стр. 612, 628 и II-ю въ прил.), что вопросъ объ авторствѣ Ивана Насѣдки поставленъ и рѣшенъ имъ однимъ. Мы нисколько не отрицаемъ важной заслуги г. Цвѣтаева при рѣшеніи этого вопроса (онъ доказалъ, что Насѣдка былъ съ русскимъ посольствомъ въ Даніи); но нужно было указать на то, что еще преосв. Филаретъ Харьковскій въ 1859 г. высказалъ мысль о принадлежности «изложенія на лютеры» Ивану Насѣдкѣ («Обзоръ рус. дух. лит.» X. 1859, стр. 319); это же положеніе развивалъ и г. Никольскій. («Тр. Кіев. Дух. Ак.», 1864, т. I-й, стр. 159—162). Выводы изъ источниковъ у г. Цвѣтаева не всегда отличаются должною осторожностью: въ нихъ нерѣдко можно видѣть расширенное толкованіе и натяжки. На стр. 84-й г. Цвѣтаевъ говоритъ о погромѣ кирокъ московскою чернью, (толпа москвичей бросилась и т. д.) и ссылается при этомъ на Олеарія; но у Олеарія говорится только слѣдующее: «изъ нѣмецкихъ церквей повынесены были за это (за насилія г-жи Лесли) проповѣдническія каѳедры и алтари, а далѣе сняты крыши, но впослѣдствіи времени крыши опять были возведены на церквахъ, но алтарей и каѳедръ поставить въ нихъ все-таки не дозволяли» (рус. пер., стр. 372); о толпѣ москвичей здѣсь не говорится ни слова и можно пожалуй предположить, что здѣсь само правительство хотѣло сломать нѣмецкія кирки. На стр. 679-й г. Цвѣтаевъ видитъ «прикровенное» вліяніе иноземной пропаганды тамъ, гдѣ дѣло идетъ несомнѣнно о буйномъ умопомѣшательствѣ или «умоповрежденіи», какъ говорится въ самомъ документѣ: «Новгородецъ Ивашка «началъ забываться», отца своего роднаго и мать хотѣлъ саблею сѣчь, а брата своего посѣкъ саблею, иконы божественныя и книги словами безчестилъ и за людьми гонялся и въ лѣсъ бѣгивалъ и говаривалъ, что онъ, Ивашка, прощалъ и исцѣлялъ многихъ людей, надъ матерью своею родной хотѣлъ неистовое дѣло учинить и самъ ножомъ рѣзался, въ огонь бросался и платья на себѣ далъ называлъ себя великимъ человѣкомъ, царевичемъ». Ивашку повѣсили, но, конечно, потому что не признавали невмѣняемости преступленія по разстроеннымъ умственнымъ способностямъ. Другой случай, приводимый г. Цвѣтаевымъ въ доказательство иноземной пропаганды (стр. 679—680), доказываетъ совершенно противоположное: отрицательный взглядъ на иконопочитаніе зародился у Ѳедора Шиловцева подъ вліяніемъ бесѣдъ съ русскимъ человѣкомъ—дьякомъ казеннаго приказа Захаромъ Онуфріевымъ (стр. 680). Дьякъ сѣтовалъ, что въ Москвѣ продаютъ иконы тамъ же, гдѣ торгуютъ хлѣбомъ «и ему, Ѳедькѣ, съ тѣхъ поръ вмѣстилось въ мысль о иконахъ, что не подобаетъ покланяться»; къ этому присоединилась еще тоска по умершемъ пріятелѣ, отъ которой онъ «ходилъ безъ ума».

Въ сужденіяхъ г. Цвѣтаева, къ сожалѣнію, нерѣдко можно замѣтить противорѣчія. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Какъ разобраться, напримѣръ, въ слѣдующихъ сужденіяхъ: на стр. 122-й г. Цвѣтаевъ заявляетъ, что «широкой свободой общественнаго богослуженія пользовались не одни московскіе протестанты» (но и областные); на стр. 8-й говорится, что вѣро-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

терпимость наша обусловливалась «снисходительностью къ иновѣрію православія»; а на стр. 12-й оказывается, что «иновѣріе по сравненію съ православіемъ было сближено съ невѣріемъ и въ смыслѣ государственно-юридическомъ было только допускаемо, почти лишь терпимо». На стр. 9-й высказывается мнѣніе, что полезныхъ и знающихъ иноземцевъ у насъ было весьма немного, а вся 8-я глава посвящена доказательству того, что иноземцы дали первые толчки къ развитію нашей матеріальной культуры и просвѣщенія. Мысль г. Соколова о широкой пропагандѣ протестантовъ г. Цвѣтаевъ считаетъ невѣрною; на стр. 534-й (прим.) онъ не считаетъ доказаннымъ вліянія протестантовъ на нашихъ вольнодумцевъ, на стр. 598-й прямо допускаетъ его, а на стр. 679 — 680 видитъ его тамъ, гдѣ бы его не открылъ и самъ г. Соколовъ и гдѣ С. М. Соловьевъ видѣлъ только вѣру въ порчу.

На реальной сторонѣ сочиненія я останавливаться долго не буду, ибо это завело бы меня слишкомъ далеко, и укажу только на два-три мнѣнія г. Цвѣтаева, которыя мнѣ представляются невѣрными или неточными.

Г. Цвѣтаевъ сочувствуетъ повидимому перекрещиванію иноземцевъ (стр. 341, 350), установленному соборомъ 1620 г., по настоянію патріарха Филарета, но не указываетъ намъ въ высшей степени важныхъ и убѣдительныхъ мотивовъ, побудившихъ соборъ 1667 г. отмѣнить это постановленіе (См. Доп. къ А. И., V, стр. 495—500), не приводитъ мнѣнія о перекрещиваніи такого авторитета, какъ преосв. Макарій, который говоритъ: «истинная причина, почему возникъ и укоренился въ Россіи этотъ обычай... заключалась въ томъ, что русскіе не имѣли вѣрныхъ и точныхъ свѣдѣній о заблужденіяхъ римской церкви... вслѣдствіе того были убѣждены, будто латиняне суть злѣйшіе изъ всѣхъ еретиковъ и ересь латинская содержитъ всѣ ереси» (т. XI, стр. 30). Въ оцѣнкѣ несчастнаго дѣла принца Вальдемара Датскаго я считаю справедливымъ сужденіе С. М. Соловьева (т. X, стр. 122). На стр. 274-й г. Цвѣтаевъ утверждаетъ слишкомъ рѣшительно, что иноземцы подчинялись однимъ русскимъ законамъ: въ нѣкоторыхъ случаяхъ они судились и по своимъ собственнымъ (см. А. А. Э., III, № 224). Между вѣроисповѣднымъ положеніемъ иноземцевъ въ Новгородѣ и Москвѣ была, по моему мнѣнію, существенная разница, чего не допускаетъ г. Цвѣтаевъ (на стр. 7-й). Разгромъ Нѣмецкой Слободы Грознымъ, г. Цвѣтаевъ правильнѣе объяснялъ раньше (въ магистерской диссертаціи, стр. 24), чѣмъ теперь, когда онъ захотѣлъ смягчить все дѣло (стр. 243). Въ заключеніе два дополненія: въ дѣлахъ приказнаго стола Архива Мин. Юст. г. Цвѣтаевъ найдетъ книги о плѣнныхъ и въѣзжихъ иноземцахъ, сказки о ихъ прежней службѣ, свѣдѣнія о жалованьѣ за крещеніе и т. п., а въ строельной книгѣ Бѣлгорода (1668 г.)—указаніе на существованіе тамъ двора нѣмецкаго пастора.

Д. Багалѣй.

Всеобщая исторія литературы: начата подъ редакціей В. Ѳ. Корша, продолжается подъ редакціей проф. А. Кирпичникова. Выпускъ XXIV. Спб. 1890.

Книжный магазинъ Риккера продолжаетъ акуратно выпускать продолженіе этой весьма полезной и хорошо составленной исторіи, но выходящей слишкомъ медленно и потому неоставляющей никакого цѣлостнаго впечатлѣнія. Въ годъ появляется томъ въ 160 страницъ, а этого конечно мало для

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

такого обширнаго сочиненія, и кончится ли оно хоть во второе десятилѣтіе современи выхода перваго выпуска издатель не говоритъ ни слова. Составитель книги еще почти не касался XIX столѣтія и на чемъ думаетъ остановиться—неизвѣстно. Въ появившемся нынѣ выпускѣ три отдѣльныя статьи. «Вѣкъ просвѣщенія въ Италіи», «Эпоха Гёте и Шиллера» и «Нидерландская литература». Первая статья почему-то вовсе пропущена въ заголовкѣ, а вмѣсто нея внесена «Скандинавская литература», начало которой занимаетъ всего два листка. Очеркъ итальянской литературы чрезвычайно сжатъ: Вико и Бекаріи отведено каждому по 13-ти строкъ, да и то еще съ разными риторическими украшеніями. Такъ, сказавъ, что Вико видитъ въ исторіи не рядъ безсмысленныхъ случайностей и не произволъ провидѣнія, но проявленіе разума, а въ языческихъ религіяхъ не возстаніе безумія противъ Бога, а проявленіе того же духа, что и въ религіи истинной, только на менѣе совершенной ступени,—составитель статьи прибавляетъ, что Вико «удачно пытался приложить критическій ножъ къ Геркулесамъ, Гомерамъ и Ромуламъ». Къ чему эта риторика, проскальзывающая мѣстами и въ другихъ статьяхъ? Изъ поэтовъ очерчены очень коротко Парини, Касти и нѣсколько подробнѣе Альфіери. Но вмѣсто оцѣнки лучшихъ трагедій итальянскаго драматурга: «Филиппъ II», «Антигона», «Заговоръ Пацци» и др. приведенъ разборъ одной изъ слабѣйшихъ пьесъ «Марія Стюартъ». При разборѣ произведеній Монти для чего-то приведено въ подлинникѣ и даже въ переводѣ на русскій языкъ—начало его перевода Иліады, который самъ авторъ статьи признаетъ «не особенно удачнымъ», но который положительно слѣдуетъ считать «особенно неудачнымъ».

Время Гёте и Шиллера очерчено вѣрно и интересно, но исторія ихъ работъ, вліянія и значенія, поминутно прерывается біографіями и разборами произведеній современныхъ имъ писателей. Вести паралельно и хронологически оцѣнку трудовъ писателей одной эпохи, но съ различными дарованіями и тенденціями—дѣло вообще не легкое, и нельзя сказать, чтобы авторъ статьи далъ вполнѣ удовлетворительную картину гетевской эпохи и характеристику лицъ, окружавшихъ великаго писателя и ихъ отношеній къ нему. Вмѣстѣ съ разборомъ произведеній Гёте, авторъ говоритъ и о тѣхъ его произведеніяхъ, которыя были задуманы, но не исполнены и, послѣ превосходной оцѣнки «Вертера», разсказываетъ содержаніе поэмы «Агасферъ», въ которой Іуда является не предателемъ, а революціонеромъ. Отношенія Гёте къ Веймарскому герцогу и Шиллеру обрисованы вѣрно и рельефно. Отказъ поэта отъ управленія придворнымъ театромъ мотивированъ приглашеніемъ герцогомъ скомороха Карстена съ его собакой, игравшей роль въ мелодрамѣ «собака Монтаржи» (а не Монтаргиса, какъ пишетъ авторъ статьи). Но и при самой вѣрной оцѣнкѣ произведеній, дѣло не обходится безъ риторики. Такъ, говоря объ успѣхѣ «Вильгельма Телля», игранаго въ 1804 году, авторъ прибавляетъ, что Шиллеръ въ своей драмѣ былъ пророкомъ и предсказалъ побѣду національнаго духа надъ тираніей Наполеона. Но хотя Шиллеръ былъ всегда врагомъ всякой тираніи, въ восемьсотъ четвертомъ году трудно было предсказывать ея паденіе. «Насталъ давно ожидаемый день, говоритъ авторъ статьи: народы возстали за милую отчизну; смоленскіе крестьяне оправдали слова Шиллера». Къ чему тутъ понадобились именно смоленскіе крестьяне?—и не придумаешь. О «Фаустѣ» сказано очень мало. Приведя легенду, изъ которой Гёте взялъ канву своего безсмертнаго произведенія, авторъ цити-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

руетъ слова Штерна о томъ, что никому не удавалось въ короткихъ словахъ дать понятіе обо всей силѣ, полнотѣ содержанія и художественномъ совершенствѣ Фауста, и затѣмъ прибавляетъ: «не будемъ и мы браться за невозможную задачу». Но задача эта очень возможна, что доказываютъ сотни томовъ написанные о Фаустѣ. Да и гдѣ же говорить подробно объ этой поэмѣ какъ не въ исторіи литературы? Вѣдь нашелъ же въ ней русскій авторъ «недостатокъ единства, противорѣчія и непослѣдовательность, хотя они также мало вредятъ поэмѣ какъ Иліадѣ и пѣсни о Нибелунгахъ». (Нибелунги—какъ грубый, необработанный народный эпосъ нельзя ставить на одну доску съ Иліадою и Фаустомъ). Едва ли также умѣстна фраза «Фаустъ—каждый изъ насъ въ тѣ минуты, когда мы перестаемъ быть рабами мелочей жизни и становимся людьми изъ титулярныхъ совѣтниковъ, комерсантовъ и пр.». Къ чему тутъ опять титулярные совѣтники? Послѣдніе годы Гёте очерчены также слишкомъ коротко, а между тѣмъ семидесятилѣтній старикъ работалъ также энергично какъ въ 20 лѣтъ, занимался археологіей, исторіей искуствъ, химіей, греческой, англійской, испанской, восточной литературой; на 74 году онъ влюбился, и молоденькая фонъ-Левецовъ готова была выдти за него замужъ, но онъ помнилъ еще свой неровный бракъ съ Христиной Вульпіусъ и не захотѣлъ подвергнуться посмѣянію. Вторая часть Фауста вышла, когда ему былъ 81 годъ. Послѣ нея онъ не прожилъ двухъ лѣтъ. **В. З.**

Георгъ Бузольтъ. Очеркъ государственныхъ и правовыхъ греческихъ древностей. Переводъ съ нѣм. студентовъ Императорскаго Харьковскаго университета. Харьковъ. 1890.

Привѣтствуемъ появленіе русскаго перевода «Греческихъ древностей» Георга Бузольта. Нѣмецкій подлинникъ этой книги, заключающій въ себѣ обзоръ государственныхъ и правовыхъ древностей Греціи, вошелъ, какъ составная часть, въ извѣстный сборникъ руководствъ по различнымъ отдѣламъ классической филологіи, предпринятый эрлангенскимъ профессоромъ Ив. Мюллеромъ, и, подобно прочимъ частямъ означеннаго сборника, отличается многими выдающимися достоинствами. Изложеніе Бузольта всегда просто, сжато и ясно; весь матеріалъ въ его сочиненіи распредѣленъ по весьма удобному, строго обдуманному плану, нигдѣ не обнаруживающему замѣтныхъ пробѣловъ; выборъ фактовъ сдѣланъ умѣлою рукою, и группировка ихъ вполнѣ самостоятельна. Представляя собою результатъ многолѣтняго критическаго изученія находящихся въ нашемъ распоряженіи памятниковъ древности, трудъ Бузольта не есть простая компиляція и самъ по себѣ имѣетъ серьезное научное значеніе. Во многихъ отдѣлахъ своихъ онъ объединяетъ прежнія спеціальныя работы автора и подводитъ итогъ его изслѣдованіямъ по различнымъ частнымъ вопросамъ греческой исторіи и древностей. Съ другой стороны онъ можетъ также служить прекраснымъ пособіемъ и для начинающихъ филологовъ: въ немъ есть методологическія указанія относительно пользованія источниками, есть общій очеркъ исторіи науки и, наконецъ, въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ и въ мелкомъ шрифтѣ самого текста, разсѣяно множество очень цѣнныхъ библіографическихъ указаній, позволяющихъ человѣку, интересующемуся тѣмъ или другимъ вопросомъ, сразу оріентироваться въ литературѣ предмета. Эти указанія относительно полноты и точности почти не оставляютъ желать

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ничего лучшаго, и тотъ, кому извѣстна разрозненность и дробность относящагося сюда матеріала, долженъ отдать справедливость учености и трудолюбію почтеннаго автора, не упустившаго изъ виду ничего существеннаго.

Русскій переводъ книги Бузольта снабженъ предисловіемъ и нѣкоторыми важными добавленіями, принадлежащими перу самого автора. Изъ этого можно заключить, что переводчики (студенты императорскаго Харьковскаго университета) дѣйствовали съ разрѣшенія и при непосредственномъ участіи кильскаго профессора, рѣшившагося пустить свое произведеніе «hinaus in das weite Czarenreich» въ болѣе обработанномъ и дополненномъ видѣ. Сравнительно съ нѣмецкимъ изданіемъ книги новыми являются: a) статья о Ликургѣ (§ 81), видоизмѣненная и дополненная на основаніи изслѣдованій Виламовица и Эд. Мейера; b) статья о родахъ и фратріяхъ (§ 158), переработанная главнымъ образомъ по Тёпферу; c) двѣ главы объ ахейскомъ и этолійскомъ союзахъ (§§ 248—254), отсутствовавшія въ оригиналѣ и написанныя Бузольтомъ спеціально для русскаго изданія.

Переводъ сдѣланъ добросовѣстно, читается довольно легко и снабженъ указателемъ русской ученой литературы по греческимъ древностямъ. Можно было бы, пожалуй, поставить въ упрекъ переводчикамъ лишь нѣкоторый произволъ въ передачѣ собственныхъ именъ и техническихъ терминовъ. Такъ напр. гг. А. (М.+В.) пишутъ всюду «буле» (=βουλή) и сочетаютъ это слово съ среднимъ родомъ прилагательныхъ (напр. «старинное димократическое буле» стр. 172), но съ другой стороны—«пробола» (προβολή), «фила» (φυλή) и проч. Принявъ за правило слѣдовать эразмовскому произношенію въ транскрипціи греческихъ названій, они часто безъ необходимости уступаютъ традиціи и читаютъ по Рейхлину (напр. «эйсангелія», «періойки», «метойки», «проэйсфора» и проч., но — «сисахѳія», «илоты», «эллины», «литургія» и т. п.).—На стр. 153 встрѣчаемъ слѣдующее: «законы были начертены бустрофедономъ» (въ подлинникѣ: «die Gesetze wurden in Bustrophedonschrift aufgezeichnet»). Греческое «βουστροφηδόν» есть нарѣчіе и таковымъ оно должно было бы остаться и въ русской передачѣ.—Слова на ον и ειον не совсѣмъ послѣдовательно то удерживаютъ греческую флексію (дельфиніонъ, пританейонъ, палладіонъ и проч.), то отбрасываютъ ее (ѳеорикъ, гимнасія). Вообще гг. переводчики съ выгодою для книги могли бы замѣнить нѣкоторыя греческія выраженія ихъ русскими эквивалентами. Въ этомъ отношеніи законна и желательна была бы даже нѣсколько меньшая близость къ оригиналу. Вотъ взятые на удачу примѣры:

Стр. 124: «Πρέσβος потрономовъ былъ эпонимнымъ сановникомъ государства».

Стр. 184: «полная атимія не только лишала ἄτιμος всѣхъ политическихъ правъ» и т. д. (въ нѣм, подлин. «den ἄτιμος»).

Стр. 202: «При эвѳинахъ стратеговъ предсѣдателями были ѳесмоѳеты». Неудобство выраженія «эвѳины» (εὔθυναι) состоитъ здѣсь между прочимъ въ томъ, что вездѣ въ предыдущемъ изложеніи названіе «эвѳины» означаетъ не «отчеты», а слѣдившій за отчетностью должностныхъ лицъ институтъ (εὔθυνοι).

Такихъ шероховатостей въ книгѣ, правда, не много, но и устраненіе этихъ немногихъ было бы кстати въ сочиненіи, которое, вслѣдствіе сжатости изложенія, страдаетъ отчасти сухостью. Впрочемъ, эти и подобные чисто внѣшніе недостатки и недосмотры нисколько не умаляютъ крупныхъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

достоинствъ работы, добровольно принятой на себя гг. студентами Харьковскаго университета, и мы можемъ смѣло рекомендовать любителямъ исторіи ихъ трудъ, какъ прекрасное пособіе при изученіи государственнаго и юридическаго строя древне-греческихъ политій.

Переводъ «Древностей» Бузольта изданъ очень опрятно и при сравнительно довольно большомъ объемѣ (V+320 стр.) стоитъ не дорого, (1 р. 50 к.).

А. Н. Д—р—ъ.

Очерки изъ исторіи Литовско-русскаго права. Вып. I. Помѣстья Литовскаго государства. Вып. II—черты семейнаго права XVI в. Соч. професс. М. Ф. Владимірскаго-Буданова. Кіевъ. 1890.

Вопросъ о помѣстномъ правѣ, объ имущественныхъ правахъ на землю, до сихъ поръ еще можетъ считаться вопросомъ открытымъ, какъ въ исторіи русскаго, такъ и въ исторіи западно-русскаго права. Причина такого явленія въ нашей историко-юридической наукѣ заключается въ недостаткѣ изданнаго матеріала, въ недостаткѣ подготовительныхъ работъ по этому вопросу, безъ чего, конечно, трудно, да врядъ ли и возможно даже, придти къ какимъ-либо положительнымъ результатамъ. Въ самомъ дѣлѣ, «Указная книга помѣстнаго приказа» — основной матеріалъ по этому вопросу, безъ котораго немыслимо никакое изслѣдованіе въ этой области, удовлетворительно издана только въ этомъ году г. Сторожевымъ [1]). До этого времени въ распоряженіи изслѣдователя былъ неисправный во всѣхъ отношеніяхъ текстъ, напечатанный г. Сахаровымъ, представляющій кромѣ того въ настоящее время библіографическую рѣдкость [2]) и выдержки изъ него, помѣщенныя проф. Владимірскимъ-Будановымъ въ его христоматіи [3]). Выдержки эти, хотя издатель и сдѣлалъ въ нихъ необходимыя поправки, заключаютъ въ себѣ, какъ показываетъ сличеніе ихъ съ ново-изданнымъ текстомъ, довольно грубыя ошибки и потому не удовлетворяли научнымъ требованіямъ. Въ такомъ же положеніи находился занимающійся исторіей Литовско русскаго права. Здѣсь издатели обращали до сихъ поръ свое вниманіе на политическую исторію и сообразно съ этимъ выбирали для изданія акты преимущественно государственнаго характера; такимъ образомъ самые важные документы по исторіи частнаго права, находящіеся въ Литовской Метрикѣ, оставались до сихъ поръ неизданными. Послѣ этого понятно, почему всякое изслѣдованіе въ этой области вообще, а такого автора, какъ профес. Владимірскій-Будановъ въ частности, не можетъ пройти незамѣченнымъ.

Проф. Владимірскій-Будановъ, въ первомъ выпускѣ своихъ очерковъ, основываясь главнымъ образомъ на III книгѣ Записей Литовской Метрики, поставилъ своей задачей разъяснить довольно странное на первый взглядъ противорѣчіе, заключающееся въ матеріалахъ по этому вопросу. Противорѣчіе это состоитъ въ слѣдующемъ. По буквальному смыслу многихъ и при томъ важныхъ историческихъ источниковъ, «право собственности на землю не принадлежало никому въ Литовско-русскомъ государствѣ до общеземскихъ

---

[1]) Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи, т. VI, Москва, 1889, отд. III, стр. 1—212.

[2]) «Русскій Вѣстн.» 1842 г., № 11 и 12.

[3]) Христоматія по исторіи русскаго права, 1875 г. Вып. III, стр. 200.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

привилегій Казиміра, Александра и Сигизмунда I, или даже до 1-го Статута. Владѣльцы земли были только владѣльцами: ни распоряжаться при жизни, ни на случай смерти (чрезъ завѣщанія) этими имуществами они не могли безъ воли и согласія вел. князя. Даже право родового наслѣдованія въ упомянутыхъ имуществахъ не существовало, отъ воли вел. князя зависѣло допустить или не допустить переходъ имущества къ законнымъ наслѣдникамъ.... Съ другой стороны нѣкоторые частные акты того времени, уцѣлѣвшіе до насъ, повидимому даютъ обратное указаніе: сдѣлки (купли—продажи, даренія, завѣщанія, мѣны и пр.) на землю совершались повидимому свободно, не только послѣ привилегіи Казиміра и Александра, но и до нихъ». Разъясненію этого факта, чрезвычайно важнаго для исторіи права собственности не только въ Литовскомъ государствѣ, но и въ цѣломъ ходѣ исторіи русскаго права, и посвященъ весь первый выпускъ. Опредѣливши сначала самый предметъ пожалованія, который въ большинствѣ случаевъ представлялъ собой землю «пустую» или населенную, при чемъ люди, которые шли въ пожалованіе, могли принадлежать ко всѣмъ разрядамъ тяглаго и служилаго сельскаго населенія, авторъ переходитъ къ опредѣленію власти, распоряжавшейся пожалованіями. Властью этой былъ князь, который раздавалъ землю своимъ служилымъ людямъ, какъ плату за службу. Во время его отсутствія этимъ распоряжалась Рада, хотя распоряженія эти нуждались въ окончательномъ подтвержденіи со стороны князя. Лицо, желавшее получить тотъ или другой участокъ земли, подавало объ этомъ просьбу князю, который выдавалъ на это грамоту, послѣ чего уже слѣдовало увязанье, т. е. вводъ во владѣніе. Единственнымъ и самымъ главнымъ условіемъ, подъ которымъ можно было получить участокъ земли, была—служба князю съ земли. Такъ напр. великій князь позволяетъ князю Воротынскому передать пожалованныя ему волости дѣтямъ въ наслѣдство при чемъ говоритъ: «а узрѣвши его вѣрную службу къ намъ, то учинили; и его дѣтямъ такожъ съ того вѣрно намъ служити». Такимъ образомъ, пользователь владѣлъ своимъ участкомъ временно, до тѣхъ только поръ, пока былъ въ силахъ служить. Какъ же при такомъ условіи пожалованіе могло въ концѣ концовъ сдѣлаться полной собственностью, «вотчиной»? Происходило это, конечно, не сразу. Какъ было сейчасъ замѣчено, большая часть помѣстій давалась на время, пока владѣлецъ въ состояніи правильно нести свою служебную повинность. Если самъ помѣщикъ устарѣлъ, но имѣетъ взрослаго сына, который принимаетъ на себя всѣ служебныя обязанности, то участокъ остается при немъ. Наконецъ, если отецъ умираетъ, то почему стороннее лицо будетъ болѣе выгоднымъ для государя владѣльцемъ, чѣмъ сынъ умершаго помѣщика? Понятно, что предоставивъ участокъ сыну, государь ничего не теряетъ. Черезъ нѣкоторое время этотъ обычай до того укореняется, что государь отдаетъ участокъ земли другому лицу въ томъ только случаѣ, если прежній владѣлецъ умеръ «безъ наслѣдки». «Просилъ, говорится въ одномъ актѣ, медничанинъ Юшко земли пустое на имя Дробовщины, а наслѣдкадей нѣтъ.... ино будетъ ли такъ, и король великій князь далъ на службу на боярскую». Также въ другомъ мѣстѣ: «Синьцу повару домъ в земля дьяка его Мелешкова, ажъ не будетъ близшого наслѣдка». Въ случаѣ, если наслѣдникомъ остается дочь, то участокъ передается ея мужу. Наконецъ, за старостію владѣльца и за отсутствіемъ наслѣдника, князь могъ пожаловать имѣніе какому угодно другому служилому человѣку,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

но съ обязательствомъ принять вмѣстѣ съ землей всю семью прежняго помѣщика. Все это пріучало смотрѣть на казенную, если такъ можно выразиться, землю, какъ на свою собственность. Помѣщикъ не имѣлъ права только распоряжаться своей землей самостоятельно, но съ разрѣшенія князя допускалась и мѣна, и купля, и продажа. Такимъ образомъ, формы частнаго права были на лицо, не доставало только духа—идеи собственности. Этотъ недостатокъ восполнило собой время, право давности, позволявшее владѣльцу смотрѣть на пожалованный ему участокъ земли, поглотившій трудъ нѣсколькихъ поколѣній, какъ на свою собственность. Отнятіе такого имѣнія было бы обидой, а что такое обида, какъ не нарушеніе правъ, хотя бы сознаніе ихъ крылось еще только въ зародышѣ? Вотъ тотъ постепенный процессъ, какимъ созидалось право собственности со временъ доисторическихъ, на сколько это можно было передать въ общихъ чертахъ.

Главнымъ предметомъ второго выпуска, по словамъ автора «служитъ не столько исторія семейнаго права самого въ себѣ, сколько исторія обычнаго права въ примѣненіи къ семейнымъ отношеніямъ». Наблюдая обычное право въ Литовско-русскомъ государствѣ XVI в., авторъ замѣтилъ здѣсь подтвержденіе общаго этнографическаго закона, по которому коренные народные обычаи измѣняются въ странѣ не сразу, постепенно уступаютъ напору цивилизаціи, при чемъ болѣе глухіе уголки, удаленные отъ центровъ, удерживаютъ старину гораздо дольше, чѣмъ самые центры, ассимилирующіе собой остальное населеніе. Это дало возможность автору установить три географическихъ стадіи въ развитіи права: а) южно-русская украинская полоса, гдѣ сдѣлки брака и развода жители заключали безъ участія церкви и даже безъ участія свѣтской власти, которой лишь послѣ заявляли о совершившемся фактѣ, при чемъ платили пошлину (поемщизну, развод); б) обыкновенные провинціальные города внутренней территоріи, гдѣ за такимъ же заключеніемъ брака слѣдовалъ церковный «шлюбъ» и, наконецъ, в) главные культурные центры государства, въ которыхъ можно наблюдать соціальное разнообразіе обычнаго права. Низшіе классы здѣсь, какъ и на окраинахъ, придерживаются стараго невѣнчальнаго брака, получившаго начало въ доисторическія времена. Еще въ XII в. даже «не было у простыхъ людей благословеннаго вѣнчанія; вѣнчались только бояре и князья». Только въ половинѣ XVI в. подъ вліяніемъ многовѣковыхъ усилій церкви въ центральныхъ городахъ Литовско-русскаго государства начинаетъ утверждаться церковное вѣнчаніе, какъ главная форма законнаго брака, хотя на ряду съ ней продолжаетъ существовать также и прежняя. Свѣтская власть не признавала юридическаго значенія послѣдней формы брака въ томъ только случаѣ, когда кто-либо изъ супруговъ подавалъ поводъ къ иску въ судѣ. Въ случаѣ невозможности осуществить нравственныя цѣли брака, или же въ случаѣ семейныхъ несогласій, по обычному праву, первоначально мужъ могъ по собственной волѣ отпустить жену, но при болѣе высокомъ развитіи личныхъ правъ, происходилъ обоюдный разводъ: супруги составляли запись, въ которой взаимно другъ друга освобождали отъ брачныхъ обязательствъ. Остатокъ прежняго рабскаго положенія жены уцѣлѣлъ въ томъ, что, хотя согласіе было обоюднымъ, запись подавалъ мужъ, заявляя, что «онъ освобождаетъ жену свою и чинитъ вольною». Что касается до взаимныхъ отношеній между мужемъ и женой, то они строились на чисто экономическихъ основахъ. Поэтому власть мужа надъ женой въ XVI в., не смотря

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

на довольно гуманныя постановленія Судебника Казиміра IV (1468 г.), представляется на первый взглядъ суровымъ остаткомъ варварской эпохи, рабства жены. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ примѣры, гдѣ мужъ закладываетъ свою жену, отдаетъ ее въ срочное рабство. Но здѣсь, какъ совершенно вѣрно замѣтилъ проф. Владимірскій-Будановъ, «мы должны постоянно имѣть въ виду, что имѣемъ дѣло съ той экономической средой, гдѣ рѣчь можетъ идти не о правѣ мужа и подчиненіи этому праву жены, а о томъ, какъ бѣдная семья старалась устроиться лучше съ общаго согласія членовъ ея». Доказательствомъ такого взгляда можетъ служить также положеніе мужа—«примака», вошедшаго черезъ бракъ въ домъ жены. Положеніе такого мужа бывало иной разъ очень незавидно, какъ это доказываетъ жалоба одного изъ такихъ мужей, Павла Лыко, на свою жену Ягнешку Мисковну. «Будучи моей женою, писалъ онъ, и живя со мною въ супружествѣ уже не мало времени, она безъ всякихъ причинъ меня изъ дому выгоняетъ, забиваетъ и другихъ людей научаетъ бить». Заканчиваетъ свой очеркъ авторъ опредѣленіемъ родительской власти, которая отличалась гораздо большей строгостью, чѣмъ власть мужа. Родители могли закладывать не только своихъ дѣтей, но даже и зятьевъ, признавали за собой и даже практиковали право продавать дѣтей въ рабство, хотя проф. Владимірскому-Буданову удалось найти нѣсколько случаевъ изъ судебной практики, показывающихъ, что судьи въ половинѣ XVI в. не признавали такого рода сдѣлокъ и уничтожали ихъ на основаніи права «Божьяго и христіанскаго», считая это дѣло «негоднымъ» съ чисто моральной точки зрѣнія. **В. Б.**

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

Къ характеристикѣ терпимости императора Іосифа II: условныя льготы въ пользу некатоликовъ; отношеніе къ сектантамъ; распоряженіе на счетъ монастырскихъ библіотекъ; уничтоженіе книгъ; отношеніе къ книгопечатанію; тѣлесное наказаніе для писателей.—Новѣйшая Антигона; дочь Маріи Антуанеты въ Тамплѣ; обмѣнъ санкюлотовъ на принцессу; мужество герцогини Ангулемской; вліяніе ея на Карла X; образъ жизни ея въ изгнаніи.—Смерть генерала Шарля Пишегрю: преслѣдованіе его Бонапартомъ; допросъ Пишегрю полицейскимъ префектомъ; протоколъ объ удушеніи генерала; свидѣтельство Бошъ-Бореля объ этомъ удушеніи.—Незаконный сынъ Людовика XV—генералъ Конвента: свѣдѣнія изъ дневника маркиза д'Аржансона; служебная карьера графа де Бофранше—д'Айя—на пользу республики; отреченіе его отъ своего сословія, вознагражденное пенсіей отъ Комитета Общественнаго Спасенія.—Политика императрицы Евгеніи: антилиберализмъ ея и стремленіе къ ограниченному вліянію на императора Наполеона III; ненависть ея къ Оливье и генералу Флёри.—О происхожденіи Наполеона III отъ голландскаго адмирала Вергуэля, по разсказу бонапартиста Эмиля Марко де Сентъ-Илера.—Республиканскій календарь: его утопичность; «національные» праздники; овощные патроны французской республики.—Наполеонъ I и панорамы.

ЪЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ терпимости Іосифа II. По случаю наступившаго въ нынѣшнемъ году столѣтія кончины императора Іосифа II въ Австріи появилось не мало историческихъ воспоминаній и документальныхъ свѣдѣній о знаменитомъ императорѣ. Въ ряду подобнаго рода изданій выдающійся интересъ представляетъ книжка австрійскаго историка, профессора Г. Вольфа, подъ заглавіемъ «Josephina». Въ ней, между прочимъ, собраны резолюціи императора по разнымъ государственнымъ вопросамъ. Любопытно, что терпимость императора къ христіанамъ не католикамъ и къ евреямъ была слѣдствіемъ не человѣколюбія его или какихъ-либо теоретическихъ соображеній. Императоръ въ данномъ случаѣ имѣлъ въ виду утилизированіе этихъ силъ въ интересахъ государственныхъ. Поэтому и всякія льготы допускались имъ по стольку, по скольку онѣ могли служить его чисто-практическимъ цѣлямъ. Но все, что̀ стремилось выйти изъ-за этихъ предѣловъ,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

и добиться полной свободы совѣсти, встрѣчало въ немъ рѣшительнѣйшее противодѣйствіе. Императоръ призналъ многія льготы въ пользу протестантовъ, но въ то же время онъ зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобъ число ихъ прозелитовъ не возростало, и въ этихъ видахъ установилъ для нихъ значительныя ограниченія, ощутительно нарушавшія принципъ равноправности.

Еще строже онъ относился къ вновь возникавшимъ сектамъ и ко всѣмъ тѣмъ, которые отступали отъ существующихъ исповѣданій. Въ 1782 году въ Пардубицкомъ округѣ 42 жителя объявили, что они—израилиты, вѣруютъ только въ Бога, но не признаютъ никакого религіознаго закона. Императоръ поручилъ Кёнигсгрецкому епископу и начальнику названнаго округа подѣйствовать на сектантовъ увѣщаніемъ. «Если же и послѣ того они не откажутся отъ своего заявленія, что они—израилиты, въ такомъ случаѣ съ ними слѣдуетъ поступить по правиламъ Моисеева закона и обязать ихъ немедленно совершить надъ собой обрѣзаніе, которое навѣрное окажется дѣйствительнѣе всякихъ дальнѣйшихъ увѣщаній. Если же они совершатъ обрядъ обрѣзанія, то, значитъ, они евреи и съ ними надлежитъ поступить, какъ съ евреями, т. е. считать ихъ неспособными владѣть земельной собственностью». Эти мнимые израилиты при ближайшемъ разслѣдованіи объявили себя «деистами» и не пожелали присоединиться къ христіанству. Императоръ повелѣлъ отправить ихъ на военную границу, продать ихъ недвижимую собственность и назначить опекуновъ для ихъ дѣтей, которые должны были воспитываться, какъ христіане.

Не безъинтересны распоряженія Іосифа II относительно имуществъ закрываемыхъ монастырей и библіотекъ семинарій. Многія цѣнныя книги и рѣдкости погибли вслѣдствіе этихъ распоряженій. Иначе и быть не могло. Приказано было, напримѣръ, составлять списки книгъ найденныхъ въ церковныхъ и семинарскихъ библіотекахъ, и оставлять только «хорошія» сочиненія, а «всѣ казуистическія, аскетическія и богословскія, распространеніе которыхъ можетъ наносить ущербъ истинному просвѣщенію, должны продаваться какъ макулатура». Вольфъ полагаетъ, что вина здѣсь за пропажу цѣнныхъ изданій падаетъ всецѣло на низшія власти, а не на императора. Но позволительно спросить, развѣ императоръ не зналъ, что эти власти совершенно некомпетентные судьи въ литературныхъ и научныхъ вопросахъ, да и вообще прилично ли «истинному просвѣщенію» подражать «нетерпимости» и уничтожать книги?

Характерно отношеніе Іосифа II и къ книгопечатанію и къ книжной торговлѣ. Императоръ высказывался противъ какихъ бы то ни было ограниченій въ этомъ дѣлѣ, но мнѣніе его о немъ было весьма низменное. «Кто запасся литерами, краской, бумагой и прессомъ»—рѣшилъ императоръ въ іюлѣ 1788 года—«тотъ можетъ печатать, какъ вяжутъ чулки; печатающій книги можетъ ихъ продавать, но съ тѣмъ, чтобы всѣ онѣ подчинялись законамъ общественной полиціи и цензуры. Требовать какихъ-либо аттестатовъ или дипломовъ отъ того, кто желаетъ заниматься книжной торговлей, чистѣйшій абсурдъ. Чтобъ торговать книгами нужно имѣть не болѣе знаній, чѣмъ для торговли сыромъ, каждый долженъ изготовлять только такія книги или сыры, на какія существуетъ больше спроса?» Императоръ разочаровался въ свободѣ печати и въ январѣ 1789 г., повелѣлъ установить гербовый сборъ для періодическихъ изданій, брошюръ и пьесъ, «дабы умѣрить писателей», а въ октябрѣ того же года сдѣлалъ распоряженіе, чтобъ авторы,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

печатающіе за границей свои отвергнутыя на родинѣ сочиненія, подвергались тѣлесному наказанію, а не денежному штрафу.

— Новѣйшая Антигона. Дочь Маріи Антуанеты, пережившая въ тюрьмѣ отца и мать, брата и тетку Елизавету, герцогиня Ангулемская, принимавшая участіе въ важнѣйшихъ событіяхъ въ періодъ первой имперіи и реставраціи во Франціи, до сихъ поръ не имѣетъ своего біографа, не смотря на то, что ея жизнь полна интереснѣйшихъ моментовъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ данныя о ней, разсѣянныя въ различныхъ мемуарахъ и письмахъ. Вѣнскій профессоръ Вертеймеръ недавно сдѣлалъ попытку вкратцѣ намѣтить важнѣйшія черты изъ жизни дочери Маріи Антуанеты и Людовика XVI. Ее звали Маріей Терезіей, въ честь ея бабки, австрійской императрицы. 14-ти лѣтъ она была заключена въ Тампль, гдѣ для нея настали времена горькихъ лишеній, вмѣсто того блеска, который ее окружалъ въ Версальскомъ дворцѣ. Въ написанномъ ею «Récit des événements arrivés au Temple» принцесса разсказываетъ: «строгость нашей стражи усиливалась съ каждымъ днемъ. Во время моего урока съ матерью чиновникъ изъ муниципалитета всегда стоялъ за моей спиною и изъ за плечей заглядывалъ въ тетрадки, такъ какъ вѣчно боялись заговоровъ. Однажды отцу принесли нумеръ газеты, замѣтивъ, что въ немъ есть нѣчто важное. Но въ этомъ нумерѣ было сказано, что слѣдуетъ зарядить пушку головой короля. Не разъ муниципальные чиновники принимались насъ оскорблять и угрожали намъ всѣмъ смертью, какъ только явится непріятель». Марія Терезія или Madame Royal, какъ ее называли въ тюрьмѣ, была отдѣлена отъ родителей и родныхъ, которые одинъ за другимъ сложили головы на плахахъ, и принцесса тогда ничего не знала объ этомъ. 15 мѣсяцевъ она оставалась изолированной отъ всего свѣта. Это одиночество внушило ей такое отчаяніе, что она жаждала смерти, какъ искупленія.

Паденіе Робеспьера и смерть ея брата повліяли на нѣкоторую перемѣну въ ея положеніи. Тутъ г-жа Турзель, бывшая гувернантка ея, добилась разрѣшенія посѣщать свою воспитанницу въ тюрьмѣ. Вскорѣ жители Орлеана, по смерти дофина, подали въ національный конвентъ петицію объ освобожденіи принцессы и объ отправкѣ ея къ роднымъ. 30-го іюня 1795 г. конвентъ постановилъ передать Марію Терезію вѣнскому двору въ обмѣнъ на французовъ, находившихся въ австрійскомъ плѣну. Императоръ Францъ изъ любви къ своей несчастной кузинѣ согласился на этотъ обмѣнъ санкюлотовъ на принцессу королевской крови. 15-го декабря 1795 г. Марія Терезія, въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ, въ полночь оставила Тампль и подъ именемъ Софьи, 9-го января 1796 г. прибыла въ Вѣну. Здѣсь она впервые облеклась въ трауръ по своимъ родителямъ и ближайшимъ родственникамъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, она переселилась ко двору Людовика XVIII въ Митаву. Здѣсь 10-го іюня 1799 г. она вышла замужъ за герцога Ангулемскаго, сына впослѣдствіи короля Карла X. Съ этого времени Марія Терезія навсегда примкнула къ дѣлу французскаго королевства, какъ того добивался Людовикъ XVIII. Герцогиня теперь стремилась во Францію. Но это было невыполнимо, пока Наполеонъ I царилъ въ Европѣ. Между тѣмъ изъ Митавы дворъ Людовика XVIII переселился въ Гартуелль въ Англіи. Король жилъ здѣсь большимъ бариномъ, предаваясь наслажденіямъ, какія доставляли его изысканному вкусу искусство и литература. Но герцогиня не находила удовлетворенія въ подобныхъ удовольствіяхъ. Она жаждала дѣя-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

тельности и возможности жить во Франціи. Наконецъ, палъ Наполеонъ и Бурбоны вступили въ Парижъ. Счастье ихъ было не продолжительно. Тронъ ихъ зашатался съ новымъ появленіемъ Наполеона. И въ то время, когда Людовикъ XVIII и весь его дворъ потеряли голову, одна только герцогиня Ангулемская обнаружила мужество и рѣшительность. Она взяла на себя оборону Бордо и въ данномъ случаѣ выказала себя такой рѣшительной, что самъ Наполеонъ такъ аттестовалъ ее: «она—единственный мужчина въ цѣлой фамиліи». Однако, всѣ усилія оказались напрасными. Армія измѣнила королевскому знамени въ пользу своего побѣдоноснаго полководца. И герцогиня опять должна была отправиться въ изгнаніе. Это новое разочарованіе произвело на нее глубокое впечатлѣніе и окончательно очерствило ея характеръ, жесткость котораго зародилась еще во времена узничества ея въ Тамплѣ. Она покинула Бордо. Но ея геройское противодѣйствіе Наполеону сдѣлало ее въ глазахъ роялистовъ мученицей, и въ виду страданій, перенесенныхъ ею раньше и теперь, Людовикъ XVIII называлъ ее «новѣйшей Антигоной».

Послѣ кратковременнаго господства въ теченіе ста дней, Наполеонъ навсегда былъ изгнанъ на островъ св. Елены и Бурбоны вторично въѣхали въ Парижъ. Теперь герцогиня Ангулемская еще энергичнѣе ухватилась за идеалъ своей жизни, за водруженіе знамени незапятнаннаго роялизма. Она тѣснѣе, чѣмъ когда-либо, примкнула къ дѣлу своего тестя, графа д'Артуа, который въ изгнаніи ничему не научился и ничего не забылъ. Одилонъ Барро утверждаетъ, что герцогиня зачастую оказывала вліяніе на тестя, который послѣ Людовика XVIII занялъ престолъ Франціи подъ именемъ Карла X. Когда ультрароялистскій министръ Виллель былъ удаленъ, герцогиня сказала королю: «этимъ рѣшеніемъ вы спустились съ первой ступени вашего трона!»

Роковая ошибка герцогини заключалась въ томъ, что она не отдавала себѣ отчета въ новыхъ условіяхъ, созданныхъ революціей. Она была склонна винить новое положеніе за всѣ излишества революціи и за смерть своихъ родителей, тогда какъ для этого поколѣнія королевскіе узники Тампля были уже почти историческими личностями. Герцогиня же видѣла въ людяхъ прогресса лишь враговъ королевства и религіи. Такое оружіе, съ которымъ она и Карлъ X боролись за сохраненіе королевства, оказалось неудачно выбраннымъ. Династія Бурбоновъ въ іюлѣ 1830 г. искала спасенія въ бѣгствѣ и герцогинѣ снова пришлось испытать всѣ невзгоды изгнанія. Прощаніе ея съ гвардіей было необыкновенно патетическое. Одилонъ Барро, въ качествѣ правительственнаго коммисара, сопровождавшій черезъ границу изгнанную королевскую семью, разсказываетъ, что онъ всю дорогу изъ почтенія держался вдали отъ герцогини и ни разу не рѣшился заговорить съ ней. Карлъ X поселился въ старомъ Градчинскомъ замкѣ въ Прагѣ. Въ этомъ замкѣ своихъ предковъ по матери герцогиня вела совершенно своеобразную жизнь. Ровно въ 9 час. вечера она ложилась спать и уже въ 4 часа утра была на ногахъ. Стоя во главѣ придворнаго штата своего тестя, она большую часть дня отдавала церковнымъ дѣламъ. Затѣмъ вмѣстѣ съ дворомъ она изъ Градчина переселилась въ Герцъ. Но и тутъ она не нашла себѣ покоя. Послѣдней резиденціей ея былъ Фросдорфскій замокъ близъ новой части Вѣны. Здѣсь она умерла 15-го октября 1851 г. и передъ кончиной наставляла послѣдняго изъ Бурбоновъ, покойнаго графа Шамбора, слѣдовать неосуществившемуся для нея идеалу—проложить этой династіи дорогу къ царствованію во Франціи.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Смерть генерала Шарля Пишегрю. Въ мемуарахъ г-жи Ремюза значится, что Наполеонъ Бонапартъ послѣ казни герцога Энгьенскаго сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе: «я проливалъ кровь, я долженъ былъ это сдѣлать; можетъ быть, я еще болѣе пролью крови, но безъ гнѣва, совершенно просто, только потому, что кровопусканіе принадлежитъ къ средствамъ политической медицины». Черезъ мѣсяцъ послѣ «кровопусканія», совершеннаго надъ несчастнымъ герцогомъ, утромъ 6-го апрѣля 1804 г. нашли генерала Шарля Пишегрю удавленнымъ на его койкѣ въ башнѣ Тампля. Пишегрю преслѣдовался первымъ консуломъ за участіе въ заговорѣ въ пользу Бурбоновъ. Было ли это слѣдствіемъ приведенной угрозы Бонапарта въ примѣненіи къ знаменоносцу Бурбоновъ, такой вопросъ до сихъ поръ остается предметомъ споровъ. Общественное мнѣніе того времени приписывало Наполеону I смерть Пишегрю. Болѣе или менѣе близкое къ истинѣ разъясненіе этого спорнаго вопроса имѣется въ виду напечатанными недавно документами французскаго національнаго архива и архива парижской префектуры въ книгѣ Шарля Норуа «Les secrets des Bonaparte». Прежде всего интересенъ допросъ Пишегрю у полицейскаго префекта. Норуа напечаталъ подлинный протоколъ.

— Ваша фамилія?

— Пишегрю.

— Съ какихъ поръ вы опять въ Парижѣ?

— Около шести недѣль.

— Гдѣ вы находились до вашего возвращенія?

— Въ Англіи.

— Долго ли вы тамъ пробыли?

— Два года.

— Гдѣ вы проживали въ Англіи?

— Въ Бромтонѣ, близъ Лондона.

— Съ кѣмъ вы видѣлись въ Лондонѣ?

— Со всѣми.

— Не встрѣчались ли вы тамъ съ французскими принцами?

— Конечно, встрѣчался.

— Не можете ли назвать тѣхъ изъ нихъ, съ которыми вы встрѣчались?

— Я встрѣчалъ ихъ всѣхъ.

— Часто ли вы встрѣчались съ бывшимъ графомъ д'Артуа?

— Не чаще, чѣмъ съ прочими.

— Почему вы, покинувъ Англію, прибыли во Францію?

— Десять лѣтъ назадъ я покинулъ Францію вслѣдствіе преслѣдованій Бонапарта. Я побывалъ въ различныхъ странахъ и, наконецъ, поселился въ Англіи. Я былъ глубоко огорченъ такимъ удаленіемъ отъ моего отечества. Оскорбленный клеветами французскихъ газетъ на мой счетъ, которыя увѣряли, что будто бы я то нахожусь во главѣ иностранныхъ армій, то состою въ иноземныхъ совѣтахъ, я не нашелъ ничего лучшаго, какъ вернуться во Францію.

На всѣ прочіе вопросы Пишегрю отказался отвѣчать, обѣщая дать подробныя объясненія на судѣ. Но это ему не удалось, ибо раньше всякаго суда ему пришлось смолкнуть навсегда. Въ протоколѣ объ осмотрѣ трупа Пишегрю въ Тамплѣ сказано, что «кругомъ шеи его былъ завязанъ черный галстухъ и чрезъ него продѣта палочка 40 сантиметровъ длины и до 5 сан

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

тиметровъ толщины. Эта палочка и произвела удушеніе». Представители власти, осмотрѣвъ трупъ, признали тогда, что смерть послѣдовала отъ самоубійства. Врачебный осмотръ трупа обнаружилъ слѣды сдавливанія шеи двумя пальцами, особенно замѣтные на лѣвой сторонѣ шеи. По мнѣнію Норуа, уже то обстоятельство, что Пишегрю найденъ лежащимъ на постели, исключаетъ возможность собственноручнаго удушенія. Съ другой стороны, протоколы осмотра трупа, при всей своей обстоятельности, въ другихъ отношеніяхъ, умалчиваютъ о томъ, сохранились ли въ чертахъ лица жертвы слѣды невольной борьбы между чувствомъ самохраненія и рѣшимостью на самоубійство.

Не лишено интереса и слѣдующее свидѣтельство современника Пишегрю. Фошъ-Борель, находившійся въ Тамплѣ подъ арестомъ одновременно съ Пишегрю, въ третьемъ томѣ своихъ мемуаровъ разсказываетъ: «вечеромъ наканунѣ дня, когда Пишегрю былъ найденъ мертвымъ на своей постели, мы слышали большой шумъ въ тюрьмѣ, длившійся нѣсколько минутъ. Точно какъ будто опрокидывали мебель. Карты выпали у насъ изъ рукъ. Фоконье (смотритель тюрьмы) поспѣшно оставилъ насъ, чтобъ узнать причину шума. Вскорѣ онъ вернулся. Мы еще не спали. Лицо его совершенно исказилось, и мы замѣтили, что губы его дрожали, когда онъ говорилъ съ нами. Мы спросили, что случилось,—онъ отвѣтилъ, что ничего такого, что могло бы насъ интересовать. Я спросилъ потомъ тюремнаго сторожа Христофа: «ну, любезнѣйшій Христофъ, разскажи, какъ было дѣло?»—«Какъ вы уже знаете? Конечно, онъ умеръ; его нашли удавленнымъ и намъ дано строжайшее приказаніе ничего не разсказывать объ этомъ арестованнымъ». Я все время былъ увѣренъ, что несчастнаго Пишегрю вечеромъ 5-го апрѣля удавили какъ разъ въ ту минуту, когда мы слышали необычайный шумъ, о которомъ я упомянулъ. Я знаю отъ самого Барра, что, по словамъ Фуше, съ Пишегрю раздѣлались потому, что онъ во время допроса «всячески говорилъ противъ Бонапарта». Я привожу здѣсь подлинныя слова... Повторяю, что въ Тамплѣ не было ни единаго арестанта, который не былъ бы убѣжденъ въ насильственномъ удавленіи Пишегрю. Я увѣренъ въ томъ, что это убійство совершено извѣстнымъ Сиономъ, бригадиромъ жандармеріи, вмѣстѣ съ двумя тюремными сторожами... Бригадиръ Сионъ въ свое время сопровождалъ Наполеона въ Египетъ и потомъ былъ исполнителемъ его повелѣній».

— Незаконный сынъ Людовика XV—генералъ Конвента. Шассенъ разсказываетъ въ «Revue bleue» исторію незаконнаго сына Людовика XV, который былъ республиканскимъ генераломъ въ Вандеѣ. Онъ родился 21 мая, 1754 года. Мать его была урожденная Морфи; хроникеры XVIII вѣка неправильно называютъ ее г-жей Морфиль. Она упоминается въ дневникѣ маркиза д'Аржансонъ. Въ этомъ интересномъ и драгоцѣнномъ сборникѣ мелкихъ фактовъ, заброшенныхъ или совсѣмъ невѣдомыхъ официальной исторіи, отъ 15 мая, 1753 года, значится, что первый камердинеръ Лебель «только что, съ разрѣшенія г-жи Помпадуръ, раздобылъ для короля новую любовницу. Эта дѣвица была натурщицей у художника Буше и приходилась племянницей одной куаферши, извѣстной подъ именемъ madame de Saint-André. Это пріобрѣтеніе, по словамъ д'Аржансона, далось труднѣе предъидущихъ, но золотой телецъ ослѣпилъ несговорчивую тетушку. Дѣвочку привели въ Версаль, въ домъ «Оленьяго парка», заставивъ ее предварительно почистить зубы, выкупавъ ее и снабдивъ приличнымъ приданымъ. Въ маѣ 1754 года

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

д'Аржансонъ пишетъ: «Достовѣрно извѣстно, что маленькая Морфиль родила мальчика. По примѣру знаменитой г-жи де Ментенонъ, г-жа де-Помпадуръ выразила готовность воспитывать его въ чувствахъ достойныхъ его августѣйшаго происхожденія». «Въ декабрѣ 1755 года г-жа Морфиль, состоявшая любовницей короля въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ, дѣйствительно, вышла замужъ за одного вельможу, имени котораго не указано, и отправилась въ отдаленную провинцію. Мѣсто ея при королѣ заступила ея младшая сестра, 17 лѣтъ. Таковъ ужъ обычай у французскаго монарха переходить съ сестры на сестру». Далѣе мы узнаемъ, что вельможа, обязательно обвѣнчавшійся съ г-жей Морфиль, является полковымъ лекаремъ въ пѣхотномъ полку Beauvoisis, подъ именемъ д'Айяка, и располагаетъ для себя и своей матери 800 ливрами ежегоднаго дохода и владѣетъ помѣстьемъ у подошвы Овернскихъ горъ; что онъ уѣхалъ немедленно послѣ свадьбы и что красавицѣ запрещено показываться въ какомъ-бы то ни было городѣ.

Свѣдѣнія маркиза д'Аржансона были довольно достовѣрны. Свадьба состоялась 25 ноября 1755 года; августѣйшій ребенокъ считался рожденнымъ въ замкѣ мужа ея матери, въ Айа. 27 іюня 1771 года сынъ г-жи Морфиль былъ записанъ пажемъ короля при маленькой Версальской конюшнѣ, подъ именемъ Людовика-Карла, Антона, графа де Бофранше д'Айя. По словамъ Шассеня, это упоминаніе служитъ началомъ служебныхъ свѣдѣній о немъ въ административныхъ архивахъ военнаго министерства. Объ его рожденіи тамъ не имѣется не единаго документа. Въ мартѣ, 1774 г. онъ переводится сперва въ пѣхотный, а затѣмъ въ конный Беррійскій полкъ, 1782 года получаетъ капитанскій чинъ, 1 іюня 1788 г.—командованіе ротой. Въ августѣ 1789 г. послѣ революціи капитанъ Бофранше д'Айя участвуетъ въ военномъ комитетѣ, учрежденномъ при военномъ министерствѣ для составленія приказовъ и регламентовъ, предназначенныхъ къ печатанію, сообразно съ опредѣленіями національнаго собранія. 25 іюля 1791 г., въ чинѣ подполковника, онъ переходитъ въ 14-й кавалерійскій полкъ, а 4 апрѣля 1792 г. назначается полковникомъ 2-го карабинерскаго полка. Шесть мѣсяцевъ спустя онъ получаетъ чинъ генералъ-маіора, сражается при Вольми и принимаетъ блестящее участіе въ тріумфѣ французской арміи. Назначенный начальникомъ главнаго штаба при арміи подъ стѣнами Парижа, послѣ Восточной и Сѣверной кампаній, онъ присутствовалъ при казни Людовика XVI,—своего племянника. Говорятъ даже, что онъ, а не Сантеръ, подалъ сигналъ знаменитаго отбоя барабановъ.

Какъ бы то ни было, въ мартѣ 1793 г., Бофранше д'Айя былъ назначенъ бригаднымъ генераломъ и посланъ къ побережной арміи, имѣвшей цѣлью подавить возстаніе на западѣ. Подъ своими донесеніями въ военное министерство онъ подписывается «бригаднымъ генераломъ, командующимъ Вандейской арміей». Послѣдняя имѣла назначеніемъ помогать дѣйствію двухъ главныхъ армій: береговой арміи, подъ начальствомъ ла-Бурдоннэ и резервной подъ начальствомъ генерала Беррюйе. Изъ военныхъ дѣлъ, въ которыхъ принималъ участіе Бофранше д'Айя, укажемъ одно, гдѣ онъ проявилъ исключительныя отвагу и мужество.

Это было въ маѣ 1793 года. Множество инсургентовъ изъ Анжу и Вандеи возвращались въ Fontenay-le-Comte. 16-го числа республиканцы приготовили къ эвакуаціи деньги и бумаги департамента, назначено было общее

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

передвиженіе главной стоянки арміи въ Ніоръ. Отважная вылазка, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Шальбо и Нувіона, обратила въ бѣгство осаждающихъ, отъ которыхъ отбита была даже знаменитая пушка, захваченная ими у республиканцевъ и окрещенная «Marie-Jeanne». Но 25-го вандейцы вернулись снова съ значительными подкрѣпленіями. «Marie-Jeanne» была еще разъ проиграна, бумаги департамента и округа—сожжены въ необъятномъ пламени торжества. По словамъ Шассеня, побѣжденнымъ предстояли расхищеніе денежныхъ суммъ, аресты властей, плѣненіе арміи, не случись тутъ замѣчательнаго наступательнаго движенія со стороны генерала Бофранше д'Айя. Имѣя при себѣ всего 16 національныхъ жандармовъ, уже обращенныхъ въ бѣгство, онъ съ такой запальчивостью рубилъ направо и налѣво мятежниковъ по улицамъ Fontenay, что главари мятежниковъ предположили тутъ цѣлый кавалерійскій полкъ и прекратили преслѣдованіе побѣжденныхъ.

Въ декретѣ 8 іюня, предававшемъ «позору и военному суду» жандармовъ, бѣжавшихъ въ Fontenay 25 мая, и въ Перпиньянъ 19-го, Національный Конвентъ распорядился «сдѣлать упоминаніе въ своемъ протоколѣ объ отважномъ поведеніи 16 городскихъ жандармовъ, присоединившихся къ генералу Бофранше д'Айя и начальнику Нувіонской бригады, съ цѣлью атаковать мятежниковъ и спасти части арміи». Все это не избавило Бофранше отъ декрета 28 іюля и отрѣшенія его отъ командованія, какъ бывшаго, дворянина.

Въ отвѣтъ на приказъ военнаго министра Бушотта, 11 августа изъ Ніорта, Бофранше посылаетъ слѣдующее письмо: «Гражданинъ министръ, я усердно служилъ республикѣ; любовь моя къ равенству и свободѣ оставалась всегда неизмѣнной, съ начала революціи по сей день я, какъ патріотъ, былъ вѣренъ различнымъ военнымъ полномочіямъ, которыя возлагались на меня. Свидѣтели моей службы отдадутъ мнѣ справедливость; не моя вина, что я родился отъ такого класса, который, по справедливости, не достоинъ французскаго народа. Командуя карабинерами въ іюлѣ мѣсяцѣ 1792 г., я схватилъ такую сильную грыжу, что только рвеніе и осторожность помогали моей быстрой дѣятельности на лошади. Полагаю, что по закону я имѣю право на пенсію. Пришлю вамъ мои документы, не сомнѣваюсь въ справедливости такого министра, какъ вы. Гражданинъ Бофранше-Дайя». Бофранше возобновляетъ свой протестъ письмомъ, помѣченнымъ Soisy sous-Etiolles (департаментъ Сены и Уазы), 9 сентября. Наконецъ, 12 января, 1795 года, исполнительный военный коммиссаръ, Л. А. Пилль, предложилъ Комитету Общественнаго Спасенія снять съ Бофранше д'Айя взысканіе и дозволить ему взять назадъ свою отставку, въ виду «свидѣтельствъ объ его патріотизмѣ и добромъ поведеніи, представленныхъ общиной Soisy Marat, куда онъ удалился по прекращеніи службы: равно какъ и въ виду тѣхъ документовъ, которыми онъ подтвердилъ, что не состоитъ ни въ числѣ эмигрантовъ, ни въ числѣ ихъ родственниковъ». 14 іюня, 1795 года Бофранше д'Айя была выдана пенсія, по разсчету за двадцать лѣтъ и одинъ мѣсяцъ службы.

Только два года спустя — и то благодаря настоятельнымъ хлопотамъ генерала Дезэ, за воспитаніемъ котораго Бофранше д'Айя слѣдилъ, военнымъ дебютамъ котораго онъ покровительствовалъ, онъ получилъ пенсію въ 1200 ливровъ вмѣстѣ съ окладомъ при отставкѣ, въ размѣрѣ той же пенсіи. Въ административномъ архивѣ французскаго военнаго министерства существуетъ письмо Бофранше д'Айя, помѣченное 4 декабря, 1803 года, въ ко-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

торомъ подпись сопровождается такимъ упоминаніемъ: «членъ Избирательной Коллегіи Puy de Dome'a, только-что назначенный сенатомъ въ члены законодательнаго корпуса».

Въ этомъ молчаливомъ собраніи онъ оставался безвѣстнымъ и умеръ въ Парижѣ 2 іюля 1812 года.

— Политика императрицы Евгеніи. Пьеръ де Лано, продолжая въ «Figaro» свои этюды объ императрицѣ Евгеніи, о которыхъ упоминалось въ октябрьской книжкѣ «Ист. Вѣст.», въ одной изъ послѣднихъ статей характеризуетъ ея роль въ политикѣ. Во время регентства ея послѣ итальянской войны, она постоянно принимала участіе въ засѣданіяхъ Совѣта Министровъ. По отношенію къ внутренней политикѣ она проявила чрезвычайное стремленіе къ безграничной автократіи и рѣзкое антилиберальное направленіе, обнаружившееся особенно ясно въ 1869 году, когда ей померещился призракъ либеральной имперіи. Ревниво оберегала она императора отъ всякаго посторонняго вліянія и стремилась удалить изъ Тюльери всѣхъ совѣтниковъ не ея лагеря. Не разъ въ этой ежедневной борьбѣ ей приходилось уступать, но еще чаще побѣда оставалась за нею, и въ послѣднее время имперіи она достигла неограниченнаго владычества. Больше всѣхъ ненавидѣла она Оливье и генерала Флёри. Послѣдняго Евгенія удалила отъ двора, назначивъ его посломъ въ Петербургъ. «Теперь», выразилась она при этомъ, «у меня такое вліяніе на императора, что безъ моего вѣдѣнія ничего случиться не можетъ». Ненависть императрицы преслѣдовала генерала Флёри въ самомъ Петербургѣ. При началѣ франкопрусской войны онъ просилъ назначить его въ армію. Но императрица сумѣла повернуть дѣло такъ, что онъ не былъ отозванъ отъ своего поста. Въ одномъ засѣданіи Совѣта Министровъ императрица такъ разгнѣвалась на генерала, что пришлось вмѣшаться самому императору, который уговорилъ ее написать генералу нѣчто въ родѣ извинительнаго письма. Императоръ велъ переговоры съ Оливье въ 1866 году, но, во избѣжаніе гнѣва императрицы, повелѣлъ ему являться въ Тюльери тайно. Въ 1867 году, 7 января, онъ пишетъ такъ: «Во избѣжаніе возможной непріятности для Оливье, въ случаѣ обнаруженія его посѣщеній меня, скажите ему, пусть онъ входитъ въ Тюльери черезъ маленькую дверь со стороны бассейна и говоритъ привратнику Феликсу, что идетъ по приказанію графа... Ему нѣтъ необходимости объявлять свое имя».

Въ другой разъ, въ Совѣтѣ Министровъ одинъ министръ вступилъ въ споръ съ Фульдомъ. Императрица была на сторонѣ Фульда. Тутъ опять императоръ долженъ былъ явиться миротворцемъ. Онъ просилъ министра немедленно выразить императрицѣ свое сожалѣніе о случившемся, ибо она «нѣсколько вспыльчива, но желаетъ ему добра». Затѣмъ ему пришлось извиниться передъ Фульдомъ.

— О происхожденіи Наполеона III. Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ Парижскаго «Intermédiaire des chercheurs et des curieux» Филибертомъ Одебраномъ разслѣдовано, на какомъ основаніи еще во времена второй имперіи многіе во Франціи были увѣрены въ томъ, что Наполеонъ III былъ плодомъ незаконной любви королевы Гортензіи и голландскаго адмирала Вергуэля. Это разсказывается и комментируется во многихъ современныхъ мемуарахъ. Гортензія Богарне, эта бѣлотѣлая блондинка, была прелестна во всѣхъ отношеніяхъ, весьма свѣтская, какъ и Жозефина, ея мать, и столь же нѣжная, какъ и креолка съ о. Мартиники. У нея было

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

множество любовниковъ, что не составляетъ секрета ни для кого. Отъ связи ея съ генераломъ Флаго (Flahaut) родился де-Морни. Отношенія ея съ весьма извѣстнымъ музыкантомъ породили двѣ кантаты, обѣ сдѣлавшіяся популярными, это—«Beau Dunois» и «Sentinelle».

Королева Гортензія, встрѣтивъ при дворѣ своего мужа, голландскаго короля Луи, адмирала Вергуэля, говорятъ, полюбила его, и отъ этой связи будто-бы родился будущій императоръ французовъ. Но гдѣ найти достовѣрные факты, свидѣтельства? Одебранъ приводитъ разсказъ одного бонапартиста, весьма извѣстнаго своей горячей преданностью бонапартизму:

«Въ послѣдніе годы царствованія Луи Филиппа, въ то время, когда принцъ Луи находился въ изгнаніи (въ Англіи), Эмиль Марко состоялъ однимъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ «Siecle'я». Ни для кого не тайна, что это былъ бонапартистъ чистой воды. Извѣстно также, что онъ былъ сынъ одной изъ фрейлинъ королевы Гортензіи. Благодаря этому-то происхожденію, послѣ возстановленія имперіи, новый владѣлецъ Тюльери назначилъ его консерваторомъ Стасбургской библіотеки.

«Но въ 1843 году всѣ еще далеки были отъ мысли, что династія Орлеановъ должна пасть спустя семь лѣтъ, и что она вскорѣ будетъ замѣнена представителемъ наполеонидовъ, и потому Эмиль Марко де Сентилеръ писалъ свои фельетоны безъ задней мысли. Въ это-то время онъ и напечаталъ въ «Siecle» чрезвычайно интересный разсказъ о раздорахъ между Луи Бонапартомъ, королемъ Голландскимъ, и Гортензіей, его женою. На короткое время супруги расходились не легально, но фактически. Оба жили во дворцѣ Фонтенбло, занимая помѣщенія, отдѣленныя одно отъ другого.

«Между тѣмъ королева забеременила. Но вопросъ—отъ кого? Луи Бонапартъ стоялъ на томъ, что онъ тутъ ни при чемъ. Подъ сурдинку разсказывали, что это вина голландскаго адмирала. Узнавъ объ этомъ фактѣ, Наполеонъ потребовалъ развода. Чтобъ замять дѣло, прибѣгли къ слѣдующему. Однажды, ночью, разыграли комедію съ неожиданно вспыхнувшимъ пожаромъ въ покояхъ Луи. Луи почти нагой, въ испугѣ, не сознавая, куда онъ бѣжитъ, изъ своей спальни бросился въ первую попавшуюся открытую дверь. Дверь эта вела въ покои королевы Гортензіи. Такимъ образомъ произошла насильственная встрѣча и сближеніе. Наружное приличіе было соблюдено, и королева разрѣшилась «законнымъ ребенкомъ».

«Но это еще не все, что разсказывается въ фельетонѣ. Э. Марко прямо говоритъ, что впослѣдствіи, при разрѣшеніи королевы отъ бремени, не желая принимать хитростью навязанныя ему положенія, Луи Бонапартъ, король голландскій, открыто протестовалъ противъ подарка Гортензіи и не признавалъ за собою отцовскихъ правъ. Тѣмъ не менѣе сынъ адмирала Вергуэля 18 лѣтъ управлялъ Франціей, какъ законный потомокъ и выразитель традицій Наполеона I».

— Республиканскій календарь. Нынѣшнимъ годомъ завершается 99-й годъ первой французской республики «единой и нераздѣльной». Извѣстно, что Конвентъ, желая стереть съ лица земли всѣ слѣды прошлаго, постановилъ начинать съ 22 сентября 1792 г. не только новый годъ, но и новую исторію Франціи. Въ «Альманахѣ» 1794 года сказано, что французская эра начинается со времени основанія республики, совершившагося 22 сентября, 1792 года. Обычное лѣтосчисленіе уничтожено гражданскими обычаями. Годъ былъ раздѣленъ на 12 мѣсяцевъ, по 30 дней каждый; въ виду попол-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ненія обыденнаго года, за 12 мѣсяцами слѣдовали пять дней, не относившіеся ни къ какому мѣсяцу. Каждый мѣсяцъ дѣлился на три равныя части, въ 10 дней, каждая, носившія названіе декадъ. Названія дней были таковы: primidi, duodi, tridi, quartidi, quintidi, sextidi, septidi, octidi, nonidi, decadi. Годъ начинался съ 22-го сентября и дѣлился на четыре времени года, въ три мѣсяца каждое.

Осень состояла изъ: Вандемьера, Брюмера, и Фримера. Зимніе мѣсяцы: Нивозъ, Плювіозъ и Вентозъ; весенніе: Жерминаль, Флореаль и Преріаль. Лѣтніе: Мессидоръ, Термидоръ и Фруктидоръ. Раздѣленіе это на первый взглядъ кажется чрезвычайно разумнымъ, скажемъ, даже весьма поэтичнымъ. Но оно основано на чистѣйшей утопіи. Это—утопія уже потому, что даже на французской территоріи Вандеміеръ отнюдь не являлся мѣсяцемъ собиранія винограда, ибо въ нѣкоторыхъ департаментахъ это собираніе происходитъ въ концѣ августа, и въ большинствѣ—не ранѣе 22 сентября. Тоже слѣдуетъ сказать и о всѣхъ остальныхъ мѣсяцахъ. Флореаль въ Парижѣ приходился въ то время, когда на юговостокѣ былъ Преріаль, а въ Нормандіи—Жерминаль. Этотъ календарь, сверхъ того, находился въ полномъ противорѣчіи съ сезонами. Французскій Вандемьеръ приходился въ сезонъ Нивоза въ другихъ странахъ и наоборотъ. Никакой другой народъ конечно, не могъ принять французской республиканскій календарь тѣмъ болѣе, что Конвентъ создалъ тысячи затрудненій при опредѣленіи датъ въ сношеніяхъ Франціи съ другими націями. Но главной задачей Конвента было порвать всякую связь съ прошлымъ, съ Грегоріанскимъ календаремъ, съ религіей, и для этой цѣли отвергнуто было раздѣленіе года на недѣли и упразднено воскресенье, взамѣнъ котораго дни отдыха назывались декады. Впрочемъ, слѣдуетъ упомянуть, что никогда, даже въ періодъ самаго сильнаго разгара революціи, декады нигдѣ не соблюдались за предѣлами офиціальнаго міра. Повсюду, по обыкновенію, праздновалось воскресенье—даже въ то время, когда церкви были закрыты.

Сверхъ того, Конвентъ учредилъ 12 публичныхъ праздниковъ, по одному въ мѣсяцъ. Всѣ религіозные праздники были отмѣнены; эти же, такъ называемые національные праздники, были слѣдующіе:

1 Вандемьера—праздникъ основанія республики.

2 Плювіоза—годовой праздникъ 21 января, т. е. «легальнаго» убійства Людовика XVI.

30 Вентоза—праздникъ верховной власти народа.

10 Жерминаля—праздникъ юности.

10 Флореаля—праздникъ супруговъ.

10 Преріаля—праздникъ признательности.

10 Мессидора—годовой праздникъ 14 іюля.

9 и 10 Термидора—празднованіе свободы.

23 Темирода—годовщина 10-го августа.

10 Фруктидора—годовщина государственнаго переворота, совершеннаго Ожеро.

Само собой разумѣется, что святые были изъяты изъ календаря и замѣщены самыми разнообразными овощами, фруктами и цвѣтами. Вотъ, напримѣръ, какія имена овощныхъ патроновъ французской республики приходились на вандемьеръ: 1) Виноградъ; 2) Шафранъ; 3) Каштанъ; 4) Безвременный цвѣтъ; 5) Лошадь; 6) Бальзаминъ; 7) Морковь; 8) Амарантъ; 9) Па-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

стернакъ; 10) Чанъ; 11) Картофель; 12) Иммортель; 13) Тыква; 14) Резеда; 15) Оселъ; 16) Чудоцвѣтъ; 17) Петрушка; 18) Греча; 19) Подсолнечникъ; 20) Тиски; 21) Конопля; 22) Персикъ; 23) Брюква; 24) Броздникъ; 25) Быкъ; 26) Демьянка; 27) Индѣйскій перецъ; 28) Томатъ; 29) Ячмень; 30) Бочка.

Оказывается, что патронами 5-го, 15-го и 25-го числа были: оселъ, лошадь, быкъ; патронами 10-го, 20-го, 30-го чиселъ были: чанъ, тиски и бочка.

Конвентъ задался цѣлью обучить французскихъ крестьянъ тому, что они сами отлично знали—названіямъ главныхъ цвѣтовъ, овощей, домашнихъ животныхъ и земледѣльческихъ орудій.

Пять дополнительныхъ дней были праздничными. 1-го былъ праздникъ Доброрѣтели, 2-го—праздникъ Генія; 3-го—праздникъ Труда; 4-го—праздникъ Мнѣнія; 5-го—праздникъ Благодарности; 6-го—праздникъ Революціи, справлявшійся по високоснымъ годамъ.

— Наполеонъ I и панорамы. Изъ этюда Жермена Бапста о панорамахъ, напечатаннаго въ «Correspondant», извлекаемъ анекдотъ, доказывающій, что Наполеонъ I придавалъ большое значеніе этому способу быстраго и общедоступнаго популяризованія историческихъ событій. Панорамы тогда едва не сдѣлались офиціальнымъ учрежденіемъ. Увѣренный въ возможности извлечь пользу изъ этого рода зрѣлищъ, императоръ французовъ намѣревался популязировать свои побѣды при помощи панорамъ. Онъ поручилъ архитектору Селерье составить планы 8-ми ротондъ, которыя предполагалось построить въ большомъ квадратѣ Елисейскихъ Полей въ Парижѣ. Въ каждой изъ этихъ ротондъ проектировалось показывать знаменитѣйшія побѣды Бонапарта во время революціи или имперіи. Наполеонъ I установилъ даже цѣну за каждую изъ такихъ картинъ по 45,000 франковъ и намѣревался показывать эти панорамы по всей Европѣ. Но 1812 годъ заставилъ императора отказаться отъ такого проекта.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Осеннее изобиліе книгъ и статей о Россіи. — Корреспонденція Александра I и Наполеона. — Статьи Ришара и Жоли. — Г. Ціонъ, защищающій «варварскую Россію». — Сотрудникъ Каткова и Жомини, опровергающій обвиненія Кеннана. — Парламентаризмъ и будущее Европы. — Поццо ди Борго. — Волшебство при дворѣ Баторія. — Вицекоролевская жизнь въ Индіи. — Вліянія морскихъ силъ на исторію. — Итальянскій авантюристъ XVI вѣка. — Средневѣковой романъ Христіана де-Труа.

ЖУРНАЛЪ Жюльеты Аданъ, «Nouvelle Revue», выпускавшій довольно безцвѣтныя книжки въ теченіе всего лѣта, съ осени принялся усиленно наполнять свои страницы статьями о Россіи. Въ послѣднихъ книжкахъ журнала такихъ статей пять и одна изъ нихъ, г. Татищева «Александръ I-й и Наполеонъ въ ихъ необнародованной перепискѣ» (Alexandre I et Napoleon d'aprés leur correspondance inédite) принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ историческихъ документовъ настоящаго времени. Генрихъ Жоли изслѣдовалъ международные вопросы петербургскаго тюремнаго конгреса (Les questions internationales du congrés penitentaire de St.-Petersbourg). Луи Ришаръ говоритъ объ «исторіи Россіи по поводу послѣднихъ сочиненій Леруа Болье, Леже, Рамбо и Пирлинга». (Contribution à l'histoire de la Russie). Князь Валори написалъ статью «Цари и Франція» (Les czars et la France) по поводу записокъ Поццо ди Борго.

Изъ нихъ выдѣляется своими вѣрными замѣчаніями и странными выводами статья г. Ціона, служащая дополненіемъ къ его первому памфлету, появившемуся въ апрѣльской книжкѣ того же журнала. Новая статья носитъ претенціозное названіе «Варварская Россія (La Russie barbare!)» и въ ней авторъ старается всѣми силами доказать, что Россія не варвар-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ская держава. Для кого это нужно и кто же вѣритъ серьезно въ этотъ эпитетъ, не исключая даже и тѣхъ лицъ, которыя чаще другихъ повторяютъ его? Мы не говорили ничего о первой статьѣ г. Ціона, доказывавшей необходимость союза между Россіей и Франціей. Союзъ этотъ, по самой силѣ вещей и по ходу политическихъ событій, существуетъ и безъ письменныхъ договоровъ, и г. Ціону не зачѣмъ было проповѣдывать его необходимость. И на статью его, какъ не привилегированнаго политика и публициста, мало кто обратилъ вниманіе. Теперь онъ старается объяснить ея важное значеніе во второй статьѣ, утверждая, что вопросъ этотъ близокъ къ разрѣшенію, вслѣдствіе трехъ совершившихся событій: процеса нигилистовъ въ Парижѣ, англо-германской конвенціи, и пріобрѣтенія Вильгельмомъ II-мъ большого помѣстья въ окрестностяхъ Меца. Какимъ образомъ сопоставленіе этихъ трехъ фактовъ доказываетъ необходимость франко-русскаго союза—изъ статьи вовсе не видно, и въ ней вовсе не упоминается потомъ объ этихъ фактахъ. Но въ статьѣ встрѣчаются вообще такія замѣчанія, на которыхъ нельзя не остановиться, хотя они перемѣшаны съ крайними преувеличеніями. Даже сама директриса журнала должна была оговориться въ примѣчаніи, что она не раздѣляетъ крайнихъ мнѣній своего сотрудника и принадлежитъ къ партіи либеральной и соціалистической—въ смыслѣ прогресивныхъ реформъ, считаемыхъ ею необходимыми.

Обращаясь нѣсколько разъ къ своей первой статьѣ, г. Ціонъ упоминаетъ о выходкахъ противъ нея нѣмецкой печати, говоритъ, что статья была принята благосклонно при австрійскомъ дворѣ, который, по мнѣнію г. Ціона, долженъ быть также привлеченъ къ франко-русскому союзу. По словамъ автора, эрцъ-герцогъ Карлъ Лудвигъ, наслѣдникъ габсбургской короны, собирался даже ѣхать въ Петербургъ, но въ Берлинѣ хотѣли непременно пріурочить это посѣщеніе къ визиту Вильгельма II-го и потому Карлъ-Лудвигъ отказался отъ своего намѣренія. Напрасно г. Ціонъ говоритъ, что его апрѣльская статья произвела у насъ глубокое впечатлѣніе. Здѣсь ею мало занимались и г. Ціонъ напрасно объясняетъ, что свои свѣдѣнія о политикѣ 1886—1887 годовъ онъ получилъ отъ Каткова, «какъ его главный помощникъ и вседневный сотрудникъ». Дипломатическія свѣдѣнія получилъ онъ отъ барона Жомини, тоже уже умершаго, и возмущавшагося тѣмъ, что наша дипломатія держится нѣмецкихъ интересовъ, на перекоръ національнымъ стремленіямъ. Г. Ціонъ оправдывается также въ томъ, что его обвиненія противъ графа Милютина происходили изъ личной вражды. Напомнивъ, что еще 11 лѣтъ тому назадъ Бисмаркъ сказалъ, что «варварская Россія составляетъ настоящую опасность для Европы», г. Ціонъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что этого же мнѣнія о Россіи держится консервативный кабинетъ Салисбюри съ его газетами «Standard» и «Times», такъ же какъ и анархисты всѣхъ странъ.

Того же мнѣнія держится и Кеннанъ, описавшій въ 1884 году сибирскія тюрьмы. Но развѣ лучше понтоны въ Ламбессѣ, Нукагивѣ, Кайенѣ? Барбесъ сидѣлъ въ каменной клѣткѣ, гдѣ онъ не могъ ни встать, ни протянуться. Крапоткинъ, посаженный въ тюрьму въ Клерво, писалъ въ англійскомъ журналѣ, что съ политическими преступниками въ Россіи обходятся гораздо мягче, чѣмъ во Франціи. Правда, въ Карѣ одинъ преступникъ умеръ отъ жестокаго обращенія съ нимъ грубаго тюремщика, но единичные случаи безчеловѣчія бываютъ у всѣхъ народовъ. 27-го іюля 1890 года, газеты сооб-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

щили, что въ Арканзасѣ Томасъ Келлеръ, тюремный смотритель, четыре раза высѣкъ Фитцджеральда за то, что тотъ не хотѣлъ работать. Въ Готѣ двумъ журналистамъ, посаженнымъ въ тюрьму, нѣмцы обрили не только бороды, но и головы. Въ Лондонѣ за отказъ надѣть въ тюрьмѣ костюмъ каторжника, ирландскихъ депутатовъ оставляли голыми по цѣлымъ днямъ. Этому же Кеннану, принятому Л. Н. Толстымъ, никогда не жертвующимъ ни копѣйки политическимъ преступникамъ, писатель нашъ сказалъ: «нигилисты первые прибѣгли къ насиліямъ, справедливо, если они также будутъ наказаны силою». При малѣйшемъ выходящемъ изъ ряда событіи въ Россіи европейская печать наполняется нелѣпѣйшими выдумками. Въ Москвѣ убиваетъ себя семья разорившихся дворянокъ. «Times» и «Standard» пишутъ, что открытъ громадный заговоръ, потрясшій имперію въ ея основаніяхъ и что нѣсколько женщинъ, замѣшанныхъ въ немъ, умерли таинственной смертью. Откуда насчиталъ г. Ціонъ въ Россіи 5,000 нигилистовъ и 12,000 парламентаристовъ, между которыми много дворянъ, разорившихся отъ роскошной жизни, чиновниковъ, которымъ удобнѣе грабить безъ контроля? и пр. О Петрашевскомъ г. Ціонъ приводитъ вѣрныя свѣдѣнія по воспоминаніямъ В. Зотова, печатавшимся въ іюньской книжкѣ «Историческаго Вѣстника». Говоря о процесѣ русскихъ нигилистовъ въ Парижѣ, г. Ціонъ совершенно основательно замѣчаетъ, что защитники ихъ не имѣли повода сравнивать ихъ съ террористами 1793 года. Послѣдніе могли по крайней мѣрѣ привести въ оправданіе своихъ преступленій необходимость спасти свое отечество, находившееся въ большой опасности, сохранить республику единую и нераздѣльную, тогда какъ террористы 1890 года совершаютъ свои преступленія съ открытою цѣлью раздробить и уничтожить свое отечество. Не очень лестнаго мнѣнія г. Ціонъ и о странѣ, въ которой онъ пишетъ свои измышленія.

Открытый врагъ парламентаризма, онъ говоритъ «два главные принципа конституціи: раздѣленіе властей и отвѣтственность министровъ являются на западѣ не осуществившимися фикціями. Или исполнительная власть преобладаетъ надъ законодательнымъ насиліемъ, какъ въ Пруссіи, подкупомъ, какъ въ Италіи, Австріи и пр. и тогда возвращаются, хотя и подъ лицемѣрными формами, къ личному управленію. Или наоборотъ: «законодательная власть преобладатъ надъ исполнительной и тогда въ правительствѣ является непрочность, даже анархія, постоянный кризисъ, вѣчная борьба между партіями, движимыми только личнымъ интересомъ, погонею за властью и наживою, что у каждаго передъ глазами». Конституціонные министры безнаказанно нарушаютъ законы и права націи и не несутъ никакой отвѣтственности. Недавно въ Италіи министръ финансовъ утвердилъ за своимъ родственникомъ табачную монополію, лишающую государство 30-ти милліоновъ, а палата депутатовъ вотировала ему свое довѣріе. Г. Ціонъ не видитъ даже большой разницы между французскими и русскими порядками. Опозиція существуетъ въ Россіи и въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ. Бывшіе министры нерѣдко оспариваютъ проекты своихъ наслѣдниковъ со страстностью, не встрѣчаемою и въ парламентахъ. Самыя настоятельныя правительственныя мѣры встрѣчаютъ иногда упорныхъ противниковъ въ рядахъ высшихъ чиновниковъ. Земство и городскія думы вполнѣ соотвѣтствуютъ французскимъ муниципальнымъ и генеральнымъ совѣтамъ. Судебныя учрежденія въ обѣихъ странахъ дѣйствуютъ на однихъ и тѣхъ же основаніяхъ. Печать въ Россіи дѣйствуетъ на основаніяхъ правилъ второй имперіи, хотя

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

и значительно смягченныхъ, а во Франціи давно уже отмѣненныхъ. Продолжительная борьба Каткова съ правительственными взглядами и «Голоса» съ личною непріязнью властнаго лица, была бы немыслима въ другой странѣ. Будущее Европы и цивилизаціи представляется г. Ціону въ самомъ мрачномъ видѣ. Въ человѣкѣ онъ видитъ дикаго звѣря доисторическихъ временъ, который «выкажется во всей своей дикости, какъ только исчезнутъ религія и жандармерія». Въ проектахъ Вильгельма II онъ видитъ юношеское ослѣпленіе. Пруссія погибнетъ отъ избытка милитаризма, бывшаго причиною ея возвышенія. Всеобщая военная повинность превратитъ въ ней армію, хранительницу порядка, въ недисциплинированную національную гвардію, съ которою армія соціалистовъ будетъ дѣйствовать за одно. «Въ этомъ новомъ потокѣ, который грозитъ поглотить цивилизацію, останутся непоколебимыми только двѣ вершины—Кремль и Ватиканъ». Какую непоколебимость нашелъ бывшій еврей въ католицизмѣ, вносившемъ только смуты и разложеніе въ западную Европу, этого г. Ціонъ не объясняетъ.

Пять статей г. Татищева о перепискѣ Александра I съ Наполеономъ отъ Тильзитскаго свиданія до 1812 года составляютъ такой драгоцѣнный вкладъ въ исторію, что появленіе ихъ на русскомъ языкѣ желательно, хотя въ нихъ и не вполнѣ объясняются причины, по которымъ сдѣлались врагами эти два монарха, собиравшіеся подѣлить между собою всемірное обладаніе надъ западомъ и востокомъ. Выводъ статьи—все тотъ же: необходимость союза между двумя націями, какъ въ статьяхъ гг. Ціона, Жоли, Ришара и Валори. Въ статьѣ послѣдняго особенно рельефно очерчена симпатичная фигура другого корсиканца, врага Наполеона, дипломата въ русской службѣ, Поццо-ди-Борго. Французы сознаются, что послѣ Александра I спасителемъ Франціи въ 1815 году былъ Поццо-ди-Борго и, между тѣмъ, многіе изъ французовъ называютъ его измѣнникомъ. Но Поццо родился въ Корсикѣ прежде ея присоединенія къ Франціи. Онъ не былъ стало быть французомъ, какъ герцогъ Ришелье, служившій Россіи и участвовавшій подъ начальствомъ англичанъ при осадѣ Валансьена. Послѣ этого можно называть измѣнниками Мориса Саксонскаго, принца Евгенія Савойскаго, Мазарини, Мольтке, Каподистрію, Нессельроде и др. Поццо ненавидѣлъ Наполеона, какъ личнаго врага и потому, что этотъ корсиканецъ былъ опасностью не только для Европы, но и несчастьемъ для Франціи. О Поццо-ди-Борго всѣ отзывались съ уваженіемъ и его благородный характеръ ясно видѣнъ изъ книги, изданный его внукомъ «Необнародованная корреспонденція графа Поццо-ди-Борго съ Нессельроде». (Correspondance inédite du comte Pozzo di Borgo avec le comte de Nésselrode). Когда въ 1815 году вѣнскій конгресъ урѣзалъ Францію, отнявъ у нея даже такіе департаменты какъ Дофине, Франшконте, Шампанью, Юру, Ардены и пр., Поццо-ди-Борго, посолъ Александра I въ Парижѣ, представилъ императору невозможность такого изуродованія страны и посовѣтывалъ Людовику XVIII написать письмо къ русскому императору въ этомъ смыслѣ. Съ этимъ письмомъ Александръ I отстоялъ на вѣнскомъ конгресѣ цѣлость границъ Франціи. Въ заключеніе своей статьи, Валори пробуетъ доказать необходимость привлеченія Австріи къ союзу Франціи съ Россіею и предсказываетъ, что Италія, если вспыхнетъ война, превратится въ республику при первой неудачѣ ея войскъ.

— Въ Краковѣ вышла любопытная книга: «Волшебство при дворѣ Баторія, страница изъ исторіи мистицизма XVI вѣка, какъ объясненіе характе-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ристики короля Стефана». (Czary na dworze Batorego. Karta z dziejow mistycznuw XVI wieku, jako przyczynek do charakterystyki krùla Stefana, przez A. Kraushara). Въ книгѣ этой разсказана преимущественно жизнь извѣстнаго магика доктора Ди (Дее). Устроенное имъ магическое зеркало хранится въ британскомъ музеѣ, рукописи въ Оксфордѣ, а его дневникъ изданъ въ 1842 году. Этотъ англичанинъ находился въ близкихъ сношеніяхъ съ польскимъ палатиномъ Альбертомъ Ласки. Въ Краковѣ онъ былъ представленъ Стефану Баторію и сбизился съ Вильгельмомъ Розенбергомъ, чешскимъ магнатомъ. Ди былъ близокъ къ Баторію и говоритъ много о его славномъ десятилѣтнемъ царствованіи. Не смотря на то, что король былъ не старъ, здоровье его, разстроенное частыми войнами, было очень слабо и возбуждало интриги его враговъ и завистниковъ, въ особенности хитраго и суевѣрнаго германскаго императора Рудольфа. У Баторія былъ нарывъ въ колѣнѣ и Альбертъ Ласки, бывшій соперникъ Стефана при выборѣ въ короли, посовѣтовалъ ему лечиться философскимъ камнемъ. Изъ Лондона выписали Ди и его помощника Келли, и они начали производить надъ королемъ магическіе эксперименты; больной Баторій лежалъ въ замкѣ Неполомице, близь Кракова. За нимъ ходила его жена Анна Ягелонка, сестра Сигизмунда Августа, на которой Стефанъ женился не смотря на то, что ей было уже болѣе пятидесяти лѣтъ; король однако очень любилъ свою жену. Это былъ вѣкъ гороскоповъ, магиковъ и чудотворцевъ; краковскіе профессора занимались астрологіею и въ городѣ была должность правительственнаго астролога, занимаемая, между 1577 и 1587 годами, Петромъ Словацкимъ. Ди слѣдилъ за судьбой короля по своему магическому зеркалу, но въ то время, когда онъ лечилъ Баторія, въ Мортлекѣ народъ, ненавидѣвшій колдуна, разрушилъ его домъ и разграбилъ его богатое имущество и библіотеку, не смотря на то, что ему покровительствовала королева Елизавета. Поэтому англійскіе шарлатаны недолго оставались въ Краковѣ и поспѣшили уѣхать оттуда, оставивъ леченіе. Въ Прагѣ они представлялись императору Рудольфу, большому алхимику и астрологу. Ди не понравился императору, несогласившемуся на вторичное свиданіе съ чародѣемъ, хотя тотъ предлагалъ ему вызвать архангеловъ Михаила, Гавріила, Рафаила и Уріила. Баторій вѣрилъ однако же шарлатану и Ди предсказалъ королю, что онъ будетъ германскимъ императоромъ. Только въ концѣ своей жизни, въ декабрѣ 1586 года, король разгадалъ обманщиковъ, отправившихся по смерти Баторія въ Чехію, къ Розенбергу. Извѣстность ихъ была такъ велика, что ихъ приглашалъ къ своему двору царь Ѳедоръ Ивановичъ, предлагая Ди двѣ тысячи фунтовъ стерлинговъ годового содержанія. Въ 1588 году Ди оставилъ Чехію. Келли еще прежде поссорился съ нимъ и уѣхалъ въ Прагу, гдѣ былъ посаженъ въ тюрьму и убился, упавъ изъ ея окна въ то время, когда сбирался спастись, спускаясь по веревкѣ, чтобы бѣжать изъ мѣста своего заточенія. Въ книгѣ Краушара много интересныхъ подробностей о польской жизни при Баторіи и о самомъ королѣ. Ди умеръ въ Мортлекѣ, въ 1608 году, въ бѣдности и всѣми забытый, но у него много было приверженцевъ и еще черезъ полвѣка послѣ его смерти, Казобонъ издалъ его біографію.

— Жена, бывшаго у насъ посланникомъ, а потомъ генералъ-губернаторомъ Индіи, лорда Дефферина издала описаніе «Нашей вице-королевской жизни въ Индіи (Our Viceregal Life in India: Selections from my Journal

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

1884—1888. By the Marchioness of Dufferin and Ava). Полвѣка тому назадъ другая вице-королева Индіи Эмилія Эденъ описала жизнь намѣстника въ этой странѣ. Она играла въ шахматы съ Достъ-Магометомъ, когда тотъ искалъ убѣжища въ Калькутѣ и утѣшала стараго Ренджитъ-Синга въ упадкѣ его величія. Теперь леди Дефферинъ бесѣдовала съ внукомъ Достъ-Магомета, Абдурахманомъ, на дурбарѣ въ Равальпиндіи и восхищается его любезностью и характеромъ, хотя въ свитѣ афганскаго эмира былъ и другой красивый мущина, одѣтый въ красный бархатъ и на поясѣ у котораго висѣли острый топоръ и веревка. Это былъ придворный палачъ, съ которымъ эмиръ не разставался даже на британской территоріи, но такъ какъ ему тамъ не пришлось употреблять въ дѣло свои способности, то на него была возложена обязанность наполнять вазы цвѣтами, которые такъ любитъ эмиръ. Въ Лагорѣ леди Дефферинъ видѣла мраморную гробницу Ренджитъ-Синга и пепелъ королевъ, которыя сожгли себя послѣ его смерти, между ними была и бѣдная Раннисъ, красотою которой такъ восхищалась миссъ Эденъ. Въ Шалимарѣ леди бесѣдовала съ кашмирскимъ магараджей, «кроткимъ старикомъ съ прекрасными манерами», тѣмъ самымъ, про котораго миссъ Эденъ писала, что онъ въ одинъ день приказалъ содрать кожу съ трехсотъ живыхъ людей. Эденъ видѣла еще независимыхъ магратовъ въ Гваліорѣ и сейковъ. Леди Дефферинъ жила уже въ индійской имперіи, простирающейся отъ Китая до Афганистана. Въ Мандалаѣ леди изумляется огромному количеству видѣннаго тамъ золота. На границахъ Сиккима она любовалась танцами ламъ. Она описываетъ не только балы, пріемы, дурбары, но и старается объ улучшеніи положенія индійскихъ женщинъ, употребля всѣ усилія, чтобы вывести ихъ изъ положенія затворницъ. Это ей конечно не удалось, хотя она основала много учрежденій для бѣдныхъ и больныхъ индіянокъ. Книга леди читается вообще съ большимъ интересомъ.

— Капитанъ сѣверо американскаго флота Маганъ написалъ изслѣдованіе о вліяніи морской силы на исторію (The Influence of Sea-Power upon History, 1660 — 1783). Авторъ этой любопытной книги сильно сожалѣетъ о направленіи, принятомъ въ послѣднія двадцать лѣтъ его соотечественниками, стремящимися къ развитію ихъ огромной территоріи и соединенныхъ съ нею внутреннихъ вопросовъ въ ущербъ ея морскихъ интересовъ. Цѣль его книги: доказать важность значенія морскихъ силъ во всемірной исторіи въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, и о вліяніи національнаго величія на морѣ — на благосостояніе страны. Еще Наполеонъ говорилъ въ Ульмѣ, что дѣйствительныя потребности Франціи составляютъ корабли, колоніи и торговля, но кельтійскія расы вообще менѣе склонны къ морскому дѣлу, чѣмъ—скандинавскія. Морскія силы Англіи спасли маленькій островъ отъ нападенія огромныхъ силъ Франціи. Римъ, не имѣвшій флота во время первой Пунической войны, одержалъ верхъ во второй— съ своими кораблями. Во время Семилѣтней войны морскія силы Франціи были въ такомъ упадкѣ, что не смотря на героизмъ Дюплекса и Монткальма, Франція потеряла свои колоніи въ Америкѣ и всю свою власть на Востокѣ. Морская сила основана на торговлѣ, но главный элементъ ея—военный флотъ. Въ 1660 году, съ котораго Маганъ начинаетъ свое изслѣдованіе, въ Англіи были соперниками на морѣ Франція и Голландія. Но французскій флотъ какъ и въ наши дни—продуктъ искуственный—офицеры его хороши, но матросы плохи. Голландскій флотъ сильно уменьшился въ концѣ войны за испанское наслѣдство, тогда какъ силы Англіи увеличились. Маганъ ясно и отчетливо

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

излагаетъ исторію всѣхъ морскихъ сраженій въ эпоху, избранную имъ для своего изслѣдованія. Морская война за освобожденіе американскихъ колоній велась слабо со стороны Франціи и со стороны Англіи. Французская революція была гибельна для ея флота, но не смотря на неоспоримое преобладаніе Англіи на моряхъ въ настоящее время, ея морское положеніе не лишено опасности. Всѣ ресурсы своего благосостоянія она получаетъ извнѣ и ея безчисленный торговый флотъ представляетъ легкую добычу для непріятеля. Капитанъ Маганъ относится съ большими ситпатіями къ Франціи и съ явнымъ пристрастіемъ къ своему отечеству, что не мѣшаетъ однако же книгѣ его быть занимательной не только для моряка, но и для всякаго мыслящаго читателя.

— Въ Туринѣ вышла біографія Джироламо Мароне (Gioda, Carlo: Girolamo Marone ed i suoi tempi, studio storica). Этотъ миланскій дѣятель (1470 — 1529) служилъ съ одинаковою вѣрностью и съ такою же легкостью измѣнялъ Людовику и Максимилъяну Сфорцѣ, Лудовику XII, Франциску I и Карлу V. Подвиги Мароне занимаютъ важное мѣсто въ исторіи Милана отъ 1512 по 1527 годъ. Онъ стремился избавить Италію отъ испанскаго владычества, но при Павіи былъ взятъ въ плѣнъ и, напрасно пытаясь спастись бѣгствомъ, долженъ былъ внести за себя значительный выкупъ. Онъ написалъ также свою исповѣдь (Confessione), неимѣющую однако особаго значенія. Сохранилось также нѣсколько писемъ его къ Гвичардини, Вителли и документы, относящіеся къ Джовани Медичи, вѣрно характеризующіе этого кондотьера «черной шайки». Книга полна любопытными подробностями изображаемой ею эпохи.

— Вышло новое изслѣдованіе извѣстнаго знатока древней литературы Венделина Фёрстера «о Христіанѣ Детруа и его романѣ «рыцарь Льва». (Christian von Troyes saemtliche erhaltene Werke. Der Lëwenriter). Еще въ 1884 году Фёрстеръ говорилъ, что этотъ романъ представляетъ только варіантъ извѣстной легенды о матронѣ Эфесской.—Всѣ похожденія рыцаря Ивена, его любовь къ феѣ фонтана Броссаліандѣ, Артуръ и его дворъ, были только эпизодами, вставленными для читателей, любившихъ похожденія рыцарей круглаго стола. Теперь Фёрстеръ перемѣнилъ свое мнѣніе и находитъ, что рыцарь Льва лучшее произведеніе Христіана Детруа. Между тѣмъ этотъ романъ въ 7-мь тысячъ стиховъ воспроизводитъ только народныя бретанскія легенды, въ которыхъ рыцарь влюбляется въ фею и соединяется съ нею послѣ многихъ препятствій. Всѣ собственныя имена и мѣстности въ бретанскихъ поэмахъ принадлежатъ Валлису, Корнваллису и Кумберланду, а подвиги рыцарей повторяютъ похожденія ирландской эпопеи и шотландскихъ сказокъ. Французскаго Ланжелота всѣ женщины обажаютъ, такъ же какъ кельта Кукульмина. Въ бретанскихъ романахъ нѣтъ ничего напоминающаго произведенія южныхъ трувероръ XII вѣка или византійскія легенды. Въ кельтійскихъ романахъ очень мало христіанскаго и даже религіознаго элемента; герои ихъ не совершаютъ никакихъ историческихъ подвиговъ, точно такъ же какъ богатыри русскихъ былинъ Краснаго Солнышка не напомнаютъ никакихъ событій эпохи Владиміра. Гораздо ближе къ исторіи, хотя и въ фантастическихъ чертахъ, германскія легенды, гдѣ являются образы Аттилы, Теодорика, бургундскихъ, франкскихъ и готскихъ королей. Вообще книга Фёрстера вноситъ богатый вкладъ въ исторію народной литературы среднихъ вѣковъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

СМѢСЬ

РИСУЖДЕНІЕ уваровскихъ премій. 25-го сентября въ Академіи Наукъ состоялось тридцать второе присужденіе наградъ графа Уварова за сочиненія на русскомъ языкѣ, относящіяся къ политической исторіи Россіи и другихъ славянскихъ странъ, къ исторіи церкви, законодательства, древностей, языка и словесности. Къ 1 часу дня въ малой конференцъ-залѣ собрались академики. Ровно въ часъ прибылъ президентъ великій князь Константинъ Константиновичъ, послѣ чего немедленно было открыто засѣданіе. Непремѣнный секретарь Академіи А. А. Штраухъ прочелъ отчетъ о присужденіи премій. Въ настоящемъ году на соисканіе наградъ гр. Уварова было представлено пятнадцать сочиненій, въ числѣ которыхъ было два, оставшихся отъ предыдущаго конкурса. Для ихъ разсмотрѣнія и постановленія о нихъ приговора была назначена Академіей комиссія подъ предсѣдательствомъ непремѣннаго секретаря и академиковъ Я. К. Грота, К. С. Веселовскаго, А. Ѳ. Бычкова, А. А. Куника, М. И. Сухомлинова, А. Н. Веселовскаго, Л. Н. Майкова и адъюнкта Н. Ѳ. Дубровина. Комиссія эта признала необходимымъ три сочиненія отложить до слѣдующаго уваровскаго конкурса и, затѣмъ, по обсужденіи сравнительнаго достоинства прочихъ конкурсныхъ трудовъ, постановила увѣнчать преміями по 500 р. слѣдующія четыре сочиненія: I. «О житіи св. Алексѣя, человѣка Божія» и 2) «Докторъ Францискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ». С.-Петербургъ. 1888. Профессора Петра Влад. Владимірова. Въ виду спеціальнаго характера этихъ сочиненій академія обратилась съ просьбой о составленіи рецензіи на нихъ къ проф. Варшавскаго университета А. С. Будиловичу, который и далъ о нихъ подробный отзывъ. Текстъ житія изданъ авторомъ съ полною палеографическою точностью и снабженъ подстрочными примѣчаніями, въ которыхъ отмѣчены ошибки и пропуски списка XV или начала XVI вѣка западно-русскаго житія св. Алексѣя, по сравненію съ легендою латинскою, ея чешскимъ переложеніемъ и редакціею польскаго житія по Gesta Romanorum. Хотя, по замѣчанію рецензента, характеристика эта не представляетъ исчерпывающей полноты, тѣмъ не менѣе пробѣлы въ словоуказателѣ легко могутъ быть восполнены читателемъ на основаніи изданнаго текста житія. Несравненно большею законченностью отличается

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

второй трудъ проф. Владимірова о Францискѣ Скоринѣ—извѣстномъ западно-русскомъ первопечатникѣ и переводчикѣ библіи. Вопросъ о происхожденіи, характерѣ и историческомъ значеніи трудовъ Скорины представляетъ много загадочнаго и исчерпывающее его изученіе давно являлось существенною задачею и живою потребностью въ нашей ученой литературѣ. Трудность изученія книжнаго наслѣдія Скорины велика потому, что произведенія его разбросаны по частямъ въ библіотекахъ не только русскихъ, но и заграничныхъ. Рецензентъ признаетъ, что сочиненіе г. Владимірова заслуживаетъ серьезнаго вниманія, какъ первый опытъ всесторонняго разсмотрѣнія жизни и дѣятельности Скорины. Въ самомъ текстѣ сочиненія помѣщенъ обзоръ литературы предмета настолько обстоятельный, что съ этой стороны авторъ исчерпалъ свою тему. Значеніе этого труда заключается въ методическомъ и всестороннемъ пересмотрѣ всего, что можно было извлечь изъ литературныхъ произведеній Скорины о немъ и его подвигѣ, съ освѣщеніемъ его лица и дѣятельности съ высшихъ историко-сравнительныхъ точекъ зрѣнія. II. «Описаніе старой Малороссіи — матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія». Т. I. «Полкъ Стародубскій». Изслѣдованіе Ал. Лазаревскаго. Въ обширной рецензіи на это сочиненіе, составленной проф. Д. И. Багалѣемъ, рецензентъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что доселѣ предметомъ вниманія изслѣдователей была лишь исторія южной Руси за болѣе древній періодъ и исторія правобережной Малороссіи подъ польскимъ владычествомъ... Трудъ г. Лазаревскаго долженъ занять почетное нѣсто въ исторіи лѣвобережной Малороссіи. Въ разобранномъ проф. Багалѣемъ первомъ, покуда вышедшемъ, томѣ этого сочиненія очерчивается въ частности Стародубскій полкъ въ историческомъ и географическомъ отношеніяхъ и сообщается множество любопытныхъ свѣдѣній о жизни малорусскаго общества—его землевладѣніи, соціальномъ положеніи, экономическихъ интересахъ и частномъ семейномъ бытѣ. Трудъ автора состоялъ не только въ разыскиваніи источниковъ, какъ печатныхъ, такъ и рукописныхъ, но и въ ихъ сводкѣ и систематизаціи. III. «Разрядные дьяки XVI вѣка». Изслѣдованіе приватъ-доцента Н. П. Лихачева. Неразработанность исторіи Приказовъ въ изученіи внутренняго быта Россіи въ эпоху, предшествовавшую реформамъ Петра Великаго, составляетъ важный пробѣлъ, пополненный нынѣ г. Лихачевымъ. Сочиненіе его было разобрано проф. Казанскаго университета Н. П. Загоскинымъ, который нашелъ, что тема, избранная авторомъ, должна быть признана неблагодарною, и самая книга — обреченною на забвеніе уже потому, что самый матеріалъ, который можетъ привести въ предѣлахъ данной темы къ интереснымъ научнымъ выводамъ—крайне скуденъ. Тѣмъ не менѣе къ положительнымъ сторонамъ книги г. Лихачева слѣдуетъ отнести рѣдкое по добросовѣстности отношеніе къ источникамъ и задачамъ своего труда, умѣлое примѣненіе аналитическаго метода, освѣщеннаго надлежащими критическими пріемами и, наконецъ, — громадное трудолюбіе и поражающее упорство труда. Хотя изслѣдованіе: «Разрядные дьяки XVI вѣка» и не представляетъ собою труда, который составилъ бы эпоху въ русской исторической наукѣ, оно тѣмъ не менѣе является вполнѣ почтеннымъ трудомъ. IV. «Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII вѣкахъ». П. Житецкаго. Основаніемъ для постановленія приговора объ этомъ сочиненіи послужилъ разборъ проф. Новороссійскаго университета Кочубинскаго. Новый филологическій трудъ г. Житецкаго посвященъ изслѣдованію нетронутаго вопроса о матеріальномъ составѣ литературнаго языка южно-русскихъ писателей XVII вѣка, особенно его второй половины. Не смотря на сухость избранной темы, г. Житецкій съумѣлъ оживить анализъ книжной малорусской рѣчи въ цѣломъ ея составѣ тѣмъ, что изъ XVII столѣтія онъ постоянно обращается то къ болѣе древнему, то къ новому времени. Рецензентъ относится съ полнымъ уваженіемъ къ начитанности автора

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

въ области предмета, умѣнью правильно оживить свой однообразный матеріалъ справками съ этнографіей и литературной стариной, критическому такту и находитъ заслуживающимъ награды его сочиненіе, какъ трудъ скромнаго дѣятеля на полѣ отечественной науки. По присужденіи наградъ комиссія положила выразить глубочайшую признательность отъ имени Академіи постороннимъ ученымъ и назначила установленныя для рецензентовъ золотыя Уваровскія медали: приватъ-доценту С.-Петербургскаго университета Вольтеру, профессору Варшавскаго университета Будиловичу, исправляющему должность хранителя Московской оружейной палаты Павлинову, профессору Харьковскаго университета Багалѣю, профессору Одесскаго университета Кочубинскому, профессору Московскаго университета Павлову, профессору Казанскаго университета Загоскину, извѣстному библіографу Пономареву (въ Конотопѣ) и профессору Московской Духовной Академіи Субботину.

Могила Лермонтова. Въ числѣ забытыхъ и заброшенныхъ могилъ нашихъ литературныхъ дѣятелей оказывается могила Лермонтова. Въ виду наступленія 50-лѣтія со времени его смерти, въ 1891 году, своевременно вспомнить и объ его могилѣ. Прахъ Лермонтова покоится въ его родовомъ имѣніи, въ селѣ Тарханахъ, Чембарскаго уѣзда, Пензенской губерніи, гдѣ имъ проведены дни дѣтства и юности. Часовня, гдѣ покоится Лермонтовъ вмѣстѣ съ своимъ дѣдомъ, бабкой и матерью, мрачна, непривѣтлива и съ каждымъ годомъ приходитъ въ упадокъ; черный намогильный памятникъ слишкомъ скроменъ для великаго поэта и если бы не книга, лежащая тутъ же въ часовнѣ и въ которую заносятъ свои имена случайные туристы, то можно было бы подумать, что сюда никто никогда не заходилъ и не заглядывалъ.—въ такомъ печальномъ видѣ, какъ сообщаютъ «Рус. Вѣд.», находится мѣсто, гдѣ покоится прахъ Лермонтова. Поэтому не мѣшаетъ теперь же позаботиться о сооруженіи поэту хотя скромнаго памятника и о поддержаніи внѣшняго вида часовни.

Памятникъ Пржевальскому. Почти два года тому назадъ скончался въ Караколѣ (Семирѣченской обл.) знаменитый путешественникъ Николай Михайловичъ Пржевальскій, наканунѣ выступленія въ V ученую экспедицію въ Центральную Азію. Богатые научные результаты перваго его путешествія доставили ему еще въ 1875 г. въ Россіи и за границею громкую извѣстность, которая непрерывно росла съ появленіемъ каждаго новаго его труда. Наука потеряла въ Пржевальскомъ естествоиспытателя и географа, посвятившаго всю жизнь изслѣдованію невѣдомыхъ странъ, а Россія ученаго, открывшаго ей внутреннюю Азію и прославившаго русское имя. Для увѣковѣченія памяти Никалая Михайловича, городъ Караколъ переименованъ въ Пржевальскъ и надъ могилою ученаго, въ 12 верстахъ отъ этого города, на берегу озера Иссыкуля, сооружается на счетъ правительства изящный памятникъ. Кромѣ того, русскому географическому обществу разрѣшено открыть по всей имперіи подписку на учрежденіе преміи и медали имени Н. М. Пржевальскаго. Въ 1886 г., когда вполнѣ выяснились научные результаты четырехъ путешествій Николая Михайловича, Академія Наукъ выбила именную золотую медаль съ его изображеніемъ и съ надписью на оборотной сторонѣ: «Первому изслѣдователю природы Центральной Азіи». При торжественномъ ея поднесеніи Николаю Михайловичу секретарь академіи К. С. Веселовскій заявилъ, что академія этою медалью желаетъ: «какъ-бы приложить свою скрѣпу къ давно состоявшемуся единодушному приговору всего ученаго свѣта о великихъ заслугахъ, оказанныхъ славнымъ русскимъ путешественникомъ ближайшему познанію природы на огромныхъ, труднодоступныхъ пространствахъ земного шара». Этотъ отзывъ еще болѣе поднимаетъ значеніе награды, и товарищъ Николая Михайловича А. А. Бильдерлингъ не могъ не вспомнить о ней при проектированіи надгробнаго памят-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ника Пржевальскому. Художникъ помѣстилъ эту медаль по срединѣ величественной скалы, на которую опускается большой бронзовый орелъ—выраженіе силы, ума и безстрашія. Въ своихъ когтяхъ орелъ держитъ карту Азіи—поле открытій Николая Михайловича, а въ клювѣ оливковую вѣтку—эмблему мирныхъ его научныхъ завоеваній; снизу по скалѣ высѣчено 10 ступеней, ведущихъ къ изображенію Пржевальскаго. Надъ могилою скала будетъ сложена изъ мѣстнаго гранита; бронзовыя части, изваянныя академикомъ И. Н. Шредеромъ, отлиты въ Петербургѣ на заводѣ художественной бронзы [1]) К. Берто (бывшій Шопена), который при содѣйствіи декоратора театровъ художника Левота и фабриканта мраморныхъ и гранитныхъ издѣлій Ботта, принялъ на себя всѣ труды, а также и расходы по постановкѣ памятника въ Михайловскомъ манежѣ, въ томъ самомъ видѣ, какъ онъ будетъ стоять въ Иссыкулѣ. Появившаяся недавно пространная біографія Пржевальскаго, составленная его товарищемъ по Академіи Наукъ и военно-ученому комитету главнаго штаба Н. Ѳ. Дубровинымъ, знакомитъ Россію съ свѣтлою личностью и многостороннею ученою дѣятельностью Николая Михайловича. Иссыкульскій монументъ, воздвигаемый близъ города его имени, упрочитъ на дальней азіатской окраинѣ память о великомъ русскомъ путешественникѣ. Для сохраненія же Петербургу образа Пржевальскаго, географическимъ обществомъ возбужденъ вопросъ о постановкѣ его бюста передъ помѣщеніемъ общества въ скверѣ, у Чернышева моста. На выставкѣ садоводства была выставлена модель этого памятника, сдѣланная, въ $^1/_7$ натуральной величины, И. Н. Шредеромъ, по рисунку А. А. Бильдерлинга. Бюстъ Николая Михайловича поставленъ на гранитную скалу, у подножія которой лежитъ двухстволка и навьюченный коллекціями бронзовый верблюдъ, вѣрный спутникъ нашего ученаго. Зоологическія и ботаническія его коллекціи имѣютъ громадное научное значеніе; обработкою ихъ въ продолженіе многихъ лѣтъ занимаются лучшіе русскіе ученые. На пьедесталѣ спереди сдѣлана надпись: «Пржевальскому. Первому изслѣдователю природы Центральной Азіи», а съ боковъ высѣчены заглавія главнѣйшихъ его трудовъ. Бюстъ Пржевальскаго со скалою и верблюдомъ обойдется примѣрно въ 20,000 р., которые полагается покрыть изъ денегъ, собираемыхъ по подпискѣ. Къ 4-му сентября состояло на лицо 16,505 р. 68 коп. и есть полная надежда на скорое осуществленіе мысли географическаго общества.

Слѣды Бѣлогородской крѣпости. Въ исторіи древнихъ русскихъ поселенныхъ мѣстъ существуютъ города, села, мѣстечки и деревни, хотя давно утратившіе свое политическое или торговое значеніе, но сохраняющіе за собою если не историческую извѣстность, то довольно почтенное воспоминаніе. Къ числу такихъ мѣстъ принадлежитъ Кіевской губерніи, того же уѣзда, мѣстечко Бѣлогородка. Девятьсотъ лѣтъ тому назадъ (въ 990 г.) въ этомъ мѣстѣ, на берегу рѣки Ирпеня, для защиты отъ нечаяннаго нападенія непріятеля, была построена кн. Владиміромъ первая каменная ограда (крѣпость) въ Россіи. На сколько это мѣсто въ настоящее время, когда исполнилось этому сооруженію девять вѣковъ, сохранило воспоминаніе о князѣ Владимірѣ, свидѣтельствуютъ устные разсказы мѣстныхъ жителей и народныя преданія о кіевскомъ князѣ «Краснымъ Солнышкѣ», о древнемъ Бѣлгородѣ, любимомъ мѣстѣ его пребыванія, о теремахъ, гдѣ жили его жены, до принятія княземъ крещенія, о древнихъ бѣлогородскихъ валахъ, съ которыхъ князь любовался на свои дружины, отправлявшіяся на усмиреніе радими-

---

[1]) Крестъ и медальонъ вѣсятъ 45 пудовъ, орелъ, имѣющій 2 сажени въ размахѣ крыльевъ—70 пудовъ; въ виду предстоящей дальней перевозки орла, онъ составной: туловище отлито изъ одного куска, голова же и крылья приставлены и скрѣплены снутри.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

чей или на завоеваніе Галиціи. Въ м. Бѣлогородкѣ, въ настоящее время, каменной ограды не существуетъ, хотя на пространствѣ приблизительно одной десятины попадаются обломки старинныхъ кирпичей и глазурованныхъ кафлей; встрѣчаются легко превращающіеся въ порошекъ остатки деревянной стѣны (заборола) или частокола и монеты, русскія и польскія XVII и XVIII стол. Жители, между прочимъ, указываютъ на старинный земляной валъ, идущій перпендикулярно къ долинѣ рѣки Ирпеня, который ограждалъ княжескіе терема и служилъ цитаделью (дѣтинцемъ) для города. Съ южной стороны города идетъ другой земляной валъ, отъ конца котораго, въ восточномъ направленіи, идетъ наружный валъ, который огибаетъ полукругомъ м. Бѣлогородку и примыкаетъ къ долинѣ р. Ирпеня; отсюда въ 400 саж., на краю обрыва, находится мѣсто, именуемое «башнею», гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, профессоромъ университета св. Владиміра, г. Антоновичемъ, производились археологическія изслѣдованія. Вотъ все, что осталось древняго въ м. Бѣлогородкѣ ко времени девятисотлѣтней годовщины построенной здѣсь каменной ограды (крѣпости).

Археологическое общество. Въ первомъ засѣданіи Археологическаго Общества, были подвергнуты научному разбору вышедшія за лѣто сочиненія по археологіи и, между прочимъ, «Краткія этнографическія замѣтки о туземцахъ бывшаго Кульджинскаго района» и «Шестнадцатый выпускъ актовъ Воронежской и сосѣдней съ нею губерніи (XVII ст.)». Въ первомъ сочиненіи проводится мысль, что съ уступкою Кульджи мы потеряли стратегическій пунктъ, вмѣстѣ съ тѣмъ важный и въ торговомъ, и въ экономическомъ отношеніяхъ. Второе сочиненіе заключаетъ въ себѣ неизвѣстные и необнародованные доселѣ историческіе документы, касающіеся права владѣнія собственностью. Засѣданіе закончилось сообщеніемъ о томъ, что запрещенное нѣкогда сочиненіе профессора Кіевскаго университета Иваншева—«Семейное право славянъ и скандинавовъ до принятія христіанства»—нынѣ разрѣшено и будетъ въ воздаяніе заслугъ автора издано Кіевскимъ университетомъ. Въ общемъ собраніи Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ управляющаго восточнымъ отдѣленіемъ, избранъ въ дѣйствительные члены Общества архимандритъ Никифоръ Дучичъ, личность выдающаяся въ славянскомъ мірѣ, какъ патріотъ, ученый и пастырь церкви. Архимандритъ Дучичъ родился въ Герцеговинѣ, въ мѣстечкѣ Дужи въ тридцатыхъ годахъ, получилъ богословское образованіе въ Далмаціи и въ ранней молодости поступилъ въ Дужскій монастырь. Въ пятидесятыхъ годахъ онъ былъ уже архимандритомъ. Въ шестидесятыхъ годахъ вступилъ на службу Черногоріи, участвовалъ здѣсь въ военныхъ дѣлахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ занимался организаціей народныхъ школъ и состоялъ ихъ инспекторомъ. Около 1865 г. Дучичъ переселился въ Сербію и, причисленный къ военному министерству, весь свой досугъ употреблялъ на ученые труды, которые продолжаетъ и донынѣ. Онъ извѣстенъ своими работами по каноническому праву; послѣдняя изъ нихъ, изданная въ прошломъ году, направленная непосредственно противъ предпринятой напредняками реорганизаціи сербской церковной іерархіи, такъ повліяла на скупщину, что проектъ остался отложеннымъ до будущей сессіи. Для археологовъ имѣютъ особенную цѣнность составленныя Дучичемъ описанія славянскихъ рукописей въ Хилондарскомъ монастырѣ на Аѳонѣ и въ парижской національной библіотекѣ. Съ самаго начала восточной войны 1877 г. Дучичъ сражался въ рядахъ сербской арміи, командуя отрядомъ волонтеровъ и былъ раненъ. Послѣ войны Дучичъ десять лѣтъ исполнялъ обязанности директора Бѣлградской публичной библіотеки, отъ которой былъ отставленъ напредняками за выраженіе сочувствія беззаконно изгнанному митрополиту Михаилу. Въ настоящее время Дучичъ возвращенъ и управляетъ жичской епархіей, состоя въ то же время предсѣдателемъ сербскаго ученаго дружества.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Сорокалѣтній юбилей ученой дѣятельности профессора Московскаго университета Н. С. Тихонравова былъ отпразднованъ 3 октября. Въ этотъ день отдѣленіе русскаго языка и словесности императорской Академіи Наукъ прислало юбиляру слѣдующее поздравленіе.

«Многоуважаемый Николай Саввичъ! Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, всегда высоко цѣнившее ваши многочисленные и замѣчательные труды, сердечно привѣтствуетъ васъ съ исполнившимся сорокалѣтіемъ вашей литературно-ученой дѣятельности. Значеніе превосходныхъ изслѣдованій вашихъ признано всѣми: вы обогатили избранную вами область знаній множествомъ дотолѣ неизвѣстныхъ фактовъ; наука ждетъ отъ васъ еще обильныхъ вкладовъ и мы всѣ, ближайшіе, хотя и отсутственные, товарищи ваши, горячо желаемъ, чтобы настоящій день былъ предшественникомъ вашего полувѣкового юбилея, чтобы крѣпость силъ и цвѣтущее здоровье не оставляли васъ многіе годы и дали возможность вамъ окончить начатое и совершить задуманное. Да сопровождаютъ наши искреннія пожеланія ваше вступленіе въ новое десятилѣтіе неустаннаго служенія наукѣ!»

На поздравленіи Академіи подписались: Я. Гротъ, А. Бычковъ, М. Сухомлиновъ, А. Веселовскій, К. Бестужевъ-Рюминъ и А. Майковъ.

Депутаты Московскаго университета, ректоръ Г. А. Ивановъ и проф. М. Соколовъ, поднесли юбиляру адресъ, съ привѣтствіемъ его отъ университета, какъ ученаго, многочисленные труды котораго по всѣмъ отраслямъ русской словесности отличаются богатствомъ содержанія, научнымъ методомъ и новыми взглядами на изучаемые матеріалы.

Депутаты Историческаго музея, И. Е. Забѣлинъ и г. Сизовъ, привѣтствовали въ юбилярѣ ученаго, который первый сдѣлалъ важнѣйшія открытія въ области старо-русской «отреченной» письменности.

Привѣтствовали юбиляра его бывшіе ученики, въ числѣ которыхъ находятся проф. В. И. Герье, Н. И. Стороженко, В. О. Ключевскій, В. Ѳ. Миллеръ, Ф. Ѳ. Фортунатовъ, и Вл. Соловьевъ. На адресѣ бывшихъ учениковъ значится до 80-ти подписей. Кромѣ адреса, они поднесли еще Николаю Саввичу дорогой подарокъ: изданіе «Палеи Толковой» по коломенскому списку 1406 года, хранящемуся въ Троице-Сергіевой лаврѣ.

Общество любителей россійской словесности привѣтствовало своего предсѣдателя адресомъ, поднесеннымъ депутаціей, во главѣ которой находился временный предсѣдатель Общества Н. И. Стороженко.

Депутація этнографическаго отдѣла Общества любителей естествознанія поднесла Николаю Саввичу адресъ и выпускъ «Этнографическаго Обозрѣнія».

Кромѣ того, Н. С. были принесены поздравленія разными редакціями и учеными и получено много телеграммъ изъ разныхъ городовъ отъ профессоровъ и бывшихъ учениковъ.

Двадцатипятилѣтіе юридической дѣятельности А. Ѳ. Кони. Въ скромномъ кругу чествовалась четверть-вѣковая годовщина одного изъ даровитѣйшихъ русскихъ юристовъ, ни разу не измѣнявшихъ въ теченіе этого времени принципамъ гуманности, справедливости и непоколебимости убѣжденій. Начавъ съ кандидата на судебныя должности при с.-петербургскомъ окружномъ судѣ, при самомъ введеніи въ нашей столицѣ новыхъ судебныхъ учрежденій, Анатолій Ѳедоровичъ Кони послѣ 20-ти лѣтъ службы былъ назначенъ на должность, которую занимаетъ и нынѣ—оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента. Выдающіяся способности, обширныя, глубокія и разностороннія познанія, непрерывно умножавшіяся при его рѣдкомъ трудолюбіи и неослабѣвающей энергіи—вотъ тѣ силы, которыя постоянно ставили Анатолія Ѳедоровича въ разрядъ выдающихся дѣятелей по судебному вѣдомству, попеременно, то въ роли обвинителя, въ бытность его товари-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

щемъ прокурора и прокуроромъ въ Харьковѣ, Петербургѣ, Самарѣ и Казани, то въ роли руководителя процесса, сдержаннаго, полнаго такта и безпристрастія, на должностяхъ предсѣдателя петербургскаго окружного суда и предсѣдателя департамента петербургской судебной палаты, то въ качествѣ вице-директора департамента министерства юстиціи и, наконецъ, въ должности оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента, гдѣ онъ является истолкователемъ сложныхъ, гибкихъ и деликатныхъ юридическихъ вопросовъ. На всѣхъ этихъ поприщахъ выдающіяся природныя дарованія ума и сердца, развитыя широкимъ образованіемъ и жизненнымъ трудовымъ опытомъ, при помощи письменнаго и устнаго слова, убѣдительнаго по спокойствію, простотѣ и безъискусственности изложенія—снискали А. Ѳ. Кони общее уваженіе и не со стороны только юристовъ, но и во всемъ русскомъ обществѣ. Нагляднымъ доказательствомъ этого сочувствія и довѣрія общества явились неоднократныя избранія А. Ѳ. Кони почетнымъ мировымъ судьей Петербурга, Петербургскаго и Петергофскаго уѣздовъ. Не ограничиваясь практической юридической дѣятельностью, истекавшей изъ прямыхъ обязанностей, А. Ѳ. не покидалъ и области теоретическихъ и философскихъ изслѣдованій, преимущественно въ области права, и лучшимъ доказательствомъ значенія трудовъ его въ этомъ направленіи можетъ служить то, что Харьковскій университетъ поднесъ ему почетный дипломъ доктора правъ honoris causa. Люди, близко знающіе А. Ѳ. Кони, могутъ удостовѣрить, что этотъ тонкій истолкователь самыхъ запутанныхъ и неясныхъ юридическихъ вопросовъ оказался бы блестящимъ лекторомъ въ области исторіи литературы и литературной критики. Но и ограничиваясь дѣятельностью А. Ѳ. какъ оберъ-прокурора кассаціоннаго департамента, нельзя не указать на то, что заключенія его по тѣмъ или другимъ дѣламъ такъ полно затрогивали и развивали разные юридическіе вопросы, что служили основою сенату при постановленіи рѣшеній, не смотря на то, что иногда заключенія эти опрокидывали установившіеся взгляды. Если въ комъ можно искать воплощенія лучшихъ традицій блестящихъ годовъ горячаго искренняго увлеченія дѣломъ судебной реформы — такъ это въ почтенной и скромной личности высокоталантливаго, трудолюбиваго (сочетаніе довольно рѣдкое у насъ)—Анатолія Ѳедоровича, практическую юридически-служебную дѣятельность котораго можно смѣло поставить въ примѣръ нынѣшнему поколѣнію юристовъ. Въ исторіи литературы памятникомъ этой почтенной дѣятельности отстаются «Судебныя рѣчи А. Ѳ. Кони отъ 1868 по 1888 годъ», второе изданіе которыхъ вышло въ нынѣшнемъ году. «Историч. Вѣстникъ» отдалъ въ свое время отчетъ о первомъ изданіи этихъ рѣчей. Во второмъ изданіи, въ 780 страницъ, помѣщены 15 обвинительныхъ рѣчей, 3 руководящихъ напутствія присяжнымъ по болѣе сложнымъ дѣламъ и 8 заключеній оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента сената. Въ концѣ помѣщены алфавитный указатель толкованій, встрѣчающихся въ судебныхъ рѣчахъ и указатель статей закона, на которыя сдѣланы ссылки. Въ приложеніи—двѣ чисто литературныя статьи, хотя и юридическаго характера «Достоевскій, какъ криминалистъ» и «Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ». Книга посвящена памяти профессора Никиты Ивановича Крылова, видѣвшаго въ уставахъ 1864 года «стройную организацію для отыскиванія правды жизненной взамѣнъ правды приказной». Этой же жизненной правдѣ былъ всегда вѣренъ и достойный ученикъ покойнаго профессора.

† 18-го сентября въ Вѣнѣ знаменитый анатомъ, докторъ медицины и хирургіи **Вячеславъ Леопольдовичъ Груберъ**, бывшій профессоръ и директоръ института практической анатоміи Медико-Хирургической Академіи. Заслуги маститаго анатома и тѣ вклады въ науку, которые онъ сдѣлалъ въ теченіе своей многолѣтней дѣятельности, извѣстны. Онъ воспиталъ не одно поколѣніе докторовъ-хирурговъ, которые теперь съ честью подвизаются на поприщѣ, указанномъ имъ профессоромъ, который былъ признанъ однимъ изъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

первыхъ анатомовъ нашего времени, въ нѣкоторыхъ же отношеніяхъ и самымъ опытнымъ изъ всѣхъ. Покойный В. Л. Груберъ скончался на 76 году своей жизни въ Вѣнѣ. Родился онъ въ 1814 г. въ Чехіи и первоначальное образованіе получилъ въ духовно-учебномъ заведеніи Теплъ, близъ Маріенбада, затѣмъ поступилъ въ гимназію въ Прагѣ и тамъ окончилъ курсъ въ университетѣ по медицинскому факультету. Въ Прагѣ онъ получилъ степени доктора хирургіи и затѣмъ доктора медицины, здѣсь издалъ свое первое руководство для студентовъ по анатоміи и въ Пражскомъ же университетѣ началъ свою ученую дѣятельность, занявъ мѣсто прозектора, работая подъ руководствомъ знаменитаго анатома Гиртля, бывшаго его учителемъ. На него, тогда еще молодого, начинавшаго ученаго обратилъ вниманіе нашъ Н. И. Пироговъ, который сталъ усиленно хлопотать о томъ, чтобы пригласить его въ Петербургъ. Благодаря его ходатайству, В. Л. Груберъ дѣйствительно въ 1846 году получилъ приглашеніе занять мѣсто прозектора при тогдашнемъ анатомическомъ институтѣ въ Петербургѣ. В. Л. принялъ приглашеніе и вступилъ въ должность. Въ Петербургѣ ему пришлось работать подъ руководствомъ Пирогова, къ которому онъ при взаимномъ уваженіи, питалъ всю жизнь искреннюю дружбу. Развитіе науки заставило отдѣлить патологическую анатомію отъ анатоміи здороваго человѣка. Каѳедру первой занялъ Н. И. Пироговъ, а каѳедра послѣдней была предложена Груберу только лишь по выходѣ Пирогова изъ Академіи. В. Л. ждалъ ея цѣлыхъ десять лѣтъ. Его плодотворная ученая дѣятельность началась съ того времени, когда онъ сталъ профессоромъ. Вступивъ на каѳедру, онъ прежде всего основалъ институтъ практической анатоміи и при немъ большой и богатый анатомическій музей. Затѣмъ онъ ввелъ всѣ возможныя улучшенія, которыя поставили это заведеніе на должную высоту и стяжали ему славу не только въ Россіи, но и въ Европѣ. Въ новомъ анатомо-физіологическомъ институтѣ В. Л. Груберъ отвелъ цѣлый флигель для практической анатоміи и студенты обязаны исключительно его стараніямъ возможностью присоединить серьезныя практическія занятія къ изученію анатоміи. Съ 1842 г. онъ издалъ сочиненій и большихъ и маленькихъ статей, большею частью оригинальныхъ, нѣсколько сотъ, которыя были оцѣнены ученымъ міромъ по достоинству, какъ по отношенію точности, такъ по богатству научныхъ выводовъ и фактовъ въ области анатоміи. Какъ человѣкъ, В. Л. памятенъ своимъ бывшимъ слушателямъ. Онъ былъ строгъ прежде всего къ самому себѣ, а затѣмъ уже и къ другимъ. Къ ученикамъ онъ питалъ самыя дружескія чувства и всѣ его любили. Онъ былъ взыскателенъ, но всегда справедливъ, всегда доступенъ и велъ себя съ величайшимъ тактомъ. Молодежь платила ему самымъ глубокимъ уваженіемъ и привязанностью, которыя такъ рельефно высказались по поводу его юбилея. Нѣкоторые иностранные университеты пытались вызвать его изъ Петербурга на свои каѳедры, но предложенія эти кончались обыкновенно ничѣмъ. Знаменитый хирургъ-анатомъ, начавшій въ стѣнахъ Медико-Хирургической Академіи свою научную и профессорскую дѣятельность, въ ней же и закончилъ ее и уѣхалъ за границу только тогда, когда вышелъ совершенно въ отставку. Онъ провелъ свои послѣдніе годы на покоѣ, не переставая слѣдить за наукой, которой посвятилъ всю свою жизнь и умеръ, оставивъ по себѣ цѣлую плеяду учениковъ, съ благодарностью почитающихъ его память.

† Въ своемъ имѣніи извѣстный въ литературномъ мірѣ любитель музыки, Константинъ Ивановичъ Званцовъ, сотрудничавшій вмѣстѣ съ Сѣровымъ въ «Театральномъ и музыкальномъ Вѣстникѣ», издававшемся во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ Раппопортомъ. К. И. умеръ въ с. Селищахъ сергачскаго уѣзда Нижегородской губерніи, 62 лѣтъ. Образованіе получилъ въ Петербургскомъ университетѣ, который онъ окончилъ по филологическому факультету. Два года покойный состоялъ на государственной службѣ, въ сенатѣ, и болѣе къ ней не возвращался. Крайній поклонникъ Вагнера,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

онъ перевелъ для русской сцены либрето оперъ «Тангейзера» и «Лоэнгрина». Покойный былъ разносторонне образованный человѣкъ и страстно любилъ театръ. Между прочимъ, онъ обратилъ на себя вниманіе своими статьями объ Ольдриджѣ. Онъ первый собралъ и издалъ «Библіографію Донъ-Жуана», начиная съ 1588 года до 1859 г., называя около ста авторовъ, работавшихъ надъ этимъ всемірно-литературнымъ типомъ; этотъ трудъ выполненъ имъ въ 1859 г. Въ недавнее время К. И. снова появился съ «Воспоминаніями о Сѣровѣ», помѣщенными въ «Русской Старинѣ» за 1888 г. и изданными отдѣльной брошюрой. Кромѣ того, имъ написано было нѣсколько статей по поводу постановки вагнеровскаго «Кольца Нибелунговъ». Въ послѣднее время онъ работалъ надъ двумя либрето для «Руслана» и «Атамана Усти» (изъ романа того-же заглавія гр. Саліаса). Не будучи поставленъ въ необходимость писать для существованія, Званцовъ работалъ, когда былъ позывъ къ этому; жаль, что при его познаніяхъ онъ такъ мало сдѣлалъ. Всѣ знавшіе покойнаго отзываются о немъ, какъ о крайне сердечномъ человѣкѣ, всегда готовомъ придти на помощь ближнему.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Окончаніе исторіи о русскихъ путешественницахъ въ Италію въ телѣгѣ.

Въ іюньской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за нынѣшній годъ напечатана замѣтка В. В. Стасова о русскихъ путешественницахъ изъ Сибири въ Неаполь и Бари въ простой телѣгѣ для поклоненія св. Николаю Чудотворцу. Описавъ пріѣздъ ихъ въ Неаполь, г. Стасовъ прибавляетъ, что дальнѣйшая судьба путешественницъ ему неизвѣстна.

Не разъ мнѣ приходилось слышать отъ своего дяди, генералъ-адъютанта Богдана Александровича фонъ-Глазенапа, подробности возвращенія этихъ путешественницъ въ С.-Петербуръ; со словъ его я возстановляю слѣдующій краткій разсказъ.

Б. А. Глазенапъ былъ дежурнымъ флигель-адъютантъ въ Зимнемъ Дворцѣ, при императорѣ Николаѣ Павловичѣ. Однажды, вечеромъ, когда Царская Семья только-что сѣла за обѣденный столъ, докладываютъ, что у воротъ стоитъ телѣга съ двумя русскими бабами, пріѣхавшими изъ Италіи, отъ Николы Барійскаго; онѣ привезли съ собою иконы и непремѣнно хотятъ, чтобы ихъ допустили до Царской Семьи. Б. А., по своей должности, вышелъ къ странницамъ, и ему представилось слѣдующее: простая, старая телѣга, неважная лошадка и двѣ женщины. На разспросы, откуда онѣ ѣдутъ, онѣ отвѣтили, что возвращаются изъ Италіи, отъ св. Николая Чудотворца, что въ Барахъ, куда ѣздили на поклоненіе. Всюду, по дорогѣ, имъ помогали русскіе, дававшіе средства для дальнѣйшаго путешествія и рекомендательныя письма въ лежащіе по пути города. Такимъ образомъ онѣ передвигались отъ одного города до другого и доѣхали до Италіи. Въ Италіи живѣйшее въ нихъ участіе приняли русскіе художники. Изъ Бари онѣ возвращались такимъ же точно образомъ. Желаніе свое поднести иконы было выражено такъ настойчиво, что Б. А. Глазенапъ рѣшился доложить государю. Вся Царская Семья заинтересовалась рѣдкими путешественницами и, выйдя къ нимъ, разспрашивала про далекій путь, какъ онѣ рѣшились отправиться, не зная иностранныхъ языковъ, и какъ онѣ не заблудились.

Путешественницы просто, безъ прикрасъ, изложили о своемъ странствованіи и разсказали, какъ имъ всюду помогали благодѣтели. Принявъ иконы, Царская Семья обласкала странницъ своими милостями и пожелала имъ дальнѣйшаго счастливаго пути. Присутствовавшіе также оказали имъ посильную помощь.

Профессоръ **С. фонъ-Глазенапъ.**

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

СТЭНЛИ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ОЧЕРКЪ ЕГО ПУТЕШЕСТВІЙ И ОТКРЫТІЙ.

Ранніе годы Стэнли.—Какъ Стэнли отыскалъ Ливингстона.—По африканскимъ озерамъ.—Основаніе государства Конго.—На поискахъ за Эминомъ-пашей.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ».

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13
1890

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ПРЕДЛАГАЕМЫЙ очеркъ жизни, путешествій и открытій Стэнли вызванъ тѣмъ интересомъ, какой возбужденъ во всей европейской печати его послѣдней африканской экспедиціей, описанной въ отпечатанныхъ недавно двухъ объемистыхъ томахъ, подъ заглавіемъ: «Въ дебряхъ Африки». Это—четвертый трудъ знаменитаго путешественника, посвященный ознакомленію съ наименѣе извѣданной частью свѣта.

Стэнли стяжалъ себѣ извѣстность уже своимъ первымъ путешествіемъ во внутрь Африки, которое подробно разсказано въ его сочиненіи «Какъ я отыскалъ Ливингстона?». Черезъ пять лѣтъ онъ вторично побывалъ въ Центральной Африкѣ и въ книгѣ «Черезъ темную часть свѣта» впервые освѣтилъ многія ея области. Въ 1879 г. онъ снова отправился въ Африку для основанія станцій въ открытой имъ области Конго и въ 1885 г. явился его третій трудъ «Конго».

Послѣднее сочиненіе, «Въ дебряхъ Африки», вышедшее одновременно на всѣхъ главныхъ иностранныхъ языкахъ, подверглось гораздо болѣе строгой критикѣ, чѣмъ его прежніе труды. Это и понятно. Открытія въ Африкѣ оцѣниваются теперь не съ одной научной точки зрѣнія. Однѣ научныя и гуманитарныя цѣли въ настоящее время представляются немыслимыми безъ политической подкладки, безъ практическихъ разсчетовъ. И съ послѣдней экспедиціей Стэнли, офиціально предпринятой съ безкорыстною цѣлью найти оставленнаго египетскимъ правительствомъ на произволъ судьбы Эмина-пашу и доставить ему возможность уйти изъ Ваделайя, связываются еще виды на открытіе торговыхъ сношеній съ Экваторіальной провинціей и еще болѣе широкіе планы англійской колоніальной политики.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Съ другой стороны, слѣдуетъ помнить, что Стэнли въ своихъ путешествіяхъ никогда не задавался ни спеціально научными изысканіями, ни собираніемъ матеріала для изслѣдованій, ни обстоятельнымъ и всестороннимъ изученіемъ новооткрытыхъ областей. Его интересуетъ открытіе новыхъ озеръ и горъ, установленіе карты неизвѣданной страны и расширеніе свѣдѣній объ ея народахъ, въ видахъ разрѣшенія крупныхъ вопросовъ. То же видимъ и въ новомъ его сочиненіи. Оно не знакомитъ ни съ флорой, ни съ фауной новооткрытыхъ имъ земель, не даетъ и точныхъ геологическихъ свѣдѣній о нихъ, какъ и вообще никакого цѣннаго естественно-научнаго матеріала. Стэнли даже иронически относится къ коллекціонированію Эмина-паши въ этомъ направленіи. Для отважнаго журналиста-англичанина главное составляютъ вопросы политической географіи и этнологіи.

Помимо неподготовленности къ задачамъ ученаго собирателя въ трудахъ Стэнли даетъ поводъ къ критикѣ и то, что объясняется его неизживной жилкой журналиста, который началъ свою карьеру корреспондентомъ бойкой американской газеты. Поразительная быстрота обработки собранныхъ свѣдѣній должна была неблагопріятно отразиться на послѣднемъ сочиненіи Стэнли. Караванъ Стэнли вступилъ въ Багамайо 4-го декабря 1889 г., а отчетъ объ этомъ трехлѣтнемъ путешествіи былъ уже отпечатанъ въ концѣ іюня 1890 г. Два тома въ тысячу страницъ in-8 были написаны Стэнли въ 50 дней. Отсюда и получились это безпорядочное нагроможденіе фактическихъ подробностей, эта смѣсь серьезнаго съ поверхностнымъ, дѣльнаго съ высокопарными фразами, возвышеннаго съ банальнымъ.

Все это небезосновательно ставится Стэнли на видъ его критиками и, однако же, нисколько не умаляетъ значенія его замѣчательной предпріимчивости и огромныхъ успѣховъ, достигнутыхъ его экспедиціями въ интересахъ дальнѣйшаго изученія внутренней Африки, открытія новыхъ колонизаціонныхъ пунктовъ, наконецъ, въ интересахъ науки и культуры. Самая суровая критика не можетъ отрицать въ этомъ путешественникѣ организаціоннаго таланта, непоколебимой твердости въ преслѣдованіи своихъ цѣлей, безстрашія и мужества передъ непрерывной цѣпью опасностей, нужды, невзгодъ и бѣдствій всякаго рода, которымъ подвергалась экспедиція его, и удивительнаго презрѣнія къ смерти въ виду ужасающихъ трудностей и опасностей пути. Немудрено, что ни одинъ путешественникъ раньше Стэнли не достигалъ такихъ обширныхъ географическихъ результатовъ, какихъ достигъ онъ съ своей энергіей и неустрашимостью. Наглядньмъ подтвержденіемъ этого могутъ служить прилагаемыя здѣсь двѣ карты «Средняя Африка до Стэнли» и «Средняя Африка послѣ Стэнли».

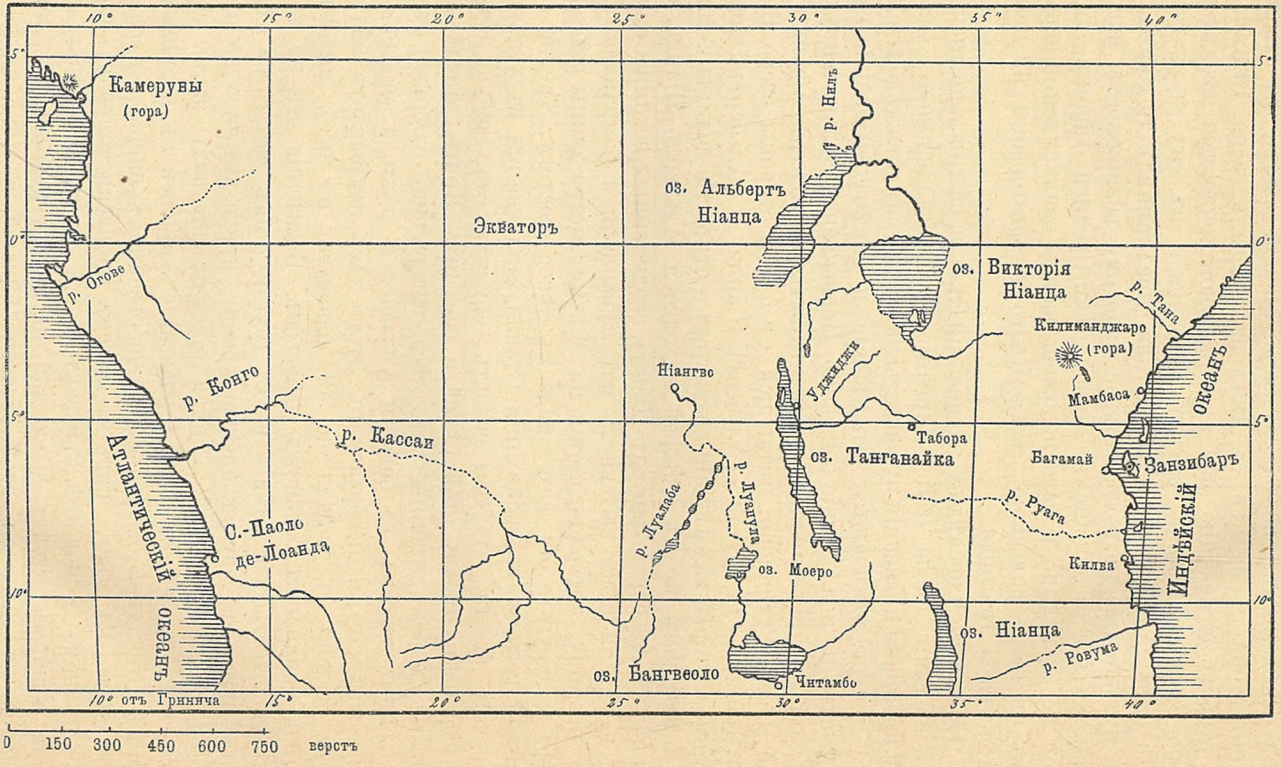
НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Въ свою первую экспедицію, которую Стэнли предпринялъ, будучи невѣдомымъ репортеромъ американской газеты, онъ отыскалъ Ливингстона и вмѣстѣ съ нимъ изслѣдовалъ озеро Танганайка. Во вторую экспедицію онъ съ возможной точностью изслѣдовалъ озеро Викторія-Ніанца, затѣмъ отправился къ югу и, найдя на пути озеро Альбертъ-Эдвардъ-Ніанца, предпринялъ то достопамятное путешествіе по водѣ, которое дало ему возможность впервые ознакомиться съ теченіемъ главной рѣки Средней Африки—Конго. Этой же экспедиціей было положено начало ознакомленію европейцевъ съ географическою сѣтью Конго и организаціи на ней судоходства и торговли.

Что касается послѣдней экспедиціи Стэнли, официально именовавшейся «Emin Pasha Relief Expedition», то, независимо отъ ожидаемой провѣрки показаній путешественника другими изслѣдователями, уже теперь отмѣчаются важнѣйшіе и замѣчательнѣйшіе ея результаты, не подлежащіе сомнѣнію. Первый значительный научный результатъ представляетъ собой открытіе въ центрѣ Африки горной массы Рувенцори, питающей съ одной стороны озеро Викторія-Ніанца, съ другой — Альбертъ-Ніанца и Альбертъ-Эдвардъ-Ніанца. Второй важнѣйшій результатъ—открытіе долины Семлики, на сѣверномъ концѣ которой находится Альбертъ-Ніанца, а на южномъ—Альбертъ-Эдвардъ-Ніанца, соединенныя водами Семлики. Не менѣе 62 рѣкъ вытекаетъ изъ Рувенцори и направляются въ эту впадину, которая тянется на 292 километра длины отъ одного озера до другого отъ юго-запада къ сѣверо-востоку. Третій крупнѣйшій результатъ экспедиціи Стэнли заключается въ установленіи того факта, что вся область Арувими отъ Ямбуя и также пространство между этой рѣкой и верхнимъ Конго, заполнена зеленымъ моремъ тропическаго лѣса, совершенно сходнаго съ бразильскимъ лѣсомъ въ области Амазонской рѣки и, подобно ему, непроходимаго и необитаемаго. Этотъ лѣсъ покрываетъ 224 милліона акровъ и, считая по 48 деревьевъ на акрѣ, имѣетъ до 10,752 милліоновъ большихъ деревьевъ. Послѣднія отъ 20 до 200 футовъ высоты тѣснятся одно къ другому такъ, что вѣтви ихъ переплетаются, образуя тѣнистую крышу, чрезъ которую не проникаютъ и лучи солнца. Стэнли трижды прошелъ этотъ лѣсной океанъ вдоль теченія Итури (названіе Арувими въ верхнемъ теченіи). 156 дней отважный путешественникъ впервые пролагалъ себѣ путь по лѣсу, шагъ за шагомъ прорубая топоромъ дорогу, при вѣчномъ господствѣ сумерекъ, когда голодъ и болѣзни поражали храбрый отрядъ и со дня на день угрожали ему окончательной гибелью. Въ этой области 150 дней въ году идутъ проливные дожди и каждый ливень сопровождается сильными вѣтрами, бурями, громовыми ударами и молніею.

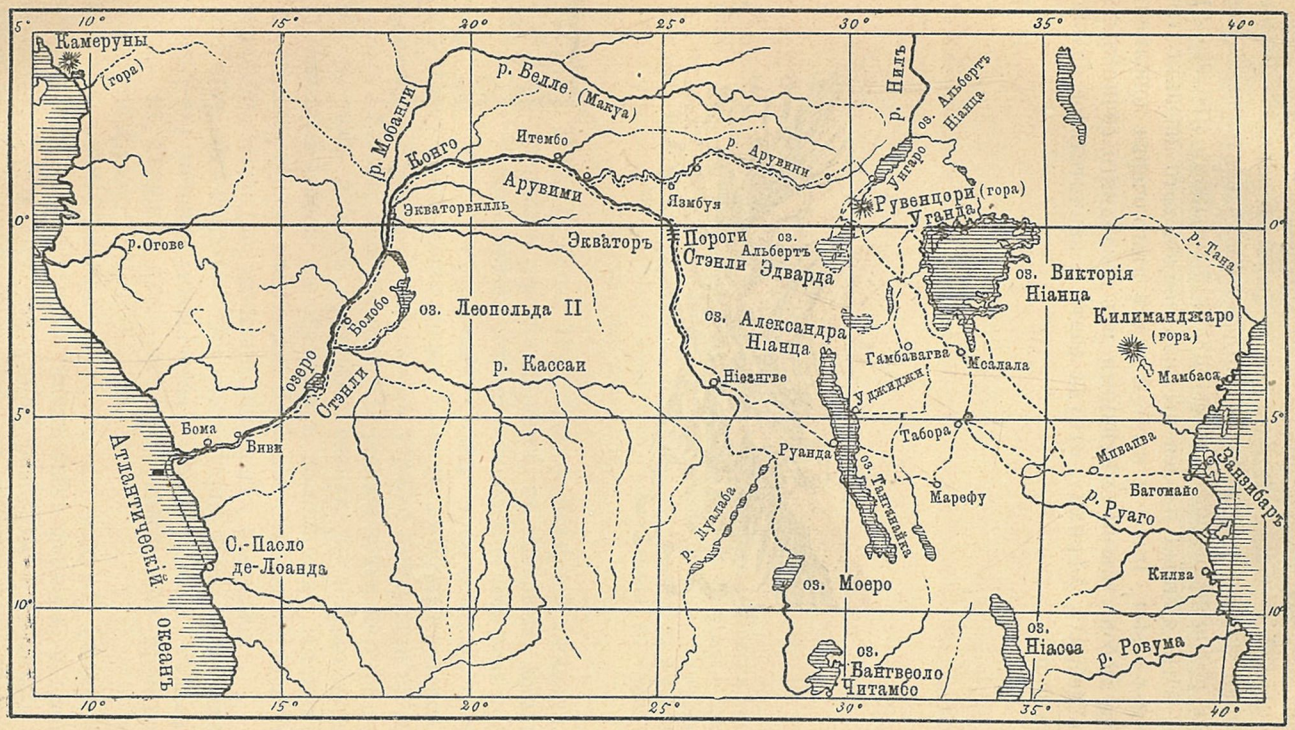
НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

СРЕДНЯЯ АФРИКА ДО СТЭНЛИ.



НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

СРЕДНЯЯ АФРИКА ПОСЛѢ СТЭНЛИ.



НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Новѣйшая исторія открытій знаетъ немного такихъ путешествій, каковы экспедиціи Стэнли. Въ нашемъ очеркѣ излагаются въ сжатой и общедоступной формѣ факты и наиболѣе выдающіяся данныя всѣхъ этихъ экспедицій въ послѣдовательномъ порядкѣ, какъ равно и біографическія свѣдѣнія о самомъ предпринимателѣ ихъ. Эти данныя извлечены изъ лондонскаго изданія «Stanley» (Ernest Nister, 1890) и въ V-й главѣ этого очерка дополнены наиболѣе любопытными свѣдѣніями изъ послѣдняго сочиненія Стэнли «Въ дебряхъ Африки», откуда взято и значительное большинство рисунковъ.

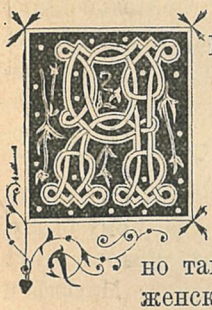
Ѳ. Б.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

I.

Ранніе годы Стэнли.

Бетсинъ сынъ.—Подлинное имя Стэнли.—Бѣгство изъ школы.—Поиски счастья въ Америкѣ.—Усыновленіе Стэнли лавочникомъ въ Новомъ Орлеанѣ.—Участіе Стэнли въ американской междуусобной войнѣ.—Стэнли-матросъ.—Пребываніе въ Малой Азіи.—Возвращеніе на родину.—Вторичное путешествіе въ Америку.—Первые шаги журнальной карьеры.—Корреспонденціи Стэнли въ «New York Herald» изъ Абиссиніи.



НВАРЯ 28-го, 1841 года, на базарной площади маленькаго городка Денбигъ, въ сѣверномъ Валлисѣ, было замѣтно особенное оживленіе, хотя день приходился не базарный. Солнце ярко свѣтило, и горы окружающія долину Клвидъ, въ центрѣ которой находился самый городъ, угрюмо выступали на свѣтломъ, ясномъ небѣ. На рынкѣ почти не торговали, но тамъ и сямъ группами стояли представительницы женскаго пола въ огромныхъ валлійскихъ шляпахъ и о чемъ-то, видимо, горячо толковали. Къ нимъ присоединились двоетрое стариковъ, очевидно, заинтересованныхъ разсказомъ.

— Да, такъ вотъ какъ-съ,—говорила старая дама, смахивавшая на ворожею,— и у Бетси родился сынъ, и старикъ Джонъ Роллантсъ произведенъ въ дѣдушки, — съ особенною важностью произнесла она послѣднюю фразу.

Особенно важнымъ казалось тутъ то, что старый Джонъ Роллантсъ сталъ дѣдушкой. Старикъ Джонъ былъ фермеръ, а главное мѣстная знаменитость. Его остроумные разсказы о мѣстныхъ тузахъ имѣли всегда громадный успѣхъ въ шинкѣ и по вечерамъ публика «Льва» неистово аплодировала ему.

Послали въ «замокъ» гонца за фермеромъ Джономъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

«Замкомъ» называлось нѣсколько домиковъ, построенныхъ на мѣстѣ, гдѣ нѣкогда стоялъ замокъ временъ Эдуарда; развалины этого замка короною возвышались надъ городомъ.

Въ одномъ изъ этихъ домиковъ и народился «Бетсинъ сынъ».

На возвратномъ пути изъ фермы, вновь испеченному дѣдушкѣ пришлось проходить мимо базарной площади. Здѣсь его забросали вопросами. Кто интересовался узнать, красивъ ли его внукъ, другіе допытывались, не худъ ли онъ. Старый Джонъ, не останавливаясь, отвѣчалъ всѣмъ одно и тоже: «изъ мальчика Бетси современемъ выйдетъ человѣкъ!»

Черезъ нѣсколько недѣль мальчика окрестили и назвали Джономъ Рауландсъ, англизированная форма Роллантса.

Роллантсъ младшій, отецъ, умеръ черезъ два года и со смертью его рушилось благополучіе въ «замкѣ». Ребенка отдали на воспитаніе, а мать нанялась въ прислуги. Пяти лѣтъ мальчика помѣстили въ англійскую частную школу. Здѣсь онъ пробылъ недолго, всего нѣсколько мѣсяцевъ. Дядя, плативній за него, женился, вслѣдствіе чего мальчика перевели въ школу при рабочемъ домѣ въ С.-Асафъ. «Намъ всѣмъ было его очень жаль,—разсказывалъ одинъ изъ его родственниковъ, отвозившій его въ С.-Асафъ,—онъ былъ такой умный, толковый мальчикъ!»

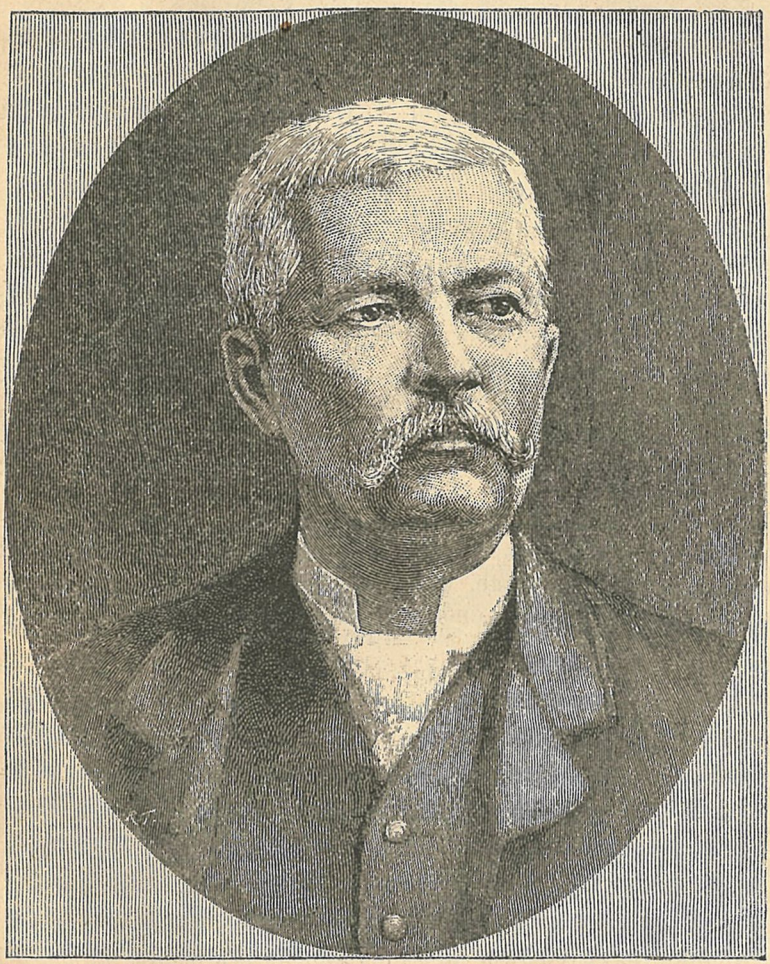
Ему въ это время было около шести лѣтъ, но благодаря своему уму и отвагѣ, онъ живо завоевалъ себѣ мѣсто старшаго между своими сверстниками. Учился онъ чрезвычайно старательно, любимыми его предметами были ариѳметика и географія. Въ играхъ онъ отличался сообразительностью, въ кулачномъ бою и въ дракахъ удивительною находчивостью и выносливостью. Оба эти свойства и впослѣдствіи отличали его, когда онъ сталъ однимъ изъ великихъ современныхъ путешественниковъ.

13-го мая 1856 года, Джонъ, послѣ отчаянной драки съ однимъ изъ товарищей, сбѣжалъ изъ школы къ своему двоюродному брату, Давиду Овэну, школьному учителю въ Бриндфордѣ. Вскорѣ этотъ Давидъ Овэнъ получилъ въ свое завѣдываніе школу въ Мольдѣ и взялъ Джона къ себѣ въ помощники.

Въ этотъ періодъ своей жизни Джонъ зачитывался книгами съ разными приключеніями и путешествіями и, говорятъ, сталъ проявлять непреклонную волю, которая не склонялась ни передъ какими препятствіями. Самый характеръ его чтенія, борьба съ обстоятельствами, его упрямая натура, развили въ немъ желаніе искать приключеній. Въ шестнадцать лѣтъ это былъ упрямый, своевольный юноша, съ круглой головой, съ полнымъ лицомъ, съ глубокими выразительными глазами. Во время бесѣды его большіе каріе глаза точно утопали въ какомъ-то созерцаніи. Онъ былъ чрезвычайно крѣпкаго, но не красиваго сложенія, ноги его были не пропорціонально коротки.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Не долго пробылъ онъ у своего двоюроднаго брата. Овэнъ былъ человѣкъ склонный къ зависти и мелочности, а гордый нравъ Джона не могъ смириться и подчиниться требованіямъ человѣка, котораго онъ не уважалъ. Въ концѣ концовъ жизнь въ Мольдѣ стала для него невыносима и онъ рѣшился искать счастья гдѣ-



Портретъ Стэнли 1890 г.

нибудь въ другомъ мѣстѣ. Съ нѣсколькими пенсами въ карманѣ онъ предпринялъ путешествіе въ Ливерпуль.

Прибывъ на мѣсто назначенія, онъ принялся за поиски себѣ какой-нибудь работы на судахъ, стоящихъ въ докахъ. Послѣ многочисленныхъ грубыхъ отказовъ, ему, наконецъ, удалось получить

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

мѣсто каютъ-юнги на купеческомъ суднѣ, дѣлавшемъ рейсъ по Миссисипи. По прибытіи въ Новый Орлеанъ, Джона разсчитали, и тутъ ему снова пришлось искать себѣ мѣста. Прочитавъ на дверяхъ лавки Генриха Мортона Стэнли, что требуется мальчикъ, онъ вошелъ въ лавку и предложилъ свои услуги.

— Что же ты умѣешь, любезный другъ? — спросилъ его хозяинъ лавки съ добродушной привѣтливой физіономіей.

— Я готовъ исполнять всякую работу, какая только подъ силу мальчику моихъ лѣтъ, — отвѣчалъ Джонъ.

Хозяинъ лавки нанялъ его, а вскорѣ усыновилъ и сдѣлалъ своимъ наслѣдникомъ. Такимъ-то образомъ Джонъ Рауландсъ получилъ имя Генриха Мортона Стэнли.

Скоропостижная смерть Стэнли разрушила всѣ надежды его пріемнаго сына. Завѣщанія не оказалось и родственники лавочника завладѣли всѣмъ его состояніемъ.

Тутъ на время мы теряемъ изъ виду Стэнли, пока не началась американская междуусобная война. Въ этой войнѣ онъ участвовалъ во всѣхъ сраженіяхъ подъ командою генерала Джонстона, включая битву подъ Питсбургомъ въ апрѣлѣ 1862 г. Здѣсь онъ былъ взятъ въ плѣнъ, но, во время пересылки его въ военный судъ, ему удалось бѣжать. Онъ переплылъ рѣку подъ цѣлымъ градомъ гранатъ.

Затѣмъ онъ вернулся въ Валлисъ и посѣтилъ своихъ родственниковъ. Его жалкій видъ, очевидная бѣдность сдѣлали то, что онъ былъ принятъ всѣми хуже, чѣмъ онъ могъ разсчитывать, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ снова переплылъ черезъ Атлантическій океанъ.

Въ Нью-Іоркѣ его арестовали, какъ бѣжавшаго плѣнника, но онъ нашелъ выходъ изъ этого непріятнаго положенія, записавшись простымъ матросомъ въ федеральный флотъ. Онъ поступилъ на судно «Тикондерога» въ началѣ 1863 г., а уже черезъ четыре мѣсяца службы былъ назначенъ секретаремъ къ адмиралу. Вскорѣ онъ отличился, проплывъ 500 ярдовъ подъ дождемъ выстрѣловъ, чтобъ привязать канатъ къ захваченному пароходу. За этотъ подвигъ онъ былъ награжденъ ежегодной пенсіей въ 350 фунт. стерл. Кромѣ того, онъ сражался во многихъ сухопутныхъ и морскихъ стычкахъ и принималъ участіе во вторичной осадѣ форта Фишеръ въ январѣ 1865 г.

«Тикондерога» отправилось въ десятимѣсячное плаваніе. По прибытіи въ Константинополь, Стэнли получилъ отпускъ. Тутъ онъ предпринялъ экскурсію въ Іерусалимъ и съ двумя пріятелями отправился путешествовать по Малой Азіи. Безумная отвага одного изъ его компаніоновъ повела къ тому, что въ Смирнѣ ихъ всѣхъ арестовали. Когда же ихъ выпустили на свободу, то на нихъ напали разбойники и, ограбивъ ихъ, выдали властямъ, какъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

разбойниковъ. Стэнли и тутъ не потерялъ присутствія духа. Онъ не только съумѣлъ отстоять себя и своихъ пріятелей въ этой непріятной исторіи, но еще черезъ посредство представителя Соединенныхъ Штатовъ получилъ вознагражденіе отъ турецкаго правительства.

Затѣмъ онъ снова вернулся на свою родину, гдѣ на этотъ разъ его приняли лучше. Въ С.-Асафѣ онъ посѣтилъ школу при рабочемъ домѣ, въ которой учился въ дѣтствѣ, и сказалъ ученикамъ рѣчь, причемъ упомянулъ, что онъ считаетъ себя обязаннымъ этой школѣ всѣмъ, подготовкою къ жизни и всѣми будущими успѣхами, благодаря хорошему воспитанію, которое въ ней получилъ.

Черезъ нѣсколько недѣль Стэнли уже снова былъ въ Америкѣ. Тутъ онъ отказался отъ морской службы и посвятилъ себя журналистикѣ. Онъ былъ корреспондентомъ «Missouri Democrat», «New York Tribune» во время экспедиціи Шермана противъ индѣйцевъ Сіу. Его корреспонденціи обратили на себя общее вниманіе, и издатель «New York Herald» предложилъ ему въ качествѣ спеціальнаго корреспондента сопровождать англійскую армію въ Абиссинію. «Я видѣлъ, какъ сражаются американцы, видѣлъ, какъ сражаются индѣйцы и былъ радъ случаю посмотрѣть, какъ сражаются англичане»,—говоритъ Стэнли. Впервые онъ увидѣлъ англійскихъ солдатъ, приготовившихся къ войнѣ въ пустыняхъ Зоулла (Zoulla) въ Абиссиніи.

Война велась съ императоромъ Абиссиніи Ѳеодоромъ, который захватилъ въ плѣнъ, и истязалъ нѣсколькихъ англійскихъ миссіонеровъ, а также держалъ въ плѣну англійскаго консула, капитана Камерона. Въ 1867 г. англійское правительство потребовало освобожденія плѣнныхъ, а когда это требованіе не было уважено, была отправлена экспедиція изъ Бомбея, подъ начальствомъ генерала Непира. Стэнли не былъ готовъ къ продолжительному походу и вообще, какъ онъ признается самъ, не имѣлъ яснаго представленія ни объ Абиссиніи, ни о системѣ веденія войны англичанами. У него почти не было ни багажа, ни палатки, и ему пришлось лѣтѣть на всѣхъ парахъ, когда внезапно пришло извѣстіе о предстоящей осадѣ Магдала. Все его богатство заключалось въ одеждѣ изъ буйволовой кожи, которая служила ему защитою отъ стрѣлъ.

Онъ заявилъ себя корреспондентомъ энергичнымъ и чрезвычайно отважнымъ. Особенно интересны его очерки жизни въ Абиссиніи. Про абиссинскія деревни онъ говоритъ, что онѣ состоятъ изъ скученныхъ грязныхъ, низкихъ домиковъ съ плоскими крышами, и населенныхъ людьми въ фантастическихъ костюмахъ. Между прочимъ, онъ описываетъ мѣстные похороны, какъ священники во время похоронъ для выраженія скорби раздираютъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

на себѣ тюрбаны, рвутъ волосы, неистово воютъ, но какъ только опустятъ въ землю покойника, на котораго обыкновенно изъ экономіи надѣваютъ старое платье, скорбь быстро смѣняется веселъемъ и домой всѣ возвращаются подъ веселые звуки гобоевъ.

Магдала, по словамъ Стэнли, городъ на вершинѣ горы въ 10,000 футовъ высоты надъ уровнемъ моря, окруженный гигантскими горами, между которыми встрѣчаются пропасти въ 2,000, 3,000 и даже 4,000 фут. глубины. Во время энергичнаго бомбардированія стѣнъ Магдалы, Стэнли пожелалъ видѣть послѣднее дѣяніе рукъ Ѳеодора и заглянулъ въ одну изъ пропастей. Страшное, ужасающее зрѣлище представилось его взору, — 300 труповъ, голыхъ, обезображенныхъ, разлагавшихся съ оковами на ногахъ и рукахъ, лежали кучею одинъ на другомъ.

Кампанія эта, какъ извѣстно, кончилась взятіемъ Магдалы и самоубійствомъ Ѳеодора. Стэнли вернулся въ Европу и былъ немедленно командированъ въ Испанію съ цѣлью слѣдить за ходомъ событій во время революціоннаго кризиса въ этой странѣ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

II.

Какъ Стэнли отыскалъ Ливингстона.

Ложное извѣстіе о смерти Ливингстона.—Англійская правительственная экспедиція въ Африку.—Свиданіе Стэнли съ Бенеттомъ, издателемъ «New York Herald».—Побочныя задачи Ливингстоновской экспедиціи Стэнли.—Трудности движенія каравановъ Стэнли.—Африканскій «Наполеонъ».—Изъ письма Ливингстона къ Бенетту.—Приключенія, постигшія Стэнли.—Встрѣча Стэнли съ Ливингстономъ въ Уджиджи.—Возвращеніе съ поисковъ Ливингстона.—Корреспонденціи Стэнли объ экспедиціи на ашантіевъ.—Кончина Ливингстона.

ВЪ ПИСЬМѢ доктора Сиварда изъ Занзибара въ англійское министерство иностранныхъ дѣлъ, отъ 10-го декабря 1866 г., подробно было описано убіеніе знаменитаго африканскаго путешественника доктора Ливингстона. Вся эта исторія, какъ оказалось потомъ, была выдумана Али-Музою, начальникомъ конвоя Ливингстона и только благодаря сэру Родерику Мюрчисону, впервые обратившему вниманіе на разныя несообразности въ этомъ ложномъ извѣстіи Али-Музы, въ публикѣ зародилось сомнѣніе въ правдивости оповѣщенія объ убійствѣ героя-путешественника. Общественное мнѣніе въ Англіи требовало, чтобы дѣло это было выяснено, и выражалась готовность поддержать его въ матеріальномъ отношеніи, оказавъ помощь Ливингстону или для возвращенія его въ Англію, или для продолженія задуманныхъ имъ изысканій.

Англійское правительство рѣшило отправить экспедицію на Замбези и озеро Ніасси. Сотни добровольцевъ предложили свои услуги. Изъ нихъ были избраны морякъ Эдвардъ Юнгъ и поручикъ 17-го Уланскаго полка Генрихъ Фолькнеръ. Экспедиція отправилась изъ Англіи 11-го іюня 1867 г. По наведеннымъ справ-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

камъ оказалось, что Ливингстонъ благополучно прошелъ то мѣсто, гдѣ, по словамъ Али-Муза, онъ былъ убитъ, и такимъ образомъ, извѣстіе о его смерти являлось очевидною выдумкою. Но куда же дѣвался Ливингстонъ? Сказать, что онъ не убитъ, еще не значило сказать, что онъ живъ. Никто давно уже не имѣлъ никакихъ извѣстій отъ него и друзья Ливингстона серьезно были озабочены его судьбою.

Вотъ тутъ-то и оказалъ услуги Стэнли. Въ полночь 17-го августа 1869 г. онъ стучался въ дверь одной изъ комнатъ «Grand Hôtel'я» въ Парижѣ. Его вызвали телеграммою изъ Мадрида.

— Войдите... кто тамъ?—спросилъ его голосъ за дверью.

— Я—Стэнли!—отвѣтилъ молодой корреспондентъ.

— Чудесно. Садитесь. У меня есть къ вамъ важное дѣло.

Издатель «New York Herald» былъ уже въ постели, но тутъ онъ накинулъ на себя халатъ и обратился къ Стэнли съ слѣдующимъ вопросомъ:

— Какъ вы думаете, гдѣ Ливингстонъ?

— Рѣшительно не могу себѣ представить, сэръ.

— Думаете ли вы, что онъ живъ?

Стэнли отвѣчалъ, какъ настоящій оракулъ—можетъ быть, Ливингстонъ и живъ, а можетъ быть и нѣтъ.

— По моему, онъ живъ,—замѣтилъ Беннетъ,—и его можно розыскать, и я имѣю намѣреніе отправить васъ на поиски за нимъ.

— Да что вы... неужели же вы думаете, что я дѣйствительно могу найти Ливингстона, неужели вы собираетесь меня отправить въ Центральную Африку?

Бенеттъ отвѣчалъ утвердительно.

— Почемъ знать, быть можетъ, старикъ нуждается въ помощи, предоставляю на ваше личное усмотрѣніе все по устройству этого путешествія; только найдите мнѣ Ливингстона. Располагайте деньгами, не стѣсняясь. Истративъ тысячу фунтовъ, принимайтесь за другую, за третью, за четвертую, только найдите Ливингстона.

Путешествіе не должно было имѣть явною цѣлью поиски Ливингстона. Стэнли отправился сперва на открытіе Суэзскаго канала. Затѣмъ спустился по Нилу. Кромѣ того, ему поручено было собрать разныя свѣдѣнія касательно экспедиціи Беккера, составить путеводитель по Нижнему Египту, описать всѣ открытія, сдѣланныя капитаномъ Уарреномъ въ Іерусалимѣ, посѣтить Константинополь, всѣ поля битвы въ Крыму и черезъ Кавказъ добраться до Каспійскаго моря и оттуда уже, черезъ Персію,—въ Индію. Кромѣ того, ему поручалось ознакомиться съ сѣтью желѣзной дороги въ Евфратской долинѣ. Все это онъ обязывался исполнить между прочимъ, настоящею же и дѣйствительною цѣлью путешествія было узнать истину о Ливингстонѣ,—если онъ живъ, собрать

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ихъ братьевъ вождей въ Нтамо (Ntamo), въ пользу основанія тамъ станціи. Черезъ нѣсколько дней онъ возвратился съ пятью вождями и послѣ долгаго совѣщанія съ ними заявилъ, что они все еще ни на что не рѣшились.

Для того, чтобы дать имъ время обдумать свое предложеніе, Стэнли возвратился въ Мпакамбенди за провіантомъ, оставивъ въ Нтамо Сузи (бывшаго у Ливингстона) и десять занзибарцевъ. Черезъ 10 дней отрядъ прибылъ въ Мпакамбенди и тутъ пришлось улаживать затрудненія. Дѣло въ томъ, что Линднеру было поручено пріобрѣсти землю на южномъ берегу, противуположномъ Маніангѣ, а теперь предполагалось основать станцію у Stanley Pool на лѣвомъ берегу, въ виду того, что де-Брацца пріобрѣлъ землю на сѣверномъ берегу. Немедленно было приступлено къ работамъ по прокладкѣ дороги. Люди двигались медленно, приходилось пересѣкать ручьи, поросшіе лѣсомъ обрывы, тащить тяжелые вагоны съ пароходами и провіантомъ. Въ Кинсенди (Kinsendi) прибылъ Сузи со своимъ отрядомъ изъ Нтамо и привезъ извѣстіе, что Нгаліема, напуганный угрозами торговцевъ слоновой костью, отказывающихся вести съ нимъ торговлю, обѣщалъ имъ прекратить всякое сношеніе съ бѣлымъ человѣкомъ. Сузи узналъ, кромѣ того, что Нгаліема плаваетъ подъ фальшивыми флагами и совсѣмъ не вождь, а просто торговецъ костью. Піонеры отправились впередъ прокладывать дорогу, за ними вскорѣ послѣдовалъ и остальной персоналъ экспедиціи.

Экспедиція въ полномъ составѣ прибыла въ Узанзи (Usansi) 7-го ноября, гдѣ Макоко, владѣтель округа между Кинтомпе (Kintompe) и Stanley Pool, посѣтилъ немедленно «Bula Matori». Въ исхудаломъ, старомъ Макоко, всего болѣе поражала его борода, въ 6 фут. длины, на 1 фут. длиннѣе его самого, когда она была не подвернута. Въ результатѣ переговоровъ Макоко обѣщалъ уступить землю подъ колоніи въ Кинтамо (Kintamo). Все лицо его было вымазано сажею въ знакъ печали. Но за то онъ вернулся совершенно счастливымъ, получивъ много кусковъ холста и бусъ для четырехъ дамъ г-жъ Макоко. Въ тотъ же вечеръ отъ почтеннаго старца-вождя прибылъ посланный съ извѣстіемъ, что Нгаліема выступаетъ съ большою силою противъ Стэнли, чтобы помѣшать ему въ осуществленіи его предпріятія. Стэнли распорядился укрыть весь персоналъ экспедиціи въ вагоны и въ кусты, окружающіе лагерь, и всѣмъ приказалъ оставаться тамъ, покуда не услышатъ звуковъ гонга. Какъ только раздастся звукъ этого инструмента, они должны бѣжать, махая ружьями, и неистово кричать.

Стэнли завидѣлъ приближеніе своего кровнаго брата во главѣ 200 батекейцевъ съ ружьями, подъ звуки роговъ, барабановъ и другихъ «національныхъ» инструментовъ. Нгаліема вступилъ въ лагерь и, движимый непреодолимой алчностью получить цвѣтного сукна и ковровъ, послѣдовалъ за Стэнли въ его палатку. Повто-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ривъ нѣсколько разъ свое рѣшеніе не допускать экспедицію въ Кинтамо (Kintamo), Нгаліемо вдругъ обратилъ вниманіе на большія гонги, висѣвшія на дверяхъ палатки. Ему объяснили, что это идолы, но онъ не повѣрилъ и пожелалъ услыхать ихъ звукъ. Его опять предостерегли, что это идолъ, призывающій вооруженныхъ людей. Продолжая не вѣрить, онъ толкнулъ ногой. «Ударьте, «Bula Matori», ударьте въ тарелки!» Цѣлый рядъ ударовъ сдѣланъ былъ по этимъ «тарелкамъ» и прежде чѣмъ толпа очнулась отъ громовыхъ ударовъ, крики и вопли послышались со всѣхъ сторонъ, и выскочила бѣшеная, съумасшедшая толпа вооруженныхъ людей изъ-за кустарниковъ и овраговъ. Батекейцы, въ паническомъ ужасѣ, обратились въ бѣгство, бросая по дорогѣ ружья, амуницію. Нгаліема съ двумя своими сыновьями спрятался за Стэнли, умоляя «Bula Matori», его спасти. Его успокоили и, затѣмъ, было возобновлено братство за пальмовымъ виномъ.

Нгаліема возвратился въ Нтамо умнѣе и печальнѣе прежняго. Отрядъ, ободренный удачей этой шутки, двинулся впередъ. До Кинтамо дошли въ 21 день и мѣстомъ для новой станціи былъ избранъ откосъ «Leopold Hill» въ 600-хъ ярдахъ отъ деревни и 68-ми футахъ надъ Конго. На востокъ было 5,000 миль судоходнаго сообщенія черезъ «Stanley Falls» и новая станція названная «Леопольдвилль (Leopoldvill) долженствовала быть пристанью, отъ которой пароходы могли бы отправляться въ путешествіе по Верхнему Конго. Работы часто прерывались изъ-за ссоръ съ Нгаліема и его единомышленниками, и одно время отношенія съ нимъ до того обострились, что у всѣхъ ружья были постоянно наготовѣ. Однако, дѣло обошлось благополучно и всѣ переговоры со всѣми вождями округа увѣнчались успѣхомъ.

Денежными знаками этой территоріи служатъ мѣдные прутья, за три такихъ прута можно купить 10 фунтовъ маніоковаго хлѣба. 22 ярда простого сукна стоютъ 15 мѣдныхъ прутьевъ; за то за одинъ ножъ платилось отъ одного до трехъ прутьевъ, смотря по числу заклепокъ въ рукояткѣ. Земля территоріи отличалась плодородіемъ, но была не обработана, поросла травою, кустарниками, деревьями. На другой сторонѣ рѣки тянулись зеленѣющія долины въ перемежку съ густыми лѣсами, а тамъ дальше вправо отъ Stanley Pool — горы и хребты, покрытые лѣсами. По словамъ Стэнли, территорія вокругъ селеній Кинтамо и Киншасса (Kinshassa) простирается до 50,000 квадратныхъ акровъ самой плодородной наносной земли, какую едва ли можно встрѣтить въ какой-либо другой части свѣта. Тѣмъ не менѣе мѣстные жители вѣчно голодаютъ вслѣдствіе лѣни мужчинъ, единственное занятіе которыхъ состоитъ въ томъ, что они сидятъ, не двигаясь, покуда ихъ трудолюбивыя жены натираютъ ихъ пальмовымъ масломъ и охрою.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

19-го апрѣля, первая экспедиція по изслѣдованію Верхняго Конго покинула Леопольдвилль. Она состояла изъ «En Avant», шлюпки и двухъ лодокъ съ персоналомъ изъ 49 темнокожихъ и четырехъ бѣлыхъ, включая Стэнли. Переплывая черезъ Pool, который тянется на протяженіи 250 квадр. миль, они прошли мимо южныхъ береговъ острова Баму (Bamu) съ его стадами буйволовъ, слоновъ, гиппопотамовъ.

По прибытіи въ Мсвату (Mswata) былъ сдѣланъ привалъ и начальники округовъ Гобила (Gobila), Гаунши (Gaunchi) и Ганделай (Gandelay) предстали во всей красѣ подъ аккомпаниментъ барабановъ, колокольчиковъ и рожковъ. Изъ этого достойнаго тріо, Ганделай считался старшимъ, при немъ состояло нѣсколько лицъ женскаго пола, которыя отгоняли мухъ съ его августѣйшей особы. Продажа участка земли состоялась успѣшно и лейтенанту Янсену было поручено основать пятую станцію.

«En Avant» отправилась для изслѣдованій по Квѣ (Kwa) и открыла озеро Леопольда.

На возвратномъ пути Стэнли заболѣлъ лихорадкою и, по прибытіи въ Леопольдвилль, распорядился, чтобы занзибарцы, которыхъ трехлѣтній срокъ службы кончался, проводили его въ Виви. Здѣсь онъ встрѣтился съ докторомъ Пешелемъ Лёше, который долженъ былъ замѣнить Стэнли въ томъ случаѣ, еслибы болѣзнь помѣшала ему вести экспедицію дальше. Снабдивъ доктора всѣми нужными свѣдѣніями и указаніями, онъ самъ отправился на морской берегъ, остановился на время въ Лоандѣ (Loanda), гдѣ постепенно сталъ поправляться и, затѣмъ, въ октябрѣ 1882 года, вернулся въ Европу.

Предписаніе комитета отъ 1878 года гласило: основать три колоніи, пустить по Верхнему Конго пароходъ, сдѣлать доступнымъ сообщеніе съ моремъ. Стэнли могъ заявить теперь, что съ помощью нѣсколькихъ европейцевъ и 68 занзибарцевъ онъ основалъ пять станцій вмѣсто трехъ, пароходъ и парусное судно спущены по Верхнему Конго, дорога для транспортовъ между Виви и Исанджилой проложена и еще другая отъ Маніанги до Stanley Pool, кромѣ того, сообщеніе открыто до сліянія Квы съ Конго въ 440 миляхъ отъ моря.

Пребываніе Стэнли въ Европѣ продолжалось всего нѣсколько недѣль, и 30 декабря 1882 года онъ снова вернулся въ Виви, гдѣ нашелъ разные безпорядки. Почтенный нѣмецъ, Линднеръ, котораго онъ оставилъ вмѣсто себя, за мѣсяцъ передъ тѣмъ отбылъ на родину. Начальникъ Виви былъ потерянъ, украденъ или смѣщенъ, но его не оказалось на мѣстѣ, Леопольдвилль предоставленъ самому себѣ.

Порядокъ, однако, скоро былъ возстановленъ, затѣмъ возникли новыя станціи еще въ Стефанивиллѣ (Stephanievill), Франктоунѣ (Franktoun) и въ Китаби (Kitabi). Леопольдвилль скоро принялъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

видъ торговаго поселенія, и хорошо организованная экспедиція изъ 80 человѣкъ почти съ 6 тонами поклажи отплыла 8-го мая по Верхнему Конго. «En Avant» указывала путь, за ней шла «Royal», затѣмъ новый паровой катеръ, извѣстный подъ литерами «A. S. A.», были взяты еще одна шлюпка и лодка. Сдѣланъ привалъ въ Мсватѣ (Mswata) въ благоустроенной станціи въ резиденціи со всѣми удобствами, гдѣ папа Гобила и лейтенантъ Янсенъ вели свои перегововы по два раза въ день.

Флотилія продолжала свой путь въ Болобо (Bolobo) черезъ деревню Манту (Mantu), гдѣ фабрикуется въ большомъ количествѣ пиво изъ перебродившаго сахарнаго тростника и пшена. Кругомъ тянутся плодородныя долины, роскошныя низменности. Это — именно та площадь въ милліонъ квардратныхъ миль, которая, по мнѣнію Стэнли, стоитъ того, чтобы изъ-за нея потрудиться на 255 миляхъ утесовъ и скалъ, поросшихъ кустарникомъ, отдѣляющихъ ее отъ предпріимчивыхъ европейцевъ. Будь она имъ доступна, она скоро показала бы міру, сколько производительнаго можетъ дать Африка. Численность прибрежнаго населенія Болобо простирается до 10,000, внутреннія земли также густо заселены.

Флотилія отплыла изъ Болобо 28-го мая. Черезъ два дня прибыли въ Луколелу (Lukolela) и здѣсь узнали отъ туземцевъ, что оспа похитила десятую часть жителей, а голодъ уничтожилъ и остальныхъ. Тѣмъ не менѣе туземцы явились въ лагерь съ курами, козами, бананами, яицами и другими прелестями, и начался обмѣнъ этихъ продуктовъ на сукно и бусы. Въ Иребу (Irebu) Стэнли заключилъ кровный союзъ съ вождемъ Мангомбо (Mangombo). Жрецъ сдѣлалъ имъ обоимъ надколы на правой рукѣ, выпустилъ немного крови, слегка присыпалъ пылью и затѣмъ черную и бѣлую руки потерли этими ранами одну объ другую и обрядъ кровнаго братства былъ совершенъ при цѣломъ потокѣ проклятій и всякихъ заклинаній жреца.

Изслѣдовавъ затѣмъ Могинди (Mohindi) или Черную рѣку на нѣкоторомъ разстояніи и, убѣдившись, что на обоихъ берегахъ ея живутъ враждебныя племена, флотилія направилась дальше по Конго. Скоро добрались до территоріи Бакути (Bakuti), и, послѣ обряда кровнаго братства съ вождемъ, была уступлена земля для устройства станціи подъ экваторомъ, и лейтенантъ Вангеле былъ назначенъ ея командиромъ съ гарнизономъ въ 36 человѣкъ. Затѣмъ экспедиція возвратилась въ Леопольдвилль. Подкрѣпленія и провіантъ были посланы въ Болобо и въ другія станціи. Самъ же Стэнли занялся устраненіемъ всякихъ невзгодъ въ болѣе бѣдныхъ поселеніяхъ.

Не позже какъ черезъ три недѣли пришло извѣстіе, что Болобо сожжено. Флотилія снова отправилась вверхъ по рѣкѣ, но, приблизившись къ станціи была встрѣчена залпомъ выстрѣловъ изъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

селеній Манга (Manga) и Ямбула (Yambula). Пришлось направить «Royal» обратно въ Леопольдвилль за ружьями. Однако, миръ былъ заключенъ раньше прибытія ружей.

Віанезцы, къ племени которыхъ принадлежало и это населеніе—народъ дикій и суевѣрный. Война затѣвается ими изъ-за всякаго пустяка. Дурной сонъ бываетъ причиною сожженія или повѣшенія за предполагаемое колдовство. Молодыхъ дѣвушекъ удавливаютъ, если ихъ возлюбленные заболѣваютъ или умираютъ. Если умираетъ вождь, на его могилѣ убиваютъ отъ 2-хъ до 45-ти человѣкъ. Человѣческія жертвоприношенія въ честь умершаго вождя практикуются по всему бассейну Конго. Чѣмъ богаче семейство умершаго, тѣмъ больше приносится жертвъ.

Жертвѣ обыкновенно выкалываются глаза, затѣмъ ее ставятъ на колѣна, или въ сидячемъ положеніи привязываютъ къ столбу, прикрѣпляютъ веревку къ верхней вѣтви молодого дерева, которая виситъ достаточно низко, чтобы свободнымъ концомъ можно было обмотать шею несчастной жертвы. Палачъ измѣряетъ разстояніе и однимъ взмахомъ своего широкаго ножа отсѣкаетъ голову отъ вытянутой шеи, и голова, обливаясь кровью, отлетаетъ на разстояніе нѣсколькихъ ярдъ.

На пути флотиліи постоянно встрѣчались селенія, покинутыя, сожженныя до основанія. Повсюду видны были слѣды разоренья, произведеннаго торговцами невольниками. Флотилія наткнулась какъ-то и на самыхъ этихъ разбойниковъ. Это былъ отрядъ маніэмскихъ невольниковъ подъ предводительствомъ арабскаго вождя. Охотясь за невольниками и слоновой костью, они опустошили страну въ 34,570 кв. миль, населенную 1,000,000 жителей.

— Я всегда чувствую,—говорилъ Стэнли,—непреодолимое желаніе мстить за такія опустошенія и избіенія спящихъ людей.

Но онъ не былъ официальнымъ уполномоченнымъ отъ какого-либо правительства и въ сущности не имѣлъ права вмѣшиваться въ это дѣло.

Оставивъ вмѣсто себя начальникомъ экспедиціи Франсиса де-Винтонъ, Стэнли, наконецъ, вернулся въ Европу. 20-го іюня онъ прибылъ въ Плимутъ, и черезъ четыре дня послалъ донесеніе бельгійскому королю, что миссія по бассейну Конго совершена съ полнымъ успѣхомъ.

15-го ноября происходило засѣданіе въ Брюсселѣ, на которомъ рѣшено признать права «Международной ассоціаціи Конго» и было заявлено, что 1,900,000 кв. миль открыты въ Центральной Африкѣ для свободной торговли и для цивилизаціи.

2-го февраля 1885 г. было узаконено существованіе независимаго государства Конго съ королемъ Леопольдомъ во главѣ.

Общій итогъ населенія бассейна Конго, по Стэнли и по другимъ изслѣдователямъ, простирается до 43 милліоновъ, изъ нихъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

одна шестая приходится на людоѣдовъ. Такъ, отъ Болобо на большомъ протяженіи до Ніангве (Nyangwe) всѣ племена людоѣды. Обыкновенно они не ѣдятъ женщинъ, потому-что, по ихъ понятіямъ, мясо мужчины гораздо вкуснѣе. Одинъ изъ офицеровъ Стэнли видѣлъ, какъ туземцы, разгуливая, ѣли куски человѣческаго мяса, завернутаго въ банановые листья.

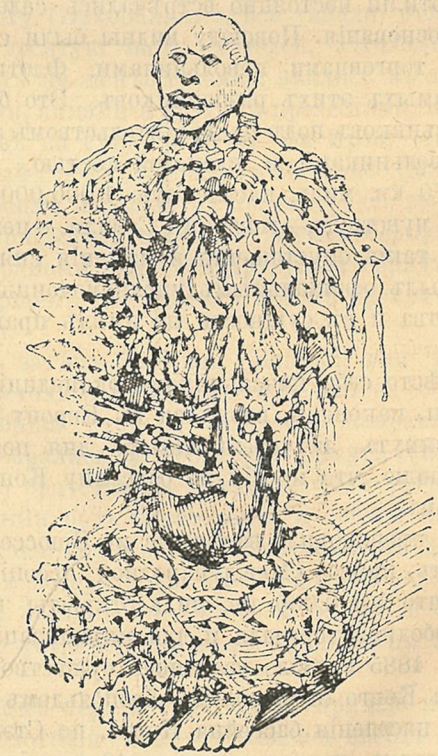
— Это ужасно! — невольно воскликнулъ онъ, обращаясь къ одному изъ старшинъ.

— Напротивъ, это очень вкусно, въ особенности съ солью, — отвѣчали офицеру.

Климатъ тамъ на первыхъ порахъ переносится не легко. Онъ даже опасенъ для тѣхъ, кто не въ силахъ забыть всего комфорта европейской жизни.

Главные продукты округовъ, состоящихъ въ вѣдѣніи «Международной ассоціаціи», земляные орѣхи, пальмовое масло, слоновая кость, резина, пчелиный воскъ, копалевая камедь; изъ овощей— ямъ, сладкій картофель, огурцы, дыни, томаты и др. Маніоко въ изобиліи даетъ мучнистую пищу.

Рѣка Конго имѣетъ въ длину болѣе 4,000 миль и ея судоходные притоки, вмѣстѣ взятые, составляютъ до 10,800 миль длины.



Идолъ въ Конго.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

V.

Въ поискахъ за Эминомъ-пашей.

Прошлое Эмина-паши.—Служба его при Гордонѣ.—Торговля человѣческимъ мясомъ въ экваторіальной провинціи. — Губернаторство Самуила Бэкера въ Суданѣ. — Появленіе Магди и его успѣхи. — Кунктаторская тактика Эмина-паши въ борьбѣ съ Магди.—Снаряженіе экспедиціи для освобожденія Эмина. — Два пути внутрь Африки. — Избраніе дороги черезъ Конго. — Привлеченіе Типпо-Типа къ экспедиціи.—Дезертирство.—Критическое положеніе экспедиціи.—Высадка въ Ямбуйѣ.—Шествіе по дремучему лѣсу.—По рѣкѣ Арувими. — Стычки въ Ависсибѣ. — Смертоносныя стрѣлы туземцевъ. — Прокладываніе дороги въ чащѣ гигантскаго лѣса.—Бѣдствія экспедиціи.—Въ лагерѣ голода.— Борьба съ карликами.—Выходъ изъ лѣса —Схватка въ области Мозамбони.—У озера Альбертъ-Ніанца.—Первое извѣстіе объ Эминѣ-пашѣ.—Сооруженіе форта «Бодо».—Письмо Эмина къ Стэнли.—Ихъ свиданіе —Мотивы отказа Эмина вернуться съ Стэнли.—Гибель арріегардной колонны. — Бунтъ въ войскѣ Эмина. — Арестованіе паши мятежниками.—Переписка Джефсона съ Стэнли.—Возвращеніе экспедиціи. —Открытіе заговора противъ больного Стэнли. — Стычки съ туземцами на возвратномъ пути экспедиціи.—Рувенцори — «царь облаковъ». — Банкетъ въ Багамойо.—Результаты и жертвы экспедиціи Стэнли.

НАСТОЯЩЕЕ имя Эмина-паши — Эдуардъ Шнитцеръ. Родился онъ въ городѣ Оппельнѣ, въ Прусской Силезіи, въ 1840 году. Ему было пять лѣтъ, когда онъ лишился отца, и семейство Шнитцеръ переселилось въ городъ Нейссу, близь Праги, гдѣ Эдуардъ и получилъ свое первоначальное образованіе.

Онъ изучалъ медицину въ Бреславлѣ, а затѣмъ въ Берлинѣ, и въ Берлинскомъ же университетѣ, 24-хъ лѣтъ, былъ удостоенъ ученой степени. На видъ онъ казался въ этотъ періодъ гораздо старше своихъ лѣтъ, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе слишкомъ усидчивыхъ занятій. Съ самаго ранняго дѣтства про-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

являлъ онъ большую наклонность къ научнымъ изысканіямъ, что такъ и осталось одной изъ наиболѣе выдающихся чертъ его нѣсколько сложнаго характера. Какъ въ школахъ, такъ и въ университетѣ онъ занимался не одной только медициной исключительно, а всѣми отдѣлами естествовѣдѣнія вообще.

При малѣйшемъ стараніи съ своей стороны, онъ легко могъ добиться какого-нибудь теплаго мѣстечка при одномъ изъ германскихъ университетовъ, но у него были совсѣмъ иные вкусы. Обладая въ высокой степени лингвистической способностью, онъ рѣшилъ немедленно по окончаніи университетскаго курса по возможности болѣе пространствовать по Божьему міру.

Узнавъ въ 1864 году, что турецкое правительство нуждается въ докторахъ для карантиновъ, онъ принялъ на себя обязанность врача въ Антивари.

Впослѣдствіи онъ сблизился съ Измаиломъ Гаккой-пашой и, состоя на службѣ у него, посѣтилъ Эрзерумъ, Янину и другіе города. Гакки умеръ въ 1873 году, отсидѣвъ четыре года въ Требизондской тюрьмѣ, и въ теченіе всего этого періода ежедневно всюду за нимъ слѣдовалъ Эдуардъ Шнитцеръ или, какъ онъ самъ любилъ называть себя, «Эминъ Вѣрный».

Разсказываютъ, будто Эминъ женился на вдовѣ Гакки, но объ этомъ событіи изъ романическихъ страницъ его жизни существуетъ множество различныхъ варіантовъ.

Со смертью Гакки-паши, Эминъ вступилъ на египетскую службу въ званіи эфенди, въ качествѣ старшаго медицинскаго чиновника въ экваторіальную провинцію, гдѣ губернаторомъ въ то время былъ Гордонъ. Молодой человѣкъ сразу обратилъ на себя вниманіе своего начальника, человѣка весьма проницательнаго, который не замедлилъ оцѣнить по достоинству новаго чиновника. Гордонъ посылалъ его для ревизій, а также пользовался его услугами для разныхъ дипломатическихъ миссій, — и всѣ эти порученія Эминъ исполнялъ съ большимъ тактомъ и съ полнымъ успѣхомъ.

Съ перемѣщеніемъ Гордона-паши на высшій постъ, бразды правленія были вручены Эмину-эфенди. Гордону удалось значительно улучшить положеніе экваторіальной провинціи, но тамъ оставалось еще много дѣла. Предстояло преодолѣть еще массу препятствій, въ особенности въ области торговли невольниками, хотя и замѣтно ослабленной уже въ правленіе Гордона, но тѣмъ не менѣе еще довольно дѣятельно производившей свои ужасныя операціи.

Исторія экваторіальной провинціи тѣсно связана съ этимъ промысломъ человѣческимъ мясомъ. Прошло около семидесяти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Измаилъ-паша, сынъ хедива Магомета-Али, ввелъ египетскій законъ въ южномъ Суданѣ; и съ этого періода, вплоть до губернаторства сэра Самуила Бэкера въ 1869 году, опе-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

раціи торговцевъ невольниками постоянно разростались. Въ концѣ концовъ онѣ чувствовали подъ собою такую прочную почву, что Зеберъ Рагама (Zeber Rahama), избранный для управленія ими и для организаціи ихъ, располагалъ полной возможностью пренебрегать распоряженіями правительства и считался даже достаточно сильнымъ, чтобы угрожать самой незыблемости египетскаго закона.

Хедивъ пытался было залучить его на какой-нибудь постъ въ египетскую службу, но это не удалось. Тогда онъ назначилъ гу-

Эминъ-паша.

бернаторомъ Судана сэра Самуила Бэкера, съ ясно выраженной миссіей для подавленія торговли невольниками въ этой области. Новый губернаторъ распространилъ дѣйствіе египетскаго закона далеко на югъ, подчинивъ ему также и область озера Ніанца. Бэкеръ, съ свойственной ему энергіей, отдался организаціи провинціи и возложенной на него задачѣ искорененія торговли невольниками.

Послѣ непродолжительнаго пребыванія своего въ Англіи, Гордонъ возвратился въ Суданъ въ качествѣ генералъ-губернатора, и

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

однимъ изъ первыхъ его мѣропріятій было назначеніе Эмина губернаторомъ экваторіальной провинціи. Своими административными способностями и страстной преданностью дѣлу Эминъ вполнѣ оправдалъ его выборъ. Со времени занятія имъ своего новаго поста, дѣла провинціи прогрессировали все къ лучшему. Въ его правленіе народъ сталъ работать въ поляхъ невооруженный, — явленіе необычайное въ Центральной Африкѣ. Построены были новыя станціи, обширныя пространства страны культивированы, и будь ей дано какихъ-нибудь пять лѣтъ мира, экваторіальная провинція стала бы на ряду съ самыми цвѣтущими уголками на поверхности земного шара. Но въ 1881 году здѣсь начались серьезныя смуты. Нѣкій Магометъ Ахмедъ, очнувшись внезапно отъ своего соннаго существованія, увѣровалъ, что онъ есть Магди, давно ожидаемый Мессія магометанскаго міра.

Окруживъ себя огромной свитой, Магди успѣшно отражалъ нѣкоторые небольшіе отряды египетскихъ войскъ, поспѣшно высылавшіеся для подавленія новаго тревожнаго волненія. Эти успѣхи привлекли подъ его знамя цѣлыя орды фанатическихъ мусульманъ. Кромѣ того, энергическое содѣйствіе оказали ему заинтересованные въ фіаско египетскаго вліянія торговцы невольниками, богатство и численность которыхъ дѣлало ихъ чрезвычайно сильными и опасными непріятелями.

Затѣмъ Гордонъ былъ отправленъ въ Хартумъ, но тамъ магдисты зарубили его. Трагическій конецъ его миссіи тяжелымъ камнемъ лежитъ на сердцѣ каждаго англичанина.

По смерти Гордона, побѣдоносный пророкъ былъ признанъ калифомъ въ бо́льшей части Судана, такъ что, наконецъ, одна только экваторіальная провинція оставалась еще неподчиненною его власти. Въ этомъ прежде всего она обязана своему южному положенію, весьма отдаленному отъ главной квартиры Магди, но въ извѣстной степени также и искусной военной тактикѣ Эмина, въ наше время блистательно примѣнявшаго тактику Фабія Максима, имѣющую за собою давность цѣлыхъ двухъ тысячъ лѣтъ. Не располагая достаточной силой для открытой борьбы съ врагомъ, то отступая, то подвигаясь впередъ, онъ такъ хорошо укрѣпился, что на многіе годы обезпечилъ свою страну, по крайней мѣрѣ, отъ сильнаго воздѣйствія на нее непріятеля. Когда предводитель магдистовъ направлялся съ войскомъ къ лагерю Эмина, гарнизонъ послѣдняго перемѣщался на болѣе южную позицію, оттѣсняя при этомъ небольшіе отряды, высылавшіеся противъ него. Затѣмъ, съ приближеніемъ главной непріятельской силы, онъ отступалъ еще далѣе на югъ, увлекая за собою туда же и своего врага. Военная игра эта продолжалась до тѣхъ поръ, пока встревоженный за свою безопасность въ такой отдаленности отъ главнаго пункта своихъ дѣйствій, непріятель не ретировался окончательно,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Паркъ Нельсонъ Стэнли Стерсъ Джефсонъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

преслѣдуемый войсками Эмина въ своемъ отступленіи. При всей своей практичности, эта система защиты требовала однако значительно бо̀льшаго запаса амуниціи, нежели тотъ, какимъ располагалъ Эминъ. Предвидя быстрое приближеніе такого момента, когда запасъ его патроновъ совершенно истощится и въ распоряженіи его не останется другого выхода, кромѣ немедленнаго бѣгства или ужасной смерти въ плѣну у магдистовъ, Эминъ черезъ Уганду и Занзибаръ отправилъ въ Европу множество писемъ, свидѣтельствовавшихъ о критическомъ его положеніи.

Письма эти достигли Европы осенью 1886 года и вызвали глубочайшую симпатію и интересъ къ ихъ автору. Каждый чувствовалъ себя обязаннымъ что-нибудь сдѣлать по этому поводу, тѣмъ болѣе, что времени терять было некогда.

Снаряженіе экспедиціи для освобожденія Эмина принадлежитъ непосредственной иниціативѣ мистера В. (нынѣ сэра Вильяма) Мэккинона, изъ Балинакиля, Аргайльскаго графства, который много̀ лѣтъ весьма интересовался изслѣдованіемъ невѣдомаго континента.

Освобожденіе запертаго непріятелемъ паши, по мнѣнію его, только и могло совершиться по частной иниціативѣ. Политическія и разныя другія причины препятствовали предпринимать что-либо по этому поводу какъ британскому, такъ и египетскому правительствамъ, преимущественно заинтересованнымъ въ судьбѣ Эмина. Съ помощью многихъ богатыхъ и вліятельныхъ людей, подобно Мэккинону, сознававшихъ, что несчастное положеніе паши главнымъ образомъ вызвано англійской политикой въ Египтѣ, сэръ Вильямъ образовалъ комитетъ, принявшій на себя задачу снаряженія экспедиціи въ экваторіальную провинцію. Каждый членъ его внесъ извѣстную сумму. Кромѣ того, предложена была общественная подписка, которая привлекла много крупныхъ взносовъ. Лондонское Королевское Географическое Общество, напримѣръ, принимая во вниманіе, что подобная экспедиція, разумѣется, должна была много способствовать расширенію ограниченныхъ географическихъ свѣдѣній о Центральной Африкѣ,—пожертвовало 1,000 фунтовъ стерлинговъ. Хедивъ внесъ 10,000 фунтовъ стерлинговъ, и хотя комитетъ не могъ расчитывать на формальную и официальную поддержку со стороны британскихъ властей, тѣмъ не менѣе члены его были увѣрены, что имъ оказано будетъ всевозможное содѣйствіе для приведенія въ исполненіе ихъ труднаго предпріятія.

Нѣсколько дней спустя послѣ перваго обсужденія вопроса объ экспедиціи, сэръ Вильямъ Мэккинонъ по этому же предмету держалъ совѣтъ со Стэнли, прося его указаній въ дѣлѣ выбора достойнаго вождя и въ то же время зондируя самого «изслѣдователя», не возьметъ ли онъ на себя этой роли? Стэнли согласился стать во главѣ этого дѣла, но подъ условіемъ, чтобы онъ могъ дѣйствовать «безотлагательно и безвозмездно», присовокупивъ, что, если бы

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

комитетъ избралъ другого вождя экспедіи, онъ во всякомъ случаѣ рѣшилъ въ ея запасной капиталъ внести 500 фунтовъ стерлинговъ.

Кромѣ сэра Вильяма Мэккиннона, исполнявшаго роль президента, комитетъ состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ: полковника сэра Ф. де Винтона, въ качествѣ секретаря, мистера Г. М. Стэнли, Гюи Доунай (Guy Dawnay), сэра Левиса Пелли, мистера А. Ф. Кинненда (Kinnaind), полковника Гранта, и Г. Воллера (H. Woller). Пока они судили да рядили, Стэнли подвигался къ Америкѣ, для исполненія принятыхъ имъ на себя обязательствъ по устройству публичныхъ лекцій въ Соединенныхъ Штатахъ. По разсчетамъ его импрессаріо, это путешествіе должно было принести Стэнли, по крайней мѣрѣ, 10,000 фунтовъ стерлинговъ. 11-го декабря, однако, труды его въ этомъ направленіи были прерваны телеграммой отъ президента комитета освобожденія, гласившей: «Вашъ планъ и предложеніе приняты; власти согласны; фонды готовы, дѣло безотлагательно; пріѣзжайте скорѣе. Отвѣчайте». Съ его стороны послѣдовалъ немедленный отвѣтъ: «Только-что получилъ телеграмму. Много благодаренъ. Все обстоитъ благополучно. Если будетъ хорошая погода и ничто не помѣшаетъ, отплываю на «Eider'ѣ» въ среду въ 8 часовъ вечера. Прибуду 22-го декабря въ Соутгамптонъ. Въ концѣ концовъ всего одинъ мѣсяцъ просрочки. Скажите властямъ, чтобы извѣстили Гольмвуда (генеральнаго консула въ Занзибарѣ) и Сейида Баргама (занзибарскаго султана)».

По прибытіи въ Лондонъ въ первый день Рождества, онъ поспѣшно сдѣлалъ свои предварительныя распоряженія и переправился въ Брюссель, чтобы явиться Бельгійскому королю, на службѣ котораго онъ продолжалъ еще состоять. Результатомъ этого свиданія было великодушное предоставленіе королемъ Леопольдомъ въ распоряженіе Стэнли на пользованіе экспедиціи всѣхъ перевозочныхъ средствъ свободнаго государства Конго.

Едва распространилась вѣсть о сооруженіи новой экспедиціи внутрь Африки, какъ цѣлыя сотни просьбъ посыпались къ ветерану-изслѣдователю о зачисленіи въ его свиту или, по крайней мѣрѣ, о разрѣшеніи сопровождать его. Наконецъ, онъ сдѣлалъ слѣдующій выборъ будущихъ своихъ спутниковъ: маіоръ Эдмундъ Барттелотъ (Barttelot), отличившійся въ Афганистанѣ и Египтѣ; лейтенантъ В. Г. Стэрсъ (W. G. Stairs), только-что получившій приглашеніе для изслѣдованія Новой Зеландіи; капитанъ Р. Г. Нельсонъ, изучившій дѣйствительную службу въ Зузуландѣ и Базутоландѣ; докторъ Т. Г. Паркъ (Parke), изъ военно-медицинскаго департамента, служившій въ Абу-Клеѣ при генералѣ сэрѣ Гербертѣ Стюартѣ; мистеръ В. Бокки, изъ военно-медицинскаго департамента; мистеръ Джонъ Розъ Троупъ (Troup), сынъ сэра Колина Троупа; мистеръ Гербертъ Вордъ (Ward), путешественникъ по Борнео и Новой Зеландіи; мистеръ А. І. Моунтеней Джефсонъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

(Mountenev Jephson), и мистеръ Джемсонъ (Jameson). Двое послѣднихъ нѣсколько запоздали съ своими просьбами и были приняты участниками въ экспедиціи лишь послѣ взноса ими въ фондъ Комитета по 1000 фунтовъ стерлинговъ.

Слѣдующій вопросъ, стоявшій на очереди, касался избранія пути. Приходилось рѣшить: подойти къ Ваделаю съ востока или запада. При выборѣ западной дороги, экспедиція уклонилась бы отъ Занзибара. Принявъ же восточное направленіе,—въ извѣстныхъ предѣлахъ,—она могла бы воспользоваться рѣкою Конго и ея притоками. Дорога отъ Занзибара черезъ Уганду составляла около 1300 миль. Но Уганда переживала смутныя времена, такъ что, по всей вѣроятности, пришлось бы обходить по окраинѣ этой страны и добираться до озера Альберта-Ніанца черезъ озеро Мута Нциге (Muta Nzige), а въ такомъ случаѣ протяженіе пути превысило бы 1600 миль. Со стороны Конго къ Ваделаю можно было подойти двумя путями: или пользуясь рѣкой Мобангу и ея притоками, или черезъ Арувими. Изъ всѣхъ путей Стэнли предпочиталъ послѣдній. Но многіе изъ членовъ Комитета, по различнымъ причинамъ, энергично протестовали противъ него. Наконецъ, уступивъ ихъ мнѣнію, онъ измѣнилъ свое намѣреніе подойти къ Альбертову озеру черезъ Конго и телеграфировалъ своимъ агентамъ заготовить запасы риса для экспедиціи въ Мпвапвѣ (Mpwapwa), станціи въ 200 миляхъ отъ восточнаго побережья.

Въ это время отъ лорда Идеслея (Iddesleigh) явился посланный за свѣдѣніями объ избранной Стэнли дорогѣ, мотивировавшій свои претензіи извѣщеніемъ британскихъ властей французскимъ посломъ въ Лондонѣ о полученной имъ инструкціи, предписывавшей ему протестовать противъ принятія экспедиціей такого направленія, которое такъ или иначе могло бы нарушить безопасность его соотечественниковъ, миссіонеровъ въ Угандѣ. Положеніе послѣднихъ и безъ того было уже довольно рискованно. Многіе полагали и, по мнѣнію Стэнли, вполнѣ основательно, что если бы король Мгванга (Mgwanga) получилъ извѣстіе о приближеніи такой большой военной силы, какою необходимо должна была явиться экспедиція по освобожденію Эмина-паши, жизнь французскихъ миссіонеровъ подверглась бы неминуемой опасности. Въ это время политика Уганды отличалась большими усложненіями. Германцы дѣйствовали на западной границѣ или въ небольшомъ разстояніи отъ ея предѣловъ. Египетскія войска были оттѣснены Магди почти къ сѣвернымъ окраинамъ страны, и новая опасность съ юга, по всей вѣроятности, довела бы короля Мгвангу до паническихъ крайностей.

Такимъ образомъ къ услугамъ «освободителей» оставалось единственная дорога—черезъ Конго, на которой въ концѣ концовъ всѣ и порѣшили. Занзибарскія приготовленія для высадки путеше-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Сомали.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ственниковъ были остановлены и сдѣланы новыя распоряженія для переправы 620 взрослыхъ человѣкъ и мальчиковъ къ Конго. Оружіе и аммуниція были получены изъ Египта, для перевозки экспедиціи зафрактованъ британско-индійскій пароходъ «Мадура». Стэнли прибылъ въ Занзибаръ 21 февраля, 1887 года. Благодаря энергическому содѣйствію британскихъ властей, египетскихъ чиновниковъ и самого Сейида Баргаша, изслѣдователи могли двинуться далѣе уже 25-го числа. На «Мадурѣ» находилось 800 членовъ экспедиціи, считая въ томъ числѣ 11 англійскихъ офицеровъ, 605 занзибарцевъ и 12 мальчиковъ, 62 суданца, 13 сомали (Somalis) и Типпо-Типа съ его людьми, въ количествѣ 97 человѣкъ.

Необходимо, однако, объяснить присутствіе здѣсь Типпо-Типа и его людей, ибо разумность рѣшенія Стэнли воспользоваться услугами арабскаго предводителя въ этой экспедиціи подлежала большому сомнѣнію. Стэнли встрѣтился съ Типпо-Типомъ въ первое свое путешествіе внизъ по р. Конго. Съ этого времени могущество этого великаго торговца невольниками все возростало, и поползновенія его относительно западной границы государства Конго были небезъизвѣстны.

Свободное государство Конго являлось для него какимъ-то пугаломъ, бѣльмомъ на глазу. Оно стояло ему на дорогѣ, мѣшало его «дѣлу», какъ понималъ это выраженіе Типпо-Типъ—похищенію, продажѣ или мѣнѣ невольниковъ, а также разбойническому промыслу его слоновой костью. Къ сожалѣнію, свободное государство Конго не располагало достаточной силой, чтобы встрѣтить его на своей собственной территоріи. Такимъ образомъ не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что Типпо воспользовался бы первымъ случаемъ, чтобы сторицей возместить за все то, что онъ считалъ утраченнымъ въ области своихъ невольничьихъ запасовъ по этой рѣкѣ. Въ виду такихъ обстоятельствъ, Стэнли полагалъ за лучшее этого властительнаго врага обратить въ друга и съ этой цѣлью предложилъ королю Леопольду пригласить Типпо-Типа правительственнымъ уполномоченнымъ съ извѣстнымъ окладомъ и назначить его губернаторомъ въ «Stanley Falls». Миссія его должна была состоять въ пресѣченіи дальнѣйшаго преуспѣянія торговцевъ невольниками внизъ по теченію Конго. Въ виду несравненной опытности его въ тактикѣ невольничьихъ набѣговъ, врядъ ли существовалъ болѣе подходящій человѣкъ для подобнаго назначенія, конечно, при непремѣнномъ условіи, чтобы при поимкѣ торговцевъ невольниками онъ работалъ съ неменьшей энергіей, съ какой до того времени онъ трудился въ дѣлѣ насильственнаго захвата чернокожихъ.

Король Леопольдъ согласился на предложеніе Стэнли. Во время своей стоянки въ Занзибарѣ, Стэнли вошелъ въ переговоры съ арабскимъ предводителемъ и формальный контрактъ, составленный генеральнымъ консуломъ, былъ подписанъ обѣими сторонами. Со-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

гласно этому договору, Типпо-Типъ назначался губернаторомъ въ «Stanley Falls» съ опредѣленнымъ окладомъ, съ ясна выраженной обязанностью искоренить невольничью торговлю въ этой части Конго. Сверхъ того, онъ обѣщалъ снабдить Стэнли контингентомъ въ 600 маніемскихъ носильщиковъ для экспедиціи по освобожденію Эмина, которыхъ онъ обязался нанять немедленно по прибытіи его въ «Stanley Falls» и сконцентрировать ихъ въ назначенномъ мѣстѣ на Арувими, для выбора самимъ Стэнли наиболѣе пригодныхъ изъ нихъ.

18-го марта 1887 года «Мадура» вошелъ въ р. Конго и бросилъ якорь въ 180 метрахъ отъ берега. Отсюда наемные пароходы переправили путешественниковъ въ Матади, навигаціонную границу Нижняго Конго, и затѣмъ уже экспедиція вступила на сухопутную дорогу, тянувшуюся на 235 миль, по направленію къ Леопольдвиллю, Stanley Pool, куда они прибыли 21-го апрѣля.

Здѣсь былъ произведенъ смотръ войскамъ, обнаружившій исчезновеніе шестидесяти трехъ человѣкъ и двадцати пяти винтовокъ. Отдавая предпочтеніе пути черезъ Конго, Стэнли имѣлъ въ виду опасность ослабленія войска дезертирствомъ, которое, по его мнѣнію, по сю сторону грозило въ меньшей степени, нежели въ томъ случаѣ, если бы занзибарцы начали сухопутное передвиженіе съ своей родной страны.

Дезертирство цѣлыми толпами, не ослабѣвавшее не смотря на самыя неблагопріятныя условія для побѣговъ, убѣдило Стэнли, что путь черезъ Конго отъ этого бѣдствія застрахованъ болѣе другихъ. «Нашъ опытъ,—говоритъ онъ,—показываетъ—если вообще для этого требуются какія-либо подтвержденія—какъ велика была бы наша потеря, если бы на такую отдаленную миссію мы отправились какой-нибудь изъ западно-африканскихъ дорогъ. Качественный составъ экспедиціи, обусловливающій успѣхъ ея задачи, опредѣляется количествомъ убыли ея членовъ изъ этого состава за двадцатидневный срокъ. Дезертирство существовало съ перваго дня нашего сухопутнаго странствія въ Матади, когда мы находились еще въ пятнадцати дняхъ пути отъ Занзибара».

По прибытіи въ Stanley Pool, Стэнли увидѣлъ, что пароходы, обѣщанные бельгійскимъ королемъ, обрѣтались еще въ полнѣйшемъ безпорядкѣ. У одного не доставало паровыхъ машинъ и паровиковъ, другой стоялъ на берегу, въ видѣ какихъ-то жалкихъ обломковъ разбитаго судна, третій находился въ Бангалѣ въ 500 миляхъ отъ Stanley Pool. На мѣстѣ оказалось всего два парохода: «Peace», принадлежавшій миссіи баптистовъ, и «Henry Reed», составлявшій собственность мѣстной миссіи «Ливингстона». Но представители этихъ обѣихъ миссій не имѣли намѣренія отдавать свои пароходы для перевозки войскъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Положеніе было критическое. Голодъ свирѣпствовалъ въ это время не только въ области Stanley Pool, но и по всей странѣ, черезъ которую прошла экспедиція. Провіантъ ея быстро истощался. Наконецъ Стэнли очутился всего съ пятидневнымъ запасомъ фуража на 800 вооруженныхъ человѣкъ. И это случилось какъ разъ въ началѣ экспедиціи, преисполненной невѣроятныхъ опасностей. Необходимо было дѣйствовать безотлагательно, такъ или иначе — малѣйшее промедленіе грозило голодной смертью. Стэнли принудилъ мѣстную миссію «Ливингстона» подписать договоръ о наймѣ парохода. Тогда и миссія баптистовъ, вѣроятно, въ предупрежденіе подобнаго же воздѣйствія и на нее, добровольно предложила ему пользоваться своимъ пароходомъ. Путешествіе вверхъ по Конго такимъ образомъ возстановилось, хотя тысячи всякихъ затрудненій и задержекъ попрежнему продолжали преслѣдовать путниковъ. Вообще все рѣчное путешествіе, по программѣ предполагавшееся быстрымъ и удобнымъ, представило на дѣлѣ цѣлый рядъ разочарованій.

«Peace», добытый такой цѣной, шелъ какъ будто изъ-подъ палки, какъ бы сознавая вынужденность своего рейса. По примѣру своего товарища, «Henry Reed» тащился также совершенно черепашьимъ шагомъ. Близъ Болобо дѣла достигли критическаго положенія. Пароходъ не только пересталъ двигаться вверхъ по теченію рѣки, а даже, напротивъ того, быстро покатилъ назадъ, внизъ по Конго. Пришлось бросить якорь и отправить нарочнаго за помощью къ капитану «Henry Reed».

Наконецъ, на слѣдующій день 14-го мая, экспедиція прибыла въ Болобо, гдѣ Стэнли, оставивъ 131 человѣка, подъ начальствомъ мистеровъ Бонни и Уорса, самъ съ остальными двинулся далѣе вверхъ по теченію. На другое утро инженеръ-механикъ «Peace», самолюбіе котораго было задѣто плохой аттестаціей его судна, посовѣтовавшись съ своимъ коллегой, инженеромъ «Henry Reed», нашелъ средство исправить свой пароходъ, — завинтили верхній паровой клапанъ, прекративъ такимъ образомъ постоянное выпусканіе пара,—и послѣ этого «Peace» свободно могъ поспѣвать за остальной флотиліей.

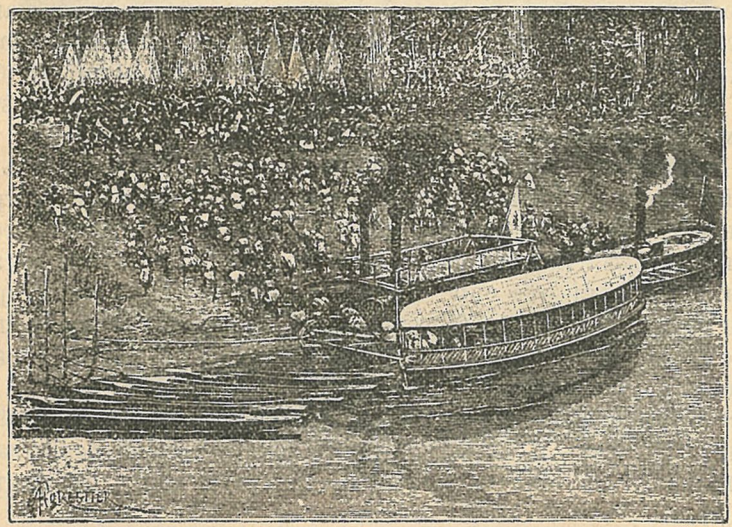
16-го іюня, послѣ рѣчнаго путешествія въ 1650 миль, считая отъ Stanley Pool, экспедиція довершила первую большую инстанцію своего странствія въ Ямбуйѣ, на рѣкѣ Арувими, нѣсколько выше пункта сліянія этой рѣки съ Конго.

«Henry Reed» немедленно былъ посланъ далѣе вверхъ по Конго, къ Stanley Falls, вмѣстѣ съ Типпо-Типомъ и его отрядомъ. Арабскій предводитель далъ обѣщаніе, девять дней спустя по прибытіи его на станцію Stanley Falls, тотчасъ отправиться для соединенія съ Стэнли, захвативъ съ собою 600 маніемскихъ носильщиковъ. Въ Falls его сопровождалъ маіоръ Барттелотъ съ судан-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

цами. Не теряя ни минуты времени, маіоръ немедленно вернулся въ Ямбуйю и передалъ Стэнли послѣднія слова Типпо, въ которыхъ тотъ потвердилъ полнѣйшую готовность и надежду сдержать свое обѣщаніе—прибыть въ Ямбуйю 26-го іюня вмѣстѣ съ своими носильщиками. Между тѣмъ пароходъ «Stanley» отправился внизъ по теченію для переправы отряда въ 31 человѣкъ, оставленнаго въ Болобо. Всѣ же остальные здравые и невредимые члены экспедиціи принялись за укрѣпленіе Ямбуйскаго лагеря, что̀ оказалось необходимымъ при рѣшительной непріязненности окрестныхъ племенъ.

Стэнли намѣревался сдѣлать Ямбуйю главнымъ сборнымъ пунктомъ для снаряженія экспедиціи черезъ лѣсъ, протяженіе кото-



Высадка въ Ямбуйѣ.

раго было для него, конечно, невѣдомо. Во всякомъ же случаѣ, даже помимо какихъ-либо другихъ причинъ, крѣпостныя работы являлись необходимыми для защиты весьма слабаго гарнизона, который онъ располагалъ здѣсь оставить на извѣстное время. Маіоръ Барттелотъ получилъ назначеніе командовать Ямбуйской крѣпостью. При немъ оставались І. С. Джемсонъ, въ качествѣ помощника, и восемьдесятъ вооруженныхъ человѣкъ. По соображеніямъ Стэнли, около половины августа, когда различныя части изъ Болобо и Stanley Pool соединятся съ ямбуйскимъ гарнизономъ, общая сила въ крѣпости должна быть такова: а) Ямбуйскій гарнизонъ, состоящій изъ маіора Бартелотта, мистера І. С. Джемсона, 5 мальчиковъ, 41 суданца, 71 занзибарца, 5 сомализ-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

цевъ, двое больныхъ; б) отрядъ изъ Болобо: мистеръ І. Розъ Троупъ, мистеръ Гербертъ Вордъ, Вильямъ Бонни, 131 занзибарецъ; больныхъ, вернувшихся изъ Нижняго Конго 8, итого въ общемъ составилось бы 271 человѣкъ. Инструкціи, данныя маіору Барттелоту и его подчиненнымъ интересны сами по себѣ и имѣютъ значеніе въ дѣлѣ дальнѣйшихъ событій. Сущность ихъ такова: маіору предписывалось оставаться въ Ямбуйѣ до прибытія болобойской партіи, т. е. почти до половины августа. Затѣмъ, организовавъ изъ наличныхъ силъ арріергардную колонну, ему предстояло, по возможности быстрѣе двинуться по слѣдамъ Стэнли. Если бы Типпо-Типъ сдержалъ свое слово, задача эта оказалась бы сравнительно легкою. На случай же, если бы арабскій предводитель предпочелъ свои обычные окольные пути,—маіоръ Барттелотъ имѣлъ продолжать свое движеніе удвоеннымъ и даже утроеннымъ шагомъ до встрѣчи съ Стэнли на возвратномъ пути его съ озера Ніанца.

Надо замѣтить, что страна между Ямбуйей и южнымъ берегомъ озера Альбертъ-Ніанца, гдѣ Стэнли разсчитывалъ встрѣтить пароходъ Эмина-паши, была еще совершенно неизслѣдована. Ямбуйя расположена на опушкѣ обширнаго лѣса Конго, черезъ который Стэнли съ своимъ преданнымъ отрядомъ, съ такимъ страшнымъ трудомъ и страданіями проникъ въ свое первое путешествіе внизъ по рѣкѣ. Благодаря его изслѣдованіямъ, размѣры лѣса къ юго-востоку были уже опредѣлены. Но для установленія протяженія чащи по направленію къ озеру Ніанца, лежавшему почти прямо на востокъ отъ точки ихъ отправленія въ Ямбуйѣ, изслѣдователь не располагалъ еще никакими средствами.

28-го іюня, 1887 года, вмѣстѣ съ своей колонной въ 389 человѣкъ офицеровъ и солдатъ, Стэнли покинулъ Ямбуйскій лагерь и погрузился въ темную, мрачную, дремучую чащу величественнаго лѣса.

День за днемъ, недѣля за недѣлей, мѣсяцъ за мѣсяцемъ проходили для маленькаго ямбуйскаго гарнизона въ напряженныхъ тщетныхъ ожиданіяхъ какихъ-либо извѣстій о погибшей колоннѣ. Послѣдняя, на самомъ дѣлѣ, являлась утраченной, поглощенная непроходимыми дебрями самого дремучаго лѣса, какой только можетъ себѣ представить человѣческое воображеніе.

Послѣдуемъ за ними. Жестокая борьба съ туземной подозрительностью и недовѣріемъ началась чуть ли не съ перваго дня. Слѣдуя по берегу рѣки, послѣ перехода въ двѣнадцать миль, караванъ достигъ Яконды (Yakonde). Здѣсь туземцы зажгли свои деревни и, подъ прикрытіемъ густыхъ облаковъ дыма, едва не ослѣпившаго авангардъ экспедиціи, произвели свирѣпую аттаку на піонеровъ, расчищавшихъ свой путь сквозь множество препятствій, какъ бы нарочито насажденныхъ для прегражденія ихъ успѣшнаго движенія впередъ. Послѣ рѣшительной схватки, длив-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

шейся около 15 минутъ, мѣстечко было наконецъ взято, и шествіе колонны возобновилось. Прямой путь въ этомъ мѣстѣ углублялся внутрь страны, удаляясь отъ рѣки. Но замѣтивъ ея восточное направленіе и предпочитая окольную дорогу прокладыванію пути черезъ почти непроницаемую чащу лѣса, Стэнли рѣшилъ держаться этой узкой тропинки, пока она не такъ сильно уклонялась отъ ихъ собственнаго направленія. Прискорбнѣе всего была та мысль, что нападеніе туземцевъ на караванъ, съ большой вѣроятностью объяснилось ихъ тревогой за свою жизнь, жилища и семейства. По своему, они были правы. Чѣмъ могли для нихъ различаться войска Стэнли отъ войскъ ненавистнаго Угароввы или не менѣе грознаго

Шествіе по лѣсу.

Килинга Лонга (Kilinga Longa), жестоко опустошавшихъ селенія Арувими, безпощадно истребляя при этомъ самихъ туземцевъ.

Селенія лѣсистаго Конго со всѣхъ сторонъ крѣпко защищены отъ нападенія лютыхъ торговцевъ невольниками, какъ арабскихъ, такъ и маніенскихъ. Колонна Стэнли волей-неволей вынуждена была разнести всѣ эти укрѣпленія чего бы это ни стоило, какъ для нея самой, такъ и для заблуждавшихся враговъ. Горькій опытъ научилъ лѣсныхъ туземцевъ всякимъ хитростямъ для болѣе вѣрнаго огражденія себя отъ непріятеля. Почти каждое поселеніе въ Нижней Арувими располагаетъ предательскимъ подъемомъ, по которому узкій главный проходъ, расширяющійся до четырехъ ярдовъ, тщательно расчищенный отъ всего лишняго, тянется на сто ярдовъ по совершенно прямому направленію къ главному входу. Путешественникъ, неосторожно воспользовавшійся этимъ удоб-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

нымъ подъемомъ, черезъ нѣсколько шаговъ, почти навѣрняка попадаетъ не въ ту, такъ въ другую изъ цѣлаго ряда неглубокихъ пустыхъ ямъ, наполненныхъ острыми кольями, тщательно укрытыхъ широкими густо наложенными листьями. Спутники Стэнли этими кольями безпрестанно напарывали себѣ ноги или, еще того хуже, глубоко прорѣзывали ступни, нанося себѣ такимъ образомъ жестокія и опасныя раны. При первой тревогѣ раздался барабанъ туземнаго дозорнаго; лѣсъ съ обѣихъ сторонъ дорожки наполнился толпами разъяренныхъ дикарей, и цѣлый градъ отравленныхъ стрѣлъ посыпался на несчастныхъ путниковъ отовсюду, съ вершинъ окружающихъ деревьевъ и изъ чащи кустарника.

Къ счастью для экспедиціи, Стэнли былъ уже умудренъ достаточнымъ опытомъ въ этихъ засадахъ лѣсной войны, и не смотря на то, что многіе изъ его отряда оказались ранеными хитро расположенными спицами и кольями туземцевъ, въ общемъ, авангардъ пострадалъ не особенно серьезно. Тѣмъ не менѣе Стэнли пришлось убѣдиться, что хромость, причиненная этими ловко устроенными человѣческими капканами, оставалась обыкновенно на-вѣки вѣчныя, и лишь весьма немногіе изъ его солдатъ, пострадавшихъ такимъ образомъ, могли быть особенно полезными для него служаками впослѣдствіи.

Наконецъ, нѣсколько дней спустя, тропинка приняла юго-западное направленіе. Пришлось искать другой дороги и просѣкать путь сквозь вьющіяся растенія, по собственному свидѣтельству Стэнли, имѣвшія отъ одной осьмой до пятнадцати дюймовъ въ діаметрѣ, причудливо висѣвшія петлями и гирляндами, сплетаясь и связываясь вмѣстѣ въ крѣпкіе узлы и образуя цѣлый непроницаемый лабиринтъ растительности. Иногда они попадали въ мѣстность, очевидно, нѣкогда расчищенную для человѣческаго пользованія, надъ которой, однако, губительный ядъ невольничьяго торга успѣлъ уже раскинуть свои тлетворныя сѣти. На этихъ прогалинахъ росъ молодой лѣсъ, представлявшій собою лабиринтъ въ лабиринтѣ, ибо промежутки между деревьями заглушались въ немъ густой сѣтчатой массой вьющихся растеній переплетенныхъ между собою. Сквозь эту зеленую чащу, дюймъ за дюймомъ съ невѣроятными усиліями піонерамъ экспедиціи пришлось прорубать себѣ проходъ. Девяносто человѣкъ, съ кривыми ножами въ рукахъ, неутомимо трудились надъ просѣкой этой тропинки. Остальная часть экспедиціи, помимо провіанта, таща за собою стальную лодку въ двадцать шесть футовъ длины и шесть футовъ ширины для путешествія по озеру Альбертъ-Ніанца, и три тонны боевыхъ запасовъ для освобожденія Эмина, карабкалась за ними, по мѣрѣ силъ и возможности. Первобытный лѣсъ былъ доступнѣе этихъ покинутыхъ прогалинъ; за то воздухъ тамъ менѣе здоровъ, спертый, стоячій, какой-то смрадный, вслѣдствіе

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

густыхъ черныхъ тучъ, съ каждымъ днемъ становившійся все удушливѣе и удушливѣе. Вотъ какова характеристика этой лѣсной области, по словамъ очевидцевъ.

5-го іюля снова показалась рѣка, повидимому, свободная отъ пороговъ въ этой части своего теченія. Стальную лодку спустили на воду, и, благодаря этому обстоятельству, утомленные носильщики были облегчены не только отъ груза почти двухъ тоннъ поклажи, но также и отъ больныхъ и немощныхъ. «Съ 5-го іюля до половины октября»,—говоритъ Стэнли,—«мы держались берега».

Какое море страданій кроется въ этой простой передачѣ дѣйствительныхъ фактовъ! Направленіе рѣки въ этомъ мѣстѣ было или сѣверное, или сѣверо-восточное, отводившее плывшую по ней экспедицію далеко въ сторону отъ ея прямого пути. Но ужасное ослабленіе его спутниковъ, безконечность лѣса, тинистый, нездоровый берегъ рѣки, пропитанная лихорадкой атмосфера, общій упадокъ духа и постоянное уныніе,—все это только болѣе убѣждало вождя въ необходимости держаться Арувими до тѣхъ поръ, пока направленіе рѣки сколько-нибудь сходилось съ ихъ собственнымъ. Большой притокъ Конго въ этой части лѣса представляетъ собою широкій потокъ въ 600—900 ярдовъ ширины, живописно разбитый островами и островками, покрытыми массой роскошной растительности. Большинство этихъ острововъ служатъ «главными квартирами» обогащающихся здѣсь устрицелововъ. Въ одномъ мѣстѣ Стэнли, напримѣръ, вымѣрилъ столбъ устричныхъ раковинъ, оказавшійся въ 30 шаговъ длины, 4 фута высоты и 12 футовъ ширины.

И суша, и потокъ кишатъ здѣсь миріадами насѣкомыхъ, воздухъ наполненъ жужжаніемъ безчисленнаго множества крошечныхъ созданій. Сотни тысячъ пышноцвѣтныхъ мотыльковъ перелетаютъ черезъ позлащенныя солнцемъ воды, и любознательному наблюдателю предоставляется широкая возможность слѣдить за ихъ неустаннымъ перелетомъ изъ одного мѣста въ другое, продолжающееся цѣлыми часами безъ перерыва.

Раннее утро тутъ обыкновенно бываетъ темно и пасмурно. Густыя массы черныхъ облаковъ заслоняютъ солнечный свѣтъ, и мгла дрожитъ надъ молчаливой рѣкой. Вся жизнь тогда смолкаетъ. Тишина необъятнаго лѣса полна напряженія, которое граничитъ съ какой-то тревогой. «Въ такія минуты ничего не было слышно, кромѣ лязга нашихъ ножей, пролагавшихъ дорожку черезъ спутанный кустарникъ, да шума учащенныхъ шаговъ нашихъ носильщиковъ вдоль первобытнаго прохода, или ихъ барахтанья по колѣна въ вязкой тинѣ набережной, заглушенной завядшей и гніющей растительностью. Къ девяти-одиннадцати часамъ утра солнце разсѣевало туманъ, и лѣсъ, и рѣка снова гудѣли жизненнымъ гамомъ птицъ, животныхъ и насѣкомыхъ».

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

И здѣсь, какъ почти во всѣхъ остальныхъ частяхъ Африки, туземцы страшно враждуютъ между собою и жестоко взаимно преслѣдуютъ другъ друга. Междоусобныя столкновенія—явленіе вполнѣ обыденное, имѣющее нерѣдко смертельный исходъ. Цѣлыя селенія опустошаются враждебной партіей, причемъ разрушеніе, начатое войскомъ, завершается стадами дикихъ слоновъ, блуждающими по лѣснымъ уединеніямъ и безпощадно сокрушающими все встрѣчное на своемъ пути.

Въ нѣкоторыхъ поселеніяхъ, гдѣ туземцы не относились къ экспедиціи съ такой рѣшительной враждебностью, дикари не уклонялись даже отъ мѣновой торговли и не проявляли при этомъ никакого вымогательства. Между тѣмъ какъ въ Бангалѣ, на 800 миль ближе къ озеру за одинъ мѣдный прутъ давали десять хлѣбцевъ изъ маніоковой муки, туземцы Баналіа (Banalya) на рѣкѣ Арувими за тотъ же прутъ предлагали всего три колоса. Цѣна за птицу въ этой мѣстности доходила до пяти мѣдныхъ прутьевъ. Въ селеніи Майгвайѣ (Mygwye) экспедиція встрѣтила множество плантацій банана и маніока, тянувшихся на нѣсколько миль. Обрадованное войско разсчитывало получить тутъ полное удовлетвореніе за свои товары. Но надежды ихъ не оправдались,—послѣ долгихъ, томительныхъ часовъ торга, разныхъ отговорокъ и препирательствъ, и то не всѣ, а только около трети отряда, за свои ужовки и мѣдные прутья, получили всего по три колоса на брата. Никакіе доводы, ни уговоры не дѣйствовали. Стэнли нашелся-таки и въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ.

Авангарду его предстоялъ утѣшительный девятидневный переходъ черезъ необычайно негостепріимную, исполненую препятствій часть лѣса. Никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній, ни географическихъ, ни какихъ-либо иныхъ, отъ этихъ туземцевъ, съ которыми Стэнли вошелъ чуть ли не въ дружескія сношенія, нельзя было добиться. Они только сбивали его съ толку, разсказывая разныя басни, «съ намѣреніемъ ввести его въ заблужденіе». Больше всего получилъ онъ всякихъ указаній отъ своихъ плѣнниковъ, захваченныхъ послѣ стычекъ съ непріятелемъ. Спустя одинъ-два первыхъ дня, подъ вліяніемъ хорошаго обращенія, обыкновенно озлобленіе ихъ утихало, и они съ большой готовностью дѣлились съ экспедиціей тѣми скудными свѣдѣніями объ окрестностяхъ своихъ собственныхъ деревень, которыми они располагали. Но даже и тутъ подчасъ не обходилось безъ обмана.

Разъ, напримѣръ, ему сказали, что къ юго-востоку лежитъ большое озеро, требующее два дня для переправы, посрединѣ котораго находится островъ, кишащій чудовищными и страшными змѣями и что о мѣстоположеніи этого озера въ распоряженіи разсказчика имѣются-де самыя точныя и достовѣрныя свѣдѣнія. Такое пространство воды, миль на 60 къ востоку,—могло имѣть огромное

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Прокладка пути по лѣсу.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

значеніе для экспедиціи, помимо уже того, что оно избавило бы ее отъ многихъ дней утомительнаго странствованія черезъ лѣсъ. По свѣдѣніямъ туземцевъ, чаща простиралась безгранично во всѣ стороны свѣта бѣлаго. Они никогда ничего иного не знали, ни о чемъ другомъ не слыхали, кромѣ лѣса и рѣки. Они не могли вообразить себѣ волнистыхъ равнинъ, горъ или долинъ—ничего подобнаго, кромѣ безконечнаго лѣса, окружавшаго ихъ. Туземцу приказано было указать дорогу къ озеру Нума, какъ оно называлось, и дикарь, повидимому, вполнѣ готовъ былъ служить имъ вожакомъ, какъ вдругъ двое сутокъ спустя онъ исчезъ куда-то. И съ того дня уже Стэнли не имѣлъ болѣе никакихъ извѣстій ни объ озерѣ Нума, ни объ островахъ его, изобиловавшихъ змѣями и всякими другими необычайными пресмыкающимися тварями.

Въ общемъ рѣка Арувими судоходна, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ теченіе ея прерывается водопадами и порогами, въ родѣ тѣхъ, которые—въ нѣсколько болѣе широкихъ размѣрахъ—Стэнли встрѣтилъ раньше на Луалабѣ (Lualaba) и Ливингстонѣ. При каждомъ изъ такихъ препятствій лодку приходилось разгружать и перемѣщать багажъ на спины носильщиковъ. Часть людей призывалась тогда волочить лодку на канатахъ вверхъ по теченію. При этой работѣ требовалась огромная осторожность, чтобы не повредить ее объ острыя подводныя скалы, то и дѣло попадавшіяся по пути, вполнѣ прикрытыя пѣной и прибоемъ бѣшенаго напора потока.

У пороговъ Нійамби (Nijambi) Стэнли замѣтилъ внезапную перемѣну, не только въ туземномъ языкѣ, но также и въ архитектурѣ мѣстныхъ построекъ. Коническія хижины Нижней Арувими уступили здѣсь мѣсто широко разставленнымъ четыреугольнымъ постройкамъ, обитымъ огромными бревнами. Владѣй ружьями обитатели этихъ хижинъ, участь экспедиціи не замедлила бы опредѣлиться. Скоро Стэнли горькимъ опытомъ убѣдился въ необходимости исключительныхъ оборонительныхъ средствъ.

Въ Ависсиббѣ, поселеніи, расположенномъ нѣсколько выше пороговъ, лагерь его былъ аттакованъ съ необычайной дерзостью и энергіей, причемъ лейтенантъ Стэрсъ и пять человѣкъ солдатъ оказались ранеными. При всей незначительности большинства поврежденій, результаты ихъ были роковыми. Одинъ изъ раненыхъ, получившій легкій проколъ въ плечевые мускулы, умеръ отъ судорожнаго смыканія челюстей послѣ пятидневной агоніи. Другой—слегка раненый въ кисть руки, тоже умеръ нѣсколько дней спустя. Третій, которому нанесенъ былъ едва замѣтный уколъ въ горло, прожилъ послѣ того всего недѣлю. Четвертый, получившій болѣе серьезную рану въ бокъ, умеръ въ ту же ночь. Судорожное смыканіе челюстей произошло, во всякомъ случаѣ, ранѣе, чѣмъ смерть освободила страдальца отъ мучительнѣйшей пытки.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Изъ раненыхъ одинъ лейтенантъ Стэрсъ остался въ живыхъ и выздоровѣлъ послѣ трехъ недѣль полной прострацiи, но рана его не закрывалась и потомъ въ теченiе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Всѣ эти симптомы въ приведенныхъ случаяхъ указывали на употребленiе непрiятелемъ какого-то неизвѣстнаго, но страшно сильнаго яда.

Самыя тщательныя изслѣдованiя не могли опредѣлить источникъ, изъ котораго человѣконенавистники этой части лѣса черпали такое смертельное средство, и только случай помогъ, наконецъ, разоблачить такъ искусно охранявшуюся тайну. Во время розысковъ фуража въ хижинахъ этой мѣстности, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Стэнли нашелъ множество тщательно завернутыхъ пакетовъ съ красными сушеными муравьями. Оказалось, что туземцы толкутъ этихъ муравьевъ въ порошокъ, который затѣмъ кипятится въ толстомъ слоѣ пальмоваго масла. Этимъ-то снадобьемъ они смазываютъ острiя своихъ стрѣлъ, и объ ужасныхъ результатахъ такого смазыванiя въ запискахъ Стэнли можно найти весьма краснорѣчивыя данныя. Сами туземцы считаютъ этотъ ядъ столь опаснымъ, что даже на самое приготовленiе внутри поселенiй наложено строгое veto. Лишь въ глубинѣ лѣса дикарь свободно разводитъ свой огонь и, подобно злому сказочному колдуну, съ утонченнымъ искусствомъ мастеритъ свой ядъ, предназначающiйся имъ на горе и жестокiя мученiя своему ближнему.

Лѣсъ Конго вообще изобилуетъ матерiалами для изготовленiя самыхъ губительныхъ ядовъ. Большой черный муравей, сильный укусъ котораго причиняетъ огромные волдыри, по мнѣнiю Стэнли, оказался бы даже еще смертоноснѣе краснаго своего собрата. Изъ маленькихъ, сѣрыхъ гусеницъ, водящихся тамъ въ огромномъ количествѣ, можно приготовить такое раздражающее средство, одной капли котораго достаточно, чтобы замучить человѣка до смерти. Изъ одного невыразимо отвратительнаго паука, съ огромнымъ раздутымъ брюшкомъ, покрытымъ длинными ядовитыми щетинками, зорко подстерегающаго въ тѣни неосторожныхъ мушекъ, легко сдѣлать губительный составъ.

Во время перехода черезъ растительныя дебри, въ цѣляхъ облегченiя трудовъ своихъ спутниковъ, Стэнли старался по рѣкѣ размѣстить, по возможности, болѣе провiантныхъ складовъ, а также больныхъ и слабыхъ. У нѣкоторыхъ туземцевъ онъ добылъ челноки, которые въ судоходныхъ частяхъ Арувими дали имъ возможность почти удвоить скорость передвиженiя. Главная колонна продолжала еще идти берегомъ или въ недалекомъ разстоянiи отъ него. Но ихъ передвиженiе было такъ затруднительно, что челноки, при всей борьбѣ противъ теченiя, могли идти наравнѣ съ ними.

Къ несчастью, занзибарцы плохiе мореходы, что было уже констатировано Стэнли на африканскихъ озерахъ, въ первое путеше-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ствіе его внизъ по рѣкѣ Конго. Во всемъ станѣ едва нашлось человѣкъ десять, способныхъ управлять челноками. Туземныя селенія, расположенныя на низменныхъ частяхъ между изгибами Арувими, почти что на рѣчныхъ отмеляхъ, на сколько возможно было избѣгали навигаціи, исключая крайней необходимости въ пищѣ, когда приходилось пускаться въ плаваніе во что бы то ни стало. Потребовалось много хлопотъ для поддержанія связи между рѣчной колонной и сухопутной.

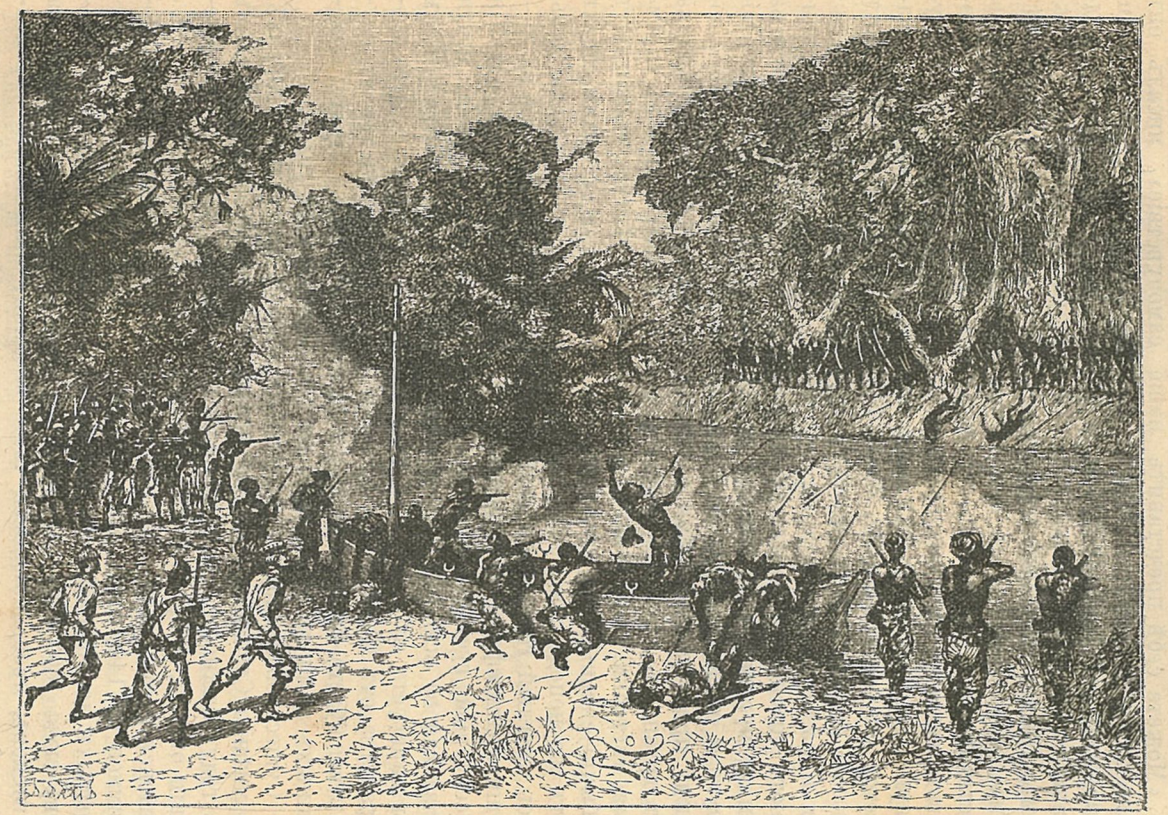
Пороги Арувими многочисленны и опасны. Всякій разъ, при встрѣчѣ съ ними, рѣчной колоннѣ приходилось править къ отмелямъ. Кромѣ того, въ лѣсу надо было охранять провіантные склады, больныхъ, брошенныхъ на койкахъ и лодку, разобранную по частямъ. Труднѣе всего была задача сдѣлать лодку возможно болѣе удобопереносимой. Оказывая въ теченіе всего путешествія неоцѣнимыя услуги на водѣ, она всегда являлась для экспедиціи ужаснѣйшей помѣхой на сушѣ. Для переноски ея требовалось не менѣе 44 человѣка, что составляло огромную цифру на то количество переносчиковъ, которымъ располагала экспедиція.

Съ теченіемъ времени, когда болѣзни носильщиковъ сократили общее ихъ число, а равнымъ образомъ и ихъ физическія силы, большое количество грузовъ прямо бросали во время сухопутныхъ переходовъ, возмѣщая ихъ новымъ матеріаломъ на судоходныхъ мѣстахъ рѣки. Въ открытой мѣстности сборныя части лодки оказывались еще довольно удобоносимыми. Сильные занзибарскіе носильщики, освѣженные морскимъ путешествіемъ, свободно перетащили ее отъ Матади до Stanley Pool. Но послѣ просѣканія тропинокъ черезъ лѣсъ Конго, гдѣ отъ нихъ потребовались такія громадныя усилія, при всей своей отвагѣ и выносливости, они останавливались на пути при каждомъ новомъ препятствіи и безпрестанно сбрасывали съ себя свой грузъ, сдиравшій имъ кожу и производившій болячки, превращавшіяся въ язвы. Для переноски сборныхъ частей лодки назначены были люди исключительной силы, но даже и тѣ рѣдко выносили такое напряженіе долѣе одной недѣли безъ перерыва. Они составляли всегда арріергардъ экспедиціи, постоянно отставали отъ остальныхъ и обыкновенно являлись въ лагерь нѣсколько часовъ спустя послѣ главнаго корпуса.

Люди, занимавшіеся просѣканіемъ тропинки для несшихъ лодку, въ то же самое время должны были выжигать особенно раскидистыя деревья вдоль своего пути. Обгорѣлыя мѣста намѣчали путь для маіора Барттелота и арріергадной колонны. Работа эта велась весьма регулярно, съ перваго и до послѣдняго дня лѣсного ихъ путешествія.

Такъ проходила недѣля за недѣлей. Самые пытливые разспросы оставались безплодными — отъ варварскихъ туземцевъ нельзя

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ



Битва съ Ависсиба.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

было добиться никакихъ свѣдѣній о далекой странѣ, куда устремлялись всѣ надежды экспедиціи. Стэнли разсчитывалъ пройти въ три недѣли лѣсное пространство.

«Можете себѣ представить наше самочувствіе», писалъ онъ какъ-то домой, «когда мѣсяцъ за мѣсяцемъ мы все шли, шли, разрывая, разсѣкая, прорубая все тотъ же густой лѣсъ. Представьте себѣ частый шотландскій кустарникъ, смоченный дождемъ. Представьте себѣ кустарникъ этотъ простымъ мелкимъ лѣсомъ, разросшимся подъ непроницаемой тѣнью старыхъ деревьевъ, достигающихъ отъ ста до ста восьмидесяти футовъ высоты. Прибавьте сюда массу терновника и хворостника. Черезъ чащи кустарника извиваются лѣнивыя извилины рѣки, изрѣдка попадается глубокій притокъ большой рѣки. Вообразите себѣ этотъ лѣсъ и кустарникъ въ моментъ послѣдней степени ихъ разрушенія и разростанія — старые гигантскіе деревья гибнутъ, принимаютъ опасное наклонное положеніе или безсильно грохаются на землю; муравьи и насѣкомыя всевозможныхъ видовъ жужжатъ вокругъ и около; наверху на деревьяхъ мартышки и чимпанзе; повсюду причудливые звѣри и птицы; слышится трескъ кустарника отъ грузныхъ движеній слоновыхъ стадъ; запрятавшись въ укромныя мѣстечки, карлики съ отравленными стрѣлами, выжидаютъ добычи; сильные аборигены съ страшно-острыми копьями стоятъ тутъ же неподвижно, тихо, точно бездушные пни; черезъ день, весь круглый годъ, васъ долбитъ дождь, и въ довершеніе всего— душная атмосфера съ ужасными ея послѣдствіями—лихорадкой и дисентеріей; густой туманъ въ теченіе всего дня и тьма, почти осязаемая во всю ночь на-пролетъ. Затѣмъ, если воображеніемъ вы нарисуете себѣ картину такого лѣса на протяженіи всего пространства отъ Плимута до Петергида (Peterhead),—въ такомъ случаѣ вы будете имѣть нѣкоторое представленіе объ ужасахъ, вынесенныхъ нами съ 28-го іюня по 1-е декабря 1887 года».

Существованіе такого гигантскаго лѣса въ центральной Африкѣ, по мнѣнію Стэнли, вполнѣ объяснимо. Въ теченіе девяти мѣсяцевъ въ году влажность, испаряющаяся съ южной части Атлантическаго океана, направляется вѣтрами какъ разъ въ эту сторону. Интенсивность этой влажности усугубляется парами, подымающимися съ 1400 миль рѣки Конго, 1—16 миль въ ширину открытыхъ для пламеннаго дыханія тропическаго солнца. Прибавивъ сюда 1600 миль Арувими, да еще неизмѣренное теченіе ея притоковъ, превышающихъ часто въ длину величайшія европейскія рѣки, уже не трудно объяснить себѣ здѣшній полутора-стадневный дождь, постепенно произведшій эту массу растительности, извѣстной нынѣ подъ именемъ большого лѣса Конго.

Ависсибская битва, гдѣ раненъ былъ лейтенантъ Стэрсъ, произошла 13-го августа. Два дня спустя, мистеръ Джефсонъ, коман-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

довавшій сухопутной колонной, во избѣжаніе многихъ трудно-преодолимыхъ преградъ на пути, вывелъ отрядъ внутрь страны и потерялъ свою лѣсную дорогу. Прошла почти цѣлая недѣля, пока обѣ колонны соединились снова.

25-го августа они прибыли въ Авіели, все продолжая придерживаться южнаго берега рѣки, противъ Непоко, великолѣпнаго потока въ 300 ярдовъ длины съ ужаснымъ ревомъ впадающаго въ Арувими. Въ этомъ пунктѣ оказалось множество туземныхъ селеній, въ которыхъ удалось сдѣлать обильные запасы провіанта. Но по минованіи именно этой мѣстности и начались, можно сказать, настоящія бѣдствія для экспедиціи. Провіантъ, забранный у туземцевъ, вскорѣ истощился, а окружающая мѣстность представляла собою пустыню, почти что обезлюженную арабскими набѣгами. Люди безпрестанно падали по сторонамъ дороги, или уходили въ кустарники на поиски за пищей, попадая при этомъ или подъ отравленную стрѣлу или въ какую-либо другую изъ безчисленныхъ опасностей, всегда угрожающихъ беззащитному путнику.

Скорѣе полумертвые, чѣмъ живые, шатаясь отъ слабости, измученные постоянной борьбой, Стэнли и его спутники достигли наконецъ мѣстечка, противъ поселенія арабскаго торговца невольниками Угароввы, расположеннаго на девяноста три мили выше Авіели. При провѣркѣ на этомъ пунктѣ оказалось, что потеря отъ дезертирства и смертности въ экспедиціи составляла пятьдесятъ-шесть человѣкъ, да столько же людей прибыли сюда истощенными до такой степени, что Стэнли вынужденъ былъ войти въ соглашеніе съ арабскимъ предводителемъ, который принялъ на себя обязательство оставить больныхъ и ослабѣвшихъ у себя и продовольствовать ихъ, съ условіемъ вознагражденія по 5 долларовъ въ мѣсяцъ за каждаго. Тащить ихъ за экспедиціей было положительно немыслимо, и хотя Стэнли имѣлъ мало основанія довѣрять ненарушимости обязательствъ Угароввы, тѣмъ не менѣе иного выхода, какъ оставить ихъ тамъ, не предвидѣлось.

Закупивъ у арабскаго торговца невольниками продовольствіе и припасы по страшно высокой цѣнѣ, Стэнли нѣсколько дней спустя двинулся на востокъ. Но страна, черезъ которую имъ пришлось теперь проходить, наводила, пожалуй, еще большій ужасъ, была еще болѣе лишена средствъ для человѣческаго существованія, нежели мрачная пустыня между Авіели и станомъ Угароввы. Экспедиція отправилась въ путь 19-го сентября, численностью въ 285 человѣкъ. За шестнадцать дней восемь человѣкъ погибло отъ голода, дисентеріи или язвъ, пятьдесятъ два человѣка изъ сухопутной колонны до того обезсилѣли, что рѣшительно не въ состояніи были сдѣлать ни шага безъ посторонней помощи.

Дѣла шли отъ скверная къ худшему, какъ вдругъ въ одномъ мѣстечкѣ, на пять миль ниже сліянія Арувими съ Игури (Ihuri),

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

дальнѣйшій путь экспедиціи былъ прегражденъ бушующимъ водопадомъ. Не смотря на страшную слабость и истощеніе людей, памятуя свои прежнія удачи при рѣчной навигаціи, Стэнли готовъ уже былъ протащить челноки нѣкоторое разстояніе по берегу, чтобы воспользоваться рѣкою выше этихъ пороговъ, но донесеніе развѣдчиковъ, высланныхъ впередъ для опредѣленія характера потока выше водопада, устраняло всякую мысль о водяномъ передвиженіи. Такимъ образомъ Стэнли очутился передъ бурной рѣкой съ пятидесятью двумя больными людьми, безъ малѣйшихъ средствъ для ихъ переправы.

Въ такихъ обстоятельствахъ Стэнли, наскоро устроивъ укрѣпленный лагерь и оставивъ немощнымъ членамъ своей экспедиціи весь запасъ, безъ котораго онъ могъ обойтись, въ сопровожденіи сильныхъ носильщиковъ, съ удивительною быстротою двинулся на поиски нѣкоего арабскаго поселенія, по дошедшимъ до него слухамъ, находившагося въ трехъ-четырехъ дняхъ пути отъ этой мѣстности. Пикетъ изъ семи и восьми занзибарцевъ былъ отправленъ авангардомъ, съ порученіемъ добыть продовольствія во что бы то ни стало и возвратиться съ новыми носильщиками. Но несчастные сбились съ пути, и лишь три недѣли спустя отрядъ развѣдчиковъ, подъ начальствомъ Уледи, розыскалъ ихъ, просто на порогѣ смерти, безпомощно бродящими среди безпредѣльности мрачнаго лѣса.

Довѣривъ станъ капитану Нельсону, охромѣвшему отъ язвъ, Стэнли выступилъ въ путь вслѣдъ за своимъ занзибарскимъ отрядомъ—6-го октября. Онъ расчитывалъ вернуться черезъ 9 дней, но чѣмъ скорѣе онъ шелъ, тѣмъ далѣе, казалось, уходило отъ него арабское поселеніе. Лѣсъ, черезъ который лежалъ ихъ путь, былъ вполнѣ необитаемъ. Онъ и его отрядъ питались исключительно плодами и грибами, такъ что когда, наконецъ, 18-го числа они достигли желаннаго арабскаго поселенія, по дорогѣ успѣло умереть не менѣе 22-хъ человѣкъ, да и уцѣлѣвшіе въ живыхъ были въ такомъ плачевномъ состояніи, что скорѣе походили на привидѣнія съ того свѣта, чѣмъ на живыхъ людей. Арабы и маніемцы (Manyema) въ Килинга-Лонгскомъ станѣ (Kilinga-Longa) жестоко воспользовались ихъ слабостью и изводили ихъ всячески: угнетали разными насиліями, наказывали плетьми, бичевали, вообще подвергали всевозможнымъ истязаніямъ. Уговоривъ, между прочимъ, занзибарцевъ продать ихъ ружья и боевые запасы за нѣсколько зеренъ корма, и забравъ ружья, они отказали имъ въ провизіи. Стэнли не могъ протестовать, зная безпомощность своихъ спутниковъ. Наконецъ, цѣною громадныхъ жертвъ добывъ запасъ пищи, подъ командою Джефсона, онъ отправилъ сорокъ занзибарцевъ и тридцать шесть маніемцевъ для освобожденія стана капитана Нельсона.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

№ 1-й.

КАТАЛОГЪ

КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНОВЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ и Одесса)

ВЪ ОКТЯБРѢ ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ:

Абаза, К. К. Казаки: Донцы, Уральцы, Кубанцы, Терцы. Съ рисунками. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.

Алабинъ, П. Четыре войны. Походныя записки въ 1849, 1853, 1854—56 и 1877—78 годахъ. Т. II. М. 1890 г. Ц. 3 р.

Альмединген ъ, А. Настольная книга для земскихъ участковыхъ начальниковъ, волостныхъ судовъ, городскихъ судей и уѣздныхъ членовъ окружн. судовъ. Изд. 2-е, дополн. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 20 к.

А. Н. Пестрые разсказы для дѣтей. Состав. по англійскимъ и нѣмецкимъ оригиналамъ. Съ картинками. М. 1890 г. Ц. 1 р.

Андре, Г., проф. Гигіена старческаго возраста. Переводъ съ примѣчан. и дополн. д-ра Финкельштейна. Спб. Ц. 1 р.

Анисимовъ, А. Уставъ о гербовомъ сборѣ (изд. 1886 г. и продолж. 1887 и 1889 гг.). Съ разъяснен. Прав. Сената. Изд. 2-е, дополн. Спб. 1890 г. Ц. 85 к.

Антоновичъ, А. Я. Курсъ государственнаго благоустройства (полицейское право). Кіевъ. 1890 г. Ц. за 2 т. 3 р.

Антуанъ, А. Новѣйшій французскій самоучитель. Спб. Ц. 50 к.

А. П. Временныя правила о волостномъ судѣ въ мѣстностяхъ, въ которыхъ введено положеніе о земск. участ. нач. М. 1890 г. Ц. 1 р.

Арнольдъ, Эдвинъ. Свѣтило Азіи или великое отреченіе. Поэма. Переводъ съ англійскаго, И. Юринскаго. Спб. Ц. 1 р.

Астафьевъ, П. Е. Ученіе графа Л. Н. Толстого въ его цѣломъ. М. 1890 г. Ц. 40 к.

Барсовъ, Е. В. Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ кіевской дружинной Руси. Изслѣдованіе. Т. III. Лексикологія „Слова". М. 1890 г. Ц. 3 р. 50 к.

Баталинъ, Н. Краткая славянская грамматика съ задачами для упражненій. М. 1890 г. Ц. 30 к.

Бахтіаровъ, А. А. Исторія книги на Руси. Съ рисунками. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Богенъ, Б. Насущный вопросъ. Новый проектъ о постановкѣ дѣла домашняго обученія. М. 1890 г. Ц. 20 к.

Бремъ, А. и Россмесслеръ. Лѣсныя животныя: музыканты и хористы лѣса. Спб. 1890 г. Ц. 50 к.

Брикнеръ, А. Матеріалы для жизнеописанія графа Никиты Петровича Панина (1770—1837). Т. III. Спб. 1890 г. Ц. 5 р.

Булгаковъ, Ѳ. И. Альбомъ русской живописи. Картины Г. И. Семирадскаго. Фототипическое изданіе. Спб. Ц. 2 р. 50 к.

Валуевъ, Ѳ. М. Практическое руководство желѣзнодорожнаго дѣла. Вып. I. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 20 к.

— Практическое руководство желѣзнодорожнаго дѣла. Вып. II. Устройство и ремонтъ пути и зданій. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Васильевъ, С. Драматическіе характеры. Вып. III. Лиза („Горе отъ ума"). М. 1890 г. Ц. 1 р.

Вахтинъ, В. Русскіе труженики моря. Первая морская экспедиція Беринга для рѣшенія вопроса, соединяется ли Азія съ Америкой. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Венгеровъ, С. А. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Вып. 2-й. Спб. 1890 г. Ц. 35 к.

Вопросы философіи и психологіи, подъ ред. проф. Н. Я. Грота. Кн. 4-я. М. 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.

Генрижанъ, д-ръ. Микробы. Популярное изложеніе ученія о низшихъ организмахъ, производящихъ разныя болѣзни. Переводъ съ франц. подъ редакц. проф. Э. К. Брандта. Спб. 1890 г. Ц. 60 к.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Герасименковъ, И. Изображеніе жизни человѣка-христіанина. Кіевъ. 1890 г. Ц. 1 р.

*) **Герои** и героини греческихъ трагедій въ разсказахъ для всѣхъ возрастовъ. („Дешевая Библіотека"). Спб. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

Hetsch, G. F. Практическій курсъ перспективы и ея примѣненія къ архитектурѣ и живописи. М. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Глушковъ, Е. Каменноугольный газъ и его значеніе какъ источника свѣта, тепла, вентиляціи и двигательной силы. Спб. 1890 г. Ц. 25 к.

Гнѣдичъ, П. П. Перекати-поле. Современные силуэты — въ 4-хъ дѣйствіяхъ. М. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Голицынъ, Дм., кн. (Муравлинъ). Не убій! Спб. 1890 г. Ц. 75 к.

Горяиновъ, С. М. Уставы о воинской повинности, дополн. узаконен. по 1-е сентября 1890 г. Изд. 5-е. Спб. 1890 г. Ц. 5 р.

Гуэрацци. Беатриче Ченчи. Историческій романъ XV столѣтія. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Дашкевичъ, Н. Романтика Круглаго Стола въ литературахъ и жизни Запада I. Историко-литературн. очерки. Кіевъ. 1890 г. Ц. 2 р.

Для сцены. Сборникъ пьесъ. Т. II. Изд. 3-е. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Дмитріева, В. Н. Русско-французскіе діалоги, а также и правила произношенія и письма. (Для дѣтей). Кіевъ. 1890 г. Ц. 1 р.

Дмитріевъ, К. Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ. Историческій романъ изъ временъ Іоанна III. Спб. Ц. 1 р.

Додэ. Развращенные. Романъ. Спб. Ц. 1 р.

„Досуги Марса". Сборникъ трудовъ офицеровъ. № 3. Саратовъ. 1890 г. Ц. 3 р.

Дракопуло, К. Н. Балаклава и ея цѣлебныя свойства. М. 1890 г. Ц. 1 р.

Езерскій, Ѳ. В. Мѣры къ подъему финансовъ. Спб. Ц. 1 р.

„Живая старина". Періодическое изданіе Отд. Этнографіи Имп. Рус. Географ. Общ., подъ редакц. В. И. Ламанскаго. Вып. I. Спб. 1890 г. Ц. отд. вып. 2 р.

Животовъ, Н. Н. Отецъ Іоаннъ Ильинъ Сергіевъ, кронштадтскій протоіерей Андреевскаго собора. Очеркъ. Спб. 1890 г. Ц. 40 к

Жмакинъ, В., свящ. Матеріалы для исторіи русской богословской мысли 30-хъ годовъ. Изъ переписки братьевъ кн. Ширинскихъ-Шихматовыхъ. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Занковъ, П. М. Электра, трагедія Софокла. (Переводъ съ греческаго). Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Зауэръ, И. Ф. Сборникъ грузовыхъ поверстныхъ разстояній русскихъ желѣзныхъ дорогъ. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.

Измайловъ, А. Е. Полное собраніе сочиненій въ трехъ томахъ. Съ портретомъ автора. М. Ц. за 3 т. 1 р. 50 к.

Каманинъ, И. и **М. Истоминъ.** Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ древнихъ актовыхъ книгъ кіевскаго центральнаго архива при универс. св. Владиміра. Вып. I. Кіевъ. 1890 г. Ц. 1 р.

Каринскій, М. И. Безконечное Анаксимандра. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Клаусенъ, Э. К. Краткій учебникъ огородничества, размноженія растеній и плодоводства, особенно юга Россіи. Ч. I. Огородничество. Спб. 1890 г. Ц. 20 к.

Ковалевскій, М. Законъ и обычай на Кавказѣ. М. 1890 г. Ц. за 2 т. 4 р.

Королевъ, О. П. Свѣтскія затѣи или Общество попеченія о бѣдныхъ. Оригинальная комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Съ иллюстр. исполнителей. М. 1890 г.

Кошельковъ, К. Предварительный курсъ физики. Ч. I. Новгородъ. 1890 г. Ц. 1 р.

*) **Кренке, В. Д.** О сельскомъ хозяйствѣ. Вып. II. Изд. 3-е, дополнен. и исправлен. Спб. 1890 г. Ц. 60 к.

Кудрявцевъ, В. Начальныя основанія философіи. Вып. II. М. 1890 г. Ц. 1 р. 20 к.

Куно-Фишеръ. Публичныя лекціи о Шиллерѣ. М. 1890 г. Ц. 1 р.

Курсаковъ, В. Справочная книжка для вольноопредѣляющихся. Спб. 1890 г. Ц. 60 к.

Лебедевъ, В. Славянскій переводъ книги Іисуса Навина по сохранившимся рукописямъ и Острожской библіи. Спб. 1890 г. Ц. 3 р.

Лебедевъ, Г. Учебникъ минералогіи. Часть описательная. Вып. I-й. Спб. 1890 г. Ц. 3 р.

Левицкій, Н. Справочная книжка по тактикѣ. Изд. 11-е. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Леоновъ, І., протоіерей. Сужденія и толки штундистовъ и опроверженіе ихъ. Кіевъ. 1890 г. Ц. 50 к.

Леонардовъ, Н. Набросокъ о дорогическихъ свинцовыхъ пломбахъ. Кіевъ. 1890 г. Ц. 40 к.

Либермейстеръ, К. О легочныхъ воспаленіяхъ и легочной чахоткѣ (Лекціи соврем. нѣмецк. клиницистовъ). М. 1890 г. Ц. 50 к.

Литература земельнаго кредита. Библіограф. указатель сочиненій, отдѣльно изданн. и помѣщен. въ повремен. изданіяхъ. Вып. I. Издан. Комитета съѣздовъ пред-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ставителей учрежд. рус. земельн. кредита. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Лубны-Парижъ. Поѣздка корнета М. В. Асѣева. Саратовъ. 1890 г. Ц. 40 к.

Львова, А. Д. (Шидловская). Поэмы и пѣсни. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Магницкій, В. К. Нравы и обычаи въ Чебоксарскомъ уѣздѣ. Этнографическій сборникъ. Казань. 1888 г. Ц. 30 к.

Максимовъ, С. Сибирь и каторга. Изд. 2-е, исправлен. и дополн. Спб. Ц. за 2 т. 5 р.

Марковъ, Евгеній. Путешествіе на Востокъ: Царьградъ и Архипелагъ. — Въ странѣ фараоновъ. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Марковъ, Н. Хронологическія таблицы къ исторіи русской литературы новаго періода. Вып. I-й. Елисаветградъ. 1890 г. Ц. 25 к.

Массальскій, В., кн. Винодѣліе въ Россіи. Спб. 1890 г. Ц. 50 к.

Матинскій, М. Опера комическая. С.-Петербургской Гостиный Дворъ. Перепечат. съ 1-го издан. 1791 г. Одесса. 1890 г. Ц. 75 к.

Мордовцевъ, Д. Л. За чьи грѣхи. Повѣсть изъ временъ бунта Разина. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Налимовъ, Т. Вопросъ о папской власти на Констанскомъ соборѣ. Спб. 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.

Настольный энциклопедическій словарь. Изд. А. Гарбель и Комп. Вып. 4-й. М. 1890 г. Ц. 30 к., на лучшей бумагѣ 40 к.

Наши государственные и общественные дѣятели. Сочиненіе автора „Современной Россіи“. Изд. 2-е. Спб. Ц. 2 р.

Никаноръ, архіепископъ. Бесѣда о христіанскомъ супружествѣ, противъ гр. Л. Толстого. Изд. 2-е, дополн. Одесса. 1890 г. Ц. 15 к.

Никитинъ, В. Н. „Несчастные“ (По поводу бывшаго тюремнаго конгресса). Спб. 1890 г. Ц. 50 к.

Никольскій, П. Микробы или яды? Популярный очеркъ новѣйшихъ открытій о причинахъ заразныхъ болѣзней. Спб. 1890 г. Ц. 30 к.

Н. Ф. Алексѣй Николаевичъ Верстовскій. Очеркъ его музыкальной дѣятельности. Съ портретомъ. Спб. 1890 г. Ц. 60 к.

Оболенскій, Л. Е. Опытъ примиренія науки и метафизики. (Основныя начала панфилософіи). Спб. 1890 г. Ц. 40 к.

*) **Одоевскій, В. Ѳ., кн.** Повѣсти. Книга III. („Дешевая Библіотека“). Спб. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

??!! Около женщинъ. Разсказы изъ жизни. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Пахарнаевъ, А. Краткій обзоръ Свода законовъ Россійской имперіи и правила для употребленія ихъ на практикѣ. Спб. Ц. 30 к.

П. Б. Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ на каѳедрѣ гражданскаго права въ военно-юридической акад. 1878—1885 г. Спб. 1890 г. Ц. 50 к.

Перфильевъ, М. О. Матеріалы для „хирургіи мозга“. Спб. 1890 г. Ц. 80 к.

Петровъ, А. Н. Война Россіи съ Турціей. Дунайская кампанія 1853—1854 гг. 2 т. Спб. 1890 г. Ц. за 2 т. 3 р.

Петровъ, Н. П. Опредѣленіе скорости поѣзда на желѣзной дорогѣ при возможномъ увеличеніи вѣроятности безопаснаго движенія. Спб. 1890 г. Ц. 60 к.

— Сравненіе условій движенія поѣзда по желѣзной дорогѣ одиночною и двойною тягою. Спб. 1890 г. Ц. 80 к.

Петросіанъ, А. Самоучитель татарскаго языка. Тифлисъ. 1890 г. Ц. 40 к.

Плещеевъ, Александръ. Петербургская грѣшница. Хроника-романъ столичной жизни. Изд. 2-е. Одесса. 1890 г. Ц. 50 к.

Побѣдинскій, Г. Гражданское судопроизводство въ окружномъ судѣ по уставамъ Императора Александра II въ принятыхъ судебною практикою формахъ. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Пономаревъ, И. Н. Тайны двухъ рынковъ. Романъ въ 4-хъ частяхъ. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Потѣхинъ, Л. А. Справочная книжка для пчеловодовъ. Спб. Ц. 50 к.

Практическій указатель города Москвы, съ планами московскихъ театровъ. М. 1890 г. Ц. 60 к.

Прейсъ, Н. П. О діэтетикѣ при леченіи сифилиса (Популярное изложеніе). Харьковъ. 1890 г. Ц. 40 к.

Рангадъ, Ж. Подъ волнами океана. Съ рисунками. Спб. Ц. 1 р.

Распредѣленіе атмосфернаго давленія на пространствѣ Россійской имперіи и азіатскаго материка на основаніи наблюденій съ 1836—1885 г. Критически обработанъ А. Тилло. Съ атласомъ картъ. (Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. Т. XXI). Спб. 1890 г. Ц. 7 р.

Рембрандтъ. Полное собраніе гравюръ со всѣми разницами въ отпечаткахъ; 1,000 фототипій безъ ретуши. Собралъ и привелъ въ порядокъ Д. Ровинскій. Одинъ томъ текста и атласъ въ 3-хъ т. въ листахъ. Спб. 1890 г. Ц. 125 р.

— **То-же** изданіе съ двумя атласами, изъ которыхъ второй расположенъ въ хронологическомъ порядкѣ по Миддлетону. Ц. 250 р.

Repetitorium по частной патологіи и терапіи внутреннихъ болѣзней. Кіевъ. 1890 г. Ц. 2 р.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Рубакинъ, Н. А. Опытъ программы для изслѣдованія литературы для народа. Спб. 1889 г. Ц. 25 к.

Русская военная сила. Очерки развитія выдающихся военныхъ событій. Вып. VII. М. 1890 г. Ц. 60 к.

Русская историческая библіотека, издаваемая Археографическою комиссіею. Т. XII. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Русскій уголовный процессъ (краткій курсъ). Элементарное и практическое руководство. Спб. 1890 г. Ц. 90 к.

Русскія древности въ памятникахъ искусства, издаваемыя графомъ И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Вып. III. Древности временъ переселенія народовъ. Съ 185-ю рисунк. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Рѣдкинъ, А. Начальный учебникъ французскаго языка (Метода Туссэна и Лангеншейдта). Спб. 1890 г. Ц. 75 к.

Рѣдкинъ, П. Г. Изъ лекцій по исторіи философіи права въ связи съ исторіей философіи вообще. Т. V. Спб. 1890 г. Ц. 3 р.

Сальмонъ. Аналитическая геометрія трехъ измѣреній. М. Ц. 3 р.

Самуиловъ, Вяч. Исторія аріанства на латинскомъ западѣ (353—430). Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ старинныхъ грамотъ и узаконеній Россійской имперіи касательно правъ и состоянія русско-подданныхъ караимовъ. Спб. 1890 г. Ц. 3 р.

Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Вып. III. Подъ редакціей Н. Дубровина. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. Акад. Наукъ. Т. 51. Спб. 1890 г. Ц 2 р.

Свѣдѣнія о внѣшней торговлѣ по Европейской границѣ за время съ 1-го января по 1-е іюля 1890 г. Спб. Ц. 50 к.

Свѣдѣнія о внѣшней торговлѣ по европейской границѣ за время съ 1-го января по 1-е августа 1890 г. Спб. Ц. 50 к.

Селезневъ, М. Т. Любопытные разсказы изъ 1812 г. Съ рисунками. М. 1890 г. Ц. 2 р.

Смирновъ, И. Н. Этнографія на Казанской научно-промышленной выставкѣ. Казань. 1890 г. Ц. 20 к.

— Юбилей Имп. Московскаго Археологическаго Общества и VII археологическій съѣздъ. Казань. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Снегиревъ, В. А. Метафизика и философія. Харьковъ. 1890 г. Ц. 80 к.

*) **Соллогубъ, В. А.** Повѣсти и разсказы 3 книж. Изд. 2-е. („Дешевая Библіотека“). Спб. Ц. 1-й кн. 20 к., 2-й и 3-й по 15 к.

Соловьевъ, Е. Т. Гражданское право. Очерки народнаго юридическаго быта. Вып. I. Казань. 1888 г. Ц. 1 р. 50 к.

Списки черниговскихъ дворянъ 1783 г. Черниговъ. 1890 г. Ц. 50 к.

Срезневскій, И. И. Матеріалы для словаря древнерусскаго языка по письменнымъ памятникамъ. Вып. I. Изд. Импер. Академіи Наукъ. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Старчевскій, А. В. Кавказскій толмачъ. (Переводчикъ съ русскаго на главнѣйшіе кавказскіе языки). Спб. Ц. 3 р.

Стояновъ, М. Развѣнчанная королева. Романъ изъ современной сербской придворной жизни. Спб. Ц. 1 р.

Строковскій, В. Токарное и слесарное ремесла. М. 1890 г. Ц. 1. р. 30 к.

Стэнли. Путешествіе въ пустыняхъ Африки. Перев. съ англійскаго. Съ рисунками. Спб. 1890 г. Ц. 75 к.

Сюзевъ, А. Луженіе и цинкованіе. М. 1888 г. Ц. 50 к.

— Производство жестяныхъ работъ. М. 1889 г. Ц. 1 р.

Тепловъ, В. Представители европейскихъ державъ въ прежнемъ Константинополѣ. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Тихомандрицкій, М. Разложеніе тригонометрическихъ и эллиптическихъ функцій на частныя дроби и въ безконечныя произведенія. Харьковъ. 1890 г. Ц. 40 к.

Толвинскій, А. И. Капитализація доходовъ. Вильна. 1890 г. Ц. 75 к.

Труды Общества для содѣйствія русской промышленности и торговли. Ч. 20-я. Спб. 1890 г. Ц. 3 р.

Туръ, Евгенія. Княжна Дубровина. Повѣсть въ 3-хъ частяхъ. М. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Мученики Колизея. Историческій разсказъ для дѣтей. М. 1890 г. Ц. 1 р.

Усовъ, В. А., инж. Очерки желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи и другихъ государствахъ земного шара. Вып. I. Спб. 1890 г. Ц. 10 р.

Файфъ, Ч. А. Исторія Европы XIX вѣка. Т. III. М. 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.

Фетъ, А. Мои воспоминанія. 1849—1889. 2 ч. М. 1890 г. Ц. за 2 т. 4 р.

---

*) Изд. А. С. Суворина.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ